
СТРИЖАМЕНТ
А
И Н
Историческое наследие
В. А. ПОТТО
КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА
том
1

Историческое наследие

СТРИЖАМЕНТ

Историческое наследие

литературно-художественное приложение к газете «Кавказский край»

выпуск I.

В.А.Потто

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

От древнейших времён до Ермолова

том

1

СТАВРОПОЛЬ
"КАВКАЗСКИЙ КРАЙ"
1994

ББК 63.3 (0) 5
П 64

Стрижамент
Историческое наследие
Литературно-художественное приложение
к газете "Кавказский край"

Выпуск первый

Основано 6 декабря 1990 года
Выходит 12 раз в год

ISBN 5-86722-108-3(т.1)
ISBN 5-86722-107-5

Издательская лицензия
ЛР № 060043

ВВЕДЕНИЕ

Перед читателем начало обширного труда, охватывающего историю всех событий кавказской войны с первых ее моментов до окончательного покорения Кавказа.

Автор не имел в виду написание специального военно-научного сочинения. Цель его - популяризировать историю кавказской войны, дать в общедоступном изложении ряд рассказов, легенд, эпизодов и биографий, расположенных в хронологическом порядке, которые могли бы вполне ознакомить не с внешней только стороной вековой кавказской борьбы, но и с внутренней, насколько эта последняя отразилась в легендах, солдатских песнях, в рассказах товарищей и тому подобное.

Автор не претендует сказать что-либо новое о кавказской войне. Его дело, потребовавшее много лет упорного труда, состояло почти исключительно в том, чтобы извлечь из забвения и связать в одно стройное изложение многочисленные, в разных местах разбросанные материалы, малодоступные для обыкновенного читателя.

Указание в самом тексте источников, которыми пользовался автор, в сильной степени увеличило бы объем книги. Важнейшие из них указываем здесь: Акты Кавказской Археографической Комиссии, сочинения о Кавказе Берже, Дубровина, Попки, Фадеева, Зиссермана, Короленко и другие. Исторические журналы: "Русская старина" и "Русский архив", "Военный сборник", газета "Кавказ" и другие периодические из-

дания, просмотренные автором с начала нынешнего столетия.

Целью автора было выдвинуть в его истории на первый план человека как важнейший элемент войны, его подвиги, его страдания, успехи и неудачи. Автор смеет надеяться, что его описание кавказской войны будет иметь военно-воспитательное значение, что выдвинутые им в яркой перспективе боевые предания Кавказа, примеры беззаветного мужества и честного исполнения долга перед отчизной не останутся без влияния на развитие духа доблестей в военном сословии, каковым по державной воле русского царя, со времени всеобщей воинской повинности, стал, в сущности, весь русский народ. Гуманные чувства, руководящие современными обществами, не должны исключать того военного духа, без которого - пока войны будут злом неизбежным - невозможна историческая жизнь народа и выполнение им его исторических задач.

КАВКАЗ

Кавказ! Какое русское сердце не отзовется на это имя, связанное кровной связью и с исторической, и с умственной жизнью нашей родины, говорящее о неизмеримых жертвах ее и в то же время о поэтических вдохновениях. Много ли есть русских семей, на которых Кавказ в долговременных войнах его не отразился бы невозвратной утратой, и кто же вспомнит об этой утрате иначе, чем с гордым сознанием исполненного долга перед великой отчизной, высылавшей своих сынов на горный рубеж Азии не на истребительское дело войны, а на вечное умиротворение края, с незапамятных времен бывшего ареной грозных столкновений народов. Кавказская война окончилась, великая цель достигнута. Но Русь, уже не тревожимая более громами постоянной войны, не забудет героев своих, обнаруживших на Кавказе беззаветное мужество и преданность родине, без которых немыслимо было бы покорение воинственного и природой защищенного края, покорение исторически необходимое, вынужденное настоятельными государственными потребностями России.

Достаточно вспомнить старую историю Кавказа, в незапамятные времена уже привлекшего к себе искателей золотого руна, достаточно беглого взгляда на географическое положение кавказского перешейка, лежащего между двумя морями и между юго-восточной Европой и юго-западной Азией - двумя главными путями, которыми азиатские народы совершали свои передвижения в Европу, чтобы понять тот фатум, который неизбежно рано или поздно приводил русский народ к столкновению с Кавказом. Недаром владычества над ним попеременно искали и оспаривали друг у друга многочисленные народы и государства: с запада - греки, македоняне, римляне, византийцы, наконец, турки; с юга - персы, арабы, монголы; с севера - скифы, аланы, готы, хазары, гунны, авары, половцы, печенеги, наконец, русские. Кавказ был ключом, без которого невозможно было овладеть обширными равнинами и запереть их от вторжений все новых и новых племен и народов.

Возраставший северный великан, русское государство, имел перед собой трудные задачи. Как племя, имевшее великое историческое будущее, русский народ, по историческому закону, о котором говорит основатель научной географии Риттер, естественно и неизбежно, хотя бы бессознательно, инстинктивно, должен был стремиться "к мировому морю", вообще на простор сношений с другими народами. Но север был суров и негостеприимен, и еще до Рюрика и Олега проложен был славянами путь в южные моря, "в греки". Но юг, к которому стремилось почуявшее свои силы Русское царство, представлял обширные степи, по которым невозбранно передвигались народы, не давая даже установиться границам Московской земли и держа в постоянной войне и опасности порубежное население. Возникшему отсюда единственному явлению людского мира, казачеству, естественно, предстояли те же задачи, что и всему русскому государству - найти границы, которые можно было бы защищать. Но вплоть до Кавказа - не было границ. И когда монгольские царства стали не повелителями Руси, а ее покоренными владениями, когда Русь овладела всей Волгой и дошла до Каспийского моря, казачество скоро утвердилось на восточном побережье Каспия, в приморском Дагестане, а затем под крепкой помощью и защитой

Московского царства провела линию городов и станиц, вечно вооруженных и готовых к защите, от одного моря до другого, и положила этим предел неожиданным и безнаказанным вторжениям в пределы России со стороны Кавказа.

Но Кавказ был населен воинственными, гордыми и свободолюбивыми племенами, осадками народов, поочередно занимавших подножия гор, и России предстояла еще вековая упорная борьба, из которой победителем мог выйти только народ и никакое государство. Казаки и другие войска, пришедшие туда, действительно и были всегда "не войском, делающим только кампанию, а скорее воинственным народом, созданным Россией и противопоставленным ею воинственным народам Кавказа", как сказал некогда один из блестящих военных писателей. Среди постоянной опасности и войны этот "войско-народ" десятилетиями закалялся в беззаветном мужестве, беспримерном в истории и напоминающем разве только римские легионы, посланные "вечным городом" внести римскую цивилизацию в леса и горы Германии и Британии, умирающие или достигающие своих целей, одинокие среди враждебных племен, распространяющие римскую власть и римскую мысль из какого-нибудь маленького укрепления.

Нужно сознаться, что русское общество, не только гражданское, но даже и военное, мало знакомо с величественной эпопеей кавказской войны, с тем духом сказочно-героических подвигов, который красной нитью проходит через всю вековую историю кавказского завоевания. Там сотня человек, мужественно противостоящая тысячам и побеждающая или умирающая до одного человека; там генерал, одним словом побуждающий на подвиги и дающий пример геройской смерти своим солдатам; там солдат, с трогательной простотой сознательно отдающий жизнь за общее дело и не подозревающий, что он совершает нечто необыкновенное. И этим духом были проникнуты не единицы, а вся масса кавказских войск.

"Тут прошли целые поколения героев, - говорит Соллогуб, - тут были битвы баснословные. Тут сложилась целая летопись молодецких подвигов, целая изучастная русская "Иллиада", еще ожидающая своего песнопевца. И много тут в горном безмолвии принесено безвестных жертв, и много тут улеглось

людей, коих имена и заслуги известны только одному Богу. Но все они, прославленные и незамеченные, имеют право на нашу благодарность".

Русский народ может гордиться кавказским солдатом, примером того, до какой высоты может подниматься нравственная сила русского человека. И если мы еще в детстве узнаем и учимся уважать имена героев древности, то не дороже ли для нас память наших собственных героев. Конечно, вся Россия знает таких людей, как князья Цицианов, Ермолов, Котляревский, но многим ли известны скромные имена Карягина, Гулякова, Монтрезора, Овечкина, Щербины и многих, многих других - людей, не высоких чинами, но великих своим героизмом и самопожертвованием.

Пусть лежащая перед читателем история кавказской войны увековечит память тех, чьи заслуги мы должны помнить и чтить.

I

КАВКАЗ ДО ПЕТРА

Сношения России с Кавказом начинаются с отдаленнейших времен нашей истории, когда, по выражению поэта, мы "Византию громили и с Косогов брали дань..."

Летописи рассказывают нам о грозных битвах Святослава на берегах Кубани, о единоборстве Мстислава с черкесским князем Редедей, о браке сына Андрея Боголюбского с Тамарой. Но, минуя эти сказания седой старины, мы должны перейти прямо к тем исторически достоверным известиям о Кавказе, которые появляются в первый раз только в царствование Ивана Третьего и его внука Грозного.

Известно, что в XVI веке Каспийское море и Волга связывали в один политический мир все мусульманские царства, лежавшие по этому бассейну от Персии до устьев Оки. Когда русский народ окончательно разорвал монгольские цепи и стал на развалинах царств Казанского и Астраханского, он захватил в свои руки многоводную Волгу, а Волга, естественно, должна была вывести его в пустынное Каспийское море. Это море было тогда без хозяина, не имело даже у себя кораблей, но по берегам его стояли многолюдные города и жили промышленные и богатые народы. Тем временем русское казачество, стремившееся все к новым и новым окраинам, скоро поставило там свои передовые форпосты и проникло далеко за Терек, в самую землю *шавкала,* или *шевкала,* как называли у нас тогда *шамхала* тарковского, владельца большой части Дагестана, прилегающей к западным берегам Каспийского моря.

Поводом к этому послужило следующее обстоятельство, как рассказывает об этом историк Терского войска.

Когда великий князь московский Иван Третий - собиратель русской земли - разгневался на молодечество рязанских казаков и пригрозил им наказанием, казаки Червленного Яра поднялись большой станицей, сели на струги с семьями и животами и выплыли весенним половодьем на Дон, оттуда перебрались в Волгу и пустились к недосягаемому московской погоней убежищу - к устьям Терека. В этом глухом уголке восточного Кавказа существовало тогда полуторговое, полуразбойничье местечко Тюмень, о котором будет сказано ниже. Не подлежит сомнению, что удалая станица Червленного Яра направлялась именно к этому притону, но предание не объясняет, по каким обстоятельствам она там не осела, а двинулась вверх по Тереку к пятигорским черкесам, нынешним кабардинцам, вступила с ними в тесный союз и поселилась в предгорьях Кавказского хребта, там, где впадает Аргуна в Сунжу. С этого времени первые русские поселенцы на Кавказе становятся исторически известными под именем гребенских, то есть горных казаков. Московскому государству было небезвыгодно поддерживать своих колонизаторов. К тому же единоверная Грузия молила московского царя о помощи. Кабардинцы, верные союзники наши во всех походах против крымского хана, также просили о принятии их в московское подданство, а брак московского царя с черкесской княжной Марией Темрюковной еще более упрочивал эти взаимные дружественные связи. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, московскому царству было естественно хлопотать о распространении своего торгового и политического господства в Кавказском крае. Существует предание, что царь Иван Васильевич Грозный допустил к себе приезжавших с Терека в Москву гребенских стариков и уговаривал их жить в мирном согласии, обещая пожаловать за это Тереком. Вот как рассказывает об этом событии одна старинная казацкая песня:

Не серые гуси в поле гогочут,
Не серые орлы в поднебесьи клокочут,
То гребенские казаки перед царем гуторят,
Перед грозным царем Иваном Васильевичем.

Они самому царю-надеже говорят:
"Ой ты батюшка наш православный царь,
Чем ты нас подаришь, чем пожалуешь?"
"Подарю я вас, казаченьки, да пожалую
Рекой вольной, Тереком-Горынычем,
Что от самого гребня до синя моря,
До синего моря до Каспийского".

По приказанию царя поставлена была тогда на Тереке, при впадении в него Сунжи, Терская крепость, и царь, отдавая ее гребенцам, повелел им "служить свою службу государскую и беречи свою вотчину кабардинскую". Все это были факты далеко не утешительные для тогдашнего мусульманского мира. Восточные историки говорят о паническом страхе, обуявшем мусульман каспийского побережья, когда они узнали о падении Казани и Астрахани. Связанные близкими сношениями с этими странами, они с минуты на минуту ожидали собственной гибели - и были правы. Если уже казацкие атаманы распоряжались тогда как хотели по всему каспийскому побережью, то для московского царя не было бы слишком мудреным делом покорить расположенные на нем мусульманские царства.

К сожалению, скоро наступили мрачные дни царствования Иоанна Грозного, и русские интересы на Кавказе отошли на некоторое время в сторону. Правда, в это время русские все-таки вышли к Каспийскому морю, но ограничились уже только тем, что при устьях Терека заложили укрепленный городок Тюмень, или Терки. И это было опять казацкое дело.

Предание говорит, что три атамана донских и волжских казаков, навлекших на себя царскую опалу, в 1579 году совещались в низовьи Волги, куда им укрыться от царского гнева. Старший из них, Ермак Тимофеевич, потянул на север, к именитым людям Строгановым, и сделался завоевателем царства Сибирского, остальное казачество выплыло в море и, разбившись на два товарищества, направилось к Яику, а большинство - к тому же Тереку, в глухое приволье тюменского владения, где с давнейших пор заведен был разбойничий притон для всех воровских казаков. Там они остановились и построили свой трехстенный городок, названный Терки, куда и стали собирать к себе кабардинцев, чеченцев, кумыков и даже черкесов. Разноплеменная смесь всех этих элементов

впоследствии и образовала из себя правильное Терское войско. В то время как казаки укреплялись в Терках, основанная царем Терская крепость на Сунже вскоре была уничтожена в угоду турецкому султану, но дело от того, в сущности, не изменилось, так как место, где она стояла, продолжало служить постоянным притоном бродяг и удальцов, селившихся здесь без ведома царя и занимавшихся разбоями. Впоследствии они испросили себе прощение Ивана Грозного и, присоединившись к Терскому войску, обязались охранять наши пограничные владения.

С этих пор мысль о господстве на Кавказе становится как бы наследственной в русской истории. Даже мирный царь Федор продолжал политику своего отца. Он восстановил Терскую крепость при Сунже и думал заложить новую крепость Койсу, уже на самом Сулаке, под видом ограждения наших владений, а в сущности, с тем, чтобы угрожать самому шамхалу, бывшему непримиримым врагом иверийского царя Александра.

В 1586 году послы этого царя были в Москве и "били челом, чтобы единственный православный государь принял их народ в свое подданство и спас их жизнь и душу". Москва и Иверия согласились тогда действовать вместе, чтобы сделать шамхалу "великое утеснение", отняв у него столичный город Тарки и посадив туда на шамхальство Александрова свата.

Весной 1594 года русское войско, собранное в Астрахани в числе двух тысяч пятисот человек, под начальством воеводы Хворостина, двинулось на Терек и, усилившись здесь терскими и гребенскими казаками, пошло на реку Койсу. Эта Койса, нынешний Сулак, и была назначена пунктом для соединения с иверийским войском.

Шамхал с тарковцами, кумыками и ногайцами встретил русских на реке Койсе, но не удержал переправы и отступил к Таркам. Город Тарки, расположенный амфитеатром по скату скалистой горы близ берега Каспийского моря, не имел особенно сильных укреплений, и взять его не стоило русским большого труда. Но удержаться в нем было трудно. Шамхал был сторонником выжидательного способа ведения войны и следовал дагестанскому правилу "ловить скорпиона за хвост". Воевода начал укреплять Тарки. Но от усиленных работ в жаркие летние дни

и от недостатка продовольствия в его войсках начали развиваться лихорадки. Шамхал держал русских в блокаде, сперва широкой, а потом более и более тесной. Встревоженный Дагестан каждый день высылал к нему новые подкрепления, и наибольшую поддержку давал при этом сильный аварский хан, находившийся в родстве с тарковскими шамхалами. Осажденные изнурялись в постоянных битвах, и все ждали прибытия грузинской рати, но она не приходила, а что еще важнее - не являлся сват кахетинского царя, которого следовало посадить в Тарках на шамхальство. Храбрый воевода, видя себя в безнадежном и бесцельном положении, решился наконец бросить свое завоевание и отойти обратно на Терек. Но отступление, в виду громадных неприятельских скопищ и с большим числом своих больных и раненых, которых нельзя было бросить, требовало чуть ли не большей решимости и отваги, чем наступательное движение в глубину незнакомых гор. Составили совет, на котором не долго спорили, и выступили скрытно ночью, бросив в добычу лукавому "шавкалу" все лишние тяжести. Благодаря азиатской сонливости врагов, воеводе удалось уйти на довольно большое расстояние. Но та же темнота осенней ночи, которая оказала покровительство началу похода, явилась предательницей для его продолжения. Проглянувшая в тумане предрассветная луна показала роковую ошибку: отряд сбился с дороги и зашел к болотистому низовью речки Озени. Гребенцы бросились во все стороны и отыскали ногайский кош, из которого привели мальчика-пастуха, не успевшего спрятаться вместе со взрослыми. Пока с его помощью выбирались на чистую дорогу, наступил день. Отступавших стали настигать толпы неприятельской конницы, которая с разных сторон завязывала бой с визгом и криком, а вдали, позади нее, в грозном безмолвии поднимались облака пыли от тяжело двигавшихся главных сил шамхаловой рати. Отбивая наседавшую конницу, русские ускоряли ход и бросали тяжелый наряд и повозки. Бросали и тяжелобольных и раненых. Тарковцы и аварцы накидывались на них, как голодные волки, и их отчаянные вопли надрывали сердца московских ратников. В полдень надвинулась вся сила басурманская. Нападение вели муллы с поднятыми над головами свитками и с завыванием

огненных стихов из Корана. Русские упорно отбивались, то останавливаясь и строясь "в кольцо", то вновь двигаясь и устилая путь каждого перехода телами убитых и раненых, своих и неприятельских. Только на закате солнца русским удалось добраться до Койсу, где наступившая ночь и обоюдное истощение сторон прекратили битву. Воевода Хворостин пережил свое несчастие и привел обратно на Терек едва четвертую часть своего отряда.

"Было ясно, - говорит историк Соловьев, - что Московское государство в конце XVI века еще не могло поддерживать таких отдаленных владений, но тем не менее царь Федор принял тогда же титул "государя земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей".

Царь Борис не хотел оставить дела, начатого Федором Иоанновичем, и, спустя десять лет, в 1604 году, вновь двинул на Терек сильные полки из Казани и Астрахани с воеводами Бутурлиным и Плещеевым. Опять условлено было с иверским царем, чтобы его грузинская рать выслана была на соединение с русской для совместного действия, и опять грузины не пришли, потому что были взяты шахом на его "кизилбашскую службу". Тем временем русские воеводы с десятитысячным отрядом выступили от устьев Терека и, подвигаясь твердым шагом на Тарки, поставили крепости на Сулаке и Акташе. Отдельные части отряда производили поиски в Эндери, Исти-Су и по другим направлениям, забирая у жителей хлеб, скот и корм для коней. Кумыкская плоскость, казалось, была вся во власти русских, но более воинственное население уходило к шамхалу под Тарки с враждой и злобой за причиненное ему разорение. Тогдашний шамхал, этот Митридат для московских воевод, уклонялся от полевых действий и сосредоточивал свои силы в Тарках, оборона которых была приведена им в лучшее положение, благодаря указаниям, оставленным Хворостиным.

Прождав бесполезно долгое время подкреплений, обещанных из Грузии, воеводы подошли наконец к шамхаловой столице и, разделившись на две колонны, повели приступ. Старый Бутурлин, славившийся своей доблестью, шел со стрельцами; Плещеев - с боярскими детьми и казаками: донскими, яицкими, терскими и гребенскими. Перед штурмом войска целовали крест

и выслушали речь, в которой напоминалось им о костях братьев, здесь полегших, и о русской крови, вопиявшей об отмщении. И стрельцы, и боярские дети, и казаки пошли на приступ с воодушевлением и овладели городом. Городские улицы и площади были устланы неприятельскими телами, а сам шамхал бежал к аварскому хану. Этот шамхал был уже дряхлый старик, почти лишившийся зрения, и потому, удалившись в столь трудную годину от дел, предоставил теперь шамхальствовать и действовать против русских сыну своему Султан-Муту, славившемуся военными способностями.

Овладев Тарками, Бутурлин стал возводить новую крепость. Наступившее позднее время года скоро, однако, приостановило работы, а недостаток жизненных припасов заставил воеводу отпустить половину стрелецких полков на зимовку в Астрахань. Войско, оставшееся в Тарках, должно было испытать в продолжение зимы многие лишения, а между тем предприимчивый Султан-Мут успел поднять весь Дагестан. Чтобы возбудить и население Кумыкской плоскости, он двинулся с громадным скопищем на русский острог, поставленный на Сулаке. Стоявший здесь с небольшим отрядом князь Владимир Долгоруков, не имея запасов, чтобы выдержать осаду, зажег свое деревянное укрепление и отступил к Тереку. Тому же примеру последовал и острожек на Акташе. Ободренный таким успехом, шамхал подступил со всей своей силой к Таркам и требовал, чтобы воеводы, очистив его столицу, также отошли на Терек. За последовавшим со стороны воевод отказом начались жестокие битвы. Неприятельской рати собралось из кумыкских владений, аварских и других лезгинских обществ более двадцати тысяч, но, не довольствуясь этим, новый шамхал обратился за помощью к туркам и ждал прибытия их вспомогательного отряда из Дербента. Воеводы, хотя и тревожились возможностью столкновения с турками, не бывшими в войне с Московским государством, но продолжали твердо отстаивать свое завоевание. Наконец часть крепостной стены, за которой дрались русские, была разрушена, а вслед за тем и каменная башня, взорванная осаждающими, взлетела на воздух, похоронив под своими развалинами лучшие дружины московских стрельцов. Еще не смолк гул этого

страшного взрыва, как Султан-Мут уже повел свою пехоту на приступ. Русские не дрогнули и отбили нападение со страшным для неприятеля уроном. Однако же и сами они потеряли много людей. Истощенные стороны решились наконец вступить в переговоры. Русские воеводы требовали, чтобы шамхалова рать отошла от Тарков и дала им свободное отступление за Сулак, не поднимая оружия; чтобы шамхал принял на свое попечение тяжелобольных и раненых, которых придется покинуть в Тарках, а по выздоровлении отпустил бы их в Терки; наконец, чтобы в обеспечение договора он дал воеводам в аманаты своего сына, который последовал бы с русским войском в Терки и находился бы там, доколе последний русский человек не будет отпущен из Тарков.

Соглашаясь на эти условия, шамхал, со своей стороны, потребовал, чтобы воевода Бутурлин оставил ему в заложники сына, который находился при нем и выдавался своим удальством из всех боярских детей, и чтобы русские не ходили никогда большой войной на Тарки. После решительного отказа Бутурлина принять эти два предложения шамхал от них отступился, но остальной договор утвердил и сына в аманаты выдал.

Оставив всех своих тяжелобольных и раненых на попечение шамхальцев, русские выступили из Тарков с песнями, с грохотом бубнов и потянулись беспечно к Сулаку. На радости прошла по рядам лишняя чарка зелена вина. "Мы, - говорит историк Терского войска, - смягчаем в этом месте кумыкское сказание, которое выражается сильнее, но пускай его выражение будет преувеличением". У дагестанцев был также праздник - день байрама. В шамхальском стане целое утро раздавалась пальба, завывали молитвенные азамы, в дополнение которых имамы сочли приличным украсить великий праздник правоверных достойным ислама делом - разрешением шамхала и его сподвижников от клятвы, данной неверным.

С объявлением этой дагестанской индульгенции последовал шамхальский приказ: взамен военных игр, сопровождающих празднование байрама, произвести внезапное нападение на отступающих русских на первом же привале и вырезать их до ночи. Случилось, что в этот же день шамхал праздновал свой брак с

дочерью аварского хана. К свадьбе, по обычаю, приготовлены были сотни тулуков бузы, которой надлежало угостить всю двадцатитысячную рать, стянувшуюся к Таркам на выручку шамхала. Вся эта сила, разделенная на несколько частей, двинулась укромными местами вслед за русскими и неожиданно ринулась на них со всех сторон, когда они, перейдя речку Озень, расположились нестройно на привал и беззаботно варили кашу. Вдохновленные хмелем свадебной бузы, неприятельские наездники врезались в русские ряды, не дав им устроиться и воспользоваться преимуществом, которое давал им "огненный бой". Смятение увеличивали все новые и новые неприятельские толпы, стремившиеся одна за другой с длинными кинжалами в руках. Бой был рукопашный; русские сбивались в кучу, не сдавались на делаемые им предложения и резались отчаянно, пока не падал последний человек, "боясь, - как говорит летописец, - не смерти, а плена". Костековское предание, принося дань удивления их твердости, между прочим рассказывает, что воевода Бутурлин, седобородый богатырь, видя неминуемую гибель русской рати, собственноручно изрубил шамхалова аманата в куски, но то был подставной аманат, совсем не шамхалов сын, а какой-то преступник, приговоренный к виселице и только этим подлогом купивший себе помилование. Рассказ вполне вероятный, потому что такие же подлоги с аманатами совершались часто и в ближайшее к нам время.

Почти все московское войско и оба воеводы, Бутурлин и Плещеев, полегли в этой адской свалке, продолжавшейся благодаря русской стойкости несколько страшных часов. Но и дагестанцы понесли весьма чувствительные потери убитыми, в числе которых был и сам шамхал Султан-Мут, прославившийся военными подвигами в походах на Грузию. Бесполезно прибавлять, что покинутые в шамхальской столице несчастные больные и раненые русские погибли мучительной смертью и терзаемые по улицам не только мужчинами, но даже малыми детьми и старыми женщинами.

Так закончился этот несчастный, хотя и славный для побежденных поход, стоивший нам от шести до семи тысяч воинов и на целые сто восемнадцать лет изгладивший все следы российского пребывания в землях собственно Дагестана.

На Руси между тем наступила смутная пора самозванцев, и русским уже некогда было думать об отмщении шамхальцам за кровь Бутурлина и за обиду Московскому царству. Даже казацкая вольница, тянувшаяся в ту пору к самозванцам и не встречавшая уже в московском царе грозного карателя, от гнева которого нужно было подчас уходить, забыла о Кавказе, и только те казацкие поселения, которые возникли там прежде, стойко держались не только на Тереке, но даже за Тереком, откуда никакие силы чеченцев и кумыков не могли их выбить. Так продолжалось дело почти до Петра Великого. Существует, впрочем, факт, говорящий о том, что понизовая вольница не совсем еще забыла проторенную дорожку в дагестанские горы и в эти времена. Есть предание, что в царствование Алексея Михайловича, около 1769 года, знаменитый волжский атаман Стенька Разин приплыл на стругах к берегам Дагестана и произвел такой погром в шамхальских владениях, который живет и поныне в памяти прибрежных жителей. Пытался Степан Тимофевич добраться тогда до самого шамхала, засевшего в крепких Тарках, и пробовал даже брать его приступом - да неудачно: тарковцы отбились. Три дня грабил атаман окрестности города, а затем сел на струги и уплыл громить Персидское царство.

Собственно же русская государственная политика на Кавказе была надолго парализована смутным временем. При первых Романовых Московское государство не стремилось к господству на Кавказе, даже сношения с единоверной Грузией, служившей постоянным поводом к кавказским столкновениям, приняли совершенно иной характер. Напрасно грузинский царь Теймураз слал послов за послами в Московскую землю. Царь Михаил Федорович, занятый строением своего государства, не хотел мешаться в чужие дела, а Грузия между тем стояла на краю гибели. Великий шах Аббас - этот Лев Ирана, как называют его летописи, - вторгся в Кахети, и цветущая страна обращена была в развалины; он залил ее кровью и спалил ее города, села, монастыри и церкви. Христианство было поругано. Персияне, заставая в церквах проповедников Христа, сжигали их тысячами. Царь должен был бежать в Имеретию. Не скоро оправилась Грузия от этого погрома, а когда оправилась, и царь Теймураз снова овладел престолом,

взоры ее опять обратились к единоверной России. Московским царством правил в то время уже Алексей Михайлович. Занятый польской войной, царь не мог удовлетворить желаниям грузинских послов, просивших помощи. Тогда Теймураз решился сам предпринять путешествие и прибыть в Москву, где его приняли радушно, но в помощи ему опять отказали.

Так говорит нам история. Существует, однако, легенда, созданная грузинским народом, которая утверждает иное. Предание это рассказывает, что когда шах Аббас, повелитель Ирана, в начале XVII века вломился в Грузию и завладел всей Кахетией и большей частью Картли, тогда на помощь грузинскому царю, укрывшемуся с остатками разбитых войск на крепкой позиции около Мцхета, явилась русская подмога с бе-регов Днепра и Терека. Легенда приурочивает это со-бытие ко времени царствования у нас Алексея Ми-хайловича и придает стрелецкому воеводе и казацкому атаману такие характерные, чисто народные русские черты, которые переносят вас совершенно в иной мир, нежели Грузия, и заставляют верить в действительность того, что создано, быть может, только народной фан-тазией. Так, во время последний битвы, освободившей Грузию от нашествия иранского завоевателя, воевода обращается к стрельцам со словами: "Ребята! Ляжем костьми на месте и не положим бесславия на русское имя по заветному слову наших отцов: мертвые срама не имут". Атаман же говорит своему товариществу: "Утекать, братцы, некуда - сами видите. До Днепра далеко, да там же нет у нас ни жен, ни детей - плакать будет некому. Так уж коли не то, так сложим головы добрым порядком и не покажем бусурманам прорех и заплат на спинах казацких".

В словах русского воеводы характерен не один только склад чисто русского ума, в его уста легенда вкладывает и то "заветное слово отцов наших: мертвые срама не имут", которое занесено в русские летописи, но едва ли могло быть известно грузинам. Не дышат ли, с другой стороны, и слова казацкого атамана той чисто казацкой удалью и бездомностью, тем удивительным и характерным презрением к благам земным, которые так свойственны были казакам и здесь выражаются словами о "прорехах и заплатах на спинах казацких".

Легенда прибавляет, что воевода отошел на Терек с великой честью, казаки же пустили пики за плечо, затянули песню не то веселую, не то заунывную и отправились напрямик, без всяких дорог, "пошарпать" приморские области Персии.

Кто были этот воевода стрелецкий и атаман казацкий и откуда они приходили - предание не говорит. История, быть может, также никогда не узнает этого. Несомненно одно, что внутренняя, духовная связь между Москвой и Грузией не прекращалась и побуждала грузинский народ во дни его бедствий включать русскую помощь там, где ее в действительности, быть может, и не было. Тяготение Грузии к единоверной Москве - факт далеко не случайный. Ее совершившееся впоследствии присоединение к России и непосредственно связанная с ним борьба России с кавказскими горцами уже виднелись в туманной дали грядущих событий.

II

ПЕТРОВСКИЕ ПОХОДЫ

Император Петр с удивительной проницательностью угадывал все те задачи, которые предстояли России в будущем по ее географическому положению и по историческому прошлому. Прорубая окно в Европу, вводя в страну совершенно новые отношения к европейскому образованию, Петр предвидел и ту громадную роль, которую пришлось впоследствии играть великой империи на дальнем азиатском Востоке. Его политика в Средней Азии, стремившаяся к открытию новых торговых путей с богатой Индией, положила начало всем нашим последующим действиям в Азии. Кавказ представлял первую этапную станцию на этом великом пути развития русских интересов в азиатских странах, и Петру скоро представился повод обратить на него серьезное внимание.

Мы видели уже, что внутренние дела Московского царства надолго уничтожили влияние его на Кавказе, и только казацкие станицы удержались на Тереке и даже за Тереком. Но и им приходилось отстаивать свое существование постоянной упорной борьбой, в которой шансы не всегда бывали на их стороне. Так, в 1707 году, Терскому войску пришлось испытать страшный погром от кубанского хана Каиб-султана. С огромным скопищем он напал на казацкие городки и разорил их до основания; множество терцев при этом было убито, еще большее число захвачено в плен. Остатки войска, однако же, удержались на

Тереке, а спустя пять лет сюда же, на левый берег реки, переведено было, уже по приказанию царя, все Гребенское войско, жившее на Сунже. Оно образовало на Тереке пять новых станиц, известных и до настоящего времени своим богатством и многолюдностью. Это были станицы Червленная, Щедринская, Новогладковская, Старогладковская и Курдюковская.

Поводом к этому переселению послужили следующие обстоятельства. Во время несчастного для нас прутского похода царь Петр Алексеевич приказал казанскому и астраханскому губернатору Петру Матвеевичу Апраксину идти на Кубань, чтобы, с одной стороны, развлечь этим движением турецкие силы, а с другой - наказать татарские племена, делавшие набеги на наше Поволжье. Апраксин в августе 1711 года дошел до Кубани и, разослав свои войска вверх и вниз по течению реки, в несколько дней исполнил возложенное на него поручение, донеся Петру, что он полонил, разорил и пожег все кубанские татарские жилища и забрал у них много богатства, добычи и полону.

На обратном пути домой Апраксин узнал, что двадцать татарских мурз со своими войсками, под общим начальством Чан-Араслана, идут из Саратовского и Пензенского уездов, где грабили и разоряли русские села. Апраксин отрядил против них калмыцкого хана, который отбил весь русский полон и нанес татарам такое поражение, что из трех тысяч всадников остались в живых только один мурза и два простых татарина. Страшное поражение татар подняло на ноги все Закубанье. Семь тысяч кубанцев и черкесов, под начальством Нурадин-султана, кинулись в погоню за Апраксиным и настигли его пятого сентября на реке Чаны. Закипела ужасная сеча, татары снова были разбиты. Калмыки преследовали их за Кубань и возвратились с несметными стадами - до полумиллиона голов. Петр приказал отдать им эту добычу за верную службу.

Во время этого похода губернатор Апраксин впервые узнал кабардинцев и гребенских казаков. Как те, так и другие с великой охотой ходили с ним на Кубань и сослужили ему добрую службу. Тут познакомился он также с положением дел в Кабарде и в крепости Терки. Тыл этой крепости, по низовьям Терека до моря, был достаточно прикрыт терскими

казаками, но такого же прикрытия в противоположную сторону, по направлению к Кабарде, не было. Апраксин превосходно понял, что такое прикрытие могло бы образоваться из гребенских казаков, если бы это храброе войско, наверстывающее свою немноголюдность превосходными боевыми качествами, не сидело особняком в уединенном мысу между Тереком и Нижней Сунжой. Надо полагать, что придуманная Апраксиным мера не была противна и собственным видам гребенцев, потому что они беспрекословно приняли предложение его и в том же году переселились на Терек, где поставили в линию пять своих городков в том самом порядке, как они существуют доныне.

Таким образом, казанский и астраханский губернатор Петр Матвеевич Апраксин должен считаться первым основателем Терской кордонной линии, из которой и "развернулась потом от моря до моря Кавказская линия, прославленная столькими подвигами, проходящая сияющей полосой, как млечный небесный путь, через всю историю кавказской войны в текущем столетии". Так выражается историк Терского войска.

С заключением Прутского мира, когда Россия вынуждена была уступить Турции обратно Азов, этот ключ к Черному морю, Петр перенес свои любимые помыслы на каспийское побережье и решился предпринять исследование восточных берегов этого моря, откуда предположил искать торговый путь в Индию. Исполнителем этой могучей мысли был избран им князь Александр Бекович-Черкасский. В 1716 году Бекович отплыл из Астрахани и начал сосредоточивать сильный отряд близ самого устья Яика.

С Кавказа назначены были в этот поход конный пятисотенный полк гребенских и часть терских казаков, преимущественно из инородцев. Они прибыли в Гурьев-городок и здесь долго простояли в бездействии, так как князь Бекович ездил выбирать опорные пункты на Каспийском море и устраивал укрепления св. Петра, Александровское и Красноводское, поставленные им у мыса Тюп-Караган и у входа в Александровский и Балханский заливы, как на местах более удобных для сообщения с Астраханью.

Только утвердясь таким образом на восточном

берегу Каспийского моря, русские войска вышли из Гурьева в июне 1717 года и двинулись по необъятным и неведомым среднеазиатским степям по направлению к Хивинскому царству. На дороге, у плотин, заграждавших течение Амударьи к каспийскому бассейну, требовалось остановиться, чтобы устроить городок и произвести некоторые сооружения, долженствовавшие возвратить древнему Оксусу славное некогда течение его к морю Хвалынскому. В народе жило предание, что среднеазиатские ханы отвратили это течение, носившее великие богатства, к пустынному морю Аральскому именно для того, чтобы не дать Руси пробраться в глубину неведомого мира азиатских пустынь.

С такой богатырской миссией князь Бекович-Черкасский шел шесть недель по голодной и безводной степи, сделал до тысячи четырехсот верст и ценой невообразимых лишений достиг наконец озер, образуемых плотинами Амударьи. До этого места только киргизы и туркмены сделали на русских два больших нападения, но едва русский отряд остановился на берегу Амударьи для короткого отдыха, как сам хивинский хан Шир-Гази появился перед ним с многолюдной ратью, конной и пешей, и начал биться "пищальным и лучным боем", продолжавшимся три дня. Казаков за окопами было побито не больше десяти человек, а нападавших хивинцев с киргизами и туркменами полегло больше тысячи. На четвертый день хан вступил в мирные переговоры и клялся на Коране, чтобы против русских не поднимать оружия и быть во всем им послушным. Но едва Бекович, поверивший этой клятве, принял предложение хана посетить Хиву и разделить весь отряд на несколько частей для лучшего снабжения продовольствием, как вероломные хивинцы предательски напали на русских и по частям истребили отряд до последнего человека. Сам Бекович-Черкасский погиб мучительной смертью: с него сняли кожу и, сделав из нее чучело, выставили на позор над городскими воротами.

Пятьсот отборных гребенских бойцов и большая часть терских казаков погибли тогда в руках полудиких варваров, или под ударом предательского ножа, или в цепях тяжкого рабства. Сотни семей осиротели на Тереке, и памятником этого остаются в гребенских городках до сих пор своеобразные

фамилии, данные оставшимся при вдовах мальчикам по именам их отцов: Семенкин, Федюшкин и тому подобное. Осенью того же 1717 года четверо случайно ушедших пленных - яицкий казак Емельянов, татарин Алтын, гребенский казак Белотелкин и вожак похода туркмен Ходжа-Нефес - перед сенатом и в присутствии самого царя передали, что видели и знали о несчастном конце азиатского похода. Еще известны два станичника, которым, и то уже через многие годы, также удалось вернуться на родину. То были Червленного городка казак Иван Демушкин и Щедринского городка - Петр Стрелков. (Последнего до самой смерти звали Хивинцем, и это прозвище унаследовали и его дети). Оба они, переходя от одного бусурманского хозяина к другому путем продажи, попали, наконец, в Персию, откуда и убежали уже в старости.

Вот как рассказывал об этом несчастном походе Демушкин.

"До Амударьи, - говорил он, - киргизы и туркмены сделали на нас два больших нападения, да и мы их оба раза как мякину по степи развеяли. Яицкие казаки даже дивовались, как мы супротив их длинных киргизских пик в шашки ходили. А мы как понажмем поганых халатников да погоним по-кабардинскому, так они и пики свои по полю разбросают; подберем мы эти шесты оберемками, да и после на дрова рубим и кашу варим...

За один переход от Хивы хан наконец замирился и просил остановить войска, а самого князя звал в гости в свой хивинский дворец. Собравшись ехать к хану, Бекович взял с собой наших гребенских казаков триста человек, у каких еще были лошади, и мы отправились, прибравшись в новые чекмени и бешметы с галуном, а коней поседлали наборной сбруей. Хива город большой, обнесенный стеной с каланчами, да только улицы в ней очень уж тесные. У ворот нас встретили знатнейшие хивинские вельможи; они низко кланялись князю, а нам с усмешкой говорили: "Черкес-казак якши, рака будем кушай". Уж и дали же они нам раки, изменники треклятые, трусы подлые, что умеют бить только лежачего. Справивши почетную встречу, повели они нас в город, а там у них были положены две засады за высокими глиняными заборами. Уличка, где эта

ловушка была устроена и по которой мы шли, была узенькая и изгибалась, как змея, так что мы проезжали по два да по три коня, и задним совсем не было видно передних людей за этими кривулями. Как только миновали мы первую засаду, она поднялась и запрудила дорогу, и начала палить из пищалей. Наши остановились и не знают: вперед ли, назад ли действовать, а в это время показались новые орды с боков, и давай в нас жарить с заборов, с крыш, с деревьев и из окон домов. Вот в какую западню мы втюрились. И не приведи Господи, какое там началось побоище: пули и камни сыпались на нас со всех сторон, и даже пиками трехсаженными донимали - вот как рыбу, что багрят зимой на Яике. Старшины и пятидесятники с самого начала крикнули: "С коней долой, ружья в руки!", а потом все подают голос: "В кучу, молодцы, в кучу!" А куда в кучу, коли двум-трем человекам с лошадьми и обернуться негде врастяжку, да и бились же не на живот, а на смерть, поколь ни одного человека не осталось на ногах. Раненые, и те отбивались лежачие, не желая отдаваться в полон хивинцам. Ни один человек не вышел тогда из треклятой трущобы: все там полегли, а изверги издевались даже над казацкими телами, отрезали головы и, вздевши их на длинные пики, носили по базарам. Самого Бековича схватили раненого, поволокли во дворец и там вымучили у него приказ к отряду, чтобы расходился малыми частями по разным аулам. А когда войска разошлись таким глупым порядком, то в ту пору хивинцы одних побили, других разобрали по рукам и повернули в Яссыри. С самого Бековича, после лютых мук, с живого содрали кожу, приговаривая: "Не ходи, Девлет[1], в нашу землю, не отнимай у нас Амударьи-реки, не ищи золотых песков..."

Народная легенда прибавляет, что даже Терек-Горыныч, слушая простодушный рассказ вернувшегося из плена гребенца, вдался в порыв отчаянной горести. "По ком плачешь, Терек-Горынович?" - "По гребенским моим по казаченькам. Как-то я буду за них ответ держать перед грозным царем Иваном Васильевичем!"

---

[1]Князь Бекович-Черкасский был родом из кабардинских князей и до Святого Крещения носил имя Девлет-Гирея. *(Здесь и далее прим. авт.).*

Так рассказывал о злополучном, но беспримерно смелом походе очевидец и соучастник его. Старые люди прибавляют, что два зловещие явления предзнаменовали плачевный конец хивинской экспедиции, напоминающей бесстрашное плавание аргонавтов в неведомую страну за золотым руном. Жена и двое детей князя Бековича погибли в самый день его отплытия к Гурьеву-городку из Астрахани: возвращаясь после его проводов домой в лодке, они были опрокинуты набежавшим вихрем и потонули в Волге. В другой раз, во время самого заключения мирного договора с хивинцами, полуденное солнце на безоблачном небе вдруг померкло и настолько затмилось, что от его диска остался видным лишь небольшой край наподобие народившегося месяца. Солнечное затмение в таком лунообразном виде было истолковано поклонниками луны в свою пользу, а на русских людей навело уныние, под влиянием которого они, быть может, и попались в западню и сделались жертвой хивинского вероломства.

Неудача хивинской экспедиции не отвратила, однако, видов царя Петра от каспийского бассейна. Правда, война со Швецией, поглощавшая все силы государства, отвлекла его от отдаленной кавказской окраины на несколько лет, но едва заключен был мир, и спорное Балтийское море осталось за нами, как Петр начал уже готовиться к походу в Дагестан с тем, чтобы утвердить свое господство и по всему побережью Каспийского моря.

В 1723 году все приготовления к подходу были окончены. Пехота, артиллерия и транспорты, собранные в Астрахани, отправлены были морем, а конница пошла сухим путем через Моздокские степи.

Император сам предводительствовал войсками и после двухдневного плавания прибыл с флотилией в Аграханский залив к устьям Терека. Здесь он осмотрел город Терки, но оставшись недоволен его расположением в сырой и нездоровой местности, приказал войскам высаживаться на берег несколько далее, в песчаных буграх, ближе к устьям Койсу.

Многочисленная русская флотилия подошла к месту высадки двадцать седьмого июля 1722 года и стала на якоре. Был еще ранний час утра, а государь уже был на ногах и торопил лейтенанта Соймонова готовить лодку, чтобы съехать на берег. Скоро

шлюпка, на которой был поднят императорский флаг, быстро разрезая волны, понеслась к берегам Дагестана. За мелководьем причалить к самому берегу, однако, было невозможно, и шлюпка остановилась возле песчаной низменной отмели, которая была совершенно закрыта густым и высоким камышом, окаймлявшим все прибрежное пространство. Тогда четыре гребца сошли в воду и на доске перенесли Петра на берег; лейтенант Соймонов шел по пояс в воде и поддерживал государя рукой.

Император первым вступил на берег и, заметив вблизи песчаные холмы, взошел на один из них и внимательным взглядом окинул окрестность. Чудная картина представилась его взорам.

С одной стороны перед его глазами плескалось древнее Хвалынское море; с другой широко раскидывалась необозримая степь, которая на севере как бы сливалась с горизонтом, а на юге резко замыкалась цепью скалистых и остроконечных гор Дагестана. У низкого берега, под самыми ногами государя, тихо качаясь на волнах, стояла старая татарская лодка с высокой мачтой, а дальше, там, при входе в Аграханский залив, на едва колыхавшейся поверхности моря виднелась целая эскадра, украшенная разноцветными флагами. Это были эмблемы прошлого ничтожества и будущего цветущего состояния края. Надо всем этим, посреди безоблачного неба, ярко сияло жаркое июльское солнце и обливало своими золотыми лучами и море, и флот, и степь, и далекие горы, и эту стройную высокую фигуру самого Петра, одиноко стоявшего на высоте песчаного холма.

На флоте между тем служили молебствие. Это был день гангутской победы над шведской эскадрой - день, чествуемый всегда императором. Едва провозгласилось многолетие, как вся эскадра мгновенно окуталась белыми облаками порохового дыма, и пустынная окрестность дрогнула от грохота русских пушек, разносивших весть о вступлении русского императора на дагестанскую землю. В этот же день войска были перевезены на берег и помещены на избранном самим императором месте.

Петр оставался здесь несколько дней в ожидании конницы, которая, по доходившим до него слухам, много потерпела при переходе через Кумыкскую

плоскость; говорили даже о ее поражении чеченцами. Но слух этот оказался в значительной степени преувеличением. Дело в том, что часть нашей кавалерии, посланная для занятия Андреевской деревни, иначе - Эндери, находившейся около нынешней Внезапной крепости, встречена была неприятелем, засевшим по сторонам пути в густом лесу, и по оплошности командовавшего ею бригадира Ветерани понесла чувствительную потерю в людях. Вместо того, чтобы как можно скорее миновать лесное ущелье, Ветерани спешил драгун и стал обороняться в теснине. По счастью, его ошибка была исправлена храбрым полковником Наумовым, который, видя критическое положение отряда, кинулся со своим батальоном вперед, взял Андреевскую деревню приступом и таким образом открыл для Ветерани дорогу.

Поражение Ветерани живет поныне в преданиях кумыкского народа, которые говорят, что рейтеры Петра Великого были сброшены с кручи сильным натиском чеченцев. Кумыки и теперь показывают это место на обрывистых берегах Акташа. Чтобы наказать за это горские племена, Петр пригласил калмыцкого хана Аюка вторгнуться за Терек со своими ордами. Ряд курганов поныне обозначает путь, по которому следовали полчища Аюка, а в двух верстах от крепости Внезапной показывают большой насыпной холм, где стояла ставка калмыцкого хана. Внутри одной из котловин Большой Чечни на Мичике есть также остатки укреплений калмыцкого повелителя.

После занятия Андреевской деревни конница соединилась с пехотой уже беспрепятственно. И как только русские войска перешли Сулак, шамхал тарковский, а за ним и другие горские владельцы прислали послов с изъявлением покорности. Была ли эта покорность искренна - подлежит большому сомнению; по крайней мере сам Петр, хорошо понимавший лукавый характер азиатцев, писал к Апраксину: "Все они принимали меня с приятным лицом, но сия приятность их была такова же, как проповедь, о Христе реченная: "Что нам и Тебе Иисусе Сыне Бога живого". Тем не менее Петр обнадежил всех своим покровительством и двинул войска вперед. Двенадцатого августа русские приблизились к Таркам с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкой. Сам Петр в парадном платье, на своем боевом коне ехал перед гвардией,

а за ним в карете, запряженной цугом, следовала императрица. За пять верст от города государь был встречен шамхалом Адиль-Гиреем, который, сойдя с лошади, приветствовал императора со счастливым приездом, а потом, преклонив колени, поцеловал землю возле кареты, в которой сидела императрица. Принимаемый в Тарках чрезвычайно радушно, Петр прогостил у шамхала несколько дней и на прощание получил от хозяина в подарок шелковый персидский шатер и дорого аргамака серой масти со сбруей из чистого золота. Шамхал предлагал к услугам Петра даже все свое войско, но Петр взял только нескольких отборных наездников, а взамен их отправил к шамхалу двенадцать солдат, которые, в виде почетного караула, и оставались в Тарках до самой кончины императора.

Пятнадцатого августа, в Успеньев день, государь вместе с императрицей отслушал обедню в походной церкви Преображенского полка и по окончании ее положил на землю несколько камней, пригласив сделать то же самое и всех присутствующих. В несколько минут был набросан высокий каменный курган, который остался до нашего времени как памятник пребывания Петра в Дагестане. Теперь на месте этого кургана разросся уже небольшой городок и устроен великолепный военный порт, названный Петровским - в честь первого похода императора. Другим памятником служит сам дворец шамхала, на дворе которого есть превосходный родник, обложенный диким камнем; там, под навесом, устроенным над этим родником, хранился долгое время, а может быть, сохраняется еще и поныне, железный русский ковш, которым государь пил воду.

На следующий день войскам был объявлен поход. Поводом к нему послужили тревожные слухи, что против русского войска двигаются значительные скопища горцев, под предводительством уцмия каракайтагского. Надо сказать, что достоинство уцмия было второе по старшинству, поставленному в Дагестане еще аравитянами (первенство принадлежало всегда шамхалу тарковскому), и что тогдашний уцмий, Ахмет-хан, был действительно одним из сильнейших владельцев в крае. Он без труда собрал до шестнадцати тысяч горцев и попытался с ними остановить наступление русских. Под Утемишем произошел ожесточенный бой. Горцы, по выражению Петра, "бились

зело удивительно: в обществе они не держались, но персонально бились десперантно, так что, покинув ружья, резались кинжалами и саблями". Тем не менее они были разбиты, Утемиш сожжен, а пленные повешены в отмщение за смерть есаула и трех казаков, которые были зарезаны по приказанию уцмия, когда они доставили ему от государя письмо самого миролюбивого содержания. Только после этого, двадцать третьего августа, император совершил торжественный въезд свой в Дербент, который отворил перед ним ворота без боя. Хан со всем народом и духовенством вышел к нему навстречу с хлебом и солью.

"Дербент, - сказал хан в приветственной речи Петру, - получил основание от Александра Македонского, а потому нет ничего приличнее и справедливее, как город, основанный великим монархом, передать во власть другому монарху, не менее его великому".

Затем один из знатнейших беков поднес императору городские ключи на серебряном блюде, покрытом богатейшей персидской парчой. Все эти вещи, как исторические памятники петровских походов, поныне хранятся в Санкт-Петербурге, в императорской Кунсткамере при Академии наук. У самых крепостных ворот Петра ожидала дербентская пехота в ружье, со множеством значков, а народ вынес священное знамя Алия и поверг его к стопам императора. Дербентский летописец мирза Хедер Визеров говорит, что когда государь подъехал к воротам, случилось сильное землетрясение и что Петр Великий, обратившись к выехавшим настречу ему жителям, сказал: "Сама природа делает мне торжественный прием и колеблет стены города перед моим могуществом".

Покорение Дербента было, впрочем, последним актом петровского похода. Страшная буря, разбившая на море нашу флотилию с провиантом, расстроила предположения Петра относительно дальнейшего похода и положила в этом году конец русским успехам. Государь приказал оставить в Дербенте сильный гарнизон, а сам с остальными войсками двинулся в обратный путь и близ Сулака, в том месте, где от него отделяется небольшая река Аграхань, заложил крепость Св. Креста; следы ее сохранились поныне на правом берегу Сулака, в шести верстах от нынешнего укрепления Казиюртовского.

Здесь Петр получил известие о новых беспорядках

в Дагестане. Еще во время пути замечены были тревожные признаки начинающегося в горах движения, а тут шайки стали уже нападать на отсталых, грабили обозы и под самыми Тарками убили трубача из государева конвоя. В то же самое время казикумыкский хан сделал попытку овладеть редутом на реке Дубасе, около Дербента, но малочисленный гарнизон наш защищался отчаянно, положил на месте шестьсот неприятелей, многих переранил и отбил два знамени.

Чтобы погасить мятеж в самом начале, Петр приказал тогда же сделать новую экспедицию в горы, и атаман Краснощеков, ходивший на этот раз с донцами и с калмыками, истребил решительно все, что только еще оставалось там от прежнего погрома. Дагестан присмирел.

Осенью Петр возвратился в Астрахань, а тринадцатого декабря имел торжественный въезд в Москву через триумфальные ворота, на которых изображен был город Дербент с лаконичной над ними надписью: "Основан героем - покорен Великим".

Имя Петра Великого до сих пор живет в Дагестане, и следы его пребывания там сохраняются самым тщательным образом. Каждый, кто посетит Дербент, конечно, с благоговением зайдет в ту скромную землянку, стоящую у самого взморья, в которой Петр прожил несколько дней в ожидании сдачи Дербента и новых известий об уцмие Кайтага. Теперь эта землянка - предмет внимания всех путешественников - обнесена решеткой, и над ней сделана надпись: "Место первого отдыха Великого Петра".

В самом Дербенте Петр жил в цитадели, занимая в ней бывший ханский дворец. Там, в тишине кабинета, обдумывал он свои грандиозные планы, касавшиеся нашей морской торговли с Закавказьем, Персией и Индией; там же в нетерпеливом ожидании флотилии, плывшей из Астрахани, он собственными руками прорубил в одной из комнат окно, из которого открывается превосходный вид на Каспийское море, на город и на его окрестности. Это историческое окно существует до настоящих пор в доме, занимаемом дербентскими комендантами. Тут же, в самой крепости, сохраняется семь алебард, оставшихся со времени Петра, и пушка, на которой выбита надпись, свидетельствующая, что она была отлита в 1715 году на воронежском литейном заводе.

III

КАВКАЗ ОТ ПЕТРА ДО ЕКАТЕРИНЫ II

С отъездом Петра из Кавказского края военные действия продолжались под главным руководством генерал-майора Матюшкина, получившего от императора совершенно определенные инструкции. Для большего упрочения порядка в новых владениях Петр приказал переселить в крепость Св. Креста все Терское казачье войско, а по рекам Сулаку и Аграхани водворил вновь тысячу донских семейств, которые, устроив свои по-селения, получили название Аграханского казачьего войска. Таким образом, на Тереке остались одни гре-бенцы. Их также хотели перевести на Сулак, но когда вследствие этого между ними обнаружились волнения и даже попытки бежать за Кубань к некрасовским раскольникам, государь приказал их оставить с тем, чтобы они "недреманно" оберегали нашу Терскую линию. Не ограничиваясь этим, Петр в то же время заботился и о дальнейшем распространении русского влияния. Оставшись главным начальником войск в Дагестане и исполняя волю царя, Матюшкин деятельно готовился к занятию Баку и к покорению прибрежных персидских владений. Сам Петр назначил для последней цели особый отряд из двух батальонов пехоты под начальством полковника Шипова. Шипов, однако же, просил у царя подкрепления.

"Не дам, - лаконично ответил ему Петр. - Стенька Разин с пятью сотнями казаков не боялся персиян, а я тебе даю два батальона регулярных".

В ноябре 1722 года Шипов с небольшой флотилией вошел в Энзелийский залив и, выведя десант у Пери-Базара, занял Решт, главный город Гилянской провинции. Персияне так были ошеломлены внезапным появлением русских, что уступили им город без боя. Но скоро они опомнились и стали требовать, чтобы Шипов вышел из Решта, пока его не принудили к этому силой. Шипов ответил отказом, а между тем войска его успели занять в городе большое каменное здание караван-сарая и приспособили его к обороне. Тут, посреди обширного двора, по счастью, оказался чудесный колодец - обстоятельство чрезвычайно важное в этой безводной части Персии на случай блокады. Персияне, действительно, не замедлили начать военные действия и два раза пытались выбить русских из занятой позиции. Одно из этих нападений велось с такой энергией, что неприятель дошел до самого караван-сарая и целый день производил по нему жестокий огонь из орудий. Здесь был убит помощник Шипова, храбрый капитан Рязанов, который поднялся на стену, чтобы обозреть расположение неприятельских сил. Между тем, как только наступила ночь, и персияне расположились лагерем со своей обычной беспечностью, Шипов сделал вылазку и внезапно с двух сторон напал на неприятеля. Три роты атаковали пятнадцатитысячное персидское войско, но сонные толпы при первом крике "Ура!" охвачены были такой паникой, что кинулись поражать друг друга, и к свету, на месте, где стоял персидский стан, лежали только одни мертвые тела, которых русские похоронили более тысячи.

Когда таким образом положение наше в Реште было упрочено, генерал Матюшкин, со своей стороны, предпринял покорение Бакинского ханства. Двадцать первого июля 1723 года десантный отряд его высадился на берег около Баку и обметался рогатками. Вылазка из крепости была отбита, а огонь с флотилии заставил замолчать бакинские пушки. Четыре дня длилась блокада, а на пятый осажденные вывесили белое знамя и сдали город вместе с восьмьюдесятью находившимися в нем орудиями. Таким образом в самое короткое время русские заняли почти весь Дагестан, Баку, Ширванское ханство и персидские области: Гилян, Мазендеран и Астрабад. Петр был так обрадован приобретенными успехами,

что произвел Матюшкина в генерал-лейтенанты и, поздравляя его с победами, писал, что более всего доволен приобретением Баку, "понеже оная составляет всему нашему делу ключ".

Спокойствие в занятых провинциях, однако же, было только наружное. Народ втайне ненавидел завоевателей, и следующий кровавый эпизод, сохранившийся доныне в преданиях сальянских жителей, свидетельствует, до какой степени надо было быть осторожным в сношениях с ними.

Вскоре после занятия Баку Матюшкин отправил в соседнюю Сальянскую область небольшой отряд из батальона драгун, под командой подполковника Зимбулатова. Сальянский наиб Гуссейн-бек встретил русские войска дружелюбно и распорядился, чтобы солдаты размещены были удобно. Все это, при свойственной русской натуре беспечности, привело к тому, что офицеры стали ездить в гости к наибу не только без прикрытия, но даже и без оружия. Однажды, когда все пировали таким образом в замке Гуссейна, толпа наемных убийц, подосланных, как говорят, его матерью, кинулась на офицеров и умертвила их самым варварским образом. Та же участь готовилась всему батальону, но драгуны, вовремя предупрежденные, сели на суда и отплыли в Бакинскую крепость.

Такое же враждебное настроение замечалось решительно по всему каспийскому побережью. В Гиляне нападения почти не прекращались. Выбитые из Решта, персияне продолжали блокировать город, расположившись невдалеке за ручьем Сиарутбаром, который стал заповедной гранью между ними и русскими. Правда, на русскую сторону персияне переходить не смели, а при появлении русских на их стороне каждый раз "спешили спасать свои животы", но тем не менее присутствие их в столь близком расстоянии от города крайне стесняло сообщения. Был даже случай, что один офицер, посланный с командой в соседнюю деревню, едва не погиб, окруженный огромными толпами персиян, и спасся только благодаря случайной помощи, подошедшей к нему из Решта.

Войсками в Гилянской провинции командовал в то время бригадир Василий Яковлевич Левашов, старый воин, ходивший с Петром еще в азовский поход 1696 года, где ему довелось участвовать и в

нескольких делах с закубанскими горцами. Однажды старший брат его, Прокофий, выехал, по древнему обычаю, на поединок с каким-то черкесским богатырем и положил его на месте, но разгоревшаяся кровь увлекла его так далеко, что он был окружен и тяжело ранен. Видя брата в опасности, Василий бросился к нему на помощь и на глазах отряда вынес его, уже полумертвого, из свалки, отбившись один от целой толпы напавших на него татар.

Левашову было уже тридцать три года, когда он поступил на службу в регулярные войска, и с этих пор он участвовал во всех петровских походах от Нарвы до Дербента. В Гилян он был назначен в 1726 году на смену Шипову[1], и первым распоряжением его в крае было отправить подвижные колонны, чтобы очистить всю страну от Решта до Мосула и от Кескера до Астары. Отряды эти разогнали сиарутбарское скопище, достигли Лошомодана, загнали персиян в Фумин, взяли укрепление Сагман и овладели Кескером. Все это были дела громкие в военном отношении, но, к сожалению, не оставлявшие после себя никаких прочных следов в завоеванном крае. Разбитые в одном месте, персияне свободно переходили в другое, и Левашову приходилось иногда отбиваться разом на нескольких пунктах, не имея возможности самому утвердиться ни в одном.

Кончина Петра Великого, последовавшая около этого времени, во многом изменила осуществление его первоначальных планов. Екатерина I хотя и отправила войска на усиление персидского корпуса, но далеко не в тех размерах, как это было необходимо ввиду несогласий, возникавших тогда между Россией и Портой. Несмотря на то, что обе державы сообща вели войну против Персии, отношения между ними были так непрочны, что беспрерывно угрожали разрывом, которого турки отчасти даже домогались, чтобы иметь предлог вытеснить русские войска, овладеть берегами Каспийского моря. Положение русских было опасное. В Гиляне войско по своей малочисленности не только не могло иметь влияния внутри страны, но с трудом удерживалось и в занятых позициях. Туземцы все разбежались, податей никто

---

[1]Шипов в это время назначен был начальником в Сальяны и умер там в 1727 году в чине генерал-майора.

не платил, и рядом с возмутившимися жителями повсюду собирались многочисленные персидские шайки. Из Сальянской области и с реки Куры русские по той же причине отошли в Баку, и персияне располагали идти к этому городу, чтобы засесть у нефтяных источников и держать его в блокаде. Горцы угрожали вырезать русских в Дербенте, и сам шамхал, когда-то преданный сторонник Петра, теперь, вместе с казикумыкским ханом и каракайтагским уцмием хлопотал о том, чтобы разорить Сулакскую линию.

Казалось, что обстоятельства создали для русских безвыходное положение. Но никогда пословица: "Грозен сон, да милостив Бог", - не оправдывалась на деле так, как в настоящем случае. Вся двадцатипятитысячная армия шамхала, столпившись на Сулаке, не могла одолеть одного ничтожного Аграханского редута, защищаемого всего пятьюдесятью солдатами и сотней терских казаков, под командой подполковника Маслова. Отчаянная защита этого гарнизона, сделавшего даже смелую вылазку, так повлияла на горцев, что они, перессорившись между собой, разошлись по домам[1].

Опасность, угрожавшая с этой стороны, рассеялась, но поступок шамхала, конечно, не мог остаться безнаказанным, а потому Матюшкин немедленно приказал генерал-майору Кропотову идти в шамхальские владения, жечь и истреблять аулы, отгонять скот и "всячески трудиться, чтобы его, шамхала, добыть в свои руки". За голову его Матюшкин обещал от двух до пяти тысяч рублей серебром, смотря по тому, живого ли его привезут к нему, или мертвого. Кропотов в точности исполнил приказание и истребил аулы, которые помогали шамхалу. Осенью экспедицию повторил полковник Еропкин, который разгромил уже самые Тарки вместе с шамхальским дворцом, а самого шамхала загнал в неприступные дагестанские горы. Лишившись всего состояния, шамхал наконец одумался и весной, как только русские стали лагерем около Кумтер-Кале, добровольно явился с повинной головой. Арестованный по приказанию Матюшкина, он был судим как государственный изменник и закончил свои

[1]За эту победу все офицеры повышены чинами, а нижним чинам дано денежное вознаграждение: унтер-офицерам - по 1 руб., а рядовым - по 50 коп.

дни в заточении в Коле, Архангельской губернии. Самое звание шамхала по приказанию императрицы было уничтожено[1].

Между тем тяжелые климатические условия страны, губившие тысячи русских людей, так тяжело отразились и на здоровье доблестного вождя их, генерала Матюшкина, что вынудили его просить увольнения от должности[2]. Долго искали в Петербурге достойного ему преемника, и только после многих совещаний выбор Екатерины остановился на одном опальном вельможе петровского времени. Это был генерал-аншеф князь Василий Владимирович Долгоруков, известный в русской истории усмирением на Дону булавинского бунта[3].

По приезде в край весной 1726 года новый главнокомандующий счел первой обязанностью поближе ознакомиться со своими войсками. Многие из начальников и офицеров по его настоянию немедленно удалились с Кавказа, как не понимавшие характера местной войны, всем остальным увеличено содержание, войскам назначены двойные рационы и даже казакам определили жалование, которого они ни прежде, ни после Долгорукова не получали. "В русском войске, - писал по этому поводу князь Долгоруков императрице, - есть две иностранные роты - армянская и грузинская, из которых каждая получает казенное содержание; русским казакам не дают ничего, а между тем они служат больше и неприятелю страшнее. Я определил им также денежные выдачи, ибо, по моему мнению, лучше платить своим, нежели чужим. Правда, армяне и грузины служат изрядно, однако же казаки действуют гораздо отважнее".

Улучшив таким образом, насколько было возмож-

---

[1]В сороковых годах минувшего столения, когда персияне овладели Дагестаном, они опять восстановили звание шамхала, продолжавшее существовать уже до самого покорения нами Восточного Кавказа.

[2]Михаил Афанасьевич Матюшкин, произведенный в генерал-аншефы, по возвращении с Кавказа жил в Москве и скончался в 1737 году.

[3]Князь Долгоруков подвергся опале Петра за участие, выраженное им к судьбе несчастного царевича Алексея Петровича. Он был лишен чинов, знаков отличия и сослан в Казань на вечное жительство. Екатерина I возвратила ему Александровский орден и чин генерал-аншефа.

но, экономическое и санитарное положение войска, князь Долгоруков отправился из крепости Св. Креста в Дербент, в Баку и далее в Гилян не морем, как это делалось прежде, а сухим путем, чтобы, по его словам, показать персиянам фактическое подчинение нам "и воды и суши". Почти самидесятилетний старик, несмотря на февральскую распутицу, он ехал верхом и все время имел при себе - "по-калмыцки" - одни только походные вьюки. "От роду моего не видывал, - писал он впоследствии своему приятелю, - чтобы кто в мои лета начал жить калмыцким манером".

Объезд этот принес громадную пользу. Он убедил самого Долгорукова в необходимости наступательных действий не только против персиян, но и против турок, "этих мнимых приятелей", которых прежде всего надо было выжить из Персии; а с другой стороны, появление князя в местах, где никогда не были наши главнокомандующие, произвело такое впечатление на жителей, что все соседние ханы, султаны и старшины встречали его по пути с необыкновенными почестями. Воспользовавшись этим, он без труда присоединил к русским владениям Кергеруцкую область, Астару, Ленкорань и Кызыл-Агач и приказал поставить в них укрепления "во страх неприятелям, чтобы не думали о нашей слабости".

Таким образом, князь Долгоруков с ничтожными средствами сумел поддержать достоинство русского оружия. Но, к сожалению, он оставался на Кавказе недолго. Произведенный в начале следующего царствования в фельдмаршалы[1], он был отозван ко двору и, уезжая, разделил в начале 1728 года командование в Закавказском крае на две части: в Гиляне остался Левашов, а в Дагестане - генерал-лейтенант Румянцев, отец знаменитого героя Кагула и Ларги.

Отъезд Долгорукова и строгие приказания из Петербурга воздерживаться от наступательных действий настолько ободрили наших врагов, что они сами перешли в наступление. Славный в то время Аббас Кули-хан Персидский[2], согласовавшись с самозванцем

---

[1]С производством в фельдмаршалы, князь Долгоруков остался главным начальником персидского или, как тогда называли, Низового корпуса, но, разумеется, это начальствование было только номинальное.

[2]Впоследствии Надир-шах.

Измаилом, который выдавал себя за сына и наследника умершего хана, вознамерился напасть на Левашова с двух сторон, от Кескера и Лахиджана. В Реште войск почти не было; несмотря на то, Левашов вышел из своего затруднительного положения блестящим образом. С ничтожным отрядом он стал в центральной позиции между двумя городами, и как только показался Кули-хан, Левашов стремительным ударом разбил его наголову и затем быстро повернул на Измаила. Но здесь, на пути к Лахиджану, русские войска совершенно неожиданно столкнулись с третьим врагом. Это был персидский визирь Карчи-Баша, который, никак не думая встретиться с русскими, шел также против самозванца. Оба противника, имевшие одну и ту же цель - поколотить Измаила, теперь с ожесточением бросились друг на друга.

Персияне опять были разбиты и бежали за Лахиджан, который и присоединился к нашим владениям. Измаил между тем, воспользовавшись всей этой сумятицей, ушел безнаказанно. Но дни его уже были сочтены. Разбитый три раза - при Шефи, за рекой Кизмой около Рутума и в Муганской степи, - он до того надоел самим персиянам, что, по словам одного из их историков, жители провинции Масулэ, заманив его к себе, убили и голову отправили в Решт к русскому военачальнику.

Едва войска вернулись из этого похода, как один из афганских начальников, по имени Салдан-хан, самовластно распоряжавшийся большей частью Персидского государства, занял Мазендеран и прислал Левашову требование очистить Гилян. Левашов ответил на это, чтобы сами афганцы в течение суток оставили наши владения, и в виде угрозы послал против них небольшой отряд из двухсот пятидесяти человек, под командой майора Юрлова. Это было все, чем мог располагать Левашов в ту минуту.

Двадцатого декабря Юрлов подошел к Лахиджану. Здесь в первый раз русские встретились с воинственными афганцами, о которых персияне рассказывали так много чудесного. Действительно, закованные с головы до ног в железную броню, высокие, стройные, красивые - они производили совсем другое впечатление, чем жалкие персидские сборища. Вид афганцев был внушителен, к тому же их было несколько тысяч. "Но

мы, как древние греки, - говорит Зиссерман, - не считали врагов". Молодецкое "Ура!", удар в штыки - и двести пятьдесят человек разбили наголову четыре тысячи афганцев. В руках русских осталось три знамени, множество оружия, четыреста пятьдесят лошадей и шестьсот трупов. Один из ханов был изрублен на месте самого боя, другой бежал, раненный в грудь. И самого Салдана, с подстреленной ногой, едва успели унести на носилках в ближайшую афганскую крепость Казвин.

После столь решительного удара персияне должны были бы, казалось, притихнуть, но они не унимались. Это побудило Левашова в апреле 1731 года вновь отправить трехсотенный отряд, под начальством капитана Бундова, с приказанием взять и уничтожить ретраншемент в Фумине, служивший вечным пристанищем мятежных шаек. Дело было выполнено молодецки: Фумин взят и укрепление разрушено. Но персияне, перебежав в Кергеруцкую область, стали формировать там новые шайки. Тогда капитал Бундов пошел в Кергеру и там вторично разбил неприятеля, но при этом потерял четвертую часть своего отряда. Персияне за последнее время уже приучились к бою, и победы стали нам обходиться дороже.

В Дагестане, у генерала Румянцева, также было не совсем спокойно. Кюринцы и несколько других племен наотрез отказались от нашего подданства. Они отвечали, что будут защищаться и скорее погибнут в бою, нежели от голода, которым им угрожают русские порядки. "Воровство и грабеж, - говорили их депутаты, - наши занятия, также как ваши - соха и торговля. Грабежом жили наши отцы и деды, и если мы оставим их ремесло, как требуют русские, то будем вынуждены погибнуть от голода". Более всех бунтовали какие-то курелы, вероятно, жители нынешнего Самурского округа. Они-то именно, как доносил Румянцев, "предерзостно ворвались в Сальянскую область, побили и пленили много русских людей, магазины с нашим провинатом сожгли без остатка, пожитки пограбили и учинили несказанные свирепства". Несколько частных экспедиций не могли усмирить восстания. Тогда пошел сам Румянцев и около аула Магмуда нанес мятежникам страшное поражение. Предводитель их, Качай, был убит, и несколько сот тысяч татар и курелов усеяли поле

сражения. Из трехсотенного отряда русских выбыло также более семидесяти человек убитыми и ранеными - потеря по сравнению с прежними весьма немаловажная.

Зассерман в своей истории Кабардинского полка замечает весьма справедливо, что все эти действия малыми отрядами должны были иметь для нас большое значение как первые зачатки той самой войны, которую впоследствии нам пришлось вести уже в более обширных размерах при покорении Кавказа. Решимость с горстью людей бросаться на многочисленные скопища, отвага, предприимчивость, известная самостоятельность младших чинов, навык ориентироваться и применяться к условиям боя и местности, одним словом - те качества, которыми отличалось позднее большинство кавказских офицеров, очевидно, родились еще на персидской почве, в то старое петровское время, и затем передавались преемственно от одного полкового поколения к другому. Полки, входившие в то время в состав Низового (персидского) корпуса, позднее приобрели себе громкую славу и в рядах кавказской армии. Это были полки Кабардинский, Куринский, Ширванский, Апшеронский, Дагестанский, Тенгинский, Навагинский и Ставропольский.

С восшествием на престол императрицы Анны Иоанновны на Кавказе последовали новые перемены в начальствующих лицах. Фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгоруков, один из замечательных сподвижников и один из редких супротивников Петра Великого, подвергся опале и был заточен в Шлиссельбургскую крепость[1]. Непричастный ни к каким олигархическим замыслам своих родных, гордый и честный, он не пошел также на сделку с немецким правительством, окружавшим тогда императрицу, и поплатился за это свободой. С падением Долгорукова нашли неудобным оставлять в Закавказье двух самостоятельных начальников, а потому Румянцева отозвали, а главное начальство поручили одному Левашову. Но императрица, видимо, уже тяготилась персидской войной, которая стоила дорого, а между

---

[1]Императрица Елизавета освободила его из заточения и возвратила чин генерал-фельдмаршала. Он умер президентом Военной Коллегии одиннадцатого февраля 1746 года, восьмидесяти шести лет от роду.

тем, по-видимому, не приносила никакой выгоды. Насколько поверхностно смотрели тогда правительственные сферы на эту войну, можно судить уже по одному тому, что сначала больше всего опасались турецких успехов, а потом стали бояться их неудач, рассчитывая, что Персия, управившись с турками, обратит против России все свои силы. Результатом таких колебаний явился, наконец, трактат, по которому императрица возвратила Персии все завоеванные у нее города и области за исключением лишь Дагестана, то есть пространства, лежавшего между Курой и Тереком. Выполнение условий трактата выпало на долю генерала Левашова, но, очистив Гилян и перенеся главную квартиру свою в Баку, он вместе с тем окончил и свое полезное десятилетнее служение в Закавказском крае. Отличный боевой генерал, дельный администратор, хорошо знакомый с местными условиями края, он должен был уступить свой пост генерал-лейтенанту принцу Людвигу Гессен-Гамбургскому, которого выдвигала немецкая партия, старавшаяся везде, где было можно, оттеснить русских людей, особенно сподвижников Петра Великого[1].

Нужно сказать, что принц Гессен-Гамбургский приехал на Кавказ весной 1732 года, в самое тревожное время, когда оставление нами персидских провинций естественно возбудило и в городах желание отделаться от русской опеки. В горах стали ходить прокламации, приглашавшие весь Дагестан к единодушному восстанию против русских. Разбои повсеместно усилились. Так бригадир Лукей был убит какой-то шайкой, скитавшейся под самыми стенами Дербента, а около Тарков погибла целая команда из тридцати человек, попавших в засаду. Десять тысяч чеченцев собрались в ауле Эндери и угрожали нападением на русские границы. В столь трудных обстоятельствах командовавший войсками на Сулаке генерал-лейтенант граф Дуглас, прибывший на Кавказ вместе с принцем, решился предпринять экспедицию в Чечню. Обманутый ложными слухами, что скопища

---

[1]Этот принц был вызван в Россию еще Петром Великим, который хотел выдать за него в замужество великую княжну Елизавету Петровну. Брак не состоялся, но принц принят был в русскую службу полковником. Его доносу были обязаны арестом и заточением князя В.В. Долгорукова.

рассеялись, он ограничился тем, что выслал небольшой отряд в пятьсот человек пехоты и конницы, под начальством полковника Коха. Кох встретил неприятеля в дремучих лесах, сражался с ним целый день и должен был отступить, потеряв двести человек только одними убитыми. Эта громадная потеря указывает, что или Кох не имел понятия о характере лесной войны, или при отступлении произошел какой-нибудь беспорядок.

Неудача отразилась на русских тем тяжелее, что в это самое время Турция видимо искала разрыва с Россией. Не обращая никакого внимания на наши протесты, она снарядила корпус крымских татар и отправила в Персию кратчайшим путем через Дагестан, где были наши владения. Таким образом, нам оставалось одно: защищать свои границы оружием. И принц Гессен-Гамбургский в июне 1733 года действительно занял позицию на Сунже, недалеко от того места, где ныне стоит крепость Грозная. Войска разделены были на три колонны, из которых две (Еропкина и князя Волконского) прикрывали дороги, ведущие от Сунжи к Горячаю[1], а третья, под начальством самого принца, оставалась в резерве. Одиннадцатого июля двадцать пять тысяч татар двинулись наконец от аула Большой Чечен, где они стояли станом, и всеми силами атаковали отряд князя Волконского. Волконский защищался упорно, но после долгого неравного боя уже был близок к поражению, когда на помощь к нему подоспели Еропкин с драгунами и принц с остальной пехотой. Заметив это и не давая отряду построиться, татары сделали новый отчаянный натиск и опрокинули наш левый фланг. Еропкин очутился посреди рукопашной свалки, ему разрубили лицо[2]; сам принц был окружен и спасся от плена только благодаря быстроте своей

---

[1]Теперь трудно указать то место, где происходила битва. Это или Горячеводск близ крепости Грозной, или Исти-Су, бывшее укрепление на Кумыкской плоскости.

[2]Дмитрий Федорович Еропкин служил потом под знаменами фельдмаршала Ласси, был генерал-лейтенантом, кавалером ордена Александра Невского и умер в 1750 году губернатором в Риге. Сын его, генерал-аншеф Петр Дмитриевич Еропкин, известен в русской истории усмирением народного бунта в Москве во время чумы.

лошади. Казалось, победа окончательно склонялась на сторону татар. Но в эту минуту догадались сосредоточить огонь всех наших пушек на толпу, теснившую левый фланг, и это произвело среди врагов страшный беспорядок. Войска оправились и после отчаянных усилий вырвали наконец победу из рук противника.

Разбитые татары бежали, оставив в наших руках двенадцать знамен, которые, как первые трофеи принца, отправлены были в Петербург и там с большим торжеством повергнуты к стопам императрицы.

Итак, две тысячи пятьсот человек русских разбили двадцать пять тысяч татар! Сражались, стало быть, один против десяти. И тем не менее принц не сумел воспользоваться плодами блестящей победы. Дождавшись ночи, он приказал войскам поспешно отступать за Сулак, и, без всякой нужды запершись в крепость Св. Креста, пропустил татар внутрь Дагестана.

"Я убежден, - говорит Зиссерман, - что ни один из предшественников немецкого принца - ни Матюшкин, ни Левашов, ни Румянцев не заперлись бы в крепости, что было противно даже духу нашего войска. Конечно, боевые кавказские генералы не дали бы татарам опомниться и горячим преследованием заставили бы их рассеяться. Теперь вышло совершенно иное. Пока русские сидели в крепости, разбитые татары бросились на гребенские городки, полонили сотни русских людей, взбунтовали весь южный Дагестан и даже пытались овладеть Дербентом. Три дня главные силы их бились под стенами этого города с небольшим отрядом полковника Ломана, но, будучи отражены, потянулись наконец к Шемахе, в персидские владения. Часть их с награбленной добычей пошла, однако же, обратно в Крым и на реке Куме, повыше урочища Мажар, столкнулась с Краснощековым, который шел на Сулак с полуторатысячной донской партией. На помощь к крымцам подоспели десять тысяч калмыков, некрасовцев и закубанских горцев. Окруженный со всех сторон, Краснощеков устроил вагенбург и засел в осаду. Бой длился двое суток, а на третьи на помощь к русским подошли кабардинцы, под предводительством одного из старейших владельцев их, Бамата Кургонина, который оказался шурином калмыцкого вождя Дундука Омбы, а потому, свидевшись с ним в тот же день, стал

уговаривать его пропустить казаков без боя. "Русские идут на Сулак, а не на тебя, - говорил он, - так мой совет не ввязываться в чужое дело. Если ты будешь драться заодно с татарами, то я стану за русских".

Эта угроза подействовала. К тому же Дундук давно искал случая примириться с русским правительством и потому ночью отступил со своими калмыками к Кубани. С его уходом осада была снята, и Краснощеков благополучно достиг Дагестана.

С прибытием Краснощекова принц выказал более военной решимости и приказал генералу Еропкину наказать дагестанцев за их возмущение. Еропкин двинулся прямо в Башлы, столицу, и двадцать первого октября взял ее приступом. Потеря наша при этом была громадна - в четыреста человек, но зато уничтожение аула, считавшегося в крае неприступным по своим укреплениям и местоположению, сразу восстановило авторитет русского оружия, и горы присмирели. Но так как ворота в Дагестан попрежнему были открыты, то по следам пробившихся татар продолжали двигаться все новые и новые толпы, под личным предводительством крымского хана. Со стороны принца не было даже попытки остановить эти вторжения. Зато чеченцы встретили хана в лесистом ущелье за Сунжой и нанесли ему такое поражение, что целый отряд крымских татар буквально был истреблен озлобленными горцами. В память этой победы чеченцы поставили в ущелье каменную башню, назвав ее Хан-Кале, то есть "Ханская крепость", отчего и самое ущелье получило впоследствии свое известное всем название Ханкальское.

Таким образом, почти весь Дагестан был занят татарами. Императрица Анна Иоанновна, встревоженная этими известиями и не доверявшая больше военным способностям принца[1], приказала как можно

---

[1]Принц этот впоследствии служил в армии Миниха, но, по словам Манштейна, занемог в то самое время, когда русские готовились идти на приступ Очакова, и выздоровел в день взятия крепости. Остряки говорили про него, что он истощил всю свою храбрость в Персии. Елизавета Петровна сделала его, однако же, фельдмаршалом, и в войну со шведами ему пришлось опять обнажить свой меч; но, как пишет Манштейн, принц находился на почтительном расстоянии от неприятеля. После этой войны он отправился в Берлин, где в 1745 году умер.

скорее отправить в Дагестан, на смену ему, опять генерала Левашова. Но когда Левашов доехал сюда из своей тамбовской вотчины, ему не оставалось ничего более, как только удерживаться в занятых позициях и не допускать население до враждебных действий. Левашов и смотрел за этим, что называется, в оба. Попробовали было горцы зашевелиться на Самуре - Еропкин сжег четырнадцать деревень и подавил восстание в самом начале. Между тем, все это время шли переговоры с персидским правительством о мире, и наконец, десятого марта 1735 года, объявлен был Генджинский трактат, по которому Россия возвратила Персии все города и земли, завоеванные у нее Петром Великим.

Русская граница опять отодвинулась на Терек. Крепость Св. Креста на Сулаке уничтожена, а вместо нее заложена на Тереке новая крепость Кизляр. Сюда же переведены из Сулака еще так недавно поселенные там терцы и аграханцы. Терцы переименованы при этом в Кизлярское войско, а аграханцы, расположившиеся на Тереке тремя станицами - Коргалинской, Дубовской и Бороздинской, получили название Терско-семейного войска. Не лишнее прибавить, что ровно через сто лет, в 1836 году, оба эти войска, вследствие своей малочисленности, соединены были в один полк, названный Кизлярским полком кавказского линейного казачьего войска.

Царствование императрицы Анны Иоанновны началось, таким образом, уступками приобретений ее великого дяди, но делать было нечего. Оставалась надежда вознаградить себя за эти уступки приобретением от Турции того, что было ей уступлено Петром по несчастному Прутскому миру. Причин для турецкой войны было слишком много, и на первом плане являлся Азов - это гнездо, откуда производились опустошительные набеги на Дон и Малороссию. Нынешние губернии Воронежская, Полтавская, Харьковская и Киевская постоянно терпели от диких орд, тучами носившихся по вольным степям, выжигавших города и села и тысячами уводивших в плен несчастных жителей.

Турецкая война должна была начаться именно со взятия Азова. Но нынешний бедный заштатный городишко тогда был грозной турецкой крепостью,

державшей в страхе всю южную окраину России. Гарнизон ее был невелик, но крепость опиралась на силы соседних народов, которые видели в ней свободный невольничий рынок, и потому-то русским, вместе с осадой Азова, приходилось занять Перекоп и вести войну на Кубани.

Таким образом, Кавказ и в этом случае не изменил своему боевому характеру. По-прежнему там льется кровь и гибнут тысячи человеческих жизней. Переменился только театр военных действий, перейдя с левого фланга на правый и из гор Дагестана и лесов Чечни в широкие Кубанские степи, расстилающиеся до самых берегов Азовского и Черного морей.

Военные действия начались с апреля 1736 года. Как только фельдмаршал Ласси осадил Азов, а Миних приготовился идти к Перекопу, сорок тысяч калмыков, под начальством хана Дундука Омбы, прошли за Кубань и в верховьях Урупа напали на ногайцев. Несмотря на крепкую местность, становище взято было штурмом, и хан распорядился пленными своим калмыцким обычаем: "все мужчины, в числе шести тысяч, были вырезаны, а двадцать тысяч жен и детей отправлены на реку Егорлык".

Проведав затем, что десять тысяч ногайских кибиток, принадлежавших султан-аульскому роду, стоят в верховьях реки Зеленчук, хан повернул в ту сторону. Но не смея штурмовать ногайцев, засевших в тесном ущельи, он обложил их станом и тридцать семь дней держал в непрерывной осаде. Наконец на помощь к нему подошли казаки с Дона и с Терека. Тогда ногайцы увидели невозможность дальнейшего сопротивления и, чтобы спасти себе жизнь, поспешили отдаться в русское подданство. Их немедленно выселили на Куму и Терек. Калмыки были весьма недовольны таким исходом осады, лишившись богатой добычи. Но так как делать было нечего и русских подданых вырезать не приходилось, то они пережидали только осенние разливы рек и в месяце снова пошли на Кубань вместе с донцами и терцами. На этот раз в четырнадцать дней пройдено было ими все пространство от истоков этой реки до самого впадения ее в Черное море. Сильная крепость Копыл, резиденция турецких сераскиров, была взята приступом и уничтожена; остальные города, становища, аулы

были истреблены, и вся страна, превращенная в пустыню, спалена огнем и покрыта развалинами, пеплом и трупами. Досталось мимоходом при этом и нашим некрасовским раскольникам. "Когда калмыки и казаки двинулись назад, - говорит очевидец, - то они оставили после себя больше пятнадцати тысяч трупов, которые валялись по полям, потому что прибирать их было некому". Столь совершенной победы и такой огромной добычи казаки никогда еще не приобретали.

Прошла зима, а весной 1737 года Дундук опять посетил Закубанье. Усиленными маршами, по сто и более верст в один переход, прошел он через выжженные татарами степи, где не было корма коням, и, достигнув устья Кубани, взял и уничтожил богатый город Темрюк, не отстоявший себя даже пушечным боем. Янычары, составлявшие его гарнизон, поголовно были вырезаны; некрасовские городки, находившиеся по соседству, разрушены, а сами некрасовцы загнаны в невылазные плавни. Одни только черкесские племена адыге избежали погрома, и то лишь потому, что ушли в неприступные горы, куда идти за ними не было никакой надобности. Азов в это время уже сдался, и так как на Кубани, за совершенным уничтожением всего живого, делать больше было решительно нечего, то казаки возвратились домой, а Дундук с частью калмыцкого войска присоединился к фельдмаршалу Ласси и с ним участвовал в крымских походах.

Не делая никаких сравнительных выводов, нельзя, однако, не сказать, что калмыцкий хан, человек полудикий, лучше наших фельдмаршалов понял, с кем он имеет дело, и потому-то без артиллерии и рогаток, без обоза и провианта, с одной только конницей, в два-три живых и быстрых набега он сделал более, нежели сделали в Крыму целые регулярные армии. В эту войну регулярные армии наши четыре раза занимали Крым и четыре раза его оставляли. Чтобы судить о наших потерях, довольно сказать, что в первом походе Миниха мы потеряли из пятидесяти тысяч людей тридцать тысяч, погибших исключительно от зноя и безводицы. Императрица была так довольна службой калмыцкого хана, что послала ему в дар соболью шубу и драгоценную саблю.

Но едва окончилась турецкая война, как боевая

гроза стала надвигаться на нас со стороны персидской линии, где мы имели только одно укрепление - Кизляр, построенный, как мы видели, генералом Левашовым вместо старого города Терки[1] Причиной тревоги был шах Надир, который, завладев персидским престолом, простер свои честолюбивые замыслы на все соседние страны. Внезапное появление его в Дагестане и слух о движении к нашим пределам породили в Петербурге серьезное опасение за возможность новой войны с персиянами. В Астрахани принялись строить флот, заброшенный со смерти Петра Великого; Кизляр укрепляли; войска двигались на Терек с Волги и Дона; приехал наконец и генерал Еропкин, назначенный комендантом Терской линии. Но когда приготовления были окончены и война казалась уже неизбежной, Надир-шах получил известие о восстании внутри самой Персии и повернул назад. Пять лет, однако же, Терская линия стояла в полной боевой готовности, и только смерть воинственного шаха, последовавшая в 1747 году, позволила России распустить войска и возложить защиту границы на одних линейных казаков.

Ожидание вторжения шаха было последним актом персидской войны, начатой за двадцать пять лет перед этим Петром на берегах Каспийского моря. Как ни был блистателен сам по себе Петровский поход, он не достиг той важной цели, к которой стремился император. Как быстро приобретены были им земли вдоль по Каспийскому морю, так быстро они и отпали от нас в последующие царствования.

Таким образом, несмотря на беспрерывный ряд битв и на ряд геройских побед русских войск, положение России на Кавказе ко временам славного царствования Екатерины Великой было еще не упрочено. Стоял по-прежнему ряд крепостей и казацких поселений по реке Тереку от бывших Терков до Кизляра - Терская линия. А на запад, на обширном протяжении кубанских степей, от Дона и Маныча до

---

[1]Заложение Кизляра в 1735 году было последним действием Левашова на Кавказе. После этого он командовал войсками Низового корпуса, участвовал в войнах с турками и шведами, получил Андреевский орден и умер начальником Москвы в 1751 году, восьмидесяти пяти лет от роду. Прах его покоится в церкви Симона Персидского.

подножия кавказских гор, еще свободно кочевали, производя постоянные нападения на донские села и держа их в беспрерывном напряжении, дикие орды. И русским предстояло прежде всего связать крепкой линией свои терекские поселения с донскими и азовскими. Эта задача и была выполнена в царствование Екатерины.

"Достигнут был, - говорит Зиссерман об этой эпохе кавказской войны, - только один, немаловажный, впрочем, нравственный успех: мы утвердили на Кавказе высокое мнение о непоколебимом мужестве русских войск, об их непобедимости, о высоких качествах начальствовавших над ними генералов. Из этой школы вышли такие полки, как Кабардинский, Куринский, Ширванский и Апшеронский; явились такие начальники, какими были Матюшкин, Левашов, Еропкин и некоторые другие, умевшие с незначительными силами бороться на громадном пространстве с воинственными и многочисленными племенами".

IV

ГЕНЕРАЛ МЕДЕМ
(Кавказская линия с 1762 по 1775 год)

Со времени кончины Анны Иоанновны до вступления на престол Екатерины Великой все действия русских на Кавказе ограничивались исключительно защитой Терской линии. Впрочем, в Петербурге едва ли даже знали, что происходило на этой отдаленной линии, оберегаемой тогда гребенскими, кизлярскими и терско-семейными казаками, а между тем нужны были безумная отвага и нечеловеческие силы, чтобы трем слабым казачьим войскам бороться против соединенных усилий тавлинцев, чеченцев, кумыков и кабардинцев. Каждый шаг надо было занимать и отстаивать кровью, и немало этой казацкой крови было пролито тогда на защите родного рубежа, в неравных боях, под ударами тавлинских и чеченских шашек.

Екатерина скоро обратила внимание на эту горсть находившихся в постоянной и отчаянной войне казаков и для усиления их оборонительных средств приказала генерал-майору Потапову, бывшему тогда комендантом в Кизляре, укрепить на Тереке урочище Моздок.

Основание Моздока тесно связано с именем князей Черкасских-Кончокиных. Когда созревала мысль русского правительства о заселении левого берега Терека, находившийся в Петербурге один из

кабардинских депутатов, владелец Малой Кабарды, Каргоко-Кончокин, изъявил желание переселиться с частью своих подданных, до сорока дворов, на левый берег Терека, обещая уговаривать к тому же осетин, кистов и других горцев. Каргоко тогда же крестился и назван был Андреем Ивановичем. Его наградили чином подполковника с приличным жалованием, золотой медалью и титулом князя Черкасского-Кончокина. Кончокину предоставлено было право выбрать для поселения место, какое пожелает, с тем, чтобы избранное место было удобно и для построения крепости. Постройка поселения и на первый случай небольшого форпоста поручена была подполковнику Гаку. Князь Андрей Иванович Черкасский-Кончокин выбрал урочище Моздок. По каким-то причинам осуществление его мысли несколько замедлилось; однако же в 1763 году мы видим уже построенными форпост и при нем селение с небольшой церковью, которой суждено было впоследствии играть такую важную роль в нашей миссионерской деятельности на Кавказе.

Дальнейшая постройка Моздока, однако же, замедлилась опять по непредвиденным затруднениям. Дело в том, что русское правительство считало моздокское урочище вне кабардинских владений, основываясь на белградском договоре с Турцией, а кабардинцы присваивали его себе. В свою очередь, Турция была встревожена слухом, что в Моздоке заложена новая крепость, и дело доходило даже до дипломатической переписки. Коллегия иностранных дел, употребляя все способы, чтобы успокоить Турцию, в то же время секретно предписывала кизлярскому коменданту, генерал-майору Потапову, укреплять Моздок как можно скорее и, производя работы с большой осторожностью, откладывать ненужные до удобнейшего времени. Подполковник Гак принялся за дело с такой ревностью, что к 1765 году успел перестроить Моздокский форпост в значительное по тому времени для Кавказа укрепление, а самый форштадт, где жили крещеные горцы, окопать валом.

Таким образом, мы видим, что Екатерина с самых первых дней своего царствования начинает уже серьезно заниматься кавказскими делами, и то, что было сделано ею в Моздоке, было только началом той великой программы, на выполнение которой

потребовалось целое столетие и миллионы материальных жертв и нравственных усилий. Первоначальная идея, так счастливо и вовремя подсказанная Кончокиным, с течением времени развилась до колоссальных размеров, и при основании Моздока едва ли кто подозревал, что мы кладем краеугольный камень завоеванию Кавказа.

Кабардинцы, со своей стороны, видели в Моздокском укреплении посягательство на их свободу и усиленно домогались отмены сделанных на этот счет распоряжений. В 1764 году они отправили в Петербург своих депутатов - владельца Кайтука Кайсымова и почетнейшего узденя Шабаз-Гирея. Депутаты жаловались на стеснения, выявленные постройкой Моздока, основывая права свои на Моздокское урочище тем, что они издавна пользовались там лесом и пастбищами. Им отвечали категорически, что это доказывает только снисходительность русского правительства, дозволявшего кабардинцам пасти свой скот не только в этом урочище, но и по Куме. Однако же, желая смягчить хоть немного резкость такого отказа и вместе с тем задобрить кабардинцев, депутатам вручили в знак императорской милости три тысячи рублей для раздачи их на общем собрании народа всем владельцам и узденям в награду за помощь, оказанную при усмирении чеченцев в 1757 году. Отказ, объявленный депутатами на собрании народа, так раздражил кабардинцев, что они, не приняв трех тысяч рублей, удалились в верховья Кумы и, соединившись с закубанцами, до конца 1779 года производили набеги на всем протяжении наших границ. И первый набег их в июне 1765 года отличался таким необычайным упорством и дерзостью, которые только и можно объяснить себе еще не остывшим раздражением, вызванным неудачей ходатайства.

Вместе с черкесами нагрянули они тогда на линию и шесть недель стояли под стенами Кизляра, грабя и опустошая его окрестности. Наконец предводитель партии Рosламбек Карамурзин, известный под именем Сокура, то есть Кривого, отважился на приступ, но был отбит с громадной потерей и, чтобы поправить свою репутацию, кинулся в кочевья астраханских татар, у которых угнал такое громадное число лошадей, что, по словам одного современника, в целой

степи, кроме небольшого количества овец да быков, не осталось ни одной животины.

Так как подобные попытки могли повториться, то Екатерина приказала перевести на Терек еще часть волжских казаков, живших около Дубовки, и поселить их под именем Моздокского полка между самой крепостью и гребенскими городками. Казаки прибыли с Волги в 1769 году и были водворены на Тереке в станицах Галюгаевской, Наурской, Ищорской, Мекенской и Калиновской своим походным атаманом, полковником, впоследствии генералом Савельевым, имя которого в свое время было так популярно между казами, что сады в Наурской станице и поныне называются еще Савельевскими. Таким образом Терская линия была значительно усилена.

Справедливость требует сказать, однако, что казаки, пришедшие с Волги и Дона, не сразу сделались хозяевами края, а должны были еще долго присматриваться к обычаям совсем не знакомой и чуждой им страны. Весь правый берег Терека, поросший тогда непроходимыми лесами, скрывал враждебные племена кабардинцев и, казалось, дышал войной и гибелью. Оттуда выходили партии, которые не раз орошали русской кровью первые борозды, проводимые казацкой сохой. Места для засад были удобные, потому что и левый берег реки - теперь обнаженный или занятый садами и огородами - тогда еще был покрыт вековыми дремучими лесами.

В позднейшее время кавказской войны станицам угрожала опасность только из-за Терека, где жили чеченцы. Но сто лет назад казак боязливо смотрел и в другую сторону, где бродили толпы дикарей, не менее воинственных, но еще более кровожадных, чем горцы. Когда между буграми, покрывавшими моздокскую степь, показывались бесчисленные табуны коней, войлочные кибитки, и из-под косматых остроконечных шапок сверкали узкие глаза калмыков, казак брался за винтовку и сторожил станицу уже на все стороны. Обезоруженные впоследствии калмыки быстро потеряли воинственность, но старожили линии еще помнят калмыцкие разбои и стычки с непримиримыми врагами - киргиз-кайсаками. Податливая русская натура скоро, однако, освоилась с опасностями. Молодецки стал отбиваться казак, не уступая ни пяди из занятой им земли, и много совершил подвигов,

которые, живо сохраняясь в народных устах, нам, их потомкам, кажутся почти баснословными. И лишь одни немые могилы, разбросанные по старым городищам, говорят нам о тех давно минувших временах, которые в истории Кавказа справедливо могут быть названы героической эпохой.

Еще не успели моздокские казаки вполне устроиться и укрепиться на Тереке, как началась турецкая война.

В это время впервые появляется у нас мысль о возможности включить Кавказ в общий план военных действий против турок с целью отвлечь турецкие силы от европейского театра войны. Насколько эта мера оказалась целесообразной, доказал Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года, освятивший, так сказать, применение подобного образа действий на будущие времена.

И с тех пор все наши войны с турками постоянно сопровождались действиями и со стороны кавказских границ. Эти действия, оказывая более или менее решительное влияние на общий ход военных событий, являлись настоятельной необходимостью, как единственное средство противодействия враждебной нам турецкой агитации, для которой мусульманские племена Кавказа всегда представляли вполне подготовленную почву.

Участие кавказских войск в войне 1769 года выразилось тем, что отдельный отряд, под начальством генерал-майора Медема[1], прибыл в Моздок и отсюда должен был действовать против кабардинцев и закубанских черкесов, оказавшихся на этот раз особенно восприимчивыми к турецкой пропаганде. В то же время другой отряд, под начальством графа Тотлебена, прошел через Дарьяльское ущелье на помощь к имеретинскому царю Соломону и, овладев Кутаисом, очистил от турок всю Имеретию.

Так как действия Медема были ближе к русским границам и касались собственно северной части Кавказа, то мы прежде всего и остановим на них внимание читателей.

---

[1]Медем командовал до этого Оренбургским корпусом. На Кавказе, кроме отряда, прибывшего с ним из России, ему подчинены были все казаки, жившие по Тереку, калмыки и другие инородцы.

Война началась весной 1769 года нападением кубанских черкесов и татар на наших калмыков. Слух о том, что большая часть калмыцкого войска ушла на Дунай, так соблазнительно подействовал на горцев, что они решились воспользоваться случаем и напасть на их улусы[1]. Но, между тем как крымские султаны Максют и Арслан Гиреи вели шесть тысяч отборных всадников к нашим пределам, калмыцкий хан Убаша, со всей своей двадцатитысячной конницей, стоял уже на берегах Калауса и зорко следил за противником. Бой произошел двадцать девятого апреля. Небольшого роста, черномазые, безобразные, но ловкие, "как черти", калмыки превосходили своей воинственностью все азиатские народы и представляли собой противников опасных и грозных. Ламберти, путешествуя по Кавказу за сто лет перед тем, рассказывает об амазонках, сражавшихся с войсками Дадиана Менгрельского. Эти амазонки были калмыцкие женщины, принимавшие участие в битвах наравне со своими мужьями. Однажды несколько тел подобных героинь попало в руки менгрельцев, и Дадиан назначил большую награду тому, кто приведет к нему одну из таких амазонок живой. Современники, упоминая об этом, не говорят, однако же, чтобы кто-нибудь получил подобную награду.

Само собой разумеется, что бой при таких условиях должен был скоро решиться. Черкесы дали тыл, и калмыки насели на них, как дикие звери: они их рубили, резали, загоняли в болота, топили в Калаусе. Все пять знамен, множество оружия и панцирей, пять тысяч лошадей, обозы и вьюки - все это осталось в руках победителей. Пленных взято было немного, немногие же успели бежать, а все остальные пали на поле сражения. На самом месте побоища Убаша велел тогда же насыпать курган и назвал его Курганом победы, а на той стороне Калауса, где кончилась битва, - другой курган, который был назван им Курганом пиршества. Оба эти кургана - памятники битвы - существуют в ставропольских степях и поныне.

---

[1]По другим известиям, кабардинцы и закубанцы шли с намерением овладеть Моздоком, и что Убаша, проведав об этом, встретил их на дороге.

По первому известию об этом сражении Медем соединился с калмыцким ханом и стал у горы Бештау, в черте кабардинских владений. Отряд его имел под ружьем не больше трех тысяч человек из четырех рот кизлярской гарнизонной команды, Грузинского гусарского полка и трех эскадронов драгун при десяти орудиях; остальное дополнялось казаками. Но главную силу его составляли двадцать тысяч калмыков, которые хотя не подчинялись ему непосредственно, однако же Медему поставлено было в обязанность "командовать ханом, но так, чтобы это командование ему не было приметно". Задача трудная, с которой Медем, как увидим дальше, не справился. Как только русские войска вошли в Кабарду, большая часть кабардинцев тотчас присягнула на подданство императрице. Но часть, увлеченная молодыми князьми, укрепилась в соседних горах и, не желая ни нашего, ни турецкого подданства, стремилась отстаивать свою независимость. Медем послал против них конный отряд под начальством гусарского майора князя Ратиева, который шестого июня и имел с ними жаркое дело в ущельях Подкумка. Кабардинцы дрались отважно, но с такой же отвагой нападали на них моздокские казаки во главе с атаманом Савельевым, который сам водил их на завалы. Жестокий бой продолжался до ночи, а к утру неприятель поднял белое знамя и выдал аманатов. Кабардинцы сдались безусловно. Медем назначил к ним русского пристава[1] и, разъяснив им значение и святость присяги, двинулся к Кубани, желая возможно скорее воспользоваться впечатлением, которое должна была произвести в горах весть об истреблении черкесского отряда.

---

[1]Первым кабардинским приставом назначен был майор Дмитрий Васильевич Таганов - внук известного ногайского владетеля Муса-Мирзы. Еще будучи ребенком, он отдан был русским в аманаты и жил в Кизляре, а когда Муса-Мирза бежал опять на Кубань, молодого Таганова отправили в Петербург и поместили в кадетский корпус. Там он принял крещение и по окончании курса был выпущен поручиком в калмыцкое войско. При выборе пристава Медем остановил на нем свое внимание, как по совершенному знанию им туземных наречий, так и по тому уважению, которым пользовался древний род Тагановых во всей Кабарде и в Закубанье. Должность кабардинского пристава он отправлял четырнадцать лет, потом был комендантом в Кизляре и умер в 1798 году в чине генерал-майора.

На Кубани, по правому берегу ее, ближе всех к нашим границам жили в то время салтан-аульские ногаи, среди которых еще были живы предания о грозном нашествии Дундука Омбы, сумевшем в четырнадцать дней превратить цветущую страну в обширное кладбище. Салтан-аульцы избежали тогда общего погрома, присягнув на подданство русской императрице. Но лет двадцать назад, увлеченные турецкой пропагандой, они опять ушли на Кубань и теперь со страхом ожидали за это возмездия. Они уже давно следили за тем, какое направление примут калмыки, и как только направление это обозначилось, все, что было живого на Кубани, бросилось спасаться на левую сторону. Но спасаться уже было поздно. Пять тысяч калмыков переправились за ними вплавь и вскоре завязали дело. В то же время другой отряд, под начальством князя Ратиева, был двинут на каменный мост, находящийся в верховьях Кубани близ устья реки Теберды. Мост оказался занятым неприятелем. Савельев спешил четыреста своих казаков и бросился на приступ. Завязался горячий бой. Старый атаман вскоре был ранен, и только когда капитан Фромгольд привел к нему гусарский эскадрон с артиллерией, мост наконец был взят, и войска, перейдя на левый берег Кубани, в пять дней покончили экспедицию. Главным ее результатом было то, что салтан-аульцы опять поступили в русское подданство и были причислены к кабардинскому приставству.

Встревоженные быстрым и решительным успехом русских войск, турки усилили агитацию среди кавказских племен, и первой жертвой враждебного нам движения горцев сделался Кизляр. Воспользовавшись рабочей порой и тем, что Медем был за Кубанью, чеченское племя кистин сделало набег и захватило в садах Кизляра множество жителей, занимавшихся уборкой винограда. Известие об этом заставило Медема возвратиться на линию. Наказанные им чеченцы смирились, возвратили часть пленных и дали аманатов. Но не прошло и года, как эти аманаты бежали, а кистины сделали новый набег ужаснее первого, так как на этот раз, ворвавшись в Кизляр, они не брали жителей в плен, а убивали всех, не разбирая ни пола, ни возраста.

Беспорядки в Чечне в течение всей первой

половины 1770 года удержали Медема на линии целое лето. Между тем калмыки, скучая от бездействия, отправили сильную партию под начальством Емегень Убаши к Копылу, который, после разгрома его Дундуком Омбой, был перенесен на один из островов, образуемых быстрым течением Кубани. Два дня скрывалась партия в густом прибрежном камыше, выжидая случая напасть на город врасплох, но так как горцы держались с большой осторожностью, то Емегень потерял наконец терпение и решился действовать открыто. Вся партия его, раздевшись догола, переплыла Кубань верхом и кинулась на город с саблями и пиками. Но здесь их ожидало страшное разочарование: новый город оказался обнесенным глубоким рвом и валом, уставленным рогатками. Пока калмыки выбивали ворота, работая руками и каменьями, со стен загремели пушки, и Емегень принужден был отступить.

Чтобы загладить впечатление от этой неудачи, старый Убаша сам двинулся в поход и сделал набег на берега Лабы и Урупа. На этот раз он действовал малыми партиями и ограничился только отгоном скота и истреблением нескольких аулов.

Медем, узнавший об этих экспедициях только в Моздоке, был весьма недоволен преждевременным открытием военных действий и сделал резкое замечание хану. Хан оскорбился и, как лицо владетельное, не считавшее себя обязанным повиноваться простому генералу, собрал своих калмыков и ушел на Волгу. Таким образом, кампания этого года окончилась ничем, и Медем, простояв некоторое время у горы Бештау, распустил войска на зимние квартиры.

В это время шесть тысяч горцев имели намерение произвести нападение на лагерь, но майор Фромгольд четвертого октября разбил передовую партию их на реке Куме, нападение не состоялось.

Причины самовольного оставления ханом театра войны едва ли можно искать только в распре его с генералом Медемом; вероятнее предположить, что поступок хана имел в своем основании неудовольствие против нашего правительства, которое давно уже стремилось обуздать его самовластное управление ханством. Реформы, вводимые русским правительством в калмыцких владениях, конечно, не могли быть

поняты полудиким ханом, видевшим в них только ограничение своей деспотической власти. Понятно, что в уме Убаши естественно могла возникнуть мысль совсем уйти из России.

И действительно, воспользовавшись первым благоприятным случаем, он бежал в Зауральские степи в январе 1772 года. Яицкое войско, в то время уже волновавшееся, ничего не сделало для того, чтобы остановить побег, и хан беспрепятственно достиг пределов Китайской империи. С ним вышло из русских владений до двадцати тысяч кибиток, и вся степь между Волгой и рекой Калаус опустела до такой степени, что когда Сокур-Аджи Карамурзин в 1771 году сделал набег, то черкесы беспрепятственно дошли до земли Донского войска и разорили там Романовскую станицу и только уже на обратном пути имели небольшую перестрелку с гусарами майора Криднера, которые преследовали их до Кубани.

Измена калмыцкого хана, восстание Чечни и постоянные волнения среди кабардинцев настолько озаботили Медема, что в течение почти трех лет он не мог предпринимать никаких решительных действий. Между тем, к концу 1773 года на Кубани появился десятитысячный турецкий корпус и занял Тамань, сделавшуюся в скором времени главным местопребыванием всех тайных агентов Порты. Начальство над этим корпусом поручено было Девлет-Гирею, которого Порта провозгласила ханом и, по обычаю крымской страны, назначила к нему в помощники калгу и нураддина - две высшие в ханстве государственные должности.

Таким образом, и русские и турки хлопотали в это время о Крыме с одинаковым усердием. Явились два хана: один - Сагиб-Гирей, занимавший престол в Бахчисарае и избранный татарами при содействии русских, другой - Девлет-Гирей, назначенный в это звание Турцией. Отсюда понятно, что для Девлет-Гирея вопрос, чью сторону примут многочисленные ногайские орды, скитавшиеся по кубанским степям, был вопросом жизни или смерти. Чтобы проникнуть в Крым, ему нужно было начать свою деятельность там, где русское влияние оказывалось слабее, а с этой стороны не было благодарнее почвы, как именно закубанские народы.

В середине марта 1774 года, усилив свой корпус

еще пятнадцатитысячным сборищем горцев, Девлет вышел из Тамани и двинулся по направлению к русской границе. Первой и главной его заботой было истребить Джан-Мамбет-бея, главного начальника ногайских племен, человека искренне преданного русскому делу. По счастью, при Джан-Мамбете находился в то время небольшой отряд русских войск под командой подполковника Бухвостова, который не входил в состав Кавказского корпуса, а был выслан из армии князя Долгорукова, занимавшего в то время Крымский полуостров, с назначением охранять интересы преданных России татар. Этот-то отряд, состоявший всего из полутора тысяч человек ахтырских гусар, драгун и донских казаков, встретил турецкий авангард под начальством калги в Едичанской орде, и, прежде чем Девлет успел подоспеть на помощь с главными силами, разбил его наголову. Ногайцы, уже начинавшие колебаться в верности, теперь вместе с русскими преследовали бегущих. Джан-Мамбет, несмотря на свою старость, рубил в запальчивости тех, которые не решались сражаться со своими единоверцами.

Спустя несколько дней случилось и другое победоносное для русских столкновение. Донской полковник Ларионов, отправленный со своим полком на разведку, ночью внезапно был окружен многочисленными толпами недавно разбитых татар. По счастью, Ларионов не потерял присутствия духа и, пользуясь темнотой ночи, атаковал татар в пики, сбил и рассеял их так, что на рассвете следующего дня ни одного из них уже не было видно в окрестностях русского лагеря.

После этого дела подполковник Бухвостов настоял, чтобы Едичанская орда передвинулась ближе к расположению наших пограничных войск, а для прикрытия ее оставил на реке Калале небольшой казачий отряд под командованием полковника Платова. Опасения Бухвостова оказались справедливыми. Едва лишь ушли едичанцы, как в тот же день на Калалу нагрянул Девлет, и третьего апреля Платов был атакован его двадцатипятитысячной армией. Геройская защита Платова составляет один из блистательнейших подвигов донского казачества; но нет сомнения, что горсть храбрецов, находившихся в его распоряжении, была бы уничтожена, если бы,

2*

спустя короткое время, на помощь к ней не подоспел подполковник Бухвостов. Надо сказать, что у Бухвостова оставалось только пятьсот человек кавалерии, но этот отличный штаб-офицер понимал, что нравственный дух заменяет численность, и потому, не теряя ни минуты, бросился на выручку, "в надежде, - как он доносил, - на испытанную храбрость здешнего войска". Едичанцы за ним не пошли, даже сам Джан-Мамбет с изумлением и жалостью смотрел на отряд, скакавший, как он полагал, на свою погибель.

Между тем, отвага Бухвостова увенчалась полным успехом. Ударив с налета в тыл неприятеля, он внес такое смятение в татарское сборище, что когда Платов, со своей стороны, сделал отчаянный натиск, то все бросились бежать, охваченные паникой. То была единственная победа, едва ли когда встречающаяся еще в наших военных летописях: тысяча всадников гнала перед собой двадцатипятитысячную армию, охваченную паникой! Три раза пытался неприятель остановиться, чтобы собрать свои рассеянные силы, и три раза, сбитый Бухвостовым, снова бросался в бегство. Теперь в погоне за неприятелем принимали участие уже и татары, предававшие смерти всех, кого успевали настигнуть. Кубань перешли вброд, и затем Бухвостов с гусарами и казаками занял Копыл, где нашел тридцать четыре турецкие пушки. За это отважное дело Бухвостов был награжден орденом св. Георгия 3-ей степени.

Первым и главным результатом поражения Девлета было отпадение от него закубанцев. По всей вероятности, этим бы и кончились все его похождения, если бы неожиданный бунт в Кабарде не дал ему новой надежды на успех предприятия. Небольшой отряд майора Криднера, стоявший у Бештамака, где ныне Екатериноградская станица, не мог помешать соединению Девлета с кабардинцами. К счастью, неприятельский корпус, несмотря на огромное численное превосходство, не обнаружил большой решимости, что было, по всей вероятности, последствием неудач, которые турки понесли на Дунае. Все его действия ограничились бесцельным движением к Моздоку и неудачной осадой Наурской станицы, геройская оборона которой занимает одну из блистательнейших страниц в нашей боевой кавказской хронике.

Разбитые здесь наголову, татары бежали в Кабарду, куда по следам их двинулся весь корпус Медема. В то же время знаменитый атаман Савельев со своими казаками и гусарским эскадроном поручика Зимина перешел через Терек и, уничтожив две сильные чеченские партии, спешившие к Науру, возвратился назад с тремя отбитыми знаменами.Бухвостов и Бринк продолжали работать за Кубанью, а Медем почти одновременно с этим настиг и окончательно рассеял остатки Девлетовского корпуса в горах, на реке Чегем. Неизвестно, какие бы последствия имели для Девлета понесенные им поражения, если бы вслед за тем военные действия не были остановлены Кучук-Кайнарджийским миром.

По этому миру, заключенному десятого июля 1774 года, Порта признала Кубань границей Российской империи и навсегда отказалась от своих притязаний на Грузию и Имеретию.

После громких событий на Терской линии наступило как бы затишье. Кабарда, татары и Чечня, не смея повторять открытых нападений без поддержки Турции, занялись своими, искони неразрешимыми и нескончаемыми распрями, а русские тем временем стояли в Моздоке и занимались более прочным устройством Терекской линии.

Из последующей деятельности Медема на Кавказе можно отметить лишь один выдающийся факт, именно - поход его с небольшим отрядом в Дагестан для наказания уцмия Кайтага за грабежи и вероломство, жертвой которого погиб возвращавшийся из Персии известный ученый путешественник, академик Гмелин. К сожалению, никакие заботы нашего правительства не могли предупредить этого несчастья, случившегося скорее всего по вине самого Гмелина, который вздумал возвращаться из Энзели не морем, а сухим путем через Дагестанские горы. Впрочем, почтенный профессор, предпринимая этот путь, вовсе не думал об опасности, а рассчитывал, напротив, встретить содействие в своих научных экскурсиях со стороны уцмия, с которым когда-то ему случилось познакомиться. Уцмий действительно пригласил его в гости, но едва доверчивый Гмелин переступил порог его дома, как был изменнически выдан лезгинам. Горцы потребовали за выкуп его тридцать тысяч рублей серебром, но пока велись переговоры, Гмелину

суждено было испить до конца горькую чашу страданий. Он заболел и в глубокой тоске по родине умер двадцать седьмого июня 1774 года. Вместе с ним погибли и все его труды, которые могли бы обогатить науку, но не доставили горцам ни малейшей поживы. Над прахом Гмелина, зарытого татарами в деревне Каякентах, долгое время не было ни креста, ни камня, ни изгороди - ничего, что могло бы напомнить и указать путешественнику место, где покоятся кости ученого труженика. Лишь в 1861 году, другой профессор, академик Дорн, посещавший те же места, что и Гмелин, вспомнил, при возвращении из Персии, несчастного собрата и, разыскав его забытую всеми могилу, водрузил над ней большой деревянный крест с лаконичной надписью: "Академик Гмелин".

Обряд водружения креста произвел на татар, присутствовавших при этой церемонии, такое впечатление, что они, как бы желая загладить преступление своих единоверцев, совершенное за восемьдесят семь лет перед этим, сами вызвались принять на себя дальнейшие заботы и попечение об этой могиле. Гмелин, конечно, заслуживает лучшего памятника. Но величественно хорош и этот крест Спасителя здесь, вдали от христианского мира, среди мусульманских надгробий - лучший и верный символ страданий за любовь к человечеству.

Когда императрица получила известие о пленении Гмелина, она была возмущена вероломством уцмия и приказала Медему разорить его владения. Медем выступил в поход в марте 1775 года и прибыл в Дагестан в то время, когда кайтагцы осаждали Дербент, защищаемый Фет-Али-ханом кубинским. Это был один из тех эпизодов бесконечной резни и междоусобицы, которыми так богата история кавказских народов и до которых русским, в сущности, не было ни малейшего дела. Уже девять месяцев тянулась осада, и Дербент, томимый голодом, был близок к сдаче, когда известие о приближении русских заставило уцмия отступить от города. В битве при Иран-Хараба ("Погибель Персии") уцмий был разбит, и наши войска произвели страшный погром в его владениях. Имя Глухого Генерала - Медем не слышал на одно ухо - долго оставалось в преданиях горских племен.

К сожалению, Медем превысил свои полномочия и, не довольствуясь разбитием уцмия, занял Дербент,

принадлежащий персидскому шаху. Не ограничиваясь даже этим и желая еще больше расположить к себе владельца этого города, и без того уже обязанного ему спасением, он вздумал принять участие в его войне с кавказскими горцами и выслал небольшой отряд под командой майора Криднера в Табасаранские горы. Криднер, офицер спокойный и храбрый, составивший себе, как мы видели, видную репутацию во время действий на Кубани и против кабардинцев, вероятно, мало знаком был с тамошней местностью. Он допустил окружить себя в ущельях, потерял два знамени и если успел отступить к Дербенту, то только потому, что горцы побоялись его преследовать. Медем выкупил эти знамена за семьдесят рублей серебром - прием, оправдываемый мудрой русской пословицей: "Где не можешь бить дубьем, бей рублем", - ныне уже немыслимый, но в ту эпоху не раз, как мы увидим впоследствии, практиковавшийся с горцами, не имевшими ясного представления о значении подобных трофеев в европейских войсках. Оставив Криднера в Дербенте, сам Медем поспешил на линию, где в его отсутствие возмутились чеченцы.

Таким образом, Дербент, вопреки намерениям русского правительства и в ущерб дружественным сношениям его с Персией, опять очутился во власти русских. Но участь его еще не была решена окончательно, когда случилось происшествие, которое выказало в полном свете необузданный и кровожадный характер самого Фет-Али-хана. Осенью 1775 года русское торговое судно, возвращавшееся из Персии в Астрахань, разбилось недалеко от Дербента, и Фет-Али-хан не только разграбил товары на сумму в семьсот тысяч рублей серебром, но всех людей, спасшихся от крушения, велел перебить, надеясь тем окончательно скрыть следы преступления. Каким образом выплыло на свет Божий это темное дело - неизвестно. Но оно имело печальные последствия: майор Криднер почему-то был предан военному суду и разжалован в солдаты, а Дербент решено было оставить. Майор Фромгольд был послан в Дагестан, чтобы вывести наши войска обратно на линию.

Сам Медем после этого оставался на Кавказе недолго: отозванный в Петербург, он двадцать первого мая 1777 года сдал командование войсками генерал-майору Якоби.

V

ПОДВИГ ПЛАТОВА
(Битва на реке Калалах третьего апреля 1774 года)

...Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Неприятелю аркан,
Где наш вихорь-атаман?
Жуковский.

Оригинальная и в высшей степени своеобразная личность донского атамана Матвея Ивановича Платова занимает в сонме сподвижников императора Александра I совершенно особенное положение. Он один из наиболее любимых народных героев, созданных Отечественной войной. Великая эпоха 1812 года, озарившая Дон беспримерной в его летописях военной славой, выдвинула этого грозного вождя "Казацкой орды", и имя его облетело из конца в конец всю Европу. С тех пор прошло уже семьдесят лет; постепенно угасали боевые предания славной эпохи; одни за другими сходили в могилу доблестные бойцы 1812 года; истлели кости самого атамана. Но и теперь, когда уже едва слышны отголоски прежней его славы, имя и память Платова живут на Дону в бесчисленных рассказах, в песнях и в народных преданиях.

Главная деятельность Платова протекла среди кровавых войн наполеоновской эпохи, но колыбелью его известности был все-таки Кавказ - свидетель геройской обороны его, в глухих и пустынных еще

тогда степях нынешней Ставропольской губернии, во время турецкой войны. Если ехать с Дона по большому Черкасскому тракту, то вправо от него, там, где речка Калалах впадает в Большой Егорлык, на вершине весьма пологой и длинной покатости доныне заметны еще остатки земляного вала, за которым, по преданию, бились казаки, и Платов с горстью донцов отражал нападение двадцатипятитысячного турецкого корпуса. Бывают в жизни народов события, не вносящие никаких изменений в общественный их строй и тем не менее долго живущие в памяти позднейших поколений по причине чрезвычайно сильного впечатления, произведенного ими на современников. К числу таких именно событий, записанных историей, можно отнести и подвиг Матвея Ивановича Платова.

Теперь нет на Дону тех стариков, которые помнили бы детство героя Платова. Но по всем дошедшим до нас преданиям никто с самой ранней юности не отличался такими боевыми, чисто казачьими качествами, как Платов, в котором все предвещало человека замечательного, как бы нарочно созданного для войны и битв, для тех громких подвигов, которые впоследствии изумили собой всех русских людей и целую Европу.

Чтобы вполне оценить значение платовского подвига собственно в глазах донского казачества, нужно сказать прежде, в каком положении находилась тогда наша донская окраина.

С тех пор, как Россия отторгла Крым из-под власти турок и образовала из него независимую область под управлением Сагиб-Гирея, борьба казачества с соседним ему магометанским миром перенесена была на берега Кубани, где сосредоточились все враждебные ему элементы. Глубоко раздраженная потерей Крыма, Турция деятельно старалась поднять против России кабардинцев, закубанских черкесов, татар и даже ногайцев, этих полумирных кочевников, которые хотя и признавали над собой верховную власть замиренного Крыма, но были соучастниками во всех грабежах и набегах на русские пределы. Подготовляя вторжение в Крым, турки отлично понимали, что прежде надо было отвлечь куда-нибудь часть русских сил, охранявших Перекоп, и в этом случае Дон, как искупительная жертва честолюбивых замыслов, обречен

был ими на гибель. Замечательно, что известие об этом пришло в Черкасск почти одновременно с другим, не менее тревожным, о появлении на Волге пугачевских скопищ. Страшный самозванец в это время уже шел с Казани и успел поднять все низовые губернии до самых северных пределов Донского войска.

В другую пору, когда все казаки были дома, вести о неприятелях произвели бы, пожалуй, совсем иное впечатление. Тогда войсковое начальство, быть может, и само не стало бы о них очень беспокоиться, зная, что донцам не в первый раз переведываться на бранном поле с разными татарами. Но теперь, когда большая часть донских полков находилась в походе, за границей, а на Дону оставались только старики да юноши, никогда еще не бывавшие в сражениях, поневоле приходилось серьезно призадуматься над участью края.

В таком положении находились дела, когда весной 1774 года Девлет-Гирей, провозглашенный крымским ханом, двинулся к Дону. Ногайская орда поднялась и стала уходить на речку Ею. Но для того, чтобы прикрыть ее переселение и вместе с тем забрать весь провиант, имущество, скот и даже больных, покинутых жителями в местах, где были их становища, подполковник Бухвостов составил из своего отряда два слабых казачьих полка под начальством полковников Платова и Ларионова.

Тринадцатого апреля, когда полки эти стояли в вершинах реки Калалах, с передовых постов вдруг дали знать, что "валит силы татарской видимо-невидимо". Не успели казаки опомниться и сесть на коней, как весь горизонт уже покрылся черной тучей татарской конницы. Это были главные силы Девлета, у которого насчитывалось тогда более двадцати пяти тысяч разных азиатских всадников. Казалось, что горсть казаков, не превышавшая в обоих полках тысячи коней, моментально будет раздавлена налетевшим на нее ураганом. Действительно, первой мыслью, которая появилась у донцов под этим впечатлением, было покинуть обоз и уходить, пока еще не поздно. Но Платов думал иначе, именно, что долг их заключается в защите транспорта до последней крайности, что лучше отбиваться два или три дня, пожертвовать частью отряда, что, наконец, лучше всему отряду погибнуть с честью, нежели потерять

обоз и этим, быть может, подорвать успех всей экспедиции.

"Друзья мои! - воскликнул он, обращаясь к полку. - Вы видите сами, какая сила татар окружает нас! Нам нужно биться с этой силой - и победить ее или лечь костьми, как поступали наши деды!.. Не будем же мы русские, не будем донцы, если устрашимся проклятого татарина!"

Ровный, спокойный и как бы не признающий никакой опасности, голос его отрезвил казаков, уже близких к панике. Пользуясь этой минутой, Платов приказал им быстро сдвинуть телеги так, чтобы загородить со всех сторон небольшой окоп, возведенный за ночь, а между тем вызвал двух расторопнейших людей из своего полка и приказал им как можно скорее известить обо всем Бухвостова.

"Помните, - сказал им Платов, - что вам, быть может, предстоит пробиться сквозь неприятеля... Дон не забудет вашей услуги, а если суждена вам славная смерть, то знайте, что вы положите головы в честном бою за край ваших отцов, за православную веру, за ваших братий, за матушку-царицу - за все, что есть на земле святого и драгоценного для русского чувства!"

Восторженная речь воодушевила казаков. Оборона была решена, и два полка засели в засаду.

Нельзя не заметить, что Платову в это время было только двадцать три года. Он был моложе Ларионова летами и службой, но его энергия и нравственное влияние на казаков были так велики, что фактическое командование отрядом само собой перешло в его руки.

Было часов восемь утра, когда громадная сила татар со всех сторон обложила казачий стан, укрывшийся за утлой оградой, которую никто бы в наше время не осмелился назвать укреплением. Казаки увидели, как развернулось большое ханское знамя и как толпа, приветствовавшая его появление диким ревом, двинулась на приступ.

Первое нападение, однако же, было отбито - казаки устояли. Но бежавшие татары тотчас сменились другими, свежими толпами, и за первым приступом последовал второй, за вторым - третий, четвертый, пятый... Боковые фасы укрепления сплошь завалились телами побитых татар, но по этим трупам ломились и лезли в вагенбург все новые и новые

люди... Рук недоставало, чтобы везде отбивать нападающих. А между тем, не сдержи казаки напора где-нибудь в одном месте, гибель всех была бы неизбежной. Платов сам обходил ряды и увещевал всех постоять до конца за Тихий Дон, за матушку-царицу.

Семь приступов уже было отбито, начинался восьмой, и сомнение мало-помалу стало закрадываться в сердца даже этих железных защитников. Тогда старый боец, еще недавно прославивший себя молодецкой битвой, полковник Ларионов, отозвал Платова в сторону.

- Посланные тобой казаки, - сказал он ему, - вероятно, погибли; мы истощили все силы, большая часть лошадей наших перебита, и без особой помощи свыше нам нельзя ожидать спасения...

- Что же ты хочешь сказать этим? - перебил его Платов.

- Я думаю, - продолжал Ларионов, - что нам благоразумнее выговорить себе какие-нибудь условия, чем бесполезно продолжать оборону.

- Нет! Никогда! - воскликнул Платов. - Лучше умрем, нежели покроем стыдом и позором честь нашей отчизны.

- На что же ты надеешься? - спросил Ларионов.

- На Бога, и верю, что Он не оставит нас своей помощью.

Ларионов молча пожал ему руку.

В это самое время Платов, пристально вглядывавшийся в степь, вдруг радостно перекрестился. Ему показалось на самом горизонте большое серое облако, которое быстро росло, ширилось и вдруг зарябило многими точками. Эти точки отчетливо и ясно стали вырисовываться в прозрачной синеве вечернего воздуха, и зоркий глаз степняка безошибочно угадал в них скачущих всадников.

- Ребята! - воскликнул Платов. - Смотрите, уж это не наши ли скачут на выручку?..

- Наши! Наши! - закричали казаки, и сотни рук поднялись, чтобы сотворить крестное знамение.

Помощь действительно была недалеко.

Один из казаков, посланных Платовым, был убит, но другой доскакал до Бухвостова и передал ему известие, которое мгновенно подняло на ноги целый отряд. Гусары, казаки, драгуны бросились седлать лошадей. Шумный говор пошел по всему бивуаку.

Одни татары, узнав о близости Девлета, пришли в отчаяние и ни за что не хотели следовать за нашими войсками. Уговаривать их было некогда. Пока Бухвостов с эскадроном ахтырских гусар и с легкой драгунской командой выезжал из лагеря, полковник Уваров со своим казачьим полком уже был далеко впереди и прежде всех подоспел на помощь. Минута - и двести-триста казаков с опущенными пиками врезались в тыл неприятелю. Это была атака отчаянная, безумная, не оправдываемая ничем, кроме слепой и дерзкой отваги, но именно эти-то свойства ее и имели решающее влияние на судьбу Калалахской битвы. Десятки тысяч людей, несомненно, храбрых, вдруг дрогнули и, смешавшись, как робкое стадо, обратились в неудержимое бегство. Началась паника - та страшная паника, которая безотчетно охватывает массы и подчиняет их одному только животному инстинкту самоспасения. Казаки, преследуя бегущих, нагнали их прямо на отряд Бухвостова, который принял их картечью из четырех орудий. Это был финал, после которого все татарское скопище разбежалось в разные стороны, и собрать его не представлялось уже никакой возможности.

Казакам досталась богатая добыча. На месте боя они собрали и похоронили свыше пятисот неприятельских трупов. У Платонова выбыло из строя только восемьдесят два человека, но до шестисот лошадей, так что большая половина его отряда осталась пешей.

"Платов, - доносил Бухвостов, - будучи в огне, оказался вполне неустрашимым; он сумел ободрить своих подчиненных, приходивших уже в отчаяние, и этим способом удержал их в слабом укреплении до моего прибытия. Затем, во время преследования, он с величайшей опасностью для жизни бросился на многочисленные толпы неприятеля, подавая пример своим подчиненным, особенно в лесном сражении близ Кубани, где ободренные им спешенные казаки оказали храбрость примерную".

"Если кому-нибудь придется быть в таком же положении, - говорит известный наш партизан Д.В. Давыдов, - тот пусть вспомнит подвиг молодого Платова, и успех увенчает его оружие. Фортуна, не всегда слепая, возведет, быть может, твердого воина на ту же степень славы, на которую вознесла она и маститого героя Дона".

Калалахская битва была выиграна. Дон был спасен от погрома, и с этих пор казаки заговорили о Платове, как о чем-то чудесном. Начальство обратило на него особенное внимание, и даже вся армия, двор и сама императрица узнали его имя. Но всех более полюбил его знаменитый Потемкин, который до самой смерти своей оставался истинным его благодетелем и покровителем. Калалахское сражение было, можно сказать, яркой зарей блистательной славы, которая сделалась с тех пор неразлучной спутницей его на военном поприще.

Дальнейшая служба Платова не принадлежит Кавказу. Только раз он еще возвратился сюда в качестве походного атамана во время персидского похода графа Зубова, но этот кратковременный поход не дал ему случая совершить что-нибудь достойное его имени.

В 1806 году, будучи уже войсковым атаманом, он в первый раз повел свои донские полки на битвы с французами и с этих пор до взятия Парижа, можно сказать, не вынимал ноги из боевого стремени, совершая ряд громких подвигов. Одни донцы под предводительством Платова отбили от французов в 1812 году тридцать знамен и взяли в плен десять генералов и семьдесят нижних чинов. Насколько популярно было тогда имя Платова в Европе, можно судить по следующим фактам. В Лондоне, в общем собрании сословий города, было постановлено, в признательность великим подвигам Платова, поднести ему от лица английского народа драгоценную саблю в золотой художественной оправе. Сабля эта составляет и поныне фамильную святыню графов Платовых. На эфесе ее на одной стороне по эмали изображен соединенный герб Ирландии и Великобритании, а на другой - вензелевое изображение имени Платова; верх рукоятки покрыт алмазами; на ножнах медальоны превосходной чеканки изображают подвиги и славу героя; на клинке - соответствующая надпись. Большой портрет атамана помещен в королевском дворце рядом с портретами Блюхера и Веллингтона - изображения трех главных бичей ненавистного для англичан французского императора. Под этим портретом висит картина, изображающая знаменитого белого коня - верного и неразлучного спутника атамана во всех боях, написанная по приказанию

принца-регента одним из знаменитейших в то время лодонских художников. Коня этого в полном казацком уборе Платов, тронутый сочувствием к себе английского народа, подарил, уезжая из Лондона, принцу-регенту, как представителю могущественного государства. Донской красавец был принят на королевские конюшни и кончил жизнь вдали от родных степей.

Возвратившись на Дон генералом от кавалерии, графом и с бриллиантовыми знаками Андреевского ордена, Платов думал еще посвятить остаток своих дней внутреннему благоустройству родины. Но смерть уже стерегла его, и третьего января 1818 года маститый атаман скончался в своем небольшом поместье около Таганрога, шестидесяти семи лет от роду. Рассказывают, будто бы легендарный богатырь, сломленный тяжелым недугом, в последние минуты произнес следующие слова: "Слава! Слава! Где ты? И на что ты мне теперь пригодилась?"

Прах атамана покоится ныне близ Новочеркасска, в фамильном склепе Мишкинской церкви; белая мраморная плита указывает место его погребения, и теплится вечная неугасимая лампада перед иконой. Роскошный памятник работы известного скульптора Мартоса, стоявший когда-то над самой могилой графа, теперь перенесен и поставлен впереди алтаря.

Но есть и другой памятник, воздвигнутый Платову по повелению императора Николая Павловича, желавшего увековечить память донского героя в назидание будущим поколениям нашего казачества. Этот прекрасный монумент, исполненный бароном Клодтом, стоит в Новочеркассе среди обширной площади и представляет "вихря-атамана" в развевающейся бурке, с гетманской булавой в одной и с обнаженной саблей в другой руке, как бы устремляющегося с восставшим населением Дона в битвы на врагов России. Вся фигура, отлитая из бронзы, дышит энергией и силой.

"Долго и в раздумьи стоишь перед этим изображением, - говорит один путешественник, - а в голове мелькают события славного 1812 года, и в памяти невольно воскресают строфы Жуковского из его "Певца во стане русских воинов":

Хвала! Наш вихорь-атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан -

Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу - ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту - мост исчез;
Лишь к селам - пышут села".

VI

ГЕРОЙСКАЯ ОБОРОНА НАУРСКОЙ СТАНИЦЫ В 1774 ГОДУ

Оборона Наурской станицы моздокскими казаками десятого июня 1774 года представляет собой один из тех подвигов, которые, не имея большого политического и военного значения, вместе с тем невольно останавливают на себе внимание и современников и потомства, поражая ум и воображение. И в летописях царствования великой императрицы русской, столь славного богатырскими делами, и в летописях кавказской войны этот эпизод должен занять место между славными подвигами, прославившими русское имя.

Была первая турецкая война, и Наурскую столицу обложило восьмитысячное скопище татар, кабардинцев и турок, под предводительством калги из рода крымских султанов. Строевые казаки еще не возвращались из похода, и дома оставались только старики, женщины, дети и легионная команда. У неприятеля был явный расчет захватить врасплох беззащитных жителей станицы, которая едва только устраивалась, хотя, правда, и была обнесена валом и снабжена орудиями. Неприятель не знал, однако же, с кем будет иметь дело - и встретил небывалое войско с небывалым оружием. Разряженные наурские казачки в красных сарафанах вышли на защиту родного города и отражали неприятельские приступы наряду с мужьями и братьями. На женщин, между прочим,

была возложена обязанность поддерживать костры, разогревать смолу и лить со стен кипяток на головы штурмующих. Сохранилось предание, что даже щи, варившиеся к обеду, шли у казаков на дело защиты.

Оборона Наура была первым случаем, когда от кавказской женщины понадобилась серьезная и опасная боевая служба. Впоследствии она уже не расставалась с ней и сроднилась, как с чем-то неизбежным среди суровой обстановки порубежного быта. Моздокские казачки не пугались ни свиста вражеских пуль, ни стрел, ни дикого рева и гика нападающих неприятелей. Спокойно, рядом со старыми волжскими бойцами встречали они яростные атаки татар, защищались серпами, косили косами смельчаков, появлявшихся на земляном валу станицы. Чугунные пушки перевозились на людях с места на место, смотря по тому, откуда усиливался приступ.

Несколько отбитых штурмов дорого стоили татарам. Полагают, что их потеря простиралась до восьмисот человек и что большая часть ее пала на кабардинцев. В числе убитых кабардинцев был и один из известных владельцев, князь Кагока Татарханов, и тело его осталось на поле сражения. Уже одно это обстоятельство показывает, как сильно было смятение татар, считающих священным долгом выносить из боя тела убитых товарищей, а тем более вождей и предводителей.

Целый день длилась кровавая борьба за обладание Науром, и целый день, истомленные боем, наурцы ожидали выручки, но выручка не появлялась. Станица Червленная лежала всего в сорока верстах, но сообщение с ней было прервано.

Говорят, что в Червленной был слышен гул пушечных выстрелов, но что командир пехотного полка, расположенного в станице, почему-то думал, что у наурцев идет совсем не кровавая драма, а водевиль с потешными огнями, до которых, нужно сказать мимоходом, был великий любитель начальник моздокских казаков старый полковник Савельев.

Так прошел день десятого июня. Одиннадцатого с рассветом вновь загремели казацкие пушки, но к общему удивлению неприятель быстро стал отходить от станичных валов, и скоро беспорядочные толпы его скрылись из глаз изумленных наурцев. Никто не знал и не догадывался о настоящей причине столь

поспешного отступления вражеского табора, и уже впоследствии только стали говорить, что снятием осады Наур обязан был казаку Перепорху, наведшему орудие прямо на высокий курган, где стояла ставка калги, и счастливым выстрелом убившего любимого племянника предводителя. В этой случайности калга увидел для себя дурное предзнаменование и больше не хотел оставаться на тех полях, которые обагрены были неповинной кровью юноши...

Спустя много лет после этого события, в 1838 году, казаки разрывали однажды станичный курган, на котором, по рассказам их дедов, стояла ставка крымского султана, и действительно нашли в земле человеческие кости, серебряный кувшин и золотые украшения с пояса и конской сбруи. Кто знает, быть может, это и были останки того человека, случайная смерть которого решила участь наурской осады.

Хотя рассказ с казаке Перепорхе и его удачном выстреле и довольно популярен среди жителей Наурской станицы, но большинство казаков и доныне приписывает снятие осады и бегство неприятеля только особому Божьему покровительству. Предание говорит, что на заре одиннадцатого июня, в день памяти святых апостолов Варфоломея и Варнавы, два всадника на белых конях и в белой одежде проехали вдоль вражеского стана и навели на татар панический ужас. В ознаменование этого события в наурской церкви устроен даже придел во имя апостолов Варфоломея и Варнавы, и день одиннадцатого июня празднуется в Моздокском полку до настоящего времени.

"Это бабий праздник", - говорят о нем казаки, вспоминая славное участие, которое приняло в бою женское население станицы. Многие из представительниц славного дела дожили до позднейшего времени, и посетители Наура еще не очень давно встречали старых героинь, украшенных медалями за его оборону.

Видная роль, выпавшая на долю женщины-казачки при защите Наура, была особенной причиной, почему кабардинцы долго не могли забыть позора своего поражения. Даже мирные из них старались не встречаться с моздокским казаком, боясь насмешек насчет того, "как Кабарда пошла воевать, да не управилась с казацкими бабами". Когда же приходи-

лось встречать кого-нибудь из них с обожженным лицом, то казак и казачка не пропускали, бывало, случая позубоскалить над злополучным джигитом.

- А что, дос (приятель), не щи ли в Науре хлебал? - спросит, бывало, линеец и провожает добродушным смехом угрюмо молчащего кабардинца.

VII

НЕУДАЧНЫЙ ПОХОД ТОТЛЕБЕНА В ГРУЗИЮ

Восемнадцатого ноября 1768 года была объявлена турецкая война. Екатерининские армии под начальством князей Голицына и Долгорукова двинулись к Днестру и к Перекопу, и сверх того сформированы были еще два отдельных самостоятельных отряда, назначавшиеся к военным действиям - один на Кубани, у подножия Кавказских гор, а другой - по ту сторону гор, в Закавказье, в древней Колхиде и Иверии.

Отделенные от нас высокой кавказской стеной, народы картвельского племени составляли в то время четыре государства: Грузию, Имеретию, Менгрелию и Гурию. Грузия была сильнейшей из них, но, раздираемая внутренними смутами и междоусобицами, она не могла иметь влияния на судьбы сопредельных с ней христианских государств, из которых каждое жило своей особенной жизнью.

Просвещенная светом истинной веры почти за шестьсот лет до крещения Владимиром Киева, древняя Иверия оставила много исторических памятников прежнего своего величия, но золотой век ее миновал уже в XII столетии, когда Древняя Русь еще только начинала свое политическое существование.

Иверия пережила много невзгод, история ее есть длинный мартиролог иверийского народа. Грузинская территория, лежащая на великом перекрестке переселения народов, через который прошли, сталки-

ваясь между собой, многочисленные племена Азии и Европы, была постоянной ареной борьбы, и потоки крови пришельцев и туземцев обагряли поля ее. Сильная некогда Грузия наконец стала изнемогать в борьбе с могучими соседями, злополучный край попеременно стали терзать то персияне, то турки, то лезгины. И между тем, как иверийский народ, сильный духом и верой, напрягал последние силы в борьбе с магометанским миром, цари Имеретии уже спокойно выносили вековую зависимость от Порты, а остальные государства, Менгрелия и Гурия, совсем подпали под ее влияние и даже отурчились и обусурманились.

В половине минувшего столетия на престол Имеретии вступил Соломон I, названный Великим. Двадцатилетний юноша, он поставил для себя задачу освободить страну из-под власти турок, подвергавших его отечество бедствиям жесточайшего рабства. Без войск и почти без денег он начал кровавую борьбу против притеснителей и неоднократно наносил поражение значительным силам их среди лесов и неприступных мест, которыми богата его родина. Турки, испытавшие силу характера Соломона и опасаясь его возраставшего могущества, прибегли к обычному их орудию, к интриге, и возмутили против царя его собственных подданных.

Изгнанный и лишенный престола, Соломон с немногими людьми, оставшимися верными ему, скитался в лесах и в столь горестном положении, по словам одного путешественника, "встретил праздник Пасхи, что даже не имел священника для возглашения радостных гимнов Воскресения Христова. Благочестивый царь торжествовал, однако, как мог, этот великий день. Он вырезал на столетнем дубе знамение креста и с малым числом своих приближенных три раза обошел вокруг этого дерева, воспевая во мраке ночи и дубравы: "Христос воскрес из мертвых".

В столь трудных обстоятельствах Соломон обратился наконец за помощью к наемному лезгинскому войску и, разбив при его содействии поставленного турками царя Теймураза, опять овладел престолом. Столица Имеретии осталась, однако же, в руках у неприятеля; а пока турки сидели в Кутаисе и в Поти, власть Соломона не могла утвердиться в крае на

прочном основании. По счастью для него, в это самое время началась русско-турецкая война. Большую часть своих войск Турция должна была отправить на Дунай, в Имеретии же, так же как по всему побережью Черного моря, остались лишь небольшие гарнизоны. Дороги к Батуму и Трапезунду, к этим важнейшим рынкам азиатской Турции, оставались открытыми. Турки, очевидно, не ожидали с этой стороны нападений, и потому противник мог легко очутиться перед воротами Скутари и Царьграда. Императрица Екатерина хотела воспользоваться выгодами такого положения и предложила Соломону помощь, обещая, если он энергично поведет войну, при заключении мира иметь в виду интересы Имеретии. В то же время Екатерина питала надежду привлечь на нашу сторону и Грузию. "Грузия, - писала она Вольтеру, - уже воспротивилась туркам и отказалась платить им дань красивыми девушками, которые наполняли турецкие серали". - "Грузинский манифест об этом, - отвечал Вольтер, - появился в Европе и произвел известное впечатление; очевидно, Мустафе придется отказаться впредь быть обладателем грузинских красавиц... Желаю, - прибавлял он шутливо, - чтобы все грузинские девицы достались вашим офицерам - красота должна быть наградой храбрости".

Доказательством того, как занимало Екатерину Закавказье и вместе с тем как мало знали в Петербурге страну, в которой предполагали действовать, может служить любопытная записка Екатерины, требовавшей от коллегии иностранных дел точнейшую справку о том, где именно находится Тифлис. На картах, представленных императрице, он обозначался то на Черном море, то на Каспийском, то, на некоторых, в середине грузинской земли.

Государственный канцлер написал, между тем, к царю Соломону письмо, стараясь доказать ему выгоды совместного с Грузией действия. Соломон сам отправился к Ираклию в Тифлис, и там оба царя, посовещавшись между собой, порешили служить императрице против турок верно и ревностно. Но Ираклий просил русской помощи, опасаясь, чтобы в его отсутствие страна не была разорена лезгинами. Екатерина уважила это ходатайство и назначила в Грузию корпус генерал-майора графа Тотлебена.

Готлиб Генрихович Тотлебен был принят в русскую

службу еще императрицей Елизаветой Петровной по рекомендации наследника престола и в 1759 году произведен в генералы. Это была личность, можно сказать, никем не разгаданная. Военные способности его не подлежат никакому сомнению, имя его встречалось почти во всех современных реляциях о прусской войне, как имя такого партизана, перед которым трепетали прусские военачальники; но вместе с этим, его загадочный характер, постоянные сношения с неприятелями и связи, которые имел он в Пруссии, не внушали к нему особого доверия в войсках, не изменивших о нем своего мнения даже после такого блистательного подвига, как взятие Берлина. Громкое событие это, сделавшее имя Тотлебена известным целой России, произошло следующим образом.

Утром двадцать второго сентября 1760 года летучий корпус Тотлебена внезапно появился перед Берлином и занял все дороги, ведущие в город. Прусские гусары, выехавшие против него, почти все были перебиты или забраны в плен нашими казаками. Тотлебен потребовал сдачи города и, получив отказ, приступил к бомбардированию его. Орудийный огонь направлен был им главнейшим образом на литейный двор и на королевский замок. В городе начались пожары. Воспользовавшись этим, Тотлебен ночью бросился было на приступ, но был отбит. Между тем, поутру следующего дня подошли отряды Чернышова, Панина и графа Ласси; пока происходили ежедневные стычки, Тотлебен повел переговоры и успел склонить коменданта к сдаче города на следующих условиях: 1) гарнизону и всем военным предоставляется свободный выход из города, 2) королевский дворец останется нетронутым и 3) город заплатит полтора миллиона талеров военной контрибуции и особо - двести тысяч на войска наших летучих отрядов.

Два дня победители занимались в Берлине сбором контрибуции, захватом королевской казны, очищением арсеналов и вывозом из магазинов казенного имущества. Чего нельзя было забрать, то предавалось пламени, а все пороховые мельницы, литейные и пушечные дворы, ружейные и шпажные заводы были разорены до основания.

Известие о взятии Берлина повергло в трепет целую Пруссию. Европа с изумлением узнала об

отважном подвиге наших партизан, а в Петербурге все иностранные министры поспешили во дворец принести поздравления императрице, распространяясь о том, как это событие славно для царствования Елизаветы[1].

К сожалению, Тотлебен позволил себе напечатать в немецких газетах резкие суждения о своих сподвижниках, Чернышове и Ласси. Это дало главнокомандующему повод жаловаться на него императрице. Тотлебену объявлен был высочайший выговор. Обиженный этим, он подал в отставку, но его удержали на службе тем, что отдали в его команду все легкие войска, поставив его в зависимость только от одного главнокомандующего.

При таких выгодных для него условиях началась кампания 1761 года. Решительных действий в этом году ожидали только в Силезии, где находился Лаудон с большой частью австрийской армии.

Но, вопреки ожиданиям, даже и там происходили только мелкие стычки. Лаудон ждал русских, которые двинулись поздно и шли медленно. Главнокомандующий, фельдмаршал Бутурлин, видимо, избегал решительных действий и потому при первой возможности отступил из Силезии. Императрица и так уже была весьма недовольна действиями Бутурлина, а тут к печальному исходу кампании прибавилась еще измена генерала, имя которого тесно связано было с лучшим эпизодом прусской войны - со взятием Берлина. Двадцать первого июня 1761 года фельдмаршал донес императрице о странном происшествии, случившемся в походе на Померанию: генерал Тотлебен, командовавший легкими войсками, был арестован "советом полковников", находившихся у него в команде, после того, как один из них, Аш, открыл его измену, не подлежавшую сомнению. Произведено было строжай-

---

[1]Сохранилось любопытное предание, что при занятии Берлина именно в отряде Тотлебена служил Пугачев простым казаком. Однажды Тотлебен, увидев его у себя в ординарцах, сказал окружающим: "Чем больше я смотрю на этого казака, тем более поражаюсь его сходством с великим князем Петром Федоровичем". Если предание это верно, то можно согласиться, что эти слова, сказанные в присутствии самого Пугачева, могли произвести на него впечатление и впоследствии дать ему мысль назваться императором.

шее следствие, схвачен был человек, у которого нашли переписку Тотлебена с прусским королем, маршруты и несколько шифрованных записок. Арестованного Тотлебена отвезли в Петербург и предали военному суду, который приговорил его к смертной казни четвертованием. Императрица Екатерина смягчила этот приговор и заменила смертную казнь лишением чинов и высылкой за границу с воспрещением являться в Россию, где всякому предоставлено было право безнаказанно убить его, как уличенного изменника. Шесть лет прожил Тотлебен за границей.

Но едва началась турецкая война, как он обратился к императрице с просьбой о помиловании. Екатерина, ценившая его военные способности, вновь приняла его на службу в прежнем генерал-майорском чине и назначила для действия в Грузии. Отряд, порученный в команду Тотлебена, собирался в Моздоке и состоял из Томского пехотного полка, четырех эскадронов конницы и пятисот казаков при двенадцати орудиях. Была уже поздняя осень, а потому, распорядившись, чтобы пехота и большая часть артиллерии зимовали в Моздоке, Тотлебен взял с собой только конный отряд в четыреста человек при четырех орудиях и форсированным маршем двинулся к Тифлису. С этими ничтожными силами Тотлебен, первый из русских генералов, перешел Кавказский хребет, преодолев большие трудности. Один из путешественников позднейшего времени с удивлением останавливается на этом подвиге.

"Проводник указал мне, - рассказывает он, - на высокие горные утесы, вздымавшиеся по левую сторону Девдоракского ущелья, во впадинах между которыми виднелись лед и снег. Через этот самый гребень прошел первый отряд из России в Грузию, когда еще о Военно-Грузинской дороге не было и помину. Смотря на эти едва доступные глазу вершины, не верится, чтобы там могло пройти войско, да вдобавок еще с орудиями".

В ноябре 1769 года Тотлебен расположился на зимние квартиры в Грузии. В первое время между ним и царем Ираклием завязалась тесная дружба. Но скоро эти отношения стали сменяться размолвками по поводу того, что Тотлебен потребовал отозвания из его отряда всех офицеров грузинского происхож-

дения. Он находил поведение их не соответствующим "должной верности". Вскоре ему пришлось подметить ту же черту и в русском офицере, подполковнике Чоглокове, который был прислан к нему волонтером. Еще в Моздоке всех поразило то обстоятельство, что Чоглоков ехал на войну в сопровождении громадного обоза и целого штата прислужников, объясняя это тем, что ему иначе ехать нельзя, так как он сын известных Чоглоковых, игравших такую важную роль в истории молодого двора при императрице Елизавете, и так как он близкий родственник самой государыне. Мать его, урожденная Гендрикова, приходилась, действительно, двоюродной сестрой Елизавете Петровне, и это-то обстоятельство дало ему повод распускать в Грузии слух, что он после великого князя ближайший наследник русского престола. Ираклий говорил Тотлебену, что Чоглоков, ссылаясь на секретные инструкции, просил у него трехтысячное войско, чтобы воевать отдельно в Армении, где, по его словам, он имел большие связи. До Тотлебена стали доходить слухи, что молодой человек затевает что-то недоброе, что в кругу товарищей он говорил не раз, будто бы он едет в Грузию затем, чтобы быть царем или умереть на эшафоте. Опасаясь какого-нибудь неприятного происшествия, Тотлебен стал воспрещать ему поездки из лагеря, особенно к грузинам, среди которых у него было много сторонников, но это распоряжение только ускорило катастрофу. В страстную субботу вечером Чоглоков задумал произвести некоторое coup d'etat и, сидя в палатке поручика Львова, объявил ему, что он, Чоглоков, майор Ременников и несколько других офицеров порешили в эту же ночь арестовать Тотлебена. Львов не согласился принимать участия в таком рискованном деле и поспешил известить об этом графа. Тотлебен ответил, что "все уже знает", и через полчаса Ременников и Чоглоков были арестованы.

Еще не окончилась эта история, как началась уже другая, с подполковником Ратиевым, грузином по происхождению. Ратиев должен был доставить Тотлебену артиллерию, но остановился в Моздоке и не слушал никаких предписаний. Зная, что Ратиев находится в переписке с Чоглоковым, Тотлебен заподозрил его в измене и приказал арестовать, но

Ратиев сам арестовал посланных к нему офицеров и прошел прямо в Тифлис к царю Ираклию, куда в то же самое время из-под ареста бежал и Чоглоков. Тотлебен послал требовать их выдачи, но посланных тоже задержали в Тифлисе. Между тем в самом лагере обнаружились новые смуты: несколько офицеров задумали самовольно покинуть отряд и пробраться на линию. Говорили, что заговорщики хотели возмутить Томский пехотный полк, шедший к Тотлебену, и пересечь последнему сообщение с Моздоком. Тогда Тотлебен, поспешно выступив из лагеря, занял Анаур, грузинскую крепость, запиравшую вход в Кавказские горы, и этим решительным действием заставил мятежников отказаться от своих намерений. Несколько офицеров были арестованы и преданы военному суду.

Взволнованный этими происшествиями, Тотлебен обвинял во всем интриги грузинского двора и писал императрице, что, по соединении с Томским полком, он намерен немедля идти к Тифлису, отомстить противникам, возвратить похищенную Ратиевым артиллерию, войско и припасы, подчинить всю Грузию русской власти, лишить Ираклия пожалованной ему перед тем Андреевской ленты и отправить его в Петербург или вогнать в Черное море. А Чоглоков в то же самое время сделал донос из Тифлиса, что, по его приметам, Тотлебен или сошел с ума, или замышляет измену.

При таких условиях военные действия не могли идти успешно. Весной 1770 года, когда Ираклий и Тотлебен двинулись вместе к Ахалцихе и подошли к Аспиндзе, между ними опять возникли на военном совете пререкания: Тотлебен не хотел вступать в бой с неприятелем, а Ираклий требовал настоятельно, чтобы русские шли в авангарде. В спор этот вмешался пылкий двадцатичетырехлетний Георгий, находившийся в свите отца, и этим окончательно испортил дело.

- Генерал! Неприлично в такое время изменять царю! - вскричал он запальчиво.

- Я не имею повелений от императрицы, - сухо возразил Тотлебен. - К тому же я располагаю столь малыми силами, что не могу сражаться с сильнейшим противником.

- Вы только срамите, генерал, русское войско и роняете достоинство великой России, - продолжал

царевич. - Мы сразимся одни и одержим победу, донесем императрице о вашей трусости.

Тотлебен после этих слов оставил собрание и приказал русским войскам отделиться от грузин.

Оставшись один, Ираклий должен был отступить и возвратился назад. На пути ему пришлось выдержать жестокую битву с лезгинами и турками, пытавшимися отрезать ему отступление. Бой был упорный, и сам Ираклий принужден был сражаться наравне с простыми грузинами. Окруженный в рукопашной схватке врагами, он собственноручно убил лезгинского военачальника и только этим подвигом вырвал победу из рук неприятеля.

В Петербург полетели опять обоюдные жалобы. Тотлебен писал императрице, что грузины совсем не помогали русским в бою с турками и только грабили, не объясняя, однако, где и при каких условиях происходило сражение. Ираклий, со своей стороны, выставлял на вид самовольное отделение от него Тотлебена, из-за чего грузинское войско едва не было поставлено в безвыходное положение. Для точнейшего расследования дела и для прекращения смут в Грузию был послан капитан Языков. Но пока он ехал, Тотлебен перешел уже в Имеретию, где действия его отличались энергией и решимостью. На глазах имеретинского царя русские приступом взяли укрепленный замок Богдатцыха, потом Шагербах и, наконец, овладели Кутаисом, высокие стены и укрепленные башни которого царь приказал разрушить, чтобы не дать возможности туркам удерживаться в его владениях. Шестого августа русские войска торжественно вступили в верхний город, живописные развалины которого находятся поныне на правом берегу Риони, возвратили царю древнюю столицу его, более ста двадцати лет занятую турецким гарнизоном. В Кутаисе русские взяли шесть турецких знамен и тридцать пять орудий.

Тотлебен двинулся к Поти. Двенадцатитысячный турецкий корпус, встреченный им на пути, был разбит, и русские приступили к осаде. Осада, однако же, пошла неудачно. Причиной этого были опять те же интриги и происки наших союзников, из которых каждый преследовал только личные свои интересы, нисколько не заботясь об общем деле. Ираклий стоял в стороне, а правители Менгрелии и Гурии имели

виды, совсем противоположные намерениям Тотлебена. Дадиан думал защищаться посредством русских от Соломона и гурийцев, а Соломон надеялся русскими руками покорить Менгрелию и Гурию, не помышляя о турках. Все это привело к тому, что русские вынуждены были отступить от крепости. Екатерина, пораженная странными явлениями, происходившими в Закавказском корпусе, решила отозвать Тотлебена.

Она проницательно оценила и действующих лиц, и их отношения. "Я пробежала только Тотлебеновы письма, - писала императрица Панину, - из которых усмотрела непослушание к нему Чоглокова и вранье сего необузданного и безмозглого молодца, а при том не хвалю же и неслыханные подозрительности Тотлебеновы. Я думаю, что он способнее в Грузии наши дела испортить, нежели оные привести в полезное состояние; надлежит определить кого другого".

На смену Тотлебену отправлен был генерал-майор Сухотин. Он продолжал осаду Поти, но, не предвидя успеха, сказался больным и уехал в Тифлис. Соломон пожаловался и на него императрице. Назначено было следствие, а между тем Екатерина признала бесполезным более держать войска за Кавказом, и весной 1772 года отряд возвратился на линию.

В Грузии осталось множество русских дезертиров, которых собрать не было никакой возможности. Один из них, Семитриев, с шайкой в триста человек, пробрался даже на Каспийское море, грабил там туркменские и персидские берега, добыл четыре пушки и, наконец, появился на Волге. Здесь он был разбит посланными против него войсками, бежал на Дон и выдан был казаками.

По удалении русских войск Соломон один продолжал военные действия, защищая от нападений турок границы свего государства.

Грузия же, при посредстве Персии, заключила с турками выгодный мир, и царь Ираклий получил от султана в подарок шубу, лошадь с убором и саблю.

По счастью для России, все смуты и неудачи ее в отдаленном Закавказье не производили особенно сильного впечатления: о них мало знали в России и вовсе не знали в Западной Европе, где хорошо помнили только Кагульскую и Чесменскую битвы. Екатерина спешила воспользоваться таким положени-

ем дел и, выговорив при заключении Кючук-Кайнарджийского мира выгодные условия для Грузии и Имеретии, удержала над ними свое влияние. Христианские народы Закавказья, окруженные могущественным магометанским миром, со своей стороны, не могли не видеть по-прежнему своего спасения единственно на севере, в единоверной стране.

"Люблю я, - говорит один русский писатель, - сравнение прекрасной Иверии с виноградной лозой, крепко обвившей свою тычину. Буря бьет в нее со всех сторон, кроме северной; тычина колеблется, и лоза гнется то в ту, то в другую сторону, но не ломается. Сколько раз прилегала она к земле, сколько отломилось от нее веток, но все-таки не отделилась она от корня и пережила свои бури. Наступила наконец тишина, прояснилось над ней небо, и народ Иверии увидел счастливые дни за дружественной гранью русских штыков".

VIII

ГЕНЕРАЛ ЯКОБИ

В 1774 году окончилась турецкая война, но действия на Кавказе не прекращались. Однако же край этот не получал для России большого и самостоятельного значения до той поры, пока светлейший князь Григорий Александрович Потемкин не был назначен новороссийским генерал-губернатором и не обратил наконец должного внимания на отдаленную Астраханскую губернию, в состав которой входила Кавказская линия. При Потемкине выдвигаются такие деятели кавказской войны, как генералы Иван Варфоломеевич Якоби и Александр Васильевич Суворов. Оба они назначены были командовать только что сформированными тогда корпусами: первый - Кавказским, а второй - Кубанским, и оба навсегда останутся в памяти истории как пионеры русской цивилизации на Кавказе, как замечательнейшие деятели в устройстве края.

Якоби назначен был на Кавказ по личному выбору князя Григория Александровича Потемкина, со званием астраханского военного губернатора. Соединив таким образом в своих руках военное и гражданское управление краем, он является первым самостоятельным деятелем в ряду наших кавказских правителей.

Прибыв на линию, Якоби застал на ней только десять-двенадцать казачьих станиц да две крепости: Кизляр и Моздок. Правда, Терская линия, населенная стойкими и неустрашими терскими, гребенскими и моздокскими казаками, представляла надежный оплот

для русских владений, но она прикрывала лишь незначительную часть русской границы, тогда как все остальное пространство от Терека и Малки до самого Черного моря было совершенно открыто вторжениям горцев, которые и нападали не только на Дон, но беспрепятственно проникали даже в пределы Воронежской губернии.

Как опытный боевой генерал, получивший еще за турецкий поход орден св. Георгия 3-ей степени, Якоби начал с самых решительных мер для обуздания горских хищников. По его инициативе заложены были новые крепости: Екатериноград, Георгиевск и Ставрополь; при нем же положено было начало заселению нынешней Ставропольской губернии казенными крестьянами, и, наконец, устроена правильная военная Азовско-Моздокская линия, которая, начинаясь Моздоком, направлялась через Екатериноград, Георгиевск, Александровск и Ставрополь до границ Донского войска, а оттуда через Ростов (называвшийся тогда крепостью св.Дмитрия) доходила до самого Азова. Линия от Моздока до границ Донского войска состояла из десяти крепостей, при которых находились и казачьи станицы, укрепленные ретраншеметами. Из них Моздокская крепость находилась в районе Моздокского полка, Екатериноградская, Павловская, Марьевская, Георгиевская и Александровская принадлежали к Волжскому полку, а Андреевская (впоследствии Северная), Ставрополь, Московская и Донская - к Хоперскому. Этим рядом крепостей и сильных казачьих станиц была прикрыта лежавшая за Тереком, между Кубанью и Доном, обширная пустынная степь, по которой прежде свободно разгуливали хищные толпы кабардинцев, калмыков и ногайцев. Якоби хорошо понимал, что одни договоры с Турцией не в состоянии были обеспечить наши границы от диких вторжений татар, и потому спешил противопоставить им сплошное воинственное население хоперских и волжских казаков, которых он перевел на эту новую линию и которые образовали здесь два линейных казачьих полка: Хоперский и Волжский. И только с этих пор постепенно усиливающееся русское оседлое население начинает мало-помалу оттеснять кочевников и прочно занимать лучшие их земли, которые, однако же, все еще приходилось отстаивать с оружием в руках.

Перед Якоби были два элемента, в равной степени сильных, с которыми ему приходилось иметь дело: горец и казак.

Горцы были слишком солидными противниками, чтобы можно было их игнорировать, и казаки скоро заимствовали от них не только боевые привычки и тактику, но переняли их вооружение, посадку и даже одежду, которая с тех пор так и осталась народным костюмом кавказского казака до настоящего времени. Не довольствуясь этим, казаки постарались усвоить себе горские наречия, обычаи и многие черты характера и домашнего быта. Верные своим старинным традициям, они пришли к противникам, как будто нагие, взяли у них одежду, сбрую и оружие, сделались на них похожими и потом уже стали их бить. Ни угрюмая пустыня донских и кубанских степей, ни перспектива нужды и лишений, ни самая опасность близкого соседства горцев - ничто не могло остановить казаков от переселения. Это было, так сказать, их исторической миссией.

Малые числом, но сильные духом, они стремились на окраины, в просторные степи, где можно было жить легко и правильно. Это были люди, закаленные в суровой школе войны, иной раз имевшие еще кое-какие непоконченные счеты с правосудием, и они, естественно, стремились туда, где власть была слабее и снисходительнее. Но, удаляясь от центра, русский казак-колонист в то же время нуждался в поддержке и потому не порывал с ним связи. Со своей стороны, центр, понимая, что без колонизации ему не удержать своих окраин, охотно прощал своих блудных, но храбрых детей и оказывал им всякий раз помощь, когда они обращались к нему за нею. Обоюдная выгода заставляла эти два враждебные с виду элемента помогать друг другу. И надо сказать, нигде эта взаимная помощь не проявлялась в столь сильной степени, не достигала таких громадных размеров, как на Кавказе. Здесь казак-колонизатор являлся вернейшим слугой русского государства, а государство, в свою очередь, не жалело ничего для своего пионера. Ни казаку не удержаться бы перед горцами без помощи государства, ни государству с одной регулярной армией не одолеть бы беспокойного Кавказа. Сами горцы превосходно понимали разницу между занятием страны военной силой и истинным

завоеванием ее, то есть заселением. Они говрили: "Укрепление - это камень, брошенный в поле: дождь и ветер снесут его; станица - это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу застилает и охватывает все поле".

Жизнь порубежного казака с самого начала была окружена нескончаемым рядом тревог и опасностей, в которых закалялся дух и крепли казацкие силы... А силам этим надо было крепнуть, чтобы выдержать борьбу, на которую понадобилось целое столетие. В этой неустанной борьбе, в этих часто неровных боях были обычным явлением геройские подвиги, уже и не обращавшие на себя большого внимания. Только потому о первых действиях наших казаков на Кавказе немного сохранилось сведений, да и эти отрывочные сведения составляют достояние покрытых пылью и плесенью, никому неведомых войсковых архивов. Генерал Якоби прекрасно понимал и дух казачества и стойкость противников; давая казачеству опору в крепостях, он хотел сделать русское влияние на Кавказе прочным и основанным не на одних исключительных военных свойствах казаков. Его действия и намерения не укрылись от горцев, и с весны 1779 года на линии уже начинаются крупные военные события. Решившись уничтожить ненавистные им поселения хотя бы ценой тысячи жизней и целыми потоками крови, три или четыре тысячи черкесов перешли Кубань под предводительством Дулак-Султана и бросились на русские крепости. В то же самое время шесть тысяч кабардинцев, перейдя через Малку, стремительно атаковали самый лагерь Якоби, расположенный у крепости св.Павла.

Никогда еще набеги на линию не принимали такого большого размера и никогда еще враги не действовали с такой энергией и силой, как в эти первые два года после заложения Моздокско-Азовской линии.

Бой загорелся, так сказать, разом по всему протяжению Моздокской линии. Но горцы ошиблись, предполагая найти в новых переселенцах людей, не приготовленных к военному делу, - мужество защиты превзошло везде самую отчаянную отвагу нападающих.

Небольшой Алексеевский редут был атакован врасплох, и горцы, захватив казачий табун, обступили

это маленькое укрепление со всех сторон. Но когда они готовились к штурму, из ворот редута вынеслась хоперская сотня с есаулом Михеевым и бросилась в шашки. В одно мгновение она была окружена черкесами, потеряла восемнадцать казаков убитыми и, будучи отброшена в лес, спешилась, засела в кустах и продолжала защищаться. После жаркой перестрелки горцы вынуждены были оставить ее в покое и, бросившись опять на укрепление, ворвались в форштадт, убили нескольких жителей, но редута взять не могли и отступили с большой потерей. Другая крепость, Андреевская, отбилась еще при худших условиях, так как один армянин, подкупленный черкесами, произвел пожар в то самое время, когда начинался приступ. Но самое жестокое поражение черкесы понесли под Ставрополем, где двести казаков из полка Кутейникова наголову разбили их главную полуторатысячную партию.

Действия кабардинцев также не отличались особенной удачей. Отбитые два раза от лагеря Якоби, они повернули назад и бросились на Марьевскую крепость, где двести волжских казаков под начальством капитана Басса едва успели запереть перед ними ворота.

Обступив крепость и наскоро построив громадные щиты-мантелеты для прикрытия от казацких выстрелов, кабардинцы приступили к правильной осаде и повели траншеи. В два дня, работая руками и кинжалами, они дошли до крепостного рва, как вдруг, утром десятого июня, в тылу у них появился Якоби. Разбитые в кровопролитном сражении, последовавшем затем под стенами Марьевской крепости, кабардинцы бежали за Малку и тотчас же пустили в ход все извороты и тонкости азиатской политики: они изъявили покорность, давали аманатов, предлагали двойное вознаграждение за причиненные убытки, но упорно стояли на требовании, чтобы были уничтожены крепости Павловская, Марьевская и Георгиевская. Получив отказ, кабардинцы в августе снова нахлынули на линию и на этот раз ареной своих действий сделали окрестности Георгиевска. Здесь они выжгли на корню весь хлеб, истребили сенокосы, угнали много скота, пробовали даже штурмовать самый Георгиевск; им удалось даже разбить небольшой русский отряд, высланный из крепости, в числе восьмидесяти человек

при одном орудии. По всей вероятности, они напали на него врасплох, так как только этим и можно объяснить себе последовавшую затем резню, в которой офицер и сорок нижних чинов были изрублены, остальные бежали, оставив пушку в руках у кабардинцев.

Это прискорбное происшествие случилось двадцать седьмого сентября, в тот самый день, когда на линию прибыли новые войска под командой генерал-майора Фабрициана. Герой турецкой войны, носивший на шее Георгиевский крест еще с подполковничьего чина[1], Фабрициан предложил Якоби тотчас атаковать главный стан кабардинцев, расположенный на одном из островов, образуемых Малкой. Предложение было принято, и двадцать девятого сентября значительный отряд со всех сторон обложил кабардинцев. В отряд этот входили: Томский пехотный полк, батальон Кабардинского полка, два егерские батальона (Горский и Кабардинский), две роты Моздокского полевого батальона, Моздокский казачий полк, тысячи донских казаков и калмыков и, наконец, десять эскадронов Владимирского драгунского полка; артиллерии не было вовсе, но как Фабрициан, так и Якоби надеялись управиться и без ее содействия. Отступить кабардинцам было некуда, тем не менее на предложение сдаться они отвечали ружейным огнем, и Фабрициан начал атаку. Пять часов длилась упорная битва. Пушка, захваченная кабардинцами, была отбита обратно, лагерь взят приступом, и все, что было на острове, легло под штыками русских солдат.

Замечательно, что в этом бою сражались против русских только одни князья и дворяне со своими вассалами - уорками и узденями. Простой народ почти не участвовал в битве, толпы его стояли верстах в шести-семи и при первых выстрелах бежали в горы. Лишенные лучших своих предводителей, кабардинцы явились в лагерь и просили пощады и мира. Им перечислили все учиненные ими до этого времени

[1]В 1769 году подполковник Федор Иванович Фабрициан, командуя незначительным отрядом, разбил у Галаца сильный турецкий корпус и взял Галац штурмом. Со времени основания Георгиевского ордена это был первый кавалер св.Георгия 3-ей степени.

клятвы, столько же измен и столько же монарших прощений.

"Какое же обеспечение вы представите в том, что не нарушите и нынешней клятвы, как нарушили прежние?" - спросил их Якоби.

Кабардинцы ответили, что они вполне отдаются на великодушие победителей. Тогда Якоби предписал им следующие условия: кабардинцы признают себя рабами русской императрицы, покоренными силой оружия, и в случае измены, возмущения или нарушения клятвы кем-либо из владельцев, подданные его тотчас получают свободу и делаются вольными; за причиненные убытки кабардинцы должны заплатить русским десять тысяч рублей и отдать одиннадцать с половиной тысяч голов скота, и, сверх того, они не имеют права ни с кем и ни под каким предлогом вести войны без дозволения русского правительства, которое, в свою очередь, обязывается защищать их от нападений соседних с ними народов. Когда условия эти были объявлены, обе стороны скрепили их своей клятвой, и кабардинцы торжественно признали Малку границей российских владений, отказавшись от всяких притязаний на земли, занятые под наши укрепления.

Справедливость требует сказать, что усмирение кабардинцев произведено было частью по вине и при помощи самих же кабардинцев, у которых в то время внутренний разлад дошел до высшей степени. Последнее восстание, имевшее целью остановить дальнейшее заселение русскими Кавказского края, было делом одного только высшего класса; народ же, недовольный своими князьями и дворянством, всегда его притеснявшими, решительно отказался участвовать в этих походах. Якоби искусно поддержал народ, и в его лице приобрел себе сильнейшего союзника против замыслов гордой кабардинской аристократии. Неравная борьба длилась недолго. Княжеские партии вынуждены были смириться, а простой народ, не желая уже возвращаться к прежнему порядку вещей, тысячами стал переселяться в Моздок и в другие места по линии.

Покорение кабардинцев генералом Якоби и почти одновременное с ним уничтожение Суворовым оплота ногайских татар на Кубани много содействовали развитию и процветанию Кавказского края. Вскоре

образовано было даже особое кавказское наместничество. Край быстро стал заселяться и богатеть, так как неизмеримые девственные степи давали полную возможность делать обширные запашки, щедро вознаграждавшие труды земледельца, и содержать большое количество скота. Это обилие земли, это приволье сделали то, что богатство жителей в короткое время возросло до высокой степени. Оно продолжало бы возрастать и дальше, если бы в конце царствования Екатерины крестьяне Ставропольской губернии не были поставлены в тяжелую крепостную зависимость.

К сожалению, плодотворная деятельность генерала Якоби на Кавказе была кратковременна. С новым административным делением России он был назначен сперва оренбургским генерал-губернатором, а затем наместником Иркутской и Колыванской губерний.

Таким образом, ему суждено было возвратиться в тот край, в котором, за тридцать шесть лет перед этим, он начал служить по выпуску из кадетского корпуса. Отец его в то время был комендантом в городе Селенгинске, и близость китайской границы доставила молодому офицеру случай тогда еще хорошо изучить оригинальную страну, которую он посещал не раз то вместе с нашими миссиями, то в качестве простого путешественника, то, наконец, гонцом с официальными депешами в Пекин.

Деятельность Ивана Варфоломеевича по управлению Сибирью также заслуживает особого внимания, и память о нем в том крае сохраняется даже до настоящего времени. Но там же ему довелось испытать на себе и тяжелую превратность судьбы, отстранившую его от полезной служебной деятельности. Обвиненный ложным доносом в каких-то честолюбивых стремлениях по отношению к Китаю, он был отставлен от должности и предан суду. Дело Якоби тянулось более двенадцати лет, пока императрица сама не принялась наконец за пересмотр бумаг и оправдала все его действия. Рассказывают, что когда императрица потребовала к себе дело Якоби, то бумаги, привезенные ей, заняли от пола до потолка целую половину комнаты. Взглянув на них, императрица сказала: "Этим меня не испугают", - и тут же объявила обер-секретарю, что будет заниматься с ним

этим делом каждый день по одному часу. Якоби отправлен был орден св.Владимира 1-ой степени, а вслед за тем император Павел Петрович, по вступлении своем на престол, пожаловал ему чин генерала от инфантерии. Но Якоби, уже решившийся оставить военную службу, вышел в отставку. Он умер честным человеком в первые годы царствования императора Александра Павловича.

IX

СУВОРОВ НА КАВКАЗЕ

В то время как Якоби занят был устройством Кавказской линии от Моздока до крепости св. Дмитрия, (ныне Ростов-на-Дону), Суворов, почти одновременно с ним назначенный на Кавказ, приступал к заложению нескольких праграничных крепостей и редутов по правому берегу Кубани, желая связать эту новую линию с Азовско-Моздокской. Начиналась славная эпоха присоединения Тавриды, ожидали новой турецкой войны, и укрепление границ со стороны Кубани становилось тогда делом весьма важным. Тысячи солдат работали над устройством укреплений, в то время как Суворову приходилось отбивать беспрерывные и беспокойные набеги закубанских горцев. Как лихой наездник, Суворов лично преследовал их с легкими своими отрядами.

Сооруженная Суворовым линия, начинаясь от нынешней Кавказской станицы, простиралась до устьев Кубани и заключала в себе четыре крепости и двадцать редутов; крепости были: Александровская, Марьинская, Копыл и Новотроицкая. Когда в 1778 году Турция окончательно признала независимость Крыма, линия эта была оставлена, и войска, занимавшие ее, отведены были в Россию. С этих пор Суворов, имея другие назначения, не находился при Кубанском корпусе, которым временно командовали сначала генерал-майор Рейзер, потом генералы Бринк, Леонтьев и Пилль. Но Суворову скоро опять пришлось быть в этом крае. Новая цепь укреплений,

значительно затруднившая набеги черкесов, не могла нравиться и хищным, считавшимся в подданстве крымского хана, ногайцам, жившим по Кубани и кочевавшим в окрестностях Тамани и Ейска; и для них она имела фатальное значение.

Чтобы понять значение сооруженной Суворовым цепи укреплений, а также и последующей его деятельности на Кубани, необходимо ясно представить себе, что такое происходило тогда в том крае. К югу от Дона и его притока Маныча простиралась до самой Кубани обширная степь, по которой привольно кочевали ногайцы - настоящие хозяева края. За Кубанью начинались горы, и оттуда ежеминутно грозили нападения черкесов. Были ли ногайцы в мире с черкесами, враждовали ли с ними, на русских поселениях на Дону одинаково тяжко отзывались как мир, так и война между ними. Ногайцы то вместе с черкесами производили опустошительные набеги вплоть до Черкасска, грабя донские села и выжигая пастбища, то с огнем и мечом сюда же шли, гонимые черкесами. Занимая и укрепляя Кубань, русские смиряли край и обеспечивали свои донские поселения.

Но этим исчерпывалась только половина задачи. Ногайцы считались в подданстве крымских ханов и фактически очень часто подпадали под их влияние. Моздокско-Азовская линия казацких крепостей и поселений, прекратив сообщения ногайцев с крымцами сушей, южными степями через Дон, в сущности, совсем не отделила их от Крыма. Нынешний Керченский пролив, соединяющий Черное море с Азовским, узкий и удобный, делал сношения крымцев с ногайцами очень легкими. Устья Кубани и наносные полуострова, тут находящиеся, пункты Тамань и Анапа были, таким образом, во время войн весьма важными пунктами, занятие которых отдавало в руки ключ сношений с Крымом. Тут именно и оперировали русские в эпоху завоевания Крыма. Когда Крым стал русской провинцией, важность этих пунктов значительно уменьшилась и укрепления по Кубани, как мы видели, уже потеряли то значение, которое им придавалось.

Ногайцы между тем не представляли такого мирного населения, с которым бы легко жилось и после покорения Крыма и занятия Кубани, избежать с ними серьезной борьбы было трудно. Вся история

их в этом краю, со всеми войнами с черкесами и набегами на Дон, приводила их к тому, что русское правительство не могло не желать отделаться от них. К истории их мы и должны теперь обратиться.

Главных ногайских орд было четыре: Едисанская, Едишкульская, Джунбулацкая и Будмацкая. Все они кочевали прежде в Бессарабии, но во время первой турецкой войны вступили под покровительство России и с дозволения императрицы Екатерины II поселились в нынешней земле Черноморского войска. Но в этом же краю с давних времен кочевали татары касаевские, наврузские и бестеевские, которые с появлением ногайцев большей частью ушли за Кубань и сделались непримиримыми врагами своих единоплеменников.

В первые годы своего поселения ногайцы, управляемые благоразумным и преданным России Джан-Мамбет-беем, жили довольно спокойно. Но едва Мамбет умер, как в орде начались волнения. Поводом к ним послужило возведение на крымский престол Шаниг-Гирея, прежнего ногайского султана, что оскорбило многих именитых мурз, считавших себя не ниже его по достоинству. Образовались две партии: покорных и непокорных хану; к последним пристали черкесы и вместе с татарами стали производить вторжения, разбои и опустошения в улусах тех, которые хотели оставаться послушными своему повелителю. Запылала междоусобная война. К этому бедствию между тем присоединились неурожаи хлеба и трав, чума, занесенная из Турции, и падеж скота. Гнев Божий явно тяготел в это время над остатками некогда сильного народа, более двухсот лет тиранившего Россию. Ослабленные вконец и лишенные почти всех средств к существованию, они врывались со своими стадами в богатые Манычские и Егорлыкские степи, принадлежавшие донцам. Эти-то поземельные споры двух давно враждовавших народов и имели, как увидим, решительное влияние на последующую судьбу ногайцев.

Во главе недовольных татар стоял в то время едисанский мурза Джаум-Аджи, твердый и честолюбивый старик, которого уважали ногайцы за откровенность, мужество и постоянную верность данному слову. Будучи непримиримым врагом черкесов, Джаум-Аджи вдруг, по одному обстоятельству, сделался их союзником. Во время последнего своего

похода за Кубань он имел несчастье попасться к ним в плен и там, удрученный оковами и томимый голодом, вынужден был за свою свободу дать горцам клятву, что не только не будет вперед вести с ними войн, но и всячески постарается соединить их с ногайцами.

Имея некоторую заручку в орде и вместе с тем подстрекаемые Портой, черкесы решились открыть военные действия против русских, с тем чтобы и ногайцам помочь овладеть Манычской степью.

Это было в 1777 году. На Кубани стояли два донских полка, Кульбакова и Вуколова, которые вместе с Иллирическим гусарским полком[1] держали кордонную цепь. На эти-то полки по указанию Джаума черкесы и обратили первые свои удары с удивительным искусством и дерзостью, как это видно из следующего примера.

Шестого июня, часа в четыре пополудни, на одном из постов вблизи Темрюка замечено было неприятельское судно, которое, мелькнув по реке, исчезло в камышах и больше не показывалось. Начальник поста счел нужным известить об этом полковника Кульбакова, стоявшего лагерем на довольно значительном от него расстоянии. Кульбаков приехал сам с двухсотенным отрядом, но так как тревога оказалась фальшивой, то он приказал казакам, утомленным быстрой ездой, расположиться на отдых, но коней не расседлывать. Ночью бушевала буря, а перед самой зарей окрестности Кубани покрылись густым туманом, за которым в нескольких шагах уже ничего не было видно.

В эту-то ненастную пору пятьсот черкесов, скрытно переплыв Кубань, зашли в тыл донцам и вдруг без выстрела и крика бросились в кинжалы. Кровь полилась мгновенно по всему бивуаку. Напрасно раненые и часовые кричали своим товарищам об опасности - их голоса заглушала буря, и прежде чем казаки очнулись, многие из них уже перешли от временного покоя к вечному.

При первых выстрелах Кульбаков явился посреди бивуака, и знакомый голос его ободрил казаков. Три-

---

[1]Иллирический гусарский полк был сформирован в 1765 году из славян и турецких и австрийских выходцев и поселен в Новороссийской губернии, известной прежде под именем Новой Сербии. Впоследствии этот полк был переименован в Константиноградский легкоконный.

четыре десятка донцов, успевших вскочить на коней, примкнули к своему командиру и вместе с ним бросились в пики. Между тем, тревога распространилась по окрестным постам, и горцы, опасаясь быть окруженными, ушли за Кубань.

С этих пор черкесы не давали покоя нашим пикетам. Кульбаков и Вуколов, придвинувшись со своими резервами к самой Кубани, отражали нападения, и лишь однажды зимой посты их были сбиты более сильным неприятелем, который прорвался тогда до самого Копыла и был разбит только уже под стенами этого города.

Бдительность казаков, их опытность в кордонной войне заставили черкесов перенести свои действия в район, занимаемый гусарами. Здесь, в одну из темных ночей, им удалось действительно отогнать лошадей целого гусарского эскадрона, ходивших без присмотра. Эскадронный командир, разбуженный тревогой, бросился в погоню с пешими гусарами, но попал в засаду, был окружен и погиб вместе с людьми и лошадьми эскадрона.

Пока происходили эти набеги, ногайцы, со своей стороны, не оставались в бездействии. Собрав значительные силы, они под предводительством Тов-султана, Джаума и Катарса потянулись к Манычской степи. Озадаченный внезапным движением мурз и полагая, что они нападут на Дон соединенными силами, по примеру недавно мечтавшего об этом Девлет-Гирея, атаман Иловайский приказал полкам, стоявшим в Задонской степи, спешить на соединение к нему в Черкасск и, кроме того, призвал к оружию всех жи-телей города. Готовность донцов отразить удар расстроила планы татар. Не успев завладеть Манычской степью, они охладели и к новым своим союзникам; так что, когда весной 1779 года черкесы бросились на Моздокскую линию, касаевцы первые отказали им в помощи, а джумбулакцы сами сделали на черкесов набег и разорили за Кубанью несколько аулов.

Вражда еще недавних друзей запылала со страшной силой. Первыми испытали на себе месть касаевские аулы, разбитые и разграбленные в то время, когда Дулак-султан с сильной черкесской партией возвращался из своего набега на линию. Та же участь грозила и джумбулакцам, но здесь черкесы ошиблись в расчете. Джумбулакцы встретили их

двухтысячным войском и в происшедшем сражении нанесли поражение своим противникам, вынудив их бежать за Кубань. Между тем, разбитые ими касаевцы, оправившись, стерегли их в засаде, и только лишь черкесы подошли к переправе, напали на них с двух сторон и отняли все награбленное имущество. Сам Дулак-султан едва спасся в горы, большая часть его шайки погибла.

Но то была искра, брошенная в порох. Чувство мщения, всегда воодушевлявшее черкесов, не позволило им забыть своего поражения, и Дулак-султан принялся с такой энергией за сбор нового войска, что не прошло и двух месяцев со времени последнего похода, как он со свежими силами вновь уже вторгся в Ногайскую орду и опустошил берега Бейсуги, Есени и Еи. Слыша повсюду вопли разоренных жителей, ногайские мурзы решились поголовно ополчиться против неприятеля, чтобы разом окончить бедственную войну. На общем совете начальство над ополчением вверено было Мамбету Мурзабекову, едишкульскому мурзе, опытному и даровитому военачальнику, который на этот раз был облечен почти диктаторской властью. После нескольких мелких ошибок оба враждебные народа встретились наконец близ Ейского укрепления, и здесь в октябре произошло между ними кровопролитнейшее сражение. Черкесы были разбиты, но потеря с обеих сторон была громадная.

Ногайцы торжествовали пробеду, рассчитывая, что надолго избавились от своих докучных врагов. Но радость их была непродолжительна, так как в начале 1780 года черкесы опять внесли огонь и меч в ногайские орды. Один из этих отрядов, под начальством Дугузея, разбил джумбулакцев и прорвался до самого Ейска, но тут ногайцы напали на него с превосходнейшими силами и с лихвой отплатили за первую свою неудачу. Сам Дугузей был убит. Зато другие отряды, предводимые Дулак-султаном и Кизильбеком, разграбили несколько улусов и угнали множество татарских лошадей. К счастью, нападения их на русские отряды нигде не имели успеха. Так, есаул Лактионов с двумя сотнями донцов разбил в это время значительную черкесскую партию, подходившую под Ставрополь с Аслам-Гиреем, и самого его взял в плен, а тридцать казаков из полка Ребрикова в то же время разбили на Кубани впятеро

сильнейшего неприятеля и этим отомстили за смерть своего есаула Терезникова.

Опустошительные вторжения черкесов в Ногайскую орду, кроме разорения народа, имели и пагубное влияние на характер людей, без того склонных к дикой свободе и вольности. Забытые на время междоусобные их распри возникли с новой силой, и весной 1781 года в орде вспыхнул мятеж против хана Шагин-Гирея. Порта спешила поддержать возмущение, но она ошиблась в расчете, предполагая приобрести через это влияние на край, - восставшие ногайцы менее всего думали о турецком подданстве. Они просто полагали, что русское правительство, устрашенное бунтом, уступит им Манычскую степь без боя, из одного опасения лишиться выгод, сопряженных с их обладанием, но этим надеждам не суждено было сбыться.

Как только сделалось известным, что толпы бунтовщиков приближаются к Ейску, атаман Иловайский отдал приказ: "Быть целому войску в ежеминутной готовности к походу против бунтующих татар". Оторванные от своего хозяйства в самую горячую пору, донцы тем не менее вооружились охотно, чтобы дать достойный отпор своим ненавистным врагам. В то же время и генералы Фабрициан и Пилль со своими корпусами двинулись к нашим границам. Окруженные со всех сторон и не имея обдуманного плана, как действовать в обстоятельствах для них неблагоприятных, ногайцы окончательно потеряли голову, и их коварные замыслы обрушились на них же самих пагубными последствиями междоусобной войны.

Опять возникли две партии, из которых одна настойчиво требовала примирения с ханом, другая же, во главе которой стоял Джаум, желала уйти за Кубань, чтобы пристать к черкесам. Взаимные пререкания окончились резней, во время которой много погибло народу как с той, так с другой стороны. Отбившись наконец с большим уроном в людях, благонамеренные мурзы достигли устья реки Кирпилей, где соединились с Мамбетом Мурзабековым, известным победителем черкесов. Он тотчас перешел в наступление, и сам атаковал мятежников. Двадцатого августа снова загорелось между ногайцами сражение, не имевшее, впрочем, никаких решительных последствий, кроме разве того, что в этом сражении был убит старший

сын Джаума, Мансыр, и несколько мурз взято было в плен как с той, так и с другой стороны.

Огорченный потерей лучшего из своих сыновей, Джаум прекратил упорную битву и просил Мамбета удалиться в свои места, обещая вскоре последовать за ним, чтобы примириться с ханом. Но едва последний распустил аулы, как Джаум со свежими силами напал на него врасплох и разбил наголову. Побежденные мурзы бежали в Ейск, а мятежники принялись за грабеж покинутых ими кочевий.

Случилось, что одна из шаек напала при Чалбасах на рыбные промыслы Маркова, где одиннадцать работников, малороссов-крестьян, оказали ей неожиданно сильное сопротивление. Не имея пуль, упрямые хохлы заряжали ружья оловянными пуговицами с кафтанов и, отстреливаясь таким образом, несколько часов выдерживали неравный бой с неприятелем, осыпавшим их своими стрелами. Только совершенное истощение пороха заставило их ретироваться в камыши, и лишь тогда татарам удалось наконец овладеть заводом.

Джаум между тем отошел на Кубань и там собрал военный совет для окончательного решения участи ногайцев. Голоса разделились: старый едишкульский мурза Муса, один из главных зачинщиков мятежа, предложил удалиться в Сунджук и оттуда морем пробраться в Бессарабию. Кое-кто разделил это мнение, но с ними не согласился Амурат-султан, который, как сын горского владельца, требовал лучше отдаться черкесам. Предложение это, одобренное почти всеми, отвергнуто было Джаумом, который убеждал не спешить, а дождаться более благоприятных обстоятельств, отстаивая в случае нужды грудью свою независимость.

По всей вероятности, спор, начатый при этом, окончился бы новой резней, но слух о приближении русских войск заставил все партии поспешно бежать за Кубань, где каждый мог распорядиться собой уже по своему усмотрению.

Казалось, что после удаления главных мятежников спокойствие должно было бы водвориться в крае. Но этого не случилось, волнения не прекращались весь 1782 год; и до тех пор, пока существовала на Кубани орда, нечего было и думать о заселении степного пространства нынешней Ставропольской губернии

губернии каким бы то ни было оседлым мирным населением.

Таврида в это время только что поступила в число русских провинций. Жители отдыхали от смут и междоусобий, терзавших Крым в продолжение двенадцати лет и особенно в последнее царствование несчастного хана Сагиб-Гирея. Посетив Петербург и прельстившись устройством войск, правлением и бытом русских, хан вздумал преобразовать свой край и действительно перенял некоторые европейские обычаи. Но так как всякое преобразование государства требует непоколебимой настойчивости и железной воли, то хан, слабый, не имевший никакой власти над умами народа, успел возбудить только ненависть и мятежи. Родной брат его, Батый-Гирей, принял начальство над мятежниками и осадил хана, укрывавшегося в стенах Кафы с немногими преданными ему вельможами. Императрица Екатерина II восстановила его на шатком престоле, но вскоре восстала против него Оттоманская Порта, и янычары наводнили Таманский полуостров. Хан, не имея возможности противиться им вооруженными силами, послал в Тамань для переговоров молодого князя, сына Чагир-Агадура, своего первого поверенного. Посланному отрубили голову. Раздоры и бунты вспыхнули сильнее прежнего, и хан, убедившись наконец в слабости своего государства, отдался под власть русской императрицы, и сам удалился с большим пенсионом в Россию.

С уничтожением Крымского царства Потемкин решился наконец положить предел необузданному своеволию и ногайского народа. Он приказал переселить его в обезлюдевшие после пугачевского бунта Уральские степи и поручил исполнение этого дела Суворову, которого нарочно для этой цели вызвал из Крыма.

Приняв немедленно Кубанский корпус, Суворов прибыл в Тамань и отсюда разослал прокламации к ногайским старшинам, приглашая их собраться к Ейску, чтобы выслушать отречение законного их повелителя Шагин-Гирея от крымского престола и принести присягу на верность русской монархине.

В назначенный день, двадцать восьмого июня, вся степь вокруг города Ейска покрылась татарскими кибитками. Суворов постарался придать насколько возможно более торжественности празднику. Все

русское войско поставлено было в ружье, в полковых церквах служили молебны за здравие и долгоденствие императрицы, новой повелительницы древней Тавриды, откуда воссиял России свет истинной веры. Гром пушек и колокольный звон возвестили народу об окончании религиозной церемонии. Тогда Суворов, сопровождаемый блестящей свитой, явился в кругу ногайских старшин и громким голосом прочитал манифест Шагин-Гирея, в котором он, отказываясь от престола, уступал свое царство русской императрице. Ногайцы выслушали манифест спокойно и от лица всего народа тут же присягнули на верность новой повелительнице.

После этого начался пир. Сто волов и восемьсот баранов было изжарено и сварено для угощения народа. Шесть тысяч ногайцев засели на разостланных коврах и, забывая постановления Корана, дружно осушали кружки с вином, медом и пивом. Два дня длился пир и на третий завершился народными конскими скачками и джигитовкой.

Между тем Суворов, исполняя волю светлейшего князя Потемкина, успел уговорить тут же многих почетнейших мурз и султанов к переселению с Кубанских степей на раздольные кочевья за Волгой. Через неделю несколько тысяч ногайцев уже готовы были двинуться в путь. Казалось, все должно было обойтись спокойно и мирно, но Суворов знал, с кем имеет дело, а потому, пируя, принимал все меры предосторожности против новых своих друзей.

Предосторожности эти оказались как нельзя более уместными. Неожиданная весть о переселении орд на Урал поразила умы диких ногайцев, враждебно относившихся ко всякой новизне. Вдобавок возник слух, что русские нарочно ведут ногайцев в непроходимые степи с целью погубить их. Повсюду послышался глухой ропот и призыв к оружию. Междоусобная брань запылала так быстро, что прежде чем русские успели вмешаться, уже погибли все лучшие и преданнейшие России люди. Десять тысяч мятежников устремились на роту Бутырского пехотного полка, содержавшую форпост на речке Ее. Командир роты, поручик Житков мужественно выдержал несколько яростных атак, но, вероятно, погиб бы, если бы не подоспели на помощь сперва эскадрон князя Кекуатова, а потом полковники

Телегин и Павлов со своими отрядами. Тогда, по словам Суворова, началась ужасная рубка татар. Самый главный их предводитель, кунакайский мурза, был убит. Об этом поражении ногайцев Суворов известил атамана Иловайского, двигавшегося к нему на помощь, следующим лаконичным письмом: "Ваше превосходительство! Остановитесь. Полно! Все теперь благополучно, только канакаевцы почти все перекрошены. Самого (Канакая) небережно прострелили в ухо".Татары загнаны были в болотистую речку и, не видя спасения, в припадке бессильной злобы, сами истребляли свои драгоценности, резали жен и бросали в воду младенцев.

Сильное поражение не только не образумило ногайцев, но еще более воспламенило их злобу. Составился новый и весьма опасный заговор. Было условлено, что одна часть ногайцев произведет опустошительный набег на донскую землю с целью отвлечь внимание и силы Кубанского корпуса, а другая в то же время по данному сигналу должна была броситься на русские отряды и, истребив их, бежать за Кубань, где черкесы обещали им помощь.

Этому хорошо задуманному плану, однако, не суждено было сбыться. В то время, когда ногайцы двигались к Дону, оттуда, по требованию Суворова, шли три казачьих полка под начальством известных своей решительностью и быстротой действий Серебрякова, Попова. Они случайно открыли сильное скопище ногайцев, стоявшее на речке Кую-Ея, и десятого сентября напали на него совершенно внезапно. Произошла жаркая битва. Татары были наголову разбиты и преследуемы донцами до позднего вечера.

Между тем мятеж охватил все ногайские орды. Незначительная русская пехотная стража, находившаяся при них, была изрублена, и, увлеченные этим легким успехом, ногайцы устремились к Ейску, думая внезапно овладеть городом. Пристав Лешкевич успел, однако же, отбить их с уроном. Тогда ногайцы отступили, но, соединившись с черкесами, снова осадили Ейскую крепость. Три дня татары с бешенством нападали на крепостную ограду, но, не имея пушек, не могли овладеть ею и, наконец, видя полную неудачу, бежали за Кубань.

Суворов верно рассчитал, что быстрый удар мгновенно может погасить восстание, а потому

решился перенести военные действия на вражескую землю. Русские войска перешли Кубань. Здесь присоединились к ним донцы со своим атаманом Иловайским, и весь отряд на рассвете первого октября скрытно приблизился к ногайскому стану, раскинутому на правом берегу Лабы, верстах в двенадцати от нашей границы. Неожиданное появление русских навело на ногайцев ужас, скоро уступивший, однако, ввиду безвыходного положения, место отчаянному мужеству. Близ урочища Керменчика, в двенадцати верстах от Кубани, произошло кровавое дело, продолжавшееся с рассвета почти до полудня. Предводимые Иловайским донцы сломили стойкую оборону татар и, разъяренные сопротивлением, не давали никому пощады. Долго копившаяся злоба их выразилась ужасным возмездием. Более четырех тысяч ногайцев и черкесов захвачены были в плен; места же, где кипела битва, и все окрестные долины были завалены трупами.

Страшный урок, данный мятежникам, был так поучителен, что навел панический страх не только на все Закубанье, но даже на крымских татар. Последние тысячами бежали в Турцию, опасаясь подвергнуться подобной же участи. Крым вскоре опустел и до настоящего времени еще не достиг той цифры народонаселения, которая была в нем при ханах. Ногайцы поступили иначе. Только злейшие противники России отдались под покровительство черкесов, остальные же явились к Суворову с повинной головой и были им переселены в Крым. На местах, где прежде кочевали ногайцы, поселено впоследствии Черноморское казачье войско.

Императрица щедро наградила участников этого похода. Суворову пожалован был орден св. Владимира 1-ой степени, а атаману Иловайскому - чин генерал-поручика и орден св. Владимира 2-ой степени. Почти все казацкие старшины получили штаб-офицерские чины, и донцы, возвратившись домой, торжествовали победу над своими исконными врагами, в течение столь долгого времени не дававшими им покоя.

X

ДОНСКИЕ ГУЛЕБЩИКИ

По правому берегу Дона, от устьев реки Аксая до границ нынешней Воронежской губернии, в глуши лесов, между болотами и топями были рассеяны небольшие казачьи городки, состоявшие из шалашей и землянок, наскоро обнесенных терновыми плетнями. Казаки заботились не о красоте своих жилищ, а об удобствах их для вечно боевого быта; они приноравливали их к тому, чтобы "не играл на них вражеский глаз", чтобы при нашествии татар их можно было бросать без сожаления.

"Пускай, - говорили они, - бусурманы жгут наши городки, сколько угодно, мы выстроим новые, и скорее они устанут жечь, чем мы возобновим их".

И действительно, бусурманы то и дело нападали на Дон, внося с собой меч и опустошение, и начисто выжигали казацкие городки. При таких суровых условиях жизни, конечно, не могли не вырабатываться и действительно вырабатывались те замечательные типы, перед которыми останавливаешься с любопытством и изумлением. С течением времени и изменявшихся обстоятельств, создавших для казацких станиц более мирное и спокойное существование, изменялось и казачество: беззаветная и дерзкая удаль, не исчезая совершенно, заменялась качествами более домовитыми. Но чтобы понять историю русской колонизации на Кавказе и покорения края, необходимо обратиться к старинным временам и типам казачества.

Особенной известностью на Дону пользовались охотники, гулебщики, которых называли иногда словом "отвага". То были люди большей частью отпетые, которым не сиделось дома, которых так и тянуло, как говорит величайший из русских поэтов:

В чистом поле погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сарацина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса...

Охотники этого рода охотились, очевидно, в то стародавнее время не на одних зверей, но не давали пощады и своим неприятелям. А к числу неприятелей казаки причисляли всех, с кого можно было снять зипун, почему их и называли иногда зипунниками. Даже Ермак Тимофеевич, Стенька Разин и другие крупные личности из казаков, сумевшие вписать свои имена на страницы истории, разгуливая по широкому раздолью матушки Волги, были тоже охотниками, "отвагой" в донском смысле, хотя из казаков никто и никогда не назвал бы их разбойниками. В старинной песне удалая ватага с некоторой гордостью говорит про себя:

Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички!..

Задумав "погулять", казак ни у кого не спрашивал на то позволения, а выходил в своей станице на сборное место к станичной избе и, кидая шапку вверх, восклицал: "Атаманы-молодцы, послушайте!.. Кто на сине море, на Черное - поохотиться?.. На Кум-реку, на Кубань - яссырей добывать?.. На Волгу-матушку - рыбку ловить?.. Под Астрахань, на низовье - за добычей?.. В Сибирь - пушистых зверей пострелять?.."

Желающие в знак согласия также бросали свои шапки вверх и затем прямо шли во царев кабак, где вершились у них все дела и где за чаркой зелена вина они выбирали себе походного атамана. На такую охоту казаки обыкновенно выходили партиями, конными и пешими, и в пять, и в пятьдесят человек; ходили иногда и в одиночку, но то уже были характерники, умевшие подчас заговорить и свое, и вражеское оружие. Начнем с охотников в одиночку.

В числе последних могикан Тихого Дона,

знаменитых охотников-характерников, доживавших свой век в семидесятых годах прошлого столетия, был некто Иван Матвеевич Краснощеков, который может служить для нас настоящим представителем типа донских гулебщиков. То был богатырь, наводивший страх на целую Кубань своим появлением. Черкесы прозвали его Аксак, то есть "Хромой", - Краснощеков был ранен в ногу и оттого прихрамывал. Казаки слагали о нем песни, которые еще и поныне поются на Дону старинным и заунывным напевом. "Имя и подвиги Краснощекова, - говорит Киреевский в своем известном сборнике народных песен, - встречаются как воспоминание и в песнях позднейших, сложенных после его смерти. Об этом крупном историческом лице мы доселе не имеем не только дельной монографии, но даже простого биографического очерка, а между тем это последний русский богатырь, с именем которого связаны последние наши былины; он, как герой, сопровождается песней с молодых лет до смерти - и после него не нашлось уже никого, кто бы вызвал в народе подобное былинное творчество".

Одна из донских легенд вот что рассказывает о Краснощекове. В его время был знаменитый, памятный донским казакам богатырь у горцев, по имени Овчар, любивший "поохотиться" не менее Краснощекова. Едва ли был среди казаков такой человек, который хладнокровно встретился бы с Овчаром. Но Краснощеков не сторонился его, а, напротив, искал с ним встречи. Не прочь был и Овчар встретиться с Краснощековым - оба богатыря хорошо знали друг друга по общей молве. Наконец они встретились. Блуждая однажды где-то далеко по-над самой Кубанью, ежиминутно рискуя своей головой, Краснощеков наехал на такого же одинца, как и сам, и, догадавшись, с кем судьба привела ему встретиться, начал "стеречься, чтобы не спустить с руки ясного сокола". Дело было под вечер в холодную и ненастную осень. Над самым обрывом крутого берега, под опушкой леса, облокотившись на руку, лежал закутанный в бурку Овчар и задумчиво смотрел, как синий огонек перебегал по тлеющим углям потухавшего костра. Так поэтично рисует его легенда. Казалось, он до того погрузился в это занятие, что не слыхал даже свиста бури, а не то что приближения русского витязя. Но то было хитрое равнодушие.

Опытный в своем ремесле джигит давно зачуял "зверя" и только не трогался с места, выжидая, чтобы даром не марать своей крымской винтовки. Краснощекову предстояло трудное и опасное дело: он знал, что ружье его "короткое", а у врага бьет далеко. Но так как податься назад было бы стыдно и "казачьей чести поруха", то он подумал, подумал и припал к земле. Тут хитрый казак выставил в стороне от себя свою шапку-туркменку, и едва она показалась, как пуля Овчара сбросила ее на землю. Аксак вскочил и, бросившись на Овчара, положил его на месте выстрелом из ружья в упор. Какую нужно было иметь хладнокровную и расчетливую смелость на это по-видимому простое дело, мог бы сказать только казак, бывавший в вольных чужих степях, где разгуливал вольный черкес-богатырь, встреча с которым была равнозначна гибели. Оружие и резвый аргамак Овчара достались Краснощекову в добычу. Броневский, посетивший Дон в 1831 году, говорит, что порода этого жеребца сохранялась и тогда в лучших донских табунах и была известна под именем овчарской. Был ли то факт, или только свидетельство памяти народной о Краснощекове - сказать не сумеем.

Подобные подвиги служили для донцов простой забавой, но иногда они предпринимали поездки и с чисто коммерческими, промысловыми целями. В прибрежных камышах по Кубани водилось множество птиц и зверей, и партии казаков, выезжавшие с Дона, проводили на охоте по месяцу и более среди опасных встреч и приключений.

Есть следующая легенда о донских охотниках, приезжавших однажды за Кубань на "полеванье". Легенда эта записана автором "Записок старого казака" Шпаковским в начале сороковых годов со слов очевидца, почти столетнего бабая (старика), князя Каплан-Гирей-Канокова. Она рассказывает следующее. В конце минувшего столетия, в то время, когда Суворов только что начал строить укрепления по правому берегу Кубани, партия гулебщиков расположилась табором на берегу Малого Зеленчука, и несколько человек из нее тотчас же отправились для осмотра окрестностей и мест, удобных для охоты. В то же время партия горцев, человек до полутораста, под предводительством отца князя Канокова, беспечно шла с верховий Зеленчука на Кубань для грабежа

в русских пределах. До тридцати молодых черкесов, в числе которых был и сам рассказчик, князь Каплан-Гирей-Каноков, вздумали поджигитовать и незаметно ушли далеко вперед от партии. Один из джигитов, вскочив на высокий курган, привычным взглядом окинул окрестность и заметил вдали пробиравшегося среди зарослей вершника в необыкновенной одежде, с длинной пикой и с винтовкой за плечами. Горец крикнул товарищей, и молодежь, окружившая со смехом всадника, потребовала, чтобы он слез с коня и, положа оружие, приблизился к ним. Делать было нечего. Мрачно взглянул казак на джигитов, злобно улыбнулся, медленно сполз с коня, снял с себя саблю, винтовку и кинжал, воткнул пику в землю и, накинув поводья на луку, подошел к ним. На вопрос по-ногайски, что им нужно, раздался дружный хохот... Неуклюжий охабень, высокая рысья шапка, надетые на неповоротливого по-видимому пеглевана (богатыря), его тупой взгляд из-под нависших бровей, грязное загорелое лицо так насмешили молодых людей, что они велели казаку взять оружие, сесть на коня и следовать за ними. Молча, истым увальнем вооружился богатырь и не сел, а взвалился на чалого маштака, такого же невзрачного и неуклюжего, как его хозяин и, казалось, едва передвигавшего ноги. Эта пародия на джигита вызвала новый взрыв хохота, и молодежь, потешаясь, заставила пленника джигитовать. Неуклюже согнувшись, размахивая руками и болтая ногами, тронулся казак вперед каким-то куцым скоком на своем вислоухом и понуром чалке. Вот он вытаскивает из нагалица длиннейшую винтовку. Грянул выстрел, и с ним чуть не свалился с коня олух, едва удержав в руках ружье. Все это опять было сделано так топорно, что молодые горцы помирали со смеху и принудили казака повторить скачку несколько раз, и каждый раз он отличался какой-нибудь особенной уродливостью движений и неловкостью.

Но пеглеван уже порядочно поразмял своего чалку и, ласково потрепав его по верблюжьей шее, сказал: "Ну, маштак, одолжил!.. Что тебе!" И вдруг молодцевато оправился он в седле, стройно и ловко уперлась нога его в стремя, стан выпрямился, конь навострил уши и гордо поднял свою горбоносую голову. Огонь сверкнул в глазах и коня и всадника; винтовка быстро и ловко оборотилась назад, грянул

выстрел, и один из джигитов с простреленным лбом покатился без стона и жизни на землю. Черкесы вспыхнули. Одни из них бросились к убитому, другие за казаком-великаном. Но чалка далеко уже унес не прежнего увальня, а лихого наездника, проворно на скаку заряжавшего винтовку. Вот конь приостановился, казак привстал на стременах, ловко оборотился, раздался новый выстрел, и ближайший к казаку джигит, точно с такой же раной, как и первый, грянулся на землю. То была уже не случайность - этот меткий выстрел, а дерзкий вызов черкесам на смертный бой. Чувство злобной мести овладело горцами, и они бросились за пеглеваном. Но тот, в свою очередь, как бы потешаясь над ними, то исчезал стрелой из глаз, то останавливался, подпуская гнавшихся за ним на несколько шагов, и каждая новая пуля, посланная им, была вестником смерти для одного из горцев, и смерти все от той же раны между бровей, как будто для казака не было другой цели. Так уложил он семерых черкесов. Черкесы смутились. Перед ними, казалось, в образе казака-гиганта был Шайтан-Джахенем (адский дух). Они не осмеливались уже налетать на него, как прежде, и следили за ним издалека, пока он не навел их на охотничий табор. Тогда только уразумели джигиты, что за дьявол сыграл с ними злую шутку. Черкесы не хотели оставить заваренного с казаками дела. Молодежь отыскала свою партию и представила старому князю в таких заманчивых красках малочисленность казаков, легкость наживы, а главное - необходимость отомстить за смерть товарищей, что старый князь, забыв свою опытность, решился напасть на табор.

Была лунная ночь. В казачьем таборе тлел небольшой костер, и казалось, что, кроме коней и волов, в нем не было ни живой души. Горцы спешились и смело пошли к повозкам, но едва они приблизились шагов на пятнадцать, как из-за возов и сверху и снизу сверкнули огни, грянула дробь выстрелов, и около пятнадцати хищников покатились в предсмертных судорогах. Горцы, страшно гикнув, с выстрелами бросились к возам. Новый дружный залп отбросил их, опять устлав путь трупами. Тогда они, поднявшись на окрестные высоты, повторили атаку с разных сторон, но охотники, будто горные духи-невидимки, встречали их везде меткой винтовкой.

Заалел восток. Раннее осеннее солнце озарило окрестность. Старый князь, убедившись в невозможности одолеть засевших казаков, стал вне выстрелов и решился на переговоры. Сев на коня, он с несколькими стариками-аксакалами подъехал к возам, имея белый флаг на джериде, и громко стал вызывать старшого. На одном возу поднялся исполинского роста казак в малахае, в высокой рысьей шапке и с длинной винтовкой в руке. Молодежь узнала в нем грозного всадника и, невольно попятившись, схватилась за оружие. Казак, не обращая на это никакого внимания, звучным, как труба, голосом спросил: "Какого черта вы хотите от нас?.."

Старый князь ответил, что желает вступить в переговоры. Дело скоро уладилось, и недавние враги расположились невдалеке от табора-крепости, а князь с несколькими старшинами повел приятельскую речь с петлеваном. Этого петлевана звали Баклан, и это имя глубоко запечатлелось в памяти князя Конокова. На Дону это прозвище принадлежало деду знаменитого кавказского генерала Якова Петровича Бакланова.

Встреча с охотниками-донцами расстроила черкесам набег на закубанские казачьи хутора. В партии их было убитых и раненых до пятидесяти человек, в то время как из гулебщиков только шесть человек поплатились легкими ранами.

Недель через пять тяжело нагруженные возы с разным битым пушным зверем, кабанами, лосятиной и дичью потянулись за Егорлык, границу Донского войска, и прибыли благополучно домой, а горцы не только кончаковской партии, но и соседних аулов, долго после того не отваживались нападать даже на одиночных казаков-охотников.

Такова была донская "отвага", выходившая на гульбу и промыслы в вольные степи. Но характеристика донского казачьего быта была бы неполна без рассказа о том, как защищал казак свое родное гнездо, когда хищный ногаец и воинственный черкес приходили к нему жечь, убивать и полон полонить. Характерным примером такой защиты может служить "Донская быль" - вероятно, единственный появившийся в печати в одном старинном журнале рассказ о том, как бились и умирали казаки на порогах своих жилищ.

Шестнадцатого августа 1738 года в донской казачий

городок Быстрянский прискакали двое испуганных всадников. "Валит на нас Касай-мурза с черкесской силой - видимо-невидимо!" - кричали они, торопясь в избу станичного атамана. Ударили "всполох", сбежались к майдану станичники. Но - увы! - их было слишком мало, чтобы противостать тринадцатитысячному татарскому сборищу. Татары улучили время взять с Дона баранту за казацкие прогулки по Кубани: они проведали, что лучшие удальцы донские бьются в Крыму с турками, под рукой фельдмаршала Миниха, и нахлынули на их родину.

Между казаками шел шумный спор, как лучше "ухлебосолить" горцев, хотя бы и самим не пришлось вернуться с кровавого пира. И вот, среди громкого казацкого говора раздался голос есаула: "Помолчите, помолчите, атаманы-молодцы!" Говор мгновенно затих, и казаки стали в кружок.

- Ну, атаманы-молодцы! - заговорил станичный атаман, опершись на свою насеку. - Застала нас зима в летнем платье. Теперь не час замышлять о шубе, надо подумать, как бы голытьбе выдержать морозы! Не учить мне вас, атаманы-молодцы, как резаться с бусурманами - это дело казацкое, обычное. Но о том не смолчать мне, что всех-то нас теперь первой, второй - да и конец счету, татарской же силы сложилось по наши головы тысяч до тринадцати аль больше...

- Счет-то велик, - перебил его старшина Роба, - да цена в алтын. Касай-мурза громоздок ордой, а лихих узденей и джигитов у него всех по пальцам перечесть можно... Так не лучше ли не терять поры, залечь по концам городка и нажидать татар на дуло? А там, гляди, и войсковой атаман наш, Данило Ефремович[1], с войском помогу подаст. А нет - то лучше голова с плеч, чем живые ноги в кандалы!

- То-то вот - голова с плеч!.. - в раздумьи проговорил атаман. - Оно статно, что за плохой укрепой, какова в нашем городке, долго не усидишь. Головы казакам складывать не диковина, да какова про мертвых в Войске речь пройдет. Наша вина, что мы за-добра-ума не перебрались из городка в крепость - вот о чем думать надобно.

И казаки серьезно задумались. Припомнилось им,

---

[1]Д. Еф. Ефремов был войсковым атаманом с четырнадцатого марта 1738 года.

как намедни впустили они в свой городок какого-то казака-проходимца, который прикинулся посланцем от атамана яицкого с вестью, будто бы-де Дундук Омбо со своими калмыками да с казаками яицкими и терскими всю Кубанскую орду погромил и что-де орде уже не в силу нынешним годом подняться на их донские городки. Слушали тогда казаки рассказчика-краснобая, а он все разглядывал, выведывал, высчитывал, и стало потом уже несомненно, что то был совсем не яицкий казак, а некрасовец, подсыльный Касай-мурзы - прах бы его побрал!

Припомнив такое обстоятельство, казаки стали перекоряться друг с другом, кто был такому делу заводчик, как вдруг вышел из толпы старый седой казак Булатов.

- Не под стать нам теперь, атаманы, - сказал он,- смутные заводы заводить, когда того и гляди татарская сила накроет наш городок. Рассудимся после. К вечеру, может, припадет нам в новоселье скочевать - в матушку сырую землю; там будет каждому расправа начистоту. Подумаем о другом. Ведь делу нашему конец и теперь виден: помощи ожидать неоткуда, живыми отдаться стыдно, да и не за обычай, а пока у нас шашки и ружья есть, порох есть, и головы на плечах, надобно биться - вот и все тут! Давайте-как разделимся на десятки да раскинем умом-разумом, где кому засесть в концах городка. Я примерно покладаю вот как: Афанасию Меркуловичу (он указал на Робу) - быть на коне с конными и сначала выскакать за городок; мне, Булатову, - в передовых лежать на валу; Михайлу Ивановичу (он указал на казака Кургана) - по базам и загородам сесть, а тебе, атаману, - оставаться с подможными недалеко от боя и быть надо всеми старшим. Ну, станичники, как присудите, пригадаете?

- Быть по-твоему! - закричали многие.

- К делу - речь! - подтвердили другие.

- Дай Бог добрый час! - заговорили казаки в один голос.

- Пойдем же, станичники, - продолжал Булатов, - засядем и будем стрелять, покуда мочь возьмет. Авось-либо (Булатов перекрестился) Божьей милостью да государским счастьем нашей матушки-царицы и казацким молодечеством отсидимся от бусурманского приступа! А нет - Его святая воля!

Едва только успели казаки занять назначенные им места, как татары хлынули на городок. Застонала земля, началась баталия.

- Эге! Пожар в городке! Тушите, бабы! - крикнул атаман, и последний резерв вместе с ним устремился к месту боя.

Два сильных татарских приступа быстрянцы отразили успешно, воодушевляясь надеждой, что войсковой атаман Ефремов вот-вот нападет на черкесов с тылу и спасет их от гибели. Но при третьем натиске, потеряв большую половину своей дружины, казаки не могли уже остановить татар и уступили им место битвы. Свирепые закубанцы, как бурный поток, разорвали ряды казаков и с оглушающим криком: "Гайда, алдын-джур (вперед)!" - кинулись в их жилища и зажгли несколько куреней.

Жадный огонь мгновенно разнесся и охватил весь городок... К вечеру татары, обремененные добычей и полоном, ушли, оставя за собой кровавые следы.

Настала ночь. Пламя неслось к темному беззвездному небу вместе со стоном раненых и умирающих. На окрестных полях бродили оседланные кони и распуганные стада без хозяев. Взошло, как и всегда восходит, красное солнце, но на этот раз оно осветило, вместо грозного быстрянского городка и его витязей, молчаливые развалины и кучи пепла, который разносился ветром и заметал покойников.

Булатов, подавший первый голос за защиту городка, погиб со всей семьей. С окровавленными сединами, раскинувшись на горячей золе своего куреня, спал он непробудным вековечным сном. Возле него умирали старая жена его, Нефедьевна, и меньшой внук, а старший, молодой и бравый казак, метался в предсмертной агонии на майдановской площади: у него отрублены были обе руки в то время, когда он хотел вырвать у татарина страшный аркан, захлестнувший его невесту.

С переносом нашей границы на Кубань и с уничтожением силы татар, скитавшихся между Кубанью и Доном, подобные сцены стали уже немыслимы. Самый быт донцов изменился. Вечная брань их с врагами прекратилась, и беспрестанные поголовные ополчения стали редки. И если этим нанесен был удар их удалой рыцарской жизни, зато станицы, никем не тревожимые, скоро процветали

довольством и благосостоянием. Земледельцы во время работ не имели уже нужды в прикрытиях, задонские посты были сняты; пушки, стоявшие на бастионах Черкасска, никогда не заряжались, и Тихий Дон вполне стал тихим. После вековой беспрерывной брани, вносившей шум и движение на его берега, он, по выражению поэта, "задремал, как старец, утомленный многолетними боевыми трудами".

XI

ГРАФ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ ПОТЕМКИН

После генерала Якоби Кавказским корпусом некоторое время командовал генерал Фабрициан, по смерти которого, в октябре 1782 года, назначен был генерал-поручик граф Павел Сергеевич Потемкин (двоюродный брат светлейшего князя Таврического), уже известный тогда составлением проекта о заселении степного пространства нынешней Ставропольской губернии казенными крестьянами.

Граф Павел Сергеевич пользовался и репутацией боевого генерала. Он был украшен за первую турецкую войну Георгием 3-ей и 4-ой степеней, а во время пугачевского бунта находился в Казани и в качестве начальника секретной комиссии своими распоряжениями много содействовал успешной обороне города. Императрица наградила его тогда золотой шпагой, осыпанной алмазами, а вслед за тем он был пожалован Александровской лентой и камергерским ключом.

Потемкин прибыл на Кавказ восьмого октября 1782 года, когда походы Якоби еще были свежи в памяти кавказских народов, и наша Линия пользовалась поэтому сравнительным спокойствием. Нарушали ее время от времени лишь одни атагинцы, народ чеченского племени, славившийся с давних времен превосходной выделкой холодного оружия, составлявшего предмет справедливой гордости. Самый промысел этот уже развивал в жителях военные склонности

и до некоторой степени ручался за их боевые достоинства. Они одни из всех чеченцев не хотели покориться русской власти и выдать аманатов. А так как подобное настроение их легко могло сообщаться другим чеченским племенам и аулам, то граф Павел Сергеевич решился, не теряя времени, предпринять их покорение.

В марте 1783 года отряд под начальством полковника Кека перешел за Сунжу и, оставив по пути в Ханкальском ущелье батальон с четырьмя орудиями, двинулся к аулу Атаги и предал его пламени. В то время, когда русские войска жгли и истребляли имущество атагинцев, последние, кинувшись в Ханкальское ущелье, ударили по батальону, рассчитывая истребить его, прежде чем успеет подойти к нему подкрепление. В случае успеха чеченцы заняли бы ущелье, и тогда полковник Кек, отрезанный от Линии, очутился бы в весьма опасном положении. Но батальон держался стойко, а между тем на выстрелы подоспел из Атагов отряд, и неприятель, поставленный между двумя огнями, потерпел решительное поражение. Четыреста тел осталось на поле сражения, и атагинцы вынуждены были выкупить их ценой своей свободы: они присягнули на подданство России и дали аманатов.

Покончив с чеченцами и не касаясь еще на первый раз главного вопроса колонизации края, Потемкин сосредоточил все свое внимание на наших дипломатических сношениях с Иверий и успел склонить грузинского царя Ираклия к принятию русского подданства. Торжественный акт об этом подписан был в городе Гори двадцать четвертого июля 1783 года. Этим актом впервые установлены фактические вассальные отношения Грузии к России. Предыдущие сношения, восходящие до времен царствования Грозного и отличавшиеся характером почти исключительно личных переговоров между монархами, не имели прочного политического значения, обнаруживая лишь не умиравшую духовную связь между единоверными народами. Крепнувшие сношения России с Грузией побуждали лучших грузинских людей переселяться в Москву и Петербург на постоянное жительство, но собственно подданство царства являлось только номинальным и нимало не помогало Грузии поддерживать свою автономию.

Вслед за монголами и турками, персияне в XVII веке до того поработили Грузию, что, по свидетельству путешественников, трудно было отличить ее от остальных провинций персидского шаха. Единственным препятствием к окончательному поглощению грузинской национальности магометанством оставалась христианская религия, неприкосновенно хранимая народом и в то время, когда высшие сословия, цари и князья Грузии уже заимствовали от кизильбашей не только одни модные чохи и модный язык, но и персидские нравы, обычаи и даже собственные имена, несмотря на то, что они были магометанские. Тегеран сделался тогда местом жительства грузинской аристократии и метрополией Грузинского царства. Но договор, заключенный Ираклием с императрицей Екатериной и разработанный в Георгиевске под непосредственным влиянием и руководством Потемкина, первым условием ставил для Грузии обязательство навсегда отказаться от подданства Персии; Екатерина же, со своей стороны, пользуясь тем, что Россия обязалась не только защищать Иверийское царство, но и поддерживать на престоле потомство Ираклия, ввела в Грузию русские гарнизоны и тем самым устранила силу дальнейшего персидского влияния. Центр тяжести грузинской жизни был, таким образом, передвинут обратно из Тегерана в Тифлис.

Вслед за грузинским царем присягнул на подданство России и тогдашний валий Дагестана, Муртазали, шамхал тарковский. К сожалению, кончина его остановила, как говорят современные акты, "торжественное того в действо произведение". Оно последовало только при его преемнике Бамате, послы которого, как увидим ниже, были приняты в Екатеринограде с особенной пышностью двадцать первого мая 1786 года. Императрица вполне оценила деятельность графа Павла Сергеевича и пожаловала ему, в чине генерал-поручика, ленту св. Владимира 1-ой степени, бриллиантовую табакерку со своим портретом и шесть тысяч рублей звонкой монетой.

Между тем вассальные отношения, в которые стала Грузия к России, естественно заставили Россию подумать об устройстве более правильного сообщения с этой страной. Единственная дорога, пролегавшая тогда через Кабарду до главного горного хребта, была

настолько не безопасна от нападения горцев, что русским курьерам нельзя было ездить иначе, как с сильным конвоем. Это обстоятельство заставило возводить по дороге новые редуты и укрепления, которые, начинаясь Моздоком, оканчивались у самого подножия гор Владикавказской крепостью. Между Моздоком и Владикавказом построены были три редута: Григориополисский - в Малой Кабарде, Кумбелеевский - при реке того же названия и Потемкинский - на Тереке, близ Татартуба. Не ограничиваясь этим, Потемкин решился соединить Грузию с русскими владениями проложением дороги и через Главный Кавказский хребет; тогдашние пути в Закавказье горами были едва доступны даже для одиночных пешеходов, и большие сообщения происходили только через Дербент, по берегу Каспийского моря. По распоряжению его восемьсот человек солдат дружно принялись за работу, и, несмотря на невероятные препятствия, представляемые на каждом шагу грозной природой, уже к октябрю 1783 года Кавказский снеговой хребет - там, где, по выражению поэта:

... носились лишь туманы
Да цари-орлы, -

прорезан был дорогой, настолько удобной, что Потемкин уже без затруднения проехал по ней в Тифлис восьмериком в коляске. То был первый путь, проложенный через Кавказский хребет трудами русского солдата, путь, несмотря на гигантские сооружения, не стоивший правительству ничего, кроме нескольких лишних мясных и винных порций.

Ряд укреплений по дороге к Кавказскому хребту в сущности был новой боевой линией, заложение которой в самой земле кабардинцев не могло не вызвать опять против русских единодушного неудовольствия всех горских племен. Не только кабардинцы, непосредственно заинтересованные в этом деле, но даже лезгины, чеченцы и кумыки решились соединенными силами препятствовать русским работам. Потемкин опять увидел необходимость действовать оружием, и сильные отряды, сосредоточенные им в Науре и в Моздоке, осенью 1783 года перешли за Сунжу. Пока генерал Самойлов проходил лежащие в Чечне и ныне знаменитые дремучие гехинские леса и битвы гремели на берегах Валерика, Гойты, Рошны

и Гехи, сам Потемкин приблизился к Ханкальскому ущелью, и шестого октября два батальона Астраханского полка, предводимые храбрым полковником Пьери, взяли его приступом, открыв таким образом свободный путь в Чечню. Чеченцы на время присмирели. Вся экспедиция эта окончилась в несколько дней, и девятого октября войска возвратились на Линию.

В феврале 1784 года, когда Суворов выехал в Россию, граф Павел Сергеевич назначен был кавказским генерал-губернатором и командиром обоих корпусов, расположенных на линии, приобретшей особое значение для России с тех пор, как было решено водворить за ней мирные деревни хлебопашцев. Таким образом, вопрос о колонизации края русским элементом выдвигается в этот момент на первый план, и ему главнейшим образом и посвящена мирная деятельность Потемкина, на довольно долгое время отстранившая чисто военные вопросы. Потемкин обратился во внутренние губернии с вызовом к однодворцам и государственным крестьянам, приглашая их на новые места, находившиеся под прикрытием наших укреплений. Вызов увенчался полным успехом, и скоро желающих явилось такое множество, что на первых порах с трудом успевали отводить и распределять земли под новые поселения.

Как жили здесь первые русские поселенцы, привлеченные в этот край многими льготами и естественными богатствами, об этом не сохранилось солидных известий. Нужно, однако же, полагать, что жизнь их была далеко не безопасна, что они, подобно линейным казакам, должны были выходить на работу в поле не иначе, как с оружием в руках. Несмотря, однако, на предосторожности, которые предпринимались, особенно на первых порах, горские партии все-таки прорывались сквозь русские кордоны и нападали на жителей тем охотнее, что находили у них сравнительно легкую и верную поживу.

Чтобы дать крестьянам хоть некоторую самозащиту, Потемкин стал заселять целые деревни отставными солдатами, как людьми, уже знакомыми с оружием, и этой мерой действительно успел поднять дух новых поселенцев настолько, что в скором времени мирные села с успехом стали отбиваться от горцев. Степь, еще недавно представлявшая собой картину необоз-

римой и безлюдной пустыни, закипела небывалым оживлением. Гражданское развитие края в течение года подвинулось настолько, что сенат высочайшим указом от пятого мая 1785 года признал своевременным учреждение кавказского наместничества из двух областей - Кавказской и Астраханской. Наместником Кавказа назначен был граф Павел Сергеевич Потемкин. Он находился тогда в Петербурге, а потому, по возвращении на Линию в исходе августа, был принят уже не только как командир Кавказских корпусов, но как настоящий правитель Кавказа и государев наместник.

Необходимо заметить, что звание это тогда получали только сановники, пользовавшиеся особенным доверием императрицы. В их руках сосредоточивалось все управление краем, и им же подчинялись все военные и гражданские власти. Почести, которые присваивались наместникам, являли в них уже настоящих представителей особы государя. Так, при всех торжественных случаях они выезжали не иначе, как в сопровождении отряда легкой кавалерии, окруженные адъютантами и молодыми дворянами, которые под их руководством должны были образовывать себя к полезному служению отечеству.

Таким образом, Кавказский край получал самостоятельное гражданское управление, и Астрахань на первый раз передала свои права Екатеринограду, куда Потемкин и перенес свою резиденцию. Екатериноград, стоявший при слиянии двух рек, Терека и Малки, заключал в себе в то время станицу волжских казаков, солдатскую слободу и небольшую крепость, в которой, собственно, и находился дом, вернее - дворец наместника, выстроенный с необычайной для Кавказа роскошью. Памятником этого минувшего величия города и доныне остались поставленные тогда Потемкиным триумфальные ворота с многообещающей на них надписью: "Дорога в Грузию", ныне уже стертой и замененной другой: "Построены попечением генерал-губернатора Потемкина в царствование императрицы Екатерины II. Возобновлены главнокомандующим и наместником Кавказского края князем М.С. Воронцовым в 1847 году".

Сам Потемкин служил олицетворением старинного русского барства и не жалел издержек там, где нужно было поддержать свое представительство. Он окружил

себя многочисленной свитой, давал роскошные праздники, и горские князья лучших фамилий всегда толпились около него со своими уорками и узденями. Потемкин ласкал этих представителей черкесской аристократии, дарил и покупал их золотом. При легкомыслии и дикой жадности горцев, он этим путем узнавал обо всех враждебных предприятиях и, принимая своевременные меры, успевал разрушать их в самом зародыше. Но главной системой его политики было правило dividi et impera - поддерживать между горцами постоянные распри и, помогая слабым, не давать усиливаться тем, которые могли быть опасны для русских.

В это-то время Потемкин принимал у себя послов шамхала тарковского, считавшегося валием, то есть правителем всего Дагестана, присланных для принятия русского подданства. В роскошных каретах, сопровождаемые блестящим эскортом из линейных казаков, послы проехали прямо во дворец, где было уже приготовлено все, чтобы ослепить их пышностью, окружавшей наместника. Шествие их открывал церемониймейстер со своими ассистентами, за ним следовал маршал и, наконец, послы, которых почтительно поддерживали под руки наши офицеры.

Миновав длинную анфиладу комнат, процессия вступила в залу, посреди которой величественно возвышался императорский трон. При ступенях трона на богатом кресле сидел наместник.

Выслушав сидя приветственную речь от лица Бамата, он встал со своего места и указал рукой на большой портрет императрицы. После преклонения колен у ступеней трона, послы громко и внятно произнесли присягу от лица своего владетеля. Пятьдесят пушечных выстрелов, музыка и грохот барабанов возвестили городу о принятии шамхала в русское подданство.

Все эти благоприятные обстоятельства немало способствовали тому, что хотя Линия находилась постоянно в тревожном положении, но она была уже настолько сильна, что даже такое крупное событие как газават - священная война, провозглашенная в горах появившимся в то время на Кавказе магометанским пророком, известным под именем Шейх-Мансура, - не могло нарушить общего спокойствия мирных обитателей края. Восстание было

подавлено, и Шейх-Мансур должен был бежать за Кубань.

Дела войны, к сожалению, мешавшие Потемкину посвятить себя всецело административной деятельности, однако не помешали ему продолжать дело гражданского развития страны. Отражая набеги горцев, ведя дипломатические сношения с Персией и Грузией, где почти во все время его управления шли кровопролитные междоусобные войны, он в то же время в тиши кабинета обдумывал, а затем и приводил в исполнение много полезных мер. Кавказ обязан ему не одним заселением своего степного пространства мирными селами и деревнями. При нем же учреждены из бывших крепостей первые кавказские города: Кизляр, Моздок, Екатериноград, Ставрополь, Георгиевск и Александровск (Александровск и Екатериноград впоследствии были обращены в казачьи станицы). Он вызвал на Кавказ немецких колонистов, чтобы с их помощью устроить несколько заводов для шелководства и виноделия и дать сельскому хозяйству русского крестьянина вообще более широкое и правильное развитие. Наконец, он же хлопотал о привлечении в новозаселяемый край армян, на которых смотрел, как на посредников в нашей торговле, начинавшей уже мало-помалу зарождаться кое-где в пограничных местах между русскими и горцами. В видах же большего обеспечения русской границы, им сделана была попытка обратить весь кабардинский народ в поселенное войско, вроде казачьего, но, к сожалению, эта мера оказалась преждевременной, и Потемкин вскоре вынужден был от нее отказаться.

В 1787 году, когда началась вторая турецкая война, граф Павел Сергеевич назначен был в дунайскую армию и передал ведение военных действий генерал-аншефу Текелли. Потемкин уже не возвращался на Кавказ, хотя и сохранял за собой звание кавказского наместника до 1791 года, когда назначен был туда генерал-аншеф Иван Васильевич Гудович.

В действующей дунайской армии Потемкин особенно отличился при штурме Измаила, во главе знаменитых фанагорийских гренадер, и награжден орденом св. Георгия 2-ой степени. Затем он отправился в Польшу, участвовал в победах Суворова, получил чин полного генерала, а через два года,

возвратившись в Москву, неожиданно скончался от удара.

К сожалению, эта внезапная смерть вызвала среди современников различные загадочные толки, весьма нелестные для памяти покойного графа. Случилось так, что он скончался в тот самый день, когда получил известие о назначении в Петербурге формального следствия по поводу одного замятого им прискорбного дела, имевшего место на Кавказе в последний год его управления.

Обстоятельство это, набросив мрачную тень на память одного из даровитейших людей екатерининского века, состояло в следующем. Один из братьев персидского шаха аги Мохаммед-хана, спасаясь от его преследований и настигаемый погоней, бросился в Кизляр искать защиты у русских. Тогдашний комендант Кизляра, бригадир Вишняков, послал к нему навстречу несколько лодок с солдатами, но едва солдаты вошли на корабль, как бросились на персиян, перерезали их, разграбили несметные сокровища, вывезенные с собой принцем, а самого его бросили в море. Почему Потемкин замял такое вопиющее дело - тайна, которая сошла с ним в могилу.

В заключение не лишнее прибавить, что граф Павел Сергеевич был известен в русской литературе многими сочинениями. Из них два капитальных труда его - "История пугачевского бунта" и "Описание кавказских народов" - остаются неизданными и поныне. Обстоятельство, о котором нельзя не пожалеть, потому что в сочинениях, составленных не очевидцем только, но лицом, близко стоявшим ко всем описываемым событиям, нужно ожидать много интересных данных и разъяснений в истории как пугачевского бунта, так и Северного Кавказа в XVIII веке.

XII

ШЕЙХ-МАНСУР

В 1785 году на Кавказе появился загадочный человек, известный под именем Шейх-Мансура, положивший зачатки полуполитического, полурелигиозного магометанского учения, впоследствии развившегося в то, что называется "мюридизм" и представляет собой объявление магометанским кавказским миром беспощадной войны христианству и России.

Происхождение Шейх-Мансура неизвестно. Совсем в недавнее время профессор Туринского университета Оттино открыл в Туринском государственном архиве любопытные документы, относящиеся к Шейх-Мансуру, именно - мемуары и письма его, подлинность которых, однако, остается вопросом. В октябре 1786 года, вероятно, после поражения, нанесенного Мансуру Потемкиным за Кубанью, один из трех европейцев, ближайших сподвижников пророка, похитил заветную шкатулку его с драгоценностями, в которой хранились мемуары, и с ней бежал в Константинополь, где и продал рукопись вместе с другими бумагами посланнику сардинского короля Виктора Амедея III. Собственноручные же письма Мансура сохранились у живущего и теперь в Манферате его внука. Многие из них подписаны прямо: "Projeta Mansur" ("Пророк Мансур").

По этим документам Шейх-Мансур есть не кто иной, как итальянский авантюрист Джованни Батиста Боэтти, уроженец Монферата, где отец его был

нотариусом. Пятнадцати лет от роду отец отправил его изучать медицину. Но Боэтти, которому наука не пришлась по душе, скоро бежал в Милан и завербовался в солдаты. Достаточно было двух месяцев, чтобы и военная служба опротивела ему: он бежал в Богемию и после целого ряда странствований, отмеченных то забавными, то печальными похождениями, явился в Рим, где и поступил в монахи в доминиканский монастырь.

После кратковременного увлечения Савонаролой и его реформатской деятельностью, мечты молодого человека сосредоточились на сказочных странах Востока, и через пять лет ему удалось добиться назначения миссионером в Мосул - древнюю Ниневию. Но, прежде чем добраться до места назначения, ему пришлось снова испытать целый ряд приключений. В первом же попутном городе, в Венеции, он был посажен в тюрьму за излишнюю проповедническую ревность, направленную против девиц легкого поведения. Проповедь окончилась дракой, которую девицы объяснили нежеланием монаха заплатить им деньги. Высланный из города с большим скандалом, Боэтти кое-как добрался до Кипра, где вскоре очутился снова в тюрьме, на этот раз уже турецкой, куда попал, обмолвившись недобрым словом насчет Магомета. Спасшись и отсюда каким-то чудом, он бежал в Алеппо, где пламенная проповедь опять привлекла к нему много кающихся грешников и особенно грешниц. Его успех у последних не понравился, однако, отцам францисканцам; сделан был донос, и Джованни Боэтти, изгнанный из монастыря, начинает опять бродяжническую жизнь, полную тревог и опасностей.

Скитаясь по Востоку, он сумел верно определить характер и настроение мусульманского населения: он понял, что мусульмане всегда готовы слепо идти за всяким человеком, который сумеет их расшевелить и поднять во имя пророка, и что, приняв на себя роль посланника его, можно рассчитывать стать безграничным повелителем фанатизированной толпы. Умудренный опытом, Боэтти знал, чем он рискует, и потому хотел заранее по мере возможности подготовить успех отчаянно смелого предприятия. Посетив Константинополь, он отправился оттуда в Трапезунд, Арзерум, Карс, Ахалцихе, Ардаган, Поти и Тифлис,

тщательно изучая страны и высматривая укрепления городов, занося их на планы, отмечая пути сообщения, - одним словом, работая над целым планом кампании. Через горные теснины Дагестана он пробрался в Персию, оттуда - в Багдад, где выучил на память весь Коран не хуже самого хорошего муфтия. Но здесь, заподозренный в шпионстве, он был арестован и в оковах отправлен в Константинополь. Сардинский консул выхлопотал ему освобождение; тем не менее турецкая полиция чуяла в нем опасного человека и не выпускала его из виду. Тогда, перерядившись армянином, ему удалось бежать через Смирну в Европу. Его план, между тем, составлен был окончательно и бесповоротно. Везде он осматривал арсеналы, пушечно-литейные и оружейные заводы, везде заключал контракты на поставку оружия и боевых снарядов - подготовлял будущую экспедицию.

Между прочим, Боэтти провел около трех месяцев и в Петербурге, где предлагал Потемкину план завоевания Константинополя. Отказ Потемкина вынудил его начать и совершить ряд смелых до безумия предприятий исключительно на свой риск и страх. Нужных материальных средств для экспедиции он добился от богатого негоцианта из Скутари, армянина Табет-Хабиба. Вместе с ним и с тремя европейцами, решившимися разделить его участь, - французом Клеопом Гевено, неаполитанцем Камило Рутиглиано и немецким жидом Самуилом Гольденбергом - Боэтти высадился в Трапезунде, и вслед за тем началась поистине сказочная авантюра.

Около 1785 года в курдистанском городе Амадия на праздник Рамадана появился новый мусульманский пророк. Одетый весь в белом, с зеленой чалмой на голове, пришелец сразу обратил на себя внимание всего населения города и самого шейха как своей выдающейся, красивой и величественной фигурой, так, в особенности, необыкновенным благочестием и молитвенной экзальтацией. Ранним утром, прежде чем голос муэдзинов раздался с минаретов мечетей, его уже можно было видеть на площади. Коленопреклоненный на разостланном плаще, незнакомец простирал руки в сторону священной Мекки и громко взывал к Аллаху о пощаде заблудших грешников, забывших учение пророка. Толпы народа сходились смотреть на богомольца. Раз проезжавший мимо шейх также

остановил коня и обратился к чужестранцу с вопросом:

- Кто ты, что так горячо молишься о прощении грешников?

- Я посланник Магомета, - ответил незнакомец.- Пророк видит, что правоверные отступили от закона, данного им в святой книге. Он послал меня возвестить сынам ислама, что их ждут страшные кары, если они не покаются и не возвратятся на путь истины.

Такие речи на Востоке не редкость: странствующие муллы, хаджи и дервиши сплошь и рядом выкликают на площадях и в мечетях об ослаблении благочестия и возвещают гнев Аллаха; на них обращают там ровно столько же внимания, сколько у нас на юродивых и блаженных, и только в редких случаях, когда авторитет самозванных проповедников становится опасным для духовенства, им рубят головы и сажают на кол.

Новоявленный пророк хорошо знал почву, на которой действовал; он ловко перемешивал догматическое учение с предписаниями практическо-житейского характера в духе покладистой мусульманской морали. Он знал также, какие опасности ждут на первых шагах пророков-реформаторов ислама в том случае, когда проповедь не поддержана действительной физической силой. На вопросы, откуда он и кто, он гордо отвечал:

- Никто не знает, кто я, и никто этого не узнает. Тайна останется тайной, и враги будут посрамлены. Но для славы Божьей я буду являться в мир всякий раз, когда нечестие станет опасным правоверию. Кто за мной пойдет, тот будет спасен, а кто не пойдет за мной, против того я обращу оружие, которое пошлет мне пророк. Им я накажу нечестивых и обращу неверных.

Несмотря на красноречие проповедника, успех нового учения на первых порах нельзя было назвать блестящим. Последователей у него оказалось всего девяносто шесть человек. Но пророк не падал духом. Разделив их на четыре отряда, он двинулся с этой армией из Амадии завоевывать мусульманский мир.

В наши дни такое войско, несомненно, ночевало бы в кутузке, но сто лет тому назад, и притом в Курдистане, дело разыгралось совсем иначе.

Источники, которыми пользовался профессор Оттино, представляют подвиги Шейх-Мансура, в противоречие русским официальным данным, в таких обширных размерах, которых они в действительности едва ли могли достигать. В случае признания туринских документов неоспоримо подлинными, остается весьма правдоподобное предположение, что Шейх-Мансур имел свои виды и в дневнике и в письмах преувеличивать значение своих походов. Но так или иначе, но походы эти представляются в следующем виде.

В первом же по пути селении пророк собрал жителей, объявил им о своем божественном посланничестве и изложил перед ними догматы нового учения. Признавшие пророка были немедленно зачислены в ряды войска; оказавшиеся неверующими и упорствующими поголовно вырезаны. Тем же упрощенным способом были просвещены светом нового учения жители нескольких селений и городов Курдистана. Способ оказался настолько убедительным, что к укрепленному городку Битлису пророк подступил уже во главе армии в несколько тысяч человек. Город имел двадцать тысяч жителей и вздумал защищаться, но был взят приступом. Турецкий гарнизон истреблен, а самый город отдан на разграбление.

Слава пророка и рассказы о том, как он управляется с закостенелыми грешниками, пронеслись по всему Курдистану и нагнали такой ужас на жителей, что города стали сдаваться уже без сопротивления. Один Ахалцихе, понадеявшийся на свой пятитысячный гарнизон и сильную артиллерию, встретил его оружием. Но город будто бы взят был штурмом, и на дымящихся развалинах его фанатизированные толпы провозгласили пророка Мансуром, то есть Победоносным.

Полчища завоевателя возрастали; к ним примкнули шайки из гор и ущелий Кавказа. Мансур с сорокатысячной толпой двинулся к Арзеруму и занял его без боя. Далее источники приписывают Шейх-Мансуру взятие Карса, поражение на берегах Куры грузинской армии и русского отряда и даже взятие Тифлиса.

После этих громких побед, неоправдываемых, правда, русскими источниками, обещанный Потемкину поход на Константинополь мог уже быть совсем не

фантастическим предприятием, Турции могла грозить серьезная опасность. И Мансур писал в одном из своих писем к отцу: "Если угодно Богу, я увижу падение Константинополя, а за ним и падение папского Рима, так как папа римский, константинопольский муфтий и шериф Мекки - одинаковые невежды и обманщики, слепые вожди слепцов. Придет время, и погибнут все Вавилоны". Замечательно, что эти же слова введены были в самый тезис его мусульманского учения.

Какие соображения побудили Мансура оставить в покое турок и перенести свою завоевательную деятельность к границам России - неизвестно. С большим правдоподобием можно предположить, однако, что решение это было вызвано сообщениями его друзей о том, что Россия, Австрия, Франция и Англия не станут выжидать завоевания им Константинополя, а распорядятся и с ним самим. Горы Кавказа между тем представляли собой менее блистательное, но зато более правдоподобное царство и во всяком случае надежное убежище. Но тут он сталкивается с интересами России.

Русские источники иначе передают и происхождение Шейх-Мансура, и его военную карьеру. Тут мы встречаемся, однако, тоже с двумя толкованиями. Достаточно известный русский мусульманский ученый Казем-бек говорит, что Шейх-Мансур был родом из оренбургских татар и получил духовное образование в одном из важнейших центров мусульманской религиозной учености, в Бухаре, откуда он и занес на Кавказ зачатки нового учения. Собственно же русские военные донесения, основанные, вероятно, на показаниях чеченцев, называют Шейх-Мансура уроженцем чеченского селения Алды, где он имел будто бы братьев. Изучив Коран под руководством одного из ученейших мулл Дагестана, он возвратился на родину, где из-за нищеты и бедноты вынужден был пасти скот у своих односельцев. По чеченской легенде, он здесь решился воспользоваться легковерием правоверных. Однажды жители селения Алды узнали, что Мансур видел сон, несомненно доказывающий, что он пророк и избранник Божий.

"Во сне, - говорил Мансур своим братьям, - я видел, что ко мне явились два таинственные всадника и именем Бога велели идти проповедовать народу

истины ислама. Я думал уклониться от этого, ссылаясь на свое убожество, но один из всадников сказал мне: "Иди! Аллах будет вещать твоими устами, и народ поверит всему, что ты ему скажешь".

Молва об этом чуде быстро разнеслась по аулу и взволновала народ. А между тем Мансур, запершись в своем доме, три дня провел в посте и молитве. Только по истечении этого срока он вышел на крышу своей сакли и тихим голосом стал созывать к себе односельцев. Когда собрался народ, Мансур стал проповедовать. Он говорил об истинах ислама, о том, что истины эти забыты и попраны чеченским народом, указывал на близость кончины мира, на приближающееся царствование Иссы...

Его воодушевление и страстная речь, льстившая народным инстинктам, поразили пылких слушателей и сразу привлекли к нему толпу последователей. Народ увидел в бедном пастухе действительного избранника, ниспосланного Богом, и слепо поверил новому учению. Алдинцы первые решились бросить взаимные распри, перестали курить табак, пить бузу и составили вокруг Мансура почетную стражу, которая находилась при нем безотлучно.

Появление пророка скоро стало известным и в соседних аулах. Со всех сторон начали сходиться чеченцы, чтобы посмотреть на него. Но он показывался редко, и то не иначе, как под густым покрывалом. Неудовлетворенное любопытство заставило сильнее работать воображение, и скоро о Мансуре стали рассказывать необычайные вещи, о которых и сам он никогда не думал. Слава его росла далеко за пределы Чечни: о нем говорили уже на Кумыхской равнине, в горах и в отдаленнейших недрах Дагестана.

Мансур искусно воспользовался настроением умов и, заручившись значительным числом прозелитов, стал проповедовать уже газават - священную войну против неверных. С этих пор его проповедь, теряя мало-помалу религиозный характер, обращается в политическое учение, сделавшееся весьма опасным для русского влияния на Кавказе.

Так изображают судьбу Шейх-Мансура русские источники. Правы ли они, или Шейх-Мансур - итальянский или другой какой-нибудь искатель приключений, сказать наверное невозможно. Можно, однако же, предполагать, что каждый народ и каждый

аул Чечни и Дагестана не прочь был назвать себя родиной "великого пророка". Одна из подобных легенд могла дойти в ущерб истине до русских властей и закрыть от них собой дальнейшие, внекавказские похождения Шейх-Мансура.

Русские власти, естественно, могли смотреть на Шейх-Мансура преимущественно с точки зрения влияния его на русские пределы. И в этом отношении все известия, сохранившиеся в донесениях войсковых начальников, носят характер несомненной исторической истины. И вся военная деятельность Шейх-Мансура на Кавказе должна быть описываема и оцениваема только по русским источникам. А эти источники говорят о целом ряде тревог и битв, вызванных учением и деятельностью Шейх-Мансура. Одним из страстных и настойчивых стремлений Шейх-Мансура было соединить в одно все горские народы. На то, чтобы помешать этому, и были направлены все усилия русского оружия. Сознавая необходимость подавить зло в самом его зародыше, Потемкин приказал известному своей энергией командиру Астраханского пехотного полка полковнику Пьери быстрым движением в Алды захватить бывшего тогда в этом ауле Мансура. К сожалению, первая попытка в этом направлении была весьма неудачна.

Присоединив к Астраханскому полку батальон кабардинцев, две роты томцев, сотню терских казаков и два орудия, Пьери прибыл с этими силами на Сунжу и, оставив здесь все тяжести, налегке двинулся далее, к Алдам, до которых, как ему говорили, оставалось только около пяти верст. Пройдя дремучими лесами со стороны Калиновской станицы, Пьери напал на аул врасплох, но Мансур при первых выстрелах успел бежать из селения. Таким образом, главная цель экспедиции не была достигнута, и только богатые Алды были преданы пламени. Полагая, что разрушением Алдов неприятель достаточно наказан, Пьери начал отступать обратно за Сунжу, но это отступление и было причиной гибели отряда. Как только войска втянулись в лес, лежащий между Алдами и Сунжой, чеченцы напали на отряд и почти весь его уничтожили. Сам Пьери был убит, а командир кабардинского батальона майор Комарский смертельно ранен. С потерей начальников люди расстроились, дрогнули и побежали. Чеченцы преследовали их с

необычайной яростью - резали, брали в плен и топили в Сунже. При этом несчастном отступлении отряд потерял оба орудия (впоследствии выкупленные у чеченцев за сто серебряных рублей), восемь офицеров и более шестисот нижних чинов, не считая раненых. Не лишнее прибавить, что в числе немногих уцелевших был унтер-офицер князь Петр Иванович Багратион, бывший в тот кровавый день ординарцем при Пьери.

На другой день после поражения отряда Пьери на Сунжу прибыл бригадир Апраксин со значительными силами. Наткнувшись случайно на чеченцев, он преследовал их до Алхановой деревни, сжег ее и, возвратившись в Кабарду, написал напыщенное донесение о подвигах своего отряда. Потемкин остался всем этим весьма недоволен. "Если это были жители только одной алханской деревни, - писал он Апраксину, - то о преимуществе, одержанном над ними столь знатными силами, как ваши, можно бы было сказать покороче, а что касается трофеев, то снятый с мертвого патронташ, нечто, похожее на барабан, и знамя могли бы быть обойдены молчанием".

Несчастное поражение Пьери, первое в ряду немногих, выпавших на долю русских войск на Кавказе, имело для края тяжелые последствия. Весть о печальной участи русского отряда мигом разнеслась по горам, и от всех кавказских племен под знамя пророка устремились новые толпы приверженцев. Мансур между тем торжественно объявил, что в скором времени пойдет на Кизляр. В июле он действительно атаковал Каргинский редут, находившийся верстах в пяти от Кизляра. Небольшой гарнизон оказал ему, однако, такое отчаянное сопротивление, что чеченцы, несмотря на свое огромное численное превосходство, не могли овладеть укреплением и только зажгли прилегавшие к нему деревянные строения. Распространившийся пожар быстро достиг порохового погреба, и укрепление взлетело на воздух, похоронив под своими развалинами геройских защитников. Шейх-Мансур торжествовал эту новую победу и отправился к Кизляру.

Рассказывают, что два казака, бывшие на охоте, случайно наткнулись на горцев, двигавшихся к переправе, и известили крепость. А горцы между тем,

как говорят, изменой были заведены в топкое болото с трясинными окнами и попали в очень опасное положение. Настал беспорядок, шум и вопли увеличивались с каждой минутой, наездники теснили друг друга и, стараясь выбраться, тонули в бездонной трясине. Лошади, предчувствуя гибель, фыркали, бились и сбрасывали всадников. К довершению ужаса, справа загудели выстрелы. Терские казаки поспели вовремя и, мало-помалу обходя болота, поставили хищников под перекрестный огонь. Немногие из последних, растеряв коней, прорубились на свободу и вплавь перебрались за Терек. Сам Шейх-Мансур едва не утонул в болотах. Мрачный и угрюмый, окруженный толпой безмолвных горцев, переправился он за Терек и пустился вслед за своей шайкой.

Весть о гибели наездников в кизлярских болотах скоро разнеслась по целой Чечне, но Шейх-Мансур не думал отказываться от своего намерения, он только решил сначала усилить свои скопища кабардинцами, давно уже искавшими случая пристать к чеченским хищникам.

С появлением Шейх-Мансура в Кабарде, народ, а за ним и князья почти поголовно стали переходить под его знамя. Скоро силы Шейх-Мансура возросли до весьма значительной цифры, и он решился напасть на Григориополис[1], где стоял батальон пехоты под командой храброго подполковника Вреде. Двадцать девятого июля многочисленные полки неприятеля со всех сторон обложили укрепление и открыли по нему сильный ружейный огонь, на который осажденные почти не могли отвечать, так как горцы искусно пользовались для своего укрытия оврагами и каменьями. Обстоятельство это заставило Вреде придумать весьма остроумный способ для поражения чеченцев. Рассказывают, что он, желая выманить их на более открытое место, стал выпускать из крепости скот, и в ту минуту, как жадные чеченцы кидались за этой добычей, он бил их картечью. Такой маневр удавался довольно долгое время, и тридцать голов скота, выпущенного из крепости в разное время, дорого стоили чеченцам.

---

[1]В 1784 году, для безопасности сообщений с Грузией, между Моздоком и Владикавказом заложены были три редута: Григориополисский, Потемкинский и Кумбелеевский.

Между тем, перестрелка длилась до наступления сумерек. Вечером неприятель зажег деревянные постройки, принадлежавшие какому-то полку, и под прикрытием густого дыма стал подходить все ближе и ближе к крепости. Число неприятельских стрелков также увеличилось. Вреде понял опасное положение своего гарнизона и решился поправить дело отчаянной вылазкой. Восемьдесят человек охотников и сто казаков, под прикрытием огня крепостных орудий, с разных сторон выскочили из укреплений и с криком бросились на неприятеля. Нападение было так неожиданно, что чеченцы в страхе бросились бежать, и к утру в окрестностях Григориополиса не было видно ни одного неприятельского всадника.

Поражение Мансура дурно повлияло на умы правоверных горцев, и они начали даже сомневаться в неподложности своего пророка. Видя это и чтобы поправить дело, Мансур поспешил в Чечню, объявляя всем, что идет на Кизляр, который должна постигнуть участь Каргинского редута. Обещание было заманчиво. Богатый город с его хуторами и армянскими лавками, полными товаров, представлял собой привлекательную цель для набега, и горцы на этот раз легко поддались влиянию пророка.

Несмотря на то, что в Кизляре собрано было до трех тысяч войска, весть о намерении горцев всполошила всех жителей. В их памяти свежи были недавние погромы Кистин, а тут еще новые рассказы о поражении Пьери, о гибели Каргинского редута, о странно-таинственной личности Бог весть откуда явившегося чеченского пророка. Очевидно, Шейх-Мансур поразил воображение не одних горцев, а и русских.

Кизлярцы были в унынии. Один из очевидцев той эпохи говорит, что картина была действительно печального свойства: испуганные дети кричали, женщины плакали и, теряя голову, не знали за что приняться, седые старики сумрачно глядели на семьи и торопливо прятали и убирали пожитки. Многие бежали в астраханские степи. Казаки, с вечера отправленные за Терек, заклинали друг друга стоять за родные станицы и "падать спиной" в Терек, если не одолеют "пастуха-волка", как они называли Мансура.

Ночь прошла, однако же, благополучно. Под утро,

когда после всей этой тревоги жители стали уже забываться сном, вдруг тучи пыли поднялись за Тереком, и в крепости раздалось роковое: "Идут". Крепость вздрогнула, как от удара грома.

Чтобы ободрить народ, русские и армянские священники ходили по улицам города, пели молебны и кропили христиан святой водой. Суета, шум и тревога были повсюду, и лишь русские солдаты молча стояли в своих рядах.

Был уже полдень, когда чеченцы стали переходить через Терек верстах в пятнадцати ниже Кизляра. По донесению гребенских казаков, стоявших в пикетах, их было не менее десяти-двенадцати тысяч. Отсюда вся масса их двинулась к Кизляру. Но как только она добралась до садов, окружающих город, где были хутора, то, не внимая больше голосу своего предводителя, бросилась грабить. Весь день неприятель опустошал сады и только под вечер двадцатого августа пошел наконец на штурм крепостной ограды, возведенной вокруг форштадта. Пять раз толпы его бросались на приступ и всякий раз были отброшены с огромным для них уроном. Гребенские казаки с атаманом Сехиным и терское войско с князем Бековичем-Черкасским, оборонявшие вал, покрыли себя в этот день блистательной славой.

Значительные потери заставили Мансура отказаться от намерения овладеть Кизляром открытой силой. Зато на следующий день он вдруг обрушился на Томский пехотный полк, стоявший лагерем вне укрепления, и это была последняя попытка неприятеля. С отступлением томцев в редут, горцы встречены были сильным перекрестным огнем со всех батарей и в беспорядке отступили за Терек.

Новая неудача под Кизляром сильно подействовала на сообщников Мансура, увидевших, что предсказания пророка не сбываются, а напротив, последователи его терпят только одни поражения. Чеченцы первые от него отложились. Шейх-Мансур скрылся в кумыкские селения и стал собирать под свои знамена толпы бездомовников, искателей приключений, вообще людей сомнительного поведения. Между тем восстание в Кабарде, не угасавшее со времени Григориополисской осады, принимало все большие и большие размеры; кабардинцы звали Мансура к себе и делали большие приготовления к торжественной встрече

пророка. Они предполагали идти с Мансуром на левый берег Малки для опустошения Линии и даже Астрахани. Нетерпеливейшие из его сторонников устремились в начале октября на Наур и на Моздок, но были отражены.

В таком положении были дела, когда Потемкин отправил против Мансура командира Кабардинского пехотного полка полковника Нагеля[1] с отрядом из четырех батальонов пехоты, двух эскадронов астраханских драгун, моздокского казачьего полка и трех сотен казаков: донских, терских и гребенских. Нагелю категорически приказано было или разбить Мансура, или, по крайней мере, помешать соединению его с кабардинцами.

Противники встретились тридцатого октября невдалеке от Моздока. Обе стороны сражались с одинаковой храбростью и после пятичасового отчаянного рукопашного боя удержали каждый свои позиции. Второго ноября бой возобновился у Татартуба. Это был в то время один из наиболее значительных кабардинских аулов, следы которого теперь заметны только по одному высокому минарету, доныне красующемуся еще в окрестностях Змейской станицы на старой Военно-Грузинской дороге. Говорят, что в старину на этом месте был значительный город, и если только это тот самый Татартуб, близ которого Тамерлан разбил Тохтамыша в 1395 году, то минарет и аул - древнейшие памятники и, может быть, немые свидетели важнейшего для России исторического события. У этих развалин второго ноября 1785 года произошел роковой для Мансура татартубский бой. Огромное двадцатитысячное скопище горцев на заре со всех сторон облегло отряд полковника Нагеля. С фронта наступали чеченцы, слева тавлинцы, а справа шла кабардинская конница под предводительством известного тогда наездника Дола. В то же самое время кумыки, среди которых развевалось большое священное знамя пророка, как туча, шли в тыл, угрожая отрезать отряду отступление. Яростный бой загорелся разом в нескольких пунктах. Выдержав отчаянную атаку тавлинцев, сражавшихся пешком, отряду легко

---

[1]Нагель назначен был командиром Кабардинского полка из драгун на место полковника Ладыжинского, который с производством в бригадиры был послан комендантом в Оренбург.

уже было управиться с чеченцами и кабардинцами. Кумыки вступили в дело позднее других, но, двигаясь под прикрытием особых подвижных щитов[1], представляли собой грозную стену, против которой было бессильно даже действие артиллерии.

Тогда храбрый Нагель встретил наступавших штыками и, отняв щиты, обратил неприятеля в бегство. Сам Шейх-Мансур одним из первых оставил поле сражения. Торопясь уйти от преследования, неприятель оставил в горных ущельях все свое имущество, которое и было захвачено войсками. Трофеев также было взято немало, но Потемкин распорядился с ними по-своему. "Знамена их, - доносил он князю Таврическому, - не нашел я достойным поднести вашей светлости, а, обругав их при собрании тех кабардинских владельцев, кои у меня находились в стане, через профоса сжечь приказал".

Таким образом, татартубский бой являлся блистательной отместкой чеченцам за истребление отряда Пьери, и имя полковника Нагеля, тесно связанное со славным делом поражения Шейх-Мансура, принадлежит истории Кабардинского полка, как имя начальника, в школе которого полк начал свои первые боевые уроки в кавказской войне[2].

Деморализация в разбитых шайках пророка после этого боя была до того велика, что горцы восстали друг против друга. Лезгины резали чеченцев, чеченцы хватали лезгин и, как рабов, продавали в Турцию. Шейх-Мансур ушел за Кубань и там искал покровительства турецких пашей, занимавших приморские крепости. Здесь ему удалось распространить свое влияние на закубанских черкесов. Закубанские горцы вовлечены были в общий поток восстаний и на горячую речь проповедника отвечали грозным набегом на Моздокскую линию весной 1786 года. Сильная партия их прорвалась тогда до самого Александровского города, сожгла село Новосельцево,

---

[1]Сколоченные из двух рядов бревен с насыпанной между ними землей, щиты эти имели по два колеса и катились довольно легко и свободно, служа отличным прикрытием от огня артиллерии.

[2]Кабардинский полк прибыл на Кавказскую линию под командой полковника Ладыжинского в 1776 году и стал в Георгиевске, который сам и построил.

увела в плен до двухсот жителей и угнала девять тысяч голов скота. Вторичная попытка была отражена полковником Муфелем, но когда настали темные осенние ночи, черкесы перешли Кубань, сорвали пост Безопасный, встревожили Донскую крепость и даже появились на пути к Черкасску. Двухтысячная партия их с турецкой пушкой бросилась ночью второго ноября на Болдыревский редут на реке Ее, где стояли три донские казачьи полка под командой полковников Бузина, Денисова и Грекова. Что произошло тут - неизвестно; официальные документы говорят только, что казаки были тогда разбиты наголову, полковник Греков и с ним сто пятьдесят донцов взяты в плен и впоследствии перерезаны.

Быть может, к этому событию относится следующая поэтическая песня:

На линии было на линеюшке,
На славной было на сторонушке,
Там построилась новая редуточка;
В той редуточке стояла командушка,
Что донская команда казацкая;
А уж во командочке приказным был Агуреев сын.
За неделюшку у Агуреева сердечушко не чуяло,
За другую стало сказывать,
Как за третью за неделюшку вещевать стало;
Наехали гости незваные-непрошеные,
Стали бить и палить во редутушку
И повыбили всю командушку казацкую;
Агуреев сын ходит похаживает,
Свои белые руки поламывает,
Буйной головушкой покачивает:
"Вы сами, ребятушки, худо сделали,
Не поставили караула, сами спать легли.
Не бывать вам, ребятушки, на Тихом Дону,
Не видать вам, ребятушки, своих жен, детей,
Не слыхать вам, казачушки, звону колокольного"...

К счастью, дерзские набеги закубанских горцев на Северную крепость и на отряд подполковника Финка, стоявшего у Темиш-бека, были отражены с большим для них уроном.

Между тем, вскоре началась вторая турецкая война, и смуты, вносимые в Закубанье Шейх-Мансуром, были особенно неудобны. Желая покончить с ним во что бы то ни стало, Потемкин осенью 1787 года двинул к вершинам Зеленчука и Урупа три

сильные отряда под командой полковника Ребиндера и генерал-майоров Ратиева и Елагина. Елагин отделил от себя два летучих отряда, поручив их известным своей от-вагой полковникам Булгакову и Депрерадовичу, а они, перейдя за Кубань, сражались в течение нескольких дней и положили на месте больше двух тысяч черкесов, сожгли много аулов, отбили громадное коли-чество скота, потеряв сами трех офицеров и до ста пятидесяти нижних чинов. Пока Елагин громил чер-кесские скопища, Ребиндер первый встретился с Ман-суром, стоявшим между Лабой и Урупом. Шестьсот арб, уставленных вокруг, вагенбургом, представляли собой достаточно крепкую ограду против открытого штурма. Ребиндер, услышав притом, как горцы запели предсмертную молитву, заключил из этого, что они твердо решили защищаться до последней крайности. Не желая напрасно терять людей, он выдвинул вперед артиллерию. Ядра, картечь и гранаты быстро разметали оплот, и черкесы бежали сами, оставив свой вагенбург и в нем четыреста трупов.

Ребиндер остановился на ночь около Чильхова коша и здесь, на рассвете двадцать первого сентября, внезапно был атакован всеми силами Мансура. Завязалось жаркое дело. Ростовский конно-карабинерный полк, ударивший на закубанцев, был ими смят и опрокинут, астраханские драгуны подоспели на выручку и, в свою очередь, сбили закубанцев. Когда на пушечные выстрелы подошел сюда генерал-майор Ратиев, дело уже было окончено, и Шейх-Мансур, отступив, остановился в десяти верстах от поля сражения.

На другой день бой возобновился. Но как ни храбро дрались черкесы с Мансуром во главе, Ратиев рассеял их скопища и предал пламени все окрестные селения, в одном из которых сгорел между прочим и дом самого лжепророка. Наша потеря не превышала пятидесяти человек, но в этом числе русские лишились походного казачьего атамана Янова, раненного двумя стрелами в голову.

Та же неудача преследовала Мансура и в следующем году, когда генерал Текелли разбил его на реке Убынь. Здесь под Мансуром была убита лошадь, и он пешком едва успел спастись от неминуемой гибели или плена.

Покинутый горцами, Мансур опять нашел себе

убежище в Анапе. Но крепость эта в 1791 году, после кровопролитнейшего штурма, была взята генералом Гудовичем. Защитники Анапы были истреблены почти поголовно, но в числе немногих пленных находился и Шейх-Мансур, бывший, как говорят, душой всей обороны. В последние минуты боя он заперся в землянке вместе с шестнадцатью своими приверженцами, но землянка была окружена войсками и скоро взята. Плененный Мансур отправлен был в Петербург. Императрица пожелала видеть пленника, и его привезли в Царское Село, где тогда находился двор. Там, как рассказывают, его приказали водить около дворцовой колоннады взад и вперед под окнами, из которых на него смотрела Екатерина.

Мансур сослан был в Соловецкий монастырь. Одни говорят, что Мансур умер там в заточении, другие указывают, что на северо-восточной стороне Соловецкого острова и теперь еще есть следы небольшого, окруженного садом домика, в котором, по словам старожилов, жил какой-то пленный чужеземец, и что этот чужеземец и был Шейх-Мансур. Домик этот теперь обвалился, и время уничтожает его последние остатки. Последнее письмо Мансура, приведенное профессором Оттино, действительно помечено: "Соловецк, пятнадцатое сентября 1798 года" и подписано именем "Джованни Батисты Боэтти, проповедника". В письме этом он просил прощения у своего престарелого отца.

Мансур умер. Но дело его и его мысль не остались без результата, и мюридизм, правда, спустя уже много лет после него, все-таки поднял голову. Он получил широкое развитие, когда во главе движения стал Кази-мулла, а за ним последовательно явились Гамзат-бек и Шамиль - эти последние представители фанатичной секты, стоившей России тридцатилетней борьбы и потоков крови.

XIII

ЗАКАСПИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (Граф Войнович)

В то время как при генералах Якоби и Суворове, а потом при Потемкине устривалась на Кавказе по Тереку и по Кубани крепкая граница русской земли, развивались и укреплялись казачьи поселения, еще раз сделана была попытка проникнуть в даль среднеазиатских степей, с целью развития там русской торговли, а если возможно, и проникновения в Индию. Хотя эта попытка, напомнившая петровскую политику и поход Бековича-Черкасского, имела далеко не столь обширные цели, была кратковременна и окончилась опять неудачей, тем не менее она замечательна именно как выражение видов и намерений русского правительства, не оставленных после Петра. Восточное побережье Каспия, бесплодное и пустынное, представляющее собой степь, по которой кочуют киргизы и туркмены, лежало первым пунктом на этом великом пути русского государства, и правительство русское не раз поднимало вопрос об учреждении там торговых колоний.

Екатерина Великая и дальновидный князь Таврический соорудили экспедицию для занятия крепкого пункта на восточном побережье моря. Есть мнение, что экспедиция эта находится в тесной связи с намерениями Екатерины Великой выполнить еще Петром задуманное дело - завладеть северными провинциями Персии, первым шагом к чему и должно было слу-

жить присоединение к России Грузии, уже тогда предвиденное и частью совершившееся два года спустя.

Как бы то ни было, но в 1780 году три военных фрегата, бомбардирский корабль и четыре транспортных бота снаряжались в Астрахани к походу, цель которого облекалась глубокой тайной. Суворов, проживавший тогда в Астрахани, ожидал, что выбор правительства для выполнения предполагаемой экспедиции падет на него. Но, к общему удивлению, одиннадцатого июня 1781 года в Астрахань неожиданно прибыл из Петербурга молодой капитан-лейтенант граф Войнович и принял эскадру под свое начальство. Он имел секретное поручение плыть к персидским берегам под видом наказания дербентского и бакинского ханов, а в действительности с целью основать укрепление на одном из островов Каспийского моря и попытаться продолжить торговые пути в Хиву, Бухару и Индию.

Граф Марко Иванович Войнович был родом из приадриатических славянских провинций и с ранней юности посвятил себя мореходству. В русскую службу он вступил во время первой турецкой войны, явившись волонтером в черноморскую эскадру. Храбростью и знанием морского дела он скоро обратил на себя внимание императрицы, которая и назначила его командиром фрегата "Слава". Командуя им, Войнович участвовал во многих делах и за отличия был награжден орденом св. Георгия 4-ой степени.

Прибыв в Астрахань и снабдив эскадру всем необходимым, Войнович восьмого июля уже вышел с ней в Каспийское море. Миновав Дербент и Баку, он после трехнедельного плавания прибыл в Астрабадский залив и здесь остановился верстах в шестидесяти от города, в небольшой гавани, окруженной высокими горами, на которых лежит вечный снег. Сюда сходились караванные дороги, ведшие в глубину Ирана и в Среднюю Азию. Надо сказать, что Астрабадская и Мазандеранская области уже раз были уступлены России в 1723 году, во время Петровского похода, но никогда еще не занимались русскими войсками и вскоре по смерти Петра обратно отданы персидскому шаху.

В то самое время, когда Войнович со своей эскадрой вошел в Астрабадский залив, в Персии происходила междоусобная война за наследство. Сильнейшим из воюющих претендентов был хан астрабадский ага

Мохаммед, основатель нынешней персидской династии. Он овладел уже тогда Астрабадом, Мазендераном, Гиляном, Рештом и осадил город Казвин. К нему и обратился Войнович с секретным предложением. Ага Мохаммед любезно принял посланного к нему офицера и охотно уступил на астрабадском берегу под русское селение урочище Городовин. Он даже дал своих рабочих, уверяя, что и сам он предвидит для страны огромные выгоды от учреждения в ней русской торговой колонии. Войнович немедленно приступил к постройке селения и, под предлогом защиты его от хищных туркменов, поставил ретраншемент, вооруженный восемнадцатью орудиями, снятыми с корабля и с фрегатов. Избранное место по справедливости могло почитаться самым удобным и выгодным пунктом уже потому, что имело, как выше сказано, самой природой хорошо защищенную и выгодно расположенную гавань.

Персияне не препятствовали устройству укрепления и даже, по-видимому, склонны были видеть в нем охрану и для себя от частых и разорительных набегов хищных туркменцев.

Такое настроение продержалось, однако, не долго. Ага Мохаммед-хан, вытесненный вскоре из Казвина и Решта, начал опасаться русского соседства и отдал приказ стараться захватить Войновича в плен, рассчитывая силой вынудить у него согласие на уничтожение как пристани, так и укреплений. Случай к этому, по несчастью, скоро представился, и Войновичу пришлось испытать на себе восточное вероломство, некогда погубившее Бековича.

На пятнадцатое декабря, день, посвященный в честь пророка, Войнович и его офицеры были приглашены астрабадским губернатором в гости. Приглашение было принято, и Войнович отправился в сопровождении всех начальников судов, не предвидя ловушки. В Астрабаде русские увидели собранное войско и были встречены таким необыкновенным шумом и криком народа, что сразу стали подозревать измену. Воротиться, однако, было нельзя, приходилось покориться своей участи и выжидать событий. Персияне приняли гостей с почестями. С час времени прошло в восточных церемониях и обрядах празднества. Офицеры все время сидели как на иголках и торопились выбраться. Наконец Войнович встал, поблагодарил губер-

натора за гостеприимство и просил его отпустить их домой. Но в ответ на это губернатор грозно объявил, что по повелению аги Мохаммед-хана он должен их арестовать. Присутствующая тут толпа со зверской радостью кинулась на офицеров. Их бросили в темницу, где на несчастных узников тотчас были набиты колодки такой величины и тяжести, что они не могли тронуться с места. Один из участников экспедиции, Радинг, впоследствии описал тяжкое душевное состояние заключенных. Все они губоко чувствовали, что в лице их наносится оскорбление русскому имени, и мысль, что неосторожность их послужит главной причиной неудачи всей экспедиции, терзала их не менее, чем страх близкой гибели.

Между тем в оставшейся на берегу команде, узнавшей о пленении, возникли замешательства. Персияне хотели этим воспользоваться, чтобы овладеть ретраншементом, однако были отбиты с огромным уроном. Им удалось только захватить тридцать человек из партии, находившейся на рубке леса.

Губернатор между тем потребовал от пленных офицеров, чтобы они послали команде приказание разорить все постройки и укрепления на астрабадском берегу, и угрожал, в противном случае, принудить их к тому страшными муками. Войнович ответил, что русский закон воспрещает пленному начальнику отдавать приказания. Он предложил, однако же, освободить одного из старших офицеров, который, возвратившись к эскадре, и мог бы распорядиться уже как прямой начальник. Персияне долго колебались в выборе, но наконец отпустили капитан-лейтенанта Баскакова, предупредив его, что если ретраншемент не будет разрушен, то остальные пленные будут преданы мучительной казни.

Когда Баскаков исполнил все требования персиян, они освободили пленных матросов, но офицеров удержали и даже перевезли в город Сари, где участь их должна была решиться народным приговором. Целые две недели несчастные томились между страхом и надеждой, но наконец, по приказанию аги Мохаммед-хана, им возвратили свободу. Восемьдесят шесть верст, разделявших город Сари от пристани, офицеры верхами проскакали без отдыха, пока наконец не были радостно встречены эскадрой, уже потерявшей надежду увидеть их живыми.

Ага Мохаммед-хан скоро раскаялся в своем поступке и обратился к Войновичу с письмом, предлагая новое место под русскую колонию. Но граф не мог уже доверять ему и не хотел иметь никакого дела с человеком, ознаменовавшим себя таким позорным вероломством. Тогда ага Мохаммед отправил посольство в Петербург, но послы его не были приняты императрицей.

До восьмого июля эскадра простояла в Астрабадском заливе, а затем, осмотрев приморские места близ Балаханов и Красноводска, прибыла в Баку, встреченная салютом русскому флагу из крепостных орудий. Прибытие эскадры привело бакинских жителей, для которых военные корабли были до того времени невиданной диковинкой, в большой страх: вероломство хана здесь уже было известно, и все ожидали за него возмездия. Дело, однако, ограничилось мирными переговорами насчет русских купцов, торговавших в Баку и Дербенте, после чего эскадра возвратилась в Астрахань.

Экспедиция больше не возобновлялась. Но с той поры на Каспийском море при устье Волги уже постоянно содержалась русская эскадра, служившая не только военным, но и коммерческим целям; а в Энзели основана была русская колония, продолжавшая существовать до 1792 года.

По возвращении в Астрахань Войнович был вызван в Петербург. Его приняли там по наружности прекрасно, дали ему следующий чин и бриллиантовый перстень, однако же с поста сменили и отправили в Херсон. В следующем году он был назначен, впрочем, командиром линейного корабля "Слава Екатерины", а еще через три года - главным начальником Севастопольского флота и порта. В этом звании, произведенный в контр-адмиралы, он участвовал во второй турецкой войне и заслужил орден св. Георгия 3-ей степени. Но когда, по желанию светлейшего Потемкина, на место его начальником Черноморского флота назначен был знаменитый адмирал Ушаков, Войнович, обиженный, вышел в отставку и удалился на родину. Впоследствии, при императоре Павле, он возвратился в Россию и дослужился до чина полного адмирала, но скоро вторично вышел в отставку и умер в неизвестности.

XIV

ГЕНЕРАЛ-АНШЕФ ТЕКЕЛЛИ

После отъезда с Кавказа генерала Потемкина, сохранившего за собой звание кавказского наместника, фактическим начальником кавказских войск остался генерал-аншеф Петр Абрамович Текелли. "Горбоносый, худой и длинный серб", - как описывает его один из русских исторических романистов[1]. Это был опытный боевой генерал, один из лучших кавалеристов своего времени. Происходя от древнего сербского рода, он начал военную службу в Австрии, в рядах венгерских гусар, а в царствование императрицы Елизаветы Петровны в числе многих отличных сербских офицеров перешел в русскую армию при следующих обстоятельствах. Еще в XVII веке, во время войны императора Леопольда с турками, из Турции вышли в австрийские владения до шестидесяти тысяч сербов, которые не только помогли австрийцам освободить от турецкого ига многие венгерские и сербские города, но потом содействовали им и в деле усмирения буйных венгерцев. Отсюда начинается вековая непримиримая вражда венгров к славянам. Притесняемые мадьярами, сербы вынуждены были наконец искать для себя нового отечества и обратились к России. Полковник Хорват первый явился с целым гусарским полком, а вслед за ним стали переходить в русскую службу и другие отличные сербские офицеры, принимаемые

[1]Данилевский "Последние запорожцы".

тем с большим удовольствием, что, помимо своей известной храбрости, они могли быть в высшей степени полезны в турецких войнах как знанием местности, так и своими связями с единоземцами. Из них тогда же были образованы гусарские полки, которые и поселены в Заднепровье, в соседстве с Запорожским войском. К числу этих выходцев принадлежал и Текелли.

В семилетнюю войну Текелли заставил говорить о себе как о талантливом партизане, не раз являвшемся достойным соперником Лаудона, Цитена и Зейдлица; на этом поприще он и положил начало своей военной славе. Слава эта утвердилась за ним еще бо-лее в первую половину царствования императрицы Екатерины Великой, когда велись непрерывные войны с турками и поляками. Израненный в боях, он воз-вратился из этих походов в чине генерал-поручика и был украшен орденами Анны 1-ой степени и Георгия на шею.

Но в истории России имя Текелли памятно более всего потому, что оно тесно связано с падением Сечи и с уничтожением Запорожского войска. Вот как рассказывает Данилевский об этом замечательном событии.

Четвертого июня 1775 года, на троицкую неделю, русский корпус венгерского выходца серба генерал-поручика Текелли, вместе с валашским и венгерскими полками другого серба, генерал-майора Федора Чорбы, двинулся к днепровским порогам. Тут было пятьдесят полков конницы - пикинеров, гусар и донцов, и десять тысяч пехоты. Войско разделилось на отряды, и без огласки занимая по пути главные села, с четырех сторон подошло к Сечи. Празднуя зеленые святки, запорожцы увидели нежданных гостей только тогда, когда они стали уже на возвышенностях вокруг Коша.

- Что, дети, будем делать? - говорил кошевой Колнышевский, разглядев из окна передовые пикеты русской армии. - То, верно, царское войско пришло, чтобы звать нас опять на турок!

- Нет, батько, - отвечали вбежавшие с поля казаки, - русские не зовут нас на турок; их пушки нацелены горлами против Коша.

Текелли подошел к Запорожью ночью, и так как все часовые по обыкновению покоились безмятежным сном, то Орловский пехотный полк с эскадроном

конницы прошел незаметно через все предместье и без выстрела занял Новосеченский ретраншемент. Наутро Текелли потребовал к себе кошевые власти и предъявил им указ императрицы об упразднении Запорожского войска.

Сечь зашумела. Более пылкие атаманы, ватажки и характерники хотели защищаться, несмотря на наведенные на них пушки, но другие, более рассудительные, мечтавшие о возрождении Сечи в другом месте и виде, уговаривали всех на время покориться. Голос благоразумия, поддержанный кошевыми властями вместе с духовенством, взял верх, и вольная Запорожская Сечь, гордая тем, что никогда никому не покорялась, пала без борьбы и сопротивления.

Текелли стал твердой ногой в занятой Сечи и начал вводить в ней новые порядки. Кошевой Колнышевский, писарь Глоба и некоторые куренные атаманы, как люди, опасные по своему влиянию среди казаков, были вывезены в Россию. Кошевой и писарь были пострижены в иноки, первый - в Соловецкий монастырь, а второй - в Белозерский, где и кончили дни свои в глубокой старости.

Но крутые меры, принимаемые по отношению к запорожцам, сделали, однако, то, что они, один за одним, тайно стали выбираться из Коша. Когда Текелли заметил это, в Сечи уже почти никого не оставалось.

- Где же ваше войско? - кричал Текелли, когда к нему привели какого-то седого сгорбленного деда.

- Как, пане, где? - ответил дед. - Оружие и прочее от нас отобрали, не стало и войска. Одни, кто женат, разбрелись по зимовникам, остальные сиромахи ушли, видно, до Турка.

Из тринадцати тысяч запорожцев, сидевших над Днепром, двенадцать тысяч действительно ушло за Дунай, в Туречину. Мысль князя Потемкина переселить запорожцев в Россию не удалась: запорожцы выселились сами.

В Петербурге были не совсем довольны таким оборотом дела, но поправить его было уже невозможно, и князь Прозоровский, приехавший сменить Текелли, нашел на месте, где стояла Сечь, лишь степные могилы,

...что чернеют,
Словно горы в поле,
И лишь с ветром перелетным

Шепчутся о воле... -
по поэтическому выражению народного малороссийского поэта.

Прошло двенадцать лет, и мы видим Текелли на Кавказе уже генерал-аншефом. Потемкин только что уехал в Россию; войска, участвовавшие с ним в походе, не были, однако, распущены, и Текелли решился воспользоваться прекрасной осенью, чтобы еще раз сходить за Кубань и страхом разгрома черкесских жилищ обеспечить себе мирные зимовые квартиры.

Тринадцатого октября 1787 года двенадцать тысяч русского войска перешло Кубань и в несколько дней истребило все неприязненное население, гнездившееся между рекой Лабой и Снеговыми горами. В то же время донской атаман Иловайский опустошил пространство между Лабой и Кубанью, а кабардинцы, предводимые своим соплеменником бригадиром Горичем[1], привели в покорность абадзинов, бесленеевцев, башильбаев и кипчакских татар. Пятьсот человек кабардинских панцирников прошли горами даже до Суджук-Кале и, рассеяв там турецкий отряд, отбили две медные пушки, которые в качестве трофеев и привезены были в Георгиевск, ставший со времени Текелли резиденцией главных начальников края. Во время этой же экспедиции кабардинцами было освобождено более ста человек русских пленных и взято тридцать черкесских аманатов, которых Текелли немедленно отправил в лагерь светлейшего князя Потемкина, давно желавшего видеть среди своей свиты воинственных представителей кавказских народов.

В походе Текелли кабардинцы в первый раз являются в рядах русских войск, и этот первый опыт увенчался, казалось, полным успехом. Их подвиги были замечены, про них заговорили, особенно после того, как стало известно, что кабардинцы, оставшиеся дома, помогали охранять терские станицы и даже раз под предводительством Горича-

---

[1]Два брата Горича, кабардинцы по происхождению, долго служили в России. Старший был бригадиром, а младший - генерал-майором польской службы. Последний командовал одно время Терским казачьим войском, а старший предводительствовал кабардинцами в походе Текелли. Позже он был убит под Очаковым.

младшего напали на чеченцев, возвращавшихся из набега, и отбили у них весь русский полон. Один Текелли, суровый и всегда осмотрительный, не спешил расточать похвал кабардинцам - он не доверял их бескорыстной службе. И он не ошибся. Едва кабардинцам объявили отказ на их домогательства получить обратно земли, отошедшие под русские укрепления, как ревность их охладела, и в следующем году они не только не приняли участия в походе Текелли, но в продолжение его даже несколько раз тревожили Линию набегами.

Турецкая война между тем разгоралась. Получены были известия, что турки хотят овладеть Тавридой, и князь Григорий Александрович Потемкин, озабоченный этим обстоятельством, предписал Текелли как можно скорее начать военные действия против Суджук-Кале или Анапы.

Разлив Кубани не допустил, однако, открыть кампанию ранее осени 1788 года. Летом небольшие летучие отряды русских войск время от времени появлялись на левой стороне Кубани и производили там поиски. Самый удачный из них был в середине августа, когда бригадир Берхман с небольшим отрядом истребил несколько аулов в земле абадзинов, сжег их хлеба и возвратился с большой добычей. Но главные силы под предводительством Текелли перешли Кубань только девятнадцатого сентября несколько ниже теперешней Усть-Лабинской крепости, где был тогда Петровский редут. Неприятель всюду отступал, и только двадцать первого сентября произошло довольно срьезное столкновение, в котором был убит казачий полковник Барабанщиков. Между тем густой дым сигнальных костров, поднимавшихся кругом по вершинам гор, указывал на близкое присутствие горцев. Поэтому Текелли отправил небольшой отряд под командой подполковника Мансурова для рекогносцировки верховий реки Убына. Но едва отряд отошел на один переход, как двадцать шестого сентября был атакован восьмитысячным скопищем горцев. Бешеная атака их заставила отряд остановиться; к горцам между тем подошли турецкие войска с восьмью орудиями, и отряд очутился между двух огней. Мансуров, построив пехоту в каре, пять часов отбивался от неприятеля, в то время как на флангах у него кипели горячие кавалерийские схватки.

Замечательно, между прочим, то обстоятельство, что терскими и гребенскими казаками в этом бою предводительствовал отважный подполковник Селим-Гирей, родной племянник последнего крымского хана, а турецкой конницей командовал отец Селима, Батый-Гирей, некогда мечтавший овладеть крымским престолом, и им не раз приходилось сходиться в рукопашных схватках. Сын остался победителем и вынудил своего отца покинуть поле сражения; черкесы были разбиты, и гребенцы с боя взяли неприятельское знамя. Вечером на помощь к Мансурову подошел князь Ратиев, а вслед за ним стали показываться и главные русские силы. Появление их окончательно решило участь боя: неприятель отступил, потеряв, как говорят, более тысячи человек. Потери русского отряда были также значительны: из строя выбыло до двухсот пятидесяти нижних чинов.

После этого сражения Текелли вошел в неприступные горные ущелья и, произведя страшное опустошение в жилищах закубанских народов, повернул к Анапе с целью сделать попытку овладеть этой важной крепостью.

Четырнадцатого октября два батальона егерей, поддерживаемые драгунской бригадой и Волжским казачьим полком под командой полковника Германа произвели усиленную рекогносцировку. Заметив приближение наших войск, турки притаились за крепостными стенами, но лишь только драгунские эскадроны, далеко опередившие пехоту, подошли на пушечный выстрел, они открыли огонь изо всех орудий. В ту же минуту турецкая пехота, высыпавшая на вал, выставила множество знамен и бунчуков. То был как бы условный сигнал, по которому горцы, скрывавшиеся дотоле в лесистых ущельях, вдруг выдвинули против русских одиннадцать орудий и под прикрытием жестокого артиллерийского огня бросились в атаку. Янычары, в свою очередь, вышли из крепостных ворот, чтобы отрезать драгунам отступление. Положение русской конницы было отчаянное. К счастью, в эту минуту подоспели два батальона пехоты, которые приняли драгун на себя и дали им возможность отступить в порядке. Пехоте одной пришлось теперь оспаривать сражение у всей черкесской силы. Сражение завязалось упорное,

6-3000

особенно в деревне Кучугуры, откуда никакие силы янычар и горцев не могли выбить русских егерей, засевших между кустами и каменьями. Им приходилось умирать на месте, не помышляя об отступлении, и они, конечно, были бы подавлены сильнейшим врагом, если бы не подоспел на выручку отряд под предводительством генерал-майора Ратиева. Неожиданное появление свежей русской колонны заставило неприятеля очистить дорогу егерям, которые, отстреливаясь, отошли на гору, под прикрытие артиллерийского огня авангарда. Между тем смерклось, и наступившая ночь прекратила сражение, продолжавшееся более семи часов сряду.

Число турок и горцев, защищавших Анапу, оказалось значительным, и Текелли, понимавший трудность овладения Анапой при господстве турецкого флота на Черном море, отошел за Кубань.

Двухмесячный поход Текелли к Анапе был первым продолжительным серьезным наступательным действием русских в неприятельские земли. Наступление было ведено с большой осмотрительностью, и генерал Текелли, человек очевидно опытный, предусмотрительный, не увлекавшийся желанием громких дел, довольствовался только достижением главной цели - обезопасить русские границы от покушений турок. И цель эта была вполне достигнута. В то же время были исследованы все дороги, ведущие к важной приморской турецкой крепости, собраны сведения о местном населении, о его силе, об отношениях племен друг к другу, и записка Текелли, поданная Потемкину, не лишена интереса даже и поныне.

Окончив экспедицию, Текелли, к общему сожалению, вышел в отставку и в том же 1788 году умер. Прибывший на место его генерал-аншеф граф Иван Петрович Салтыков оставался на Линии лишь несколько месяцев и был отозван на пост главнокомандующего Финляндской армией.

XV

БЕДСТВЕННЫЙ ПОХОД БИБИКОВА НА АНАПУ

В истории кавказских войн прошлого столетия совершенно особенное место занимает случайный, стоящий вне общей системы действий, бедственный поход Бибикова на Анапу.

Когда граф Салтыков, назначенный, по случаю начавшейся тогда шведской войны, главнокомандующим армией в Финляндии, уехал с Кавказа, и край остался опять под номинальным управлением отсутствующего графа Потемкина, кавказские войска, состоявшие из двух корпусов, Кубанского и Кавказского, некоторое время оставались без общего начальника, какими были Текелли и Салтыков. Этими исключительными обстоятельствами воспользовался один из частных начальников, командир Кавказского корпуса генерал-поручик Юрий Богданович Бибиков; он поспешил стать во главе военных действий на Линии, чтобы отважным предприятием успеть выдвинуться до назначения нового начальника, при котором ему пришлось бы довольствоваться скромной второстепенной ролью. Предшествовавшая деятельность Бибикова не обещала, однако же, блестящих результатов от его стремления к славе; он был обязан своим возвышением единственно покровительству графа Панина, при котором находился во время пугачевского бунта, и во всяком случае не принадлежал к славной плеяде екатерининских генералов, из которой вышла большая часть тогдашних боевых кавказских деятелей.

Целью своего отважного предприятия Бибиков

избрал Анапу, очевидно, односторонне понимая важность ее значения и не постигая глубоких соображений, заставивших Текелли на время отказаться от завладения ею.

Анапа, действительно, играла очень большую роль в русско-турецких делах, служа важнейшим пунктом для сношений турок с магометанскими горцами. Ее твердыни высились верстах в тридцати от устьев Кубани, на мысе, омываемом с двух сторон волнами Черного моря. От валов крепости вплоть до подножия Кавказских гор расстилалась обширная равнина, когда-то вся изрезанная колесными дорогами и тропинками, по которым ездили татарские арбы с сельскими продуктами из горных аулов; по тем путям иной раз двигались и целые обозы с яссырями и молодыми девушками, которых горцы доставляли сюда на продажу туркам. С давних времен, когда еще не было Анапы, плодородие этой равнины привлекало сюда массу выходцев из гор для посевов гоми (род мелкого проса), а к мысу, на котором впоследствии поставлена крепость, приставали в голодные годы черкесские кочермы для сбора добровольных приношений хлебов в пользу бедных приморских жителей горной полосы этого края.

Когда Крым был присоединен к России, и ногайские племена, кочевавшие по Кубани, выселены, турки, прежде легко сносившиеся с горцами из Крыма через Таманский полуостров, теперь могли рассчитывать только на Черное море и старались укрепиться на его побережьи вблизи Кавказских гор. Именно с этой целью они и затеяли построить крепость в земле натхокаджей. Местность, выбранная ими, принадлежала, собственно говоря, небольшому черкесскому племени хегайк, но племя это было истреблено чумой, потеряло свою самобытность и слилось с натхокаджами. Старейшины родов натхокаджийского племени не особенно благоприятствовали намерениям турок и долго не решались дать согласие на постройку крепости; однако же, задобренные подарками и обольщенные обещанием выгод от торговли яссырями, они один за другим мало-помалу стали склоняться на сторону турок. И только один старейшина, из сильного рода Супако, впоследствии прозванный Калебатом, не сдавался ни на какие обещания и упорно противился сооружению крепости на земле своего племени. Он возвы-

шал голос в народных совещаниях, предостерегал соотчичей. "Турция, - говорил он, - не то, что мы. Турция - государство. Она может вести войну с другим государством. По жребию войны крепость может перейти во власть государства более победоносного, а тогда и вся земля, на которой будет стоять завоеванная крепость, законно перейдет в обладание того же государства". Но обаяние турецких подарков было так сильно, что голос одного, при согласии всех, был гласом вопиющего в пустыне: крепость была воздвигнута и названа Анапой. Достойно внимания, что нога Калебата в течение всей его жизни ни разу не была в Анапе. А пока ненавистная ему крепость строилась, он нападал на нее со своими людьми и не раз повреждал и даже совсем прекращал работы, откуда и получил название Калебат, что значит "Разоритель крепости".

Самое слово "анапа" происходит от двух татарских слов: "ана" - мать и "пай" - часть, доля. В первое время существования крепости ее иначе и не называли, как Анапай - "материнская часть", или "материнская доля". Происхождение этого названия объясняют обыкновенно тем, что турки, стараясь облегчить участь своих единоверцев, изгнанных из Крыма, отвели им место по Кубани именно под защитой этой крепости; в свое время татары высоко ценили такое покровительство и выразили свою признательность в самом названии Анапы, которая, как заботливая мать, приютила у себя несчастных изгнанников.

С самого начала Анапа (по-черкесски Бугур-Кале, от имени речки, при устье которой она построена) представляла собой редут, окруженный только земляным валом, но в 1781 году французские инженеры построили здесь первоклассную крепость, которая фирманом турецкого султана была названа "ключом азиатских берегов Черного моря" и с этих пор становится центром религиозной пропаганды между черкесскими племенами.

Утвердившись в земле натхокаджей, турки владели, однако же, только тем клочком земли, на котором стояла крепость. Окрестные же места были совершенно от них независимы, и потому крепость постоянно должна была принимать все меры военных предосторожностей, чтобы в один прекрасный день не быть захваченной врасплох своими же друзьями.

Вообще отношения горцев и турок между собой в Анапе поддерживались только торговыми интересами и в особенности торгом красивых невольниц, но против России они всегда естественно являлись верными союзниками. Захватить Анапу значило нанести удар как торговым интересам горцев, так и влиянию на них мусульманской Турции.

Бибиков понимал, какая важная заслуга для России была бы в прочном завладении Анапой, и, спеша до назначения нового начальника связать свое имя с этим подвигом, отважился идти за Кубань с одним своим Кавказским корпусом, налегке, без обозов, рассчитывая довольствовать войска реквизициями.

Решение идти под Анапу и последующие иногда весьма энергичные действия доказывают, что Бибиков был человек предприимчивый и смелый, но что в то же время это был человек несомненно легкомысленный. Он совсем не позаботился ознакомиться даже с характером страны, в которой ему приходилось действовать и которая имела много особенностей, вовсе не принятых им во внимание. В этой стране не было, конечно, заоблачных гор и грозных ущелий с едва проходимыми среди утесов тропами, не было и крепких аулов с каменными башнями, представляющими собой готовые крепости. Но зато здесь на каждом шагу встречались горные речки, вздымавшиеся при таянии снегов и затоплявшие окрестности на многие версты, превращая их в непролазные топи; здесь были дремучие леса с проложенными в них узкими дорожками, пересекавшимися по всем направлениям глубокими и топкими канавами; здесь обитало густое воинственное население лучших наездников, владевшее огромными табунами отличных лошадей. Это население могло окружить неприятеля тучами всадников, следить за каждым его шагом и расстраивать все его предприятия. "Та местность, - говорит один писатель, - такая, что бой вспыхнет на поляне, а кончится в лесу и овраге; тот неприятель таков, что если хочет биться, трудно против него стоять, а если не хочет, трудно его настигнуть".

Время для похода выбрано было Бибиковым самое неудобное. Войска стали собираться в январе 1789 года, когда глубокие снега лежали на равнинах и не было нигде подножного корма. Кубань перешли еще по льду, но лед уже был не крепок, и в воздухе

ощущалась близость весны, вместе с которой должны были начаться для отряда неминуемые бедствия.

Первые дни похода прошли довольно спокойно. Встречались только слабые аулы кабардинцев, которые не могли оказать сопротивления. Но чем дальше продвигался отряд, тем сопротивление неприятеля становилось упорнее. На зов известного Шейх-Мансура, скрывавшегося тогда за Кубанью, стали стекаться большие партии горцев, вскоре явилась поддержка от турок, и пятнадцатого февраля гром русских пушек впервые огласил пустынные и дикие места, в которых никогда еще не были русские. Черкесы были разбиты, но зато с этих пор начались ежедневные нападения на отряд. А между тем наступила весна, и препятствия, чинимые природой, с каждым днем становились непреодолимее. Войска то целый день брели по колено в студеной воде, которая образовывалась почти моментально от действия весеннего солнца, то вынуждены были останавливаться вследствие горных метелей и вьюг, бушевавших по нескольку дней сряду. То сильная оттепель превращала ручьи в бурные реки, и приходилось везде строить мосты, то сильнейший мороз и гололедица препятствовали кавалерии сдвинуться с места. Там раскапывали дорогу среди высоких снеговых сугробов, здесь настилали гать, чтобы перебраться через затопленные водой луга, или взбирались на голые скалы, куда на канатах поднимали за собой повозки и орудия. Дров не было, сухари на исходе, а лошадей давно уже кормили старыми рублеными рогожами.

Черкесы, зная о бедственном положении русского отряда, решились преградить ему путь в одном из тесных горных проходов. К счастью, они опоздали. Первая колонна прошла благополучно, и только уже вторая, генерала Булгакова, наткнулась на завал и очутилась под перекрестным огнем турецких орудий. Но генерал Булгаков (впоследствии начальник Кавказской линии) был из числа тех людей, которых мужество возрастает по мере опасности. Увидев, что в его положении нет другого выхода, кроме победы, он кинулся вперед и, овладев батареей, проложил дорогу штыками.

После этого случая многие стали советовать Бибикову вернуться. Но ослепленный случайной удачей, он двигался вперед и вперед к восточному берегу Чер-

ного моря, где стояла Анапа - предмет его тайных надежд и смелых замыслов. Черкесы между тем продолжали упорные битвы: в каждой долине происходил конный бой, из-за каждого куста, оврага и перелеска русских осыпали пулями, каждую высоту приходилось очищать штыками. Солдаты сражались с беспримерным мужеством. Смело можно сказать, что в этом необычайном походе каждый рядовой заслужил звание героя. Но, побеждая неприятеля, войска не могли победить другого противника - голода: сухарей давно уже не было, и люди питались кореньями и сырой кониной.

Наконец двадцать первого марта, после сорокадвухдневного марша, проведенного среди борьбы и лишений, в самый канун светлого Христова Воскресения, русские вышли из гор в долину, расстилавшуюся до самых стен Анапы. Несмотря на усталось, ночь проведена была в молитве: в полках служили заутрени, и радостный гимн "Христос воскрес" торжественно звучал под чужим, мрачным и покрытым свинцовыми тучами небом. К утру погода переменилась: снег повалил хлопьями, закрутила вьюга и ударил такой мороз, что в лагере замерзло до двух сотен лошадей. Между тем, с первым проблеском дня, войска построились в колонны и в торжественном молчании двинулись к крепости. Сорокатысячный гарнизон высыпал на валы, запестревшие множеством знамен и бунчуков, десятки турецких орудий открыли огонь, и около колонн запрыгали гранаты и ядра.

Солдаты бодро продвигались вперед; в их рядах, по рассказу очевидца, слышались даже остроты насчет того, что-де турки хоть и бусурмане, а вот христосуются с нами калеными ядрами. Но вот барабаны вдруг загремели отбой, войска остановились и на расстоянии пушечного выстрела от крепости разбили свой лагерь. В это самое время турки, в виду целого отряда, спустили с крепостной стены какого-то всадника на белой лошади. Ему, как оказалось впоследствии, поручено было проскакать мимо нашего лагеря и уведомить горцев, в какой именно час и с какой стороны они должны напасть на русских одновременно с турками.

Угадывая это намерение, русские употребили все средства, чтобы захватить всадника: за ним гнались по пятам, пересекали ему дорогу, метали в него дротиками, стреляли из ружей и пистолетов.

Но он, словно заколдованный, успел вырваться из круга обступавших его казаков и скрылся в горах. Теперь нужно было ожидать ежеминутного нападения.

И действительно, на следующий день полторы тысячи турок, выйдя из крепости, бешено атаковали русский лагерь. Гром пушечных выстрелов, далеко отозвавшихся в горах, послужил сигналом, по которому горцы в бесчисленном множестве кинулись с тыла. Поставленные между двумя противниками, русские бились лицом на две стороны. "И, надо сказать правду, - говорит участник этого боя, - непостижимо, как они уцелели, и не только уцелели, а еще остались победителями!" Особенно отличился при этом поручик Мейнц, в глазах всего отряда с одним эскадроном врубавшийся в массы турецкой кавалерии. И турки и черкесы вынуждены были наконец отступить. Казаки преследовали их по пятам, и шесть тысяч вражеских тел устлали поле сражения.

Но радостный день победы грустно окончился для самих победителей. Ослепленный блеском удачи, Бибиков не хотел довольствоваться уже пожатыми лаврами и отдал приказание идти немедленно на приступ Анапы. Солдаты смешались с толпами бегущих и быстро достигли крепости. Но турки, не заботясь о своих беглецах, заперли ворота и встретили русских убийственным ружейным огнем. Будь у русских лестницы, Анапа, вероятно, была бы взята. Но лестниц не оказалось! Ночь, между тем, опускалась на землю, и русские, жестоко пораженные картечью, стали отступать, оставя на поле до шестисот человек убитыми.

Но этим бедствие еще не кончилось. Черкесы, наблюдавшие издали, что произойдет под Анапой, как только увидели, что русские отступают, вихрем понеслись на отряд и ударили в шашки. Мрак ночи увеличивал общее смятение, и трудно сказать, что сталось бы с расстроенным русским войском, если бы спасение его не приняли на себя два храбрых майора, Веревкин и Офросимов. Жертвуя собой, первый из них с двумя батальонами пехоты, а второй с батареей, бросились навстречу черкесам и, заслонив отряд своей грудью, дали ему время кое-как дотянуться до лагеря.

За днем кровопролитного сражения наступила бурная ночь. С одной стороны русского лагеря бушевало море, с другой - шум, свист и вой ветра

в лесах и горных ущельях. Страшная гроза усугубляла ужас ночи. Но турки, со своей стороны, боялись не грозы, а нового приступа, и всю ночь простояли на валах, стреляя время от времени из пушек.

Три дня провели русские под стенами Анапы. Наконец Бибиков собрал военный совет, на котором большинство голосов высказалось за отступление, так как голод и недостаток в боевых припасах не позволяли думать о новом приступе. Лишь только отдан был приказ отступать и войска стали сниматься с позиции, в лагерь явился какой-то турецкий невольник и поднес Бибикову пшеничный хлеб, сказав, что паша посылает этот хлеб главнокомандующему, чтобы тот не умер с голода в дороге. И эту дерзкую выходку пришлось оставить без внимания.

Отступление сопровождалось еще большими бедствиями. Чтобы достичь Кубани, была избрана кратчайшая дорога, по которой вел Текелли. Но здесь надо было переходить густой лес, а за ним непроходимую, узкую и глубокую речку, через которую только в одном пункте был перекинут небольшой мост. И счастье, что Бибиков успел захватить этот мост прежде, чем подошли к нему горцы, намеревавшиеся в этом пункте отрезать отступление. Едва последние ряды солдат перешли речку, показались горцы и турки. Уничтожить мост уже не было времени, и Бибикову оставалось только задержать неприятеля артиллерийским огнем. Началась настоящая бойня. Целый час шестнадцать орудий в перекрест били картечью по мосту, и целый час черкесы и турки, как бешеные, ломились на мост, заваливая его своими трупами. Только громадные потери заставили наконец упрямого неприятеля отказаться от нападения. Мост был сожжен, и отряд, положив между собой и горцами неодолимую преграду, стал отступать спокойнее. Теперь ему предстояла главным образом борьба с природой, но и эта борьба была такова, что о ней с трепетом помышляли самые бесстрашные воины.

Весна в этом году стояла ранняя и дружная; горные ручьи превратились в бурные реки; овраги и долы наполнились водой. Везде была невылазная грязь, мокроть, и люди не пытались даже сушить свое платье. В одном месте войскам пришлось сделать переход в четырнадцать верст в воде по самое горло; солдаты коченели от холода, некоторые теряли

сознание, падали и погибали, прежде чем им успевали подать какую-нибудь помощь. Бибиков тогда напал на мысль переменить направление, перейдя на другую, хотя окружную, но более сухую горную дорогу. Но против этого восстали все офицеры, говоря, что солдаты, изнуренные голодом, не вынесут этого пути и сделаются жертвой черкесов. Более всех противился перемене дороги известный Офросимов - у него не осталось и по пяти зарядов на оружие. Бибиков арестовал Офросимова и даже приковал его к пушке. Тогда взбунтовались солдаты: они легли на землю и кричали: "Пусть будет, что угодно Богу и матушке царице, а дальше мы идти не можем". Собрался новый военный совет, и Бибиков вынужден был наконец подчиниться общему решению. Офросимова освободили, и войска двинулись опять к высокому нагорному берегу Кубани, который уже "маячил" в синеве далекого туманного горизонта. Но отряду пришлось и тут испытать горькое разочарование: глубокая и быстрая река, разлившись на необозримое пространство, бешено катила пенящиеся волны, ворочая громадные камни и унося, как щепы, вырванные с корнями дубы и чинары - и переправы не было.

Между тем горцы опять настигли отряд, и опять начались ежедневные схватки, не всегда успешные для русских. Так, в одной из них Уральский полк потерял всех своих лошадей и очутился пешим. Положение отряда, прижатого к Кубани, было безвыходное, но все же отбиваться от горцев легче было стоя на месте, нежели в походе, что неизбежно случилось бы, если бы отряд пошел по пути, выбранному Бибиковым. К счастью, дух в полках сохранился превосходный. Минутное неудовольствие людей не оставило по себе заметного следа; солдаты опять были теми же бодрыми, храбрыми и терпеливыми солдатами, готовыми сто раз пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти честь русского знамени и своего начальника. Днем они сражались, ночью с чисто русской сметкой мастерили летучие паромы из камыша, в котором, к счастью, недостатка не было. Скоро паромы были готовы, и на этих-то утлых плотах отряд совершил свою невероятную переправу. Правда, некоторые из этих плотов опрокинулись, и люди, бывшие на них, потонули, некоторые унесены были быстротой течения в Черное море, но большинство добралось-таки до русского

берега. Орудия спасены были все, и отряд не оставил в руках неприятеля ни одного трофея.

Так кончился этот поход, не без основания сравниваемый одним из современников с походом Кортеса в Мексику.

Общую потерю бибиковского отряда показывают различно. По официальным донесениям, она не превышала тысячи ста человек, но по другим известиям, изо всего восьмитысячного войска вернулись только три тысячи на ногах и тысяча совершенно больных, причем из последних большая часть умерла.

Слух о бедственном положении Бибикова за Кубанью дошел до светлейшего князя Потемкина, и командиру Кубанского корпуса генерал-лейтенанту барону Розену приказано было поспешно идти за Кубань, чтобы разыскать отряд и помочь ему выйти на Линию. Розен, однако, встретил Бибикова уже на правом берегу вне всякой опасности. Из его донесения Потемкину видно, что он нашел Кавказский корпус в совершенном расстройстве. "Офицеры и нижние чины, - писал он, - находятся в таком жалком виде, который выше всякого выражения; все они опухли от голода и истомлены маршами, стужей и непогодой, от которых не имели никакого укрытия. Солдаты и офицеры лишились в этом походе всего своего имущества и остались в рубищах, босые, без рубах и даже без нижнего белья, которое погнило на людях".

Скоро узнала подробно о походе и императрица.

"Экспедиция Бибикова, - писала она князю Потемкину, - для меня весьма странна и ни на что не похожа; я думаю, что он с ума сошел, держа людей сорок дней в воде, почти и без хлеба; удивительно, как единый остался жив. Я почитаю, что не много с ним возвратилось; дай знать, сколько пропало - о чем я весьма тужу. Если войска взбунтовались, то сему дивиться нельзя, а более надо дивиться сорокадневному их терпению. Сие дело несколько схоже с Тотлебеновым и Сухотиным в прошедшую войну".

Назначено было и формальное следствие. Бибиков сентенцией военного суда был отставлен от службы, но отряд, отличившийся мужеством в битвах и перенесением тяжких трудов и лишений в походе, награжден был особенной серебряной медалью на голубой ленте с надписью "За верность".

XVI

НАШЕСТВИЕ БАТАЛ-ПАШИ
(Генерал Герман)

Вторая турецкая война (1787-1792), во время которой Турция еще живо чувствовала потерю Крыма, естественно, не могла не поставить вопроса об обратном его завоевании. При неудачах на Дунае Турции представлялось единственно возможным действовать для этой цели только с Черного моря да с кавказских его побережий, а таким образом устье Кубани и крепость Анапа силой самих обстоятельств выдвигаются в тот момент кавказской войны опять на первый план. К несчастью, выполнение мысли турок о нападении на Крым совпало с неудачной экспедицией Бибикова, которая поставила весь Кавказский корпус, расстроенный большими потерями, в решительную невозможность мешать приготовлениям турок в течение всего 1789 года. Между тем Батал-паша, назначенный сераскиром над всеми войсками для покорения Тавриды, деятельно готовился к открытию кампании. Турецкие десанты давно уже высадились на берега Черного моря: пятитысячные гарнизоны занимали Суджук и Анапу, сильный отряд при восьми орудиях расположился на левом берегу Кубани около устья реки Зеленчук, где были развалины старого турецкого окопа Аджи-Кале. И все кавказские народы

призывались к единодушному ополчению против России.

В то же самое время сильный турецкий флот с десантными войсками приближался к берегу Тавриды, и Крыму угрожала серьезная опасность быть атакованным с моря и с суши. Но истребление турецких кораблей эскадрой контр-адмирала Ушакова в Еникольском проливе дало иной оборот кампании - экспедиция в Тавриду расстроилась. Не имея возможности проникнуть туда сухим путем без содействия флота, Батал-паша решился обратить свое оружие на Кавказскую линию, рассчитывая, что не трудно будет разбить остатки Кавказского корпуса, уцелевшие от экспедиции Бибикова, и затем, ворвавшись через южную границу в Россию, привлечь снова к оттоманским бунчукам счастье, оставившее их на придунайских равнинах.

Замыслы у Батал-паши были обширные. Он полагал, что при первых успехах его на Кавказской линии легко будет поднять всех мусульман, живущих под скипетром Русской империи, и что при этих условиях ему возможно будет отторгнуть от России древние татарские царства или, по крайней мере, распространить мятеж по Волге и Уралу до самой Сибири.

Дела принимали серьезный оборот, а тут случилось, что назначенный на место графа Салтыкова новый командующий войсками на Линии генерал-аншеф де Бальмен прибыл в Георгиевск больным, слег в постель и не мог сам предводительствовать войсками. Обстоятельство это могло ослабить в действиях кавказских войск необходимое единство распоряжений. И действительно, как мы увидим, вся тяжесть борьбы с Батал-пашой пала не на весь Кавказский корпус, а на один отряд генерала Германа, которому и принадлежит вся слава баталпашинского погрома.

Генерал-майор Герман, собственно Герман фон Ферзен, был родом саксонец, но носил русское имя Ивана Ивановича и по своему уму, привычкам и образу жизни был чисто русский человек. Как выдающийся по своим способностям офицер, он еще подпоручиком был назначен в генеральный штаб, и после первой турецкой войны, давшей ему случай отличиться, на него возложены были важные по тому времени поручения - составить карты и военные обозрения русских границ с Польшей, с Финляндией

и с Персией, а также по Уралу и Дону. В чине подполковника перейдя в Кабардинский полк, отправлявшийся тогда на Кавказ, он является руководителем постройки Георгиевска и других редутов и крепостей по Моздокско-Азовской линии. Впоследствии он командовал на Линии же Владимирским полком, а затем бригадой. Четырнадцать лет, проведенных Германом на Кавказе, представляют собой ряд непрерывных экспедиций, походов и дел с неприятелем; можно поистине сказать, что все это время он не выходил из огня, избираемый всегда для выполнения самых важных боевых операций, и его отвага вошла в поговорку между солдатами. За экспедицию Текелли в Анапу он был произведен в генералы и назначен командиром бригады, расположенной в Георгиевске и состоявшей из трех полков: Кабардинского, Владимирского и Казанского. В этом-то звании и застало его нашествие Батал-паши.

Весь Кавказский корпус, наскоро укомплектованный чем только было возможно, двинулся к Кубани навстречу врагу тремя отдельными отрядами. Один из них, под начальством генерала Булгакова, стал между Кубанью и рекой Кумой; другой, бригадира Беервица, - у Прочного Окопа, а третий, именно генерала Германа, расположился на самой Куме, при Песчаном Броде, верстах в шестидесяти от Георгиевской крепости.

Двадцать второго сентября, как рассказывает Герман в своих записках, он возвратился из Георгиевска, куда ездил повидаться с умирающим графом де Бальменом. В лагере он застал всех в большой тревоге. Рассказывали, что Батал-паша, сосредоточив под свои знамена до пятидесяти тысяч турок и горцев при тридцати орудиях, перешел Лабу и стоит уже на Урупе. Это известие привез один из абазинских князей, родственник подполковника Мансурова; он сам видел Батал-пашу и разговаривал со многими горскими князьями, съехавшимися в турецкий стан, чтобы участвовать в походе на русскую Линию. Из собранных им в турецком лагере сведений можно было заключить, что Батал-паша намерен идти в Кабарду и рассчитывает на тайную помощь персидского шаха, который в то время стоял с войсками на Сунже и только ждал благоприятной минуты вмешаться в русско-турецкую распрю.

Чтобы лучше следить за неприятелем, Герман в тот же день оставил Песчаный Брод и в два дневных перехода передвинулся к берегам Кубани. Все татарские аулы, встречавшиеся на пути, были пусты, и это могло служить зловещим признаком: неизвестно было, передались ли жители неприятелю, или ушли к русским.

Сильные разъезды, высланные из отряда, ходили вверх и вниз по Кубани, но нигде ничего подозрительного не видели. Ночь прошла спокойно, а двадцать четвертого числа Герман, сделав еще рекогносцировку окрестностей, стал на крепкой и возвышенной позиции у Кубанского редута. Здесь в первый раз услышаны были далеко за рекой неприятельские сигнальные выстрелы из больших орудий. Русские разъезды ходили за Кубань до Зеленчука, но далее проникнуть не могли, потому что везде встречали сильные неприятельские партии. Они видели большую пыль в долине между Большим и Малым Зеленчуками и дым сигнальных костров, яркими звездами светившихся по вершинам гор. Очевидно было, что неприятель приближается. Герман приказал трем отборным казакам пробраться ночью к турецкому лагерю и разведать насколько возможно о силах неприятеля. Казаки вернулись на свету и объявили, что главная турецкая армия стоит верстах в двадцати пяти за Малым Зеленчуком, но что передовые отряды ее перекинуты за Каменные горы и стерегут ущелья, обеспечивая открытый путь к Кубани. Как в этот, так и на следующий день в лагере происходили беспрерывные тревоги: неприятельские конные отряды неоднократно подходили к русскому лагерю верст на десять, останавливались, делали рекогносцировки и уходили. Опасаясь, чтобы неприятель не переправился ниже, у Каменного Брода, и не отрезал отступления к Георгиевску, Герман отдвинулся верст на пятнадцать назад и стал на реке Подпаклее. На соединение с ним скоро подошла колонна Беервица. Таким образом, боевая сила отряда возросла до трех тысяч шестисот человек пехоты и конницы при шести полевых орудиях, и это было все, что русские могли противопоставить пятидесятитысячному полчищу. Отряд Булгакова находился верстах в восьмидесяти у Прочного Окопа, а весь Кубанский корпус сосредоточен был на Лабе и, как оказалось

впоследствии, не имел даже сведений о нашествии неприятеля.

Двадцать восьмого сентября утром разъезды прискакали с известием, что все неприятельские силы двинулись от Зеленчука к Кубани. В полдень турки переправились на русский берег реки и, остановившись у Каменного Брода, стали укреплять позицию. Между тем, Тахтамышские горы, через которые лежал их путь в Кабарду, остались почему-то не занятыми ими. Все эти обстоятельства дали повод генералу Герману предположить: I) что силы Батал-паши не все находятся в сборе - иначе он не преминул бы атаковать наш слабый отряд, не останавливаясь; 2) что, укрепляя брод, он готовит себе свободный путь к отступлению - следовательно, трусит, и 3) что Тахтамышские высоты, оставленные им без внимания, свидетельствуют о том, что он или совсем не разумеет своего ремесла, или слишком самонадеянно рассчитывает на свои силы.

Эти соображения дали генералу Герману решимость самому предупредить неприятеля в Тахтамышевых горах и удержать их за собой до прибытия Булгакова, которому еще накануне сообщены были подробные сведения о движении неприятеля. Герман выступил в десять часов вечера. Но темная осенняя ночь, ненастье и отсутствие опытных проводников испортили дело: отряд, по-видимому хорошо знакомый с местностью, на которой он только что перед этим стоял лагерем около месяца, сбился с дороги и только под утро выбрался наконец к Подпаклее. Продолжать движение днем было немыслимо, и отряд остановился верстах в десяти от турецкого лагеря.

Неприятель весь день занимался укреплением своей позиции и не трогался с места. Вечером замечено было, однако, некоторое движение по дорогам, ведущим на Белую Мечеть, но разгадать, в чем заключались намерения неприятеля, было трудно. Двигаясь по этой дороге, он мог идти в Кабарду, оставив на Куме сильный пост для наблюдения за русскими, мог атаковать Георгиевскую крепость и мог, наконец, окружить русский отряд, отрезав ему все пути к отступлению. Во всяком случае, генерал Герман видел, что если Батал-паша успеет захватить в свои руки верховья Кумы и утвердиться у Белой Мечети, то соединение его с кабардинцами будет

обеспечено - и для Кавказской линии могут возникнуть серьезные опасности.

Наступила ночь. Ожидая нападения, отряд не ложился спать; разъезды ходили по всем направлениям, а кругом лагеря в траве лежали пехотные секреты. Шум неприятельского движения был слышен до самой зари и как бы указывал, что времени терять нельзя. Белая Мечеть, этот узел дорог, расходящихся оттуда в Кабарду и Георгиевск, лежала от турецкого лагеря только на один переход. "Положение, - говорит сам Герман, - в котором я находился, не могло продолжаться долго. Все приготовлено было к какому-нибудь важному приключению на этой границе, и все возвещало мне о его приближении".

Сравнивая свой малочисленный отряд с теми силами, которые, по слухам, составляли войска Батал-паши, Герман видел ясно, что одна быстрота может доставить ему победу, и положил немедленно ударить по туркам. Стало светать. "Я собрал, - рассказывает Герман, - своих сотоварищей и, объяснив им наше критическое положение, сказал, что я не могу ожидать прибытия Булгакова, а должен атаковать неприятеля немедленно, и что если я дам свободу Батал-паше еще на один только день, то потеряю Куму, а может быть, и всю кавказскую границу". Решимость начальника сообщилась всем его подчиненным, и наступление решено было единодушно.

Тридцатого сентября около восьми часов утра тронулся авангард, составленный из семисот человек с двумя орудиями под командой опытного в боях и храброго майора князя Орбелиани. Он имел приказание занять командные высоты над рекой Тахтамыш и держаться на них до последнего человека. Вслед за ним двинулись из лагеря остальные колонны. В это самое время пришло известие от генерала Булгакова, что он надеется к ночи быть у Кубанского редута. Но жребий был уже брошен: наш авангард стоял в сильнейшем огне, и вырвать его оттуда не было возможности.

"Как только тронулись войска, - замечал в своих записках Герман, - пошел дождь, а у русских это счастливая примета, которая и сбылась в этот день больше, нежели ожидать было можно".

Часов в десять утра вся местность около Танлыцких и Тахтамышских вершин зачернелась мас-

сами турок и горцев. Это были главные силы Батал-паши, которые приспели к месту боя почти одновременно с русскими. Боевая линия турок растянулась по-над речкой Тахтамыш и встретила русских сильнейшим огнем из тридцати орудий. Против них выдвинута была батарея майора Офросимова. Два часа продолжалась жестокая канонада; наконец Офросимову удалось подбить неприятельские орудия, и турецкий огонь приметно стал ослабевать по всей линии. В то же самое время черкесская конница, стремившаяся обскакать русских с флангов и с тылу, была разбита и прогнана полковником Буткевичем. Этим решительным моментом Герман воспользовался, чтобы перейти в наступление.

Драгуны полковника Муханова, стоявшие на правом фланге, первые понеслись в атаку и врезались в неприятельскую пехоту; их поддержали егеря Беервица. В то же время наш левый фланг под начальством полковника Чемоданова потеснил правое крыло неприятеля, а удар бригадира Матцена в центре решил победу. И сорок тысяч турок и черкесов, наголову разбитые тремя тысячами русских, обратились в бегство, бросив лагерь, обозы и артиллерию.

Но самым важным результатом этой победы было пленение Батал-паши. Как только началось преследование, Донской казачий полк под командной восемнадцатилетнего юноши, войскового старшины Луковкина[1], ворвался в турецкий стан и отбил два знамени и пушку, а сам Луковкин в сопровождении своих ординарцев наскочил на сераскира и взял его в плен вместе со всей свитой. Ожесточенные казаки рубили всех и, вероятно, Батал-пашу постигла бы та же участь, если бы не спасли ему жизнь подоспевшие егеря Беервица[2]. Потеря неприятеля была громадная и считалась тысячами убитых, так как малочислен-

---

[1]Впоследствии Луковкин был генерал-майором и в царствование императора Александра I, предводительствуя казаками в турецкой войне и затем в наполеоновских войнах, прославился как один из бесстрашных наездников. Орден св.Георгия 4-ой степени и золотая сабля за Шумлу, Георгий на шею за Лейпциг и, наконец, золотая же сабля, осыпанная алмазами, за окончание войны - были достойными наградми этому храброму воину.

[2]Батал-паша провел в плену девять лет. Он долго жил в Крыму и выехал оттуда только в 1799 году, когда Турция вверила ему начальство в Анатолии. Он довольно чисто говорил по-русски и оставил Россию с сожалением.

ность русского отряда не позволяла ему брать пленных. Со стороны русских общий урон не превышал полутораста человек убитыми и ранеными.

Так кончился день, который останется навсегда памятным в истории Кавказского края. Впоследствии близ места этой славной битвы была основана станица Хоперского казачьего полка, которая в честь ее и названа Баталпашинской. Зиссерман в своей "Истории Кабардинского полка" справедливо замечает, что станицу следовало бы назвать не Баталпашинской, а Германской, по имени победителя, а не побежденного.

Остатки турецкого войска, бежавшие от Каменного Брода, были добиты окончательно Кубанским корпусом барона Розена, встретившим их на левой стороне Кубани. В этой экспедиции Нижегородский драгунский полк под начальством князя Щербатова разыскал и сжег все магазины и провиантские склады, заготовленные в аулах для турецкой армии. Горцы, не успевшие предупредить набега, отрезали, однако, драгунам отступление и окружили их в тесном горном ущелье. По счастью, нижегородцы, не потеряв присутствия духа, спешились и проложили себе дорогу штыками.

Впоследствии Герман, указывая причины поражения турок, писал в своих записках следующее: "Первая и главная ошибка Батал-паши состояла в том, что он остановился на Кубани и без всякой надобности потерял целые три дня, в продолжение которых мог бы быть у самого Георгиевска. Тогда, хотя бы турецкая армия и была разбита в полевом сражении, все-таки большая часть Кавказской линии едва ли была бы спасена от погрома. Во время сражения турки также сделали три важных ошибки: они не употребили всех своих сил, чтобы отбить у нас Тахтамышские горы, пока мы не успели еще на них утвердиться, не заняли высот, лежавших у нас на левом фланге, которых мы не могли занять по своей малочисленности, и, наконец, приняли бой на такой невыгодной местности, где артиллерия их не могла нанести нам значительных потерь...

В свою очередь и мы, - замечает Герман, - не были безупречны в своих распоряжениях. Так, например, мы знали, и знали довольно верно, что Батал-паша стоит на Лабе, а между тем не только не позаботились сосредоточить все свои силы, а,

напротив, отправили целый корпус за Кубань, где он простоял без всякой пользы... Мне также, - говорит он далее, - не следовало бы бросать свою позицию у Кубанского редута: я этим открыл Кубань и при других условиях мог подвергнуть нашу границу чрезвычайной опасности".

Блистательная победа над сорокатысячной армией, которую турки собирали два года для нанесения русским решительного удара, имела громадные последствия для края. Она не только загладила дурное впечатление, произведенное неудачным походом Бибикова, но и утвердила надолго среди кавказских племен убеждение в непобедимости русских и подготовила падение Анапы. Императрица Екатерина пожаловала Герману за этот подвиг орден св.Георгия 2-ой степени, даваемый в весьма редких случаях, и пятьсот душ в Полоцкой губернии. Храбрый Луковкин был награжден премьер-майорским чином, а Беервиц, Чемоданов, Буткевич и Муханов получили ордена св.Георгия 4-ой степени.

Умирающий граф де Бальмен имел утешение, получив известие об этой победе за несколько часов до своей кончины. Дрожащей рукой он подписал последнее донесение свое к императрице и в тот же день, первого октября 1790 года, скончался на сорок девятом году от рождения.

Имя графа теперь почти никому не известно на Кавказе. Но оно заслуживает памяти как имя главнокомандующего в смутное и богатое событиями и результатами время, когда положен был конец горделивым замыслам Порты, стремившейся ниспровергнуть на Кавказе русское владычество. Смерть графа де Бальмена прошла до такой степени незамеченной, что даже могила его, могила главнокомандующего всеми кавказскими войсками, долгое время оставалась неизвестной, и уже нашему поколению принадлежит честь открытия ее.

В Георгиевске, в полуверсте от предместья, называемого Тифлисской слободкой, на юго-запад от крепости есть небольшое, давно покинутое кладбище, состоящее из нескольких могил, почти уже сравнявшихся с землей. Три-четыре надгробных памятника, полуразрушенных временем, уныло смотрят своими остатками, и старое грушевое дерево, тоже иссохшее и покривившееся, одиноко сторожит приют забвения

и смерти. На одной из этих могил долго лежала разбитая пополам чугунная плита, не привлекавшая к себе ничьего внимания. Но в 1858 году бывший тогда полицмейстером в Георгиевске М.Ф.Федоров случайно прочитал на этой плите: "Здесь погребено тело командующего Кавказским корпусом графа Антона Богдановича де Бальмена". О своей находке Федоров немедленно сообщил в Тифлис, и князь Барятинский, бывший в то время кавказским наместником, пожелал почтить память своего отдаленного предместника. Он приказал возобновить могилу покойного графа, поставить на ней памятник и устроить вокруг него решетку из старого оружия и чугунных пушек, хранившихся в георгиевском арсенале.

Тогда же возобновлена была и трогательная эпитафия во вкусе XVIII века, которая может служить прекрасной характеристикой личности покойного графа.

"Прохожий! - сказано в ней. - Сей был твой друг, ибо между добродетелями, которые он почитал и которым следовал, благодеяния и человеколюбие занимали в нем первейшую степень; они были столь дагоценны сердцу его, что даже в первом восторге победы он щадил кровь побежденного неприятеля. Почти же и ты сию гробницу, которую супруга, орошенная слезами, воздвигла над ним, и пожелай, чтобы сей друг человечества, сей достойный и добрый гражданин почивал в покое".

Нам остается сказать несколько слов о дальнейшей судьбе главного героя описанных событий, генерала Германа, и о печальных обстоятельствах, незаслуженно омрачивших на склоне дней жизнь одного из лучших генералов суворовского времени.

Оставив Кавказ в 1791 году, Герман, после недолговременной службы в войсках, расположенных в Литве и Польше, назначен был генерал-квартирмейстером всей русской армии. В этом звании он произвел осмотр берегов Черного моря для изыскания мер против враждебных покушений французского флота и заслужил особую признательность императора Павла Первого. Император предназначал его даже для командования русскими войсками в Италии, но за назначением туда Суворова Герман, произведенный в генералы от инфантерии, получил в команду десантный корпус, которому было

поручено вместе с англичанами очистить Голландию от французов, в то время как Суворов должен был очистить от них Италию.

Последнее отделение десантных войск, при которых находился сам Герман, высадилось на берег в месте расположения английских войск, в окрестностях Бергена, вечером седьмого сентября 1799 года. На вопрос одного из своих генералов, где остановить полки, Герман лаконично ответил: "На плечах французов!" Приходилось действительно там останавливать их, потому что главнокомандующий союзными войсками герцог Иорский назначил общую атаку неприятельской позиции на другой день, восьмого сентября, с рассветом; говорят, однако, что герцог, узнав о поздней высадке русских, предложил отменить диспозицию, чтобы дать время войскам отдохнуть и приготовиться к бою. Герман ответил, что находит это ненужным. И он был прав, как показали последствия: войска дрались с таким увлечением, которое исключало всякую мысль об устали и отдыхе, и если геройские усилия их не увенчались успехом, то причину этого нужно искать скорее всего и характере и действии союзников.

Ночь, предшествовавшая кровавому бою, как нарочно наступила темная, ненастная, тучи заволокли небо, шел дождик, а русские, усталые, еще неоправившиеся от трудного морского плавания, вовсе не ложились спать, ожидая рассвета, с которым должна была начаться атака. Герман между тем взвесил все шансы предстоящего боя. Он понимал, что перед ним была не турецкая орда, которую он разбил на Кубани, а опытные, закаленные в боях французские полки. Но так как численность французов не превышала русские силы, то весь вопрос сводился для него к тому, как бы скорее и с наименьшей потерей добраться до неприятельской позиции; о том же, что неприятель мог дать отпор и устоять против штыкового удара, ему не приходило и в голову. Зная далее, что ему предстояло начать движение по двум плотинам под сильнейшим картечным огнем неприятельских батарей, он прежде всего хотел избежать потерь, сопряженных с открытой атакой теснин среди белого дня, и решился произвести внезапное ночное нападение. С этой целью он вопреки диспозиции повел свои войска за два часа до рассвета.

Под покровом ночи войска атаковали неприятеля с таким необычайным мужеством, что выбили его моментально из трех ретраншементов, взяли штыками несколько батарей, завладели тремя укрепленными деревнями и ворвались в самый Берген, ключ неприятельской позиции. Весь бой происходил на протяжении пятнадцати верст. Четырнадцать отбитых пушек, тысяча пленных и более двух тысяч убитых неприятелей служили доказательством предусмотрительного расчета генерала Германа, достигшего столь блистательного успеха с потерей лишь нескольких человек убитыми и ранеными.

В Бергене успехи русских, однако же, остановились. Англичане не приходили на помощь. Так прошло четыре часа. Французы между тем успели стянуть сюда значительные силы и сами перешли в наступление. Тогда в небольшом и тесном городке произошла ожесточенная битва. Французские колонны с разных сторон повели атаку, и им удалось наконец ворваться на площадь. Дело кончилось тем, что из всех трех командовавших генералов - Жеребцов был убит картечью, Сутгоф ранен, а сам корпусный командир, отрезанный от войска, внезапно очутился в плену. Потеряв начальников, русские войска смешались и отступили, оставив в руках неприятеля знамя и двенадцать орудий. Только к одиннадцати часам утра подошли наконец англичане, но восстановить проигранную битву для них не представлялось уже возможности.

"Главное несчастье для нас, - писал герцог Иорский в своем донесении, - заключалось в потере храброго Германа, который пользовался таким уважением и доверием войска. Останься он цел, он дал бы иной оборот сражению".

Французы также оправдывали Германа, приписывая поражение его единственно тому, что англичане, выставив русских вперед, не поддержали их своевременно.

Но несмотря на все эти отзывы самих иностранцев, не скрывающих изумления стремительной и бурной атакой русского корпуса, император Павел, огорченный первыми дошедшими до него известиями, отдал приказ об исключении Германа со службы.

Пленный генерал содержался в крепости Лиле. На просьбу об освобождении его под честное слово

французский военный министр Бертье ответил, что Герман может быть отпущен не иначе, как по возвращении во Францию всех генералов, взятых в Италии. Пораженный своей фатальной неудачей, Герман впал в глубокую задумчивость, перешедшую в тяжелую нервную болезнь, едва не стоившую ему жизни. По заключении мира он возвратился из плена, был снова зачислен на службу и вскоре умер в Петербурге.

Обвинение в неудаче голландского похода и до сих пор тяготеет еще на памяти доблестного генерала. Под обаянием славы итальянских побед Суворова, современникам Германа естественно было ставить ему в укор несчастную случайность, созданную медлительностью союзников. Но потомству, ближе знающему дело, можно быть беспристрастнее и отдать должное храброму, энергичному генералу и в самом поражении доставившему славу и блеск русскому оружию.

XVII

ГРАФ ГУДОВИЧ
(Падение Анапы)

Когда граф Павел Сергеевич Потемкин, с 1787 года только носивший звание кавказского наместника и не имевший никакого влияния на дела края, был в 1791 году окончательно отчислен с Кавказа, на место его получил назначение граф Иван Васильевич Гудович. Новый наместник принадлежал к небольшому числу серьезно образованных людей прошлого столетия. Он слушал университетские лекции в Кенигсберге, Галле и Лейпциге и потому, на основании еще регламентов Петра Великого, был принят на службу первого января 1759 года прямо офицером. Близость к всесильному при Елизавете Петровне графу Шувалову, у которого он был адъютантом, а потом протекция в лице его родного брата, генерал-адъютанта и любимца нового императора Петра III, способствовали настолько возвышению Гудовича, что на четвертом году службы он был уже полковником и командиром Астраханского пехотного полка. С кончиной Петра Гудович лишился своего значения при дворе, но блестящие способности молодого человека не могли остаться незамеченными и в новое царствование.

Поход в Польшу в 1763 году, с корпусом генерала Штофельна, дал Гудовичу случай оказать весьма серьезную услугу правительству и выказать свои способности. Военное начальство командировало его в Гали-

цию с секретным поручением склонить некоторых польских магнатов к выбору на польский престол Станислава Понятовского, и, благодаря поддежке и влиянию таких людей, как гетман Ржевусский и князь Чарторижский, Гудович блистательно исполнил поручение.

Спустя четыре года мы видим Гудовича вместе с полком уже в Турецкой кампании, где каждый шаг его ознаменовывается блестящей храбростью. Так, одиннадцатого июля 1869 года, под Хотиным, он с одним батальоном своего полка отбил сильную вылазку из крепости, а в августе с тем же самым батальоном выручил русский авангард, разбитый в Рачевском лесу, отнял назад четыре орудия, взятых турками, и со своими ничтожными силами нанес решительное поражение девятитысячному турецкому корпусу.

В следующую кампанию Гудович с неменьшим отличием участвует в сражениях под Ларгой, Кагулом и на Браиловском приступе. Румянцев поручил ему отдельный отряд из пяти батальонов пехоты, эскадрона Ахтырских гусар и четырех казачьих полков, с которыми он должен был очистить от турок Валахию. Гудович разбил турецкий корпус, встретивший его под стенами Бухареста, взял два знамени и четыре орудия и на плечах бегущего неприятеля занял столицу Валахии. Особенно отличились в этом сражении кавказский уроженец Горич и донец Проневич, которые во время кавалерийской атаки изрубили байрактаров (знаменщиков) и овладели знаменами. За это блистательное дело Гудович был произведен в генерал-майоры.

Восстановив в Валахии законное правительство, Гудович получил приказание отправиться в отдельный корпус генерал-аншефа Олица. Здесь, двадцатого апреля 1771 года, он участвовал в приступе Журжи, командуя средней штурмовой колонной. В самом разгаре приступа, когда Олиц внезапно заболел, а оба колонных начальника генералы де Молле и Гротенгельм выбыли из фронта ранеными, Гудович принял начальство над корпусом и после кровопролитного боя взял крепость, где пятнадцать орудий и восемнадцать знамен достались в руки победителей. По смерти Олица Гудович был утвержден командиром отдельного корпуса и на зиму оставлен в Валахии.

С открытием кампании 1772 года корпус Гудовича поступил под общее начальство князя Репнина, стоявшего тогда под крепостью Турно.Во время этой осады турки внезапно атаковали Журжу, и малодушный комендант ее, не дождавшись помощи, сдал крепость неприятелю. Неожиданное появление отряда Гудовича, посланного на выручку к Журже, всполошило турок, и комендант выслал парламентера объявить Гудовичу, что если войска его начнут нападение, то русский гарнизон, еще оставшийся в Журже, вопреки капитуляции будет перерезан.

- Поезжайте назад, - ответил Гудович парламентеру, - скажите,что если эти несчастные забыли завет наших предков: "Лечь костьми, ибо мертвые срама не имут", - то они не братья наши, и мы их презираем. Турки могут делать с ними все, что угодно.

Однако же атаковать крепость, в которой засело двенадцать тысяч турок, Гудович не решился. Только в июле русские войска под общей командой генерала Эссена вторично подступили к Журже, штурмовали ее вопреки советам Гудовича, но были отбиты с огромной потерей: около двух тысяч русских солдат пало на валах укреплений и семь пушек сделались добычей неприятеля. Сам Гудович был ранен в правую ногу. Он не хотел, однако же, оставить армию и участвовал в кровопролитном сражении двадцатого октября на реке Дембовице, последствием которого было поражение армии сераскира и сдача Журжи, стоившей русским в этом году так много крови.

Этим закончились действия Гудовича в первую турецкую войну. Начав поход молодым полковником, он окончил его генерал-майором с Анненской лентой и Георгием на шее. Имя его приобрело популярность в армии; и если его горячий,суровый и недоступный характер не всегда нравился подчиненным,то никто из них не мог отказать ему в уважении. Пятнадцать лет мирного времени Гудович провел в звании начальника дивизии,а потом генерал-губернатора и наместника Рязанской и Тамбовской губерний.В это время он был произведен в генерал-поручики и награжден орденами св.Александра Невского и Владимира 1-ой степени.

Вторая турецкая война снова вызвала Гудовича на ратное поле. Командуя отдельным отрядом, он взял

укрепленное место Гаджибей (нынешняя Одесса), затем принудил к сдаче крепость Килию и подступил к Измаилу. Но Измаил был не Килия и не Гаджибей. Грозные стены его защищались сорокатысячным гарнизоном под начальством мужественного сераскира, решившегося умереть, а не сдаться. Двадцатого ноября Гудович донес Потемкину, что овладеть Измаилом в настоящем году невозможно. Потемкин ответил присылкой Суворова - и неприступная крепость была взята штурмом. Гудович уже не участвовал в этом приступе: он был отозван в главную квартиру, где некоторое время состоял без должности. Между тем, императрица пожаловала ему за взятие Килии чин генерал-аншефа, а вслед за сим, двенадцатого ноября 1790 года, назначила его кавказским наместником.

Гудович прибыл в резиденцию наместничества, в город Георгиевск, двадцать шестого января 1791 года, а спустя несколько месяцев он уже блестяще вписал свое имя в летописи кавказских войн покорением Анапы - этого крепкого разбойничьего гнезда, высылавшего на русские пределы целые орды хищных горцев и уже два раза заставившего русские войска испытать неудачу.

Нашествие Батал-паши было свежо в памяти кавказских войск и убеждало Гудовича в необходимости скорейшего разрушения этого разбойничьего притона. И скоро он, во главе пятнадцати батальонов и двух казачьих полков с пятьюдесятью орудиями, был под стенами Анапы.

Участь крепости была решена двадцать второго июня 1791 года. Рекогносцировки убедили наместника,что крепость с суши превосходно защищена семью бастионными фронтами, соединенными между собой куртинами; что широкий ров, опоясывая ее полукругом и упираясь своими концами в обрывистый берег Черного моря, достигает нескольких саженей глубины, выложен камнем, а в некоторых местах даже просто высечен в каменистом грунте. Гудовичу известно также, что Анапу защищает пятнадцатитысячный отборный турецкий корпус и что в городе находится известный агитатор Шейх-Мансур, присутствие которого, по его влиянию на умы мусульман, могло заменить собой не одну тысячу войска.

Ночью шестнадцатого июня Гудович обложил

Анапу, а на следующий день с утра батареи открыли по ней огонь. Гудович торопился с приступом, сознавая, что положение его корпуса может сделаться отчаянным. Перед ним были грозные твердыни, уже видавшие перед собой русские силы. За ним собирались отчаянные полчища горцев, готовые отрезать отступление или броситься в тыл русским, чтобы поставить их между двумя огнями. К тому же имелись сведения, что турецкий флот спешит на помощь Анапе и что он уже только в двух или трех переходах от нее.

День двадцать первого июня прошел в приготовлениях к штурму. Войска разделились на четыре колонны, из которых одна, под командой генерала Загряжского, расположившись тылом к Анапе, приготовилась отражать нападение горцев, а остальные, под начальством генералов Булгакова, Депрерадовича и барона фон Шица, назначались на приступ. Гудович ездил по войскам и воодушевлял солдат рассказами о грозном Измаильском штурме; и солдаты, вдохновляясь на этой глухой окраине отечества славой своих далеких сослуживцев, кипели желанием боя и обещали друг другу или взять Анапу, или умереть под ее стенами. В их положении, впрочем, другого выхода и не было.

В глухую полночь с двадцать первого на двадцать второе июня со всех русских батарей началась жестокая канонада. Турки отвечали не менее сильным огнем. И русские колонны при громе пушек и шуме морского прибоя двинулись к Анапе.

Первые две колонны, спустившись в ров и приставив лестницы, быстро, "по-измаильски", взобрались на стены и, несмотря на стойкое сопротивление турок, проникли в крепость. Третья колонна, генерала Шица, попала под сильный перекрестный огонь и была отброшена назад с огромным уроном. Но, устроившись, она повторила атаку и после жестокого боя утвердилась на правом бастионе. Воодушевление русских войск было так велико, что многие начальники, например, полковники Чемоданов, Муханов, Келлер, Веревкин, Самарин, граф Апраксин и подполковник Нелидов, будучи ранены, и иные по несколько раз, не оставили строя. Гудович обратил особенное внимание на артиллерийского майора Меркеля, старого георгиевского кавалера,

которому ядро раздробило руку и который, несмотря на это, до конца распоряжался действиями своих батарей.

Между тем, турки сопротивлялись так упорно, что к шести часам утра почти весь главный русский резерв уже был израсходован, и Гудович ввел в дело остальную конницу, состоявшую из четырех полков под начальством бригадира Поликарпова. То были полки: Тираспольский конно-егерский и драгунские - Владимирский, Астраханский и Нижегородский. Они пронеслись в карьер под смертоносной тучей картечи и, спешившись в воротах крепости, оттеснили турок от окраин города. Поднимавшееся солнце застало еще кровавое побоище в домах и на улицах Анапы.

Между тем, восемь тысяч черкесов спустились с гор и всей массой обрушились на горсть линейных казаков, стоявших впереди отряда Загряжского. Но "отменно храбрые гребенские и терские казаки, - как говорит Гудович в своем донесении, - не подались ни шагу назад". К ним скоро подоспел на помощь подполковник Львов с Таганрогским драгунским полком и врезался во фланг черкесской коннице. В то же время казаки, предводимые Загряжским и полковником Спешневым, пошли в атаку с фронта, и неприятель, охваченный с обеих сторон, побежал. Оправившись, горцы возобновили нападение, но несмотря на все усилия, они не могли уже прорваться, чтобы ударить в тыл штурмующим колоннам.

Анапа была взята. Первые минуты, последовавшие за взятием крепости, были ужасны. Победители, раздраженные долгим сопротивлением и понесенными потерями, думали только о мщении. Более восьми тысяч турок были перерезаны в самой Анапе, столько же погибло и потоплено в море, и из всего анапского гарнизона спаслось на лодках едва ли более полутораста человек. Пленных взято было не много, но зато в их числе находились комендант Анапской крепости, его помощник - сын знаменитого Батал-паши, в то время жившего пленником в России, и, наконец, Шейх-Мансур.

Разграбленный город доставил солдатам богатую добычу. Восемьдесят три пушки, двенадцать мортир, сто тридцать знамен и несколько бунчуков составили трофеи этой славной победы. Русские потеряли на этом штурме девяносто три офицера и до четы-

рех тысяч нижних чинов, следовательно, половину отряда.

Кровопролитный анапский приступ, совершенный годом позже измаильского, хотя и не получил такой же громкой и всеобщей известности, но, по справедливости, стоил Гудовичу едва ли не больших усилий, чем измаильский Суворову. Достаточно сказать, что Измаил был окружен со всех сторон русскими войсками, тогда как Гудович мог обложить Анапу только с суши, а с моря она имела возможность всегда получить подкрепление; Суворов знал одного неприятеля, бывшего впереди его, в стенах крепости, - Гудович поставлен был между двумя огнями и бился лицом в две разные стороны; при неудаче Суворов мог всегда отступить - Гудович был окружен, и в случае отступления неминуемо погиб бы со всем своим отрядом.

Едва Анапа пала, как показался сильный неприятельский флот и стал на якоре верстах в пятнадцати от берега. Было уже довольно темно, и турки, еще не зная, что судьба Анапы уже решена, отправили в гавань три кирлангича, которые вместе с экипажами и были захвачены русскими. На флоте об этом ничего не знали, но на следующий день, увидев множество плывущих тел, которые волны прибивали к самым кораблям, турки поняли в чем дело и, подняв паруса, поспешно удалились. В то же самое время получено было известие, что турки оставили Суджук-Кале, и Гудович занял его без боя. Обе крепости были срыты, батареи их взорваны, рвы и колодцы засыпаны, пороховые погреба и палисады уничтожены, и самые дома жителей истреблены огнем до основания. Таким образом, один день промедления - и Гудович, ввиду прибытия флота, должен бы был отказаться от приступа и отступить без успеха, так как штурмовать Анапу под огнем многочисленной морской артиллерии, конечно, не представлялось бы возможным.

Императрица достойно оценила блистательный подвиг, пожаловав Гудовичу орден св. Георгия 2-ой степени и золотую, украшенную лаврами и бриллиантами шпагу, а несколько позже, в день заключения мира, и орден св. Андрея Первозванного. Генералы Загряжский, Булгаков, Шиц и бригадир Поликарпов получили ордена св. Георгия 3-ей степени, а полковники Самарин, Апраксин, Веревкин и капитаны Пище-

6*

вич и Бачурин - тот же орден 4-ой степени. Бачурин, офицер четвертого батальона Кавказского егерского корпуса, обратил на себя внимание тем, что, уже раненый, первым вскочил на батарею и, видя невозможность удержать ее, собственноручно заклепал несколько пушек, а остальные с помощью людей опрокинул вверх лафетами или сбросил с барбетов.

Покончив с Анапой и возвратившись в Георгиевск, Гудович деятельно занялся устройством русской пограничной линии. Он начал с того, что обуздал кабардинцев, введя у них родовые суды и преследование за такие преступления, которые до сих пор подлежали только духовному суду шариата, а в народе считались даже доблестями. К ним принадлежали взаимные набеги, кровомщение и даже куначество, обязывавшее защищать в своем доме каждого, не исключая убийцы.

Новая юрисдикция, не совсем понятная для горцев, вторгавшаяся в область их вековых народных обычаев, вызвала среди кабардинцев общее неудовольствие. Но прежде чем вспыхнуло готовящееся восстание, Гудович ввел в Кабарду войска, арестовал зачинщиков и выслал в Россию двух наиболее влиятельных из них владельцев Атажукиных. Это были братья Адель и Измаил Гиреи, из которых последний был тогда подполковник и имел Георгиевский крест.

Для лучшего прикрытия русских границ Гудович проектировал устройство новой Линии от верховьев Кумы по сухой границе и по Кубани до устья Лабы. На этом пространстве он думал расположить ряд укрепленных казачьих станиц - по примеру того, как это сделано было на Тереке. К сожалению, мысль его обратить в поселенных казаков те донские полки, которые служили на Кавказе, вызвала среди них открытый бунт, и казаки, оставив своих старшин, но забрав знамена, ушли на Дон и там произвели всеобщее смятение.

Один из современников этих событий, новочеркасский священник Рубашкин, оставивший свой дневник, рассказывает в нем, что в Новочеркасск прибыло более тысячи казаков из полков Поздеева, Луковкина и Кашкина. Тридцать первого мая 1792 года до трехсот человек ворвались в залу к атаману Иловайскому, требуя, чтобы им показали именной

указ, "за что" Гудович принуждал их поселиться на Кавказской линии. Казаки требовали войскового круга, и Иловайский уступил. Но едва окончилось в кругу чтение некоторых бумаг и писем Гудовича о поселении на Кубани двенадцати новых станиц, как казаки кликнули: "Отымай дела!". - "И тут, - прибавляет повествователь, - была штурма..."

Правительство вынуждено было послать регулярные войска для водворения спокойствия, но, несмотря на то, только через три года удалось отправить на Кавказ тысячу донских семей, из которых Гудович образовал новый Кубанский линейный казачий полк, поселенный на проектированных им местах по Кубани в шести станицах: Усть-Лабинской, Кавказской, Григориополисской, Прочноокопской, Темнолесской и Воровсколесской. При двух из этих станиц, Усть-Лабинской и Кавказской, возведены были сильные крепости, первая - на два батальона и семьдесят шесть орудий, а вторая - на один батальон и двадцать семь орудий.

В области внешних сношений деятельность Гудовича была направлена на то, чтобы заставить Персию исполнять договоры и не стеснять русскую торговлю. Но дела скоро на персидской границе приняли весьма неблагоприятный для нас оборот. Один из братьев гилянского владельца, Муртаза-Ку-ли-хан, спасаясь от его преследований, нашел себе убежище в русском селении, основанном при Энзелинском порте с торговыми целями лет за десять перед этим во времена экспедиции графа Войновича. Напрасно жители Гилянской провинции требовали выдачи принца. Им ответили отказом и даже поспешили отправить его на купеческой шхуне в Баку. Но едва судно вышло на рейд, как значительные силы гилянцев напали на селение. Пятьдесят русских солдат под командой поручика Евдокимова, поддержанные пушечным огнем с купеческих судов и военных ботов, геройски отразили нападение.

Тогда гилянцы приступили к правильной блокаде селения. Семь дней держалась команда в осаде, но на восьмой, когда не стало провианта и пороха, забрала с собой жителей и, сев на суда, отплыла на остров Сару.

Так закончила свое существование последняя русская торговая колония на берегах Астрабада.

Следовавшие затем вероломные поступки персидского шаха, нашествие его на Грузию, взятие Тифлиса и варварское избиение жителей еще более осложнили дело, и война стала неизбежной. Получив приказание немедленно начать военные действия с теми средствами, которые находились у него под рукой, Гудович поспешил привести Каспийскую флотилию в почтительное, как он выражался, состояние, и тотчас же отправил два отряда: один, под командой полковника Сырахнева, - в Тифлис, на помощь грузинскому царю Ираклию, другой, генерал-майора Савельева, - в Дербент для овладения городом, который справедливо считался воротами Персии.

Но в то самое время, когда он рассчитывал пожать новые лавры, императрица назначила главнокомандующим всех действующих против Персии войск графа Валериана Александровича Зубова; Гудович же должен был оставаться на Линии и содействовать успеху похода только своевременной отправкой к войскам провианта, снарядов и подкреплений. Обиженный Гудович, ссылаясь на крайнее расстройство здоровья, просил увольнения от должности. Императрица изъявила согласие, но в знак особого благоволения пожаловала ему тысячу восемьсот душ крестьян в Подольской губернии и сохранила при нем все содержание, штаб и канцелярию по званию генерал-аншефа. Начальником же Кавказской линии назначен был генерал-лейтенант Исленьев.

Но отставка Гудовича была недолговременна. Не успел он доехать до Воронежской губернии, как встретил курьера, который привез ему манифест о вступлении на престол императора Павла и высочайшее повеление немедленно возвратиться на Кавказскую линию, принять под свое начальство всю армию графа Зубова и, прекратив войну, заключить с Персией мир. Война эта была совершенно противна видам нового государя.

Император Павел, благоволивший ко всем, кто некогда стоял близко к его покойному отцу, в день своей коронации возвел Гудовича в графское достоинство и пожаловал ему три тысячи душ крестьян. В следующем году Гудович назначен был военным генерал-губернатором сперва в Киев, потом в Каменец-Подольский и, наконец, главнокомандующим армией, готовившейся тогда к походу на Рейн.

Поход этот, как известно, не состоялся, а вскоре граф Гудович навлек на себя немилость государя, был отставлен от службы и прожил в своем имении безвыездно до 1806 года, когда император Александр снова призвал на службу маститого генерала.

ЗА КАВКАЗОМ

. . . .
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

И Божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.

Лермонтов.

В то время, как северные предгорья Кавказа были свидетелями победы цивилизованного христианского государства над дикими горскими племенами, по ту сторону горного хребта иной христианский мир погибал в неравной борьбе с магометанством. То была старая борьба, имевшая позади себя уже целые тысячелетия. Исторические обстоятельства сложились так, что без помощи России этому миру не было спасения, и взоры его уже два столетия были обращены на север. И вот, во времена Гудовича, когда Персия своим вероломством вызвала большой поход графа Зубова, за Кавказом возникает

для России новый центр военных действий, который естественно, и должен был привести к полному покорению всей той обширной страны.

Русские были желанными гостями не со стороны только христианского закавказского мира, и их появление в тех странах было как бы от века предрешено и предвидено. Поэтический древний Восток смотрел на девственные снеговые вершины Кавказа, никогда не попираемые человеческой стопой, как на священную границу своих народов; за ней жили уже племена, не имевшие ни имени, ни истории для тогдашнего образованного света. Позже самый Коран указал на нее, как на последний оплот мусульманского мира. В одном месте его говорится, что за Кавказом живут народы Гог и Магог и что наступит время, они перейдут Кавказские горы и разрушат благословенные мусульманские царства.

I

ГРУЗИЯ В ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ

> Много есть поэзии в кровавой истории Кавказа; грузин читает ее со слезами. Она описывает веками исчисляемые бедствия, дробление царства на царства, междоусобицу между царями и князьями, восстание племен на племена и родов на роды, замки феодалов, как прибежище грабежей, дворцы вельмож, как вертепы самовластного тиранства, перед которым униженно преклоняли колени и народ, и духовенство, и самое дворянство. Но среди этих мрачных событий история Грузии представляет и несколько светлых страниц...
>
> Иосселиани

В Северо-западной части Закавказья издавна жили христианские народы картвельского племени, составившие несколько самостоятельных государств: Грузию (Картли и Кахетию), Имеретию, Менгрелию и Гурию, то соединявшихся, то снова распадавшихся. Самую значительную и сильную часть картвельского племени всегда составляли грузины, занимавшие бассейны рек Куры и Алазани; история Грузии есть, поэтому, вместе с тем и история всех других картвельских народов, в тяжелые исторические моменты всегда соединявших

свою судьбу с ее судьбами и своим отделением от нее в годины мира вносивших только династические и междуплеменные смуты.

Предания глубокой старины, записанные в историю грузинским царем Вахтангом VI, объясняют имя и происхождение картвельского племени именем Картлоса, праправнука Ноева (от Иафета), которому достались земли, орошаемые бассейном Куры до слияния ее с Арагвой. Замечательно, что название "Грузия" и поныне несколько чуждо ее народу, оставляющему за собой преимущественное имя "картули". Грузинами же, как полагают, его назвали в средние века арабы и турки, быть может, произведя это слово от имени святого Георгия, по необычайному уважению, которым окружал его картвельский народ, а быть может, и от испорченного имени реки Джур (Кура), от которой и самая страна названа ими Джуржистан, иначе - Гурджистан, что значит "Страна Куры".

Вековую жизнь Грузии в обширном смысле, в смысле всех картвельских племен, называют мартирологом - повестью страданий. И едва ли можно приискать для нее лучшее имя.

С тех пор, как история заметила эту страну, она служит центром притяжения для различных народов, шедших к ней и с севера, и с востока, и с далекого запада и оставлявших за собой разрушительные следы. На обнаженных горах Картли и среди роскошной растительности Кахетии и Имеретии повсюду и доныне видны развалины старинных замков и башен, массивных и своеобразных, служивших народу убежищем во времена вражеских нашествий. И едва ли найдется в мире еще страна, где было бы столько же этих немых свидетелей народных страданий. В то время, как в забытых и самой природой замкнутых ущельях Кавказа дичала и крепла жизнь неведомых миру племен, на южной покатости горного хребта древняя Иверия в продолжение четырнадцати веков отстаивала свет христианства и первые основания цивилизации от кровавых вторжений магометанства и даже язычества.

История Грузии восходит к древнейшим временам Востока и застает в ней разрушение патриархального быта с властью старшего в роде, мамасахлиса. Во времена великих народных передвижений в Азии

Грузия утрачивает свою самостоятельность, последовательно завоевываемая ассириянами, вавилонянами, персами. Под предводительством персидских царей народ грузинский с плетеными щитами и в деревянных шлемах бывал в походах против греков и скифов и знакомился с чужими знаниями и обычаями. В то же время горные твердыни близлежащего Кавказа привлекают в Грузию толпы иноплеменников, бегущих от полчищ завоевателей, греки приезжают к ней за золотым руном, и эти международные сношения вносили в страну зачатки цивилизации.

Александр Македонский, как говорят, делает попытку уничтожить даже внешние признаки некоторой самостоятельности Грузии, поставив в ней вместо мамасахлисов своего наместника с отрядом телохранителей. Но эти-то крайние обстоятельства и вызывают в Грузии восстание во имя своей независимости. Под предводительством Фарнаоза, потомка последнего мамасахлиса, грузины изгоняют наместника, и страна вступает в эпоху царей. Первым царем и был Фарнаоз за триста с лишком лет до Рождества Христова.

Фарнаозу летописи приписывают устройство гражданского быта Грузии, введение письменности и, наконец, установление в стране религии Зороастра. Предание говорит, что на могиле родоначальника картвелов Фарнаоз поставил громадную статую идола Армаза, одетого в великолепные латы с золотым панцирем, в венце, осыпанном драгоценными камнями.

Во мраке следовавших затем веков, наполненных борьбой с Арменией и другими соседями, мелькает лишь несколько славных имен, из которых одно, царя Адерка, замечательно тем, что в третий год его царствования родился Спаситель мира. К его времени относится и трогательная легенда о хитоне Господнем. Она рассказывает, что евреи, потомки поселенцев со времен пленения Вавилонского, жившие в столице Иверии Мцхете, ежегодно посылали на пасху в Иерусалим своих представителей, через которых молва о чудесах Спасителя скоро распространилась по всей Иверии. В год крестной смерти Христа в числе посланных был и некто Елизар, сын благочестивого семейства. Он присутствовал при событиях на

Голгофе, был поражен всем виденным и приобрел от римского воина хитон Господень, доставшийся тому по жребию. Когда он возвратился на родину, по одним сведениям дочь, а по другим - сестра его, пораженная вестью о распятии Спасителя, схватила хитон в свои руки и тут же упала мертвой. Никакие человеческие силы не могли вырвать священную одежду из ее объятий, и она погребена была вместе с ней. Высокий кедр вырос над ее могилой и на долгое время укрыл святое место от изысканий человеческих.

Немного спустя проповедь о Христе Спасителе пронесли по Кавказу апостол Андрей вместе со своим спутником Симоном Кананитом, и в Анакопии предание поныне указывает могилу последнего, бывшую всегда предметом благоговения для самых диких обитателей Кавказа. Но полной своей победой христианство обязано равноапостольной Нине.

Святая Нина была дочерью римского полководца и сестры Иерусалимского патриарха. Она приходилась близкой родственницей великомученику Георгию, которого, так сказать, и сроднила с Грузией, поручив его покровительству новое свое отечество. И святой Георгий как бы сообщил и воинские доблести, и мученические свойства целому народу, который по имени своего покровителя и стал, быть может, называться грузинами.

Нина еще в раннем возрасте любила внимать рассказам о дальней Иверии, куда унесен был хитон Господень, и мысль сделаться просветительницей этой страны и отыскать святую одежду всецело овладела ею. День и ночь молилась Нина Пресвятой Деве, прося ее помощи. Богоматерь явилась ей в сонном видении, вручила крест, сложенный из виноградных лоз, и сказала: "Иди в Иверскую страну и благовествуй Евангелие, я буду тебе покровительницей". Проснувшись и увидев в своих руках чудный крест, Нина со слезами облобызала его и перевязала своими волосами.

И вот, в начале IV века, при основателе династии Сассанидов, царе Мириане, современнике Константина Великого, святая Нина является на истоках неведомой ей реки (Куры) и, следуя по ее течению, достигает Мцхета в день празднования народом Армаза. На высокой горе стоял исполинский кумир, горевший золотом; по сторонам его - два другие,

поражавшие огнем, как говорит предание, всякого дерзавшего подступать к ним без воли жрецов. Гремели трубы, курился фимиам, текла кровь жертв; царь Мириан со всем народом распростирался ниц перед идолами, и только одна чуждая, никому неведомая дева не преклонила колени. Внезапно среди ясного дня разразилась страшная буря с молниями и громом; капище рушилось, и среди развалин его лежали остатки разбитых, поверженных кумиров. В ужасе бежал народ, и на развалинах осталась одна Нина, спокойно смотревшая на возникшую и утихшую около нее бурю стихий. Это было шестого августа, и день Преображения Господня стал для Иверии днем, сменившим тьму язычества на свет христианской истины.

С этого дня начинается ряд подвигов и чудес Нины, память о которых сохранилась в местных преданиях, записанных и царем-летописцем.

В царском саду, у таинственного кедра, укрывавшего хитон Господень, часто молилась Нина, и там посещали ее дивные пророческие видения. Однажды стая черных птиц, омывшихся в водах Арагвы и ставших белыми как снег, села на ветвях кедра и огласила весь сад райскими песнями - это был символ крещения народа иверийского. В другой раз видела она страшное падение окрестных гор Армаза и Задена с их идолами, слышала звуки битв и вопли бесовских полчищ в образе персидских воинов, как бы вторгавшихся в столицу Грузии, и страшный голос царя их, повелевавшего все истребить. Пораженная видением, Нина подняла знамение креста и тихо сказала: "Кончилось владычество ваше, ибо вот победитель", - и все исчезло. Святая Нина исцелила жену царя Мириана, лежавшую уже на смертном одре, и одного из родственников персидского царя, заболевшего в доме Мириана; оба они из первых просветились крещением. Сам царь еще колебался. Но раз, когда он был на охоте в соседних горах, его настигла страшная буря, и царь вдруг ослеп. Пораженный, он пал на колени, восклицая: "Ты Бог над богами, Господь над властителями, Бог Нины!" - и в то же мгновение прозрел. Вся царская семья и народ, узнав о чудесном событии, вышли царю навстречу. "Славьте Бога Нины, Бога вечного", - говорил он народу и, не заезжая во дворец, посетил

хижину Нины, пал на колени перед животворящим ее крестом и исповедовал Христа. Нина осенила крестным знамением воды Куры и Арагвы, и в них крестился и царь, и грузинский народ. Один из потомков Елизара, среди которых еще жило предание о хитоне Господнем, указал место его хранения. Таинственный кедр был срублен, и на его месте воздвигнут соборный храм, в котором и была положена святая одежда.

Утвердив веру в Картли, святая Нина поселилась в Кахетии, и там, после тридцатипятилетнего апостольского подвига, скончалась близ нынешнего города Сигнаха.

Царь и епископ желали перенести останки ее в соборную церковь Мцхета, где она так часто любила молиться над хитоном Господним. Тогда совершилось новое чудо: никак не могли сдвинуть иссохшего тела подвижницы с избранного ею места для своего успокоения. Для Картли ею сделано было много, и она как бы хотела своим присутствием утвердить в вере вновь обращенную Кахетию. Царь Мириан соорудил здесь первую церковь во имя святого Георгия, в приделе которой и положил мощи святой проповедницы. Впоследствии при этой погребальной церкви учредилась митрополия Бодбийская, старшая во всей Кахетии, и оттуда распространилась евангельская проповедь в горы Кавказа.

Первое житие святой Нины описано было почти современным ее историком Руфином, который повесть о ней слышал от сына Мириана, грузинского царевича Бакура, живо помнившего еще рассказы о ней от отца и его приближенных.

Христианство, конечно, утвердилось в Грузии не сразу. Были цари-отступники; персы упорно стремились изгнать его и заменить огнепоклонством. Так, когда при царе Мирдате IV (408 год) они овладели Грузией, жители ее принуждены были спрятать кресты, и обожаемый персами огонь запылал во всех церквах, спасшихся от разорения. Дань персам лежала тяжелой ношей на грузинском народе, и при внуке Мирдата, Арчиле Первом, он восстал и нанес врагам на берегах Лиахвы страшное поражение.

Но времена могущества и славы настали для Грузии при царе Вахтанге Первом, царствовавшем пятьдесят три года - с 446 по 499. Персы прозвали

его Гург-Асланом (Волком-Львом), потому что он отличался доблестной храбростью и недаром носил на шлеме изображение спереди волка, а сзади льва. Всегда идущий впереди своих воинов, Вахтанг был лично известен врагам, и, увидев знакомый шлем, персы обыкновенно кричали: "Берегись! Гург-Аслан!" Название это так и осталось за ним в грузинской истории.

Соединяя мудрость правителя с доблестями полководца, Вахтанг оставил стране многочисленные памятники своей деятельности. Заботясь о просвещении народа, он основал школы, повелел исправить и вновь перевести церковные книги и издал кодекс. Защищая независимость страны, он окончательно сверг персидское иго, завоевал Менгрелию, Абхазию, победил печенегов, овладел Арзерумом и простер славу своего имени до самой Индии. На стенах одной из древних церквей, развалины которой и поныне видны в горах Алагирского общества, есть надпись, передающая следующие подробности о борьбе Гург-Аслана с Осетией. Осетинский владелец Ос-Богатар похитил у царя Вахтанга сестру его и этим вызвал страшную войну, в которой победа долго не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, несмотря на помощь, поданную Ос-Богатару Тарханом с печенегами. В одной из битв Гург-Аслан убил Тархана собственной рукой, но Богатар продолжал борьбу, геройски отражая грузин и даже сам производя на них набеги. Гург-Аслан увидел, что ему не одолеть осетин, пока во главе их стоит Богатар, и прибег к хитрости. Он предложил мир на условии, что Ос-Богатар женится на его сестре, а для переговоров пригласил его в свой лагерь, отделенный от осетинского рекой Арагвой.

Не подозревая коварства, осетинский вождь отправился на свидание. Но во время переправы через реку, изменнически осыпанный тучей стрел, Ос-Богатар упал в воду и погиб. Тогда Гург-Аслан напал на врагов, и осетины были покорены. Надпись заканчивается словами от имени Ос-Богатара и его девяти братьев: "Кто прочитает эти строки, пусть скажет нам вечную память".

Но не одни безмолвные развалины - печальные остатки прошлого величия - хранят для Грузии память о ее Гург-Аслане. Великолепные соборы двенадцати

апостолов в Мцхете, Сионский и Метехский в Тифлисе - суть памятники славного царствования Вахтанга. Он основал и самый Тифлис, куда впоследствии сын его перенес столицу, затмившую древнюю славу Мцхета. Недалеко от Тифлиса, в развалинах древнейшего из монастырей Иверии, Марткопского, на двух столбах главного храма, поддерживавших все здание и купол, нарисованы во весь рост два грузинских царя: один из них - Вахтанг Гург-Аслан, основатель этого храма, другой - славный Давид Возобновитель.

После Гург-Аслана, умершего от ран уже в преклонных летах, слава Грузии снова померкла, и притязания Персии возобновились; а скоро, в конце VI века, и сама династия Сассанидов уступила свое место Багратидам в лице Гурама I.

Династия Багратидов, царствовавшая целое тысячелетие и закончившая собой ряд грузинских царей, ведет свой род от иудейского царя и пророка Давида. На фамильном гербе Багратидов, поныне сохраняемом в доме их потомков, князей Грузинских, изображается праща, убившая Голиафа, гусли Давида, весы - символ царственной правды и мудрости, и хитон Господень; герб окружен надписью из псалма сто тридцать первого:"Клялся Господь Давиду в истине и не отречется ее: от плода чрева твоего посажу на престоле твоем".

При этой династии однообразие исторической борьбы с персиянами было нарушено нашествием новых завоевателей - аравитян, которые с огнем и мечом проповедовали Коран там, где еще не успели потухнуть жертвенники огнепоклонства.

В половине VII века полководец Омара, Халид, называемый Мечом Божиим, послан был для завоевания Севера, покорил Грузию, и Тифлис на четыреста лет сделался местопребыванием наместников арабских. Владычество арабов не мешало, однако, развиться в стране бедственным племенным и династическим раздорам, прерываемым набегами хищных соседей, пока турки-сельджуки не появились на сцене истории. Сделавшись в половине XI века властителями всей Западной Азии, они превратили могущество багдадских халифов в одну призрачную тень и снова внесли дух завоеваний в мусульманский мир. Сельджукский султан Альп-Арслан со стотысячным войском двинулся в Армению и, разослав оттуда

отряды во все стороны, подверг и Грузию всем бедствиям вражеского нашествия. Три года спустя нашествие повторилось; никакое войско не могло устоять против сокрушительного натиска турок. Подобно опустошительному горному потоку, неудержимо разливались они по трепещущим странам; пылавшие города и селения обозначали путь их. Кахетия и Картли были опустошены, Тифлис взят и разрушен. Подобные нашествия повторялись периодически, и десять лет спустя, в 1078 году, Тифлис снова должен был испытать все ужасы турецкого варварства, а по берегам Куры и Алазани тогда же поселились хищные орды татар, беспрерывно грабивших города и села.

К бедствиям от турок присоединились страшные явления природы, которые народ принимал за явный знак кары Божьей, за то, что люди в это время оставляли истинный закон, принимали магометанство и предавались порокам. Однажды, в самый день Воскресения Христова, по словам летописца, было такое землетрясение, что высокие горы и крепкие скалы разметались в прах, города и селения рушились, дома делались могилой обитателей, и погибло множество людей. Громадные бедствия страны прекратил великий Давид II Возобновитель, сумевший вернуть Грузии могущество и славу.

Когда Давид Возобновитель (1089-1125) вступил на престол шестнадцати лет от роду, вся Картли лежала в развалинах, Тифлис и многие области были заняты турками, в Имеретии самоуправно властвовали греческие императоры под тем предлогом, что они единственные покровители единоверного царства, и лишь горы и ущелья Абхазии были безопасным убежищем для царя и народа, а царской резиденцией был Теагулистав у горы Лихи. В то же время буйные орды мусульман, завладевшие плодоносными урочищами вокруг Тифлиса, неистовствовали в Картли и Кахетии. Персы терзали окраины царства, и даже армяне делали беспрестанные набеги в пределы единоверной страны. Цветущие местности превратились в пепелища, плодоносные поля - в пустыни. И царю предстояла великая задача залечить тяжелые раны царства. На помощь к нему пришли начавшиеся тогда крестовые походы, отвлекшие полчища турок и давшие возможность развернуться собственным силам отдохнувшей Иверии.

На опустошенные врагами равнины Давид пригласил горных осетин, и те охотно согласились променять свои бесплодные скалы на плодоносные земли Грузии. С помощью их он и совершил великое дело освобождения родины. Как только узнал он, что франки овладели Иерусалимом, он тотчас сбросил позорное иго турок, перестав платить им дань. И это был истинный подвиг, совершенный Давидом в самом начале царствования.

Но не вдруг и не так легко отказались турки от своих притязаний на Грузию, и освобождение ее стоило много крови и им, и Давиду. С малым числом своих войск он поражал сильных врагов и, начав с Абхазии, окончил свои подвиги в Дербенте, сломив железные ворота, устроенные там со времен халифата.

Нашествия врагов во все время его царствования следовали одно за другим непрерывной чередой, но в ужасе сдавались вожди сельджуков и персов, не знавшие дотоле поражений, и оставляли в руках его пленных и сокровища, которыми он обогатил свое царство. Так, когда осенью 1121 года несметные арабские полчища вторглись в Триолетскую область, одной битвы достаточно было, чтобы их рассеять, и весь стан Давида наполнился золотом, серебром, великолепными чашами пиршества, драгоценными коврами и оружием; арабские кони сделались обыкновенными - так их было много в грузинском лагере; сирские вожди доставались пленниками простым поселянам.

Тифлис, столица Грузии, однако, долго еще оставался в руках сарацинов, крепко сидевших в его цитадели. Но Давид и не заботился об этом, зная, что, прочно утвердившись в стране, нетрудно овладеть столицей, и уже только в конце своего царствования, в 1122 году, внезапным нападением захватил Тифлис в свои руки. И тогда от моря Черного до моря Каспийского все покорились его владычеству. И силы страны настолько возросли, что она могла отрядить уже своих сынов в далекую Палестину на борьбу с врагами креста. Бурное море поглотило первых доблестных ратников Грузии, но бедствие не охладило ревности новых избранников, которые благополучно достигли Святой земли и заодно с крестоносцами подвизались там за освобождение гроба Господня из рук неверных.

Лично Давид, отличаясь мужеством, никогда не

оставался позади дружин и первый устремлялся в битвы. Он был исполин и силач. В Гелатском храме (близ Кутаиса) поныне хранится перстень царя, в который свободно входят два пальца обыкновенного человека. На стенах этого монастыря - также, как Марткопского, - сохранился портрет Давида; длинная борода отличает его от ликов последующих царей, и по сравнению с ними заметен исполинский рост царя Возобновителя.

Гелатский храм и монастырь во имя Божьей Матери Давид соорудил в благодарность Богу, помогшему ему соединить под своей властью все древнее царство Багратидов. Обширностью, красотой, обилием мрамора здание это превосходило все, что до того времени было сооружено в Иверии. В нем Давид впоследствии поставил древние престолы побежденных им персидских царей Хозраидов, их золотые светильники, венцы, ожерелья, а также чаши царей арабских, взятых им в плен.

В Дарьяльском ущельи, на высокой скале, угрюмо нависшей над самой Военно-Грузинской дорогой, видны развалины древних ворот, запиравших некогда вход в грузинские земли. Эти ворота, основанные задолго до Рождества Христова царем Мирваном и потом разрушенные, были возобновлены Давидом и составляют один из памятников, оставленных им в Грузии.

Проводя всю свою жизнь в тревогах ратных, одной рукой сокрушая врагов и другой поднимая опрокинутое ими, Давид умел владеть не одним мечом: он был величайшим богословом своего времени. Ничего так не любил победоносный царь, как чтение Священного Писания. При нем было два собора для исправления церковных книг, а на добытые от врагов сокровища строились церкви и при них учреждались школы для образования юношества.

Давид умер во цвете сил, пятидесяти трех лет, оставив свое царство могущественным и спокойным. Народ грузинский прозвал его Возобновителем, а церковь причислила к лику святых. Умирая, Давид избрал местом своего успокоения порог созданной им Гелатской церкви, для того, чтобы всякий, переступающий через могилу царя, помолился за душу его. Над могилой своей он повелел поставить некогда плененные им железные Дербентские ворота, которые, замыкая храм, служили царю надгробным мавзолеем.

На церковном пороге и поныне лежит большая гранитная плита, а на ней большими грузинскими буквами начертано: "Се покой мой во век века, зде веселюся, яко изволих и". Одной половины железных ворот уже нет; как говорят, она употреблена для гвоздей на церковную крышу. Но другая половина существует и поныне. Арабская куфическая надпись на ней гласит, что ворота были скованы во имя Бога благого и всемилосердного славным эмиром Шавиром, сыном эль-Фазла, в 455 году геджры, в 1077 году христианской эры.

Но кости святого царя не долго оставались в назначенной им могиле: Соломон Великий впоследствии перенес их в тайное место под своды соборного жертвенника, чтобы спасти от хищных лезгинов.

Период могущества Грузии продолжался сто двадцать лет, от Давида до кончины правнучки его Тамары. Грузинские летописи не находят никого равным этой великой царице, кроме Вахтанга Гург-Аслана и Давида Возобновителя, и называют ее не иначе, как царем, а не царицей.

Народ в течение семи веков горделиво хранит память великой жены, подарившей его некогда могуществом и славой, и окружает ее имя ореолом поэтических легенд, приписывая царице Тамаре все славные дела и величавые памятники Грузии. В каждой местности страны полумифический образ великой царицы принимает свой особенный оттенок, выражающий представление народа о чем-то высшем, недосягаемом. Так, в Сванетии, где имя Тамары осталось единственным памятным для народа историческим именем, из воинственной жены она сделалась предметом суеверного религиозного почитания и вместе с тем идеалом чарующей волшебной красоты. Песни сванетов увенчивают смертную, подверженную страстям своего пола, обожаемую царицу золотой диадемой, одевают ее в светоносные одежды и украшают драгоценными каменьями - и это высший образ, до которого могла дойти наивная народная фантазия. Предания рисуют Тамару великодушной и щедрой, и одна из легенд рассказывает следующее. В торжественный день, когда царица собиралась в Гелатский собор и прикрепляла драгоценные лалы к царской повязке, ей пришли сказать, что нищая просит милостыни у дверей ее

монастырского терема. Царица велела ей подождать, а когда вышла, то нищей уже не было. Смущенная Тамара, упрекая себя, что отказала убогой в милостыне, сняла с себя бывшую виной ее замедления повязку и надела на венец Богоматери.

Достоверная история, переплетенная легендарными преданиями, в следующих чертах рисует судьбу и деятельность царицы Тамары (1184-1212). По свидетельству русского историографа, она вышла замуж за сына Андрея Боголюбского, Георгия, который в первое время ознаменовал себя славными победами. Однако по причинам, о которых нет достоверных сведений, брак этот скоро был расторгнут, и Георгий удалился в Константинополь. Когда по настоянию народа Тамара должна была выбрать себе второго мужа, то из многочисленных искателей ее руки, в числе которых предание называет сыновей греческого императора и султана испанского, она остановилась на осетинском князе Давиде Сослане (то есть Прекрасном), происходившем также из рода Багратидов. Но Георгий не смирился с потерей трона и скоро появился в Грузии с греческим войском. Он нашел в стране не много приверженцев и скоро, разбитый, был выдан в руки царице. Великодушная Тамара дала ему свободу с условием оставить навсегда Грузию.

Между тем, Грузии предстояла борьба с персами, сарацинами и турками, никогда не оставлявшими своих притязаний и набегов даже во времена ее наибольшего могущества.

Сослан ходил в Персию, одержал много побед и, взяв Ганжу, овладел огромной добычей; множество пленных, лошадей, верблюдов, золотых и серебряных сосудов были наградой победителей, а вслед за тем Тамара послала войска выгнать турок из Карса, и при появлении грузин неприятель бежал, оставив крепость без боя. Тогда знаменитый султан Алеппо, удивленный победами иверийцев, послал против них восьмисоттысячную армию, в которой было сто тысяч одной кавалерии. Рыцарственный Нурредин известил Тамару о нашествии, обещая милость ей, в случае согласия быть его женой, и каждому, кто примет ислам. Но когда посланник объявил эту волю султану, то, как говорят, воевода Захария Мхарзели (Долгорукий) ответил ему пощечиной, повергшей его замертво на землю. Вызов был принят, и война

началась. Грузины, встретив необъятный лагерь султана в Бассионе, первые начали кровопролитнейшую из битв и нанесли туркам решительное поражение. Пленных, по преданию, было взято так много, что на каждого грузинского воина их приходилось по двадцать; сокровища переполнили лагерь победителей, и при царском столе с тех пор не употребляли других сосудов, кроме серебряных и золотых; драгоценные же камни и жемчуг меряли мерами.

Несметные богатства, приобретенные Тамарой в войнах, послужили поводом к столкновению Грузии с Византией. Корыстолюбивый император Алексей Ангел, узнав о богатых дарах царицы монастырям, однажды приказал ограбить монахов, проходивших из Грузии через Константинополь. Разгневанная Тамара начала с императором войну и овладела Трапезундом и другими областями по северному побережью Черного моря. Из них Тамара впоследствии и образовала Трапезундскую империю с целью затруднить распространение магометанства на малоазиатских и кавказских берегах.

На двадцать четвертом году царствования Тамара овдовела, но личное горе не мешало царице вести Грузию по пути развития и славы, и военные дела ее не прекращались до самой смерти.

Ее политическая выдержка и воинская отвага ярко выражаются в следующем эпизоде. В 1208 году султан ардебильский, в великую субботу, когда все были в церкви, внезапно подступил к Ани, ворвался в город и произвел страшное кровопролитие. Двенадцать тысяч жителей были убиты, и город разграблен. Тамара решилась отплатить султану подобным же поступком. Она дождалась мусульманского поста, и в самую ночь полнолуния, лишь только крик муллы с минарета пробудил правоверных, войска Тамары ворвались в Ардебиль и мгновенно овладели им. Двенадцать тысяч жителей, как в Ани, были убиты, город разграблен и разрушен, а султан с женами и детьми отведен в плен. В последовавшем затем походе на Иран грузинское войско, овладев Тавризом и разграбив в Хороссане Гургану, взяло столько добычи, что не могло уже продолжать поход и возвратилось домой. Города и селения по дороге выносили победителям дары, и грузины с торжеством вступили в Тифлис.

Влияние царицы распространилось далеко в Осетию, за хребет Кавказский: непокорные горцы смирились перед ее оружием и принимали крещение. Следом за грузинским воином шел грузинский священник и армянский купец - и по течению Куры, Алазани, Лиахвы и Терека развивалась деятельная жизнь и христианская гражданственность.

Эпоха Тамары не была только эпохой военного могущества, а почитается и золотым веком литературы и просвещения. В ее время жил знаменитый Шота Руставели - Гомер Грузии, оставивший после себя бессмертную поэму "Витязь в тигровой шкуре", стоящую во главе грузинской поэзии.

Легендарная история, приписывающая Тамаре все замечательные памятники Грузии, не далека от истины, потому что множество памятников оставлено именно ею. Тамара повсюду оставила после себя неизгладимые черты своей деятельности и, как выражается один из историков, "написала свое имя каменными твердынями на горах и долинах Грузии". Церкви и кресты на неприступных скалах, внутри самых диких ущелий на Черном и Каспийском поморье и даже по ту сторону гор - немые свидетели ее величавой эпохи.

В Картлийском ущелье поныне видны развалины одного из храмов, созданных Тамарой, особенно памятного тем, что в нем хранились чудотворная икона Иверской Божьей Матери, драгоценный дар Тамары осетинскому народу, родственному ей по мужу. Храм этот два раза был разрушен пожаром, и два раза икону Богоматери находили под грудой развалин и пепла невредимой. Шестьсот лет пребывала икона в Картлийском ущелье. Но когда магометанство ворвалось в Кавказские горы, а русское правительство пригласило горцев-христиан за Терек, к Моздоку, святая икона Иверии становится русской святыней.

Сохранилось предание, что когда, в 1793 году, партия горцев прибыла к Моздоку с иконой и тогдашний епископ моздокский, встретив ее с крестами и хоругвями, внес в собор, то Богоматерь особенным чудом известила, что икона должна остаться вне города, в том месте, где она остановилась и провела ночь на смиренной арбе. Там соорудили часовню, а впоследствии воздвигли деревянный храм

во имя Успения Божьей Матери. И ныне русские паломники стекаются сюда на поклонение иконе со всего Кавказа и из самых отдаленнейших мест русской земли.

Самый поэтический памятник Тамары - Вардзия, Замок Роз. Верхнюю Картли Тамара почитала лучшим перлом своего венца, и там, в окрестностях Ахалцихе, в крутой обрывистой скале она вырубила этот роскошный дворец, вмещавший в себе до трехсот шестидесяти покоев. Путешественник и поныне может видеть остатки этого величественного царского жилища, в котором среди келий и коридоров в недрах земли сохранился храм огромных размеров, украшенный фресками, и посреди этих фресок какое-то странное и волнующее впечатление производит изображение самой древней полумифической царицы, во весь рост стоящей перед зрителем. Тут же, в боковом приделе церкви, виден каменный балдахин, под которым, вероятно, была похоронена Тамара, скончавшаяся в своем любимом Замке Роз в 1212 году. Но настоящая могила ее остается неизвестной. Есть мнение, что царица похоронена в Гелатском монастыре; другие указывают ее могилу в Сванетии. Грузинские племена неохотно расстались со своей умершей царицей, и каждое хотело бы найти у себя место ее вечного успокоения. Грузинская церковь празднует память Тамары в неделю Мироносиц.

Невольно останавливает на себе внимание тот факт, что в Грузии, стране полувосточной, где женщине в общественном строе отведено такое незначительное место, высший идеал человека нашел себе олицетворение в образе женщины. Святая Нина - идеал высоты нравственной, царица Тамара- идеал героя и мудрого правителя. Нина и Тамара - самые любимые имена грузин.

С кончиной Тамары все изменилось, как будто она унесла в могилу счастливые дни своей родины. Два последующих царствования - сына и дочери ее, полные внутренних смут и неурядиц, служили как бы предвестием страшному бедствию, скоро охватившему всю страну. Уже во время бесславного царствования Георгия IV, сына Тамары, показались передовые отряды монголов. Одно из полчищ Чингисхана заходило в Грузию, и на реке Берджудже грузинское войско, во время Тамары не знавшее ничего, кроме

побед, понесло страшное поражение. Но татары, не имея повеления завоевывать Грузию, прошли грозой по стране и скрылись на время в глубину азиатских степей. Но не прошло и десяти лет, как преемник Чингисхана, Гаюкхан, наводнил полчищами всю Азию, и татары снова появляются в несчастной Грузии, только что перед тем опять опустошенной нашествием арабов под предводительством Джелал-аддина. Как Божий бич прошли монголы через страну, налагая "слой монгольского варварства" на все народы и царства Кавказа. За Гаюкханом следовал страшный Батый, уже подчинивший Грузию правильному игу; он сделал перепись и обложил народ тяжелой данью.

К бедствиям монгольского нашествия присоединилось в 1259 году чреватое бедой, вызванное хитрой татарской политикой первое разделение Грузии на два независимых царства: собственно Грузию и Имеретию.

Рабство скоро принесло свои обычные плоды: как некогда на Руси, худшие из царей, из личных своих видов в династических раздорах, жертвовали благом страны; лучшие, ратовавшие за дело отчизны, становились жертвами произвола ханов. Подобно русским князьям, замученным в Орде, погиб грузинский царь Димитрий, названный Самопожертвователем. Вследствие интриг заподозрив его в неверности, хан Агрун, стоявший уже на границе Грузии с целью мстить народу за мнимую измену царя его, потребовал Димитрия к себе. Димитрий, зная причину ханского гнева и несправедливость клеветы, решился лучше пожертвовать собой, чем вызвать страшное нашествие на родину. Чтобы обезоружить подозрения хана, он взял с собой и малолетнего сына своего Давида.Но ничто не могло смягчить подозрительного деспота - Димитрий был заключен в тюрьму и обезглавлен (1289 год). Бывшие с ним грузины ценой золота купили тело царственного мученика у стражей и тайно перевезли в Мцхет.

Это была та же судьба, которую пришлось испытать и русскому народу. И потому-то "из всех национальностей, вошедших в круг русского отечества, - говорит один писатель[1], - не найти нигде русскому человеку столь искренней и братской

---

[1]И.Д. Попка.

дружбы, как в сердце грузина. И Русь и Грузия подружились еще в те дни общей скорби, когда с поникшим челом носили яссак в Золотую Орду и там встречались. А дружба, завязанная в общем несчастии, глубока и несокрушима, как братство".

Бедствия монгольского ига продолжались вплоть до Георгия V (1318-1346), прозванного Блистательным, напоминавшего собой эпохи лучших венценосцев Грузии. Первым делом Георгия было наказать осетин, пользовавшихся несчастьем страны и беспокоивших ее своими набегами; он сделал их своими данниками. Вслед за тем, прекрасно понимая ослабление Монгольского царства, раздробившегося на части, он смело поднял оружие и выгнал татар из пределов Грузии. Между тем, междоусобные раздоры слабых претендентов на престол Имеретии дали ему возможность совершить другое великое дело. Помня, что сила страны заключается в единстве, он воспользовался благоприятными обстоятельствами и, присоединив к своим владениям Имеретию, стал снова единым царем всей Иверской земли.

При Георгии V и его наследниках залечивались язвы страны, возникали из развалин города, строились церкви, возобновлялись крепости. Казалось, многострадальной Грузии дано было отдохнуть от ее зол, но только для того, чтобы собраться с силами для перенесения новых испытаний. Готовилось нашествие страшнее монгольского. Тамерлан явился на горизонте испуганной Азии. При внуке Георгия Блистательного, Баграте Великом, необыкновенно счастливо царствовавшем уже двадцать пять лет, гроза, сокрушившая и дальние и близкие царства, надвинулась на Грузию. Но грозный завоеватель встретил здесь столь сильное сопротивление, какого он, по свидетельству самих монгольских сказаний, не встречал при разорении могущественных государств Китая, Кабула, Бухары и Персии. Тамерлан вступил в Картли в 1387 году со стороны Карса со всеми ужасами варварства, разрушая все крепости, не оставляя целой ни одной башни; путь его побед обозначался дымом пожаров, развалинами, грудами мертвых тел и пирамидами из многих тысяч голов. Царь Баграт, видя себя не в силах бороться со страшным завоевателем в открытом поле, заперся в Тифлисской крепости. Кровопролитна была полугодо-

вая осада, но сила одолела мужество: царь очутился пленником перед Тимуром. Оставив в Тифлисе гарнизон, Тимур отправился в Карабах, ведя за собой пленных и караваны добычи. Из Карабаха он снова отправил войско в Картли, приказав "не щадить никого и ничего и разрушить все до основания". Пока татары в точности исполняли приказание своего повелителя, Тимур с огнем и мечом прошел весь Дагестан и поселил у подножия Кавказа магометанские племена, чтобы их влиянием удержать в зависимости обширный край. С тех пор стало там угасать христианство, насажденное с таким успехом Давидом и Тамарой.

Чтобы освободиться из плена, Баграт притворно принял магометанство и даже предложил Тамерлану обратить к исламу всех своих подданных, для чего и просил у него войска. Обрадованный Тамерлан осыпал царя дарами и отпустил с ним двенадцатитысячный отряд. Но по тайному уговору Баграта с сыном этот отряд был поголовно истреблен на берегах Берджуджи. Тогда раздраженный Тимур с огромным войском сам двинулся на Грузию. В окрестностях Тифлиса произошла кровавая сеча, в которой погибла пятая часть тамерланова войска, но грузины все же не могли продолжать открытой борьбы и скрылись в горы. Баграт вскоре умер, но сын и наследник его, Георгий VII, энергично продолжал борьбу. Еще несколько раз Тамерлан вторгался в Грузию и ни разу не встретил покорности - грузины уходили в горы, вели партизанскую войну и при каждом отступлении неприятеля отнимали у него обозы и награбленные сокровища. Наконец, при посредстве одного из любимцев Тимура, Георгию удалось примириться с завоевателем ценой незначительной дани.

Разорение страны после нашествия Тамерлана было громадно. Тогда разрушен был до основания Мцхетский собор, и многие церкви с тех пор так и не восставали из развалин. Чем был Тимур для покоренных им жителей, могут служить оставшиеся на Кавказе следы его нашествий и предания. Не доезжая двух верст до Закатал с Мугамлынской переправы, недалеко от дороги, с левой стороны, набросана огромная конусообразная куча камней, печально осеняемая несколькими тутовыми деревьями. Это след страшного истребления всего, что не

успело спастись тогда в горы. Тимур-Ленг имел обычай, после поголовного избиения жителей какой-нибудь страны, собирать в одно место головы убитых - их количеством он измерял свое могущество и царское величие. И в тот раз головы убитых были собраны и сложены пирамидально на то именно место, где находится теперь куча камней, и место это поныне называется Баш-Кала, то есть "Башня из человеческих голов".

Уничтожая взрослых, Тимур не оказывал никакой пощады и молодой жизни. Однажды он приказал перевязать и уложить малых детей так, как татары обыкновенно укладывают хлеб для молотьбы. Орудием для этой работы служит особого устройства доска, нижняя сторона которой усажена мелкими острыми камнями; везя эту доску по снопам, и выбивают зерна из колосьев. Этим-то варварским способом были истреблены дети. Зверский поступок Тамерлана создал у лезгин даже поговорку: "С тобой надо сделать так, как Тимур делал сахирман (ток)".

В другой раз, как рассказывает один из очевидцев той эпохи, жители какого-то города, навлекшие на себя гнев Тамерлана, выслали для умилостивления его своих детей. При виде малюток, шедших с песнями из Корана, в Тимуре возгорелся дух истребления. Он помчался на них на коне и приказал скакать за собой своей коннице. Несчастные родители, стоявшие на городских стенах, были свидетелями ужасной гибели своих детей, растоптанных татарскими конями.

Недаром Тимур пользовался на Востоке страшной славой, и недаром с самым рождением его связана страшная же легенда. Она говорит, что младенец Тимур появился на свет с куском запекшейся крови на руках и с белыми, как у старца, волосами.

После Тамерлана Георгий, а потом брат его Константин тщетно старались восстановить силы страны, а последний, вмешавшись в дела турок, попал даже в плен и был замучен с варварской жестокостью. Не лишнее сказать, что тело его покоится в пещерном храме Вардзии, построенном Тамарой, и некоторые принимают могилу его за гроб великой царицы.

Но в сыне Константина, Александре I (1414-1442), снова возрождается доблестный дух древних грузинских царей. Победоносный над врагами, он сделал

много и для залечивания ран страны, и для народного просвещения; ему же принадлежит и заслуга восстановления из развалин великолепного Мцхетского собора. Но в конце своих дней, утомленный царственными заботами, Александр удалился в обитель и принял иноческий сан, передав престол сыну своему, Вахтангу IV.

Какая обитель приняла под мирную сень свою царственного труженика - неизвестно. В пустыне Гареджийской показывают могилу царя-инока Александра, но и в грамотах Мцхетского собора записано также, что "смиренный царь Александр устроил для себя особый погребальный придел, не смея возлечь в обновленном им соборе".

Три года спустя Александр умер, а вслед за ним сошел в могилу сын его Вахтанг - и Грузия осиротела. Начинается эпоха не тех бедствий, которые воспитывают дух единства и любви к родине, не нашествий иноплеменных и борьба против них, настает время разделения, воспитавшего дух раздоров, соперничества царей и кровавых междоусобий. Не прошло и десяти лет, как против второго сына Александра, Георгия VIII, начались восстания, и царство распадается на четыре царства, готовя почву для внутреннего истощения сил страны и народа. Среди возникших междоусобий и сам Георгий едва не погибает жертвой кровавого изменнического заговора. Он спасся исключительно благодаря доблестному самопожертвованию Иофама Зедгинидзе, который, угадывая намерение заговорщиков, лег на царскую постель и был ими изрублен.

И вот возникают четыре независимые государства: Баграт основывает Имеретию, Давид - Кахетию, эристави Кваркваре - атабекство Самхетское, и Георгий остается царем только Картли. Рядом с этим стремятся к независимости и еще четыре княжества, из которых Сванетия и Абхазия управляются князьями из рода Шервашидзе, а Менгрелия и Гурия получают правителей с наследственными титулами Дадианов и Гуриелей, обратившихся впоследствии им в фамилии. И с этих пор некогда единая грузинская земля становится не поприщем защиты самобытности народной, а ареной борьбы турок и персов, из которых каждый претендует на влияние и обладание Грузией. Ряд незначительных царей отдельных земель следует

за новым рядом, междоусобия сменяются междоусобиями, периодически перерываемыми нашествиями то персов, то турок, уже не встречающих прежнего доблестного сопротивления в энергии и чувстве независимости народной; и все чаще и чаще народы Грузии обращают взоры на север, ища покровительства и защиты России. Из повести доблестей история Грузии становится историей только нашествий.

Впоследствии Грузия сделалась постоянным яблоком раздора между персами и турками. Турки стремились в нее со стороны Имеретии и черноморского побережья, персы - со стороны Кахетии и Картли; эта борьба между ними отражалась на стране так, что освобождение от одних обозначало нашествие других. Так, в 1518 году Тифлис берут, разоряют храмы и ставят в нем мечети персы; в 1578 году то же делают турки, воюя с персами и изгоняя их из Грузии. И так далее. К довершению бедствий старые враги, лезгины, пользуются слабостью страны, и набеги их становятся беспрестанными. Десятки тысяч суровых питомцев гор ежегодно спускаются в долины и грабят Грузию с двух сторон: или переправляясь через Алазан у Сигнаха и опустошая Кахетию, или же пробираясь горами Ганжийской и Эриванской областей в Ахалцихе и вторгаясь в Сванетию и Картли.

В целом ряде царей если и являются светлые личности, как, например, Леван I Кахетинский (1520-1574), доставивший своему царству несколько лет благоденствия, то и они не изменяют общего хода дел и бессильны освободить страну от вражеских нашествий и внутренних раздоров.

Из событий этой мрачной эпохи выдвигается разве странный и по поводам и по исполнению крестовый поход с целью защиты святого гроба от одной магометанской секты в пользу другой. Поход этот был совершен в 1524 году по просьбе турецкого султана Солимана, призывавшего грузинских царей в Иерусалим для освобождения Господнего гроба "из рук неверных"; он, вероятно, разумел под именем неверных мусульман-шиитов. Грузинская летопись говорит, что главным военачальником похода явился Леон, царь кахетинский, и что ему содействовали своими силами цари Имеретии и Картли. Крестовый поход этот несомненен, потому что имя великого Леона записано на мраморе Голгофы. Летопись же

поясняет коротко, что святой гроб был освобожден, и "цари, осыпав своими благостынями святые места, со славой возвратились в отечество".

Дни несчастий, последовавших за разделением царства Грузинского, очень скоро сделали необходимым обращение грузинских царей к России, и уже третий кахетинский царь, Александр II (1492-1511) искал защиты в русском царе Иоанне III, называя его "надеждой христиан и подпорой бедных". Столетие спустя Александр III Кахетинский (1574-1605), опасавшийся мщения Персии за склонность к туркам, тайно посылал в Москву духовных и светских лиц со слезной просьбой к царю Федору Иоанновичу, прося принять Кахетию под свою высокую руку и тем исхитить ее из рук неверных. "Настали, - писал он, - времена, ужасные для христианства; мы, единодушные братья христиан, стенаем от злочестивых; один ты, венценосец православия, можешь спасти нашу жизнь и душу; бью тебе челом до лица земли, да будем твои во веки веков".

С Александром III мы вступаем в эпоху персидского шаха Аббаса Великого, напомнившего Грузии времена Батыя и Тамерлана.

II

ЭПОХА ПЕРСИДСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ГРУЗИИ
(Шах-Аббас)

Величайший из шахов Персии, Лев Ирана, как его называют история и народ, шах-Аббас занимал персидский престол на самом переломе XVI и XVII веков. Это была одна из тех исторических личностей, отмеченных судьбой, которым суждено изменять лицо земли, разрушать и основывать царства. Его значение собственно для Грузии было так громадно, что народ грузинский связал его имя с целым рядом грандиозных легенд. По представлениям народным уже самое рождение его было знамением грядущих бед, отмеченных пророческой катастрофой.

В тот самый вечер и в ту самую минуту, когда шах-Аббас родился, великое землетрясение, как знамение Божьего гнева, разрушило древнейшую святыню Грузии - обитель святого Георгия, находившуюся в окрестностях города Телави.

Это землетрясение, о котором свидетельствуют и летописи конца XVI века, было до такой степени местное, что его не слышали даже в Телави, стоящем от монастыря не далее как в двадцати верстах. Царь был в это время на охоте. В тихий и ясный вечер, окруженный придворными, охотниками и телохранителями, он проезжал мимо обители; зурна оглашала леса и горы, азарпеша переходила из рук в руки, и никто не хотел смотреть на старцев, вышедших за

монастырскую ограду с поклоном. Вдруг прокатился подземный гул, земля встрепенулась, и вековые здания покровителя Иверии покачнулись, наклонились долу и рухнули с ужасающим треском. Что произошло тогда в царском поезде, трудно изобразить. Большинство всадников вылетело из седел, многие упали вместе с конями; царь был в числе последних и при падении тяжко расшибся. Между тем наступили сумерки, налетела с гор страшная буря, туча нависла над Телави, и смущенный народ, собравшийся на встречу царя, пустился по домам. Тогда из толпы возвысился грозный обличительный голос какого-то юродивого.

- Тавады, нацвалы и народ! - вскричал он. - В ваших глазах поник к земле величайший из храмов православной земли. Его высокое чело отразило бури веков, а теперь поникло - в тихий час вечера, в кротком сиянии умирающего дня. Поистине, это великое знамение грядущих на нас бед, ибо неправды наши превзошли высоту наших храмов. В эту самую минуту родился в Иране жрец, который придет заклать нашу свободу, и путь его обагрится нашей кровью. Плачьте, грузины! Родился шах-Аббас!

Прошли десятки лет, и шах-Аббас является властителем Ирана (1585-1628). Гениальный политик и великий полководец, он верно оценивает важное значение Грузии для своего государства в борьбе его с Турцией и направляет все силы на то, чтобы не только не упустить своего влияния на страну, но совершенно слить ее с Персией, последовательно распространяя в ней религию, язык и нравы персидского магометанства. Встречая сопротивление в духе народном и выведенный раз на путь кровавого нашествия, он не поселяет магометан у подножия Кавказских гор, как делал это Тамерлан, а напротив, разоряя города, силой уводит христиан в Персию. До сих пор около Испагани есть много деревень грузинских и армянских, жители которых, утратив веру, сохранили язык своих предков. Царей грузинских земель шах старался приближать к своему двору, царевичи нередко и воспитывались в столице шаха, усваивая там нравы, понятия, а иногда и веру персов.

Царь кахетинский, Александр III, со своей склонностью к туркам и сношениями с русским царем Борисом Годуновым, является прямым и непосред-

ственным противником политики шах-Аббаса, и первые удары ее обрушиваются именно на него. Мирные средства шах-Аббаса, как всегда, состояли прежде всего в последовательном проведении принципа divide et impera - разделяй и властвуй. И после того, как шах в войне с Турцией имел возможность убедиться в ненадежности Александра, он устроил так, что вооружил против него собственных его детей.

На этом примере можно видеть, какой разврат власти вносил шах-Аббас в Грузию, каким полным нравственным разложением грозил он ей, как несомненно добился бы всех своих политических целей, если бы своим крайним направлением не вызвал другой крайности - крайности отчаяния. И мы увидим в дальнейшей истории шах-Аббаса ряд великодушных граждан, в которых не вымерли еще остатки древней доблести и способности самопожертвования, спасшие Грузию от последствий всеразлагающего влияния персидского политика.

Вызванный шахом дух измены и раздоров в семье Александра получил свое первое выражение в том, что старший сын его, царевич Давид, с позволения персидского двора заключил брата Георгия в крепость, отца - в темницу и сам завладел престолом (1605). Когда в том же году умер другой сын Александра, Константин, принявший при шах-Аббасе магометанство, с персидским войском явился в Кахетию и завладел престолом, убив отца и брата. Но ценой не одних преступлений он купил престол, а и обязательством, данным шаху, прекратить всякие сношения с Россией и поставить Кахетию в вассальную зависимость от Персии. Грузию спасла на этот раз царица Кетевань, вдова Давида II. Она разбила приверженцев Константина, убила его самого и стала править именем сына своего, Теймураза. Хитрый шах внешне примирился со смертью преданного ему царя и, как говорят, сказав: "Отцеубийца достоин смерти", - утвердил на престоле Теймураза, бывшего в то время при персидском дворе. "Ступай в Кахетию и постарайся не допускать волнений в этой стране", - сказал он Теймуразу.

В то же самое время картлийский царь Георгий X, не согласившийся принять магометанство, был отравлен, и престол его отдан шах-Аббасом сыну его, Лаурсабу II (1605). Но в первые же годы царствования

Лаурсаба случилось обстоятельство, получившее фатальный смысл. Еще в царствование отца Георгия X, Симона I, когда над Картли гремели военные бури и страна была раздираема междоусобиями, из небогатой дворянской семьи выдвигается некто Георгий Саакадзе, которому суждена была замечательная роль в истории грузинского народа. Отличаясь наружной красотой, даром слова и силой убеждения, отвагой и решимостью, он при первом же появлении на военном поприще обратил на себя внимание. Симон возвел его в достоинство тархана; преемник Симона, Георгий X, пожаловал его званием владетельного князя с титулом моурава, и молодому Саакадзе не было еще и двадцати семи, как он уже сделался самым приближенным лицом к царю Лаурсабу. Гордая грузинская артистократия не могла снести быстрого возвышения человека незнатного дворянского рода, начались интриги, и от царя Лаурсаба потребовали даже смерти моурава. Саакадзе, вероятно, пал бы жертвой аристократии, но в этой самое время случилось, что возвращавшиеся из Персии грозные турецкие силы надвигались на Грузию со стороны Триолетских гор. Передовой грузинский отряд, посланный под предводительством двух лучших грузинских полководцев, Захария и Ярали, был истреблен вместе с предводителями в горных теснинах, и неприятель занял Манглис и Квельту. В Квельте турки схватили священника Федо-ра, известного в то время своими учеными трудами, и под угрозой смерти потребовали от него, чтобы он провел в местопребывание царя летучий отряд, намеревавшийся захватить Лаурсаба. "Не пожертвую вечной жизнью временной, не буду предателем царя", - сказал себе этот грузинский Сусанин. Он завел врагов в непроходимые горные дебри и, спасая царя, сам погиб мучительной смертью. Но опасность от того для страны не миновала, и царь из Цхиретского замка с отчаянием в сердце смотрел на несметные вражеские войска, покрывавшие живописные долины. И вот, в этих-то трудных обстоятельствах, когда гордая аристократия потеряла голову, Саакадзе берет на себя спасение родины, требуя себе лишь права полного распоряжения битвой.

На следующий день в Схеретской лощине, на берегах Куры, началось сражение. Слабые числом, но

движимые ненавистью к пришельцам и воодушевленные своим предводителем, грузины бросились в рукопашную битву, и сам Саакадзе рубился в передних рядах. Турки не уступали. Но тут случилось, что храбрый князь Заза Цицианов, пробившись до самого паши Дели-Мамад-хана, сбил его с лошади и, соскочив с седла, успел отрезать ему голову, прежде чем турецкие всадники подоспели на выручку. Держа голову паши в зубах за длинную бороду, Цицианов отчаянно пробился сквозь ряды окруживших его врагов и, покрытый кровью, бросил к ногам царя свой страшный победный трофей. И это обстоятельство решило победу. Крики восторга встретили героя в рядах грузинских войск. Турки, пораженные виденным, побежали, и грозные полчища были истреблены горстью грузин.

Царь и двор на третий день посетили Саакадзе. Там Лаурсаб увидел сестру его, отличавшуюся замечательной красотой, увлекся ею страстно и порешил на ней жениться. Напрасны были советы моурава, предчувствовавшего печальные последствия неравного брака, напрасны были убеждения царицы-матери и настояния двора - царь не отказался от своего намерения, и брак состоялся. Сильные князья и вассалы, оскорбленные поступком царя, восстали на него поголовно и во имя поддержания трона, потерявшего будто бы уважение в глазах народа с тех пор, как сестра простого дворянина взошла на него царицей, потребовали не только расторжения брака, но и истребления всего ненавистного им рода Саакадзе. Составился тайный заговор.

Однажды моурав получил приглашение на царскую охоту, но едва он прибыл в загородный дворец, как один из преданных людей предупредил его о кровавом замысле. Не теряя времени, Саакадзе вскочил на неоседланного коня и поскакал в свой замок, чтобы спасти себя и свое семейство. За ним немедленно отрядили погоню, но она уже не нашла Саакадзе в замке. Проскакав в поспешном бегстве огромное расстояние в одну короткую ночь, он успел укрыться с женой и детьми у тестя своего, арагвского эристата. Замок его был разграблен и обращен в груды развалин и пепла.

Грузия надолго потеряла одного из своих лучших сынов, который мог бы быть ей бесконечно полезен.

Оскорбленный герой, не зная убежища в своей собственной родине, изменил ей: он удалился в Персию к шаху и предложил ему завоевать Картли. И что же мог он предложить ему, кроме измены? Рассказывают, что раз, в минуту гнева, он воскликнул: "Горе Картли! Нет ей покоя, пока жив царь Лаурсаб!". Шах хорошо понял выгоду лишения Картли ее единственной опоры и надежды и с почестями принял Саакадзе. Но он не считал нужным пока употребить моурава против Картли, совершенно понимая возможность обращения его к родине: он посылает его в Индию и на войну с турками - и скоро слава индийских и турецких побед Саакадзе разнесла его имя по всему Ирану; его подвиги воспевали поэты, и песни эти, достигая Тифлиса, гор и долин Картли, распевались персиянами к страху двора и жителей страны.

Таким образом, и Картли и Кахетия, наиболее влиятельные из грузинских государств, лежали распростертыми у ног Персии, во власти слабых царей и без опоры сильных, изменой и междоусобием удаляемых из страны. Шах-Аббас понимал, что он уже не встретит особого сопротивления в ослабленных царствах, а с другой стороны, зная всю устойчивость религиозных верований в народе, он довольствуется обращением в магометанство только царей и князей, а народ решает покарать мечом и выселением в Персию и только ищет приличного повода к войне. В 1615 году он является в Ганже, посылает оттуда кахетинскому царю извещение о намерении начать войну с турками и, руководимый советами Саакадзе, требует выдачи сына в заложники в ручательство того, что Теймураз не склонится на сторону турок. Царь, понимавший вероломную политику шаха и знавший, что никакой войны совсем не предполагается, сначала было отказался, но потом, по настоянию боявшихся мщения кахетинцев, отправил к шаху младшего сына под надзором своей матери Кетевани.

- Я не кормилица, чтобы воспитывать малолетних, - ответил ему шах и требовал старшего сына.

Теймураз уступил. Тогда шах потребовал к себе и его самого. Рассчитывая между прочим на содействие Лаурсаба картлинского, Теймураз отказался отправиться к шаху, но тот принял свои меры. Чтобы возбудить против Теймураза подданных, он

приказал персам обходиться с населением ласково и не жалел подарков и почестей. И скоро Теймураз и Лаурсаб, оставленные подданными, перешедшими на сторону шах-Аббаса, должны были бежать в Имеретию. Отправив мать и детей Теймураза в Шираз, шах прошел Кахетию и Картли и из Гори, лежащего верстах в сорока от Тифлиса по дороге в Имеретию, начал переговоры с царями. Он воспользовался случаем сообщить стороной Лаурсабу, что любит его и щедро наградит, если тот явится к нему, а что Теймураз ему вечный враг. Шах не упустил случая приласкать и имеретинцев, через которых он вел переговоры с царями, и при этом случае вручил имеретинским вельможам богатую, окованную золотую саблю свою, прося повесить ее, как дар, на стене любимого ими храма святого Георгия в местечке Мравалзале. Конечно, шах-Аббас делал это не из любви к христианской религии. Сабля эта, как свидетельствует один путешественник, находилась на стене храма еще в 1745 году, но куда она девалась впоследствии - неизвестно.

Лаурсаб поддался на обман и тайком от Теймураза ушел из Имеретии. Шах принял его ласково и оставил его в Тифлисе, а сам удалился. Рассказывают, что, покидая столицу Картли, шах остановился у моста, с которого видны были минеральные бани, и, указывая царю на красоту местности, говорил: "Я бы взял отсюда эти виды, если бы то было возможно; самое лучшее богатство твоего царства и города - бани минеральных вод". Лаурсаб ответил: "Великий шах, и я, и царство мое, и виды эти - все принадлежит тебе". Но не долго царь оставался свободным. Вскоре мы видим его с шахом на охоте в лесах Карабаха; из Карабаха, под видом охоты же, его перевозят в Мазандеран, и когда здесь ни угрозы, ни обещания не склоняют его к исламу, шах отправляет его в Шираз, где, после долговременного заключения в темнице, его задушили тетивой (1622).

С Лаурсабом прекратилась прямая линия царей Картли, и владетели ее престали быть даже христианами. Царем же Картли шах назначает магометанина Баграта V (1616-1619).

В то время как Лаурсаб сделался жертвой политики шаха, Теймураз фактически низложен был с престола, а в Кахетии оставлен персидский гарнизон

под начальством вероотступника царевича Иессея, в магометанстве Исахана, двоюродного брата Теймураза. Но три месяца спустя после удаления шаха Исахан воротился на царство. Шах решил жестоко наказать ослушников своей воли - и наступает время кровавого нашествия персов на Грузию.

Шах послал вперед часть войск, чтобы преградить Теймуразу отступление в Имеретию, но Теймураз первым напал на персидский отряд и обратил его в бегство. Приближение главных сил шах-Аббаса, однако же, изменило все дело; передовым отрядом персидского войска командовал Саакадзе, и появление народного героя во главе вражеских полков сразу подорвало дух народа: все бросили бесполезное оружие и бежали в горы. Теймураз снова ушел в Имеретию.

В 1617 году войска шах-Аббаса вступили в Кахетию, все попирая на пути, все заливая кровью, обращая в пепел города, грабя монастыри, разбивая иконы и кресты и обращая священные украшения на туалеты своего гарема. Христиане вместо защиты собирались в церкви, каялись и молились, готовясь к смерти, и вместе с церквями были сожжены тысячами. Лезгины, со своей стороны, по требованию шаха убивали и пленяли тех, кто бежал к ним в горы. Предание сохранило рассказ о кровавой расправе шаха, совершенной в одном из монастырей Гареджийской пустыни, каменистой, безводной, прорытой ущельями. Под развалинами монастырского храма, внутри алтаря поныне стоит престол, а на нем вместо священной утвари - человеческие кости, связанные крестообразно. Вот эти-то кости и дали название целой лавре, именующейся Моцамети, - лавра Мучеников. Здесь шесть тысяч иноков были избиты в святую пасхальную ночь по повелению шах-Аббаса. Существовал обычай, по которому братья всех двенадцати обителей Гареджийской пустыни собирались в пасхальную заутреню именно в эту лавру, как большую из всех; к тому же великий день был и храмовым праздником этой обители. И вот шесть тысяч иноков со свечами в руках обходили церковь, построенную на вершине горы, и воспевали радостно "Христос Воскрес", не воображая, как сами они были уже близки к переходу в вечность. Далеко за Курой, на краю обширной степи Карайской, увидел шах-Аббас ночью необычайное освещение - какие-то огни

двигались и мерцали на вершине горы, там, где он предполагал совершенную пустыню. "Что за огни?" - спросил изумленный шах. "Это Гареджийские пустынники празднуют свою Пасху", - ответили ему. "Истребить их!" Напрасно приближенные шаха представляли ему, что пустынники не носят оружия, никому не делают зла, а напротив, за всех молят Бога, и что сам пророк повелевает щадить таких молитвенников. Шах ничего не слушал. К рассвету отряд конницы прискакал в лавру. Шла литургия, и только что иноки приобщились Святых Тайн, как вломились персы - и через несколько мгновений шесть тысяч трупов лежало на церковном помосте, залитом кровью. С тех пор опустела большая часть обителей пустыни. Церковь причла погибших к лику мучеников и установила праздновать избиение шести тысяч на второй день Пасхи, а благочестивый царь Арчил собрал святые кости и соорудил над ними небольшую церковь.

В это же время, овладев Мцхетом, шах захватил в свои руки и величайшую святыню христианского мира - хитон Господень. Позже, как увидим, он отослал его к московскому царю. И ныне риза Господня, разделенная на части, составляет достояние Успенского собора в Москве, большой придворной церкви и Александро-Невской лавры в Петербурге.

Приведя страхом смерти всю страну в невольное повиновение, шах-Аббас назначил Кахетии своего правителя с персидским войском и увел массы народа в неволю для поселения их в персидских провинциях. С царями Грузии Лев Ирана заключил мирный договор, обязуясь не обременять Грузию данью, не изменять ее религии, оставить церкви неприкосновенными и не строить мечетей, однако же, выговорив условие, чтобы цари грузинские были непременно магометанами, хотя и грузинского происхождения. Этим договором, сохранившим только наружность независимости и свободы грузинских царств, потерявших во время нашествия множество представителей своей религии, но сохранивших склонную к магометанству аристократию и магометан царей, шах-Аббас окончательно упрочил персидское влияние на Грузию. И только народу, преданности, вере и самобытному духу его Грузия обязана сохранением своей духовной независимости и возможностью возрождения в будущем. Из недр народа вновь выдвинулось сильное

духовенство, имевшее неотразимое влияние на царей и на магометанскую аристократию, и глава духовенства, католикос, является не раз в дальнейшей истории Грузии источником освободительных движений. И благодарный народ отразил эту роль духовенства в своих легендах.

Этот вечно деятельный дух народа сказался во времена шаха не одним сопротивлением народных масс, уходивших в горы, но и подвигами, в которых светится непреодолимая и безграничная преданность вере предков и отечеству. Есть легендарная история (ее рассказывает И.Д. Попка), созданная самим народом и показывающая, что он не хотел признавать за шахом победу, как бы сознавая, что тому не одолеть народную силу. В ней рисуется шах не победителем, а побежденным, и побежденным именно любовью к отечеству.

Вот эта легенда.

Завладев всей Кахетией и большей частью Картли, однажды шах-Аббас сидел у дверей своего шатра; главный мирза доложил, что от грузинского царя прислан посол с подарками. Явился картлийский тавад, высокий и стройный, "как тополь на берегу Куры". Он поверг к ногам шаха корзину со свежими плодами, и шах похвалил плоды. "Чох-Гюзель!" ("Очень прекрасно!") - повторял он; выбрал самое большое яблоко, съел его, выплюнул семена на ладонь и приказал подать копье. Боднул он гибким копьем землю, бросил в нее семена и, обратившись к картлийцу, сказал: "Кланяйся царю и скажи, что пока из этих семян не вырастет сад и я не вкушу плодов от него, до тех пор не выйду из вашей земли, где мне спится лучше, чем дома". - "Бэли!" ("Хорошо!") - ответил тавад. И, выбравшись из двора шаха, пораженный унижением своего царя и родины, он с решимостью подумал: "Пожертвую моей милой, моей ненаглядной Хорошаной - отчизна дороже жены!"

Его звали Шио; дом его стоял на самой границе Кахетии и Картли. Он сам был картлиец, а жена его кахетинка, и тогда не кончился еще их медовый месяц.

Надо сказать, что шах-Аббас отдал чудовищный приказ с каждой новой луной набирать в городах и селах пятьдесят красавиц и приводить их в персидский лагерь. Шах сам раздавал их своим воеводам. Но был

один хан, по имени Алла-Верды, который не довольствовался дарами "брата Луны" и сам грабил такую же дань. Это был самый сильный хан, предводитель татарской конницы, которая составляла лучшее войско кизильбашей. Хан Алла-Верды стоял отдельным станом около Телави, и так как уже некого было бить, то каждый день он выезжал на охоту с соколами, а вечером ему представлялась дань в образе красивой грузинки.

Между тем грузинский царь с тавадами и остатками разбитого войска стоял около Мцхета на крепкой позиции, образуемой слиянием Куры и Арагвы. Когда была смята военная сила, поднялась сила другая, не падающая под ударами оружия. Духовенство вышло из своих келий и взяло в свои руки спасение отечества. Как в старой удельной Руси, оно мирило сильных, соединяло слабых, ободряло малодушную толпу и создавало силу там, где уже ее не было. Князья, не думавшие никогда сойтись, сходились под царской хоругвью, обнимались и клялись над хитоном Господним умирать друг за друга. Между тем просили помощи от единокровной Имеретии и просили ее от единоверной Москвы. Войско царя усиливалось с каждым днем. Все желали перейти в наступление. Ожидали только русской помощи с Терека и с Днепра.

В таком положении были дела, когда тавад Шио прискакал к своей Хорошане и сказал ей: "Спаси отечество!"

- Ра-ари! (Какие речи!) Слабой ли женщине спасти отечество, когда и храбрейшие тавады бездействуют, забившись в безопасный угол между Курой и Арагвой!

- Где сестры обнялись, где Кура и Арагва слились на вечный союз, как мы с тобой, там соединились разрозненные силы Иверии. Это уже последние силы - больше нет! И всего этого горсть, а кизильбашей несметное число. Что же мы можем сделать? Честно умереть - и только! Но это не спасет отчизны, которая погибнет вместе со смертью последнего тавада. Но где уже храбрейшие люди не могут ничего, там женщина может все... Не силой руки, нет, но безмерным величием любящего сердца... Пожертвуй собой!.. Отдай свою любовь, отдай ее на короткий срок - от вечерней звезды до утренней - хану Алла-Верды.

Хорошана помертвела.

- Не главный стан хана с несметной силой кизильбашей страшен грузинам, - продолжал восторженно Шио. - Их геройская уверенность колеблется только перед Львом Азербайджана, перед ханом Алла-Верды. Отложись он от шаха - и Грузия спасена! А ее надо спасти, спасти во что бы то ни стало, и ты одна это можешь - не силой, а жертвой! Пришел час жертв безмерных, неслыханных, на которые дает право только любовь к отечеству.

И долго говорил благородный картлиец, и дивны были его речи, каких не слыхал еще мир. Хорошана постигла наконец величие жертвы, нашла в неизмеримой глубине своего любящего сердца неведомую силу - и решилась.

Скоро Хорошана появляется в персидском стане, трепещущая и смущенная. Смущение только увеличило ее красоту, и хан Алла-Верды клялся бородой пророка, что никогда еще не видывал подобной красавицы. Наступила мрачная ночь. Гроза разразилась в горах, дождь заливал долины, буря срывала шатры в татарском стане. Под шелковым наметом хана шел ожесточенный спор. Алла-Верды не соглашался на цену, которой требовала грузинка. Он предлагал ей все свои сокровища, все, кроме измены шаху. Хорошана отвергала все и требовала только измены. Не раз могучий хан приходил в порывы неистового бешенства, не раз заносил над ней канджар. Хорошана все выдержала - и не сбавила цены.

Следующий день хан просидел в шатре задумчив и свиреп, не прикасаясь к пилаву. Весь лагерь примолк, и никто не смел разговаривать громко. В полночь хан согласился на цену, требуемую Хорошаной, и поклялся бородой пророка.

Утром весь лагерь шумел и пировал, приближенные хана получили большие подарки. Но вот скачет гонец от шаха с известием, что к грузинам пришли стрельцы с Терека и казаки с Днепра и что гяуры выступают из Мцхета. Шах требовал, чтобы Алла-Верды присоединился к нему через три дня. "Бэли", - сказал Алла-Верды гонцу и отдал приказ ковать лошадей и готовиться к походу в большой аджамский стан. Клятва была забыта, а в душе Хорошаны зрела месть и решимость в ту же ночь отрезать голову клятвопреступнику. Но когда ей оставалось только

исполнить свое намерение, она заснула сама, и ее посетило дивное видение: явился старец, убеленный сединами, в ветхом рубище отшельника, но с лицом светлым и кротким. Старец поднял руку и стал благословлять Хорошану.

- Недостойна, отче! - вскричала она. - Недостойна благословления та, которая осквернила себя на ложе неверного и приготовила руки свои на вероломное убийство!

Старец вещал:

- Отложи намерение твое, о лучшая из дщерей Иверии! Не поднимай руки на хана Алла-Верды, ибо он призван на великое дело: его жизнь довершит спасение отчизны, его кончина воздвигнет обитель из развалин, над которыми плачут долгие годы. Твою же тяжкую жертву осветят благословение церкви и долгий иноческий подвиг. Утром поведай хану желание вкусить снедь от его собственной молитвы...

Старец еще раз благословил коленопреклоненную Хорошану и стал невидим.

Поутру Хорошана говорила хану, что она хотела бы кебаб из джайрана (жаркое из дикой козы), убитого собственной его рукой. Тотчас отдан был приказ, и шумный поезд с зурной и бубнами двинулся в лес по дороге к развалинам обители святого Георгия. Охота на зверя были чрезвычайно удачна. Наконец спущены были соколы. "Опустошили землю - опустошим и воздух!" - кричал хан в восторге. И вот, первый и любимый сокол его напустился на куропаток, но, к общему изумлению, летел тупо и вяло, и куропатки от него уходили. Алла-Верды пришел в ярость. Он мчался на коне, поощряя сокола бешеными криками. А вдалеке, на утесистом берегу Алазани, стоял на коленях отшельник и под палящим солнцем молился об избавлении родины от тяжкого нашествия иноплеменников.

Сокол между тем оправился и уже настигал свою добычу. Уже расправил он когти, и клюв его скользнул по крылу куропатки, как вдруг она переломила полет, ринулась на землю и скрылась под полой молящегося пустынника. Сокол медленно закружил над головой старца. Хан видел, где укрылась добыча его сокола, и, наскакав на отшельника, громко крикнул:

- Спугни из-под полы птицу!

Отшельник молился.

- Тебе говорю: спугни птицу!

Отшельник глубоко и пламенно молился о спасении бедствующей родины; сердце его унеслось в небо, и весь земной мир со своими красотами и ужасами не существовал для него.

- Так ты не слушаешь меня, дерзкий гяур! - вскричал хан.

Канджар блеснул над головой отшельника, но, прикоснувшись к сединам старца, разлетелся вдребезги. Хан упал с коня, и рука его, сжимавшая рукоять, усохла.

А отшельник молился "о невидящих и обидящих нас".

Пораженный чудом и всепрощающим словом христианской молитвы, гордый хан смирился.

- Отпусти мой грех, - говорил он старцу, - возврати мне руку, отдам ее на служение народу христианскому.

Благословение старца оживило руку Алла-Верды, и первый луч веры проник в это мрачное, чувственное сердце.

Легенда повествует далее, что шах и царь сошлись на битву, каждый ожидая себе на помощь Алла-Верды. И вот, когда победа еще колебалась, на ближних высотах вдруг зачернелась, как туча, татарская конница. Алла-Верды шел в бок обеим сторонам и вдруг повернул налево - на кизильбашей. Тогда все персидское воинство, охваченное паникой, бросилось бежать.

Шио был найден в числе убитых в этом сражении. Над ним стоял и плакал молодой тавад в татарских доспехах - то была Хорошана. С копьем в руке, с кольчугой на нежных плечах, она вела хана и поддерживала его в минуты колебания - а такие минуты были. Сам хан Алла-Верды получил смертельную рану, но он жил еще несколько дней, просветился святым крещением и умер не только христианином, но и вторым мужем Хорошаны. Умирая, он завещал свои несметные сокровища на возобновление обители святого Георгия, покровителя Иверии, и скоро она восстала из развалин в прежнем своем величии. Хорошана удалилась от мира и искупила свой высокий, но греховный подвиг долгим подвигом иноческим.

Грузинский летописец, передавая эту легенду,

говорит: "Не было и не будет такого любящего сына отчизны, как картлиец Шио; не было и не будет такой любящей жены, как кахетинка Хорошана".

Такова легенда, в которой фантазия народа создала грузинам победу, а персам поражение. Но действительность далеко не соответствовала этому направлению. В разоренную страну сошли с гор лезгины и почти беспрепятственно заняли богатейшую и плодороднейшую часть Кахетии между Кавказским хреб-том и Алазанью, где впоследствии возникли крепости их Джары и Белоканы, стоившие русским столько крови; в Картли были магометанские цари; Кахетия вовсе была без царя - и Теймураз жил изгнанником в Имеретии. Но ни народ, ни Теймураз не мирились с иноземным владычеством. Сверженный царь Кахетии искал помощи султана и защиты России. В 1619 году он отправил к русскому царю Михаилу Федоровичу послов, так изображая свое бедственное положение:

"И вам, великому государю, свои слезы и бедность объявляем, что светлость наша обратилась во тьму, и солнце уже нас не греет, и месяц нас не освещает, и день наш светлый учинился ночью, и я в таком теперь положении, что лучше бы не родился, нежели видеть, что православная христианская вера и земля Иверская при моих очах разорилася, в церквах имя Божие не славится, и стоят все пусты..."

Теймураз просил Михаила Федоровича, чтобы исходатайствовано было у шаха возвращение его матери и сыновей. Михаил Федорович действительно просил шаха не угнетать грузинской земли. Шах успокоил царя дружественной грамотой и посылкой хитона Господня, но уже в то время, когда он успел распорядиться с семьей Теймураза (1625). Тем защита России и кончилась.

Между тем в Картли возникли также смуты. Когда умер Баграт V (1619), вдова его провозгласила царем Симона-хана II, но князья и народ отказались повиноваться сыну магометанина. Раздраженный Аббас дал ему в помощь полководца Карчихана с сильным отрядом, а вместе с ним послал и Георгия Саакадзе с тайным поручением истреблять кахетинцев и переселять в Персию картлийцев. Саакадзе возвел на царство Симона и отправился в Кахетию. Но здесь в нем восторжествовал нравственный переворот, оставивший глубокие следы на истории Грузии.

Еще давно, живя в Персии, Саакадзе тайно мучился совестью при виде насилий, совершаемых шахом над его родиной. И вот теперь, в Кахетии, ему пришлось узнать об изменническом убийстве давно плененного царя Лаурсаба (1622). Это было последней каплей, переполнившей его возмущенную совесть. Быть может, припомнилось ему все зло, которое он сделал Лаурсабу, и, забывая обиды, нанесенные ему родиной, Саакадзе составляет план совершенного освобождения всей Грузии от персидского ига. Случилось, что вызванные им несколько кахетинских князей под предлогом раздачи шахских подарков были изменнически и тайно умерщвлены в палатке Карчихана. Этим обстоятельством воспользовался Саакадзе, чтобы возбудить в народе негодование и открытый мятеж, и сам он первый воскликнул: "К оружию, кахетинцы!" Персидское войско было немедленно перерезано, и моурав своей рукой отрубил голову Карчихану. Вслед за тем он с помощью эристава арагвского выгнал из Кахетии персидского наместника и взял Тифлис, кроме цитадели, в которой заперся и сидел, как в тюрьме, царь Симон-хан. Кахетия и Картли были свободны, и Картли правил поставленный героем молодой Койхосро из фамилии владетельных князей Мухранских. Но о правителях заботился Саакадзе, в его энергичной голове возникает и смелый, и целесообразный обширный план объединения грузинских царств, и с этой целью он прежде всего вызывает жившего изгнанником на берегах Черного моря законного царя кахетинского Теймураза (1623).

Подвиги Георгия Саакадзе еще только начались, но они были так необыкновенно блестящи, его родина так давно уже не торжествовала столь очевидных и постоянных побед, что Саакадзе, этот еще надавно изменник и бич ее, становится народным героем и неограниченным повелителем всей страны. Его называют спасителем народа, отцом отечества и сыном церкви; в церквях молятся за его долгоденствие; аристократия, смирившаяся перед величавыми и быстрыми успехами моурава, ищет его дружбы и становится под его знамена, повсюду гордо и победоносно развевавшиеся; поэты и певцы прославляют его имя, грозное врагам. Отечество все простило ему, все забыло. По словам почти современника его, царя Арчила, власть Саакадзе была так велика в стране, что без позволения

в присутствии его не смел сидеть ни один из вельмож и владетельных князей. Но моурав, по свидетельству истории, не увлекался страстями, не величался первенством в народе, душой ему преданном. В его великом сердце, не знавшем середины и приведшем его некогда к безграничной ненависти, теперь жила великая любовь и страстное желание навсегда и совершенно освободить родину от зол и бедствий чужеземного владычества.

Да и некогда было Саакадзе величаться своими победами - нужно было ждать мести грозного шаха, и уже было предостережение из Персии. Узнав об измене ему Саакадзе и новом воцарении Теймураза в Кахетии, шах казнил сына Саакадзе и жену эристава Зубара, оставшихся в Персии, а мать Теймураза, великодушную Кетевань, подверг страшным мучениям. Царице предложено было выбирать между магометанством и лютой казнью, и она выбрала муки и смерть от руки палача (1624). Среди обширной площади, при огромном стечении народа, царица Кетевань была обнажена, и тело ее рвали раскаленными щипцами, но она, как исполин, выносила пытки, и напрасны были увещания отказаться от Христа. Тогда на страшные ожеги и раны ее клали горячие уголья - она осталась непоколебимой. Наконец, на ее голову надели докрасна раскаленный чугунный котел, и она скончалась, венчанная этим страшным мученическим венцом. С ужасом узнал царь о страшной смерти матери, об этом последнем бедствии в его семье; два сына его, бывшие в Персии, уже давно пали жертвой жестокости шаха: еще в 1620 году он повелел превратить их в евнухов, и один из них умер от жестокой операции, а другой помешался в уме, чтобы влачить еще три года жалкой жизни. И что же удивительного, если в сердце Теймураза пробудилась старая ненависть к виновнику гибели его семьи, Саакадзе, ненависть, отозвавшаяся впоследствии новыми бедственными междоусобиями в стране. Страшное впечатление произвела смерть Кетевани и на народ; в нем тоже встало воспоминание, что Саакадзе - виновник этой смерти и всех смут, вызвавших грозного шах-Аббаса на Грузию, и это напоминание о прошлом моурава было первым подводным камнем на победоносном пути его, поселив к нему недоверие. Церковь причла Кетевань к лику мучеников, и ныне

мощи ее покоятся частью на родине в Аллавердском соборе, частью в далекой Бельгии, в соборе города Немура; католические миссионеры, бывшие свидетелями казни Кетевани и пораженные ее святым мужеством, взяли часть тела ее и перевезли в Европу.

А между тем гнев шаха не был потушен кровью Кетевани и молодого Саакадзе, и персидское войско шло на Грузию, предводимое Исаханом. Саакадзе, соединив под своим предводительством войска царя Теймураза, эристава арагвского Зураба и других князей, двенадцатого июня 1624 года на реке Алгете рассеял Исахановы войска, а вслед за тем с небольшим отрядом разбил и шедшего на помощь Исахану эриванского бека. Но победа неожиданно была вырвана из рук моурава царствовавшим в стране духом смуты и недоверия - наследием недавнего прошлого. В числе погибших на поле сражения был некто Теймураз, князь Мухранский; на этом факте возник темный слух о смерти царя Теймураза, будто бы убитого изменнически, и войска взбунтовались и беспорядочными толпами пошли к Тифлису. Персы как нельзя лучше воспользовались этим случаем: они устремились за толпами грузин, беспощадно истребляя их, и по трупам дошли до самого Тифлиса, где все еще продолжал сидеть в цитадели царь Симон-хан.

Войска грузинского более не существовало, и страна была беззащитна. Но моурав Саакадзе оставался бодр и крепок духом и начал блистательную, наиболее выказавшую его дарования, партизанскую войну. Раз с шестьюдесятью всадниками он бросился на большой отряд персидского войска, спускавшегося с гор, и семьсот персидских трупов осталось на месте. Целый ряд таких подвигов сделал уже самое имя его, как выражается историк, настолько же страшным для персов, насколько силы персов были страшны для Грузии. Исахан боялся рассыпать малые партии, всегда истребляемые моуравом, и замыслил поход с сильным войском в Картли. Узнав об этом, Саакадзе начал обширные приготовления к встрече, устраивая крепкие завалы в теснинах Гартискарских, и, вероятно, успел бы остановить врага, но измена эристава арагвского, пропустившего через свои владения персидский отряд под предводительством Хосро-Мирзы, сделала бесполезными воздвигнутые моуравом укрепления и изменила шансы войны и победы.

Прошлое, видимо, тяготело над Саакадзе, уничтожая все плоды его личной доблести и военного дарования. Память о зле, сделанном им некогда царям грузинской земли, подрывала при неудачах доверие к нему; и вот, в лице пришедшего теперь Хосро-Мирзы он сам же некогда приготовил себе счастливого врага. Было время, когда побочный сын грузинского царя-магометанина, этот Хосро, никем не знаемый и нищий, искал покровительства могущественного при персидском дворе моурава Саакадзе. Последнему пришла в голову мысль приготовить в нем соперника и наследника ненавистному Лаурсабу, уже бывшему в руках шаха, в заключении. И тогда произошло следующее. Однажды у моурава был пир, и он сидел, окруженный персами. Видя входящего Хосро-Мирзу, он поспешно встает, почтительно идет к нему навстречу, просит его занять первое место, а сам садится в почтительной от него дали. Изумленные персы узнают, что то грузинский царевич и наследник престола. Шах-Аббас потребовал к себе еще не известного ему принца крови и почтил его достоинством губернатора города Испагани. Этот-то Хосро-Мирза и является теперь соперником и врагом самого моурава.

Хосро-Мирза с сильным отрядом двинулся на Саакадзе и одолел его огромным преимуществом в числе воинов. Моураву пришлось уступить силе, и снова с небольшим преданным ему войском он начинает свою партизанскую войну. Ряд побед сопровождал его повсюду, но они не могли уже изменить главного хода войны. В сражении в теснинах Ксанских моурав внес в ряды персов такое страшное истребление, что река Ксан покрылась трупами убитых, и кровь окрасила воду, но массы врагов все-таки прошли теснины, и скоро Хосро-Мирза вступил в Тифлис. Картли смирилась.

Но Саакадзе не считал еще своего дела проигранным. Уже не полководец, а "рыцарь, странствующий по развалинам любезного отечества", он с горстью гверельясов продолжает упорную, отчаянную борьбу с ненавистными персами. Сегодня он разбивает отряд их, завтра берет крепость и вырезывает гарнизон. В то же время он сносится с турками, прося у них помощи, мирится с эриставом арагвским и, замышляя обширный план освобождения отечества, пытается привлечь к войне Имеретию, Менгрелию и другие княжества.

Еще раз звезда Саакадзе ярко заблестела в походе его против осетин, воспользовавшихся смутным и бедственным состоянием Грузии, чтобы от нее отложиться. Быстро перешел Саакадзе через высокие горы, овладел несколькими замками и разнес ужас по всей стране, совершенно ему покорившейся. Историк этого похода передает между прочим следующий факт, рисующий великодушный характер моурава. В одной из стычек, когда осетины смертельно ранили друга и товарища Саакадзе, князя Мочабели, и хотели отрезать ему голову, моурав самоотверженно бросился на врагов и на плечах вынес из свалки истекавшего кровью героя.

Но ни власть Саакадзе, ни спокойствие царства не упрочивались личными доблестями моурава. Страна колебалась между освободительным делом своего вождя и персидским игом и, к сожалению, чем дальше, тем больше убеждалась, что моураву не одолеть Персии. Настало для Саакадзе трудное время. Многие из аристократов уже отказались от союза с ним, и с каждым днем его силы ослабевали. Народ, утомленный беспрерывной войной, склонялся к миру. Эристав арагвский Зураб вторично изменил моураву, а когда возмущенный Саакадзе пошел на него войной, Зураб соединился с Теймуразом, и в сражении на полях Бозалетских войска моурава были разбиты наголову. Тогда бессильный, лишенный всех надежд, он в другой раз теряет отечество и удаляется в Константинополь. Там имя Саакадзе еще раз пронеслось по всему Востоку. Но эта же самая слава послужила и причиной его погибели. Жена турецкого главнокомандующего (визиря Азама, а по другим - визиря Хосрева-паши), сообщая мужу константинопольские слухи, написала между прочим: "Что значит эта знаменитость моурава, закрывшая твое имя? Что за жизнь, не оглашаемая славой?" Огорченный визирь потребовал к себе Саакадзе и велел отрубить ему голову (1629).

Так погиб полководец и герой, справедливо названный в самом отечестве своем грузинским Алкивиадом[1].

А за год перед тем сошел в могилу шах-Аббас...

---

[1]Георгий Саакадзе сделался родоначальником нынешней фамилии князей Торхан-Моуравовых.

Со смертью, шах-Аббаса (1628) для Грузии не кончилась, однако же, его эпоха - эпоха безусловного персидского владычества. Это владычество провело по грузинской земле такие глубокие кровавые следы, которых не смыло и не стерло целое столетие. Наступает время, называемое в истории временем магометанских царей, то есть царей, преданных Персии, в ней воспитавшихся и туда же уходивших на вечное успокоение, - умершие магометанские цари обыкновенно увозились в Персию.

Это мелкое и незначительное время начинается полным упадком сил страны, утомлением физическим и уступчивостью нравственной. Кахетия и Картли лежали опустошенными; другие царства и княжества, склонявшиеся во время борьбы почти всегда на сторону торжествующей силы, также не избегли разорения. А на другом конце Грузии между тем утвердились турки: они захватили в свои руки Самхетское атабекство, и в нем скоро стал утверждаться ислам, вместе с турецкими крепостями (Ахалцихе и другие). Внутри поднимаются старые династические счеты и раздоры, но только центр их тяжести переносится уже в Тегеран, где процветают грузинские интриги. И так как власть зависела от шахов, которым не безвыгодно было расчленять и обессиливать Грузию, то скоро в ней поселяются смуты иного рода - это стремление каждого мелкого князя и феодала к независимости. Произвол и беззаконие являются естественными следствиями бессилия власти.

До какой степени власть царей была подорвана и обезличена, это свидетельствует сам царь Вахтанг VI, который в своем "Уложении", изданном в начале XVIII века, говорит между прочим следующее: "Если царь может царствовать, да царствует; если не может, то да предпочтет доброе имя и вечную жизнь, ибо лучше отказаться от престола, нежели быть слабым, исключая тот случай, когда нельзя сего сделать без соизволения великого государя шаха!" В действительности, конечно, было гораздо больше стремлений получить престол, чем отказаться от него; и получить, и потерять царство по интригам при дворе персидском стало делом обыкновенным. Так, царь Теймураз кахетинский, успевший после смерти шах-Аббаса соединить (1629) под своим скипетром

Кахетию и Картли, скоро теряет и ту и другую, опять возвращает наследственный престол и опять изгоняется магометанскими претендентами, успевающими выпросить себе у шаха утверждение на царствование в Кахетии. Не лишнее прибавить, что в тяжелые времена изгнания Теймураз неоднократно обращался за помощью к России, даже ездил в Москву, но Россия сама вела войны со Швецией и Польшей и не могла помочь далекой Иверии.

Между тем и самые обращения к московскому царю получают в этот период уже особый характер. Прежде цари просили помощи против неверных, теперь - друг против друга. История сохранила память о следующем кровавом эпизоде, в котором были замешаны надежды на Москву. Имеретинский царь Александр III, не имея сил отбиться от владетеля еще недавно подчиненной ему Менгрелии, Левана Дадиана, просил защиты от московского царя Алексея Михайловича, и покровительство было обещано. Тогда младший брат Александра, Мамука, надеясь на русскую помощь, сам предпринял поход на Менгрелию, но в конце концов попался к Левану в плен, был ослеплен и умер от этой страшной операции. Насколько Леван был жесток и необуздан, можно судить по следующему факту: заподозрив свою жену в страсти к одному визирю, он выстрелил в этих несчастных из пушки, изувечил жену и отравил двух ее сыновей.

Мрачна была эта эпоха бессилия перед внешними врагами и вместе жестоких внутренних междоусобий, прерываемых только войнами персов с турками, происходившими на грузинской территории, да кровавыми набегами лезгин. Умственное и нравственное направление изменилось. Литература приняла персидский характер, господствующим языком стал персидский; в мирное время грузины занимались персидской литературой; у богатых и любознательных были персидские библиотеки; остатки же древней грузинской письменности укрывались в стенах монастырских, и только там обучались чтению церковных книг и письму, чем ограничивалось все тогдашнее образова-ние грузин. Из страха мусульман о заведении публичных школ и о распространении наук не смели и думать. Видя гибель самобытности отечества, умственной и религиозной, многие грузин-

ские фамилии ищут нового отечества и выселяются в Россию.

Из царей этой эпохи заслуживает внимания Вахтанг VI, знаменитый как летописец и как законодатель, издавший "Уложение". Сначала христианин, Вахтанг, уступая крайним обстоятельствам, принял наружно ислам, но в течение всего царствования (1711-1724) заботился о доставлении победы христианству и в этом направлении сделал очень много. С его именем связано между прочим начало событий, изменивших историю Грузии и создавших благоприятные условия для ее возрождения. То было нашествие и завоевание всей Грузии турками. Разбитый ими, Вахтанг должен был покинуть отечество и в 1724 году удалился в Петербург, а турки между тем овладели Грузией и объявили ее турецкой провинцией.

Как ни тяжело было для Грузии нашествие турок, но оно имело для нее и свои неоценимые последствия. Персы, утратив на время власть в стране, утратили уже навсегда нравственное влияние, и 1729 год - год объявления Грузии владением турок - кладет конец царям-магометанам. Проходит после того несколько десятилетий, и наступает для нее время возрождения наук и литературы. Персия должна была понять наконец, что для сохранения своего влияния в Грузии ей приходилось уменьшить свои притязания, и когда Надир-шах рядом блистательных побед отнял у турок все их завоевания, он в 1744 году назначил в Грузию уже христианских царей: Теймураза II - в Картли, а сына его, Ираклия II, - в Кахетию. Теймураз, имевший резиденцию в Тифлисе, первый восстановил древний обряд миропомазания и короновался в первопрестольном городе Мцхете.

Со смертью Надир-шаха в половине прошлого века в Персии наступает ряд междоусобных войн за наследство, ослабивших ее могущество и давших Грузии вздохнуть свободно. Благодаря счастливому соединению в руках отца с сыном двух сильнейших грузинских царств, страна могла победоносно отражать постоянных врагов - лезгин, и в то же время внутренние раздоры стали менее возможными.

Однако и между Теймуразом и Ираклием возникли скоро несогласия, заставившие первого из них удалиться в Петербург. Там он в 1762 году и скончался

семидесяти лет от роду. Тело его перевезено было в Астрахань и похоронено там в городском соборе. До сих пор сохранившаяся над робная надпись на грузинском языке гласит: "Теймураз Николаевич, наследный царь Грузии, Картли и Кахетии, прибывший в Санкт-Петербург в 1761 году на поклонение Ее Императорскому Величеству, монархине Всероссийской". Замечательно, что спустя девяносто лет, в 1853 году, между медными досками, хранившимися в книжном магазине Императорской академии наук, нашли портрет грузинского царя Теймураза, превосходно исполненный с натуры художником Антроповым. На портрете та же надпись, что и на надгробном камне.

По смерти отца Ираклий соединил под своим скипетром Кахетию и Картли (1762). Тогда явился ему новый соперник из России - Бакар, сын Вахтанга VI, нашедший себе приверженцев в Тифлисе, где была еще свежа память старшей династии картлийской, но он скоро был вынужден бежать обратно в Россию. Жестокая казнь ожидала его единомышленников, и до сих пор в предместье Авлабарском показывают песчаный берег, где пылали их костры.

III

ЗАНЯТИЕ ТИФЛИСА РУССКИМИ В 1783 ГОДУ

С Ираклием II, царем соединенных царств Кахетии и Картли, наступает для Грузии новая эпоха, приведшая ее в конце концов к желаемому миру. И теперь приходят персы и турки, и, как прежде, вторгаются лезгины, но Грузия все больше и больше находит защиту со стороны России, пока наконец северный колосс не взял всего дела в свои мощные руки и не вырвал древнюю христианскую страну из-под тяжкого магометанского ига. То была эпоха подъема народного духа, религиозного и нравственного возрождения, воскресших надежд, и Ираклий своим личным доблестным характером был истинным выражением этой эпохи.

Еще в те времена, когда он царевичем жил при персидском дворе и был с Надир-шахом в походе на Индию, он поражал восточного повелителя равнодушием, с которым смотрел на богатства сказочной страны и на почести, которыми его окружали. Это был человек идеи; и шах, умевший выбирать и ценить людей, дорожил советами Ираклия даже по важным военным делам и охотно следовал им. Говорят, что мнения Ираклия пользовались большим уважением даже у индийских жрецов, браминов и факиров и что некоторые изречения его обратились в пословицы.

Как воин, Ираклий был поистине царственным рыцарем, народным идеалом царя и полководца. Вот каким рисуют его предания. Когда он был еще только

царем кахетинским, в 1752 году, значительная персидская армия появилась в Грузии с целью отомстить ей за поражение персов, случившееся в том же году под Эриванью. Грузин было всего три тысячи человек, и многие советовали отступить, но Ираклий не согласился. "Теперь уже поздно отступать, - сказал он своим приближенным, - при первом шаге назад неприятель не оставит в живых ни одного человека". К войску он обратился с простой и трогательной речью. "Не думайте, - сказал он, - что я иду проливать кровь вашу для распространения моих владений, для усиления моего могущества; иду защищать отечество и своих подданных". Он приказал войскам идти за собой, но не начинать битвы, пока он не сделает условного выстрела; после же выстрела грузины должны были дать общий залп и броситься в сабли. Ираклий сел на лошадь и двинулся вперед, держа в одной руке повод, а в другой ружье. В это время татары, составлявшие часть его войска, стали отделяться, рассчитывая принять ту сторону, которая победит. Царь, удрученный этим новым горем, сошел с коня и с горячей мольбой упал на землю перед изображением креста. Тогда один из татарских вождей, подойдя к нему, сказал: "Крест! Если есть в тебе сила, ты сделаешь сегодня передо мной чудо".

Персияне между тем со всех сторон обложили грузин, и один из персидских ханов, выехав вперед, громко крикнул: "Где царь Ираклий?" - "Если ты ищешь царя, - ответил ему Ираклий, - то взгляни, он перед тобой". Хан бросился на него с копьем в руке, но царь выстрелил, и перс упал мертвый. Выстрел был принят за сигнал к нападению; грянул залп, и грузины бросились на неприятеля так неожиданно, что обратили его в бегство. Победителям достались двенадцать пушек, все знамена, тысяча верблюдов и весь лагерь. Татарский вождь, ожидавший чуда и пораженный бегством персидской армии, обратился в христианство. Таков был царственный рыцарь Ираклий, и имя его скоро сделалось настолько славным и грозным, что к его покровительству стали прибегать соседние властители.

Оставшись в 1762 году единым царем Кахетии и Картли, Ираклий в первое время был поставлен в чрезвычайно благоприятные условия. На престоле Персии был Керим-хан, дружественный Ираклию, и

царь, пользуясь этим обстоятельством, усмирил лезгин, обложил данью мятежного ганжинского хана, покрыл страну укреплениями и много заботился о ее внутреннем процветании. Так прошло восемь лет. Войны с турками имеретинского царя Соломона I, вызвавшие известный поход за Кавказ генерала Тотлебена, навлекли было на Грузию новое нашествие турок, но скоро, в 1774 году, по условиям русско-турецкого мира Кахетия и Картли признаны были независимыми, и султану пришлось отказаться от своих притязаний. Тогда он прибег к известному средству - вооружить против Грузии лезгин, и Картли периодически стала наводняться хищниками, доходившими до самого Тифлиса. В то же время в Персии умер расположенный к Ираклию шах Керим-хан, и новый властитель Ирана, Али-Мурат, потребовал от царя покорности. Тогда Ираклий, утомленный войнами, решил отдать свое царство в подданство России, о чем, благодаря проницательной деятельности светлейшего князя Потемкина, уже велись переговоры.

Решаясь на присоединение Грузии, Екатерина, конечно, не искала увеличения своего и без того обширного государства; она руководствовалась великодушным желанием спасти несчастную единоверную страну, столько страдавшую от иноземного магометанского владычества и внутренних смут. Но впрочем есть и такое мнение, что, создавая по ту сторону Кавказских гор сильное христианское государство и угрожая этим Турции, она имела в виду осуществление приписываемой ей грандиозной политической программы - выгнать турок из Европы и на развалинах Оттоманской Порты восстановить Византийскую империю.

Прелиминарный акт присоединения Грузии подписан был представителями обоих государств двадцать четвертого июля 1783 года в Гори, древней столице Картлийского царства, а вслед за тем командовавший кавказскими войсками граф Павел Сергеевич Потемкин отправил в Грузию два батальона кавказских егерей[1] и четыре орудия, под общей командой

---

[1]Кавказский егерский корпус состоял из четырех батальонов: два оставлены были на Линии, а два - Горский, подполковника Мерлина, и Белорусский, подполковника Квашнина-Самарина, - отправлены в Грузию.

полковника Бурнашева. Войска вступили в Тифлис третьего ноября и были восторженно встречены огромными толпами народа. День был ненастный, с холодным ветром и снежной вьюгой, и жители грузинской столицы говорили: "Это русские принесли нам свою зиму..."

Появление русских войск в Грузии переполошило всю Анатолию и Малую Азию; это было событие, в котором суеверные мусульмане видели зловещий призрак близкого падения своего могущества. До какой степени паника охватывала население всякий раз, когда оно узнавало о приближении русских, можно судить по тому, что в это же самое лето все поморские жители Трапезунда бежали вглубь страны от одного известия, что русский флот появился у берегов Черного моря. Хотя впоследствии и оказалось, что это было стадо плавающих птиц, но туземцы с трудом и неохотно возвращались в покинутые селения.

Блистательные успехи русских в Крыму, на Дунае, у подножия Балкан и Кавказа, и вот теперь движение русских войск в Грузию - все это напоминало пылким сынам ислама о Гоге и Магоге, имеющим разрушить благословенные мусульманские царства, и заставляло обращать взоры туда, за эту белую стену Кавказа, за которой начинался для южного человека уже мир призраков... "Малаллах! - восклицали мусульмане. - Должно быть, и в самом деле удивительная сторона, этот загадочный Север!"

А между тем, как весь азиатский мир тревожно волновался в предвидении важных событий, в Тифлисе ожидали только прибытия полковника Тамары, назначенного полномочным министром при дворе Ираклия, чтобы обнародовать государственный акт, по которому Грузия становилась на вечные времена под защиту и покровительство России. Знаменательное событие это совершилось двадцать четвертого января 1784 года.

Накануне все царские регалии, присланные Екатериной и украшенные соединенными гербами России и Грузии, были перенесены с церемонией во дворец, где Ираклий встретил их с подобающими почестями. Стоя у ступеней своего трона, окруженный царевичами, придворными чинами и знатным духовенством, царь выслушал короткую приветственную речь русского посла и собственноручно принял от него

знаки царской инвеституры. Вручив государственное знамя и меч двум представителям старейших княжеских фамилий, за которыми с древнейших времен сохранялось право носить их за царями, Ираклий возложил корону, скипетр и царскую мантию на особо приготовленные подушки, после чего Тамара и передал царю императорскую грамоту. Принятие ее приветствовалось сто одним выстрелом.

На следующий день царь и весь грузинский народ должны были принести присягу на вечное подданство русской государыне. С восходом солнца три залпа русской батареи, поставленной на площади, возвестили начало церемонии, и улицы Тифлиса покрылись массами народа. В десять часов утра Ираклий, предшествуемый регалиями, торжественно вступил в Сионский собор и, войдя на приготовленный трон, возложил на себя царскую мантию. Придворные чины, державшие остальные регалии, разместились по сторонам трона, а на ступенях и у подножия его стали царские сыновья и внуки. Далее, по направлению к царским дверям, поставлены были два небольшие столика, художественно отделанные слоновой костью и золотой инкрустацией; на одном из них, покрытом золотым глазетом, лежала ратифицированная грамота императрицы, а на другом, покрытом бархатом, - ратификация Ираклия. Сам католикос Грузии совершал богослужение. При первом возглашении имени русской императрицы загудели колокола во всех церквях Тифлиса, а с батарей Метехского замка грянул пушечный залп, потрясший массивные стены древнего собора. По окончании молебствия совершился обмен ратификациями, а затем Ираклий, осененный государственным знаменем и имея по сторонам себя русских полковников Тамару и Бурнашева, перед крестом и святым Евангелием произнес присягу. Торжественный день завершился парадным обедом во дворце, на который были приглашены все находящиеся в Тифлисе русские офицеры. Музыка и пушечные выстрелы сопровождали пиршество[1]. Народ ликовал

[1]Тост за императрицу сопровождался сто одним пушечным выстрелом, за царя Ираклия и за членов русского императорского дома - пятьдесят одним, а за всех остальных членов грузинского царствующего дома и за светлейшего князя Потемкина, как покровителя Грузии, - тридцать одним.

на площадях и улицах, и в течение целого дня неумолкаемо гудел колокольный звон, стреляли пушки, лилось рекой кахетинское, а вечером весь город и окрестные горы были озарены роскошной иллюминацией.

И Турция, и Персия, конечно, не могли оставаться равнодушными зрителями совершившихся событий. Не имея повода к открытому вмешательству, они старались возжечь в Грузии внутренние смуты и обратить ее в кровавую арену лезгинских нашествий. Последнего достигнуть было нетрудно. Воинственные, не связанные никакими трактатами, лезгины охотно взялись за оружие, и первой жертвой их нападения сделалось казахское селение Черань.

Черань была расположена на высоком берегу Алазани, с которого окрестность видна, как на ладони; несмотря на то, беспечные грузины допустили захватить себя в совершенном расплохе. Стоявшее грузинское войско не подало помощи, и хищники в течение двух часов безнаказанно грабили деревню, вырезали жителей, а оставшихся в живых около семидесяти человек увели в плен.

Два русские батальона при общей панике, конечно, были не в состоянии одни защищать всю страну, и необходимость улучшить собственные боевые средства царства была очевидна. Потемкин, лично посетивший Тифлис, даже угрожал Ираклию вывести русские войска обратно на Линию, если не будет принято соответствующих мер, и Ираклий решился сформировать милицию, чтобы наказать по крайней мере ближайшие к его границам лезгинские селения. Потемкин вполне одобрил это намерение и, выезжая из Тифлиса в Георгиевск, оставил в Грузии генерала Самойлова, поручив ему начальство над всей экспедицией. В состав отряда, кроме грузинских войск, вошли оба егерские батальона с четырьмя орудиями, эскадрон астраханских драгун и сто человек донских и уральских казаков. Драгуны и казаки были назначены из конвоя Потемкина и по окончании экспедиции должны были возвратиться на Линию.

Не ожидая сбора грузин, Самойлов выступил в поход только с одними русскими войсками и четвертого октября был уже в Казахах, куда только через три дня прибыл наконец Ираклий. Крайний беспорядок, особенно в снабжении продовольствием,

препятствовал тотчас открыть наступательные действия, а между тем лезгины на глазах отряда продолжали опустошать и грабить пограничные села, и жители тщетно взывали о помощи. Честь русской армии не позволяла терпеть долее подобного положения дел, и Самойлов энергично потребовал перехода в наступление. Но Ираклий медлил, выводя этим из терпения русского генерала. "Большое несчастье, - писал по этому поводу Самойлов, - что Ираклий сам принял начальство над своими войсками, а не прислал сюда своих военачальников. Тех я бы принудил к действию, а к царю могу лишь входить с представлениями. Он слушает советы, а поспешности не прибавляет ни мало"...

Самойлов был прав, конечно, в своих упреках Ираклию, но медлительность и осторожность царя объясняются горьким опытом долголетних войн: Ираклий знал силу врагов и еще мало знал силу русскую. Впрочем, и глубокая старость царя, понятно, должна была сказаться упадком бывалой энергии.

Время уходило, и Самойлов стал опасаться, что экспедиция совсем не состоится, так как благоприятное время было пропущено. Наступала глубокая осень, прекрасная погода сменилась ненастьем, и в течение четырех суток, не переставая, шел проливной дождь, размывший дороги до невозможности везти по ним артиллерию. Вода в Алазани быстро прибывала, и можно было ожидать, что переправы вброд скоро прекратятся.

В то самое время получено было известие, что сильная партия лезгин возвращается из-под Генжи по эту сторону речки. Опасаясь упустить и этот случай для наказания хищников, Самойлов не стал уже ожидать Ираклия, а выступил из лагеря с одними русскими войсками, и одиннадцатого октября 1784 года близ селения Муганды (на Алазани) настиг лезгинскую партию. Чтобы отрезать неприятеля от переправы, русский отряд направился наперерез усиленным маршем, но лезгины, вовремя заметя русских, пошли на рысях и заняли прибрежный лес ранее Самойлова.

Решено было взять лес штурмом. Две колонны, каждая по двести егерей, под общей командой подполковника принца Гессен-Рейнсфельдского, быстро охватили лес с двух сторон и, поддерживаемые

своими батальонами, начали атаку. Артиллерия, занявшая позицию на левом фланге, жестоко обстреливала лес, и своим огнем в значительной степени содействовала успеху. Одна кавалерия по роду местности не могла принять участия в бою и потому ограничилась только наблюдением за связью между колоннами и прикрытием флангов. Между тем, еще при первых пушечных выстрелах подошло грузинское войско, но Ираклий поставил его в общем резерве.

Лезгины, взобравшись на деревья, встретили атакующие колонны сильным огнем, но после пятичасового упорного боя должны были очистить опушку леса. Выбитые отсюда, они бросились в Куру, чтобы спасаться вплавь, но попали здесь под картечь четырех русских орудий, страшно поражавшую их в самой реке. Волны Алазани окрасились свежей кровью, и река буквально запрудилась людскими и конскими трупами. Поражение было так сильно, что неприятель оставил только в одном лесу двести тел, не успев, как того требовал священный обычай, унести их с собой. Потеря со стороны русских была сравнительно незначительна, но, к сожалению, один из главных виновников успеха, принц Рейнсфельдский, получил смертельную рану и вскоре умер. Тело его погребено в одной из тифлисских церквей. Это были первые жертвы и первая русская кровь, пролитая за освобождение Грузии. Переночевав на поле сражения, Самойлов двадцатого числа возвратился в Тифлис.

Победа, одержанная так успешно над лезгинами, имела то важное следствие, что подорваны были вера в неукротимость дикого племени и обаяние, которое производила их бешеная отвага. Обрадованный победой, царь устроил в Тифлисе парадную встречу русским войскам и пригласил Самойлова прямо в собор, где патриарх ожидал его для служения благодарственного молебствия.

Глубокие снега, завалившие горные ущелья, приостановили на время военные действия. Но с наступлением весны, в апреле 1785 года, новая значительная шайка лезгин и турок ворвалась в Картли. Она прошла через Боржомское ущелье и, разорив несколько деревень, увела в плен более шестисот человек грузин. В Сураме стоял в то время майор Сенненберг с частью Белорусского батальона. Он взял с собой двести егерей при одном орудии и,

кинувшись в погоню, настиг лезгин верстах в семи от Сурама, на берегу Куры у деревни Хощуры. Прижатые здесь к обрывистому берегу речки, лезгины и турки напрасно старались проложить себе дорогу оружием. Егеря отбрасывали их, поражали картечью, расстреливали залпами. Более четырех часов длился этот бой и кончился неслыханным дотоле поражением хищников. Тысяча триста тел оставлено было ими на поле сражения; остальные, бросаясь в Куру, тонули, и сотни трупов неслись по быстрой речке до самого Тифлиса. Неибольшие потери пали на долю турок, из которых двести человек были взяты только в плен. Победу торжествовало все христианское Закавказье.

Военная репутация лезгин была подорвана. Однако же они решились еще на одну попытку, чтобы восстановить свою померкшую славу, и с этой целью снова ворвались в Картли. Тот же майор Сенненберг встретил их опять на берегу Куры и двадцать восьмого мая выдержал жаркую схватку. Грузинская конница, первой начавшая бой, была моментально сбита с поля сражения, и лезгины, одушевленные успехом, стремительно ударили по русской пехоте. Безумная отвага их превосходила все, что можно себе представить, но это были уже последние вспышки дикой энергии, последние отблески грозной и кровавой славы, некогда озарявшей лезгинские знамена. Встречая везде несокрушимую стену русских штыков, неприятель дрогнул, смешался и обратился в бегство, оставив триста тел на поле сражения.

"Опыты храбрости наших войск, - писал по этому поводу Потемкин к Бурнашеву, - должны послужить в доказательство царю и всем грузинам, сколь велико для них благополучие быть под щитом российского воинства".

Успехи русского оружия в Кахетии и Картли не сразу упрочили в Закавказье мир и безопасность, и грозные тучи уже снова собирались над Грузией. В августе стали доходить со всех сторон тревожные слухи о сборах на границах многочисленных врагов. В Ахалцихе собирались лезгины и турки; из Дагестана надвигался Омар-хан аварский; внутри волновались татарские дистанции, угрожая отложиться от Грузии. Лазутчики то и дело приносили тревожные известия, советуя грузинам спасать свои семейства и имущество. Опасаясь более всего

вторжения аварского хана, располагавшего, как говорили, пятнадцатитысячной армией, Ираклий считал свое положение безвыходным. Он уже не думал об обороне границ, а приказал всем жителям собраться в четыре главные пункта, которые только и намеревался отстаивать. Этими пунктами были: Тифлис, Гори, Телави и Сигнах. Бурнашев сосредоточил в Тифлисе оба батальона и держал их в готовности двинуть туда, куда обратится главный удар неприятеля.

Малочисленность войск, расположенных на Кавказской линии, препятствовала подать оттуда какую-нибудь помощь Грузии, а между тем положение ее крайне беспокоило Потемкина. С восстанием Чечни и Кабарды сообщения с ней были прерваны, и находившиеся в Тифлисе русские батальоны казались обреченными на жертву.

Наконец, после долгого ожидания, шестнадцатого сентября 1784 года в Тифлисе получено было известие о появлении аварского хана на Алазани. Бурнашев тотчас передвинулся с войсками в Сигнах и предлагал Ираклию немедленно атаковать лезгин на переправе их через реку. Но Ираклий не решился покинуть крепкую сигнахскую позицию. Тогда Омар-хан спокойно перешел Алазань и, не обращая внимания на грузинское войско, запершееся в крепости, стремительно пошел к Тифлису. Этот смелый маневр опрокинул все расчеты Ираклия, и ему пришлось форсированным маршем спешить на защиту столицы. Но едва Бурнашев подошел к авлабарскому мосту, как Омар переменил направление и кинулся вглубь Картли, неся с собой смерть и опустошение. Паника, вызванная им, была так велика, что грузинская конница не отважилась идти на разведки, а потому пришлось нанимать охотников за большую плату, чтобы добыть необходимые сведения. Эти охотники пробирались на горы, высматривали неприятеля издали, а потом, дождавшись ночи, возвращались к царю окольными путями. Понятно, что подобные люди могли доставлять только самые неверные сведения, и притом запоздалые, так как неприятель, пока они пробирались от вражеского лагеря к грузинскому, мог вдоль и поперек искрестить всю Грузию.

Наконец след неприятеля был найден. Аварский хан подошел к границам Имеретии и обложил Вахань,

замок князей Абашидзе, нашедших средство известить об этом Ираклия. Русские батальоны немедленно были двинуты по тому направлению, а вслед за ними с разных сторон потянулось и царское войско. Когда Бурнашев дошел до Сурама, Омар все еще стоял перед Ваханью. Не будучи в силах взять замок приступом, он дважды пытался взорвать его, но без успеха. Тогда он предложил князю Абашидзе вступить в переговоры, но едва последний прибыл в ханскую ставку, как был задержан и объявлен пленным. Вероломный поступок Омара не ослабил, однако же, энергии осажденных, которые продолжали защиту с прежним упорством. Русские войска были уже в одном переходе, когда Ираклий вдруг получил известие, что замок сдался. Оказалось, что храбрые защитники его принуждены были к тому видом жестоких мук, которым лезгины ежедневно на глазах гарнизона подвергали старого князя. Не желая видеть его мучений, ваханьцы отворили ворота и были наказаны за это самым жестоким образом: лезгины вырезали все население, а замок превратили в развалины. Падение Вахани так сильно поколебало решимость Ираклия, что план экспедиции расстроился, и он отдал приказ отступить. А лезгины, между тем, тоже оставили Картли и ушли, никем не преследуемые, оставив после себя страшные следы опустошения.

Вся Грузия лежала в развалинах и находилась в таком положении, в каком не была со времени разорения ее шах-Аббасом. Горесть царя усиливалась еще постоянными упреками царицы Дарьи, считавшей причиной новых бедствий Грузии вступление ее под покровительство России, которая, по ее мнению, никогда не могла оказать стране действенную помощь. Мнение царицы разделяли многие князья, и на Ираклия одного ложилась вся подавляющая тяжесть неблагоприятных обстоятельств.

Между тем, события второй турецкой войны сосредоточили все внимание России на берегах Дуная. Два батальона, оставленные в Грузии, не могли принести существенной пользы в случае нового вторжения неприятеля, а только сами легко могли пасть жертвой его. И так как усилить их решительно было нечем, то полковнику Бурнашеву приказано было оставить Тифлис и возвратиться на Линию. В

то же время и все устроенные Потемкиным укрепления по дороге в Грузию были уничтожены.

Первая попытка России прочно утвердиться в Грузии окончилась, таким образом, неудачей. Но она не могла быть ничем иным, как предвестием близкого подчинения России всего Закавказья, которое скоро и совершилось при императоре Павле. "Остается только сказать: слава Богу, - говорит Фадеев в своих "Письмах с Кавказа", - что занятие совершилось именно в царствование Павла. Если бы промедлили три или четыре года, - справедливо замечает он, - то в первой половине царствования Александра, в период непрерывных европейских войн, решавших участь более близких государственных интересов, нам было бы, конечно, уже не до Кавказа, а с 1815 года всякое посягательство с нашей стороны на этот край вызвало бы на свет кавказский вопрос в размерах вопроса уже европейского".

9-3000

IV

ПОСЛЕДНИЕ БЕДСТВИЯ ГРУЗИИ
(Ага Мохаммед-хан)

В длинном ряду несчастий, испытанных Грузией в ее тысячелетней истории, последним было нашествие персидского шаха аги Мохаммеда в 1795 году; за десять лет перед тем Грузия вступила под покровительство России, Персия, до того времени заправлявшая судьбами ее, была сама обуреваема междоусобными раздорами, начавшимися с самого момента смерти Надир-шаха и возобновившимися с новой силой после дружелюбного Грузии Керим-хана. Сильнейший из претендентов, ага Мохаммед-хан, уже известный России своим вероломным поступком с Войновичем, становится в девяностых годах единым повелителем Ирана, и первым его делом было вспомнить Грузию и ее отторжение из сферы влияния шахов.

Ага Мохаммед-хан был несомненно одним из замечательнейших восточных государей, но несомненно также, что он был страшный человек, уже самой своей судьбой приготовленный к человеконенавистничеству. Некогда дед его, хан гилянский, был убит Надир-шахом, а сам он превращен в евнуха и обречен вести жалкую жизнь при дворе персидских шахов. И уже там развивались в его сердце ненависть и мстительность. Не имея возможности открыто заявить вражду, он, будучи еще ребенком, носил при себе нож и пользовался всяким случаем резать во дворе богатые ковры и портить все, желая пока хоть этим

вредить ненавистному шаху. И когда впоследствии драгоценности эти перешли в его руки, он, глядя на них, часто говаривал: "Жаль, что я тогда делал это, глуп был, не умел предвидеть будущего".

Наружность его, как ее описывают грузинские сказания, отражала его злой и мрачный характер. Маленький ростом, сухощавый, со сморщенным и безбородым лицом евнуха, ага Мохаммед-хан казался извергом. Ненависть и кровавая злоба, сверкающие в глубоко впавших глазах, свидетельствовали о противоестественных страстях, кипевших в его поблекшей душе. Он превосходил жестокостью всех бывших властителей Персии, и слово пощады, милости или человеколюбия никогда не срывалось с уст этого властителя-евнуха. В то же время это был человек необыкновенного ума, железной энергии и всепоглощающей гордости.

Одолев всех своих соперников, ага Мохаммед-хан заботился не о том, чтобы самому утвердиться на престоле, а чтобы возвратить Персии все потери, понесенные ею во времена междоусобий; он дал обет до тех пор не принимать титула шаха, пока власть его не будет признана на всем пространстве обширного Ирана. И Грузии, которую шах, конечно, считал отложившейся своей провинцией, приходилось испытывать месть за сношения с русской державой. Личное неудовольствие шаха против Ираклия, осмелившегося разбить войска аги Мохаммеда, посланные взять Эривань, грозило еще увеличить бедствие. А Грузия, между тем, менее чем когда-либо была готова к защите. После торжественного вступления ее под покровительство России в 1783 году русские войска вскоре, по случаю турецкой войны, были отозваны, а в стране возникли раздоры. Ираклий был женат три раза, и дети от двух последних браков царя под влиянием интриг царицы Дарьи внесли смуту в страну, споря о наследстве и подготовляя шаху шансы на более легкий успех. Шах вступил в сопредельные Грузии магометанские ханства, требуя покорности, и большинство их не смело противиться грозному властителю Ирана. Только один владетель Карабага, хан Ибрагим, наотрез отказался принять послов шаха и, укрепившись в Шуше, приготовился к отчаянной обороне.

Высоко, до самых облаков, поднималась гранитная

шушинская крепость, построенная среди утесистых гор и скал, образующих между собой только узкий проход, который брать открытой силой было почти немыслимо. С вершины отвесной скалы, где стоял ханский дворец, открывались великолепные виды: к югу взор обнимал далекое пространство, через лесистые горы и знойные долины, вплоть до Аракса, извивавшегося серебристой лентой у темной цепи Карабага; к северу сверкали громады снежных гор, обозначая пределы благословенной Грузии. И хан и карабагцы, справедливо гордясь неприступностью этого места, смеялись над хвастовством аги Мохаммед-хана, сказавшего раз, что он нагайками своей кавалерии забросает шушинское ущелье.

Эпизод с карабагским ханом, однако, не надолго отсрочил кровавое нашествие. Ага Мохаммед-хан, видя невозможность овладеть непреступными твердынями Шуши, обошел ее стороной и двинулся прямо на Грузию. Ганжа и Эривань, составлявшие прямое достояние грузинского царя, стали под шахские знамена, и все, что встречалось на пути победоносных его войск, покорялось, а непокорное предавалось огню и мечу. Несмотря на то, Ираклий отверг все требования шаха и готовился к обороне.

Десятого сентября 1795 года ага Мохаммед-хан расположился лагерем в семи верстах от Тифлиса.

Авангард шаха, встреченный грузинами на Картсанисской равнине, был разбит наголову. Из Тифлиса полетели во все стороны гонцы с известием о победе. Народ ликовал, но радость была преждевременна, так как эта неудача передового отряда не помешала неприятелю на следующий же день идти на приступ к городу.

Будучи укреплен и имея на своих стенах до тридцати пяти орудий, Тифлис мог бы оказать персиянам серьезное сопротивление и, по крайней мере, отсрочить свое падение на некоторое время. Но внутренние смуты мешали необходимому в таких случаях единодушию: царевичи, враждовавшие с отцом, не слушали призыва царя и не спешили из своих уделов на помощь столице. А в городе между тем была вызвана паника неосторожностью царицы. При страшной вести о нашествии врагов народ сначала собрался перед дворцом и умолял царя не оставлять город на истребление персам, обещая биться до

последней капли крови, царь дал также обет умереть со своим народом, и поставлена была стража у всех ворот, чтобы никого не выпускать из города. Но царица по совету приближенных испросила позволение себе и десяти почетным семействам выехать из Тифлиса. Как только узнал о том народ, он подумал, что царь, спасая семейство, не надеется защитить столицу, и толпами бежал во все стороны, как можно дальше от театра военных действий. У Ираклия к началу обороны города не осталось и нескольких тысяч князей и тавадов.

Шах между тем думал, что Тифлис достанется ему недешево, и, чтобы заставить своих солдат непременно одержать победу, прибег к весьма оригинальному средству. Он постоянно водил за собой шесть тысяч конных туркмен, ненавидящих персиян и, в свою очередь, ненавидимых ими. Связанные религией, но разделенные обычаями, эти два народа всегда чистосердечно и открыто презирали друг друга. Ага Мохаммед-хан воспользовался этим обстоятельством и, поставив туркмен в тыл своего войска, приказал им бить и умерщвлять каждого персиянина, которому пришла бы охота бежать. Этот приказ, приятный для туркмен, исполняем был ими с величайшей точностью. И персияне, имея позади себя верную смерть, конечно, не думали об отступлении.

Авангард грузин под начальством царевича Ионна, державшийся в течение нескольких часов на позиции, потерял много убитыми и стал уже отступать, когда на подкрепление к нему явился царевич Вахтанг, вытребованный Ираклием с отборными войсками из Птавов и Хевсу. Тогда авангард возобновил сражение и, получив новую помощь, посланную царем, под начальством Мочабелова, сам перешел в наступление. Этот Мочабелов был в свое время известный поэт-импровизатор. Взяв свой чунгур, он пропел перед войсками несколько вдохновенных строф своей песни и кинулся вперед с такой стремительностью, что его отряд проник до самых персидских знамен, из которых многие и были взяты грузинами на глазах самого аги Мохаммед-хана. "Я не помню, - проговорил тогда властитель Ирана, - чтобы когда-нибудь враги мои сражались с таким мужеством". Он выдвинул вперед мазандеранскую пехоту, стоявшую до тех пор в резерве, и приказал ей идти на приступ. Ираклий, со

своей стороны, ввел в дело последние немногочисленные резервы, и большая часть из них погибла в этой отчаянной борьбе с несоразмерно многочисленным неприятелем.

Сражение продолжалось с утра до позднего вечера. Три раза персияне были отбрасываемы от стен Тифлиса и три раза возобновляли приступ, пока наконец не заставили грузин начать отступление.

- Каждый из твоих подданных, - говорили царю его окружающие, - знает твою храбрость и знает, что ты готов умереть за отечество, но если суровая судьба уже изменила нам, то не увеличивай своей гибелью торжества неприятеля.

Царь никого не слушал, а между тем персияне заходили в тыл и, занимая все дороги, ведущие в город, грозили отрезать отступление. Тогда Ираклий с немым отчаянием бросился в битву и, наверное, погиб бы, если бы внук не спас своего знаменитого деда. С тремястами конных грузин царевич Иоанн кинулся в толпу персиян и вырвал царя почти из рук неприятеля.

С удалением Ираклия битва не прекратилась. Царевич Давид долго еще удерживал персиян в кривых и тесных улицах предместья. Но когда он увидел, что неприятельские толпы занимают город, уже покинутый царем, тогда и последний грузинский отряд удалился к северу с намерением пробраться в горы, куда отступил Ираклий.

Ага Мохаммед-хан овладел Тифлисом, и войска его преследовали бежавших грузин до самого Мцхета, в котором персияне не оставили камня на камне; и только знаменитый собор, этот памятник древнего величия Грузии, пощажен был благодаря заступничеству нахичеванского хана. "Не следует осквернять святыни и гробы царей", - сказал он своему отряду; храм остался нетронутым.

Тифлис, между тем, с его дворцами и великолепными христианскими храмами, был обращен в груду развалин. Рассказывают, что ага Мохаммед-хан сначала пощадил так восторгавшие шах-Аббаса знаменитые тифлисские минеральные бани и даже купался в них, надеясь получить исцеление от своего недуга, но когда они оказались бессильными, он в гневе приказал разрушить и их до основания.

Жители Тифлиса подверглись неистовым жесто-

костям. Митрополит тифлисский заперся с духовенством в Сионском соборе, но персы выломали двери, сожгли иконостас, раскидали святыню, перебили священников и самого старца митрополита сбросили в Куру с виноградной террасы его собственного дома. Целых шесть дней, с одиннадцатого по семнадцатое сентября, персияне предавались в городе всевозможным неистовствам: насиловали женщин, резали пленных и убивали грудных младенцев, перерубая их пополам с одного размаха только для того, чтобы испытать остроту своих сабель. В общем разрушении не была пощажена и самая святыня. Персияне поставили на авлабарском мосту икону Иверской Богоматери и заставили грузин издеваться над ней, бросая ослушников в Куру, так что река скоро запрудилась трупами. Около двадцати трех тысяч грузин было уведено в рабство.

Историограф аги Мохаммед-хана говорит, что при разорении Тифлиса храброе персидское войско показало неверным грузинам образец того, чего они должны ожидать для себя в день судный.

Есть предание, что во время разорения Тифлиса пятьдесят жителей, не успевших бежать из города, отдались под защиту святого Давида, и на святой горе - быть может, даже в той самой пещере, где теперь стоит гробница Грибоедова - спаслись от смерти или плена. Персияне, разорявшие и грабившие город, по какому-то необъяснимому обстоятельству ни разу не всходили на гору, увенчанную старинным монастырем, долженствовавшим, как бы кажется, привлечь собой алчных грабителей. Очень может быть, что они опасались найти там скрытую засаду; но как бы то ни было, святая обитель укрыла и спасла всех тех, которые в ней искали спасения.

Рассказывают также, что при взятии Тифлиса агой Мохаммед-ханом погиб знаменитый сазандарь (певец) Грузии Саят-Нова. Сто лет тому назад в стенах старого Тифлиса имя Саят-Нова было славно повсюду, от царского дворца до сакли ремесленника. Это был бедный армянин, ткач по ремеслу и сазандарь по призванию; в юности - разгульный певец, в старости - отшельник и, наконец, в минуту смерти - христианин, с крестом в руках убитый врагами на пороге церкви. Спустившись на майдан (базарную площадь в Тифлисе), вы увидите из-за плоских

кровель синий конический купол армянской церкви, называемой Крепостной, потому что она помещалась когда-то внутри Тифлисской крепости. На дворе этой церкви, где теперь так часто собираются амкары для торговых сделок, в 1795 году зарыт окровавленный труп восьмидесятилетнего старца Саят-Нова. "Не ищите надгробного камня на его темной могиле, - говорит рассказчик этой легенды, - но знайте, что черты лица его и, быть может, звуки его голоса и до сих пор носятся, как смутный призрак давно протекшего, в памяти тех немногих тифлисских старожилов, для которых нашествие аги Мохаммед-хана еще не составляет предания". Когда Тифлис был взят, Саят-Нова молился в храме и, слыша приближение врагов, взял в руки крест и пошел к ним навстречу, желая остановить их на пороге. Два стиха, две звучных рифмы на татарском языке вылились из уст его:

Не отступлю от Иисуса,
Не выйду из церкви.

И это были последние слова его.

Между тем два русские батальона, высланные с Кавказской линии Гудовичем, поспешно двигались под командой полковника Сырахнева на помощь к Ираклию, и весть о том, что они перешли уже горы, заставила шаха отступить от Грузии на Муганскую степь. Но русский отряд не пошел дальше Душета и после окончания похода графа Зубова возвратился в Георгиевск.

Разгромив Грузинское царство, ага Мохаммед-хан возвратился в Персию. Придворные убеждали его возложить на себя корону Ирана. Шах приказал собрать всех военачальников армии, вышел к ним, держа корону в руках, и спросил, желают ли они, чтобы она украсила его голову. "Вспомните, - сказал он, - что вместе с этим ваши труды только начнутся. Я никогда не соглашусь носить эту корону, если с ней не будет сопряжено владычество, какое еще не имел ни один из персидских монархов". Все обещали посвятить свою жизнь распространению могущества шаха. Тогда ага Мохаммед короновался. Но он все-таки отказался надеть драгоценную корону Надир-шаха, на которой четыре алмазных пера (челенги) знаменовали собой четыре покоренные этим завоева-

телем царства: афганское, индийское, татарское и персидское. Он возложил на себя только маленькую диадему, украшенную перлами, и опоясался царским мечом, хранившимся на гробе мусульманского святого, родоначальника дома Софиев, в Ардебиле. Туда персидские государи обязаны отправляться за священным оружием; меч кладут в гробницу и целую ночь молят святого, чтобы он благоволил к монарху, который будет носить его меч. Наутро шах опоясывается им, ополчаясь на защиту шиитской веры.

Ага Мохаммед-хан немедленно после того предпринял поход на Хороссан, где ханствовал в то время Надыр-Мирза, правнук ненавистного для аги Мохаммеда Надир-шаха. Нужно сказать, что по смерти последнего многие драгоценности перешли в руки его родственников, и между прочим - к слепому отцу хороссанского хана. Ага Мохаммед потребовал возвращения этих драгоценностей, объявив государственным преступником всякого, кто будет держать у себя вещи, составлявшие, по его мнению, государственную собственность, и теперь, идя на Хороссан, он собирался наказать одного из ослушников, а шахской казне возвратить часть принадлежавших ей драгоценностей. Надыр-Мирза бежал, оставив престарелому и слепому отцу, шах-Року, сдать город повелителю Персии. Шах-Рок вышел навстречу с изъявлением покорности. Но здесь его ожидали страшные истязания - ага Мохаммед хотел узнать, где спрятаны сокровища. Шах-Рок умер под пыткой, указывая по мере усиления мучений все драгоценности, скрытые им в колодцах и в стенах. Когда же ему положили на голову венец из теста и в середину налили растопленный свинец, он указал и тот необыкновенной величины и красоты рубин, некогда бывший в короне, найти который особенно домогался шах. Затем ага Мохаммед приказал разрушить гробницу ненавистного ему Надир-шаха, окованную изнутри чистым золотом. Все найденные в ней богатства он взял в казну, а кости самого Надир-шаха приказал зарыть под крыльцом своего дворца в Тегеране. "Когда я попираю этот прах моими ногами, - говорил он, - раны моего сердца заметно облегчаются".

В Хороссане ага Мохаммед узнал о вторжении русских войск в пределы Персии. Императрица

Екатерина, возмущенная и бедствиями Грузии, и самой личностью шаха, отправила войска под предводительством графа Зубова, который успел завоевать Дербент, Шемаху, Баку, Сальяны и Ганжу. К сожалению, смерть императрицы оставила неоконченным так блистательно начатое дело.

Шах прекрасно понимал, какого врага имеет он в Русской империи, и ввиду предстоявшей борьбы принял план, который обещал ему наибольший успех. Собрав, как рассказывают, своих военачальников и объявив им, что русские осмелились вторгнуться в пределы его государства, он говорил: "Храбрые воины мои пойдут против них; мы нападем на стены, сгроможденные из пушек, на строи славной пехоты - и разрубим их на части нашими победоносными мечами".

Начальники одобрили геройскую решимость шаха и обещали не жалеть своей крови. Но когда они разъехались, шах призвал первого министра и спросил, слышал ли он слова, сказанные им войсковым начальникам. Министр ответил, что слышал.

- И ты думаешь, что я поступлю, как говорил?

- Без сомнения, если это угодно будет повелителю.

- Хаджи, - сказал тогда гневно ага Мохаммед, - неужели я ошибся? Неужели и ты так же глуп, как и прочие? Такой умный человек, как ты, мог ли подумать, что я подставлю свою голову под их железные стены и допущу истребить мою неправильную армию их артиллерией и благоустроенными войсками? Я знаю лучше мое дело. Никогда русские пули меня не достигнут, и русские могут владеть только тем, что будет находиться под огнем их артиллерии. Им некогда будет дремать, и они могут идти куда пожелают, но я везде оставлю им одну пустыню.

Шаху не пришлось, однако, применить свой план: русские войска ушли. Внезапное отступление их несказанно обрадовало агу Мохаммеда, и он тотчас же отправил в Грузию фирман, "которому должна повиноваться вселенная".

"Россияне, - писал он, - всегда промышляли торгом и купечеством, продавали сукна и кармазин, но никто и никогда не видал, чтобы они могли употреблять копье или саблю. Так как они отважились ныне войти в пределы областей, состоящих под нашей державой, то мы высочайшие мысли наши устремили в ту

сторону и обратили счастливейшие знамена наши на то, чтобы их, наказав, истребить. Они же, узнав о таковом нашем намерении, бежали в свою гнусную землю".

Мстительный шах не думал оставить безнаказанным вторжение русских, и в 1797 году вся Грузия была снова встревожена известием о движении к ее пределам аги Мохаммеда. К счастью, гроза разразилась только над одним Карабагом. Грозный властитель Персии не мог забыть оскорбления, нанесенного его достоинству ничтожным ханом шушинским, который осмелился не признать его власти, и многочисленное персидское войско прежде всего появилось на Араксе и начало разорять карабагскую землю. Ибрагим, хан шушинский, оставив свои владения, со всем семейством и несколькими беками бежал. Две тысячи всадников, под начальством лучших военачальников, были посланы в погоню за Ибрагимом; они настигли его на переправе через реку Тертер, но хан, после упорного дела, разбил персиян и успел скрыться в горах.

Тогда ага Мохаммед занял без боя столицу Карабага, Шушу, и поселился в прекрасном ханском дворце в одной небольшой комнатке, недоступной для постороннего взора. Угрюма была эта комната шаха, без всякого убранства и мебели. Лишь на полу разостлан был богатый ковер, чтобы предохранять ногу властелина от жесткого прикосновения к каменным плитам, да у стены стояла знаменитая в то время походная кровать, служившая шаху и постелью, и троном. Густо усеянная жемчугом и драгоценными каменьями, ткань покрывала кровать вплоть до пола, а посередине дорогого одеяла было оставлено незашитое поле из пурпурного бархата, обозначавшее место шахского сиденья. Тут обыкновенно восседал шах с поджатыми под себя ногами, одетый в широкую шубу, крытую богатой шалью красного цвета.

Перед дворцом толпились персияне, а на площади стояла бивуаком шахская гвардия. Все было тихо, все боялось нарушить спокойствие повелителя и потревожить его чуткое ухо. Между тем Шуше суждено было сделаться местом гибели жестокого шаха. Вот как передают об этом местные предания.

Был уже восьмой день со времении занятия

Шушинской крепости. Вечером, когда ага Мохаммед молился, в комнату его вошел Садых-хан, начальник всей персидской кавалерии, и молча встал у порога. Шах прервал молитву, лицо его было зловеще.

- Как ты осмелился, раб, явиться передо мной незванный! - спросил он Садыха.

- Недостойный раб твой исполняет волю своего повелителя, переданную мне устами Сафар-Али, - ответил тот и низко поклонился.

Шах позвал Сафара.

- Когда я тебе приказывал звать Садых-хана?

- С полчаса тому назад.

- Лжешь, собака! - вскричал ага Мохаммед и направил дуло пистолета прямо в грудь своего нукера, но тотчас же опустил его...

- Не дерзнет червь ничтожный лгать перед Богом небесным и перед солнцем его земным! Может быть, злой дух обманул мое ухо, и я не понял приказания моего повелителя.

- Если уши твои не умеют слушать, так они мне не нужны... Ступай! Пусть их отрежут!

Над Сафар-Али немедленно исполнили приговор.

Наступила ночь. В комнате шаха слабо мерцала серебряная лампада. Он лежал на кровати и не спал. Вдруг ему показалось, будто слышатся шепот и тихие рыдания. Тревожно он окликнул своих нукеров. Вошли двое: Сафар-Али, с головой, обвязанной окровавленными платками, и Аббас-бек, оба испуганные, бледные.

- Ты смеешь плакать, как женщина, - сказал шах Сафару, - когда тебе должно радоваться великой милости, даровавшей тебе жизнь! А ты, Аббас, осмелился разговаривать около спальни и мешать моему сну!.. Вы оба лишние на земле, и с восходом солнца падут ваши головы. Есть еще несколько негодяев, подобных вам. Завтра я наряжу страшный суд над всеми, и из черепов ваших сооружу минарет, выше Шамхорского. Слышали? Ступайте!

Была ночь на пятницу, обыкновенно посвящаемая молитве, и шах по необходимости должен был отложить исполнение приговора до утра. Уснул он, но не спали нукера, знавшие, что приговор шаха бесповоротен. Непонятно, каким образом приговоренные к неизбежной смерти служители остались на ночь при шахе, и слух о повреждении рассудка его, быть

может, и имеет некоторые основания. Нукерам приходилось или покорно ожидать казни, или порешить с шахом, и они решились на последнее. Вооруженные кинжалами, они тихо вошли в коридор и остановились перед шелковым занавесом, закрывавшим вход в шахскую опочивальню. Глубокая тишина свидетельствовала о крепком сне повелителя. Осторожно и без шума вошли двое убийц и стали у кровати. Блеснул кинжал и глубоко вонзился в грудь спящего шаха.

Он приподнялся, остановил на убийцах угасающий взор и произнес: "Несчастный! Ты убил Иран!" - и голова его безжизненно упала на подушку.

Убийцы вынули драгоценные камни из короны шаха и бежали в Нуху, под покровительство шекинского хана; отсюда и возникло не лишенное вероятия предположение, что преступление совершилось вследствие подкупа хана - их покровителя. Когда весть о смерти шаха распространилась в лагере, приближенные его уже успели расхитить шахские сокровища, и войска, докончив дело грабежа, в беспорядке оставили Карабаг и ушли в Персию.

Голова аги Мохаммеда была отрезана и отправлена к карабагскому хану Ибрагиму, который со всеми подобающими почестями похоронил ее в Джарах. Обезглавленное же тело шаха отправлено им в Тегеран, где и погребено среди властителей Персии.

Так совершилась судьба аги Мохаммеда.

Со смертью его связана история гибели знаменитого карабагского поэта, Вакафа, жившего в Шуше во время нашествия. Не успев бежать вместе с Ибрагимом, он был захвачен неприятелем и попал в руки кровавого врага своего, аги Мохаммеда.

Рассказывают, что еще во время первого нашествия на Шушу ага Мохаммед приказал пустить в карабагский стан стрелу, к которой был прикреплен лоскут бумаги со следующими стихами: "Из небесной камнеметательной машины бросаются бедоносные камни, а ты по глупости защищаешься от них в стеклянной крепости..."

Стрела от Ибрагим-хана принесла ему такой ответ: "Если Тот, в Кого я верую, мой Хранитель, то Он сохранит и стекло под мышцей камня". Ага Мохаммед спросил, кто автор этих стихов, и ему назвали Вакафа; он поклялся убить его, как только Шуша будет взята.

Теперь несчастного поэта вместе с другим карабагцем везли на грозную расплату. Но поэт был спокоен. В каком-то предвидении будущего он обратился к товарищу своего несчастья и сказал: "Друг мой, предсказываю тебе, что я никогда не увижу аги Мохаммеда и ничего дурного от него не перенесу; за тебя же ручаюсь".

Вечером их привезли в Шушу, и шах приказал немедленно казнить карабагца, а Вакафа посадить в тюрьму, чтобы наутро предать мучительнейшей смерти. Но в эту самую ночь он пал под ножом Сафар-Али - и Вакаф получил свободу.

Но беда грозила поэту там, где он ее не предвидел. Воспользовавшись отсутствием законного хана, племянник Ибрагима, Мухаммед-бек, задумал овладеть Карабагом. Вакаф был из числа немногих, не согласившихся изменить старому хану, и был казнен вместе с сыном. За воротами Шушинской крепости, на высоком холме, где совершались народные празднества, и поныне еще указывают их общую могилу.

Ага Мохаммед погиб. А в следующем, 1798 году, одиннадцатого января, умер и Ираклий, вынеся в глубокой старости тягчайшие испытания.

Существует трогательный рассказ о пребывании царя в полуразрушенном старинном Ананурском монастыре, когда разбитый и всеми покинутый, он должен был искать в нем убежища. "В ветхой келье, стоявшей в углу монастырской ограды, - говорит этот рассказ, - можно было видеть старика, сидевшего лицом к стене и покрытого простым овчинным тулупом. Это был царь Грузии Ираклий II - некогда гроза всего Закавказья. Подле него находился старый слуга-армянин.

- Кто там сидит в углу? - спрашивали проходившие люди.

- Тот, которого ты видишь, - со вздохом отвечал армянин, - был некогда в большой славе, и имя его уважалось во всей Азии. Он был лучшим правителем своего народа, но старость лишила его сил и положила всему конец и преграду. Чтобы отвратить раздоры и междоусобия в семействе, могущие последовать после его смерти, он думал сделать последнее добро своему народу и разделил свое царство между сыновьями. Несчастный Ираклий

ошибся. Ага Мохаммед, бывший евнухом Кули-хана, Надир-шаха в то время, когда Ираклий носил звание военачальника Персии, пришел теперь победить его немощную старость. Собственные дети отказались ему помочь и спасти отечество, потому что их было много и всякий из них думал, что будет стараться не для себя, а для другого. Царь Грузии принужден был прибегнуть за помощью к царю Имеретии, но если ты был в Тифлисе, то видел весь позор, какой представляло там имеретинское войско. Ираклий с горстью людей сражался против ста тысяч и лишился престола оттого, что был оставлен без жалости своими детьми. И кому же на жертву? Евнуху, человеку, который прежде раболепствовал перед ним. Померкла долголетняя слава его, столица обращена в развалины, а благоденствие народа - в погибель. Вот под этой стеной видишь ты укрывающегося от всех людей славного царя Грузии без помощи и покрытого только овчиной. Царедворцы и все находившиеся при нем ближние его, которых он покоил и питал на лоне своем во всем изобилии, оставили его; ни один из них не последовал за своим владыкой, кроме меня, самого последнего его армянина.

Грустная повесть Ираклия невольно вызывает в вас представление мрачной эпохи, в которой величавый гений Шекспира нашел величественный образ другого короля-страдальца, несчастного Лира, также разделившего свое царство и также испытавшего всю неблагодарность тех, кто всем был обязан ему. Но Шекспир - великий летописец навсегда минувших средних веков, а на Кавказе это совершалось почти на наших глазах.

По удалении аги Мохаммеда Ираклий возвратился в Телави, служивший ему любимым местопребыванием после Тифлиса. С Телави соединялись лучшие воспоминания всей его жизни. Там, будучи еще царственным юношей, он приобрел себе военную славу покорением лезгин, Ганжи и Эривани, и долго после того всему Закавказью было известно, что этот бедный Телави - резиденция грозного царя Кахетии, которому суждено было впоследствии соединить под своей властью целую Грузию. И вот прошли пятьдесят два года царствования Ираклия, и он опять возвращается в тот же Телави, но только для того, чтобы покончить здесь остаток своих дней, когда

звезда его угасла, и он, удрученный годами и горем, не имел сил смотреть на пепелище Тифлиса.

Грустно протекли последние дни престарелого венценосца. Лишенный наружного величия и блеска, он умер среди народного плача, стоявшего тогда над целой Грузией, еще не успевшей оправиться от вторжения в нее аги Мохаммеда.

В старинном, некогда столичном городе Мцхете, в соборе Двенадцати апостолов, как раз напротив царских дверей, лежит и поныне простая мраморная плита, указывающая место, где успокоились кости царственного труженика. Отчетливо сохранившаяся надпись на камне гласит: "Здесь покоится царь Ираклий, родившийся в 1716 году, который взошел на престол кахетинский в 1744, на картлийский - в 1762 и который скончался в 1798 году. Дабы передать потомству память о сем государе, царствовавшем со славой в течение пятидесяти четырех лет, именем Его Императорского Величества Александра I, главнокомандующий в Грузии Маркиз Паулуччи соорудил ему сей памятник в 1812 году."

Грузинский народ помнит своего венценосного страдальца, представляя его себе героем, лишь в силу исторических обстоятельств поставленного лицом к лицу с бедствиями войны и поражения. Одна из народных грузинских песен, отражающая народную любовь к нему, говорит: "Пусть не страшит тебя старость, подними твой меч, грянем на врагов и обратим их в бегство. Но если Бог попустит неверных разорить твою добрую столицу, иди к нам и знай, что мы, горцы, постоим за тебя; тушины, пшавы и хевсуры положат головы за тебя, послужим тебе до конца. Посмотрим, кто будет после тебя Ираклием!"

V

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД ЗУБОВА

В 1796 году в Кизляре формировался сильный русский корпус из двух пехотных и двух кавалерийских бригад, в котором частями, по личному назначению императрицы, командовали все до одного прославившиеся впоследствии орлы екатерининских дружин генерал-майоры: князь Цицианов, Булгаков, Римский-Корсаков, барон Бенигсен, граф Апраксин и Матвей Иванович Платов, главнокомандующим же был генерал-поручик граф Валериан Александрович Зубов. Готовился большой поход на Персию - в этот "Лес львов", как его называют персидские историки, уже давно ожидавший возмездия за свое вековое вероломство. Разгром в 1795 году ага Мохаммедом Грузии, стоявшей уже тогда под покровительством России, был прямым оскорблением достоинства великой державы, прямым вызовом, и война была решена.

Говорят впрочем, что поход этот находился в тесной связи со знаменитым греческим проектом, обновленным редакцией графа Платона Зубова. Проект заключался в том, что граф Валериан Александрович, покончив с Персией у себя в тылу, должен был захватить в свои руки Анатолию и угрожать Константинополю с малоазиатских берегов, в то время как Суворов пойдет через Балканы и Адрианополь, а сама Екатерина, находясь лично на флоте с Платоном Зубовым, осадит турецкую столицу с моря.

Главнокомандующему графу Зубову было в это время только двадцать четыре года. Быстрым возвышением он был, конечно, обязан прежде всего брату своему, князю Платону Александровичу, вельможе екатерининского века, но несомненно также, что он оправдал вполне доверие императрицы и личным мужеством, запечатленным тяжелой раной, и государственными заслугами, оказанными им в блистательно исполненном персидском походе. Недостатки, общие для молодых людей прошлого века, уравновешивались в нем такими симпатичными качествами, которые делали его любимцем русского войска - солдаты боготворили своего юного вождя и шли за ним в огонь и в воду.

Карьера молодого Зубова была весьма замечательна. Произведенный в офицеры в 1785 году, он через четыре года уже был подполковником и в этом чине участвовал в турецкой войне, под главным начальством Потемкина; за взятие Бендер императрица пожаловала ему чин полковника и звание флигель-адъютанта; штурм Измаила доставил ему крест св.Георгия 4-ой степени, а вскоре после того, произведенный в генералы и награжденный Александровской лентой, он был отправлен вместе с Суворовым в Польшу. Здесь он участвовал во всех победах знаменитого полководца и на двадцать третьем году от рождения получил от императрицы драгоценную соболью шубу, чин генерал-поручика и ордена св.Георгия на шею и св. Андрея Первозванного. В одном из сражений в Польше, именно - при переправе через Буг, верстах в двадцати от Варшавы, неприятельское ядро оторвало Зубову ногу. Он должен был ехать лечиться за границу и возвратился назад с искусственной ногой, так хорошо сделанной, что он мог ездить верхом и оставаться на коне по суткам. Впоследствии персияне и горцы прозвали его Кизил-Аяг, то есть "генерал с золотой ногой". Зубов прибыл в Кизляр в начале апреля и, найдя войска совершенно готовыми к походу, двинул их в Дагестан по следам передового отряда Савельева. Старый Савельев - известный на Кавказе геройской обороной Наурской станицы - вошел во владения Шейх-Али-хана дербентского и тотчас предложил ему заключить оборонительный и наступательный союз против Персии. Но юный восемнадцатилетний хан оставил

письмо без ответа, а приближавшийся к городу русский отряд встретил пушечными выстрелами.

Савельев стал на позиции под самыми стенами Дербента, однако на приступ не отважился, зная, что в городе сосредоточено до десяти тысяч войска, а так как продолжительное бездействие русского отряда могло в значительной степени поднять дух неприятеля, то Зубов предписал Савельеву отойти от города и ожидать главный корпус где-нибудь на крепкой позиции. Второго мая главнокомандующий подошел к Дербенту уже со всеми войсками. Верстах в четырех от города казаки его были встречены огнем дербентских наездников и пешими стрелками, засевшими по горам и оврагам. После перестрелки, продолжавшейся более трех часов, неприятель был оттеснен и заперся в крепость, а русские войска обложили город и открыли по нему канонаду.

Действие тогдашней полевой артиллерии против каменных стен оказалось, однако же, малодейственным, и потому главнокомандующий, чтобы выиграть время, приказал батальону Воронежского полка вместе с двумя гренадерскими ротами из отряда Савельева взять штурмом передовую башню. Несмотря на отчаянную храбрость солдат, штурм был отбит. Командир батальона полковник Кривцов и почти все офицеры были переранены; нижних чинов выбыло из строя более ста человек, и генерал Римский-Корсаков вынужден был отступить на прежнюю позицию.

Третьего мая началось усиленное бомбардирование города. Пять дней гремели наши орудия, а между тем войска готовились к вторичному штурму, который должен был повести генерал Булгаков.

На этот раз в составе штурмовой колонны назначены были те же две гренадерские роты Воронежского полка и третий батальон Кавказского егерского корпуса. Седьмого мая граф Зубов лично объехал отряд и объявил, что "башню надо взять непременно", что "штурм произойдет на глазах всего Дербента, и неудача может повлечь за собой торжество персиян, которые издревле привыкли трепетать перед русским именем". Потом он стал на высоком кургане, откуда мог видеть все подробности боя, и приказал идти в наступление.

Воодушевленные присутствием любимого вождя,

воронежцы, не отвечая на огонь неприятеля, быстро приблизились к башне, а через несколько минут поручик Чекрышев уже был на ее стенах, и закипела кровавая битва. Защитники верхнего яруса были все переколоты; тогда нападающие живо разобрали половицы и вместе с досками и балками обрушились в нижний этаж на головы врагов, которых и истребили штыками.

Пока гренадеры бились внутри башни, батальон егерей, стремительно атаковав наружную ограду, выгнал из нее персиян, и таким образом около полудня все передовые укрепления были окончательно взяты. Это дозволило русским войскам в тот же день спуститься вниз с каменных высот и заложить траншеи на весьма близком расстоянии от города. Новое двухдневное жестокое бомбардирование поколебало наконец упорный дух защитников Дербента; десятого мая на крепостной стене был выкинут белый флаг, а вслед за тем и гордый Шейх-Али-хан явился в русский лагерь в униженном виде, с повешенной на шее саблей. Жители просили пощады и, бросая оружие, толпами выходили навстречу русским войскам. При появлении главнокомандующего вся масса народа покорно и безмолвно стала на колени. Седой стодвадцатилетний старец приветствовал победителя короткой речью и поднес ему на блюде серебряные ключи от города. Это был тот самый старик, который за семьдесят четыре года перед этим поднес те же ключи и на том же самом месте императору Петру Великому.

Взятие Дербента стоило русским одиннадцати офицеров и ста семи нижних чинов, а взято было в крепости двадцать восемь орудий, пять знамен и одиннадцать тысяч разного оружия. В тот же день комендантом Дербентской крепости назначен был генерал-майор Савельев, и четыре батальона вступили в цитадель с распущенными знаменами, музыкой и барабанным боем. Но торжественный въезд Зубова был отложен на несколько дней, необходимых для приведения города в порядок. Тринадцатого мая главнокомандующий, сопровождаемый большим эскортом, наконец выехал из лагеря по направлению к городу, и с крепостной стены загремели в честь его русские пушки. Почтеннейшие беки и старшины Дербента встретили его у ворот и приветствовали

хлебом и солью. Тут же стояло армянское духовенство и собраны были муллы для приведения жителей к присяге русской императрице. Окруженный блестящей свитой, граф Зубов проехал через город, богато украшенный персидскими коврами и флагами, прямо к ставке Савельева, где была поставлена походная церковь, и здесь, в стенах завоеванного города, отслужен был благодарственный молебен за дарованную нам победу, а затем Дербент торжественно объявлен присоединенным к Российской империи.

Лишенный владения, Шейх-Али-хан остался в русском лагере почетным пленником. Он пользовался, однако же, слишком большой свободой, и на его сношения с туземцами никто не обращал внимания. А между тем, под личиной чистосердечной преданности русским, Шейх-Али деятельно готовил все способы к побегу. Однажды, восхищая всех лихой джигитовкой, он вдруг поскакал на крутую гору, где виднелись какие-то конные люди, и джигитовка обратилась в настоящее бегство. Напрасно дежурный офицер тотчас же послал в погоню казаков, они не попали на след, и хан исчез, можно сказать, на глазах целой армии. Побегу этому сначала не придали большого значения, но вскоре Шейх-Али явился в Дагестан и, как увидим, наделал много хлопот не только Зубову, но и его преемникам.

За покорение Дербента императрица пожаловала Зубову Георгия 2-ой степени, бриллиантовое перо на шапку и алмазные знаки ордена св. Андрея Первозванного; все генералы, участвовавшие в этой экспедиции, получили Анненские ленты, а поручик Чекрышев, как первый вошедший на башню, награжден орденом св.Георгия 4-ой степени.

Молва о падении Дербента быстро распространилась по всему Дагестану, и горские владельцы, наперекор друг перед другом, спешили в лагерь с изъявлениями покорности.

Почти одновременно со взятием Дербента особый отряд генерал-майора Рахманова занял Баку, а генерал Булгаков овладел Кубинским ханством. Между тем главные силы, простояв под стенами Дербента около двух недель, также двинулись дальше и покорили Шемаху, владетель которой, Мустафа-хан ширванский, впоследствии оказавший русским истинные услуги, теперь бежал к персиянам.

Зубов восстановил спокойствие в городе, а ханство передал в управление родному дяде хана, Кассиму, выражавшему русским совершенную преданность и, конечно, не преминувшему взбунтоваться при первой же возможности.

Нужно сказать, что измена давно уже свила себе гнездо в самом русском лагере. Брат шаха, Нури-Али-хан, владетель одной из богатейших прикаспийских провинций, боясь мести аги Мохаммеда за то, что не хотел уступить ему жеребца, купленного за четыре тысячи червонцев, за год перед тем бежал в Петербург и просил о заступничестве. Когда граф Зубов прибыл в Кизляр в качестве главнокомандующего, с ним вместе приехал и Нури, рассчитывавший в случае успеха русских сесть на персидском престоле. Ему оказывались в русском лагере всевозможные почести: он имел особую свиту, простиравшуюся до ста человек персиян, и получал значительное содержание от русского правительства; кроме того, Зубов подарил ему все драгоценности, оставленные в лагере дербентским ханом. Богатства и почести не сделали, однако же, Нури лучше и благороднее; как истый персиянин, он не имел никакого понятия о нравственном благородстве и был всегда готов на самую коварную измену.

В это время шекинский и карабагский ханы, устрашенные участью Ширванской области, заключили тайный договор действовать сообща в борьбе с русскими, а к ним скоро присоединился и старый Кассим-хан. Нури, подкупленный, как говорят, красотой дочери карабагского хана, славившейся тогда в Закавказье, принял участие в заговоре, взял на себя обязанность убить графа Зубова. Уже был назначен день, в который Нури должен был проникнуть в ставку главнокомандующего и, пользуясь тем, что Зубов никогда не держал около себя никаких охранных караулов, собственной рукой поразить его кинжалом. Смерть юного полководца должна была послужить сигналом к общему нападению на лагерь и доставить ханам победу, а Нури - обладание первейшей карабагской красавицей.

Счастливый случай открыл этот страшный заговор. Утром того дня, когда Зубов должен был погибнуть, Нури, джигитовавший на своем любимом коне, обронил с головы папаху, из которой выпала записка.

Ее нашел казак и немедленно представил главнокомандующему. То было письмо одного из заговорщиков. Нури тотчас арестовали и отправили в Астрахань, а русские войска немедленно заняли Шекинское и Карабагское ханства. Зубов не находил прямых улик к обвинению ханов в заговоре, а потому и сохранил за ними власть и звание правителей, однако же заставил их дать аманатов и присягнуть на подданство России.

Едва рассеялась собиравшаяся гроза над главным станом, как черные тучи стали подниматься на русских со стороны Дагестана. Бежавший туда Шейх-Али-хан успел взволновать умы легковерных горцев и, заключив союз с Сурхай-ханом кизикумыкским, решился внезапно напасть на город Кубу и истребить отряд генерала Булгакова.

В ночь на двадцать девятое сентября значительное скопище горцев скрытно передвинулось с этой целью с Самура в селение Алпаны и захватило вход в узкое ущелье, по которому только и можно было спуститься с гор на равнину Кубинского ханства. Булгаков вовремя узнал о грозящей опасности. Рота егерей, отправленная на разведку, под командой капитана Семенова, открыла неприятеля в Алпанском ущелье и остановилась в ожидании помощи. Скоро к ней подошел подполковник Бакунин с тремя ротами того же батальона, с казачьей сотней и двумя орудиями. Ущелье, перед которым стоял русский отряд, было сплошь покрыто дремучим чинаровым лесом. Несмотря на то, Бакунин решился идти вперед, чтобы перед рассветом атаковать неприятеля. Офицеры одобрили это намерение, и в темную непроглядную ночь батальон втянулся в лесное дефиле, которое через несколько часов должно было стать его могилой. Дорога шла по каким-то косогорам, ямам и рытвинам, а во многих местах совершенно пересекалась непроходимыми дебрями. Измученные лошади едва подвигали орудия, и людям приходилось тащить их на себе, задерживая движение отряда.

Начинался рассвет, когда показалось наконец селение Алпаны, расположенное на покатости горы, очерченной глубоким оврагом. Дорога становилась лучше. Но едва отряд стал выходить из леса, как горцы в числе пятнадцати тысяч вдруг ринулись на него из оврага. Атака была неожиданна и так

стремительна, что русские орудия не успели сделать ни одного выстрела, как уже были захвачены горцами. Неприятель окружил отряд со всех сторон, и началось беспощадное истребление его. Бакунин, Семенов и большинство офицеров были убиты; остатки, уцелевшие от этой резни, успели скрыться за сложенными бревнами и здесь отбивались до тех пор, пока не пришел к ним на помощь весь Угличский пехотный полк с четырьмя орудиями, под командой полковника Стоянова. Увлеченные боем, горцы заметили новый русский отряд только тогда, когда картечь хватила в самую середину их скопища. Застигнутые врасплох, они, в свою очередь, были окружены и разбиты наголову. Булгаков, не довольствуясь этим, приказал наказать казикумыкского хана полным опустошением его владений, и войска со всех сторон уже двинулись в горы, когда Сурхай явился в лагерь с повинной головой и отклонил грозу безусловным исполнением всех предписанных ему условий. Он выгнал из своих владений Шейх-Али-хана, дал аманатов и со всем народом присягнул на подданство русской государыне.

Истребление отряда Бакунина было, однако, признано победой, и Тегеран, по приказанию аги Мохаммеда, торжествовал ее иллюминацией.

Все эти происшествия задержали главный русский корпус в Шемахе почти на шесть недель. Только по усмирении Дагестана Зубов нашел возможность отправить наконец трехтысячный отряд, под командой генерала Корсакова, вверх по Куре на помощь к грузинскому царю Ираклию, поручив ему вместе с тем покорить по пути Ганжийское ханство.

Корсаков подошел к Ганже тринадцатого декабря и встречен был ханом, который сдался без сопротивления. То был Джават-хан, участник тифлисского погрома, впоследствии знаменитый отчаянной защитой против князя Цицианова.

Одновременно с движением Корсакова к Ганже и главные русские силы перешли к урочищу Джеват, лежавшему при самом слиянии рек Куры и Аракса. Здесь граф Зубов решил заложить укрепленный город, который он хотел назвать Екатериносердом, а в ожидании этого войска стояли бивуаком, занимая обширную, примыкавшую к левому берегу Куры равнину, за которой уже начиналась Муганская степь. Вся иррегулярная кавалерия, под начальством

Платова, была переброшена на ту сторону речки и высылала разъезды почти до самого Гиляна, но неприятеля нигде не было видно. Шах был в походах, и русским оставалась полная свобода распоряжаться в сопредельных с Персией мусульманских ханствах. Так, в короткое время были покорены России ханства: Казикумыкское, Дербентское, Бакинское, Кубинское, Ширванское, Карабагское, Шекинское и Ганжийское, и весь берег Каспийского моря, от устьев Терека до устьев Куры, был занят русскими войсками, расположившимися также и в Муганской степи. Весь Азербайджан лежал перед ними незащищенный; дорога к Тегерану была открыта, и передовые русские посты уже появлялись в Гиляне.

Война была выиграна. Оставалось только воспользоваться ее результатами - утвердить за собой обширные приобретения, доставшиеся нам почти без пролития крови. Императрица, очевидно, и имела это в виду, пожаловав Зубову чин генерал-аншефа и назначив его наместником Кавказского края вместо генерала Гудовича, но вдруг шестого ноября она скончалась, и дела сразу приняли другой оборот.

Император Павел Петрович, как известно, не разделял политических видов своей великой матери, и с ее кончиной политическая программа России резко и крупно меняется. Война, начатая с Персией, также не входила в виды нового императора, а потому в начале декабря 1796 года все полковые командиры внезапно получили именные высочайшие указы немедленно возвратиться со вверенными им полками в наши границы. Шестого декабря наместник Кавказа граф Зубов собрал к себе всех частных начальников и, объявив им высочайшую волю, сложил с себя звание главнокомандующего. Кавказскую линию он сдал по-прежнему графу Гудовичу - теперь любимцу нового государя, а сам был уволен в отставку. Ермолов, бывший в этой экспедиции батарейным командиром, вспоминая о знаменитом отступлении, рисует перед нами картину далеко не привлекательного свойства. Полки, по его словам, возвращались поодиночке, каждый сам по себе, и выходили на Терек, где их ожидал своенравный Гудович, пылавший гневом за то, что не ему вверено было начальство над экспедиционным корпусом. Избегая с ним встречи, многие, и в том числе сам Ермолов,

пробрались степью на Астрахань. В Грузии остался только небольшой отряд генерала Римского-Корсакова, зимовавший в Ганже, но и тот в начале 1797 года воротился на линию, пройдя окольным путем через Дарьяльское ущелье. Так закончился персидский поход, начатый блистательным успехом и окончившийся возвращением персидскому шаху всех покоренных земель.

Персидский историк так описывает это событие: "Монархиня, - говорит он, - назначила главнокомандующим посылаемого ею войска военачальника, у которого одна нога была оторвана ядром, а вместо нее сделана золотая, почему его и прозвали Кизыл-Аяг, то есть Золотоногий. Ему поручено было в командование сорок тысяч пехоты и двадцать тысяч конницы с несметной артиллерией. По прибытии к Дербенту он хотел овладеть им, разгромив ядрами его стены. Но так как стены были прочнее, шире и толще скалы, то ядра не произвели в них ни малейшего вреда. При этом Шейх-Али-хан дербентский множество людей покрыл кровью (то есть убил), но ему изменил некто Хазар-бек, и русские взяли город. Кизыл-Аяг явился в Муганской степи. Шах, узнав об этом, поспешил к Ардебилю с бесчисленной армией, покрывшей все горы и долины, и с таким торжеством выступил против врага, что Кизыл-Аяг потерял всякую надежду к спасению. А потому, видя себя подобно воробью в когтях ястреба или ягненка в объятиях волка, он совершенно потерялся, не зная, что предпринять. Вдруг пришло известие, что Солнцешапочная (Хуршид-Кулаг) монархиня скончалась. Пользуясь этим случаем, Кизыл-Аяг поспешил в Россию, бросив на произвол судьбы весь обоз, который сделался добычей шахских войск - милость великого и всемогущего Аллаха!"

Несчастная Грузия опять была предоставлена ее собственной участи, и только смерть аги Мохаммеда избавила ее от нового страшного нашествия.

А виновник персидских побед, граф Зубов, отставленный от службы, жил некоторое время под присмотром полиции в своих имениях в Курляндии. Впоследствии, в 1800 году, он снова был принят на службу в чине генерала от инфантерии и назначен сперва директором второго кадетского корпуса, а потом членом Государственного Совета. В этом звании

граф и умер двадцать первого июня 1804 года на тридцать четвертом году от рождения. Прах графа Валериана Александровича покоится в Сергиевской пустыни, близ Петергофа. Над его могилой впоследствии воздвигли каменную церковь во имя мученика Валериана, а при ней устроили особое помещение для тридцати солдат-инвалидов.

VI

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИИ
(Кнорринг и Лазарев)

По смерти Ираклия II Грузия, только что выстрадавшая погром аги Мохаммеда, осталась в самом бедственном положении, находясь снаружи под угрозой вторжения турок, персов и лезгин, а внутри раздираемая смутами и борьбой за престолонаследие. Законным наследником Ираклия остался старший сын его от второго брака, Георгий XIII, уже с давних пор по праву царь картлийский. Еще дед его, Теймураз, уезжая в Петербург, передал царевичу Георгию скипетр Картлийского царства, опоясал его царским мечом и возложил на него крест с частицами животворящего древа на золотой цепи, украшенной драгоценными камнями и жемчугом, и эта передача совершалась торжественно, в Мцхетском соборе, в присутствии духовенства, князей и дворян Картли. Но, как известно, Ираклий присоединил тогда и Картли под свое непосредственное управление.

Георгий наследовал лучшие свойства своего отца и мог бы доставить благоденствие стране, не поставленной в столь тяжкие условия, как Грузия. Будучи царевичем, он пользовался уже большой популярностью, которую увеличила еще его первая жена, заслужившая редкую народную привязанность. Георгий женился двадцати одного года от роду на тринадцатилетней Кетевани, дочери казахского моурава Андроника-Швили, при обстоятельствах несколько романтического характера.

Рассказывают, что когда Георгий посетил Кахетию и был в гостях у моурава, случилась тревога: лезгины показались на Алазани. Молодой Реваз Андроник во время преследования неприятеля был ранен в колено, но имел мужество выказать это только по возвращении домой. Георгий был в восторге от легендарной храбрости и благородного характера князя и тут же просил руки Кетевани, его сестры, так как отца девицы тогда в живых уже не было. Эта невеста Георгия и была та самая неустрашимая героиня, упоминаемая грузинскими летописцами, которая, следуя в Картли в сопровождении трехсот кахетинских всадников, имела значительную стычку в Гартискарских теснинах с сильной лезгинской партией. Неустрашимая девушка сама начальствовала тогда отрядом и разбила лезгин, трижды укреплявшихся. Когда после того она прибыла в Тифлис, Ираклий принял ее с большим торжеством, пушечной пальбой и иллюминацией. Это было в 1778 году. Брак царевича торжествовала вся Грузия, но, к сожалению, Георгий не долго наслаждался своим семейным счастьем. Через четыре года Кетевань скончалась. С большой пышностью, как рассказывают о том современники, совершилось погребение безвременно угасшей царевны, составлявшей красу царского дома и гордость грузинского народа. Георгий пожелал предать ее тело земле в монастыре Гареджийской пустыни. Был июнь; печальная весть пронеслась по целой Грузии, и народ со всех сторон начал стекаться на погребение любимой царевны. Три митрополита со своими знаменами и хоругвями встретили усопшую на самой границе Гареджийской лавры. Плач и рыдания, сливаясь со звуками печальных погребальных гимнов, раздавались по всей безмолвной степи Караясской, населенной лишь быстрыми джейранами. Отшельники, с раннего детства покинувшие мир и его суету, глядели изумленными очами на это внезапное проявление житейского шума, сопровождаемого царской пышностью. Но не долго развлекался их непривычный слух - медленно подвигавшиеся бренные останки усопшей красноречиво говорили им о тщете всего земного, о конечном исходе силы и славы человеческой.

Тогда-то, говорят, Ираклий, в порыве печали, произнес над гробом усопшей пророческое слово: "Вот когда погиб дом мой!"

Георгий вдовел не долго и в том же году женился во второй раз на княжне Марии Цициановой, блиставшей тогда красотой, но не имевшей, как увидим, того благотворного влияния, каким отличалась так рано скончавшаяся царевна Кетевань, любимица Грузии.

Вступив на престол, Георгий не имел достаточной силы и твердости противостоять процветавшей кругом него внутренней смуте. Его мачеха, царица Дарья, заставившая еще Ираклия разделить все царство на уделы не в пользу Георгия и его потомства, теперь сделалась центром интриг и строила козни с целью вовсе устранить от престола потомство Георгия. Она и сыновья ее не хотели признавать верховной власти царя и искали покровительства в Персии.

В этих трудных обстоятельствах, чтобы успокоить наконец родину, истомленную непосильной борьбой с врагами, и вместе с тем предвидя всю трудность удержать престол за своим домом, Георгий просил императора Павла I принять Грузию в вечное русское подданство и прислать войска для защиты ее от врагов и внешних, и внутренних.

Император повелел командующему Кавказской линией, генерал-лейтенанту Кноррингу, отправить в Тифлис семнадцатый егерский (ныне Лейб-Эриванский) полк, под командой генерал-майора Лазарева. Вместе с полком, осенью 1799 года, для постоянного пребывания в Грузии в качестве полномочного министра, отправился и статский советник Коваленский, везший царю корону и прочие знаки царской инвеституры, так как все драгоценные регалии, употреблявшиеся при коронации грузинских царей, были похищены во время нашествия аги Мохаммеда.

Несмотря на позднее время года, на стужу и снеговые метели, свирепствовавшие на перевале через Главный Кавказский хребет, полк благополучно совершил трудный поход и двадцать шестого ноября, в самый день тезоименитства Георгия, подошел к Тифлису. Встреча его сопровождалась необычайной торжественностью. Сам царь, вместе с наследником престола, царевичами и многочисленной свитой, принял его с хлебом и солью за городской заставой. Полк сделал при этом, как доносил Коваленский, "фигуру преизрядную" и вступил в Тифлис при громе пушек и колокольном звоне. Весь путь, по которому

двигался полк, и самые улицы города были запружены массой народа, а окна и плоские кровли тифлисских домов усеяны зрителями. Народ ликовал сердечно и искренне.

Справедливость требует, однако, сказать, что, несмотря на столь радушный прием, положение русского полка в Тифлисе, особенно на первых порах, было до крайности печально. Благодаря беспорядкам и злоупотреблениям в грузинской администрации, солдаты встречали нужду в самом необходимом, не только не имели квартир, но по несколько дней оставались даже без дров и без пищи. Лазарев лично говорил об этом царю, но распоряжения последнего никем не исполнялись. "Здесь все идет, как у нас в присутственных местах, - писал по этому поводу Лазарев Кноррингу, - там все *завтра*, а здесь *икнеба*, то есть "будет", но от этого ничего не бывает".

С приходом полка Тифлис начал готовиться к торжественному дню коронации последнего грузинского царя, Георгия XIII.

За несколько дней все царские регалии были перенесены из дома Коваленского в царский дворец при огромном стечении народа, с изумлением смотревшего на невиданную ими пышность церемонии. Окруженные почетным конвоем, русские чиновники и офицеры, имея по сторонам ассистентов, несли малиновый бархатный трон, украшенный массивными золотыми кистями, царское кресло, белый государственный штандарт с изображением двуглавого российского орла, богатое горностаевое платье, присланное царице Марии вместе с бриллиантовым букетом, государственный меч, царскую порфиру с вышитыми на ней грузинскими и русскими гербами, корону, скипетр и державу, осыпанные драгоценными камнями, и, наконец, три бриллиантовые ордена, из которых Андреевский предназначался самому Георгию, Екатерининский - царице Марии и Анненский - наследнику престола царевичу Давиду. В заключение всего на серебряном блюде несли Высочайшую грамоту, которой Георгий утверждался на грузинском престоле.

Едва окончилась процессия, как девять пушечных выстрелов с Метехского замка дали знать народу, что началось парадное шествие русского министра.

Имея впереди себя секретаря посольства, держав-

шего в руках кредитивную грамоту от императора Павла I, и предшествуемый царскими церемониймейстерами, тифлисскими властями и хором музыкантов, Коваленский ехал верхом в парадной одежде на богато убранном коне, по сторонам которого шли грузинские чиновники, а сзади, замыкая шествие, двигался блестящий конвой, составленный из царских телохранителей. У самого дворцового подъезда Коваленский был встречен важнейшими сановниками грузинского царства и в сопровождении их вошел в приемную залу, где ожидал его Георгий, окруженный министрами и царедворцами.

После короткой приветственной речи к царю Коваленский торжественно возвестил, что Всероссийский император Павел I принимает Грузию под свой высочайший кров и утверждает Георгия законным преемником грузинского царства, а старшего сына его, светлейшего царевича Давида Георгиевича, будущим по нем наследником. Затем последовала церемония передачи знаков царской инвеституры.

"Исполненный благоговейных чувств к государю, моему повелителю, - сказал тогда Георгий, - я почитаю возможным принять эти знаки царского достоинства не иначе, как учинив присягу на верность императору и на признание его верховных прав над царями Кахетии и Картли. Но я желаю, - прибавил Георгий, - чтобы этот обряд был совершен торжественно, в храме Божьем, с приличным празднеством и великолепием".

"Долгом моим, - почтительно ответил Коваленский, - будет присутствовать при священном короновании вашего высочества и отдать вам, как государю, приличные почести от русских войск, которые прибыли в вашу столицу на всегдашнее пребывание".

Окончив речь, Коваленский передал Георгию Высочайшую грамоту и поднес знаки ордена Андрея Первозванного, которые царь тотчас же возложил на себя. Поздравив Георгия, министр просил позволения передать Анненский орден наследнику Грузии царевичу Давиду и остальные подарки прочим лицам царской фамилии.

Царица Мария, не присутствовавшая при церемонии, приняла Коваленского во внутренних покоях, отменив на этот раз утвердившийся в Грузии азиатский обычай, предписывающий лицам женского

пола не показываться мужчинам без покрывала. Царица встретила министра, окруженная многими дамами в богатых платьях, с откинутыми назад покрывалами. После обычного приветствия Коваленский поднес ей бриллиантовый орден св. Екатерины и, по просьбе Георгия, сам возложил его на царицу.

Двенадцатого декабря, в день, назначенный для коронации царя, опять съехались во дворец все знатные грузинские и русские особы. Предшествуемый придворными чинами, несшими перед ним корону и скипетр, царь отправился в церковь вместе со своей супругой, которая была одета в русскую горностаевую мантию. За ними, немного позади, шел Коваленский рядом с наследником престола, а далее - прочие члены царской фамилии, князья, министры и сановники.

После обедни Георгий приказал прочесть Высочайшую грамоту, утверждающую его на престоле, и принял присягу на верное подданство русским государям. По окончании обряда, сопровождавшегося торжественностью, Георгий возложил на себя знаки царской инвеституры и возвратился во дворец, где, сидя на троне, принял поздравления от русского министра и сословных представителей грузинского народа.

Так совершился акт добровольного подчинения Грузинского царства Российской империи.

Не лишнее будет прибавить,что присоединенная к России Грузия заключала в себе в то время Картли, Кахетию и часть Сванетии, делившейся на Триолетскую и Барчалинскую области; Грузии же принадлежали тогда Казахская, Бомбакская и Шамшадальская провинции, населенные татарами, и земли горских народов: осетин, тушин, пшавов и хевсуров.

Признание наследственных прав на престол исключительно в роде Георгия было совершенно противно видам и желаниям вдовствующей царицы Дарьи и ее детей. И вот, в то самое время, когда Георгий и Давид присягали на верность императору Павлу и весь народ грузинский ликовал на улицах Тифлиса в надежде лучших дней, старая царица подбирала себе сообщников и старалась увеличить партию недовольных. И партия эта росла благодаря розни и неурядицам, царившим в высших правительственных сферах Грузии.

Георгия окружали теперь два представителя России, к сожалению, совершенно различные по характеру и нравственным качествам. Во главе войска, присланного на защиту царя, стоял генерал-майор Лазарев, человек прямой, открытый и честный, еще до назначения в Грузию успевший снискать общее расположение своим благородным характером. Его военная карьера сделана была без протекций и покровительств, и ею он был обязан только личным достоинствам. Происходя из родовых дворян и начав свою службу в 1775 году капралом конной гвардии, Иван Петрович Лазарев едва через девять лет добился офицерского чина. Но с этих пор зато начинается его быстрое служебное возвышение. Отличия, выказанные им в финляндской войне, потом на Кавказе при штурме Анапы и взятии Дербента, обратили на него такое внимание начальства, что когда, по повелению императора Павла, в 1797 году, из частей Кубанского и Кавказского егерских корпусов сформирован был новый семнадцатый егерский полк, Лазарев назначен был его шефом и на четырнадцатом году офицерской службы произведен в генералы. Суровый воин, привыкший довольствоваться малым, Лазарев высоко и честно держал русское знамя в чужой земле и внушал грузинам невольное уважение к русскому имени. Напротив, его товарищ, Коваленский, представитель политики и внутреннего управления царством, был человек нечистосердечный, склонный к искательствам и мелко честолюбивый. Опутывая царя тонкой сетью интриг, он вмешивался во все его распоряжения и ставил на первый план личные свои интересы. Его характер ясно обрисовывается следующим фактом: узнав, что царь назначил Лазареву равный с ним оклад столовых денег, по десяти рублей в сутки, он почел возможным заметить царю несообразность подобного назначения и настоятельно требовал себе, как представителю государя, двойного оклада. Лазарев, очевидно возмущенный такой наглой и мелочной претензией, вовсе отказался от своего содержания, и Коваленский, не имевший уже более повода к жалобам, должен был остаться при своих десяти рублях. Тогда он потребовал, чтобы ему, как представителю России, войска отдавали почести. Лазарев ответил, что "по уставу штатским чести не положено" и что "о подчинении его, командующего

войсками Грузии, гражданскому чиновнику не может быть и речи".

Начались пререкания и споры. А царевичи пользовались этим и волновали народ, накликая на Грузию новые беды со стороны ее исконных врагов, персиян и лезгин.

Один из братьев Георгия, Александр Ираклиевич, оставленный новым царем без удела, потребовал себе Казахскую провинцию, которая по грузинскому обычаю не могла принадлежать никому, кроме самого царя. Получив отказ, Александр, живший в Шулаверах, откочевал к турецкой границе, а оттуда тайно перебрался в персидский лагерь, где ему оказали самый радушный прием. Узнав об этом, вдовствующая царица и ее сыновья также начали искать покровительства персиян, которые только и ждали случая, чтобы вмешаться в дела Грузинского царства. Для Персии все это было чрезмерно важно потому, что правитель ее, Баба-хан, ставший после смерти аги Мохаммеда шахом, не мог быть признан в этом звании подвластными ему народами до тех пор, пока в торжественный день коронации они, по обычаю, не увидали бы подле своего властителя в числе прочих валиев и грузинского царя, стоящего с шахским мечом у подножия трона[1].

Скоро в Тифлисе явилось и персидское посольство. Георгий принял его не во дворце, а в доме русского министра, стоя под большим портретом императора Павла, у подножия которого поставлен был грузинский трон со сложенными на нем короной, скипетром и державой, а по сторонам грузинские сановники держали порфиру и царский штандарт.

На заявление персидского посла, что он желал бы иметь секретное свидание с царем, Георгий ответил, что, находясь под покровительством России, он ни в какие секретные переговоры без русского министра вступать не желает. Тогда посол объявил ему прямо,

---

[1]Всех валиев, или наместников персидских, было четыре, и из них во время коронации: гурджистанский (грузинский) обязан был держать шахский меч, арабистанский - драгоценное перо из шапки, заменяющее собой корону, лористанский - порфиру и курдистанский - особое украшение, состоящее из двух убранных алмазами перевязей.

что шах, считая Грузию древним достоянием своих предков, требует полного ее подчинения себе и что "царю остается только покориться, чтобы не подпасть горшей против прежней участи".

- Я не могу не удивляться вашим словам, - ответил на это Коваленский, - вы как будто совершенно забыли о том покровительстве, которое русский император оказывает Грузии.

- Я об этом помню, - ответил посланник, - но даю советы единственно из усердия к царю, потому что неприятель приближается уже к границам его владений.

- Россия, - возразил Коваленский, - не имеет у себя в здешних странах неприятелей, но с теми, кто дерзнет восстать против покровительствуемых ею народов, она сумеет управиться.

На этом переговоры окончились.

Между тем измена царевича и домогательства шаха дали Георгию справедливый повод опасаться нового нашествия, тем более что неприятель вошел уже в Эриванскую область и распускал слух, что идет на Тифлис с единственной целью возвести на престол царевича Александра.

Чтобы успокоить встревоженных жителей, Георгий обратился к императору Павлу с просьбой о помощи, и государь приказал отправить к нему с Кавказской линии еще Кабардинский пехотный полк, под командой генерал-майора Гулякова.

Прибытие полка было как нельзя более кстати, потому что Тифлису действительно угрожала серьезная опасность со стороны Омар-хана аварского, того самого, который несколько лет назад разорил всю Грузию и теперь с двадцатитысячным скопищем горцев опять приближался к границам Кахетии.

Омар был человек предприимчивый, отважный и храбрый до дерзости. Собственные его владения были невелики, но велико было то значение, которым он пользовался во всем Дагестане, где по малейшему знаку его поднимался весь сброд горских хищников, слепо веривших в неизменное счастье своего любимого вождя.

Известие о приближении Омара произвело всеобщее смятение в Грузии. Но в то время как самая столица готовилась уже искать спасения в бегстве, Лазарев и Гуляков с двумя батальонами русской

пехоты поспешно двигались навстречу неприятелю. В Сигнахе к отряду присоединилась грузинская милиция царевичей Баграта и Иоанна, в три тысячи человек, и пятого ноября 1800 года Лазарев уже стоял в шести верстах от неприятельского стана. Но Омар ночью обошел русский лагерь и двинулся прямо к Тифлису. Тогда ближайшей дорогой и форсированным маршем Лазарев опять обогнал лезгин и на рассвете седьмого ноября снова очутился перед ними на противоположном берегу реки Иоры, недалеко от кахетинской деревни Кагабети.

Столкновение было неизбежным, и лезгины, переправившись через Иору, с неистовым гиком бросились на русский отряд, но залп и картечь встретили их так удачно, что "немалое число от сего приема начало лбами доставать земли и доискиваться в оной мнимых прав, которых Омар-хан был сильным поборником", - как писал впоследствии Лазарев генералу Кноррингу.

Целый день продолжалась битва, и эта первая решительная встреча горсти русских войск с пятнадцатитысячным скопищем кавказских горцев в пределах Грузии стоила непобедимому до тех пор Омар-хану аварскому решительного поражения. Так как сражение окончилось ночью, то только на следующее утро глазам победителей открылась истинная картина страшного побоища, испытанного неприятелем. Камыш, кустарники и рвы наполнены были трупами; по всему полю солнечные лучи освещали траву, обагренную кровью; а за рекой стоял еще неприятельский стан с развевающимися знаменами и пестрыми палатками, но он был пуст и мертвенно недвижим: неприятель бежал, не успев ничего спасти из своего имущества. Потери лезгин простирались свыше двух тысяч человек. Сам Омар-хан получил тяжелую рану и вскоре умер. Какой-то старшина Искандер был убит, и голова его вместе с громадной головой другого лезгинского богатыря из Дженгутая, как драгоценные трофеи боя, были повержены грузинами к ногам русского военачальника.

Сражение на Иоре навсегда останется памятным в летописях кавказской войны. Оно замечательно не упорством боя, так как потеря со стороны русских оказалась сравнительно незначительной, но решимос-

тью начальников, отважившихся с небольшим отрядом вступить в бой с огромным скопищем лезгин, славившихся своей необычайной храбростью.

Большое счастье, что во главе горсти русских людей, пришедших тогда в Грузию, стояли такие генералы, как Лазарев и Гуляков, имена которых никогда не будут вычеркнуты из славных военных летописей России. Оба они оказались достойными носителями русского имени, и оба впоследствии запечатлели своей кровью братскую помощь, оказанную Грузии. Лазарев погиб в Тифлисе девятнадцатого апреля 1803 года, а Гуляков убит за Алазанью спустя несколько месяцев после смерти своего боевого начальника и друга.

"Лазарев и Гуляков, Кабардинский и Эриванский полки - это первые камни того фундамента, - говорит Зиссерман, - на котором построилась вся вековая слава геройской кавказской армии".

Понятно, что громкая победа, одержанная при подобных условиях, сразу доставила русским в крае высокое нравственное влияние, а это влияние было важно особенно потому, что без него, с ничтожными средствами, какими тогда располагали русские в Закавказье, они, конечно, не могли бы там удержаться.

Император Павел пожаловал за эту победу обоим царевичам, Лазареву и Гулякову командорские кресты ордена св. Иоанна Иерусалимского, а нижним чинам, участвовавшим в бою, по рублю на человека.

Царь Георгий, несмотря на болезнь, сам выехал навстречу отряду, возвращавшемуся в Тифлис, и, сойдя с богато убранного коня, убедительно просил генерала Лазарева принять этого коня в дар и въехать на нем торжественно в город.

К сожалению, это был последний выезд Георгия. Простудившись при встрече войск, он окончательно слег в постель, и врачи не подавали никакой надежды на его выздоровление. Между тем для всех было ясно, что немедленно по кончине Георгия в Грузии начнется междоусобная война между сыновьями и братьями умершего царя и что последние охотнее увидят Грузию даже присоединенной к России, чем отданной царевичу Давиду.

Лучше других понимал это сам умирающий царь и с одра болезни писал императору Павлу, что "Грузия так или иначе должна покончить свое самобытное

политическое существование" и что "грузинский народ желает теперь же вступить единожды и навсегда в подданство Российской империи с признанием Всероссийского императора за своего природного государя и самодержца".

Императорский манифест последовал в этом смысле в Санкт-Петербург восемнадцатого декабря 1800 года, а двадцать восьмого декабря скончался в Тифлисе Георгий.

Таким образом грузинский престол был упразднен, и династия Багратидов, считавшая за собой целое тысячелетие, перестала царствовать в Грузии. Шестнадцатого февраля 1801 года все жители Тифлиса, собранные в Сионский собор, присягнули на верность новому своему государю, императору Павлу Петровичу, а седьмого числа то же самое исполнено было армянским населением столицы, сопровождавшим этот обряд особенной пышностью и церемониями.

Утром этого дня, по первому удару соборного колокола, духовенство, в числе восьми архимандритов и до ста священников, выступило из всех армянских церквей и, соединившись в общий крестный ход, направилось через Тифлис к загородному монастырю Ванк. За этой процессией двое именитейших граждан Тифлиса несли портрет императора Павла, а за ним шествовал сам митрополит в торжественном облачении, но без митры, держа над головой серебряный поднос, а на нем манифест, прикрытый розовым флером. Народ, имея во главе царевича Давида с братьями и генералов Лазарева и Гулякова, шел за крестным ходом тысячными толпами. Патриарх Армении Иосиф, в полном облачении древних святителей, встретил процессию в ограде соборной церкви. Окадив портрет императора, он пал перед ним на землю, поцеловал его и, высоко подняв над головами присутствующих, громогласно произнес: "Да здравствует великий и августейший монарх наш со всем своим домом". Народ отвечал шумными и радостными кликами. Затем процессия двинулась в церковь. Там, перед алтарем, на особом аналое, покрытом богатой парчой, положен был манифест и поставлен портрет императора. Патриарх сам совершал литургию, по окончании же ее отслужен был благодарственный молебен с коленопреклонением, и весь народ приведен к присяге.

Как в этот, так и в предшествовавший день русские офицеры, сопровождаемые казачьим эскортом, ездили по улицам Тифлиса и читали народу манифест на четырех языках: русском, грузинском, армянском и татарском.

По окончании всех церемоний грузинские царевичи Иоанн, Баграт и Михаил Георгиевичи с лицами, уполномоченными еще покойным Георгием, князьями Аваловым и Паливандовым, отправились в Петербург, "чтобы перед лицом русского монарха засвидетельствовать целому свету, что принятие Грузии в подданство России совершилось по общему единодушному желанию всего грузинского народа".

Ожидая этих послов, государь приказал сделать для себя древнее одеяние грузинских царей, не исключая непременной принадлежности его, греческого саккоса, подавшего в свое время повод к известным толкам и догадкам по поводу сходства этой одежды с архиерейским облачением.

Посольство еще находилось в пути, и положение Грузии не успело определиться окончательно, когда император Павел скончался. Преемник его, император Александр 1, манифестом от двенадцатого сентября 1801 года подтвердил принятие Грузии в подданство России, прибавив, что делает это "не для приращения своих сил, не для корысти и распространения пределов и без того обширнейшей империи в свете, а единственно из человеколюбия, которое налагает на него священный долг внять молению страждущих и отвратить от них скорби учреждением такого правления, которое могло бы утвердить в земле их правосудие, личную безопасность и дать каждому защиту закона".

В то же время государь возвратил Грузии и ее народную святыню - крест из виноградных лоз, врученный Богоматерью в сонном видении святой Нине. Прежде этот крест сохранялся в фамилии грузинских царей и, по свидетельству одного армянского историка, служил у грузин военным знаменем в их войнах против греков. В память побед и чудес, совершенных тогда священным крестом, грузины установили праздник, который и доныне торжествуется церковью в десятый день после Вознесения Господнего. Во времена нашествий вражеских крест сберегался то в Мцхете, то в

Анапуре, и из этого последнего города был увезен митрополитом Тимофеем в Москву к царевичу Бакару, сыну Вахтанга VI. Внук этого царевича, Георгий, поднес священный крест в дар императору Александру Павловичу, который и повелел препроводить его обратно в Грузию. Девятого апреля 1802 года крест был торжественно внесен в Тифлис и, встреченный восторженной радостью народа, положен в Сионском соборе, где сохраняется и ныне, по левую сторону царских врат, в особом киоте, на серебряной доске которого изображена святая равноапостольная Нина.

Но возвратимся опять к событиям в Закавказском крае.

Исполнение своих мудрых и в высшей степени гуманных предначертаний государь возложил на генерал-лейтенанта Кнорринга, назначенного тогда военным губернатором Грузии и командующим войсками на Кавказской линии. К сожалению, Кнорринг не принадлежал к числу тех людей, которые имеют дар возбуждать к себе доверие народа, и сразу извратил самый смысл добровольного присоединения Грузии, придав ему вид какого-то насилия. Приехав в Тифлис, он собрал всех жителей города и, окружив их войсками, приказал присягать на верность новому государю. Эта грубая мера и предосторожности, ничем не вызванные со стороны народа, глубоко оскорбили грузин, которые не захотели присягать под угрозой штыков и разошлись по домам. Тогда по приказанию Кнорринга знатнейшие грузинские князья и дворяне были арестованы, и эти аресты еще более возмутили грузин. Между тем сам Кнорринг вскоре уехал на Линию и поручил управление страной известному нам Коваленскому. С его отъездом анархия и неурядица в Грузии еще более усилились.

Между тем лезгины, пользуясь внутренними смутами Грузии, чаще, чем когда-нибудь, стали делать набеги и разорять пограничные села. При таком положении дел два полка не могли поспевать везде, где угрожала опасность; русские войска за Кавказом были усилены.

Еще император Павел Петрович, сознавая недостаточность военных средств в Грузии, приказал отправить туда в начале 1801 года Кавказский гренадерский полк (ныне Грузинский), под командой генерал-майора Тучкова. Стояла еще глубокая зима,

и полк, покинув обозы, должен был прокладывать себе путь среди громадных снежных сугробов, сплошь заваливших все горные ущелья. Подвигаясь шаг за шагом, теряя на каждом переходе людей и испытывая такие лишения, полк все-таки пробился через грозное Дарьяльское ущелье и стал наконец бивуаком около кистинской деревни Гвелети. Здесь неожиданно нагнал его фельдъегерь с манифестом о кончине императора Павла, и здесь же, у подножия заоблачного Казбека, при шуме сердитого Терека, по колено в снегу, гренадеры принесли торжественную присягу на верность юному монарху.

С прибытием полка в Тифлис один из его батальонов немедленно отправлен был, под командой подполковника Симановича, в Сурам и Гори для прикрытия границ Картли, а батальон Кабардинского полка, под начальством подполковника Солениуса, расположился в Нижней Кахетии. "Это последнее обстоятельство и было, - как справедливо говорит Зиссерман, - началом той системы, которой русские старались обезопасить Грузию от вторжения соседних горцев, системы, развившейся впоследствии до обширных размеров Лезгинской кордонной линии". С тех же пор начинается и мелкая хищническая война, которая закончилась лишь через пятьдесят девять лет пленением Шамиля. Замечательно, что первые нападения горцев устремлялись по преимуществу на русские табуны, ходившие на Алазани. Так, шестого июня 1801 года лезгины угнали табун в казачьем полку, но рота кабардинцев заставила их бросить добычу; через месяц табуны самих кабардинцев едва не попали в руки хищников и уцелели только благодаря стойкости караульной роты. Зимой лезгины также пытались перейти Алазань, но были отбиты на самой переправе, причем в Кабардинском полку был ранен известный своей храбростью штабс-капитан Габуадзе. Таким образом, как этот батальон, так и батальон Гренадерского полка подполковника Симановича, стоявший на турецкой границе, не имели буквально ни минуты покоя. Особенно тревожное выдалось лето 1802 года, когда войска положительно теряли возможность поспевать везде, где появлялся неприятель. Памятным событием этого времени остается геройская защита двадцати человек Кабардинского полка, засевших в ветхой каменной башне

Чикаанского поста (близ Алазани) и отбивавшихся в течение многих часов, пока не подоспела выручка. Воодушевление рот, спешивших на помощь, было так велико, что штабс-капитан Габуадзе, незадолго перед тем, как мы видели, раненый, услышав выстрелы с поста, не выдержал, поскакал вперед и на глазах отряда был изрублен лезгинами.

До какой степени и сами лезгины умели умирать, можно судить по следующим примерам.

Однажды, в апреле 1802 года, рота Кабардинского полка, под начальством майора Алексеева, настигла хищников, засевших в крепком ущелье среди неприступных утесов и камней. На предложение сдаться лезгины ответили, что пришли не с тем, чтобы отдаться в плен, и сражались отчаянно. Выпустив последние заряды, они кинулись в кинжалы и все до одного погибли на штыках кабардинцев.

Такой же случай был на турецкой границе в июле того же года, когда Симанович истребил партию известного разбойника Кази-Махмада, наводившего своим именем страх на целую Грузию.

С подобными врагами необходима была необычайная стойкость, нужны были значительные силы, а тут обстоятельства еще усложнялись интригами князей и недостойным поведением некоторых грузинских дворян против русской власти. Примером может служить следующий любопытный случай. Однажды лезгины разграбили большое грузинское селение Хистери, принадлежавшее помещику Мурванову. Оказалось, между тем, что этот Мурванов отлично знал о движении лезгин, но, полагая, что они идут на Сурам с намерением напасть на русский гарнизон, не только не предупредил об этом коменданта, но, опасаясь, чтобы крестьяне собственной его деревни не известили русских, перепоил всех допьяна. Лезгины же в самую полночь напали на эту деревню и захватили в ней без труда девяносто шесть человек, а в их числе и самого помещика. Измена и крамола гнездились даже в самом Тифлисе, и только этим обстоятельством можно объяснить себе дерзость лезгин, являвшихся под стенами самых предместий его. Однажды, во время такого лезгинского набега, население столицы встревожено было выстрелами и криками, что горит авлабарский мост. Все бросились туда и увидели, что мост, действительно, был облит

нефтью и подожжен. Пожар успели вовремя потушить. Тем не менее тифлисцы остались в убеждении, что целью поджога было перервать сообщения города с заречной стороной и этим путем предать Авлабар и Куки на жертву хищным лезгинам.

Беспорядки распространились даже на Военно-Грузинскую дорогу, и сообщения с Тифлисом сделались настолько небезопасными, что Кнорринг, возвращаясь из Грузии на Линию, должен был отправить вперед роту пехоты и двести казаков, под командой майора Буткова[1]. Самым опасным местом на этом пути считалось Ларское ущелье, находившееся во владении одного из осетинских старшин, Ахмета Дударова, который жил на высокой горе, увенчанной каменным замком. Отсюда, с толпой преданных слуг, он выезжал на разбои, грабил проезжающих и собирал дань с проходивших мимо купеческих караванов. Теперь, как только колонна Буткова показалась в ущелье, Дударов поднял красное знамя - сигнал военной тревоги, но, к счастью, Бутков принадлежал к людям энергичным и решительным. Не давая врагу времени собраться с силами, он бросился в деревню Чим, принадлежавшую Дударову, и все, что было вне укрепленного замка, предал истреблению. Красивая мечеть, единственная в крае, построенная еще во времена Шейх-Мансура, превращена была в развалины, деревня сожжена, часть жителей перебита. А со стороны Владикавказа в это время показались пушки...

Дударов понял бесполезность сопротивления.

Беспокойное состояние края, вместе с бестактными и даже корыстными поступками Коваленского, окончательно ожесточили грузин. Народ, прежде только и думавший о том, как бы отделаться от членов царского дома, опять обратился на их сторону. До императора Александра стали отовсюду доходить слухи о беспорядочном управлении Закавказским краем, и восьмого сентября 1802 года Высочайшим повелением и Кнорринг и Коваленский были отозваны, а главнокомандующим в Грузию назначен генерал-лейтенант князь Цицианов.

---

[1]Автора известных сочинений о Кавказе.

VII

КНЯЗЬ ЦИЦИАНОВ

Я воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Поднялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов...

А. Пушкин

Помянем храбрых ветеранов,
Вождей Кавказа боевых, -
Тебя, бесстрашный Цицианов,
Погибший от врагов своих...

Домантович

Князь Павел Дмитриевич Цицианов происходил из знатнейшей грузинской княжеской фамилии и находился в близком родстве с последним царствовавшим домом Грузии. В русскую службу вступил еще дед его в царствование Анны Иоанновны; он был убит во время шведской войны под Вильманстрандом, и с тех пор семейство князей Цициановых осталось в России навсегда.

Князь Павел Дмитриевич родился восьмого сентября 1754 года в Москве. Он начал военную службу в Преображенском полку, но вскоре переведен был в армию и в 1786 году, вместе с производством в полковники, назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка.

Дело под Хотиным (тридцать первого июля 1788 года), где он сражался со своим полком на глазах Румянцева, сразу выдвинуло князя из ряда сослуживцев. Кагульский герой с восторгом смотрел на быстроту, энергию и распорядительность юного полкового командира и тут же, на самом месте боя, предрек ему блестящую военную карьеру. Но турецкая война не дала Цицианову возможности развернуть в полной мере свои боевые достоинства; полк его вскоре был передвинут в Польшу. Но тем не менее он был уже замечен, и в 1793 году, в день торжества заключения мира, произведен в генерал-майоры.

Армия знала Цицианова, впрочем, не по одним военным заслугам; его любили за тонкий, наблюдательный ум и за острый язык, которого побаивались даже сильные мира. В армии ходила в то время по рукам и читалась тайком его известная сатира "Беседа русских солдат в царстве мертвых", где в разговоре убитых солдат Двужильного и Статного изложена была едкая критика на современные военные события и на Потемкина.

Памятный для русских 1794 год застал Цицианова в Гродно, где, по его выражению, "он стоял с полком, как на ножах", потому что в крае с минуты на минуту ожидали восстания. Кровавая резня, известная под именем Варшавской заутрени, нашла себе отголосок в Вильно и в Гродно. В первом из этих городов войска были застигнуты врасплох и понесли немало утрат, но в Гродно мятеж совершенно не удался. Цицианов, не веривший льстивым польским речам, зорко следил за настроением умов, не допускал наплыва в город праздного люда и держал свой полк постоянно наготове. При первом взрыве мятежа он вывел свои батальоны из Гродно, обложил ими город и под угрозой штурма заставил магистрат выдать главных зачинщиков. На жителей он наложил контрибуцию в сто тысяч рублей, назначив для ее сбора однодневный срок; и страшные жерла орудий, наведенные на улицы, вид батальонов, готовых по первому знаку не оставить камня на камне, заставили поспешить с исполнением требований грозного князя. Слух об этом, облетев окрестности, много способствовал тому, что спокойствие и порядок были сохранены в соседних городах и местечках.

Между тем полк получил приказание выступить

к Вильно. Цицианов по пути выгнал из Слонима мятежные банды князя Сапеги, затем командовал всеми войсками, которые штурмовали Вильно, а в августе с одним батальоном быстро перешел в Минскую губернию и у местечка Любавы наголову разбил отряд Грабовского, взяв его самого в плен вместе со всей артиллерией. Подвиги Цицианова так выделились тогда на общем фоне военных действий, что сам Суворов в одном из приказов предписывал войскам "сражаться решительно, как храбрый генерал Цицианов"... Ордена св. Владимира 3-ей степени за Гродно, Георгия на шею за Вильно, золотая шпага с надписью "За храбрость" за поражение Грабовского и полторы тысячи десятин земли за окончание войны были наградами князя Цицианова.

Назначенный императрицей в корпус графа Валериана Александровича Зубова, Цицианов участвовал в персидском походе и некоторое время был комендантом в городе Баку, где сблизился с Гуссейн-Кули-ханом, сделавшимся впоследствии его гнусным убийцей.

Короткий период царствования Павла Петровича, подобно большей части лиц, отличенных Екатериной, Цицианов провел в отставке. Император Александр снова призвал его на службу, произвел в генерал-лейтенанты и одиннадцатого сентября 1802 года назначил инспектором Кавказской линии и главнокомандующим в Грузию. Истомленная борьбой Грузия требовала энергичного, твердого правителя, и в этом отношении выбор Цицианова был безошибочен. С назначением его для Грузии наступают лучшие времена, времена действительной защиты царства русским оружием и полной перемены внутренней и внешней политики, приведшей к покорению всего того, что издавна было враждебно царству и мешало его жизни и правильному развитию. При Цицианове уже не враги разоряют Грузию, а сама Грузия берет в свои руки судьбу окружающих ее народов.

Когда Цицианов прибыл в Тифлис, страна, только что присоединенная к России, была раздираема еще внутренними смутами, во главе которых становился то тот, то другой царевич, домогавшийся сесть на престол Ираклия. Цицианов, сам грузин и близкий родственник царицы Марии, вдовствующей супруги Георгия XIII, урожденной также княжны Цициановой,

хорошо знал свою родину и имел то убеждение, что России предстоит одно из двух: или отозвать обратно войска и бросить страну на жертву анархии, или же ввести твердое управление, сообразное с достоинством и нуждами народа, но что в этом случае всех членов грузинской царской фамилии необходимо было выслать из Грузии в Россию.

Получив на то разрешение еще в Петербурге, Цицианов принялся за дело со свойственной ему энергией и настойчивостью. Напрасно царицы притворялись больными, напрасно царевич Вахтанг разыгрывал комедии, бросаясь перед ним на колени: все те, которые не бежали из Грузии, должны были отправиться в Россию. Очередь дошла, наконец, и до царицы Марии. Она сказалась больной, задумав в тот же день бежать из Тифлиса вместе со своими сыновьями. Цицианов, извещенный заранее о намерении царицы, приказал генералу Лазареву арестовать ее, в то время как генерал Тучков должен был захватить царевичей. Тучков удачно исполнил поручение и в тот же день вывез арестованных в Мцхет, откуда все царское семейство должно было ехать в одном общем поезде. Но не так счастлив был Лазарев. В шесть часов утра, девятнадцатого апреля, он прибыл в дом царицы и объявил ей волю князя Цицианова. Царица приняла его в постели и ответила, что ехать не желает. Тогда Лазарев, оставив при ней одного офицера, сам отправился сделать все нужные распоряжения. Но едва он вышел, как необычайный шум в покоях царицы заставил его вернуться. Там шла ожесточенная борьба: царевич Жабраил и царевна Тамара с кинжалами в руках напали на русского офицера. Лазарев подошел к кровати, на которой лежала царица, чтобы уговорить ее остановить детей, как вдруг в руках самой Марии сверкнул кинжал, и Лазарев, пораженный в бок, мертвым упал на пороге комнаты. Происшествие это наделало тревоги в целом Тифлисе. Все высшие сановники тотчас же съехались к царице, уговаривая ее не противиться воле русского государя, но она ничего не хотела слушать. Тогда полицмейстер Сургунов, завернув свою руку в толстую папаху, решительно и смело подошел к царице и вырвал из ее рук оружие. Царевна Тамара кинулась на помощь к матери с кинжалом в руках, но второпях она

промахнулась и ранила самую же царицу в плечо. Царское семейство было арестовано и в тот же день отправлено в Мцхет. Цицианов был справедливо раздражен смертью Лазарева и предписал Тучкову обращаться во время пути с Марией и ее детьми не как с особами царского рода, а как с простыми преступниками.

Тело Ивана Петровича Лазарева предано было погребению с большими почестями в тифлисском Сионском соборе, где впоследствии неподалеку поставлена была гробница и князя Цицианова. А царица Мария, по приезде в Россию, была заключена в Воронеже в Белгородский женский монастырь и только по прошествии семи лет получила прощение и спокойно дожила свой долгий век в Москве, где умерла в 1850 году восьмидесяти лет от роду.

Прошло сорок семь лет со дня кровавой катастрофы, лишившей Россию доблестного Лазарева, и всепрощающая смерть примирила почившую с русским народом. Все было забыто, все прощено, и прах последней грузинской царицы с торжеством и военными почестями возвратился на родину.

Семнадцатого июня 1850 года все дороги к Мцхету были покрыты массой народа, стремившегося встретить похоронный кортеж, медленно приближавшийся со стороны Душета. Хоронили царицу Марию Георгиевну. Впереди всех шла конная дружина грузинских князей и дворян со знаменем, окутанным флером; за ней сословные представители царства, многочисленное духовенство и штаб-офицеры, несшие на подушках герб Грузии, орден св. Екатерины 1-ой степени, корону и царскую мантию. Погребальную колесницу, осененную балдахином и также увенчанную царской короной, везли шесть лошадей под черными попонами с гербами почившей царицы. Почетнейшие князья стояли у штангов, массивные серебряные кисти поддерживали чины дипломатического корпуса, а конец порфиры, заменявшей погребальный покров, несли четыре офицера. За колесницей следовали высшие представители власти, родственники царицы и толпы народа. Пехотный полк, шесть орудий и конный отряд жандармов сопровождали шествие.

Унылый перезвон колоколов, рыдающие звуки погребального марша, траурные одежды присутствую-

щих, дымящиеся факелы и, наконец, эта свежая раскрытая могила в сонме царских гробниц, готовая принять еще один венчаный прах для вечного успокоения, - все это производило глубокое впечатление на народ, помнивший еще и прошлое величие, и годы тяжелых бедствий, пережитых им под скипетром царей Багратидов.

У входа в ограду Мцхетского собора, служившего старинной усыпальницей грузинских царей, гроб встретил экзарх Грузии и проводил его в церковь, где всю ночь стояло почетное дежурство, служились панихиды и народ прощался с усопшей царицей. На следующий день были похороны; заупокойную обедню служил сам экзарх, и после торжественной панихиды гроб опустили в могилу при громе пушек и ружейных залпов - и это были последние земные почести той, которая лишена была их в течение своей долгой жизни.

Но возвратимся к давно минувшим временам, когда царице пришлось еще только расстаться с родиной.

Успокоив страну от внутренних беспорядков и междоусобий, Цицианов обратил все свои усилия на внешние дела Грузии. Отлично понимая дух азиатских народов, умевших преклоняться только перед одним аргументом - силой оружия, Цицианов сразу переменил обращение с соседними татарскими ханами и принял по отношению к ним совершенно иную систему, чем та, которой держался до него Кнорринг.

До тех пор русское правительство как бы старалось снискать к себе расположение их подарками и жалованием. Цицианов отменил и то, и другое, и сам потребовал от ханов дани. "Страх и корысть - суть две пружины, которыми руководятся здесь все дела и приключения, - писал он императору Александру I. - У здешних народов единственная политика - сила, а лучшая добродетель владельца - храбрость и деньги, которые нужны ему для найма лезгин. Поэтому я принимаю правила, противные прежде бывшей системе, и вместо того, чтобы жалованием и подарками, определенными для умягчения горских нравов, платить им некоторого рода дань, я сам потребовал от них оной".

Свято держа обещания, Цицианов никогда не расточал своих угроз понапрасну. Он знал, что каждый

владелец, в сущности, готов был повторить ответ, данный одним из них русскому главнокомандующему: "Приди и покажи свою силу", - и потому старался прежде всего разъяснить им в своих прокламациях все необъятное величие России и ничтожность их перед ней. Повелительный и резкий тон, с которым он к ним обращался, шел как нельзя лучше к тогдашним обстоятельствам и производил на азиатов сильное впечатление. Слог его писем был оригинален, силен и резок, как дамасская сталь...

"Статочное ли дело, - писал он в одной из своих прокламаций, - чтобы муха с орлом переговоры делала..."

Первыми испытали на себе тяжелую руку князя Цицианова джаро-белоканские лезгины, у которых скрывались беглые грузинские царевичи. Цицианов потребовал их выдачи. В воззвании к лезгинам по этому поводу Цицианов писал между прочим: "Вы - храбрые воины, вы и должны любить храбрых. А кто же храбрее русских? Пуля ваша пяти человек не убьет, а моя пушка картечью или ядром за один раз тридцать человек повалит. Измеряйте все это..."

Получив отказ, князь Цицианов послал генерал-майора Гулякова наказать лезгин. Гуляков быстро достиг Алазани, разбил и уничтожил все, что только осмелилось противостоять ему с оружием в руках, и занял главные селения лезгин. Тогда Цицианов объявил всю область присоединенной к России и обложил ее данью. Так было возвращено Грузии ее древнее достояние, и гроза Закавказья, притон всех дагестанских хищников, вольный Джаро-Белоканский союз потерял свою независимость.

Кахетия, быть может, в первый раз была прочно освобождена от вечного страха лезгинских погромов. Но в то время, как Кахетия была ареной разбоев и грабежей лезгин джаро-белоканских, Картли почти в той же мере страдала от их соплеменников со стороны Ахалцихе. Появление русских за Кавказом скоро должно было положить предел и их хищничеству, и когда, в 1802 году, в Картли появились русские батальоны, под начальством Симановича, и дали несколько уроков дерзкой азиатской коннице, то впечатление от них было настолько сильно, что ахалцихские лезгины в течение целого года не осмеливались тревожить грузинских границ. Но когда

начались приготовления к персидской войне и Симанович ушел со своими гренадерами, а на смену его в Гори прибыл новый егерский полк, вызванный с Кавказской линии и еще неопытный в азиатской войне, ахалцихские лезгины попытались еще раз воспользоваться хлопотливым для русских временем. Тогда произошел один из тех кровавых эпизодов, которые, при кажущейся неудаче, наносят неприятелю страшное нравственное поражение. Горсть русских солдат, самоотверженно погибших в неизмеримо неравной борьбе, но внесших зато страшное опустошение в ряды неприятеля, показала лезгинам силу беззаветного сознания и исполнения долга, стоящую целой армии и в самых своих ошибках поражающую и зовущую следовать своему примеру. Этот эпизод увековечил имя капитана Секерина, который в ошибочном увлечении своем, поведшем к гибели отряда, дал пример нравственной силы, не знающей отступления перед неудачей. Дело было так.

Выступая под Ганжу, Цицианов, чтобы прикрыть Тифлис со стороны Ахалцихе, поставил в Гори и Цалках два небольших отряда, а так как прямого сообщения между этими пунктами не было, то капитан-исправнику Енохину приказано было немедленно приступить к разработке пути, удобного для движения обозов и артиллерии. В распоряжение Енохина были даны сто восемь человек грузинских рабочих и прикрытие из девяти казаков и одиннадцати егерей девятого полка.

Работа скоро была окончена. Но когда Енохин (двенадцатого июня 1803 года) возвращался домой, то верстах в двадцати от Цалки на него внезапно напала сильная партия в шестьсот-восемьсот человек лезгин, вышедшая из ахалцихских пределов. Люди Енохина частью были изрублены, частью захвачены в плен, и только сам он и шесть казаков спаслись благодаря быстроте своих лошадей. Они, проскакав в три часа около семидесяти верст, первые явились в Гори с известием, что по правому берегу Куры на деревню Хавли идут лезгины. Несмотря на поздний час - было уже десять часов ночи, - полковник Цехановский (шеф егерского полка), заведовавший горийским кордоном, тотчас же отправил к Хавли навстречу неприятелю тридцать егерей, под командой штабс-капитана Богданова. Но егеря не прошли и трех верст,

как получили приказание вернуться и идти в селение Карели, куда, по слухам, направились лезгины и где стояла рота полка Цехановского. В то же время и сам Цехановский, в сопровождении только пяти казаков, поскакал туда же, желая лично присутствовать при первом деле своих егерей с лезгинами. Но и егеря, и он опоздали - катастрофа в Карели уже совершилась.

Капитан Секерин, командовавший стоявшей там ротой, узнав, что лезгины отбили у жителей скот, бросился за ними в погоню. Секерину предстояло действовать в лесистой местности, где неприятель на каждом шагу мог устроить засаду. Излишнее пренебрежение неприятелем могло оказаться пагубным, а рота Секерина состояла всего из сорока четырех человек. Между тем он не усомнился кинуться с ней в дремучий бор, начинавшийся верстах в семи за деревней, и был окружен массой лезгин. Молодой Секерин три раза опрокидывал неприятеля, но ему пришла неудачная мысль растянуть свою цепь, чтобы показаться врагам многочисленнее. Лезгины скоро поняли маневр, всей массой ринулись в шашки и разорвали цепь. Сам Секерин одним из первых был тяжело ранен в ногу. Отойдя в сторону, он начал платком перевязывать рану, как вдруг толпы лезгин бросились на него. Егеря, имевшие каждый по двадцать лезгин против себя, не могли прийти на помощь к своему капитану, и он был изрублен на глазах отряда. Умирая, Секерин успел крикнуть старшему Рогульскому: "Помни, русские не сдаются!" Поручик Рогульский успел отбросить неприятеля. Но увлеченный, подобно своему предшественнику, он переходит в наступление, устремляется на неприятеля - и падает мертвым, успев крикнуть своему младшему брату: "Помни слова Секерина: русские не сдаются!" Юный Рогульский обратился к солдатам с воодушевленными словами, но его поражает пуля - и последнего офицера роты не стало. Видя гибель всех начальников, лезгины кричали солдатам, предлагая сдаться, но егеря бросились в штыки, окружили себя мертвыми телами и пали все до последнего. Подоспевшие егеря с Цехановским нашли только четырех тяжело израненных, которых лезгины не успели захватить. Они-то и передали товарищам подробности горестного, но славного дела.

Лезгины не осмелились производить дальнейших разбоев и вернулись в Ахалцихе. Но князь Цицианов, отлично знавший дух горских народов, был, однако, чрезвычайно встревожен гибелью роты Секерина и предписал командующему войсками в Картли, генерал-майору князю Орбелиани, немедленно наказать разбойников. Орбелиани, стянув значительный отряд (одиннадцать рот пехоты при четырнадцати орудиях), двинулся в пределы Ахалцихского пашалыка. Испуганный паша просил его остановить военные действия, обещая удалить лезгин из своих владений и не давать им приюта. Орбелиани согласился, но при непременном условии, чтобы лезгины капитулировали. Это было страшным ударом по самолюбию азиатов, но другого исхода не было, и двадцать пятого июня около шестисот отчаянных наездников покорно подъехали к русскому стану. Здесь у них отобрали оружие и потом, как пленный яссыр, погнали под конвоем за Алазань, откуда, однако, их отпустили восвояси.

С удалением лезгин из Ахалцихского пашалыка жители Картли вздохнули свободнее. Но деревянный крест, грубо отесанный усердной рукой солдата, долго еще виднелся под зеленым пологом дремучего леса, напоминая событие, записанное кровавыми буквами в боевые скрижали Кавказа.

К этому же времени относится присоединение к России Менгрельского княжества. Небольшая страна эта, наделенная всеми дарами роскошной природы, лишена была издавна главнейшего блага - спокойствия. Целые века менгрельцы кровью искупали свою независимость, бились с врагами, но не могли избежать страшных последствий, какими всегда сопровождаются азиатские войны. Тысячи пленных отрывались от своих семейств и появлялись на базарах Трапезунда, Константинополя и Каира.

Хотя условиями Кючук-Кайнарджийского мира страна и была признана вне непосредственной зависимости от Порты, но крепость Поти, ключ к сердцу Менгрелии, базар, куда стекались все пленники, оставалась в руках у турок, и разорение страны не уменьшилось. Изнемогая под тяжестью неравной борьбы, в особенности с соседней Имеретией, мужественный владелец Менгрелии, князь Григорий Дадиан, решился наконец последовать

примеру грузинского царя Георгия XII, на дочери которого был женат, и в марте 1803 года посольство его явилось в Тифлис.

Менгрелия домогалась уже не покровительства или помощи, как это бывало в прежние годы, она просила о включении ее в число русских владений, о доставлении ей спокойствия внутри, безопасности извне, молила о тех светлых днях, которыми уже начала пользоваться единоверная Грузия. Присоединение Менгрелии, лежавшей на самом берегу Черного моря, должно было обнаружить важное политическое влияние на все русское Закавказье, и князь Цицианов горячо отозвался на желания менгрельского князя.

Немедленно составлен был акт, по которому Менгрелия становилась русской провинцией, сохраняя, впрочем, автономное управление и оставаясь в наследственной власти князей Дадианов на прежних правах и обычаях. Но в число обязательных условий поставлено было уничтожение в Менгрелии смертной казни, как нетерпимой на всем протяжении Российской империи.

В Менгрелию был послан полковник Майнов, который должен был вручить князю Дадиану акт и принять от него присягу на верность русскому государю.

Соседи и особенно имеретинский царь Соломон, понимая всю важность совершившегося события, старались сколько возможно помешать его исполнению, и Майнову пришлось испытать на пути целый ряд приключений. В семейных бумагах сохранились его записки, в которых он подробно рассказывает об этом опасном путешествии.

Прямой путь лежал через Имеретию, и царь Соломон, проведав о поездке Майнова, запретил всякие сношения русских через подвластные ему земли, объявив всем, что заплатит пять тысяч червонцев тому, кто доставит ему "его (то есть Майнова) собачью голову". Тогда Майнов поехал в объезд на Ахалцихе, где, по совету паши, отпустил свой конвой, состоявший из полусотни казаков и роты егерей, переоделся в турецкое платье и, пробираясь через Батум, Озургеты и Поти берегом Черного моря, неоднократно рискуя попасть в руки Соломона, достиг наконец селения Дадичалы (в записках Майнова - Чаладиди). Там, четвертого декабря 1803 года, князь

Дадиан со всеми сановниками княжества принес торжественную присягу на подданство, и Майнов возложил на него при этом знаки ордена св. Александра Невского.

Участие в знаменательном событии присоединения Менгрелии отмечено на родовом гербе Майновых, в котором тогда же повелено было изобразить на золотом поле вылетающего черного двуглавого орла с распростертыми крыльями, а под ним горизонтально реку с надписью: "Риони".

С присоединением Менгрелии Имеретинское царство очутилось между двумя русскими областями, и потому присоединение к России его самого стало только вопросом времени. И это тем более, что Имеретия некогда была частью Иверии и только с 1445 года, со времени великого разделения, была отторгнута от царства мятежной отраслью Багратидов. А вся политика Цицианова и стремилась к тому, чтобы все обломки древнего царства снова соединить воедино.

И действительно, Цицианов немедленно потребовал от царя Соломона прекращения войны с Менгрелией, а для поддержания этого требования к границам Имеретии было придвинуто русское войско. Но и сам Соломон также понимал значение совершившихся событий и только раздраженный невольным унижением, созданным для него силой самих обстоятельств, колебался, отдаться ли России, или Турции.

Последовавшее вскоре падение Ганжи и движение к имеретинским границам Кавказского гренадерского полка сделали для него тяготение к Турции уже невозможным, и шестнадцатого апреля 1804 года состоялось свидание его с князем Цициановым в одном из пограничных грузинских селений. Впрочем, Соломон еще пытался удержать за собой независимость, но Цицианов принял свои меры. Прощаясь с Соломоном, он объявил ему, что будет иметь с ним свидание другого рода, на ратном поле, со шпагой в руках, а на другой день рота егерей, под начальством подполковника князя Эристова, уже заняла ближайшую имеретинскую деревню и стала приводить крестьян к присяге на верность русскому государю. В то же время приближался к Имеретии целый Кавказский гренадерский полк. Испуганный Соломон

просил нового свидания, и двадцать пятого апреля 1804 года Имеретия торжественно была присоединена к России.

Этим событием завершилось дело нового объединения Иверийского царства, некогда, за четыреста лет перед тем, расчлененного царем грузинским Александром I и теперь опять составившего нераздельное целое при Александре I, императоре русском.

Вновь присоединенные владения заняты были русским войском, именно - Белевским пехотным полком с артиллерией, переведенным сюда из Крыма. Полк благополучно высадился на берегах Черного моря близ устьев реки Хопи, но в эту же ночь поднялась страшная буря, и одно из десантных судов, корабль "Тольской Божьей Матери", разбившись о прибрежные скалы, погиб со всем своим экипажем из ста шестидесяти восьми человек. И это были единственные косвенные жертвы бескровного приобретения Грузией своих давнишних владений.

Менгрелия и Имеретия уже раз навсегда покончили свое независимое существование, и для них начался период мирного гражданского развития. В октябре того же 1804 года в Менгрелии, правда, возникли волнения, когда внезапно умер князь Григорий Дадиан, но эти волнения вызваны были загадочностью смерти князя, за неделю перед тем бывшего совсем здоровым и вдруг скончавшегося в ужасных мучениях, причем говорили даже, что он отравлен лечившим его католическим ксендзом, будто бы находившимся в тайных сношениях с Соломоном имеретинским. С другой стороны, эти волнения находили себе основание и в том обстоятельстве, что законный наследник Дадиана, десятилетний сын его, Леван, находился заложником за какой-то долг отца у Келиш-бека, владельца абхазского. Все эти волнения, впрочем, вскоре разрешились дипломатическими сношениями, взятыми в свои руки князем Цициановым. Он потребовал от Келиш-бека выдачи Левана, а когда Келиш-бек отказал, то генерал Рыкгоф, шеф Белевского полка, получил приказание идти в Абхазию и силой взять оттуда наследника Менгрелии.

Действия Рыкгофа, к сожалению, не привели к предложенной цели, недостаток продовольствия и разливы рек помешали ему дойти до Сухума, где

содержался Леван. Но, возвращаясь назад, он захватил приморскую крепость Анаклию, принадлежавшую Турции; и хотя князь Цицианов приказал немедленно сдать ее обратно и даже извинился перед турецким правительством, но этим случаем воспользовались наши враги, чтобы начать против России дипломатическую кампанию, в конце концов и приведшую ее к полному разрыву и к войне с Оттоманской Портой.

Враждебная политика Турции, сильно заботившая князя Цицианова, не заставила его, однако же, остановиться на полпути к освобождению Левана. Вместо генерала Рыкгофа пошел генерал Маматказин, шеф Кавказского гненадерского полка, с приказанием не оставить в Абхазии камня на камне, но Маматказину уже не пришлось употребить силу - Леван был выдан добровольно. С прибытием юного наследника волнения и беспорядки в Менгрелии мало-помалу затихли. Леван провозглашен был владетелем, и десятого июня 1805 года статский советник Литвинов торжественно, в присутствии знатнейших сановников Менгрельского княжества, вручил ему знаки владетельской инвеституры: высочайшую грамоту, меч, знамя и бриллиантовый орден св. Анны 1-ой степени. Временной же правительницей Менгрелии до совершеннолетия Левана тогда же утверждена была вдовствующая менгрельская княгиня Нина Георгиевна, женщина бесспорно умная, энергичная и преданная России.

А между тем, когда еще вопрос о присоединении к русским владениям Менгрелии и Имеретии только постепенно шел к своему разрешению, на персидской границе дела усложнялись.

Уничтожив в 1803 году старинных врагов Грузии, лезгин, издавна периодически опустошавших Кахетию и покрывавших ее почву кровью ее сынов и пеплом пожаров, Цицианов, для ограждения русских владений от персов и турок, задумал в том же году овладеть ближайшим к Грузии Ганжинским ханством, потом идти на Эривань, взять Баку и таким образом утвердить русское влияние на Каспийском побережье Закавказья.

Войска уже были готовы к походу, когда получились известия о новом восстании джаро-белоканских лезгин, подстрекаемых самухскими беками и елисуйским султаном. Цицианов отрядил против

них опять генерала Гулякова, а сам с шестью батальонами пехоты, с Нарвским драгунским полком и двенадцатью орудиями двинулся к Ганже.

Вступив в пределы ханства, главнокомандующий отправил к Джавату, хану ганжинскому, письмо, требуя добровольной покорности. "Первая и главная причина моего прихода сюда, - писал он ему, - та, что Ганжа со времени царицы Тамары принадлежала Грузии и слабостью царей грузинских отторгнута от оной. Всероссийская империя, приняв Грузию в свое высокомощное покровительство и подданство, не может взирать с равнодушием на расторжение Грузии; и недостойно бы было с силой и достоинством высокомощной и Богом вознесенной Российской империи оставить Ганжу, яко достояние и часть Грузии, в руках чужих. Пришед с войсками брать город, я, по обычаю европейскому и по вере, мной исповедуемой, должен, не приступая к пролитию крови человеческой, предложить вам сдачу города. Буде завтра в полдень не получу ответа, то брань возгорится, понесу под Ганжу огонь и меч, и вы узнаете, умею ли я держать свое слово".

Джават-хан, тот самый, который вместе с агой Мохаммедом грабил Тифлис, самоуверенно ответил, что намерен дать отпор и что "ежели русские пушки длиной в аршин, то его пушки - в четыре аршина". "Где это видано, - писал Джават-хан, - чтобы вы были храбрее персиян. Видно, несчастный рок доставил вас сюда из Петербурга, и вы испытаете его удар".

После такого ответа русские войска двинулись вперед и, овладев садами, городским предместьем и караван-сараем, отделявшимся от крепостной стены лишь одной эспланадой, открыли орудийный огонь. Джават-хан защищался геройски; целый месяц длилась осада, пять раз возобновлял Цицианов требования сдать крепость, но все было напрасно. "Я возьму крепость и предам тебя смерти", - писал он упрямому хану. "Ты найдешь меня мертвым на крепостной стене", - отвечал Джават, и оба клялись исполнить свои обещания. Наконец, второго января 1804 года, военный совет порешил: "Быть штурму на следующий день".

Цицианов разделил войска на две колонны, из которых одна (два батальона Кавказского гренадерского и Севастопольского полков и два спешенные

эскадрона нарвских драгун) была поручена генерал-майору Портнягину, а другая (два батальона семнадцатого егерского полка) - полковнику Карягину.

Ночь со второго на третье января была темная, морозная, и войска, с вечера собранные на места, назначенные по диспозиции, тихо, без обычных церемоний, отнесли знамена и штандарты назад, на мечетный двор, куда потянулась также вся татарская милиция, "как не достойная (по выражению цициановского донесения) по своей неверности вести войну обще с высокославными российскими войсками". Еще было темно, когда войска подступили под крепость. Несколько горящих подсветов, брошенных неприятелем в ров, осветили русские штурмовые колонны, и с крепостной стены загремели орудия, посыпались стрелы и камни.

Приступ начался.

Колонна генерала Портнягина, приблизившись к Карабагским воротам, приняла вправо, чтобы ворваться через брешь, пробитую накануне в земляной стене, но так как против этой бреши сосредоточились главные силы ганжинцев, то Портнягину пришлось поневоле оставить ее в стороне и штурмовать крепостную стену при помощи лестниц. Сопротивление, встреченное им, было, однако же, так велико, что русские войска два раза возобновляли приступ и два раза были отбиты со значительным уроном. Тогда Портнягин бросился сам во главе колонны и первый взошел на стену. Вслед за ним появился Нарвского полка поручик Кейт и тут же пал, пораженный несколькими пулями. Та же участь постигла майора Бартенева, который, несмотря на свои преклонные лета, бросился вперед, желая увлечь за собой севастопольцев. Наконец, уже подполковнику Симановичу во главе гренадер удалось взобраться по лестницам на стену и выручить Портнягина, окруженного татарами. В это время вторая колонна, предводимая "храбрым, поседевшим под ружьем" полковником Карягиным, взошла на стену со стороны Тифлисских ворот и овладела главной башней. Другие две башни были взяты последовательно одна за другой майором Лисаневичем, и в одной из них, Хаджи-Кале, был убит сам Джават-хан, не захотевший искать спасения в бегстве. Видя безвыходность своего

положения, он сел на пушку и с саблей в руке защищался, пока не был изрублен капитаном Каловским, который и сам тут же был убит татарами. Смерть хана внесла смятение в ряды неприятеля, он скоро был сброшен со стен, и майор Лисаневич, разгоняя штыками последние, еще державшиеся кое-где неприятельские резервы, пробился к воротам, заваленным тяжелыми каменьями. Но пока он разбрасывал их, пока сбивал тяжелые засовы, солдаты успели перетащить за собой на стены огромные пятисаженные лестницы и по ним стали спускаться в город.

А в городе в это время стояло ужасное смятение. Толпы татар, и конных, и пеших, в беспорядке носились по улицам, тщетно разыскивая уже погибший ханский бунчук. Растерявшиеся жители прятались в домах и сараях, женщины оглашали воздух неистовыми криками. Между тем солдаты штыками очищали от неприятеля улицы, сплошь покрытые мертвыми телами, и захватывали добычу, находя даже на лошадях драгоценные золотые уборы. К полудню бой стал утихать и вспыхнул вновь только на один момент, когда солдаты наткнулись на пятьсот татар, засевших в мечети. Сперва им предложили сдаться, но когда узнали, что в числе запершихся находятся лезгины, это послужило сигналом для смерти всех защитников - так сильна была ненависть к лезгинам уже и в русских войсках.

Цицианов глубоко оценил подвиги солдат при взятии ганжинской крепости.

"Что касается меня, - писал он по этому поводу, - то я не пришел еще в себя от трудов, ужасной картины кровопролитного боя, радости и славы. Счастливый штурм этот есть доказательство морального превосходства русских над персиянами и того духа уверенности в победе, который питать и воспламенять в солдатах считаю первой моей целью".

В Ганже взяты были девять знамен, двенадцать орудий, шесть фальконетов и большие запасы оружия и провианта. Русским же ганжинский штурм стоил семнадцати офицеров и двухсот двадцати семи нижних чинов, выбывших из строя. Но зато вооруженный неприятель был совершенно уничтожен. Достойно, однако, замечания, что из девяти тысяч женщин, находившихся в городе, ни одна не погибла во время

штурма - обстоятельство неслыханное и непонятное в крае, поставившее в тупик азиатов, с удивлением видевших, что гяуры никого не увлекают в рабство, как того требовал давно установившийся в Азии обычай.

В числе пленных представлено было князю Цицианову ханское семейство, в самом несчастном и жалком положении. Уважая военную доблесть павшего геройской смертью хана, главнокомандующий даровал его семейству свободу и щедро одарил его деньгами и подарками. Этот великодушный поступок быстро стал известен в горах, вызывая новое удивление и возвышая славу Цицианова.

Впечатление от падения Ганжи было так сильно в крае, что татары и поныне хранят память о нем в своих былинных песнях. Вот что говорится в одной из них:

"Братья! Послушайте меня, старика: я расскажу вам историю гибели славного города Ганжи.

Я помню сам ту страшную минуту, когда на главных бастионах перестали веять наши знамена.

Не думая о других убитых, мы плакали только о храбром Джават-хане, в лице которого утратили последнюю надежду, и грозная когда-то Ганжа уже почти без боя сдалась русским.

Тело бедного хана было брошено на улицу, но мы схоронили его и ждали себе подобной же участи, тем более что Шемаха и Шуша не дали нам обещанной помощи.

Ганжа пала в самую ночь великого байрама, и вместо праздника и радости мы видели только кровь, рекой омывающую крепость.

Испуганные женщины были полумертвы; и куда девалась тогда красота их? Она, как роза, убитая дыханием бури и холода, сбежала с их лиц.

Не русские делали нам притеснения, обидно было смотреть, как драгоценности Ганжи переходили в руки казахов и барчалинцев.

Но прошедшего не воротишь. Велик Аллах, предопределивший жребий наш! Взгляните, друзья, на нашу настоящую жизнь: не счастливее ли мы теперь во сто крат, чем были прежде?".

Взятие Ганжи было событием чрезвычайной важности уже и потому, что крепость эта считалась ключом к северным провинциям Персии. Поэтому,

желая убедить побежденных, что русские уже никогда не оставят завоеванного края и что самое название Ганжи должно истребиться из памяти народа, Цицианов назвал город Елизаветполем, в честь императрицы Елизаветы Алексеевны.

Старая крепость, свидетельница штурма, уже давно стоит в развалинах, но и теперь еще видны остатки ханского дома, сераля и других построек. В одной из них посетителям показывают две небольшие комнаты, которые занимал князь Цицианов по взятии крепости и где он любил останавливаться, посещая Ганжу впоследствии. Поныне же стоит и скромная мечеть в городском предместье, осененная гигантскими чинарами, которые считаются ровесниками самого здания, имеющего за собой более двухсот пятидесяти лет. Двор мечети обнесен каменной стеной, и по ней кругом устроены помещения для духовенства, школ и дервишей. Две маленькие комнатки, которые занимал покоритель Ганжи во время осады, уцелели до нашего времени в своем первообытном виде, и князь Воронцов, сподвижник геройских дел Цицианова, будучи уже наместником, приказал поместить на наружной стороне этого жилища мраморную доску с надписью из золоченой бронзы.

Всем участникам осады и штурма Ганжи были пожалованы особые серебряные медали; Цицианов произведен в генералы от инфантерии. Но он, как свидетельствуют его письма, был огорчен этой наградой: он ожидал Георгия 2-ой степени.

Не столь удачен был поход Гулякова, отправившегося, как мы видели, в Джаро-Белоканскую область. Он быстро перешел Алазань и разбил пришедших туда на помощь дагестанцев, но, увлеченный желанием проникнуть в самые недра гор, неосторожно вдался в тесное Закатальское ущелье и был там убит стремительно напавшим неприятелем. Отряд, потеряв любимого начальника, отступил обратно к Алазани. Однако же этот бой был до того упорен и потери неприятеля так велики, что спустя несколько дней лезгины сами прислали просить о пощаде.

"Неблагодарные! - писал по этому поводу главнокомандующий в своей прокламации джарскому народу. - Знайте, что тот, кто имеет силу в руках, не торгуется со слабым, а им повелевает. Не обманете вы меня в другой раз. Истреблю вас всех с лица

земли, и не увидите вы своих селений; пойду с пламенем по вашему обычаю, и хотя русские не привыкли жечь, но я спалю все, чего не займу войсками, и водворюсь навеки в вашей земле. Знайте, что, писав сие письмо к вам, неблагодарным, кровь моя кипит, как вода в котле, и члены все дрожат от ярости. Не генерала я к вам пошлю с войсками, а сам пойду; землю вашей области покрою кровью вашей, и она покраснеет; но вы, как зайцы, уйдете в ущелья, и там вас достану, и буде не от меча, то от стужи поколеете".

Гнев Цицианова простерся и на союзников джарцев.

"Бесстыдный и с персидской душой султан, - писал он елиссуйскому владельцу, - и ты еще смеешь писать ко мне. В тебе собачья душа и ослиный ум, так можешь ли ты своими коварными отговорками обмануть меня? Знай, что доколе ты не будешь верным данником моего государя, дотоле буду желать твоей кровью вымыть мои сапоги".

В таком же роде прокламация отправлена была им и к самухскому владельцу Шерим-беку, который не только помогал лезгинам, но из особой приязни к ганжинскому хану принял к себе его детей, бежавших из Ганжи во время осады.

"Шерим-беку самухскому, - писал главнокомандующий, - со мной, высокославных российских войск главным начальником, переписываться и пересылаться послами некстати и для меня - низко. Когда вы боялись Джават-хана, то как же меня не боитесь? И как вы осмелились принять детей его, бежавших отсюда во время штурма? Бросьте все ваши глупости и тотчас же без всякой отговорки представьте их ко мне. Им худа не будет. Приезжайте тотчас с покорностью, а если замедлите, то я вас и на земле, и в воде найду. Вспомните, что слово свое держать умею. Сказал, что джарскую провинцию сокрушу, - и сокрушил; сказал, что царскую фамилию, раздирающую Грузию, из Грузии вывезу, - и вывез; сказал, что Ганжу возьму, - и взял. Теперь судите, можете ли вы равняться с нами".

Впечатление от этих прокламаций было таково, что третьего апреля 1804 года в Тифлис съехались депутаты от джаро-белоканских лезгин, елиссуйский султан и сам Шерим-бек вместе с детьми ганжинского

хана. Все они были обложены данью и присягнули на вечную покорность русским государям.

"Наш князь, - сказал по этому поводу Павел Михайлович Карягин,- сделав музыку из ядер и пуль, всякого хана по своей дудке плясать заставит".

Завоевания Цицианова и особенно падение Ганжи, считавшейся неодолимой твердыней в этой части Востока, произвело сильнейшее впечатление на Персию, где справедливо подозревали, что Цицианов на этом не остановится.

Опасения Персии оправдались, и уже летом 1804 года Цицианов отправился в поход на Эривань. Неприятельские армии, встретившие его под Эчмиадзином и потом у деревни Калагири, оба раза были разбиты, и Цицианов обложил Эривань. К сожалению, этот поход, блестящий целым рядом подвигов, прославивших имена Портнягина, Монтрезора и других, в конце концов все-таки окончился неудачей благодаря ненастной осени, затруднениям в доставке провианта и многим другим неблагоприятным обстоятельствам. Цицианов должен был снять осаду и возвратиться в Грузию. Впрочем, и этот неудачный поход нанес такой удар Эриванскому ханству, что почти непосредственно за тем, в январе 1805 года, генерал Несветаев уже без усилий отторг от него и присоединил к русским владениям важную Шурагельскую область, прикрывшую Грузию не только со стороны Эривани, но и со стороны турецких крепостей Карса и Ардагана.

Тотчас по возвращении из эриванского похода Цицианов начал переговоры с карабагским ханом, склоняя его к принятию русского подданства. Как только слух о том распространился, шах, опасаясь навсегда лишиться еще одной важной области, с давних пор находившейся в зависимости от Персии, послал в Карабаг значительное войско и в то же время щедрыми обещаниями старался привлечь на свою сторону хана. Восьмидесятилетний хан Ибрагим, знавший по опыту коварство персидского двора и имея перед глазами живой пример в правителе шигазском, поверившем торжественной клятве шаха и изменнически убитом в Тегеране, не поддался обещаниям: он с мужеством встретил персидские войска и наголову разбил их при Дизане.

Поздравляя карабагского хана с победой, Цициа-

11-3000

нов между прочим писал: "Жаль, что самого (главнокомандующего) не изловили, ибо, не истребив и не вырвав корня, дерево всегда вырастает, да и оскорбление, нанесенное Баба-хану разбитием его сардаря, так велико, что к весне надлежит ожидать от него еще большого числа войск".

Сильная и довольно обширная крепость Шуша, столица Карабагского ханства, лежала только в восьмидесяти верстах от персидской границы и давала возможность сосредоточивать в ней значительные силы для действия против Персии с одной из самых слабых ее сторон. Зная важное стратегическое значение Шуши для русских и опасаясь влияния шаха, Цицианов поспешил с окончанием переговоров и пригласил карабагского хана явиться в Елизаветполь для подписания трактата. Ибрагим прибыл, и шестого февраля 1805 года князь Цицианов лично принял от него присягу на верность русскому императору. Хан обязался платить подать в восемь тысяч червонцев; ему же дарованы почетная сабля, знамя с русским гербом и обещаны неприкосновенность прав и сохранение его владений. Внуку его, взятому в аманаты, тогда же определено ежегодное содержание от русского правительства в десять тысяч рублей.

Вслед за Ибрагимом, двадцатого мая, принял русское подданство и Селим-хан шекинский, женатый на дочери карабагского владельца. Впрочем, надо сказать правду, что его вынудила к этому исключительно вражда с соседним ширванским ханом, тогда уже приближавшимся к его границам. Для защиты Нухи князь Цицианов приказал отправить русский отряд и в то же время известить ширванского хана, что так как владения Селима вошли отныне в состав Российской империи, то всякое покушение против них будет жестоко наказано русским оружием.

С занятием нами Шекинского ханства джаро-белоканские лезгины очутились между двумя русскими отрядами, из которых один стоял на Алазани, другой в Нухе, и вековечные набеги их стали почти невозможными. В Карабаг введено было также русское войско, и Шушу занял отряд из шести рот семнадцатого егерского полка с тремя орудиями, под начальством майора Лисаневича. Прибытие войск оказалось как нельзя более кстати, потому что на границах Карабага уже сосредоточивалась в это время

сильная персидская армия. Цицианов предписывал Лисаневичу действовать наступательно, "разбить персиян" и вообще вести нападения таким образом, чтобы препятствовать им приближаться к Араксу. "В подобном случае, - писал он, - ничто не действует так, как сюрпризы, например, посадить пехоту на лошадей карабагской конницы, ночью сделать большой переход, спешиться и действовать егерями".

Исполнить этот приказ оказалось, однако, невозможным. Пока Лисаневич стоял у худо-перинского моста, десять тысяч персиян, под предводительством Пир-Кули-хана, переправились в разных местах через Аракс и потянулись к Жабраильским садам. Лисаневич встретил их со своим батальоном и после упорного боя отбросил за Аракс, но и сам он вынужден был поспешно возвратиться в Шушу, куда призывал его хан для укрощения бунта, возникшего там, конечно, не без участия персидской политики.

Между тем, с отступлением Лисаневича, главная персидская армия, под личным предводительством наследного принца Аббас-Мирзы, вошла в Карабаг. Но все усилия ее разбились здесь о горсть русских войск, предводимых полковником Карягиным, подвиги которого в эту эпоху носят на себе поистине легендарный характер. Окруженный двадцатитысячной персидской армией, сперва на Аскаране, потом при Шах-Булахе и, наконец, в Мухрате, Карягин почти три недели боролся со всеми силами Аббас-Мирзы, не только с честью отбивал нападения, но сам брал приступом персидские укрепления и, наконец, с отрядом, уменьшенным до ста штыков, пробился к Цицианову, который шел к нему на помощь с четырьмя батальонами. Тогда персияне поторопились уклониться от встречи с грозным русским главнокомандующим. Сам Фет-Али-шах, уже перешедший границу с сорокатысячной армией, поспешно ушел за Аракс, а Аббас-Мирза, попытавшийся еще держаться в Елизаветпольском округе, был разбит полковником Карягиным. Отряд самого Цицианова окончил кампанию, можно сказать, без выстрела, и только одной сборной сотне донских и линейных казаков, под командой гребенского есаула Фролова, удалось ознаменовать себя блистательным подвигом : окруженная двухтысячным конным отрядом персиян, она защищалась с чрезвычайным упорством, и хотя

потеряла четвертую часть своих казаков, но задержала персиян настолько, что дала возможность пехоте Цицианова совершить переправу через реку Тер-Тер без всякой помехи.

Так окончилась кампания 1805 года, сопровождавшаяся такими подвигами мужества и самоотвержения, которые казались чудесными даже в глазах самих современников. "У вас совершаются дела баснословные, - писал Цицианову один петербургский вельможа, - слыша о них, дивишься им и радуешься, что имя русских и Цицианова гремит в странах отдаленных".

Но стремления Цицианова шли далее обеспечения русских владений со стороны Персии и Турции. Он понимал, что не имея ни одного торгового пункта ни на Каспийском, ни на Черном морях, почти невозможно удержаться в Закавказье, имевшем единственное сообщение с Россией через горы, доступные притом не во всякое время года. Между тем переговоры с Турцией об уступке Поти не привели ни к каким результатам. Тогда, чтобы как-нибудь помочь делу, Цицианов заложил в Менгрелии, при устьях Хопи, небольшое укрепление Редут-Кале и в то же время, пользуясь войной с Персией, задумал занять Баку и утвердиться на Каспийском море. С этой целью отправлена им еще в 1805 году Каспийская флотилия с десантом, под командой генерал-майора Завалишина. Завалишин обложил Баку с суши и с моря, но когда на помощь к бакинцам пришло многочисленное войско кубинского хана, русские войска отступили и сели на суда, не успев причинить никакого вреда осажденным. Князь Цицианов был чрезвычайно огорчен поступком Завалишина. "Скажу вашему превосходительству, - писал он ему из Тифлиса, - что если бы я не ходил по горнице на костылях от изнурившей меня болезни, то я бы полетел сам на выручку славы русской и скорее лег бы под стенами Баку, нежели дал бы кичиться Гуссейн-Кули-хану тем, что он отбил русские войска и что они ничего ему не сделали".

Мысль эта до того тревожила князя Цицианова, что он не вытерпел наконец, и в зимнее, ненастное время, еще не оправившись от тяжких болезней, сам двинулся под Баку с отрядом, в котором насчитывалась тысяча шестьсот штыков и десять орудий. (Это

были два батальона Севастопольского полка, шесть рот девятого егерского полка, сто двадцать восемь человек Тифлисского и до двухсот казаков донских и линейных). Пароксизмы изнурительной лихорадки, повторявшиеся по нескольку раз в день, окончательно добивали здоровье Цицианова. Во время похода его нередко снимали с лошади и клали на землю; под снегом и дождем он выдерживал сильные припадки и потом догонял отряд на привалах.

Войска шли через Ширванское ханство, и Цицианов, так сказать, мимоходом присоединил его к русским владениям. Двадцать пятого декабря 1805 года Мустафа-хан ширванский подписал условия подданства, и теперь со стороны Каспийского моря оставалось покорить только Баку. Цицианов и приказал известить Гуссейн-Кули-хана бакинского, что идет с твердым намерением или взять город, или умереть под его стенами.

После трудного перехода через Шемахинские горы отряд вступил в границы Бакинского ханства и тридцатого января 1806 года остановился при урочище Нахар-Булаг. Отсюда князь Цицианов и потребовал сдачи города. Гуссейн-Кули-хан ответил, что безусловно отдается милосердию русского государя, но втайне он замышлял гнусное и черное злодейство.

Наступил день, назначенный для сдачи Баку. Утром восьмого февраля 1806 года главнокомандующий в полной парадной форме и в сопровождении лишь небольшого караула, назначенного для занятия крепости, приблизился к колодцу, отстоявшему на полуверсту от города. Здесь ожидали его бакинские старшины, которые подали ему ключи от городских ворот и просили лично успокоить хана насчет его участи. Главнокомандующий ответил, что рад увидеть старого знакомого, и возвратил ключи с тем, чтобы Гуссейн вручил ему их лично. Хан не замедлил выехать из крепости, и Цицианов доверчиво пошел к нему навстречу без свиты, сопровождаемый только своим адъютантом, подполковником Эристовым, и одним казаком. Но едва Цицианов приблизился к хану, спутники последнего, бывшие верхом, вдруг бросились на него - и он упал, убитый наповал выстрелом из пистолета. Та же участь постигла и Эристова. Бакинцы с крепостной стены приветствовали убийство радостным криком и залпом из всех

орудий по отряду, стоявшему у колодца. Между тем убийцы подхватили тела и умчали их с собой. Наступила критическая минута, в которую решался вопрос о достоинстве, чести и славе русского имени. К сожалению, оставшийся старшим в отряде генерал-майор Завалишин оказался ниже своей задачи и малодушно, под предлогом недостатка провианта и большого числа больных - как будто бы этих обстоятельств не существовало при Цицианове, - поспешно отступил от крепости вместо того, чтобы немедленным и грозным штурмом отомстить за смерть главнокомандующего. Он посадил войска на суда и, бросив Закавказье, отплыл с ними в Дагестан, в шамхальские владения, откуда с трудом пробрался на Линию. Так кончился этот несчастный поход, в котором восточное вероломство погубило одного из лучших русских людей и военачальников.

"Голова генерала Цицианова, полная отваги и предприимчивости, и руки его, крепкие мышцами, распространявшие власть, - говорит персидский историк, - были отсечены от трупа и отправлены в Ардебиль, а оттуда с большим торжеством препровождены в столицу, Тегеран, к персидскому шаху". Тело же его было зарыто у ворот самой Бакинской крепости, где долгое время виднелась могила грозного русского главнокомандующего. Цицианов как будто предчувствовал свою кончину. Незадолго перед тем он писал к своему другу Василию Николаевичу Зиновьеву: "Государь ко мне весьма милостив и обещает отсель меня взять к себе... Помолись, чтобы я выехал цел или жив. Я выведу тебе славную лошадь под именем Заид-хан, роста большого, езды прекрасной, и тебе она по завещанию назначена, хотя бы я здесь умер или убит был. Я считаю тебя ездоком и охотником, а она моя любимая лошадь, и я всегда на ней бывал в сражениях".

Генерал Ладынский рассказывает также странный случай, которого был очевидцем. Когда Цицианов собирался в поход под Баку, ему проездом пришлось довольно долго жить в Елизаветполе. Там каждую ночь на крыше его сакли появлялась собака и страшно выла. Ее убили, но на место ее стали являться другие, и зловещие завывания их по ночам не давали покоя больному князю. Встревоженный,

Цицианов приказал перебить всех собак в Елизаветполе. Собак перебили, но суеверные ожидания, вызванные этим загадочным фактом, к несчастью, исполнились...

Впоследствии, когда Баку был взят генералом Булгаковым, прах знаменитого кавказского героя был предан погребению в тамошней армянской церкви, а спустя еще шесть лет новый главнокомандующий маркиз Паулуччи перенес его в столицу Грузии, и тело князя Цицианова покоится ныне в тифлисском Сионском соборе.

Перенесение тела совершилось с печальной торжественностью двадцать седьмого ноября 1811 года. Гроб был поднят и вынесен на руках офицерами бакинского гарнизона при огромном стечении местных жителей. Князь Эристов, Туманов и князь Чавчавадзе, присланные сюда главнокомандующим, сопровождали его до самого Тифлиса. Повсюду войска выходили навстречу славному вождю, когда-то обезглавленному и зарытому ...без почестей бранных

Врагами в сыпучий песок...

Весь Тифлис вышел навстречу процессии и в безмолвии сопровождал прах доблестного князя до новой могилы, приготовленной для него в древнейшем храме иверийской земли. По приказанию маркиза Паулуччи над могилой его тогда же поставлен был памятник с красноречивой надписью, подробно рассказывающей страшную историю гибели Цицианова, "которого враги, быв слабы победить силой, умертвили изменнически". "Под сим монументом, - говорит эпитафия, - сокрыты тленные останки Цицианова, коего слава переживет прах его".

Впоследствии этот памятник был заменен другим. Первая мысль и забота о нем принадлежали Паскевичу, во времена управления которого Кавказом, в 1830 году, составлен был и самый проект памятника петербургским архитектором Штаубергом. Камни пород яшмы и порфира выломаны были для него из скал Казбека, но, доставленные в Тифлис в 1838 году в грубом виде, они оставались так почти десятилетие, и только уже в сороковых годах светлейший князь Воронцов докончил начатое Паскевичем дело.

В князе Цицианове Закавказье понесло невосполнимую утрату. Но и в короткое время, проведенное им там, он сумел совершенно изменить карту этого

края. Цицианов застал Закавказье состоящим из раздробленных, независимых, опиравшихся на Персию магометанских владений, ханств: Бакинского, Ширванского, Шекинского, Карабагского, Ганжинского и Эриванского; сюда же надо причислить земли джаро-белоканских лезгин, пашалык Ахалцихский и крепости, лежащие в турецких владениях по берегу Черного моря. Все эти ханства, земли и крепости составляли враждебное кольцо, охватывающее с трех сторон грузинские земли, между которыми Менгрелия и Имеретия тоже враждовали и между собой и с Грузией, раздираемой к тому же спорами царевичей. Но прошли три года - и Цицианов оставил Закавказье почти в теперешних его пределах, спокойным и покорным от моря до моря. И все это совершено им в такое время, когда Россия, занятая приготовлениями к великим войнам, не много могла дать Кавказу, когда прибытие туда одного какого-нибудь полка считалось уже громадным подкреплением.

Цицианов был не только замечательнейшим полководцем, создавшим дух кавказского солдата, но и выдающимся администратором. При нем начато строительство дороги с Кавказской линии в Грузию, возобновлен Владикавказ и учреждено правильное почтовое сообщение по Военно-Грузинскому тракту.

Среди беспрерывных походов и битв Цицианов не переставал помышлять о борьбе с невежеством, в котором погрязло все народонаселение Грузии, хлопотал об учреждении в Тифлисе гимназий, о присылке учителей русского языка, о доставке книг и прочего.

В то же время про Цицианова с полным правом можно сказать: "Человек он был". Его гуманные заботы о своих боевых сподвижниках представляют редкий и трогательный пример. Так, в первые минуты после ганжинского штурма, среди тяжких забот главнокомандующего, он собирает сведения не о погибших только, а и о тех, кто понес в этих погибших тяжкую, невозвратимую утрату. В рапорте государю, писанном, можно сказать, еще на дымящихся развалинах крепости, Цицианов, говоря о смерти поручика Кейта, прибавляет тут же, что после него осталась жена "в беднейшем положении"; донося о смерти старого шестидесятилетнего майора Бартенева, он просит в память отца наградить следующим чином сына, "дабы он мог поспешить

относительно храбрости по следам почтенного отца своего..."

Удивительно ли после того, что князь Цицианов был так любим своими подчиненными.

Исполненный необыкновенного ума, храбрости, одаренный проницательностью и твердой волей, хорошо знакомый с характером восточных народов, Цицианов гордо и высоко держал русское знамя и оставил после себя славную память, которая никогда не умрет в истории русских кавказских войн.

VIII

ГЕНЕРАЛ ГУЛЯКОВ
(Покорение лезгин)

С именем генерал-майора Гулякова соединяется представление о геройской личности, положившей предел разбойническим набегам хищных лезгин на Грузию.

Василий Семенович Гуляков происходил из дворян Калужской губернии и начал службу в 1768 году рядовым в одном из армейских пехотных полков. Тридцатишестилетнее поприще его совпадает с эпохой важнейших событий царствования Екатерины; до прибытия на Кавказ Гуляков уже участвовал в войнах турецкой, польской и шведской, под начальством знаменитейших вождей екатерининского века, и в битве со шведами был ранен ружейной пулей в правое плечо. С производством в генералы, в январе 1800 года, он был назначен шефом Кабардинского полка, стоявшего тогда на Кавказской линии, в Георгиевске, откуда, спустя несколько месяцев, в эпоху окончательного присоединения Грузии, полк передвинут был в Тифлис и прибыл туда двадцать третьего сентября 1800 года.

Еще задолго до солнечного восхода толпы тифлисских жителей стали собираться за Верским предместьем, поджидая к себе дорогих гостей. За городом разбиты были два шелковых намета для помещения лиц царской фамилии. Царь был болен, но, несмотря на то, выехал в линейке, сопровождаемый всеми царевичами и своей супругой, которую, по обычаю грузин, несли в великолепном паланкине.

День настал ясный и солнечный, но дул резкий холодный ветер, напоминавший о приближении осени. И вот загремели барабаны, и из-за ближней горы, щетинясь штыками, выдвинулась масса, еще неопределенная и темная, но над которой гордо развевалось победное русское знамя. То были кабардинцы. Ближе и ближе приближался полк, и все яснее вырисовывались из-под густой тучи пыли загорелые лица солдат, перешедших заоблачные выси Кавказа.

Царь и за ним вся свита сели на коней и тронулись навстречу полку. Полк остановился, барабаны ударили "поход", знамена склонились, и русское "Ура!" понеслось навстречу царскому поезду. В ту же минуту, как бы в ответ на это приветствие, загудели церковные колокола в Тифлисе и раздались пушечные выстрелы со старых стен Метехского замка. Народ, не сдерживая больше нахлынувшего чувства радости, живой волной охватил колонну, расстроил ее ряды и братским целованием приветствовал пришедших.

Торжественная была эта встреча, при которой даже столетние старики, помнившие бедственные дни Грузии, не хотели оставаться в домах и выходили за ворота, чтобы благословить дрожащей рукой солдат, пришедших на помощь их родине. Целый день пировал народ на улицах Тифлиса и злорадно устраивал враждебные манифестации персидскому посланнику.

Полк Гулякова не долго оставался в Тифлисе; спустя короткое время один из его батальонов уже участвовал с отрядом генерала Лазарева в знаменитом поражении Омар-хана аварского на речке Иоре, а один из офицеров этого батальона, храбрый штабс-капитан Новицкий, собственноручно взял аварское знамя - первый боевой трофей Кабардинского полка в Закавказье. Сам Гуляков командовал в бою правым крылом и был одним из главных виновников победы.

"Умалчиваю в своем представлении о генерал-майоре Гулякове, - доносил Лазарев главнокомандующему в Грузии, - ибо геройские поступки его и неустрашимость превосходят всякое засвидетельствование. Скажу только, что он во время сражения находился всегда впереди каре, служа во всем примером своим подчиненным, которые единодушно воздают ему справедливую признательность и выказывают к нему непреоборимую в подобных случаях доверенность".

Император Павел пожаловал Гулякову командорский крест ордена св. Иоанна Иерусалимского, а его батальон получил мальтийское (георгиевское) знамя, с надписью на нем: "С нами Бог! За взятие у аварских войск знамени, при реке Иоре, 7 ноября 1800 года".

По изгнании лезгин Кабардинский полк остался в Кахетии и занял побатальонно города Телави и Сигнах. Здесь застало Гулякова известие о смерти последнего грузинского царя Георгия, вызвавшее большие смуты. Кахетинцы провозгласили его преемником царевича Юлона, и если дело не дошло в Кахетии до крови, то только благодаря твердости и тактичности генерала.

Между тем наступало время окончательного расчета с лезгинами, набеги и грабежи которых приняли в это время особенно тревожный характер. Это были те самые лезгины, которые еще при шах-Аббасе спустились с гор в цветущие долины по Алазани и образовали несколько вольных обществ, из которых ближайшее и самое опасное для Грузии было Джаро-Белоканское. Владея богатыми землями в Кахетии, лезгины не утратили, однако, суровой воинственности, некогда воспитанной в них горной природой, и войну предпочитали торговле, ремеслам и хлебопашеству.

Джары, Белоканы и Катехи, три главные селения этого геза (союза), скоро сделались центрами, куда со всех сторон Дагестана сходились удальцы, жаждавшие добычи, и оттуда, под руководством джарских старшин, они устремились на Грузию. Когда Персия владела нынешним Закавказским краем, то для защиты Грузии от горцев шах вынужден был содержать постоянно большое охранное войско, но и войско это не помогало Грузии: лезгины прокрадывались до самого Тифлиса и из-под стен его уводили в плен целые селения.

Грозный завоеватель Востока, Надир-шах, вздумал было наказать дерзость лезгин и послал на них многочисленное войско, но горцы укрепились в Белоканах, и при штурме его четырнадцать тысяч грузин и брат Надир-шаха пали жертвами гибельной неудачи. С тех пор лезгины стали считаться непобедимыми. Русские, заняв Кахетию, уже поколебали эту грозную славу еще при Кнорринге, а на долю Цицианова досталось сделать то, чего не мог сделать

Надир-шах, - взять Белоканы и окончательно разрушить разбойничье гнездо, постоянно державшее в страхе все Закавказье. Поводы к этому представились очень скоро.

С окраин Грузии то и дело получались весьма тревожные известия. Настойчиво держался слух, что лезгины, в числе восьми тысяч, собираются в Белоканах и только ожидают таяния горных снегов, чтобы вконец разорить Кахетию. Были и другие, нередко противоречивые известия. Сигнахский исправник уведомлял, например, что джарские старшины, изъявляя покорность, готовы выдать скрывающегося у них мятежного царевича Александра; квартировавший же там с батальоном Кабардинского полка подполковник Солениус писал, напротив, что джарцы готовятся к вторжению в Грузию; а сам Гуляков, находившийся на алазанской переправе, доносил, что в Кахетию присланы от царевича Александра разные лица, подговаривающие жителей к содействию лезгинам, и что многие из дворян и князей кахетинских, следуя подговорам, бежали в Белоканы.

Желая знать истину, Цицианов поручил Гулякову сделать обширную рекогносцировку берегов Алазани и собрать по возможности точные сведения о намерениях неприятеля, а вместе с тем избрать места для постройки по Алазани передовых редутов. Последней мерой рассчитывали не только воспрепятствовать набегам лезгин на Кахетию, но и преградить им прямой путь из Дагестана в Ахалцихе, заставив делать для этого кружной обход через Карабагское ханство.

Для экспедиции составлен был отряд из трех батальонов пехоты и двух казачьих сотен при восьми орудиях, а впоследствии к нему присоединилось еще и до пяти тысяч грузинской милиции.

Около полудня четвертого марта 1803 года отряд подошел к броду Урдо и встречен был с противоположного берега огнем лезгин, засевших за завалами. Гуляков ввел в дело целый батальон Кабардинского полка и, при содействии артиллерии, заставил неприятеля очистить переправу. Однако же брод этот, по крутости обоих берегов, оказался настолько затруднительным, что Гуляков избрал для переправы через Алазань другое, более удобное место, у Анага.

Дорога, ведущая отсюда в Белоканы, была весьма трудна для движения: везде топкие болота, густые, почти девственные леса, переправы через тинистые реки. Вдобавок погода была ненастная, и в продолжение трех дней сряду шел непрерывный дождь со снегом, растворивший почву до того, что лошади едва-едва тащили орудия. Подходя к Белоканам, казачьи разъезды открыли неприятельское укрепление, стоявшее в самой чаще леса и огражденное с флангов топкими болотами и камышами. Чтобы пройти в Белоканы, надо было прежде взять это укрепление, а между тем здесь сосредоточилось до десяти тысяч лезгин, и при них находились беглые грузинские царевичи.

Осмотрев местность, Гуляков предоставил честь взятия этого редута кабардинским батальонам. Не теряя времени на бесполезную перестрелку, он крикнул: "В штыки!"- и сам во главе колонны бросился на приступ. К общему удивлению, неприятель защищался так слабо, что только местами завязались незначительные рукопашные схватки. Пробежав несколько шагов за завал, солдаты заметили, что лес редел, и скоро очутились на опушке. Вдали виднелись Белоканы, а все поле, на протяжении двух или трех верст, было покрыто бегущими лезгинами, за которыми неслись казаки и конные грузины.

Хотя Белоканы находились на открытой и доступной местности, но всякий почти дом, окруженный каменной оградой, представлял собой отдельный форт и мог служить хорошей обороной. Разбитые лезгины, по пятам преследуемые русской конницей, однако, не успели занять Белоканы и рассеялись в разные стороны. Батальон Кабардинского полка, с майором Алексеевым во главе, двинулся вправо, чтобы отрезать лезгинам отступление в горы, но успел настигнуть только их хвост, который и поплатился значительной потерей.

Белоканы были взяты без боя. Но так как жители бежали вслед за лезгинами, то Гуляков приказал обратить их в развалины, а сам повернул отряд на Джары, главное селение Джаро-Белоканского вольного общества. На пути, между тем, расположились войска нухинского хана, пришедшего на помощь к джарцам с двумя пушками, и Гуляков готовился к упорному бою. Но слух о разгроме Белоканов так

быстро облетел окрестность, что едва передовые партии казаков появились у селения Катехи, как нухинцы ушли, и джарцы, покинутые своими союзниками, покорились.

Существует рассказ, основанный, вероятно, на предании, а быть может, и на устной передаче события одним из участников сдачи Джаров. Не придавая ему во всех подробностях исторической достоверности, передаем его в наиболее характерных чертах, рисующих быт и обычаи лезгин и отражающих значение для них деятельности Гулякова.

Было уже за полночь. В Джарах, на дворе перед домом Махмуд-муллы, десятка три усталых лошадей, покрытых пеной, с опущенными мордами, стояли привязанные к плетневому забору. Нукеры молча толпились во дворе, кто чистил оружие, кто обтирал запыленную сбрую; на всех лицах изображались усталость и уныние. У самого крыльца конюх держал карабагского коня, бодрого и свежего, покрытого поверх седла гилянской попоной, расшитой узорными шелками.

У Махмуд-муллы собрался джамат. В совете старшин шли совещания по поводу последних тревожных событий: нашествия русских, падения Белоканов и той грозы, которая висела над головами катех и джарцев. Присутствовавшие в джамате сидели на коврах друг против друга, но их почтительные позы, с поджатыми под себя ногами, указывали на присутствие между ними знатной особы. Действительно, у пылающего камина на мягкой подушке небрежно сидел молодой человек, черные, тонкие брови которого были нахмурены и быстрые глаза блуждали по сторонам с беспокойством.

Рассказчик не говорит, кто был незнакомец, подстрекавший, как увидим ниже, лезгин к сопротивлению русским, но судя по описанию, то был один из грузинских царевичей, быть может, даже Александр, изгнания которого так настойчиво требовал Цицианов.

Старый Махмуд-мулла обратился к собранию с речью.

- Мы разбиты, - говорил он. - В Белоканах не осталось камня на камне; русские приближаются. Что нам делать: идти навстречу с шашкой, повешенной на шее, или защищаться?

- Давно ли лезгины стали бояться смерти и научились вешать сабли на шеи? - горячо прервал

его незнакомец. - Или вы думаете, что, покорившись врагам, спасете имущество и вас не сгонят с земли, издревле принадлежавшей Грузии?

- Но мы бессильны остановить нашествие врага, высокостепенный Хан-Заде (наследник), - произнес Махмуд.

- Вы бессильны только духом, - возразил незнакомец. - Разве вас было больше, когда вы разбили под Белоканью войска Надир-шаха? И что может сделать тысяча штыков, если ваш союз поднимется единодушно? Вспомните, отцы ваши дорожили честью и славой больше, нежели жизнью и имуществом!

Энергия, дышавшая в этих словах, напоминания о прошлой славе лезгин достигли своей цели, произвели впечатление. Джамат заволновался.

- Постойте, постойте, почтенные старшины, - сказал тогда Махмуд-мулла, - послушайте и меня, старика: я долго жил на свете и много видел. У тебя, высокостепенный Хан-заде, есть повод поджигать нас к кровавой борьбе, но она грозит уничтожить наше благосостояние. Мы еще не знаем, чего требуют русские; прежде выслушаем их, покоримся на время, а не сдержать слова, обмануть гяуров - всегда успеем.

- Махмуд-мулла прав, - заговорили голоса, и большинство уже готово было принять его решение, как вдруг внимание всех привлечено было тихими, ласкающими звуками чонгура.

Вошел певец в платье персиянина, но с грузинским лицом, и запел перед джаматом следующую старинную повесть.

"В дни кровавых битв славного Фет-Али-хана, когда от Дербента до Куры развевались его победоносные знамена и он готовился уже перенесть огонь и меч за воды Куры, раз, на одном из его передовых постов, сидело несколько воинов, и каждый рассказывал то, что было с ним в жизни необыкновенного.

- Тяжело вспоминать мне былое мое, - говорил один шахсаванец, - оно камнем лежит у меня на сердце. Образ погибшей на моих глазах девушки неотступно повсюду стоит передо мной, и даже в битвах я слышу ее мольбы, заклинания и проклятия. Как исступленный бросаюсь я на врагов, ища смерти, но смерть бежит от меня. Все называют меня храбрым, а я - подлый трус!

Помню я ту роковую ночь, когда я тихо, как змея, подполз к знакомой кибитке моей дорогой Гюльназ.

- Прости, мой милый, - шептала она, - последний раз я в твоих объятиях; завтра в это время обнимут меня другие, нелюбимые руки, завтра отвезут меня к старому мужу, и я не увижу тебя более.

И она, рыдая, целовала меня в уста и в очи. Я уговаривал ее бежать со мной, я клялся ей, что небо и земля позавидуют нашему счастью, и скоро мы уже мчались с ней по лугам Муганской степи. Все было тихо кругом, только ветер гнался за нами погоней да рои змей, испуганные смелым скакуном, шипя расползались в стороны.

Солнце поднялось уже высоко и жгло невыносимо, когда мы остановились наконец в тенистом лесу близ Аракса. Утомленная Гюльназ крепко заснула, а я повел купать усталого коня. Возвращаясь, я услышал страшный вопль; в ужасе бегу на крик и вижу... Чудовищный, громадный змей до груди уже проглотил Гюльназ, и только раскинутые руки ее остановили пасть чудовища...

- Спаси меня... убей его... он душит меня, - кричала она.

Дрожь пробежала у меня по телу, голова пылала, я прицелился, но руки трепетали, в глазах темнело, и я опустил ружье.

- Я задыхаюсь!.. Заколи его!..

Кинжал дрожал в моих руках... Я сделал несколько шагов вперед, но не смел броситься на змея.

- Если боишься, дай мне кинжал, я поражу чудовище...

Но я трепетал от страха. Стоны Гюльназ пронзали меня; я видел ее глаза, обращенные ко мне с мольбой, видел ее трепещущее посиневшее лицо и кровь, текущую из уст, видел, как грудь ее разрывалась, как напрасно боролась она со змеем, как он душил ее. Сто раз хотел я броситься к ней на помощь, но невольный ужас приковывал меня к месту.

- А! Я вижу, что ты подлый трус!.. - вскричала она. - Так пусть же лучше умру во чреве этого чудовища, чем разделю когда-нибудь ложе с тобой, гнусный предатель!..

С этими словами она сложила руки над головой и исчезла в пасти змея; он обвился вокруг дерева, и я слышал, как затрещали кости несчастной...

- Так умри же, подлый трус! - вскричали его товарищи.

И шахсаванец пал под ударами...

Так совершила судьба свой приговор над предателем".

Чонгурист умолк. Джамат молчал, пораженный.

- А! Старая песня пробудила в вас совесть, - быстро проговрил незнакомец. - Отчизна - это наша драгоценная Гюльназ! И разве чудовище не поглотило уже большей половины ее? Разве она не взывает к вам о помощи? И вы, как подлый шахсаванец, не смеете броситься с кинжалами... Вы ждете, пока враг не захватит всю нашу землю! Трусы, достойные смерти!..

- Война! Война! - закричали в джамате.

Вдруг грянул и раскатился в горах пушечный выстрел. Снаружи кто-кто крикнул: "Гяуры! Спасайтесь!" Незнакомец и чонгурист первые бросились на коней и в общей тревоге исчезли из виду. Махмуд-мулла проводил их глазами.

- Пойдем с предложением мира, - сказал он оставшимся возле него старшинам.

Лезгины сдались...

Гуляков принял старшин в русском лагере и оставил неприкосновенными в Джарах не только дома и имущество жителей, но для большего успокоения последних вывел войска из селения, поставив их бивуаком на берегу Алазани. Скоро явились к нему сюда депутаты от всех вольных лезгинских обществ, изумленных неслыханным в Азии великодушием победителя, и заключили трактат, по которому весь Джаро-Белоканский гез, Самухские владения и Елисуйское султанство поступали на вечные времена в подданство России и облагались данью. Для утверждения же над ними русского господства построены были при броде Урдо Александровский редут и, сверх того, два укрепления: одно - на местности, известной под именем Царских Колодцев, а другое - в Караагаче.

Гуляков был награжден за эту экспедицию орденом св. Георгия 3-ей степени, а два батальона кабардинцев, вынесших на своих плечах всю тяжесть боя, заслужили от государя по рублю на человека.

Некоторое время Кахетия наслаждалась полным спокойствием. Но хищные инстинкты лезгин скоро

опять взяли верх над опасением кары и новых погромов. Девятого июля сильная партия, неожиданно спустившись с гор, кинулась на передовой пикет Кабардинского полка. К счастью, он не был захвачен врасплох. Встретив отпор, лезгины понеслись к табунам, ходившим на пастьбе, но, встреченные и здесь ружейным огнем караулов, ограничились тем, что отхватили в одном оплошавшем казачьем полку двести одиннадцать лошадей и угнали их в горы. Джарцы в свое оправдание спешили известить Гулякова, что эти лезгины пришли из Дагестана, но что они примут все меры для возвращения пропажи. Гуляков отлично понимал, что джарцы такие же участники набега, как сами дагестанцы, но пока, не имея возможности наказать их, сделал вид, что верит их обещаниям. Это, однако же, ободрило лезгин, и в темную осеннюю ночь, с двадцать первого на двадцать второе октября, лагерь Гулякова был атакован внезапно десятьютысячным скопищем горцев. Оглушительный гик, трескотня ружейных выстрелов и крики "Тревога!" подняли всех на ноги. Страшное ночное нападение требовало хладнокровия, без которого легко было растеряться среди этой сумятицы, и, к счастью, войска Гулякова сохранили порядок и полное самообладание. Выдвинув вперед артиллерию, они всю ночь стояли под ее прикрытием, не трогаясь с места. Но чуть стало светать, русский отряд перешел в наступление, и хотя лезгины исчезли, как призраки ночи, однако же арьергард их, настигнутый на переправе, поплатился множеством убитых, раненых и утонувших в Алазани.

В ночном нападении участвовало много дагестанских горцев, и князь Цицианов писал по этому поводу к аварскому хану:

"Ваши дагестанцы напали на лагерь Гулякова, но через полчаса, как зайцы, бежали опять за Алазань, оставив на месте и в реке триста сил ваших зайцев, или мух, кои до сих пор не верят, что воробьям нельзя вести войну с орлами".

Еще резче выражается Цицианов в послании одному из старшин аварского племени, которого подозревал в сношениях с мятежными джарцами.

"Вам известно, - говорит он, - постель ли я люблю, или боевое поле, где кровь льется реками, а головы валятся, как яблоки. Следовательно, не слабой мухе,

каков аварский хан, против непобедимого русского оружия брать гордый голос и думать устрашить меня, поседевшего под ружьем".

Вероломные поступки джарцев заставили наконец Цицианова предписать Гулякову вторично наказать их оружием. Но в то время, как войска собирались в поход, получено было известие, что хан казикумыкский с шеститысячным войском сам перешел на правый берег Алазани и занял крепкую позицию, прикрытую с флангов топкими болотами, а с фронта дремучим лесом и чрезвычайно густым терновым кустарником, через который невозможно провести артиллерию. Несмотря на то, Гуляков двинулся навстречу хану и первого января 1804 года атаковал его. Пока орудия, выдвинутые влево, громили казикумыкцев продольным огнем, охотники, под командой опытного в кавказской войне подполковника Эристова[1] пробрались через лес и кинулись с фронта. Шесть знамен, развевавшихся на гребне завала, сразу перешли в руки русских, и неприятель, прижатый к реке, вынужден был спасаться вплавь, осыпаемый с берега картечью и ружейными пулями.

Гуляков решился тогда перейти за Алазань и двинулся для наказания мятежников в Джаро-Белоканскую область. Многочисленные толпы лезгин, встретившие его на пути, были разбиты и бежали, оставив на месте более сотни трупов; Джары снова были взяты и на этот раз преданы пламени.

Цицианов не находил достаточно слов благодарить Гулякова. "Я только что узнал о вашей новой победе, - писал он ему из Тифлиса, - и столь часто имел удовольствие отдавать справедливость вашим высоким военным достоинствам, что мне не остается иного вам сказать, как то, что вашему превосходительству суждено, как видно, увековечить славу российского оружия в сей новоприобретенной земле, а мне соучаствовать вам в радости..."

К сожалению, письмо это уже не застало в живых храброго генерала. Увлекшись успехом, Гуляков

---

[1]Георгий Евсеевич, впоследствии полный генерал и сенатор, известный всему Тифлису своими остротами и причудами. Он умер в шестидесятых годах, последним из доблестных сподвижников Цицианова.

решил преследовать лезгин в самые недра дагестанских гор и пятнадцатого января 1804 года вступил с отрядом в тесное Закатальское ущелье, куда до него не проникал еще ни один завоеватель. Войска двигались в боевом порядке; впереди шел авангард из конной и пешей грузинской милиции, за ним рота егерей с одним орудием, а далее густой колонной кабардинцы, тифлисский батальон и пятнадцатый егерский полк. Не лишнее сказать, что в этом походе одной из кабардинских рот командовал флигель-адъютант граф Бенкендорф - позднее, в царствование императора Николая Павловича, известный шеф корпуса жандармов, а другой - поручик Преображенского полка граф Михаил Воронцов, впоследствии фельдмаршал и наместник Кавказа.

Как только весь отряд втянулся в ущелье, замкнутое с обеих сторон лесистыми горами, неприятель открыл перекрестный огонь и, воспользовавшись минутным замешательством грузин, бросился в шашки. Генерал находился в это время впереди, у самого орудия, и пал одним из первых, пораженный в упор ружейным выстрелом. Тело его несколько минут находилось даже в руках неприятеля, но подоспевший резерв Кабардинского полка немедленно выручил останки любимого командира.

Смерть храброго и опытного начальника, к которому солдаты питали слепую доверенность, расстроила порядок в авангарде. Грузины бросились назад, смешали колонну и многих столкнули в стремнину. Генерал-майоры князь Орбелиани, шеф Тифлисского полка Леонтьев, молодой Воронцов в числе других жестоко расшиблись при падении и только с трудом выбрались из пропасти. Генерал Орбелиани, впрочем, все-таки принял на себя командование, но, не зная в точности предположений Гулякова, отступил и, после восьмичасового боя выведя отряд обратно на долину к урочищу Пейкаро, расположил его на возывышенной площадке, где теперь стоит Закатальская крепость. Общая потеря русских была значительна и простиралась до пятисот человек, но лезгинам так дорого досталась смерть Гулякова, что через несколько дней многие селения прислали депутатов с просьбой о пощаде. Замечательно, что все дагестанские общества указывали на джарцев как на виновников возмущения, а джарцы

говорили, что "случившееся дело произошло от воли Божьей".

Молодой Воронцов в частном письме князю Цицианову так описывает несчастное происшествие в Закатальском ущелье. "Из рапорта князя Дмитрия Захаровича (Орбелиани) вы изволите усмотреть, какое у нас сегодня было несчастное дело с лезгинами. Василий Семенович (Гуляков), будучи руководим одной своей храбростью, пустился со всем отрядом в такое неприступное место, что ежели бы оно нам было и знакомо, то и тогда никак не следовало бы идти туда. Он, по обыкновению своему, опередил всех и шел впереди, не открыв места, без фланкеров и без всего. Одни грузины были еще больше впереди, и это была главная его ошибка, ибо, как только лезгины бросились с саблями на грузин, они все побежали назад и кинулись на нас; место не позволяло выстроиться, так что и нас сначала было опрокинули. Василия Семеновича убили у первого орудия; я возле него был, и со мной то же бы случилось, если бы бежавшая толпа не столкнула меня с прекрутого яра, куда я летел и разбился бы до смерти, ежели бы не случилось упасть на других, которые уже прежде меня той же толпой были столкнуты. Как можно скорее я вылез опять наверх и нашел, что наши опять стали собираться, и в скором времени лезгин оттуда сбили. Как князь Дмитрий Захарович, так и Алексей Алексеевич (Леонтьев) все возможное примером и просьбами делали, чтобы солдаты не унывали. Идти вперед было нельзя, ретироваться назад тоже казалось невозможным, однако же с большим трудом мы отошли, не оставя ничего позади себя. Вчера и третьего дня все отсоветовали Василию Семеновичу туда идти; он почти согласился и говорил, что хочет только открыть место. Но как открывать место со всем отрядом, не оставляя никакого резерва в случае несчастья? Бог знает, как мы оттуда вышли; никто из нас не думал пережить этот день. Теперь мы пришли на место лагеря и находимся в совершенной безопасности. Грузины обескуражены; наши жалеют о потере генерала, но ничего не боятся. "Лезгин, - говорят, - более семи тысяч, но на чистом месте и двадцати тысяч не боимся". Снарядов и патронов у нас очень мало; провианта не более,

как на девять дней; отступить же не хочется, да и стыдно".

Смерть Гулякова глубоко огорчила князя Цицианова.

"Потеря сего генера, отличившегося в крае столькими подвигами, есть наинесчастнейшее следствие сего сражения, - писал он государю. - Отчаяние войск, уныние друзей его - офицеров Кабардинского полка, и сожаление всей Грузии, которая была ограждаема от всякой опасности его неусыпным бдением и мужеством, налагают на меня священную обязанность отдать памяти сего генерала должную справедливость. Я лишился в нем усердного помощника, а войска - начальника отличного, друга верного и воина неустрашимого".

Тело Гулякова сначала предано было земле в бедной деревушке Вакир, так как бодбийский митрополит[1] не согласился дать места для погребения покойного в Сигнахском монастыре, где покоятся священные мощи просветительницы Грузии Нины. Кабардинские офицеры жаловались на это Цицианову. И вот что последний писал по этому поводу митрополиту бодбийскому: "К крайнему удивлению узнал я, что ваше высокопреосвященство не позволили похоронить в Сигнахском монастыре тело покойного генерал-майора Гулякова, который убит в сражении за защиту Грузии; который целый год, стоя в лагерях, лишен был совершенно спокойствия для того только, чтобы охранить от неприятеля Кахетию и ваши жилища; который, наконец, на удивление всем, одержал столь много знаменитых и славных побед, что прославил себя и оставил память свою навеки, а целой Картли и Кахетии доставил спокойствие и тишину. Вся Грузия, питаясь плодами его подвигов, обязана вечной благодарностью столь храброму генералу. Я не могу поверить, чтобы вы употребили таковой поступок против покойного, мученически подвизавшегося за Грузию, генерала. Но если это правда, то прошу незамедлительно уведомить меня,

[1]Бодбийский митрополит считался, после Алавердели, первым архиереем Кахетии. В древности ему принадлежало право венчать кахетинского царя, и ему же вверяемо было на хранение знамя, которое сопровождало генерала, командовавшего в боях авангардом.

какое вы имели на то право и что могло воспрепятствовать вам похоронить тело генерала, увенчавшего всю Грузию, что за подобный поступок весьма можете быть лишены епархии и сана".

Митрополит поспешил принести извинение, и тело Гулякова, перенесенное со всеми почестями в Сигнах, было погребено в стенах Бодбийского монастыря, под сенью храма, где почивает и святая Нина. Могила его помещается в церкви почти рядом с роскошной гробницей самого Бодбели, и на мраморной доске, покрывающей прах героя, вырезана на русском и на грузинском языках следующая надпись: "Храброму, мужественному и неустрашимому генерал-майору Василию Семеновичу Гулякову воздвигнул сей памятник скорби начальник и друг его князь Цицианов".

Последняя земная награда не застала Гулякова в живых - курьер привез ему Анненскую ленту через плечо в тот самый момент, когда Гулякова опускали в могилу.

В 1831 году многие офицеры отряда, участвовавшего во взятии Закатал, выразили желание соорудить на развалинах этого гнездилища хищников памятник в честь Гулякова. Мысль эта нашла сочувствие в императоре Николае, и памятник был спроектирован Брюлловым по указанию самого государя. Постановка его замедлилась, однако, не целых четырнадцать лет, и только пятнадцатого ноября 1845 года он был освящен в присутствии наместника князя Воронцова, нарочно приехавшего для этого торжества из Тифлиса.

Монумент состоит из чугунной невысокой четырехгранной колонны на чугунном же пьедестале. Верхняя часть колонны очерчена выдающимся карнизом, по четырем углам которого вделаны коронованные орлы в виде горельефов, соединенных гирляндами; над одной гирляндой выбит год смерти Гулякова. На переднем фасаде, в рамке, выпуклыми буквами начертана надпись: "По соизволению Государя Императора Николая I сооружен в память храброго генерал-майора Гулякова, убитого на сем месте в 1804 году в сражении с лезгинами". Над этой надписью герб покойного генерала.

Первоначально предполагалось поставить памятник на том самом месте, где Гуляков был убит, но так

как трудно определить было с точностью этот пункт, то памятник поставили в самой крепости, за алтарем церкви, в полуверсте от места, где происходила битва.

Но и на самом месте боя воздвигнут памтяник ему самой природой. Возле того пункта, где был убит Гуляков, стоит теперь столетнее дерево. Оно было тогда расщеплено ядром, и следы удара не изгладились и поныне, как будто для того, чтобы сохранить память о битве и передать потомству славное имя генерала Гулякова.

IX

ЭРИВАНСКИЙ ПОХОД

Среди закавказских войн князя Цицианова поход под Эривань занимает, быть может, самое выдающееся место. Если предположенная цель и не была достигнута, то не подлежит сомнению, что причина этого лежала в неожиданных трудностях, встреченных под крепостью, но ни в каком случае не в недостатке энергии и храбрости русских войск. Весь эриванский поход, напротив, состоит из ряда подвигов, являясь примером того, до какой стойкости и подъема нравственной силы доходили русские войска в кавказских войнах славных времен Цицианова и Котляревского.

Цицианов спешил приобрести для России важную Эриванскую область с целью по возможности отдалить от грузинской территории театр войны с Персией, становившейся неизбежной. Персияне деятельно готовились к войне, а эриванский хан дерзко давал Цициановау советы очистить от русских войск Грузию.

Цицианов отвечал, что "на глупые и дерзкие письма, каково было ханское, с прописанием в нем еще повелений словами льва, а делами теленка Баба-хана, русские привыкли отвечать штыками", и советовал ему призвать на помощь неустрашимого государя государей, чтобы вместе с ним померяться силами "с купцами, недавно Ганжу из-под сильной руки его вырвавшими, яко товар персидских материй".

В мае 1804 года русские войска стали сосредоточиваться в Саганлуге, в восьми верстах от Тифлиса,

а Кавказский гренадерский полк, под командой генерал-майора Тучкова, отправлен был вперед с приказанием занять Шурагель и по пути соединиться с Тифлисским полком, направленным туда же из Лори и Бомбака[1].

Едва Тучков вступил в пределы древней Армении, как прискакал гонец от генерала Леонтьева с известием, что Тифлисский полк окружен неприятелем, но намерен держаться в горах, пока не подойдут гренадеры. Спускаясь с высот в долину, орошенную рекой Арпачаем, Тучков действительно заметил в одном из ущелий палатки Тифлисского полка и приказал сделать три пушечные выстрела. Это послужило сигналом, по которому Леонтьев тотчас снялся с позиции, и оба отряда с барабанным боем и музыкой соединились на глазах неприятеля.

Война еще не была объявлена Персии, и Тучков ограничился тем, что стал со всей бригадой в оборонительной позиции. Тем не менее на передовых постах весь день шла перестрелка; прискакавший вечером из персидского лагеря пленный грузин сообщил, что вражеское войско, состоящее из восьми тысяч отборной кавалерии, готовится под утро сделать

---

[1]Сергей Алексеевич Тучков принадлежал к той славной семье Тучковых, из которой три брата сделались жертвами войны 1812 года. Он также отличался в войнах со шведами, с турками, с поляками, где заслужил Георгиевский крест и приобрел дружбу князя Цицианова. С назначением князя главнокомандующим на Кавказе, он перешел под его начальство и командовал сперва полком, а потом управлял гражданской частью в Грузии. В 1807 году он вызван был с Кавказа в Дунайскую армию и здесь оставил о себе память тем, что основал на Дунае город, заселенный выходцами из Турции, и сделал это без всяких издержек со стороны казны, почему государь повелел назвать город этот его именем, то есть Тучковым. Затем, командуя корпусом в армии Чичагова, он в конце 1812 года, вследствие жалоб поляков на его войска, отчислен был от должности и попал под следствие, которое тянулось четырнадцать лет и выяснило только полное бескорыстие и честность Сергея Алексеевича. Поэтому в 1828 году он снова был принят на службу и командовал Бабадагской областью, потом был измаильским градоначальником и умер в Москве двадцать первого февраля 1839 года в чине генерал-лейтенанта.

на русский отряд нападение, что в лагере находится персидский сардарь с грузинскими царевичами и что, наконец, сам он исполнял при сардаре должность кафеджи и воспользовался прибытием русских войск, чтобы вернуться в отечество.

Тучков решился предупредить нападение и, на заре десятого июня, сам выступил из лагеря. Первые толпы персидской конницы, встретившие его в двух верстах у разоренной деревни Караклис, были рассеяны картечью, и войска приблизились к Гумри, где находился главный лагерь персидского отряда. Едва казаки успели занять высокий курган, лежавший в лощине русской позиции, неприятель начал спускаться с высот и завязал перестрелку. Тучков ввел в дело один батальон, а с остальными скрытно обошел персиян и занял в тылу их узкий горный проход - единственный путь, по которому они могли возвратиться в лагерь. При известии об этом ужас овладел персидскими военачальниками. Напрасно храбрейшие из всадников пытались проложить себе дорогу оружием: картечь разметывала толпы их при самом входе в ущелье и вынудила наконец бежать в окрестные горы. Тучков занял Гумри и овладел неприятельским лагерем.

Через два дня прибыл сам Цицианов, а вслед за ним стали подходить и остальные войска, назначенные к походу. В отряде сосредоточилось до десяти батальонов пехоты (Кавказский гренадерский и Саратовский пехотный полки в полном составе, два батальона Тифлисского и шесть девятого егерского полка), а конницы - весь Нарвский драгунский полк и четыреста пятьдесят линейных и донских казаков, при двенадцати орудиях. Силы эти в общей сложности не превышали трех или четырех тысяч штыков, а неприятель располагал, между тем, сорокатысячным корпусом, стоявшим на границе Эриванского ханства. Тем не менее пятнадцатого июня князь Цицианов открыл наступление по дороге к Эчмиадзину. Персияне во время похода нигде не показывались, но каждый день, перед наступлением вечера, русские видели по сторонам зловещие огни маяков, зажигаемых, очевидно, при приближении отряда. Девятнадцатого июня, на самой заре, войска услыхали наконец далекий колокольный звон, который князь Цицианов принял за приготовление к торжественной встрече

его. Он приказал генералу Портнягину с войсками авангарда ускорить марш, чтобы занять монастырь прежде, чем подойдут к нему персияне. Но предположение князя оказалось ошибочным; монастырь уже давно был занят неприятелем, и персияне, подпустив Портнягина к эчмиадзинским садам, встретили его перекрестным огнем из ружей и фальконетов. Линейные казаки, спешившись, быстро оттеснили персиян, но занять самый монастырь было невозможно по причине крайнего утомления пехоты, прошедшей в этот день сорок четыре версты при страшной жаре и безводье. Изнурение войск было так велико, что с Портнягиным при знаменах прибыло только человек по шестьдесят с батальона, а остальные люди тянулись еще по дорогам, и собрались все только к полуночи.

Неприятельские разъезды, ходившие вокруг русского лагеря в течение всей ночи, намекали на сбор значительных масс персидской кавалерии. Это был авангард неприятельских войск, подступавших под предводительством наследного персидского принца к Эчмиадзину. Сила персиян простирались до двадцати тысяч всадников, но даже один авангард их, сделавший на заре двадцатого июня первое нападение на русских, мог считаться сильной армией в сравнении с отрядом князя Цицианова. Все дело, однако же, ограничилось артиллерийским огнем, и русские не пожалели картечи, чтобы охладить бешеный пыл неприятеля и остановить его стремительный натиск. Тогда персияне, охватив русские фланги, устремились к вагенбургу, но генерал Тучков поспешил занять водяные мельницы, находившиеся вправо, откуда удобно можно было стрелять во фланг самому неприятелю, и оставил в них унтер-офицера Вернера с сорока кавказскими гренадерами. Озадаченный неожиданным залпом с мельниц, неприятель приостановился, а Тучков воспользовался этим моментом и ударил картечью. Неприятель, однако же, дошел до вагенбурга, но уже ослабленный, и был отбит со значительным уроном.

Незнакомые еще с европейской тактикой, персияне были поражены упорным сопротивлением немногочисленной горсти солдат, которых они рассчитывали истребить при первом ударе. Каре регулярной пехоты казались им неприступными движущимися стенами, а

гром артиллерии, устилавшей поле трупами всадников, скоро распространил смятение в рядах персидской кавалерии, и она побежала. Напрасно сам Аббас-Мирза прискакал на поле сражения с гневными криками: "Остановитесь! Куда вы бежите?" - и старался восстановить в толпе хотя какой-нибудь порядок. "Не срамите меня перед моим отцом и братьями! Не заставляйте рассказывать везде о вашем стыде и позоре!" - кричал он бегущим. Но паника была сильнее угроз, и толпа, гонимая страхом, бежала, пока не очутилась в безопасном месте, куда не долетали русские ядра.

Знойный день между тем уступал уже место прохладному вечеру. Войска отдыхали на бивуаках, как вдруг с аванпостов дали знать, что какой-то отряд кавалерии несется лощиной прямо на русскую позицию. На главном карауле ударили было тревогу, но оказалось, что это была небольшая часть драгунского полка, со знаменами и литаврами, которая не успела присоединиться к своему полку и теперь была преследуема персиянами. Стрелки Кавказского полка тотчас засели в лощину и, пропустив мимо себя драгун, открыли огонь по неприятелю. Персияне остановились. Этим эпизодом и закончилось эчмиадзинское сражение.

Три дня после того неприятель не смел приближаться к русскому лагерю ближе, чем на пушечный выстрел, и только изредка по местам происходили небольшие схватки, преимущественно при добывании русскими воды и кормов. Между тем Цицианов убедился, что овладеть монастырем без значительной потери в людях невозможно, и двинулся к деревне Канагир, где была единственная переправа через быструю речку Зангу.

Дорога лежала на протяжении двенадцати верст открытой степью, по которой то здесь, то там маячили отряды персидской конницы. Самая деревня также была занята неприятелем. Полковник Цехановский, посланный с девятым егерским полком, выбил из нее персиян и, захватив переправу, тотчас привел в оборонительное положение замок, лежавший посреди деревни. Здесь Цицианов оставил весь свой вагенбург под прикрытием батальона Саратовского пехотного полка, а с остальными войсками, за исключением еще двух рот, отправленных в Эчмиадзин для занятия

монастыря, который персияне покинули сами, как только русский отряд двинулся вперед, решил продолжать наступление.

Тридцатого июня войска переправились через быструю Зангу и, в боевом порядке миновав Эриванскую крепость, направились на главный лагерь наследного персидского принца. Позиция, занятая неприятелем, лежала на северной стороне Эривани, верстах в семи от крепостного форштадта, и с фронта была прикрыта горным ущельем, представляющим целый ряд каменистых высот и пригорков. Девятый егерский полк, наступавший в авангарде, отправил свои орудия назад и затем, рассыпавшись по высотам, начал живое стрелковое наступление. Пять раз сбивал он неприятеля последовательно с одной высоты на другую и, наконец, дошел до подъема почти неприступного. Это была крутая скалистая гора с узкой тропой, извивавшейся между утесами и камнями, за которыми неприятель устроил засаду.

Лично осмотрев позицию, Цицианов поблагодарил егерей, проложивших своей грудью дорогу для целого отряда, и приказал сменить их батальоном Кавказского гренадерского полка, под начальством полковника Козловского.

Пренебрегая огнем неприятеля, Козловский вместе со своим помощником майором Осиповым, во главе гренадер, бросился на приступ, но подъем на гору был так неудобен и крут, что из всего батальона только сорок человек достигли вершины горы; однако же и этой маленькой горсти людей оказалось совершенно достаточно, чтобы обратить неприятеля в бегство. И ежели материальный урон персиян при этом был невелик, то только потому, что их никто не преследовал. Кавалерия была далеко, а батальон Козловского, овладевший горой, не имел при себе артиллерии, и пустить его на лагерь главнокомандующий не решился. К счастью, в это самое время появилось тридцать казаков Семейного и Гребенского войска, успевших взобраться на гору по следам пехоты. Они преследовали бегущих и, врубившись в толпу, отбили несколько знамен и фальконетов.

С занятием горы сражение окончилось. Неприятель, не выжидая новой атаки, сам бросил свой лагерь и бежал через Эриванскую крепость, где окончательно и дочиста был ограблен своими же единоверцами.

Расстройство персидских войск было так велико, что Аббас-Мирза в тот же день поспешно ушел за Аракс, а князь Цицианов мог теперь свободно обратиться к действиям против Эривани. Раннее утро, второго июля, действительно, застало русские войска передвигающимися на другие позиции, которые со всех сторон поясом охватывали крепость. Главная квартира, при которой находилась вся кавалерия и батальон Кавказского гренадерского полка подполковника Симановича, расположилась на северной стороне Эривани, в предместье, где был городской базар, мечеть и здания караван-сарая. Тут же, несколько левее ее, напротив ханского сада, поместился батальон Саратовского полка с генерал-майором Портнягиным, а далее, с восточной стороны Эривани, в Кашагарском предместье, стояли остальные батальоны кавказских гренадер, под начальством генерал-майора Тучкова, и еще левее - тифлисцы с генералом Леонтьевым.

Так как обложить южную сторону крепости по недостатку войск было нельзя, то здесь ограничились только возведением редута, для защиты которого были назначены оставшиеся еще свободными полторы роты Саратовского полка, под командой майора Нольде. Затем, чтобы докончить обложение крепости с запада, полковник Цехановский с девятым егерским полком отправлен был обратно через деревню Канагиры на правую сторону Занги и занял обширные сады, лежавшие напротив ханского дома.

Как только русские войска приступили к блокаде крепости, Аббас-Мирза появился снова и стал на реке Гарни-Чай. Это обстоятельство заставило подумать об усилении некоторых частей блокадной линии, и вследствие этого, между редутом Нольде и лагерем Тифлисского полка, построен был на Мухалетском бугре еще небольшой редан на сорок человек, который вместе с тем должен был служить и наблюдательным постом. До четырнадцатого июля никаких особенно тревожных известий не было, но в этот день вечером узнали, что в гарничейский лагерь прибыл из Тавриза сам Баба-хан, царствовавший в Персии под именем Фет-Али-шаха, со значительными силами и что персияне замышляют в ту же ночь атаковать блокадное расположение. Едва Цицианов разослал приказ, чтобы войска, на всякий случай, готовы были к отпору, как в два часа

пополуночи ружейная пальба в отряде генерала Леонтьева уже возвестила о нападении неприятеля. В то же время из крепости сделаны были две вылазки против правого фланга, занимавшего, как мы видели, северное предместье города. Одна из этих вылазок, наткувшаяся впотьмах на отряд Портнягина, была рассеяна картечью, но другая едва не ворвалась в главную квартиру князя Цицианова и была удержана только упорным сопротивлением стоявшего там караула. Предположив, за темнотой ночи, что здесь сосредоточены главные силы, персияне приняли влево, но, попав под пушечный огонь из караван-сарая, подались еще левее и наткнулись на батальон Симановича, который, не раздумывая долго, бросился в штыки и гнал неприятеля через весь форштадт до самых стен крепости.

Между тем на левом фланге, где неприятель атаковал одновременно Мухалетский курган, редут майора Нольде и каре генерала Леонтьева, завязалось серьезное дело. Часть неприятельских войск успела перебраться даже на правую сторону Занги и кинулась было на обоз Цехановского, но егеря, под командой майора Корниенко, отбили нападение, и поручик Савранов собственноручно взял при этом персидское знамя. Прогнанный отсюда неприятель оставил в покое егерей и, переправившись обратно за речку, принял живое участие в атаке, которую вели персияне на редут майора Нольде.

Оборона этого редута принадлежит к числу замечательнейших подвигов, не часто встречающихся в военной истории. Надо сказать, что из полутора рот Саратовского пехотного полка, бывших в укреплении, одна рота с вечера была отправлена с провиантским обозом в караван-сарай и не успела возвратиться назад, когда редут, имевший только пятьдесят шесть защитников, был окружен со всех сторон трехтысячной толпой неприятеля. Пять часов редут выдерживал сильный огонь и, несмотря на малочисленность своего гарнизона, сумел найти и средства и благоприятные минуты к тому, чтобы сделать три вылазки и три раза прогонять неприятеля, пробовавшего залечь за камнями впереди редута. Из числа четырех офицеров, бывших с майором Нольде, прапорщик Рагер - отважный юноша, уже два раза раненый на вылазках, - был убит наповал, а трое - штабс-капитан

Цыренев, поручик Кофтырев и подпоручик Кубовский - ранены. Наконец, когда патроны, бывшие в сумках солдат, все были расстреляны, Нольде и батальонный адъютант Кофтырев сами доставали их из патронных ящиков и раздавали людям. Геройская оборона редута приводила в восторг и удивление даже самого Фет-Али-шаха, но силы неприятеля росли и, конечно, подавили бы горсть героев, если бы к ним не явилась неожиданная помощь.

Полковник Цехановский, видя, что редут окружен со всех сторон персиянами, приказал открыть артиллерийский огонь с правого берега Занги, и действие это было настолько успешно, что неприятель, поражаемый с тыла, тотчас же стал отходить от редута[1].

Мухалетский редан с ничтожным гарнизоном в пятьдесят человек также отбился от персиян при помощи подоспевших к нему двух рот Тифлисского полка с майором Токаревым, но он потерял убитым храброго своего начальника поручика Мигданова.

Вообще, при отбитии штурма, на обоих редутах у русских выбыло из строя пять офицеров и тридцать нижних чинов. Но наибольшая потеря досталась в этот памятный день на долю генерала Леонтьева. Он не успел занять удобной позиции, лежавшей впереди Мухалета, и потому был вынужден прислонить свой левый фланг к высокой каменистой горе, уже занятой неприятелем, и выстрелы, направленные сверху, выбили из строя восемь офицеров и до ста двадцати нижних чинов.

Переменить позицию в то время, когда неприятель вел фронтальную атаку, не было возможности. Поручик Лабынцев, известный, по донесению Леонтьева, своей беспримерной храбростью, вызвался с охотниками очистить гору и действительно сбил неприятеля, но удержать ее за собой не мог и, подавляемый свежими силами неприятеля, отступил к отряду. "Озлобленный полученной при этом контузией и почитая неудачу нарушением своей воинской чести", Лабынцев пополнил убыль своих егерей и, вместе с прапорщиком Выскребенцовым, вновь

---

[1]Цехановский - отличный штаб-офицер - умер вскоре по возвращении из-под Эривани.

устремился на гору, вторично сбил персиян и на этот раз, несмотря уже на все усилия неприятеля, держался до тех пор, пока не подоспели к нему на помощь пятьдесят человек гренадер и саратовцев, под начальством капитана Кушелева и штабс-капитана Лабунского, как старший, принял команду и, отстаивая гору, отнял у персиян два фальконета.

Между тем батальоны Леонтьева успели в это время отбить фронтальную атаку и захватили при этом даже неприятельское знамя. Дальнейшие усилия персиян против этой позиции не имели успеха. В час пополудни сражение окончилось, и неприятель стал отступать к Гарни-Чаю.

Большая часть русского отряда почти не принимала участия в сражении. Даже пост Кавказского гренадерского полка, самый важный из всех постов блокирующего отряда, не был атакован неприятелем, а между тем, если бы персияне направили сюда главные силы, то, без сомнения, могли бы разорвать блокадную линию, и тогда караван-сарай, в котором сосредоточены были все русские подвижные магазины, и парки, мечеть и самая квартира князя Цицианова - все было бы подвержено чрезвычайной опасности.

Полнейшую неудачу этого сражения приписывают обыкновенно дурным распоряжениям самого Фет-Али-шаха. Но Фет-Али-шах, видевший геройскую защиту русских войск, думал об этом иначе и после окончания битвы приказал повесить лазутчика, который донес ему о недостатке снарядов и пороха у русских. Показания лазутчика между тем были совершенно верны, и если бы персияне начали атаку сутками раньше, то действительно застали бы отряд в критическом положении, так как транспорт с боевыми припасами прибыл лишь за несколько часов до начала боя.

Отступление персидских войск и расположение их двумя большими лагерями в значительном расстоянии между собой дало Цицианову мысль перейти в наступление и разбить неприятеля порознь, но попытка эта не удалась. Генералу Портнягину, посланному на Гарни-Чай, пришлось выдержать бой со всей персидской армией и отступать под ее ударами до самой Эривани. Но это отступление, при котором шестьсот человек, на расстоянии двадцати пяти верст,

пробивали себе дорогу сквозь сорокатысячную армию и не оставили в руках неприятеля не только военного трофея, но вынесли из боя даже трупы убитых товарищей, составляет один из блистательнейших эпизодов кавказской войны и, по выражению Цицианова, "превышает славой всякую победу".

Все эти события - появление персидской армии, бой пятнадцатого июля, затем экспедиция Портнягина и знаменитое отступление его - не изменяли, однако, общего положения дел под Эриванской крепостью. Цицианов энергично продолжал блокаду, но хан упорствовал в сдаче, а русские не имели осадных орудий, чтобы начать бомбардирование, и вынуждены были довольствоваться только одними угрозами.

Между тем обстоятельства принимали все более и более неблагоприятный оборот. Наступала осень, начались дождливые дни, и в войсках обнаружилась значительная смертность; обозы с провиантом, постоянно подстерегаемые персидскими разъездами, не подходили; отряд Монтрезора, посланный для прикрытия их, геройски погиб под Караклисом; грузинская конница, отправленная Цициановым обратно в Тифлис, по дороге взята была в плен и отведена в Тегеран. Между тем взбунтовались лезгины, а карабагцы, подстрекаемые персиянами, вторглись в Елизаветпольский округ; царевич Александр с персидским войском и жителями восставших татарских дистанций перервал сообщение Эривани с Тифлисом, а бунт осетин на Военно-Грузинской дороге прекратил сношения с Кавказской линией.

В самом Тифлисе считали отряд Цицианова обреченным на неизбежную гибель и не только готовились к обороне, но стали даже перевозить бумаги, казну и вещи из дома главнокомандующего в крепость, вызывая тем панику в населении. Справедливо замечает один современник, что надлежало бы иметь в Тифлисе другого князя Цицианова, чтобы действовать внутри соответственно важности тогдашних обстоятельств, но другого Цицианова не было. Опасения за главный русский отряд достигли даже Петербурга. Но посреди общего уныния не падал духом тот, кому император Александр вручил судьбу грузинского царства. "Где Бог, священное имя Вашего Императорского Величества и непобедимые войска Ваши, - писал он государю, - там никаких гибельных

следствий ожидать невозможно". И он продолжал упорно стоять под Эриванью. Но когда персидская конница выжгла на корне весь хлеб, и неотвратимый голод начал угрожать осаждающим, а против штурма высказалось большинство голосов в военном совете, Цицианов наконец вынужден был отказаться от мысли овладеть Эриванью и дал приказ отступать. Падение крепости было отсрочено на целых двадцать три года.

Неудача глубоко поразила Цицианова.

"Не могу без стеснения сердца видеть себя, - писал он государю, - в течение тридцатилетней моей службы вторым только в российской армии генералом, принужденным снять блокаду из-под города, не взяв его". (Цицианов разумел неудачное обложение Хотина князем Голицыным в 1769 году).

Император Александр старался успокоить и утешить огорченного князя. "Однако неудовольствие, какое я имею, - отвечал он Цицианову, - есть то огорчение, в котором вы находитесь. Никто, конечно, кроме вас, не станет сравнивать происшествий под Хотиным с настоящим случаем, но многие отдадут справедливость как предприимчивости духа вашего, так и тому, что вы со столь малыми силами так много сделали в одну кампанию... Желаю, - продолжал государь, - чтобы сие искреннее изложение моих мыслей успокоило вас".

И Цицианову за эриванский поход пожалованы были аренда в восемь тысяч рублей и орден св. Владимира 1-ой степени.

Снятие блокады Эривани еще увеличило перестиж, которым пользовалась эта крепость в умах азиатов. Но обаянию этому немедленно же был нанесен веский удар. В самом начале 1805 года генерал Несветаев, воспользовавшись смутами в Эриванском ханстве, занял принадлежавшую к нему богатую Шурагельскую область и объявил ее присоединенной к России. Эриванские войска, поспешно двинувшиеся на защиту Шурагеля, были разбиты на самой границе, и русский батальон в четыреста штыков по их следам занял Эчмиадзинский монастырь и появился даже под стенами Эриванской крепости, вызвав страшную панику во всем населении края. Шурагельская область осталась за Россией навсегда - залогом будущего присоединения к ней и всей Эриванской области.

X

ГЕРОЙСКИЙ ПОДВИГ МОНТРЕЗОРА

Монтрезор, служивший в Тифлисском пехотном полку, принадлежал к числу тех штабс-офицеров, на которых обыкновенно возлагают большие надежды в будущем. Но служба его не представляла ему ничего, что бы могло его выдвинуть из среды товарищей и дать право на более широкое поприще, чем на то, которое он занимал по должности батальонного командира. И вот одна минута геройской смерти, минута, когда Монтрезор спасает честь русского оружия, окружила его имя лучезарным ореолом славы, так что мало кому известный до того человек вырастает вдруг до степени народного героя, и память о нем переходит из рода в род, не умирая в рядах кавказских войск. Перед этой минутой меркнет все остальное в жизни покойного.

В июле 1804 года войска, блокировавшие Эривань, сильно терпели от недостатка продовольствия. Все распоряжения по этой части выполнялись медленно, а это расстраивало планы главнокомандующего и вынудило его наконец сделать распоряжение о перевозке всего провианта из Тифлиса в Бомбак, откуда он уже и мог быть доставляем в блокадный корпус по мере надобности.

Между тем грузинский царевич Александр, с сильным отрядом персидских войск, проник в Бомбакскую провинцию и сделал сообщения с Тифлисом крайне опасными.

Караклис, ныне бедное армянское селение, тогда был главным городом Бомбакской провинции и имел для русских значение операционной базы при наступательных действиях против Турции и Персии. В Караклисе всегда поэтому располагался отряд русских войск, под начальством надежного штабс-офицера, которому вместе с тем поручалось и наблюдение за политическим состоянием края. До эриванской экспедиции пост этот занимал майор Монтрезор, офицер распорядительный, храбрый и хорошо знакомый с азиатской политикой. Но эти же самые качества заставили Цицианова взять Монтрезора с собой в поход, а на его место поставить батальон Саратовского полка, под командой армянина майора Хаджаева. Неспособность последнего скоро сказалась на деле и имела весьма печальные последствия. Он упустил благоприятное время для перевозки к Эривани транспортов и теперь, при появлении в крае персиян, не знал, как за это взяться.

Путь был действительно опасен, и еще недавно грузинская конница, следовавшая по этой дороге в Тифлис, встречена была персиянами и частью захвачена в плен.

Цицианов приписал этот случай недостаточной распорядительности самого Хаджаева и решился отправить на смену ему опять майора Монтрезора, с тем чтобы этот последний принял все меры не только к открытию сообщения с Тифлисом, но и к скорейшему доставлению транспортов из Караклиса к Эривани. Отправляя Монтрезора со сборной командой всего из ста девяти человек, при одном орудии, главнокомандующий предписал ему стараться проходить опасные места по ночам.

Но все предосторожности оказались напрасными: не успел Монтрезор отойти нескольких верст от блокадного корпуса, как уже был окружен персидской конницей, к которой на каждом шагу прибывали новые толпы казахских и борчалинских татар.

Монтрезор решился проложить себе путь штыками и, пренебрегая многочисленностью неприятеля, продолжал движение через каменистые горы, по дороге весьма трудной и на протяжении двадцати с лишним верст совершенно безводной. Долину реки Аборань Монтрезор прошел при беспрерывном бое с персиянами, а двадцать первого августа, спускаясь с гор в

Бомбакскую равнину, увидел издали главные силы царевича, которые двигались навстречу со стороны Караклиса. Почти в виду самого города царевич обложил малочисленный русский отряд, изнуренный усталостью, зноем и жаждой, и потребовал сдачи. Монтрезор отвечал, что "смерть предпочитает постыдному плену", и приготовился к бою.

Раздраженный гордым отказом, царевич поклялся уничтожить отряд и двинул в атаку разом все свои силы. Несколько часов длилась отчаянная битва, но когда большая часть отряда была перебита и переранена, когда опорожнились патронные сумы и Монтрезор увидел, что средства обороны истощены до конца, он сбросил мундир и, обратившись к солдатам, сказал: "Ребята! Я больше вам не начальник. Спасибо за храбрость и службу. Теперь, кто хочет, может спасаться!"

Позволением этим, однако же, никто не воспользовался, кроме одного барабанщика; остальные дали последний залп и, по следам Монтрезора, кинулись в штыки на неприятеля. И в несколько минут отряда не стало.

Самого Монтрезора нашли впоследствии изрубленным на пушке, которую он, как видно, защищал до последнего мгновения; с ним рядом были убиты поручик Ладыгин и прапорщики Черец и Верещаго, а из ста девяти солдат один бежал, пятнадцать тяжело раненных захвачены в плен, а остальные девяносто три человека погибли геройской смертью.

Как только отгремела битва и темная, дождливая ночь спустилась на страшное поле, усеянное трупами и залитое кровью, персияне повернули назад, навстречу новому транспорту, подходившему из Тифлиса. Транспорт этот, однако же, успел благополучно дойти до Караклиса, но препроводить его отсюда дальше, в блокадный корпус, уже не представлялось никакой возможности.

Цицианов был глубоко огорчен известием о смерти Монтрезора и, возвращаясь в Тифлис из эриванской экспедиции, навестил могилу храброго воина. Впоследствии общество офицеров Тифлисского полка пожелало увековечить славный подвиг товарища сооружением на самом месте его смерти небольшого скромного обелиска, и Цицианов сам написал для него эпитафию. Говорят, что эпитафия была достойна

полководца, но, к сожалению, землетрясение восьмого октября 1827 года разрушило памятник, а вместе с ним погибла и драгоценная надпись.

Впоследствии, уже в сороковых годах, князь Воронцов приказал возобновить обелиск на месте исторического боя, и он существует до настоящего времени на почтовой дороге между Тифлисом и Александрополем, оберегаемый соседними жителями, между которыми еще свежо и доныне предание о славной смерти майора Монтрезора.

XI

ПОДВИГ ПОЛКОВНИКА КАРЯГИНА

В Карабагском ханстве, при подошве каменистого пригорка, возле самой дороги из Елизаветополя в Шушу, стоит древний замок, обнесенный высокой каменной стеной с шестью полуразрушенными круглыми башнями.

Возле этого замка, поражающего путника грандиозно-массивными контурами, бьет ключ Шах-Булах, а несколько далее, верстах в десяти или пятнадцати, приютилось татарское кладбище, раскинувшееся на одном из придорожных курганов, которых так много в этой части Закавказского края. Высокий шпиль минарета издали привлекает внимание путешественника. Но не многие знают, что этот минарет и это кладбище - безмолвные свидетели подвига, почти баснословного.

Здесь именно, в персидскую кампанию 1805 года, русский отряд в четыреста человек, под командой полковника Карягина, выдержал нападение двадцатитысячной персидской армии и с честью вышел из этого слишком неравного боя.

Кампания началась с того, что неприятель перешел Аракс у худоперинской переправы. Прикрывавший ее батальон семнадцатого егерского полка, под командой майора Лисаневича, не в силах был удержать персиян и отступил в Шушу. Князь Цицианов тотчас отправил на помощь к нему другой батальон и два орудия, под командой шефа того же полка,

полковника Карягина, человека, закаленного в битвах с горцами и персиянами. Сила обоих отрядов вместе, если бы им и удалось соединиться, не превышала девятисот человек, но Цицианов хорошо знал дух кавказских войск, знал их предводителей и был спокоен за последствия.

Карягин выступил из Елизаветполя двадцать первого июня и через три дня, подходя к Шах-Булаху, увидел передовые войска персидской армии, под начальством сардаря Пир-Кули-хана.

Так как здесь было не более трех-четырех тысяч, то отряд, свернувшись в каре, продолжал идти своей дорогой, отражая атаку за атакой. Но под вечер вдали показались главные силы персидской армии, от пятнадцати до двадцати тысяч, предводимые Аббас-Мирзой, наследником персидского царства. Продолжать дальнейшее движение русскому отряду стало невозможным, и Карягин, осмотревшись кругом, увидел на берегу Аскорани высокий курган с раскинутым на нем татарским кладбищем - место, удобное для обороны. Он поспешил его занять и, наскоро окопавшись рвом, загородил все доступы к кургану повозками из своего обоза. Персияне не замедлили повести атаку, и их ожесточенные приступы следовали один за другим без перерыва до самого наступления ночи. Карягин удержался на кладбище, но это стоило ему ста девяноста семи человек, то есть почти половины отряда.

"Пренебрегая многочисленностью персиян, - писал он в тот же день Цицианову, - я проложил бы себе дорогу штыками в Шушу, но великое число раненых людей, коих поднять не имею средств, делает невозможным всякую попытку двинуться с занятого мной места".

Потери персиян были громадны. Аббас-Мирза увидел ясно, во что ему обойдется новая атака русской позиции, и потому, не желая напрасно тратить людей, наутро ограничился канонадой, не допуская мысли, чтобы такой малочисленный отряд мог продержаться более суток.

Действительно, военная история не много представляет примеров, где отряд, окруженный во сто раз сильнейшим неприятелем, не принял бы почетной капитуляции. Но Карягин сдаваться не думал. Правда, сначала он рассчитывал на помощь со стороны

карабагского хана, но скоро от этой надежды пришлось отказаться: узнали, что хан изменил и что сын его с карабагской конницей находится уже в персидском стане.

Цицианов пытался обратить карабагцев к исполнению обязательств, данных русскому государю, и, притворяясь незнающим об измене татар, призвал в своей прокламации к карабагским армянам: "Неужели вы, армяне Карабага, доселе славившиеся своей храбростью, переменились, сделались женоподобными и похожими на других армян, занимающихся только торговыми промыслами... Опомнитесь! Вспомните прежнюю вашу храбрость, будьте готовы к победам и покажите, что вы и теперь те же храбрые карабагцы, как были прежде страхом для персидской конницы".

Но все было тщетно, и Карягин оставался в том же положении, без надежды получить помощь из Шушинской крепости. На третий день, двадцать шестого июня, персияне, желая ускорить развязку, отвели у осажденных воду и поставили над самой рекой четыре фальконетные батареи, которые день и ночь обстреливали русский лагерь. С этого времени положение отряда становится невыносимым, и потери быстро начинают увеличиваться. Сам Карягин, контуженный уже три раза в грудь и в голову, был ранен пулей в бок навылет. Большинство офицеров также выбыло из фронта, а солдат не осталось и ста пятидесяти человек, годных к бою. Если прибавить к этому мучения жажды, нестерпимый зной, тревожные и бессонные ночи, то почти непонятным становится грозное упорство, с которым солдаты не только бесповоротно переносили невероятные лишения, но находили еще в себе достаточно сил, чтобы делать вылазки и бить персиян.

В одну из таких вылазок солдаты, под командой поручика Ладинского, проникли даже до самого персидского лагеря и, овладев четырьмя батареями на Аскорани, не только добыли воду, но и принесли с собой пятнадцать фальконетов.

"Я не могу без душевного умиления вспомнить, - рассказывает сам Ладинский, - что за чудесные русские молодцы были солдаты в нашем отряде. Поощрять и возбуждать их храбрость не было мне нужды. Вся моя речь к ним состояла из нескольких

слов: "Пойдем, ребята, с Богом! Вспомним русскую пословицу, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, а умереть же, сами знаете, лучше в бою, чем в госпитале". Все сняли шапки и перекрестились. Ночь была темная. Мы с быстротой молнии перебежали расстояние, отделявшее нас от реки, и, как львы, бросились на первую батарею. В одну минуту она была в наших руках. На второй персияне защищались с большим упорством, но были переколоты штыками, а с третьей и с четвертой все кинулись бежать в паническом страхе. Таким образом, менее чем в полчаса, мы кончили бой, не потеряв со своей стороны ни одного человека. Я разорил батарею, набрал воды и, захватив пятнадцать фальконетов, присоединился к отряду".

Успех этой вылазки превзошел самые смелые ожидания Карягина. Он вышел благодарить храбрых егерей, но, не находя слов, кончил тем, что перецеловал их всех перед целым отрядом. К общему сожалению, Ладинский, уцелевший на вражьих батареях при исполнении своего дерзкого подвига, на следующий же день был тяжело ранен персидской пулей в собственном лагере.

Четыре дня стояла горсть героев лицом к лицу с персидской армией, но на пятый обнаружился недостаток в патронах и в продовольствии. Солдаты съели в этот день последние свои сухари, а офицеры давно уже питались травой и кореньями.

В этой крайности Карягин решился отправить сорок человек на фуражировку в ближайшие селения, с тем чтобы они добыли мяса, а если можно, и хлеба. Команда пошла под начальством офицера, не внушавшего к себе большого доверия. Это был иностранец неизвестно какой национальности, называвший себя русской фамилией Лисенков; он один из всего отряда видимо тяготился своим положением. Впоследствии из перехваченной переписки оказалось, что это был действительно французский шпион.

Предчувствие какого-то горя овладело в лагере решительно всеми. Ночь провели в тревожном ожидании, а к свету двадцать восьмого числа явились из посланной команды только шесть человек - с известием, что на них напали персияне, что офицер пропал без вести, а остальные солдаты изрублены.

Вот некоторые подробности несчастной экспедиции,

записанные тогда со слов раненого фельдфебеля Петрова.

"Как только мы пришли в деревню, - рассказывал Петров, - поручик Лисенков тотчас приказал нам составить ружья, снять амуницию и идти по саклям. Я доложил ему, что в неприятельской земле так делать не годится, потому что, не ровен час, может набежать неприятель. Но поручик на меня крикнул и сказал, что нам бояться нечего; что эта деревня лежит позади нашего лагеря, и неприятелю пробраться сюда нельзя; что с амуницей и ружьями тяжело лазить по амбарам и погребам, а нам мешкать нечего и надо поскорее возвращаться в лагерь. "Нет, - подумал я, - все это выходит как-то неладно". Не так, бывало, делывали наши прежние офицеры: бывало, половина команды всегда оставалась на месте с заряженными ружьями; но с командиром спорить не приходилось. Я распустил людей, а сам, словно чуя что-то недоброе, взобрался на курган и стал осматривать окрестность. Вдруг вижу: скачет персидская конница... "Ну, - думаю, - плохо!" Кинулся в деревню, а там уже персияне. Я стал отбиваться штыком, а между тем кричу, чтобы солдаты скорее выручали ружья. Кое-как успел это сделать, и, мы собравшись в кучу, бросились пробиваться.

"Ну, ребята, - сказал я, - сила солому ломит; беги в кусты, а там, Бог даст, еще и отсидимся!" - С этими словами мы кинулись врассыпную, но только шестерым из нас, и то израненным, удалось добраться до кустарника. Персияне сунулись было за нами, но мы их приняли так, что они скоро оставили нас в покое.

Теперь, - закончил свою грустную повесть Петров, - все, что осталось в деревне, или побито, или захвачено в плен, выручать уже некого".

Роковая неудача эта произвела поражающее впечатление на отряд, потерявший тут из небольшого числа оставшихся после защиты людей сразу тридцать пять отборных молодцов; но энергия Карягина не поколебалась.

"Что делать, братцы, - сказал он собравшимся вокруг него солдатам, - гореваньем беды не поправишь. Ложитесь-ка спать да помолитесь Богу, а ночью будет работа".

Слова Карягина так и были поняты солдатами, что

ночью отряд пойдет пробиваться через персидскую армию, потому что невозможность держаться на этой позиции была для всех очевидна, с тех пор как вышли сухари и патроны. Карягин, действительно, собрал военный совет и предложил пробиться к Шах-Булахскому замку, взять его штурмом и там отсиживаться в ожидании выручки. Армянин Юзбаш брался быть проводником отряда. Для Карягина сбылась в этом случае русская пословица: "Кинь хлеб-соль назад, а она очутится впереди". Он сделал когда-то большое одолжение одному елизаветпольскому жителю, сын которого до того полюбил Карягина, что во всех походах находился при нем безотлучно и, как увидим, играл видную роль во всех дальнейших событиях.

Предложение Карягина было принято единодушно. Обоз оставили на разграбление неприятелю, но фальконеты, добытые с боя, тщательно зарыли в землю, чтобы их не нашли персияне. Затем, помолившись Богу, зарядили картечью орудия, забрали на носилки раненых и тихо, без шума, в самую полночь на двадцать девятое июня, выступили из лагеря.

По недостатку лошадей егеря тащили орудия на лямках. Верхами ехали только три раненые офицера: Карягин, Котляревский и поручик Ладинский, да и то потому, что солдаты сами не допустили их спешиться, обещая на руках вытаскивать пушки, где это будет нужно. И мы увидим дальше, как честно исполнили они свое обещание.

Пользуясь темнотой ночи и горными трущобами, Юзбаш некоторое время вел отряд совершенно скрытно. Но персияне скоро заметили исчезновение русского отряда и даже напали на след, и только непроглядная темень, буря и особенно ловкость проводника еще раз спасли отряд Карягина от возможности истребления. К свету он был уже у стен Шах-Булаха, занятого небольшим персидским гарнизоном, и, пользуясь тем, что там все еще спали, не помышляя о близости русских, сделал залп из орудий, разбил железные ворота и, кинувшись на приступ, через десять минут овладел крепостью. Начальник ее, Эмир-хан, родственник наследного персидского принца, был убит, и тело его осталось в руках русских.

Едва отгремели раскаты последних выстрелов, как

вся персидская армия, по пятам преследовавшая Карягина, показалась в виду Шах-Булаха. Карягин приготовился к бою. Но прошел час, другой томительного ожидания - и, вместо штурмовых колонн, перед стенами замка появились персидские парламентеры. Аббас-Мирза обращался к великодушию Карягина и просил о выдаче тела убитого родственника.

- С удовольствием исполню желание его высочества, - ответил Карягин, - но с тем, чтобы и нам были выданы все наши пленные солдаты, захваченные в экспедиции Лисенкова.

- Шах-Заде (наследник) это предвидел, - возразил персиянин, - и поручил мне передать искреннее его сожаление. Русские солдаты все до последнего человека легли на месте сражения, а офицер на другой день умер от раны.

Это была ложь; и прежде всего сам Лисенков, как было известно, находился в персидском лагере; тем не менее Карягин приказал выдать тело убитого хана и только прибавил:

- Скажите принцу, что я ему верю, но что у нас есть старая пословица: "Кто солжет, тому да будет стыдно", наследник же обширной персидской монархии краснеть перед нами, конечно, не захочет.

Тем переговоры и окончились. Персидская армия обложила замок и начала блокаду, рассчитывая голодом принудить Карягина сдаться. Четыре дня питались осажденные травой и конским мясом, но наконец съедены были и эти скудные запасы. Тогда Юзбаш явился с новой неоценимой услугой: он ночью вышел из крепости и, пробравшись в армянские аулы, известил Цицианова о положении отряда. "Если ваше сиятельство не поспешит на помощь, - писал при этом Карягин, - то отряд погибнет не от сдачи, к которой не приступлю, но от голода".

Донесение это сильно встревожило князя Цицианова, не имевшего при себе ни войск, ни продовольствия, чтобы идти на выручку.

"В отчаянии неслыханном, - писал он Карягину, - прошу вас подкрепить духом солдат, а Бога прошу подкрепить вас лично. Если чудесами Божьими вы получите облегчение как-нибудь от участи вашей, для меня страшной, то постарайтесь меня успокоить для того, что мое прискорбие превышает всякое воображение".

Письмо это было доставлено тем же Юзбашем, который благополучно возвратился в замок, принеся с собой и небольшое количество провизии. Карягин разделил этот запрос поровну между всеми чинами гарнизона, но его хватило только на сутки. Юзбаш стал отправляться тогда уже не один, а с целыми командами, которые счастливо проводил по ночам мимо персидского лагеря. Однажды русская колонна, впрочем, даже наткнулась на конный неприятельский разъезд; но, к счастью, густой туман позволил солдатам устроить засаду. Как тигры бросились они на персиян и в несколько секунд истребили всех без выстрела, одними штыками. Чтобы скрыть следы этого побоища, они забрали лошадей с собой, кровь на земле засыпали, а убитых стащили в овраг, где закидали землей и кустарником. В персидском лагере так ничего и не узнали об участи погибшего разъезда.

Несколько подобных экскурсий позволили Карягину продержаться еще целую неделю без особенной крайности. Наконец Аббас-Мирза, потеряв терпение, предложил Карягину большие награды и почести, если он согласится перейти в персидскую службу и сдаст Шах-Булах, обещая, что никому из русских не будет нанесено ни малейшей обиды. Карягин просил четыре дня на размышление, но с тем, чтобы Аббас-Мирза во все эти дни продовольствовал русских съестными припасами. Аббас-Мирза согласился, и русский отряд, исправно получая от персиян все необходимое, отдохнул и оправился.

Между тем истек последний день перемирия, и к вечеру Аббас-Мирза прислал спросить Карягина о его решении. "Завтра утром пускай его высочество займет Шах-Булах", - ответил Карягин. Как увидим, он сдержал свое слово.

Едва наступила ночь, как весь отряд, руководимый опять Юзбашем, вышел из Шах-Булаха, решившись перебраться в другую крепость, Мухрат, которая по гористому местоположению и близости к Елизаветполю была удобнее для защиты. Окольными дорогами, по горам и трущобам, отряду удалось обойти персидские посты так скрытно, что неприятель заметил обман Карягина только под утро, когда авангард Котляревского, составленный исключительно из одних раненых солдат и офицеров, уже был в Мухрате, а сам Карягин с остальными людьми и с

пушками успел миновать опасные горные ущелья. Если бы Карягин и его солдаты не были проникнуты поистине геройским духом, то, кажется, одних местных трудностей было бы довольно, чтобы сделать совершенно невозможным все предприятие. Вот, например, один из эпизодов этого перехода, факт, стоящий одиноко даже и в истории кавказской армии.

В то время, когда отряд еще шел по горам, дорогу пересекла глубокая промоина, через которую невозможно было переправить орудий. Перед ней остановились в недоумении. Но находчивость кавказского солдата и безграничное его самопожертвование выручили и из этой беды.

"Ребята! - крикнул вдруг батальонный запевала Сидоров. - Чего же стоять и задумываться? Стоя города не возьмешь, лучше послушайте, что я скажу вам: у нашего брата пушка - барыня, а барыне надо помочь; так перекатим-ка ее на ружьях".

Одобрительный шум пошел по рядам батальона. Несколько ружей тотчас же были воткнуты в землю штыками и образовали сваи, несколько других положены на них, как переводины, несколько солдат подперли их плечами, и импровизированный мост был готов. Первая пушка разом перелетела по этому в буквальном смысле живому мосту и только слегка помяла молодецкие плечи, но вторая сорвалась и со всего размаху ударила колесом по голове двух солдат. Пушка была спасена, но люди заплатили за это своей жизнью. В числе их был и батальонный запевала Гаврила Сидоров.

Как ни торопился отряд с отступлением, однако же солдаты успели вырыть глубокую могилу, в которую офицеры на руках опустили тела погибших сослуживцев. Сам Карягин благословил этот последний приют почивших героев и поклонился ему до земли.

"Прощайте! - сказал он после короткой молитвы. - Прощайте, истинно православные русские люди, верные царские слуги! Да будет вам вечная память!"

"Молите, братцы, Бога за нас", - говорили солдаты, крестясь и разбирая ружья.

Между тем Юзбаш, все время наблюдавший окрестности, подал знак, что персияне уже недалеко. Действительно, едва русские дошли до Кассанет, как персидская конница уже насела на отряд, и завязалась

такая жаркая схватка, что русские орудия несколько раз переходили из рук в руки... К счастью, Мухрат уже был близко, и Карягин ночью успел отступить к нему с небольшой потерей. Отсюда он тотчас написал Цицианову: "Теперь я от атак Баба-хана совершенно безопасен по причине того, что здесь местоположение не дозволяет ему быть с многочисленными войсками".

В то же самое время Карягин отправил письмо к Аббас-Мирзе в ответ на предложение его перейти в персидскую службу. "В письме своем изволите говорить, - писал ему Карягин, - что родитель ваш имеет ко мне милость; а я вас имею честь уведомить, что, воюя с неприятелем, милости не ищут, кроме изменников; а я, поседевший под ружьем, за счастье сочту пролить мою кровь на службе Его Императорского Величества".

Мужество полковника Карягина принесло громадные плоды. Задержав персиян в Карабаге, оно спасло Грузию от наводнения ее персидскими полчищами и дало возможность князю Цицианову собрать войска, рассеянные по границам, и открыть наступательную кампанию.

Тогда и Карягину явилась наконец возможность покинуть Мухрат и отступить к селению Маздыгерт, где главнокомандующий принял его с чрезвычайными военными почестями. Все войска, одетые в парадную форму, были выстроены развернутым фронтом, и когда показались остатки храброго отряда, Цицианов сам скомандовал: "На караул!". По рядам гремело "Ура!", барабаны били поход, знамена приклонялись...

Обходя раненых, Цицианов с участием расспрашивал об их положении, обещал донести о чудесных подвигах отряда государю, а поручика Ладинского тут же поздравил кавалером ордена св.Георгия 4-ой степени[1].

---

[1]Впоследствии Ладинский, будучи полковником, командовал Эриванским карабинерным полком (бывший семнадцатый егерский) и в этой должности оставался с 1816 по 1823 год. Все, кто только знал Ладинского уже в преклонных летах, отзываются о нем как о веселом, любезном и остроумном человеке. Он принадлежал к числу тех людей, которые всякий рассказ умеют украсить анекдотами и ко всему относятся с комизмом, умея подмечать везде смешные и слабые стороны.

Государь пожаловал Карягину золотую шпагу с надписью "За храбрость", а армянину Юзбашу чин прапорщика, золотую медаль и двести рублей пожизненной пенсии.

В самый день торжественной встречи, после вечерней зари, Карягин отвел геройские остатки своего батальона в Елизаветполь. Храбрый ветеран изнемогал от ран, полученных на Аскорани; но сознание долга в нем было так сильно, что, спустя несколько дней, когда Аббас-Мирза появился у Шамхора, он, пренебрегая болезнью, снова стоял уже лицом к лицу с неприятелем.

Утром двадцать седьмого июля небольшой русский транспорт, следовавший из Тифлиса к Елизаветполю, был атакован значительными силами Пир-Кули-хана. Горсть русских солдат и с ними бедные, но храбрые грузинские погонщики, составив каре из своих арб, защищались отчаянно, несмотря на то, что на каждого из них приходилось неприятелей, по крайней мере, по сто человек. Персияне, обложив транспорт и громя его из орудий, требовали сдачи и угрожали в противном случае истребить всех до единого. Начальник транспорта, поручик Донцов, один из тех офицеров, имена которых невольно врезаются в память, отвечал одно: "Умрем, а не сдадимся!" Но положение отряда становилось отчаянным. Донцов, служивший душой обороны, получил смертельную рану; другой офицер, прапорщик Плотневский, через свою запальчивость был схвачен в плен. Солдаты остались без начальников и, потеряв большую половину людей, уже стали колебаться. К счастью, в этот момент появляется Карягин, и картина боя мгновенно изменяется. Русский батальон, в пятьсот человек, стремительно атакует главный лагерь наследного принца, врывается в его окопы и овладевает батареей. Не давая неприятелю опомниться, солдаты поворачивают отбитые пушки на лагерь, открывают из них жестокий огонь, и - при быстро распространяющемся в персидских рядах имени Карягина - все бросаются бежать в ужасе.

Поражение персиян было так велико, что трофеями этой неслыханной победы, одержанной горстью солдат над целой персидской армией, был весь неприятельский лагерь, обоз, несколько орудий, знамена и множество пленных, в числе которых был захвачен

и раненый грузинский царевич Теймураз Ираклиевич.

Таков был финал, блистательно закончивший персидскую кампанию 1805 года, начатую теми же лицами и почти при тех же условиях на берегу Аскорани.

В заключение считаем не лишним прибавить, что Карягин начал свою службу рядовым в Бутырском пехотном полку во время турецкой войны 1773 года, и первые дела, в которых он участвовал, были блистательные победы Румянцева-Задунайского. Здесь, под впечатлением этих побед, Карягин впервые постиг великую тайну управлять в бою сердцами людей и почерпнул ту нравственную веру в русского человека и в себя самого, с которой впоследствии он, как древний римлянин, никогда не считал своих неприятелей.

Когда Бутырский полк был двинут на Кубань, Карягин попал в суровую обстановку кавказской прилинейной жизни, был ранен при штурме Анапы и с этого времени, можно сказать, не выходил уже из-под огня неприятеля. В 1803 году, по смерти генерала Лазарева, он был назначен шефом семнадцатого полка, расположенного в Грузии. Здесь, за взятие Ганжи, он получил орден св.Георгия 4-ой степени, а подвиги в персидской кампании 1805 года сделали имя его бессмертным в рядах Кавказского корпуса.

К несчастью, постоянные походы, раны и в особенности утомление в зимнюю кампанию 1806 года окончательно расстроили железное здоровье Карягина; он заболел лихорадкой, которая скоро развилась в желтую, гнилую горячку, и седьмого мая 1807 года героя не стало. Последней наградой его был орден св.Владимира 3-ей степени, полученный им за несколько дней до кончины.

Много лет пронеслось над безвременной могилой Карягина, но память об этом добром и симпатичном человеке свято хранится и передается из поколения в поколение. Пораженное его богатырскими подвигами, боевое потомство придало личности Карягина величаво-легендарный характер, создало из него любимейший тип в боевом кавказском эпосе.

XII

ГЕНЕРАЛ ЗАВАЛИШИН
(Каспийская флотилия в 1805 году)

Когда, в 1805 году, открылась персидская кампания, главнокомандующий в Грузии, князь Цицианов, приказал Каспийской флотилии направиться к Гилянам. Он имел в виду помешать этим путем наступательным замыслам персидского шаха, побудить его уплатить военные издержки за эриванскую кампанию и возвратить двенадцать орудий, захваченных еще агой Мохаммед-ханом при разорении им Тифлиса. В то же время предполагалось, что флотилия на возвратном пути из Гилянов займет город Баку и оставит там русский гарнизон. Начальство над экспедицией поручено было инспектору всех гарнизонных полков на Кавказе генерал-майору Иринарху Ивановичу Завалишину.

Завалишин появляется на Кавказе, еще не побывав, насколько это известно, ни в одном сражении, но уже с чрезвычайно выгодной репутацией, созданной ему особым расположением Суворова, привлекательными чертами прямого характера, а отчасти и несправедливостью, постигшей его во времена императора Павла.

Известно, что четырнадцати лет от роду он был уже подпоручиком Фанагорийского гренадерского полка и там-то пользовался особенной любовью Суворова, отличавшего в молодом человеке не только ум, образование и склонность к литературным

занятиям, но видевшего в нем даже и задатки больших военных способностей, как это видно из следующего семейного предания. Рассказывают, что в 1799 году, когда Завалишин двадцати девяти лет от роду был произведен в генералы и назначен шефом Таврического гренадерского полка, находившегося тогда в Голландии, то Суворов отправил ему собственную свою Георгиевскую звезду, выражая тем уверенность, что Завалишин достигнет высших отличий на военном поприще.

Дело, возложенное тогда императором на молодого генерала, было, действительно, настолько важно, что, со своей стороны, также оправдывало надежды Суворова: Завалишину поручено было отвести в Голландию часть русских войск, назначенных на подкрепление разбитого горпуса Германа, и восстановить честь полка, которого он назначен был шефом; полк этот, как думал государь, потерял в сражении знамя и за то был лишен употребления барабанного боя. Но эскадра Завалишина не успела дойти до Голландии, как военные действия уже окончились, и войска ушли на зимние квартиры.

Тем не менее Завалишин горячо вступился за честь полка, несправедливо обвинявшегося в потере знамени в сражении под Берном; он поспешил разъяснить обстоятельства, давшие повод к подобному слуху, и писал, что первые донесения о сражении были крайне неточные, что полк не только не терял своего знамени в том смысле, чтобы оно досталось неприятелю, а напротив, сам взял французское знамя; собственное же, считавшееся погибшим, отыскано на трупе убитого офицера, смерть которого составляет притом прекрасный эпизод и может служить к славе не только полка, но и всей русской армии.

Оказалось именно, что когда одному из батальонов Таврического полка, окруженному со всех сторон французами, пришлось проложить себе дорогу штыками, то подпрапорщик Щеголовитов, стоявший под знаменем, видя, что трудно будет вынести из этой свалки полковую святыню, сорвал его с древка и спрятал под мундир. Вскоре он был убит. Тогда знамя взял прапорщик того же полка Багговут и обвил его вокруг себя под рубахой, но почти вслед за этим роковая пуля сразила и его, и знамя вместе с ним осталось на поле сражения. Остальные знамена полк

вынес из боя, но все они в клочки были изодраны французскими штыками и пулями.

Спасение знамени являлось несомненным фактом, и государь не только возвратил полку отнятый бой, но пожаловал ему еще мальтийское (георгиевское) знамя с надписью, увековечившей подвиг его под Берном. Что же касается прапорщика Багговута, хотя уже убитого, то государь приказал произвести его в поручики и перевести в лейб-гвардии Преображенский полк[1].

С экспедиционным корпусом Завалишину пришлось быть некоторое время в Нормандии и в Англии. Здесь он сумел выказать так много такта и заботливости о поддержании добрых отношений с союзниками, что возвращающиеся в Россию войска вызвали со стороны жителей множество прощальных благодарственных адресов. Такие заявления были особенно приятны императору Павлу Петровичу, и с этих пор он стал смотреть на Завалишина не только как на хорошего военного генерала, но и разумного политического деятеля.

И едва Завалишин приехал в Петербург, как получил приказание явиться прямо в кабинет государя. Все ожидали, что он будет осыпан наградами, но к общему удивлению вышло совершенно противное.

В разговоре государь поставил два вопроса: что думает Завалишин о войне, объявленной Англии, и чему приписывает он поражение наших войск в Голландии и в Швейцарии. Завалишин открыто и честно высказал свое мнение, что лично он никогда не одобрил бы разрыва с Англией, сделанного исключительно в угоду Наполеону; что же касается поражения наших войск в Голландии, то он объясняет это единственно тем предпочтением, которое в последнее время стали оказывать парадной выправке в ущерб сущности военного дела. Государь мгновенно вспылил, назвал его партизаном Суворова, порицателем новых порядков. Завалишин, вместо ожидаемых наград, в тот же день был исключен из службы одним приказом с князем Цициановым, Ермолаевым, Чичаговым и Платовым.

---

[1]В этом полку Багговут числился до 1805 года, когда император Александр приказал вновь исключить его из списков якобы тогда умершего.

Император Александр снова призвал Завалишина на службу, назначив его шефом Астраханского гарнизонного полка и инспектором всех гарнизонных частей на Кавказе и поручив ему в то же время главный надзор над Астраханским казачьим войском и Каспийской флотилией. Князю Цицианову, назначенному тогда же главнокомандующим в Грузии, хотелось, однако, предоставить Завалишину другое, более широкое поприще, которое считал он важнее и выше военных успехов. Дело шло о гражданском устройстве Грузии, о водворении в ней порядка и правосудия, требовавшем правителя энергичного, умного, честного, именно такого, каким знал Завалишина князь Цицианов. Он и предложил ему занять этот важный пост, с тем, однако, чтобы тот перешел в гражданскую службу. Но последнее условие составило неодолимое препятствие в глазах самого Завалишина. Напрасно князь Цицианов предлагал ему чин тайного советника, Анненскую ленту и большое содержание. Любимицу Суворова, надевшему на двадцать девятом году генеральские эполеты, казалось невозможным из-за материальных выгод покинуть добровольно славное военное поприще, и он отказался. Цицианов должен был уступить и назначил Завалишина начальником гилянской экспедиции. Но не предполагая в нем, при всех его военных способностях, равной с ними опытности, необходимой для экспедиции, Цицианов назначил в помощники к нему известного своей храбростью подполковника Асеева.

Эскадра должна была отплыть из Астрахани возможно раньше, высадить войска у Энзели и, взяв город Решт, отправить оттуда письмо к Баба-хану. В письме этом Цицианов, излагая свои условия, писал шаху между прочим следующее: "Войска моего Государя, как буйный вихрь, выворачивающий столетние дубы, не желающие преклоняться перед ним, оставляют безвредно камыш, нагибающийся до лица земли при его проходе. Таков мой Государь Император, таковы и войска его, с коими, не останавливаясь, пройду и в Индию, буде единое слово изрещи изволит".

В том случае, если шах не принял бы предложенных условий, Завалишину приказано было поставить в Реште наместника, обложить город данью

и учредить у берегов Энзели крейсерство для покровительства русской торговле. Но если шах согласится исполнить требования Цицианова, то условиться с ним об учреждении в Реште русского консульства с командой и военным судном.

Состав экспедиционного корпуса из войск, прошедших в минувшем году боевую школу в Осетии, под руководством такого опытного начальника, как генерал Несветаев, давал, по-видимому, все шансы на успех. Однако же экспедиция не оправдала самых скромных ожиданий Цицианова. Эскадра даже опоздала выйти в море и подняла паруса лишь двадцать третьего июня, то есть в то время, когда персияне уже были в Карабаге, и полковник Карягин, после отчаянного дела при Аскорани, вынужден был начать свое знаменитое отступление. Известия об этих событиях, которые персияне выставляли победами, совпали в Реште с появлением эскадры у берегов Энзели и, конечно, могли только поднять дух неприятеля. Однако же персияне, несмотря на сделанные приготовления, вовсе не защищались в Энзели и отступили внутрь страны, оставив роте Казанского полка, с подполковником Асеевым, занять город без боя. Отсюда, с частью десантного отряда, Асеев направился к городу Пери-Базару и овладел им после трехчасового боя. Но тут получены были известия, что у Решта собирается персидское войско, намеревающееся одновременной атакой Пери-Базара и Энзели отрезать отряд Завалишина от моря. Намерение это представляло для русского отряда серьезную опасность, так как многочисленность неприятеля, густота прибрежного леса и знакомство местных жителей со всеми его тропинками давали врагу большие шансы на успех. Чтобы предупредить готовившийся ему удар, Завалишин, по совету Асеева, решился сам атаковать персидские войска, собранные у Решта, и пятого июля повел в дело свой небольшой отряд, не превышавший восьмисот штыков, при трех орудиях.

На пути наступления Завалишина семь тысяч персиян занимали позицию, представлявшую дефиле, усиленное искусственными заграждениями. Сильный огонь, открытый неприятелем из-за укрытий, наносил казанцам большие потери и вывел из строя всех лошадей. Несмотря на это, русские энергично про-

должали наступление, таща на себе тяжелые пушки, но вскоре под одним из орудий сломалась ось, и его принуждены были бросить. А между тем сопротивление персиян с каждым шагом становилось упорнее. Отряд дошел наконец до широкой канавы, на которой каменный мост был разломан, и очутился под перекрестным градом ружейных выстрелов. Люди изнемогали, патроны были израсходованы, а между тем отряд с восьми часов утра до трех пополудни прошел только семь верст, и до Решта оставалось такое же расстояние. К довершению всего, сам подполковник Асеев был ранен, хотя и не оставил команды; но отряд, истощенный потерями и видя перед собой все новые и новые преграды, вынужден был начать отступление.

Ободренный успехом, неприятель стремительно ударил на русских. Картечь несколько сдержала его натиск, однако же казанцам не раз приходилось штыками вырывать орудия из рук персиян. Не имея возможности удержаться в Пери-Базаре, весь отряд отошел к Энзели и решился здесь ожидать ответа от Баба-хана на письмо главнокомандующего. Но получено было известие, что шах, вместо ответа, отправил из Карабага в Гилянскую провинцию еще шесть тысяч войска, которое к восьмому июля должно было прибыть к городу Решту. Между тем началась невыносимая жара, отозвавшаяся на русском отряде увеличением болезней и смертности, и отчаявшийся в успехе дела Завалишин сел на суда и направился к Бакинскому рейду.

Бакинцы, между тем, еще за три недели до появления русской флотилии вывезли в горы имущество и семейства и начали вооружать крепость, ставить пушки, готовить заряды и запасаться всем для отчаянной защиты. Гуссейн-Кули-хан бакинский готовился к обороне с твердой решимостью не прежде покинуть город, как уже не останется никакой возможности защищаться в нем. В последнем случае он решился удалиться в горы и потому забаррикадировал все ворота, оставив свободными одни те, через которые предполагал скрыться.

На другой день, по занятии русскими порта, Гуссейн-Кули-хан прислал одного из беков к начальнику русской эскадры узнать о причине ее прихода. Завалишин ответил, что прислан по

повелению русского императора занять Баку и требует безусловной сдачи. Два дня предоставлены были хану на размышление. В тот самый час, когда срок окончился, хан прислал просить отсрочки еще на два месяца, но так как Завалишин требовал сдачи крепости до захождения солнца, угрожая в противном случае приступить к бомбардированию ее, то хан прервал переговоры, и русские, в самый день Успения Богородицы, пятнадцатого августа, открыли канонаду. Неприятель отвечал тем же, и даже с большим успехом, так как на русских судах морская качка мешала верному прицеливанию, да и обе мортиры, бывшие на эскадре, скоро разорвались. Видя, что одним бомбардированием с моря ничего добиться невозможно, Завалишин решил обложить Баку с суши, и двадцать второго августа приказал подполковнику Асееву сделать высадку. Асеев, несмотря на сопротивление бакинцев и отсутствие в отряде лошадей под орудия, которые люди должны перетаскивать на себе, не только обложил Баку и занял командные высоты, но еще взял у неприятеля две пушки и три знамени. Ничто, однако же, не показывало, чтобы в крепости думали о сдаче, а частые вылазки, напротив, свидетельствовали, что неприятель не теряет бодрости и верит в успех обороны. Стойкость бакинцев, очевидно, поддерживалась надеждой на чью-либо близкую помощь; и действительно, вскоре получилось известие, что Шейх-Али-хан дербентский идет на выручку.

Неблагоприятные обстоятельства, впрочем, вполне естественные и всегда возможные и ожидаемые на войне и которые Карягиным и Котляревским дали бы только случай к новым блистательным подвигам, смутили Завалишина. Ему казалось невозможным в одно и то же время вести блокаду и отражать толпы дагестанцев, и третьего сентября он отступил от крепости, а пятого дербентский хан и хамбутайский владелец явились под стенами Баку и с торжеством победителей вступили в город.

Дело было совершенно потеряно даже без попытки бороться с тяжелыми обстоятельствами. В затруднении Завалишин собрал военный совет, которому при данных обстоятельствах только и оставалось постановить: оставить Бакинский рейд и следовать к острову Саре, близ Ленкорани, чтобы хотя помочь по крайней

мере шагазскому хану вывести в русские пределы до четырех тысяч семей, изъявивших желание принять русское подданство. На этот раз эскадра благополучно достигла цели своего плавания, но неудача и тут не оставила Завалишина. Более месяца напрасно простоял он в виду Ленкорани, поджидая вести о движении шагазцев, но они не показывались.

Причиной тому, как оказалось впоследствии, был талышинский хан, который на просьбу шагазцев пройти через его владения ответил не только решительным отказом, но даже и угрозой отправить их хана связанным к персидскому шаху.

Как Цицианов отнесся к деятельности Завалишина, показывает его письмо к нему: "С получением знамен, взятых вами у бакинского хана, - писал князь, - я устыдился, и еще сто крат стыднее бы мне было отправить их к высочайшему двору, ибо одно из них сделано из бахчи - платка, в который товары завертывают; другое - из онучи, которой персияне обвертывают ноги вместо чулка, а третье - холостинное, лезгинского покроя, но самого низкого. Знамена я здесь брал, но ни одного такого не видел... Не могу вам не заметить также, - писал он далее, - противоречия, замеченного в ваших рапортах, в которых вы говорите, что подполковник Асеев от вас нигде не отставал, а по реляциям вашим вижу, что он везде впереди вас был и все берега занимал. Во всяком случае вам лучше бы было и не свозить десанта, тогда бы хан счел, что вы приезжали только его постращать, а войска назначены были против Решта, и сие заключение было бы для нас гораздо полезнее, чем взятие двух пушек и трех знамен храбрейшим из храбрейших, Асеевым".

Однако же за труды, перенесенные войсками в эту экспедицию, Цицианов нашел справедливым ходатайствовать о наградах. Генерала Завалишина он представил к ордену св.Анны I-ой степени, украшенному алмазами, но особенно рекомендовал вниманию государя подполковника Асеева[1].

Вместе с тем Цицианов старался загладить дурное впечатление, созданное в Закавказье нерешительными

---

[1]Шестнадцатого егерского полка подполковник Асеев впоследствии был шефом семнадцатого егерского полка, который он принял после смерти Карягина и командовал им с 1807 по 1811 год.

действиями Завалишина. Он предписал ему же снова идти с эскадрой от острова Сары к Баку и, сделав десант, принудить хана сдаться. Завалишин исполнил предписание, но так как переговоры не имели успеха, то он просил Цицианова прибыть сюда лично, рассчитывая, что его присутствие победит наконец упорство кичливого хана. Цицианов действительно прибыл к нему на помощь с отрядом в тысячу восемьсот штыков, но, как известно, восьмого февраля 1806 года предательски был убит под стенами Бакинской крепости.

Смерть Цицианова окончательно сразила Завалишина. Он посадил весь отряд - и свой, и Цицианова - на суда и отплыл с ним в море, написав государю: "Одним словом, Всемилостивейший Государь, мы заведены в такую западню, из которой разве единая только десница Божья вывести нас может".

Между тем о смерти Цицианова прошли лишь темные слухи, а войска как бы пропали без вести. Наконец через месяц на Линии получено было известие от Завалишина, что он на острове Саре бедствует без продовольствия. Ему оказали помощь, и еще через месяц отряд его наконец добрался до Кизляра и был оставлен на Линии. В Грузию же, на усиление войск, поспешно отправили часть рекрутов и весь Троицкий пехотный полк в полном составе. Эскадра также возвратилась в Астрахань.

Военные неудачи, и особенно последнее отступление из-под Баку, отнявшее у Грузии значительную часть ее небольшой вооруженной силы в тот момент, когда она лишилась грозного защитника в Цицианове, не осталось без влияния на дальнейшую судьбу Завалишина, вызвав к нему общее нерасположение. Вероятнее всего, под влиянием именно этого чувства, он вскоре был обвинен в пристрастном производстве одного следствия, по которому у него не оказалось некоторых бумаг, и был отставлен опять от службы.

Документы, однако же, были найдены впоследствии между секретными бумагами самого Цицианова, и тогда Завалишину предложили занять место генерал-инспектора в Корпусе путей сообщения. В этом звании он пробыл около двенадцати лет, потом вышел в отставку, поехал лечиться в Пятигорск и там в 1822 году скончался.

XIII

ГРАФ ГУДОВИЧ
(1806-1808 годы)

Со смертью Цицианова, изменнически убитого под стенами Бакинской крепости, настали для русских Закавказских владений трудные времена.

В Тифлисе скоро узнали об участи, постигшей грозного князя, и Грузия испытывала все неудобства неопределенного положения и безначалия. Завалишин с войсками исчез; уважение к русской силе среди впечатлительных и изменчивых восточных племен было поколеблено, и нужно было ожидать повсюду восстаний.

В таких обстоятельствах необходима была твердая рука, которая могла бы сразу положить предел беспорядкам и наказать бакинского хана за вероломство, а между тем Кавказский край оставался без главнокомандующего, имеющего власть и силу распоряжаться. К счастью, на Линии в то время командовал войсками энергичный генерал Глазенап. Когда до него дошли темные слухи о гибели князя Цицианова, он в то же время известил обо всем государя, а сам немедленно принял меры к тому, чтобы загладить невыгодное впечатление, вызванное отступлением Завалишина от Баку в такой момент, когда именно требовалось энергичное воздействие на хана. Он тотчас же предпринял поход под Баку и по пути, еще до прибытия нового главнокомандующего, успел овладеть Дербентом, вызвав повсюду блестящим успехом свое-

го предприятия прежнее жившее там представление о русской силе и подготовив почву для будущих успехов.

Новым главнокомандующим на место князя Цицианова назначен был граф Иван Васильевич Гудович, заслуженный ветеран, хорошо известный Кавказской линии, которой он уже командовал два раза - в царствование Екатерины и Павла. Но преклонные годы и время, проведенное в бездействии, в стороне от военного дела, невыгодно отразились на деятельности и характере нового главнокомандующего. Сохранив свою прежнюю энергию, он, по словам современников, стал вместе с тем раздражителен, капризен, а память об одержанных им некогда победах развила в нем тщеславие и самонадеянность.

В закавказской деятельности своего предместника, князя Цицианова, он видел только одни теневые стороны и намеревался не продолжать только его дела, но и исправить в них все на его взгляд ошибочное и неполное. Вообще, уезжая на свой пост, он обещал государю гораздо более, чем в состоянии был исполнить.

Но уже в Георгиевске его постигло первое разочарование. Он нашел Кавказ далеко не в том состоянии, в каком оставил его в конце прошедшего столетия, когда русское владычество здесь ограничивалось одной Кавказской линией. К тому же в крае свирепствовала чума, уносившая тысячи жертв, а средств для борьбы со страшным врагом не было, так как большая часть войск находилась тогда под Дербентом с генералом Глазенапом. Из Грузии доходили также далеко не отрадные известия. Все Закавказье, которое умела удержать в повиновении твердая рука Цицианова, готово было восстать. Имеретинский царь Соломон бунтовал открыто, волновались осетины, ахалцихский паша покровительствовал опять начавшимся набегам лезгин на Грузию, а Персия собирала значительные силы, думая воспользоваться благоприятным временем для возвращения Ганжи, Карабага и других провинций. Ко всему этому, закубанские народы и кабардинцы, пользуясь отсутствием войск на Линии, производили дерзкие набеги, простиравшиеся даже за Ставрополь.

Напрасно Гудович, думавший, что имя его, со времен анапского штурма, еще памятно горцам и служит

по-прежнему грозой Кавказа, писал прокламации и собирал к себе депутатов. "Будучи старшим генералом русской армии, - сказал он, - я недаром прислан сюда водворить между вами порядок". Депутаты, по стародавнему обыкновению, брошенному Цициановым, получая подарки, обещали жить мирно и спокойно, а возвращаясь домой, принимались опять за прежние разбойничьи набеги.

Лишь в Дагестане дела шли успешно. И хотя Глазенап, по взятии Дербента, был отстранен от командования отрядом, но присланный на место его энергичный генерал Булгаков довершил все его предприятие, покорив Баку и кубанское ханство. Бежавшие ханы были низложены, и их владения вошли в состав Российской империи. Но даже и эти успехи, упрочившие русское владычество не только в Закавказье по Каспийскому побережью, но и по ту сторону гор, в южном Дагестане, не могли прекратить волнений в странах, сопредельных с Грузией, где всегда находились элементы, ожидавшие только предлога для открытого мятежа против русских.

Возмутился Карабаг. Но Ибрагим, не рассчитывая на собственные силы, пригласил к себе персиян, обещая сдать им Шушу и выдать малочисленный русский гарнизон, стоявший в крепости, под командой майора Лисаневича. Измена хана была обнаружена вовремя, и Лисаневич приказал арестовать его, чтобы тем отнять у него средства к побегу. Но в произошедшей при этом стычке и хан и его любимая дочь были, к несчастью, убиты случайными солдатскими пулями. Убийство хана русскими, взволновавшее умы во всей стране, было весьма неприятно Гудовичу, и на пост Лисаневича был назначен генерал-майор Небольсин[1],

[1]Петр Федорович Небольсин, начавший службу в 1772 году, с отличием участвовал во второй турецкой войне и затем, в 1804 году, с производством в генерал-майоры, назначен был шефом Троицкого пехотного полка, с которым сделал несколько походов против закубанских горцев. В начале 1806 года полк этот был передвинут в Грузию. Здесь, за отличие в сражении при Ханашинском ущелье, Небольсину пожалован был орден св. Георгия 4-ой степени, потом, за взятие Нухи, - орден св. Владимира 3-ей степени, и, наконец, за нахичеванский поход - Георгий на шею. По возвращении из этой экспедиции Небольсин некоторое время управлял Карабагским ханством и в этой должности скончался осенью 1810 года, унеся в могилу так много обещавшие дарования.

шеф Троицкого пехотного полка, незадолго до этого прибывший в Грузию.

Между тем персияне, вызванные Ибрагимом, уже приближались к Шуше. Небольсин, присоединив к своему полку стоявшие в Карабаге батальоны полковника Карягина и майора Лисаневича, что вместе составило отряд в тысячу шестьсот штыков, выступил навстречу двадцатитысячной персидской армии и на Аскорани, при Ханашинском ущелье, разбил ее наголову.

Столь же неудачны были покушения Гуссейн-Кули-хана и царевича Александра со стороны Эривани, против Тифлиса и Елизаветполя.

Но даже разгром персиян не образумил шекинского хана, который не хотел оставаться в подданстве России после того, как друг и родственник его, Ибрагим карабагский, был убит Лисаневичем. Узнав о его смерти, Селим в отмщение решил захватить в свои руки майора Парфенова, начальника русского отряда, стоявшего в его владениях, и с этой целью пригласил его к себе под видом совещания по какому-то делу.

В семи верстах от Нухи Парфенов с удивлением увидел все шекинское войско, расположившееся громадным табором посреди открытой равнины. На вопрос, почему хан вышел из города, ему ответили, что хан собирается в поход, так как персидские войска стоят уже близко от границ. Парфенов удовольствовался этим ответом. Но едва он вошел в палатку, как шесть вооруженных татар мгновенно повергли его на землю. Обезоруженный, избитый и связанный, Парфенов пешком отправлен был в Нухинскую крепость, где его забили в колодки и бросили в глухое подземелье, угрожая смертью за смерть Ибрагимова. Пятнадцать казаков, находившиеся в его команде, были частью изрублены, а частью закованы в цепи и рассажены по тюрьмам.

Целый день томили узников страхом ожидаемой казни, но к вечеру хан переменил решение. Он прислал сказать Парфенову, что возвратит ему свободу, если тот согласится вывести русские войска из его владений. Парфенов, ввиду безвыходного положения, в которое поставлен был малочисленный отряд против соединенных сил шекинцев и персиян, согласился и в тот же день вышел из Шекинского ханства.

"Отступление Парфенова, - справедливо замечает Дубровин, - было крайне неуместно и не сообразно со славой русского оружия и с той репутацией, которую составили себе в том крае даже незначительные отряды, всегда выходившие победоносно в борьбе с многочисленными врагами. Недостаток стойкости и твердости духа имели дурные последствия, и сделанная ошибка стоила больших усилий для ее исправления". Действительно, как только русские оставили Нуху, джаро-белоканцы восстали почти поголовно и уже готовились вместе с шекинским ханом вторгнуться в Грузию, заявляя открыто, что завладеют Ганжой.

Известие об этих происшествиях дошло до Гудовича в то время, когда он лежал во Владикавказе больной и расслабленный. Не имея возможности совершить переезд через Кавказские горы верхом, Гудович приказал нести себя на носилках и, явившись в Тифлис, тотчас послал приказание генералу Небольсину идти на шекинского хана. Небольсин, уже прежде, как мы видели, умевший управляться с Карабагом, блистательно исполнил поручение: он разбил наголову войска Селима, встретившие его на границе, и затем подступил к самой Нухе.

Столица Шекинского ханства, живописно расположенная при истоке небольшой речки, вся тонет в густой зелени ореховых и тутовых деревьев. На высоком холме, командующем окрестностью, красуется старая крепость, и тут же рядом стоит ханский дворец - образчик жилища восточного сибарита. Здесь все выполнено в причудливом, оригинальном персидском вкусе: и мраморные фонтаны, окруженные плакучими ивами, и разноцветные стекла в узеньких окнах, и потолки, составленные из кусочков зеркал, и дивные лепные работы, украшающие собой карнизы, двери, окна, камины[1]. Небольсин не хотел подвергнуть чудного замка ужасам приступа и предложил Селиму выйти с повинной головой.

Но так как Селим наотрез отказался покориться, то решено было взять город штурмом. Осажденные

---

[1]Нуха замечательна работами своих вышивальщиков по сукну разноцветными шелками; отсюда-то и выходят большей частью все чепраки, скатерти, салфетки и прочие вещи, которые в последнее время распространились по целой России.

прибегли к самым отчаянным средствам защиты. Они окружили свои батареи горючими материалами и зажгли их в тот самый момент, когда начался штурм. Весь город внезапно опоясался огненной полосой, и войскам пришлось прорываться через огонь, так как всякая остановка и колебание могли быть гибельными. И русские солдаты прорвались через огонь. Город был взят, хан бежал и объявлен лишенным своих владений навсегда.

Теперь настал момент наказать и возмутившихся джаро-белоканских лезгин, которые своими действиями давно уже испытывали терпение русских.

На Алазанской линии со времени Цицианова и Гулякова по-прежнему стояли те же кабардинцы, но уже под начальством князя Дмитрия Орбелиани, заместившего Гулякова. Орбелиани был офицер отличный, но слишком большая осторожность, с которой он решался на каждое дело, много отнимала блеска от его военных подвигов. Тем не менее Линия охранялась так зорко, что лезгины уже не могли вести привычный для них и доставлявший им все необходимое разбойничий образ жизни - жизни набегов и опустошений соседних стран.

Потерявшие и со своей стороны терпение, лезгины решились наконец, в последний год командования Цицианова, собрать огромные толпы и истребить ненавистную для них колонну Орбелиани, стоявшую у Пейкаро бессменной стражей.

И вот, двадцать шестого марта 1805 года, в такой момент, когда персидская война поглощала все русские силы, девять тысяч лезгин внезапно бросились на Александровский редут, чтобы прежде всего лишить русских этого опорного пункта. Натиск был так стремителен, что неприятельские толпы успели прорваться через форштадт до валов укрепления. Сто двадцать пять кабардинцев, двадцать пять егерей и несколько донских казаков не дрогнули, однако же, перед вражеской силой. На вал вошел комендант Гарцевич и, вызвав пятьдесят человек, приказал им ударить на главную толпу лезгин, уже взлезавшую на укрепление... Раздалось "Ура!", и горсть солдат с двумя офицерами - поручиком Куликовым и прапорщиком Фендриковым - во главе ринулась в битву. Лезгины, почти торжествовавшие победу, не выдержали натиска и обратились в бегство. Унтер-

офицер Горбунов схватил неприятельское знамя, а поручик Куликов, увлекшийся преследованием, выскочил даже за самый форштадт и едва не был смят налетевшей на него лезгинской конницей. К счастью, Гарцевич вовремя крикнул: "Назад!" - и встретил ее картечью. Неприятель был рассеян, но победа досталась русским недешево: из фронта выбыло сорок два человека, то есть третья часть гарнизона.

С таким же блистательным успехом была отражена другая тысячная неприятельская партия, спустившаяся с гор в апреле 1805 года против деревни Тинеты, где стояли две кабардинские роты силой в сто тридцать штыков. Неприятель, появившийся перед ними, был опаснее джарцев. Это были хевсуры, известные своей легендарной храбростью и приводившие в трепет даже лезгин. Но кабардинцы и здесь достойно поддержали свою старую боевую славу. Командовавший ротами поручик Волков, видя безвыходность своего положения, сам сделал отчаянную вылазку и внезапным нападением разбил хевсуров наголову. Подоспевшему на помощь подполковнику Эристову с грузинской милицией оставалось только преследовать их до самых верховьев Арагвы.

"В настоящее время, - говорит один военный писатель, - подобные подвиги могут казаться нам баснословными, а между тем они действительно были, и - скажем более - если бы их не было, нам никогда не удержать бы за собой Закавказье". Объяснить их только превосходством регулярного строя над азиатскими полчищами также невозможно, потому что здесь русские имели противников слишком опытных в битвах. Это, скорее всего, влияние той нравственной школы, которую оставили после себя, как славное наследие, герои XVIII века: Румянцев, Суворов, Вейсман, Цицианов и другие.

Теперь, когда Нуха была взята и Небольсин стал угрожать лезгинским владениям совершенно с другой стороны, генерал Орбелиани также перешел в наступление и принял настолько искусные меры, что восьмого ноября все лезгинское войско, вместе с пришедшей к нему на помощь аварской конницей, было заперто в тесном джарском ущелье. Поставленные в безвыходное положение, лезгины не могли и думать о сопротивлении. Аварский хан первый вступил в переговоры, а между тем увел свою конницу

в горы, и джарцы, покинутые своим союзником, покорились. Депутаты их, явившиеся к Орбелиани с повинной головой, были отправлены в Тифлис и вошли в город с повешенными на шею саблями. Трудно описать восторг грузин при виде их заклятых врагов, впервые являвшихся перед ними в таком униженном положении.

Вновь покорив силой оружия восставшие ханства, Гудович не обнаружил достаточного политического такта, чтобы продолжать дело покорения мирной политикой. Лучшим средством к умиротворению страны было бы теперь введение в ханствах русского правления, как это сделал князь Цицианов с Ганжой, а граф Гудович, относившийся со странным предубеждением ко всем распоряжениям своего знаменитого предместника, нашел более полезным оставить правителей-туземцев. Ханства Дербентское и Кубинское были отданы им под власть шамхала тарковского, который, разумеется, в них не жил, а управлял ими через своих приближенных; в Нуху, на место бежавшего Селима, поставлен был старый Джафар, выходец из Персии, человек, правда, вполне преданный России, но чуждый сунитам-шекинцам по вере и национальности; наконец, в Карабаге, где по смерти Ибрагима явились два претендента, граф Гудович отстранил законного наследника Джафар-Кули-агу, юношу, искренне преданного русским, и предпочел ему Мехти-Кули-хана, человека пронырливого, двуличного, сумевшего сникать себе покровительство сильных лиц, окружавших главнокомандующего. Мехти опасался, однако же, внутренних смут и требовал, чтобы Джафар дал ему письменную клятву повиноваться. Джафар охотно дал подпись, но прибавил под ней, что будет покорным слугой Мехти-хана только до тех пор, пока последний сам сохранит должное повиновение русскому императору.

Таким образом благоприятный момент слить все Закавказье под одной общей русской властью был упущен.

Покорением лезгин закончились в Закавказском крае военные дела 1806 года. Наступила суровая зима, и граф Гудович спешил заключить перемирие с Персией, так как Турция уже объявила России войну и сосредоточивала на границах значительные силы. Положение русского главнокомандующего в крае

было в это время весьма затруднительно; он имел в своем распоряжении только одну двадцатую дивизию, разбросанную по всему Закавказью, а между тем государь настоятельно требовал наступательных действий, чтобы отвлечь часть турецких сил от главного театра войны на Дунае. Гудович хорошо понимал, что он не может получить никаких подкреплений ни с Линии, ни из России до тех пор, пока Наполеон не будет отражен от Вислы, а потому вынужден был начать военные действия с теми ничтожными средствами, которые были в его распоряжении. Оставив небольшой отряд генерала Небольсина на персидской границе и полагаясь вполне на преданность вновь поставленных ханов, он двинул остальные войска в турецкие пределы по трем различным направлениям: главные силы, под личным начальством графа, шли на Ахалцихе, правое крыло - на Поти, а левое - на Карс.

В то же самое время небольшая эскадра из Черноморского флота, под начальством контр-адмирала Пустошкина, отправлена была из Крыма к кавказским берегам для покорения Анапы. На этом пункте, чрезвычайно важном для обеспечения Кавказской линии, и раздались первые выстрелы в турецкую войну 1807 года. К общему удивлению, Анапа на этот раз почти не защищалась и была взята без усилий и кровопролития.

Далеко не с таким успехом шли дела на суше, в пределах азиатской Турции. Крепость Ахалкалаки, к которой подошел главный отряд, предводимый Гудовичем, первая же оказала сопротивление. Это была небольшая, но сильная по тогдашнему времени крепость, обнесенная высокими стенами грузинской постройки, которые фланкировались по углам бастионами и башнями, вооруженными сильной артиллерией.

На двукратное требование сдачи паша отвечал решительным отказом. "В последний раз советую вам и требую, - писал ему раздраженный Гудович, - чтобы вы сдали мне крепость не медля, иначе вас ожидает неминуемая гибель. Представлю в пример то, что многие турецкие крепости с их многочисленными гарнизонами и артиллерией не могли устоять против высокославных российских войск, коими я тогда начальствовал и теперь командую. Я взял их штурмом,

где от одного упорства кровь ваших собратьев пролита реками. Анапа, Суджук-Кале и Хаджи-Бей примерные тому свидетели. Показав вам то, что воевать я умею, - продолжал Гудович, - я еще раз обращаюсь к вашему человеколюбию и уверяю вас моим словом, что в случае вашей покорности вы будете отпущены, а гарнизон получит пощаду".

Паша оставил письмо без ответа, и Гудович приказал приступить к бомбардированию крепости. Два дня безуспешно гремела канонада, и Гудович решил наконец взять крепость штурмом.

Войска были разделены на три отряда, под командой генерал-майоров Титова, Портнягина и графа Гудовича, сына главнокомандующего. На самой заре, девятого мая, все три колонны по условному сигналу двинулись на приступ, но встречены были таким жестоким ружейным и картечным огнем, что две колонны повернули назад и только третья, имея во главе Портнягина, поднялась на стену. Чтобы поддержать ее, Гудович ввел в дело все свои резервы, но, несмотря на все усилия, русские не могли утвердиться в городе. Тогда, получив сведение, что потеря в войсках простирается уже до девятисот человек, Гудович приказал начать отступление, и три орудия остались в руках неприятеля. К счастью, турецкая кавалерия, сделавшая затем вылазку, была отбита тремя эскадронами нарвских драгун и казачьим полком, под начальством флигель-адъютанта полковника Отто.

Неудача штурма так сильно подействовала на графа Гудовича, что он уже не пытался продолжать блокаду и возвратился в Грузию. Осада Поти также была снята, а от Карса войска отошли еще раньше по распоряжению самого Гудовича, ограничившего все действия левого фланга только обороной собственной границы. Таким образом, кампания на всех пунктах окончилась неудачей.

Тогда турки сами перешли в наступление и двинулись из Карса на Гумри. Но тут их встретил генерал Несветаев, несколько поколебавший шансы войны. Имея под своей командой четыре неполных батальона и два казачьих полка, Несветаев выдержал натиск двадцатитысячной турецкой армии, три раза возобновлявшей нападения, под личным начальством арзерумского сераскира Юсуф-паши, и три раза отбил

неприятеля с огромным для него уроном. Тем не менее положение отряда, ослабленного потерями и не имевшего при себе достаточного количества патронов и снарядов, становилось все более и более затруднительным. Турки готовились уже к четвертому приступу, с тем чтобы раздавить малочисленную горсть геройских защитников Гумри, как вдруг на помощь к Несветаеву явился Портнягин со своими драгунами, а вслед за ним подошел и сам главнокомандующий со своими войсками, бывшими в ахалкалакской экспедиции. И здесь, на берегу Арпачая, восемнадцатого июня произошло генеральное сражение. Дело долго не решалось, происходя преимущественно на флангах. Но когда Несветаев со своей колонной неожиданно выдвинулся перед фронтом неприятеля и повел стремительную атаку на лагерь, турки в панике бросились бежать и ушли в Арзерум. Несветаев горячо преследовал их, и ему принадлежат почти все трофеи этой победы: двадцать три орудия, знамена и лагерь с множеством запасов.

Потери в русских войсках не превышали в сражении ста человек убитыми и ранеными, но в числе последних находился начальник двадцатой пехотной дивизии генерал-лейтенант барон Розен, впоследствии известный своими удачными действиями в Имеретии при Тормасове.

Поражением анатолийской армии, составленной из наиболее воинственных племен Азии, курдов и аджарцев, решилась участь кампании 1807 года в азиатской Турции. Государь возвел графа Гудовича в сан генерал-фельдмаршала. Одержанная русскими победа не осталась без влияния и на персидского шаха, спешившего поздравить Гудовича и приславшего ему в подарок верхового коня с богатым убором. Однако же переговоры о мире, начатые с Персией, шли так медленно и неуспешно, что Гудович решился нанести новый удар персиянам и овладеть Эриванью.

В начале сентября 1808 года фельдмаршал вступил через Бомбакское ущелье в пределы Эриванского ханства. Неприятельская кавалерия в числе пятисот человек, следившая за движением русского войска, зажгла армянские деревни и удалилась. И неприятель нигде не показывался до двадцать девятого числа, когда значительные силы его были наконец открыты у деревни Аштарак. Гудович тотчас выдвинул против

них кавалерийскую колонну из двух драгунских полков (Нарвского и Борисоглебского, вызванного собственно для этой экспедиции с Кавказской линии); но так как окрестные поля были усеяны острыми камнями, по которым могла свободно двигаться одна лишь привычная персидская конница[1], то одновременно с драгунами вызваны были вперед линейные казаки и стрелки авангарда. Этот летучий отряд смело атаковал неприятеля, опрокинул его и гнал до самых стен Эривани.

Эчмиадзинский монастырь, памятный жестоким сопротивлением, оказанным князю Цицианову, был занят без боя, а на следующий день русские войска перешли речку Зангу, в трех верстах ниже Эривани, и стали бивуаком в виду самой крепости. Отсюда Гудович отправил прокламацию, в которой обращался к эриванским жителям между прочим со следующими словами: "Не берите в пример прежней неудачной блокады Эриванской крепости. Тогда были одни обстоятельства, а теперь совсем другие. Тогда предводительствовал войсками князь Цицианов, из молодых генералов, не столько еще опытный в военном искусстве, а теперь командую я, привыкший уже водить более тридцати лет сильные российские армии".

Прокламация осталась без ответа, а потому Гудович, после трехдневного бездействия в виду Эривани, приказал полковнику Симановичу занять форштадт. Но едва это было исполнено, и Симанович заложил в садах, прилегавших к крепости, брешь-батарею, как эриванский хан со всей кавалерией вышел из крепостных ворот и стал на окрестных горах, чтобы оттуда тревожить осаждающих. Гудович послал против него Нарвский драгунский полк, под командой генерала Портнягина, который прогнал неприятеля за Аракс и затем, переправившись вплавь через эту глубокую и быструю речку, нанес ему вторично такое поражение, что персияне уже не осмеливались более тревожить тыл русского лагеря.

Одновременно с этими действиями, генерал-майор Небольсин двинулся из Карабага с трехтысячным отрядом для покорения Нахичеванского ханства. В

---

[1]Этому способствовали более всего гладкие азиатские подковы, которыми ковались персидские лошади.

глубокую ненастную осень, в октябре, войска бодро перешли через карабагские скалистые утесы и снежные вершины и двадцать седьмого числа стали спускаться на равнину, к деревне Кара-Бабе. От жителей Небольсин узнал, что в Нахичеванское ханство прибыл сильный двадцатипятитысячный персидский корпус, под личным предводительством Аббас-Мирзы; и так как неприятель мог запереть выход из ущелья, то Небольсин приказал майору Лисаневичу с его батальоном и казачьим полком ночью предупредить неприятеля и занять деревню. Но едва Лисаневич подошел к Кара-Бабе, как на рассвете двадцать восьмого был атакован всей персидской силой. Отступить отряду было нельзя, как потому, что отступать ему было не велено, так и потому, что неприятель, имея много конницы, уже занял ею в тылу все важные пункты. Волей-неволей приходилось вступать в кровавый бой и удерживать за собой позицию при входе в ущелье до последнего человека. Солдаты помолились Богу, и едва Лисаневич выстроил свой авангард в одну боевую линию, поручив командование левым флангом его майору Котляревскому, как вся неприятельская конница уже понеслась в атаку. Егеря, сомкнув каре, остановили ее натиск залпом и штыками, но отхлынувшую конницу тотчас сменила персидская пехота, и бой завязался упорный. Уже на обоих флангах победа не раз склонялась на сторону неприятеля, когда наконец показался Небольсин с Троицким полком и артиллерией. В это самое время Котляревский успел отбить нападение на левом фланге, а Лисаневич, как опытный боец, не упускавший из виду движение неприятеля, заметив, что Аббас-Мирза отправил часть своих сил в обход и тем значительно ослабил себя перед нашим фронтом, воспользовался этой минутой, напал на персиян и разбил их наголову. Тогда весь отряд Небольсина быстро пошел вперед, и обходная персидская колонна оказалась отрезанной. Бегство неприятеля сделалось общим. При преследовании Лисаневич с боя взял две пушки, а одну Котляревский.

Разбитый Аббас-Мирза оставил Нихичевань без защиты, и Небольсин немедленно занял ее по приглашению жителей. Казачий полк был выдвинут вперед на самую границу Эриванского ханства и оттуда открыл сообщения с Портнягиным.

С этого момента лагерь нашего осадного корпуса был вполне обеспечен со стороны Аракса, но Эриванская крепость продолжала упорно защищаться, и по всему было видно, что гарнизон не помышляет о сдаче. Между тем наступила ранняя суровая зима, и глубокие снега, выпавшие в горах, завалили ущелья и совершенно перервали сообщение с Грузией. Эти обстоятельства, вместе с развитием болезней в лагере и с обнаружившимся уже недостатком боевых снарядов, вынудили фельдмаршала решиться на штурм Эривани.

В ночь с шестнадцатого на семнадцатое ноября войска четырьмя колоннами, предводимыми полковником Симановичем, майорами Борщовым, Новицким и капитаном Челищевым, двинулись к крепости, но штурм окончился полной неудачей. Персияне дрались отчаянно, и по приемам их можно было заключить, что в этот день руководили ими французские офицеры, в то время как с нашей стороны колонными начальниками, за исключением Симановича, были молодые и малоопытные люди, не способные заменить собой прежних вождей цициановской школы: Портнягина, Небольсина, Несветаева, Карягина, Котляревского, Лисаневича и других. Карягина и Несветаева в это время уже не было на свете, а остальные находились в других второстепенных отрядах, далеко от главных операций, которыми решалась участь целого похода.

К довершению всего, при самом начале сражения, полковник Симанович и сменивший его майор Вылазков были тяжело ранены, и колонна их первая остановилась во рву, засыпанная картечью и ручными гранатами. Вторая колонна хотя и взобралась на стену, но, не поддержанная вовремя, была отброшена назад в беспорядке. Начальник колонны майор Новицкий был ранен, а заступивший его место Борисоглебского драгунского полка полковник Булгаков - убит[1]. Третья и четвертая колонны попали во рву под сильный фланговый огонь с двух батарей и, потеряв обоих колонных начальников, майора Борщова убитым и капитана Челищева раненым, также отступили.

Видя общую неудачу атаки и огромные потери -

[1]Это был сын известного генерала, командовавшего в то время Кавказской линией.

до восьмисот человек выбывшими из строя, - Гудович приказал ударить отбой.

Во время этого штурма произошел эпизод, не имеющий большого значения для непосредственных результатов битвы, но заслуживающий горячей памяти в потомстве как проявление высокой нравственной дисциплины русского солдата, создающей победы, эпизод, показывающий, каких друзей найдет себе в русских солдатах хороший начальник-офицер. Майор Тифлисского полка князь Северсамидзе, впоследствии известный кавказский генерал, несмотря на рану, незадолго перед тем полученную под Эриванью же, повел на приступ свой батальон, но раненый снова, упал и остался на валах крепости. И вот денщик его Григорьев и рядовые Букреев и Псиков решаются спасти Севарсамидзе, несмотря ни на какие опасности. Когда окончился бой, они отправились ночью на вал, разыскали раненого и понесли его на шинелях, под пулями заметившего их неприятеля. Скоро начался рассвет, и выстрелы, направленные против них, участились. Букреев был ранен и упал. Тогда Севарсамидзе, видя, какой опасности подвергаются солдаты, приказал им оставить себя и спасаться самим, но Псиков и Григорьев порешили между собой иначе: Псиков побежал в лагерь за новыми людьми, а Григорьев лег на землю и прикрыл собой голову князя, говоря, что персияне видят их и стрелять не перестанут. Прибежавшая команда, действительно, нашла Григорьева уже убитым пулей в лоб; Букреев также вскоре умер от полученной раны; Псиков же, уцелевший при этом геройском подвиге, через три года был убит в сражении при деревне Паргите.

Несколько дней простоял еще Гудович после несчастного приступа под стенами Эриванской крепости, изыскивая средства к ее покорению, но многие полки приведены были в такое расстройство, что о повторении штурма нечего было и думать. Сознавая, что при таких условиях взять Эривань открытой силой невозможно, фельдмаршал присоединил к себе отряд генерала Портнягина и начал отступление в Грузию.

Небольсину приходилось также отступить в Карабаг, но обратный переход его через горы, уже покрытые глубокими снегами, был еще труднее. Весь путь до Карабагского хребта в течение трех дней

пришлось прокладывать штыками, а на четвертый день, третьего декабря, тридцатитысячная персидская армия, опять у той же Кара-Бабы, окончательно отрезала дорогу и заняла впереди на горах выгодную позицию. Положение отряда час от часу становилось затруднительным. В ночь на четвертое декабря подул резкий ветер, поднялась сильная метель, и ужасный мороз грозил смертью.

Видя, во-первых, невозможность идти далее по сугробам с обозом, а во-вторых, бедственное положение солдат без дров, Небольсин приказал сжечь весь обоз. Однако, несмотря и на эту меру, в ночь до шестидесяти человек было озноблено, и из них пять человек тогда же умерли.

Когда костры стали потухать, отряд стал в ружье и двинулся вперед. Персияне, решившись истребить его, уже с утра вступили в битву и дрались с отчаянной храбростью. Троицкий полк стал наконец колебаться. Тогда Небольсин ввел в дело егерей Лисаневича, и бой закипел с новой силой.

Стремительным натиском Лисаневичу удалось наконец сломать персиян - и они побежали; русские преследовали их на протяжении пяти верст; пощады при этом не было никому - пленных не брали. Путь через горы был открыт, и отряд благополучно добрался до Шуши.

Император Александр по достоинству оценил подвиг отряда и прислал его начальнику генералу Небольсину орден св.Георгия 3-ей степени.

Между тем отступление Гудовича, совершавшееся среди глубокой и снежной зимы, может быть названо, в полном смысле слова, бедственным. Войска переходили горы по пояс в снегу, при вьюгах и морозах, доходивших до пятнадцати градусов. Главнокомандующий должен был выслать вперед весь Нарвский полк и батальон пехоты, чтобы расчищать дорогу лопатами, но, несмотря на принятые меры, до тысячи человек из отряда погибло от стужи. Борисоглебский драгунский полк лишился при этом всех своих лошадей и возвратился пешим. Сам фельдмаршал жестоко простудился и получил сильнейший ревматизм, от которого впоследствии потерял один глаз.

Необходимо прибавить, что одной из причин неудачи эриванского похода была позорная измена

подполковника Кочнева, долгое время бывшего комендантом в Елизаветполе. Он предупредил персиян о вторжении русских и передал им все планы, добытые неизвестным путем из штаба Гудовича.

Едва возвратившись в Тифлис, фельдмаршал получил тревожные известия о восстании Кубинского ханства. Как мы уже видели, Куба была взята генералом Булгаковым, но окончательно присоединена была к России только в начале 1807 года, когда Шейх-Али-хан, долгое время державшийся в лесах около Кубы, увидел наконец невозможность склонить на свою сторону жителей, бежал в Акушу с малым числом приверженных беков и, как бы в отмщение народу, изрубил на границе все бывшие при нем кубинские знамена и бросил чугунные пушки; их жители доставили потом в Кубу к полковнику Тихановскому.

С побегом Шейх-Али-хана Кубинская провинция наводнилась разбойничьими шайками, а в начале 1809 года туда вторглись уже огромные толпы дагестанцев и, обложив Кубу, двадцать дней держали в блокаде батальон Севастопольского полка, под командой майора Рябинина. Посланные к нему на помощь две роты, с майором Логвиненковым, были встречены двадцать первого января всеми силами Шейх-Али-хана и потерпели поражение. Сам Логвиненков был ранен в грудь навылет, солдаты же потеряли сто двадцать человек убитыми. Остаток храброго отряда, однако, удержался в наскоро устроенном вагенбурге, стойкая оборона которого дала возможность подоспеть сюда подкреплению из Баку и Дербента. Рябинин, в свою очередь, сделал вылазку, и Шейх-Али, окруженный со всех сторон нашими отрядами, был разбит и бежал в Табасаранские горы.

Известие об этой победе несколько успокоило больного фельдмаршала. Но расстроенный физически и нравственно, он просил государя уволить его от должности, и был назначен главнокомадующим в Москве.

В этом звании Гудович оставался до февраля 1812 года, когда глубокая старость заставила его просить о совершенном увольнении от службы. Император изъявил на это согласие и пожаловал фельдмаршалу свой портрет, осыпанный бриллиантами, для ношения в петлице.

Последние годы жизни маститый фельдмаршал провел в своем имении, местечке Ольгиополе, и умер в январе 1820 года от старости, на семьдесят девятом году от рождения, завещав похоронить себя в Киеве, в любимом им Софийском соборе.

XIV

РЕДУТ-КАЛЕ

В 1804 году небольшой русский отряд высадился на менгрельских берегах Черного моря и заложил, при устьях реки Хопи, укрепленный пост, впоследствии названный Редут-Кале. Вначале войска здесь выстроили себе несколько мазанок, обнесенных плетневым забором, и мало заботились о безопасности укреплений, несмотря на то, что в семнадцати верстах от них находилась турецкая крепость Поти и что турки с видимым недоброжелательством смотрели на попытку русских утвердиться в стране, которую они еще считали своей.

Паша, начальствовавший над гарнизоном Поти, под дружественным предлогом сделал визит русскому коменданту и потом часто приезжал к нему в гости, в сущности, с целью высматривать и выслеживать, что делается в укреплении. Русские добродушно принимали гостей и так были уверены в их расположении, что вовсе не принимали против них никаких мер предосторожности. Паша подметил между прочим, что ружья, обыкновенно стоявшие в куче, были без кремней и употреблялись только для учений, что в крепости не было ни караулов, ни разъездов - словом, все делалось так, как в крае совершенно мирном и в совершенно мирные времена.

Однажды - по некоторым сведениям это было в 1806 году - русский гарнизон праздновал первый день Рождества Христова, и отпраздновал его, как водится

на Руси, так, что к вечеру не многие оставались со здоровой головой. Наступила ночь. С моря дул сильный ветер, и под завывание его все погрузились в глубокий сон, как вдруг со всех сторон засвистали пули, и турки мгновенно ворвались в укрепление. Часовые едва успели выстрелить, как уже были заколоты. Поднялась суматоха, но так как никаких средств к защите не оказывалось, то большая часть гарнизона заперлась в казарме, без всякой надежды на спасение.

В это время в густом лесу, со стороны Риони, раздалась родная русская песня - из лесу выходила команда из двенадцати рядовых при унтер-офицере, отправленная за несколько дней перед тем на берег Черного моря для заготовки строительного леса. Несколько замешкавшись на работе, команда не успела возвратиться домой к первому дню праздника и только к ночи стала подходить к Редуту.

Выходя из лесу, солдаты неожиданно увидели свое укрепление в пламени. Крики и выстрелы, доносившиеся с той стороны, заглушали даже бушевавшую бурю и ясно говорили, что в укреплении турки.

- Что делать теперь, Сидорыч? - обратилась команда с вопросом к своему начальнику.

- Что делать? - ответил с решимостью старый солдат. - Разумеется, идти и выручать товарищей. Ура, ребята!

С этим криком команда ворвалась в укрепление. Сметливый Сидорыч бросился к орудиям, но они на беду оказались заклепанными. Но вот заброшенный единорог, незамеченный неприятелем... Внезапно прогремел пушечный выстрел, и турки, осыпанные картечью, изумленные, не понимая, в чем дело, смешанной толпой в страхе бросаются вон из укрепления.

- Вылезайте же, вороны, из гнезда! - закричал насмешливо Сидорыч товарищам, засевшим в казарме. - Берите ружья, да рассчитывайтесь-ка поскорей с бусурманами!

Но этого расчета сделать не удалось, потому что турки поторопились уйти из Поти.

К сожалению, предание не сохранило полного имени храброго унтер-офицера.

Случай этот и то значение, которое Редут-Кале имел для Закавказья в военном отношении, по

близости его к турецкой крепости, побудили главнокомандующего, графа Гудовича, занять его более сильным гарнизоном, для чего туда и назначены были три роты Белевского полка, под командой майора Лыкошина.

Несмотря на это, восьмого февраля 1807 года, турки, по объявлении войны, сделали вторичную попытку овладеть ненавистным для них укреплением.

Благодаря дремучим лесам, которые от самого Поти сплошной полосой тянутся по берегу Черного моря, нападение и на этот раз произведено было так внезапно, что часовой, стоявший на валу, дал сигнальный выстрел только тогда, когда турки были уже почти у редута. Ударили тревогу. Дежурный караул встретил неприятеля у самых ворот, но был опрокинут, и турки, окружив казарму, стали стрелять в окна и в двери. Люди застигнуты были врасплох, но защищались отчаянно. Пока одни отбивались всем, что попало под руку, другие успели схватиться за ружья и штыками отбили турок, уже ломившихся в казарму. Жестокая свалка завязалась внутри укрепления. Комендант его, майор Лыкошин, в начале дела был ранен в голову двумя сабельными ударами, но принявший от него команду капитан Денисьев продолжал дело обороны с той же упорной энергией. До какой степени доходило ожесточение сражавшихся, можно судить по тому, что три турецких знамени несколько раз переходили из рук в руки, пока окончательно не были отбиты русскими. Одно из этих знамен взято штабс-капитаном Трофимовым, а два других - фельдфебелями Мирным и Ивановским, которые оба были при этом ранены.

К семи часам утра неприятель был опрокинут повсюду и, поражаемый штыками, кинулся вон из укрепления. Но это не был еще конец кровавого нападения; устроившись в лесу, турки два раза бросались на Редут и два раза были отбиты с огромным уроном. Тогда ободрившийся гарнизон сам перешел в наступление и преследовал бегущих турок несколько верст, пока не увидел подходившее к ним из Поти свежее подкрепление.

Блистательный успех достался гарнизону, однако же, не дешево. Кроме майора Лыкошина, ранен майор Гольденгоф, командовавший в бою артиллерией, убит один офицер, именно - прапорщик Грабовский, а из

трех рот Белевского полка нижних чинов выбыло сто шестьдесят человек. Лазарет, цейхгаузы, соляные и провиантские магазины, офицерские флигеля - словом, все то, что находилось вне стен укрепления, было сожжено дотла. Вместе с лазаретом сгорели и помещавшиеся в нем все тяжелобольные нижние чины, не бывшие в состоянии покинуть своих кроватей. С ними погиб и доктор Данилов. Его долгое время считали сгоревшим, но впоследствии оказалось, что он уведен был турками в Поти и там пропал без вести.

Этот кровавый эпизод заканчивает собой боевую хронику Редут-Кале. Спустя два года сама Поти пала, а приобретение Сухум-Кале и Анапы с более удобными рейдами лишило Редут-Кале и того значения, которое он, как приморский порт, мог иметь в торговом отношении.

XV

ГЕНЕРАЛ НЕСВЕТАЕВ

Имя Несветаева принадлежит к популярнейшим именам на Кавказе. Он - один из тех, на которых - по справедливому выражению историка - покоятся славные традиции кавказского войска.

Вся жизнь Петра Даниловича Несветаева с самых молодых лет прошла среди бранных тревог и русской полковой жизни. Происходя из мелкопоместных дворян Ярославской губернии, он начал службу еще в 1773 году рядовым в лейб-гвардии Измайловском полку. Оттуда, с производством в офицеры, он назначен был в один из армейских пехотных полков, с которым и участвовал в финляндской кампании. Здесь, в бою у деревни Старкупес, в 1788 году, Несветаев был ранен картечью в голову и заслужил за отличия в делах два чина: секунд- и премьер-майора. Когда мир был заключен, полк перевели в Литву, и Несветаеву пришлось участвовать в делах при Гродно и Вильно. И уже здесь обратил на него внимание бывший тогда военным начальником края князь Цицианов, отличивший в молодом офицере качества будущего талантливого деятеля на военном поприще. При императоре Павле служебные повышения Несветаева шли чрезвычайно быстро: в 1797 году он был произведен в подполковники, в следующем году - в полковники, а еще через год - в генерал-майоры, с назначением вместе с тем шефом Саратовского пехотного полка, квартировавшего тогда в Рязани.

Привольная стоянка в одной из богатейших русских губерний дала Несветаеву возможность устроить и привести полк в блестящее состояние, и когда, по прошествии четырех лет, именно - в начале 1804 года, он был передвинут в Грузию, по случаю персидской войны, то князь Цицианов писал государю, что ему "мало доводилось видеть таких прекрасных полков, как Саратовский".

Этому много способствовал и личный характер самого Несветаева: он был человек одинокий и в высшей степени бескорыстный, собственные его нужды были весьма ограничены; жизнь он вел самую простую, настоящую солдатскую, и все, что имел, обращал на помощь солдатам и бедным офицерам; поледние всегда были обмундированы и снабжены всем нужным на его счет. Притом он был тактичен и деликатен и умел обходить острые стороны благодеяний; все давалось им тогда взаймы и даже записывалось в долговую книгу, но затем в возврат от офицеров уже никто ничего и никогда не требовал. Когда же должник по какому-нибудь случаю выбывал из полка, Несветаев своей рукой вычеркивал в книге долг и, прощаясь, говорил только: "Христос с тобой! Прощай, брат, не поминай нас лихом, а мы с тобой совсем квиты".

Враг сухой формалистики, он не терпел вместе с тем упущений по службе, и можно себе представить, как его любили, как привязывались к нему солдаты и офицеры и какой действительно образцовый должен был быть Саратовский полк его.

Самому Несветаеву не пришлось участвовать в персидском походе 1804 года. Задержанный служебными делами, он остался на Линии, рассчитывая догнать свой полк на почтовых, но по прибытии во Владикавказ он узнал, что сообщение с Грузией прервано внезапным восстанием осетин. Положение дел, которое застал Несветаев во Владикавказе, было далеко не блестяще. Неосторожное и иногда жестокое обращение некоторых русских чиновников с осетинами давно уже подготовляло почву для ропота и для успешного подстрекательства со стороны разных пронырливых личностей, и осетины, наконец, ждали только удобного момента для открытия возмущения.

Случай к тому скоро представился. Осетины воспользовались отсутствием в Грузии войск, ушедших

к Эривани, и изолированным положением нескольких русских постов, разбросанных по Военно-Грузинской дороге, чтобы поднять знамя восстания. Тагаурцы, а вслед за ними и другие племена, жившие по Арагве, обложили эти посты и, пользуясь гористой местностью, прекратили сообщение Линии с Грузией.

По первому известию об этом князь Цицианов отправил в Тагаурское ущелье подполковника Эристова с приказанием восстановить порядок. Фамилия Эристовых (от "эриставов" - титула осетинских владельцев) всегда имела влияние на осетинские племена, к которым принадлежали тагаурцы, а потому Цицианов вполне рассчитывал на успех экспедиции. Но вышло иначе. Когда Эристов прибыл в Ананур с ротой Севастопольского полка, то нашел восстание уже в полном разгаре; мятежники не слушали никаких увещаний и принудили его отступить к Тифлису. Вслед за тем тагаурцы потребовали очищения Ларса, где стояла рота Казанского пехотного полка, охраняя вход в Дарьяльскую теснину, и скоро поставили эту роту в положение поистине отчаянное. Окруженная со всех сторон мятежниками, она совершенно не имела провианта, так что солдаты в течение целого месяца питались почти одним только щавелем, добывая немного хлеба от самих тагаурцев же за одежду и даже за амуницию. Когда же все, что можно было продать, было распродано и когда даже съедобной травы уже не стало, комендант крепости, майор Щигалев, решился отступить во Владикавказ, чтобы спасти, по крайней мере, остальных людей от голодной смерти. Падение Дарса передало в руки мятежников весьма важное в военном отношении Дарьяльское ущелье и безмерно затруднило усмирение мятежа.

Через Дарьяльское ущелье толпы осетин прошли к деревне Стефан-Цминде и обложили замок, где засела русская рабочая команда из тридцати четырех солдат, под начальством полковника Дренякина. Вместе с ней попал в засаду и преданный России сам владелец этой деревни, правитель Хевсурского округа майор Казбек, которому мятежники тщетно предлагали принять над ними начальство. Два дня шла перестрелка, а на третий положение осажденных неожиданно сделалось отчаянным вследствие измены, обнаружившейся среди самого гарнизона, и жители

один за одним стали перебегать к мятежникам. Истощив все средства обороны, русская команда должна была сложить оружие, и вместе с Дренякиным взята в плен, а на Казбека осетины наложили большую контрибуцию. Почти одновременно с этим был вырезан и весь кайшаурский пост у Ломийской горы.

Во Владикавказе находился в то время донской казачий полк Рышкова (Рышкина?), который дожидался только спада вод в Тереке, чтобы пройти в Грузию. В эту пору общей смуты и неудач Цицианова под Эриванью, Грузия казалась находящейся в последней крайности, и князь Волконский приказал этому полку как можно поспешнее пройти в Закавказье, избрав для того путь по Куртонскому ущелью, по уверению жителей, безопасный. Осетины напали на полк в Девдоракской теснине и нанесли ему тяжкое поражение. Полк потерял всех своих лошадей и половину людей; шедшая с ними рекрутская партия потерпела также значительный ущерб.

Увлеченные рядом успехов, осетины двинулись на Ананур, присоединив к себе по пути хевсуров, пшавов, тушин и приглашая за собой все соседние горские племена. В то же время они призывали к себе из Имеретии грузинских царевичей Юлона и Парнаоза, братьев последнего грузинского царя Георгия. Царевичи отправились в путь, но около Цхинвала наткнулись на роту штабс-капитана Новицкого. Схватив в лесу грузинский пикет, Новицкий узнал, что царевичи ночуют в Шагарбели, и в ту же ночь с сорока егерями напал на деревню. Произошла рукопашная схватка, в которой Новицкий лично взял в плен царевича Юлона, едва не погибшего под штыками солдат. К несчастью, Парнаоз успел бежать и в несколько дней пробрался в Осетию. Царевич Юлон со всем его семейством был сослан на жительство в Тулу, а штабс-капитан Новицкий за свой отважный подвиг получил следующий чин и орден св. Анны 3-ей степени.

С появлением среди осетин Парнаоза восстание разгорелось с новой силой. Напрасно правитель Грузии генерал-лейтенант князь Волконский старался остановить мятеж, обещая прощение и даже щедрые льготы восставшим, - осетины отвечали требованием очищения

от русских всей Военно-Грузинской дороги. Волконский понял наконец действительные размеры опасности и сам поспешил в Ананур, приказав идти за собой батальону Севастопольского полка, под командой шефа его, генерал-майора Талызина. Но благоприятное для действия оружием время было пропущено. Несколько безрезультатных стычек не принесли ожидаемой пользы, и войска, после короткого похода, возвратились в Тифлис, не выручив даже Ананура, который так и остался в блокаде. В то же время Севастопольского полка майор Мелло, стоявший с батальоном на реке Ломисе, был атакован неприятелем и, узнав об отступлении Волконского, самовольно покинул пост с такой поспешностью, что оставил неприятелю три орудия, составлявшие всю его артиллерию.

"Постыдное отступление это, - писал Волконскому князь Цицианов, - не может и не должно оставаться без заслуженного наказания". И оно было, действительно, и постыдно, и в высшей степени вредно. Оставление ломисского поста открыло осетинам все Ксанские владения и путь в Картли. Деревни князей Эристовых были разорены за преданность России, передовые партии мятежников доходили до Гори, опасность угрожала даже Тифлису.

Несветаев, бывший тогда до Владикавказе, понял, что вся сила осетин только в вызванной ими панике да в отсутствии со стороны русских единства действий и распорядительности; и с теми незначительными силами, которые не находились даже собственно под его командой, но которыми он мог воспользоваться, решил по собственному почину дать пример, как ни трудно было справиться с мятежниками и восстановить сообщения с Грузией. С шестью ротами Казанского пехотного полка он быстро двинулся в горы и, прежде чем неприятель опомнился, овладел Балтой, Ларсом, Дарьялом и, наконец, Казбеком. И только здесь авангард его, состоявший из одной роты Казанского полка и трех сотен спешенных донских казаков, под командой подполковника Быхалова, был атакован самим Парнаозом, спешно прибывшим от Ананура, но с честью отразил нападение. И пока Быхалов преследовал разбитого царевича по ущелью Терека, Несветаев захватил в свои руки Гудаурский перевал и, спустившись в Грузию, стремительно пошел

на Ананур. На пути он получил известие, что капитан Матушевич, принявший команду над бывшим отрядом генерала Талызина, уже овладел Душетом и, разбив на Кейсхевских высотах главные силы осетин, подходит также к Анануру. Важное значение этого города, как пункта, в котором сходятся дороги из Кахетии и Картли, сознавалось издавна, и потому еще в старые годы здесь были построены и замок, и крепость.

Овладев Анануром, Несветаев отправил небольшие отряды по разным направлениям и в несколько дней не только совершенно восстановил сообщения по всей Военно-Грузинской дороге, но и очистил от мятежа все боковые горные ущелья. Участники осетинского бунта просили пощады, а покинутый всеми Парнаоз пытался бежать в Эривань. Но в сорока верстах от Тифлиса, на переправе через Куру в Демурчасалах, он был настигнут летучим отрядом князя Томаса Орбелиани и захвачен в плен вместе с тридцатью кахетинскими князьями, . которые все, вместе с Парнаозом, и были высланы в Россию.

Цицианов отдал должную справедливость Несветаеву, действия которого - по словам его донесения - были так не похожи на все, что делалось в этом крае до его приезда в течение целых трех месяцев, а государь пожаловал ему орден св. Владимира прямо 3-ей степени, минуя 4-ую.

Приехав в Грузию к своему полку, стоявшему по окончании персидской кампании в Караклисе, Несветаев тотчас обратил внимание главнокомандующего на смутное положение дел в соседней Шурагельской области, предлагая отторгнуть ее от Эриванского ханства и присоединить к России. Успех предприятия он принимал на личную ответственность и брался выполнить его с теми незначительными средствами, которые находились у него под руками. И обстоятельства, действительно, складывались в то время весьма благоприятно для выполнения его проекта. Случилось так, что Будах-султан, правитель Шурагеля, был вызван в Эривань и там задержан по приказанию хана, потребовавшего за него огромный денежный выкуп, а жители, со своей стороны, желали избежать этой уплаты и, по сведениям Несветаева, намерены был обратиться к князю Цицианову с просьбой о помощи. Воспользовавшись этим, Несве-

таев быстро вступил в Шурагель и занял главное селение Артик, где сын Будах-султана, а за ним старшины и народ беспрекословно присягнули на подданство русским государям. Донося об этом князю Цицианову, Несветаев вместе с тем готовился встретить трехтысячный отряд эриванского войска, уже подходившего к границам Шурагеля для выполнения ханского приказа опустошить владения несчастного султана. Несветаев, с батальоном Саратовского полка, встретил их в пограничном селении Талыни и разбил наголову, а храбрый капитан Матушевич, прошлогодний сподвижник его в Кавказских горах, преследовал бегущих до самых стен Эриванской крепости. Сам Несветаев без выстрела дошел до Эчмиадзина и занял тамошний знаменитый монастырь, построенный, по преданию, на там самом месте, где Ной впервые вышел из ковчега.

Несветаев нашел монастырь пустым: все драгоценные иконы, утварь и мощи угодников были из него вывезены. Только перед иконой Спасителя теплилась большая, украшенная драгоценными камнями лампада, возбуждавшая благоговейные чувства даже в мусульманах. Это был памятник пребывания здесь Надир-шаха, принесшего ее в дар христианскому Богу после чудесного своего исцеления от тяжкой болезни. Легенда говорит, что во время страданий он слышал во сне неведомый голос, повелевавший ему идти в Эчмиадзин и там перед иконой Спасителя помолиться о своем исцелении. Миссионер-католик, состоявший в то время при нем в качестве врача, конечно, горячо советовал ему это исполнить, и шах отправился в монастырь. Рассказывают, что шах, никогда прежде не бывавший в Эчмиадзине, узнал в иконе Спасителя ту самую, которую он видел во сне. Пораженный, он пал перед ней в молитве и выздоровел. Благодарный шах подарил тогда монастырю двенадцать деревень и прислал лампаду с повелением, чтобы она и день и ночь горела перед иконой. Шахские грамоты и самый фирман, свидетельствовавший о чуде, помещались в серебряном ковчеге, который хранился под мраморной плитой, у подножья чудотворного образа. Несветаев оставил этот исторический памятник в храме, но взял с собой разысканные им под грудой мусора: кусок дерева, по преданию, от Ноева ковчега, святое копье, которым был прободен Спаситель, и

десницу святого Григория, просветителя Армении. Все эти святыни доставлены были им в Тифлис, где уже хранилась часть сокровищ этого первопрестольного армянского монастыря, вывезенных отсюда самим Цициановым при возвращении из-под Эривани.

Блистательная экспедиция доставила Несветаеву орден св. Георгия 4-ой степени. Но Цицианов не был доволен этой наградой и писал к государю, что "так как приобретение богатой Шурагельской провинции всецело принадлежит одному Несветаеву, который, имея под ружьем всего четыреста солдат, настоял на возможности занять столицу этой области - Артик, то будет справедливым наградить его и орденом св. Владимира 2-ой степени". "Сие одно, - писал он государю, - может поощрить этого поседевшего в вашей службе офицера к будущим еще большим подвигам, как генерала, уже известного всем нашим соседям. С тех пор, как в прошлом году штыки его открыли путь в Грузию, кавказские племена зовут его не иначе, как *горским генералом*".

С открытием персидской кампании 1805 года на Несветаева возложена были защита Бомбакской и Шурагельской провинций. К этому времени нужно отнести эпизод, о котором не сохранилось официальных известий, но ясный след которого остался в известном рассказе автора "Семейства Холмских" - "Быт русского дворянина".

Там рассказывается, что персияне, готовясь к войне, употребили все средства привлечь на свою сторону джарцев; и хотя эти последние еще не забыли уроков, данных им два раза Гуляковым, однако же вскоре мятежные шайки их появились вблизи русских границ, вероятно, со стороны Ахалцихе или Эривани. Князь Цицианов избрал Несветаева, чтобы дать буйным лезгинам новый урок. Получив предписание, Несветаев тотчас выступил со своим небольшим отрядом в поход, однако же послал к Цицианову просить подкрепления. К официальному рапорту своему он приложил частное письмо, в котором, объясняя князю затруднительность своего положения, между прочим писал, что, не говоря уже о многом другом, у него нет даже рому, с которым он привык пить чай.

Цицианов ответил ему следующим весьма характерным письмом.

"Ты просишь, любезный товарищ, или, лучше сказать, сердечный друг мой, подкреплений своему отряду. Но откуда и какие способы имею я исполнить твою просьбу? Ты сам знаешь, сколько у меня войска, с которым мне надобно хорошенько поколотить хвастуна, мятежного царевича Александра, Аббас-Мирзу и самого его почтенного папеньку, велемудрого шаха. Да и на что нужно генералу Несветаеву подкрепление? Он сам своей собственной особой может заменить несколько тысяч войска! И я так уверен в генерале Несветаеве, что ожидаю с посланным мной адъютантом известия о полной одержанной им победе. Ступай, благословясь, любезный друг, вперед и отваляй ты мне по-свойски этих мерзавцев-изменников. Они забыли славный, данный уже им Гуляковым урок. Повтори, брат, этот урок. Я знаю, что ты на свою руку охулки не положишь. Однако же я не во всем, о чем ты пишешь мне, сердечный друг мой, отказываю тебе: я тотчас послал к нашему маркитанту и велел взять последние оставшиеся у него шесть бутылок рома, которые и отправляю тебе на подкрепление. Пей, брат, на здоровье, да дай и мне самому право выпить за твое здоровье и громогласно воскликнуть: "Ура!" За здоровье молодца, храбрейшего из храбрейших, Несветаева. Истинно уважающий тебя..."

Прочитав это письмо, Несветаев немедленно пригласил к себе всех батальонных и ротных командиров, с которыми имел привычку совещаться перед каждым сколько-нибудь серьезным делом. "Ну, гопода, - сказал он, - мы ожидали усиления новыми войсками нашего отряда, но вот все подкрепление, которое в теперешних чрезвычайных обстоятельствах мог прислать нам князь Павел Дмитриевич. - Он показал на бутылки с ромом. - Садитесь, напьемся чаю с этим подкреплением и подумаем, что нам делать".

Подали чай, закурили трубки, и таким образом открылся военный совет, на котором решено было не далее, как в эту же ночь, на рассвете, напасть на расположившиеся верстах в трех-четырех от русского лагеря толпы мятежников.

Когда военный совет был окончен, Несветаев собрал фельдфебелей.

- Завтра на рассвете, - сказал он им, - у нас будет

славная пирушка. Объявить об этом в ротах, осмотреть кремни, отточить штыки, чтобы не было на них охулки; варить кашицу с мясом; перед ужином дать людям по славной чапорухе водки, после ужина - по другой и тотчас ложиться спать, чтобы собраться с силами. А что мы разобьем в прах и знатно отваляем бусурманов - говорить нечего: вы у меня народ работящий.

- Рады стараться, ваше превосходительство, - ответили в один голос фельдфебеля, - будьте спокойны, нам это не первоученка.

Прощаясь затем со своими гостями, Несветаев подтвердил ротным командирам, чтобы перед выступлением из лагеря прочтены были перед фронтом, как это непременно перед всяким сражением делалось в его отряде, молитва "Отче наш" и псалмы "Живый в помощи Вышнего" и "Да воскреснет Бог". Несветаев был очень религиозен и несколько суеверен и каждого солдата, поступающего в Саратовский полк, которого он был шефом, снабжал особой ладанкой с зашитым в ней рукописным псалмом "Живый в помощи Вышнего", строго наказывая носить эту ладанку на кресте и никогда отнюдь не снимать ее.

Как только стемнело, генерал сам обошел весь отряд, чтобы удостовериться, все ли сделано, как он приказал, шутил с солдатами, спрашивал, хорошо ли они ужинали, остры ли штыки, хорошо ли будут завтра работать.

Часа за полтора до рассвета отряд тихо выступил из лагеря и незаметно подошел к лезгинам. Четыре пушки, выдвинутые вперед, вдруг грянули картечью, затем барабанный бой, "Ура!" - и стремительное нападение. Полная, решительная победа была одержана без всяких потерь. Неприятель оставил на месте много убитых и раненых.

По окончании персидской кампании, как только неприятель был изгнан из русских пределов, Цицианов поручил Несветаеву сделать экспедицию вглубь Эриванского ханства, чтобы вывести оттуда Джафар-Кули-хана хойсского, искавшего русского подданства. Этот Джафар, некогда повелевавший всем Азербайджаном, был человек с большим влиянием в крае, и Цицианов справедливо полагал, что Эриванские курды, среди которых он кочевал тогда, никогда не выдадут его без боя. И Несветаев сознавал всю трудность предстоявшей

задачи, но тем не менее принялся за выполнение ее со своей обычной энергией.

Выступив из Артика в глухую и ненастную осень, он подошел ночью восьмого ноября к укреплению Гечерлю и взял его приступом. Небольшая крепость, вздумавшая было защищаться, была разрушена, и Несветаев двинулся прямо на Амарат, в самое сердце курдистанского населения. Слух о чуме, появившейся в окрестностях этого города, заставил его, однако, изменить направление и идти к Араксу на Молла-Баязет, Шагриар и Калаархи. Все эти поселения, имея крепкие башни и замки вроде редюитов, находились в садах, обнесенных толстыми глинобитными стенами с бойницами, и потому представляли из себя небольшие крепости, которые приходилось брать не иначе, как штурмом. Несмотря на это, отряд в половине ноября, после жаркого дела, переправился на правый берег Аракса и, овладев укреплениями Асарск и Хайберклю, остановился в окрестностях Кара-Оглы. Туда к нему и вышли четыреста татарских семейств вместе с самим Джафар-Кули-ханом. Между тем наступила зима, глубокие снега завалили дороги, и обратный поход с переселенцами сделался весьма затруднительным. Подданные Джафара, собравшиеся наскоро, не имели при себе ни скота, ни хлеба и изнемогали от усталости и голода. Солдаты и казаки, сами утопая в снежных сугробах, несли на руках детей и сажали на седла женщин, охотно разделяя с ними скудный запас пищи. Сам Несветаев, желая показать пример подчиненным, отдал под больных верховую лошадь и шел пешком до самой границы. Среди всевозможных трудностей отряд дошел наконец до Талыни, где переселенцы и были оставлены на зиму уже в совершенной безопасности.

Спустя два месяца после этого памятного зимнего похода неожиданно получено было горестное известие о кончине князя Цицианова под стенами Баку, и Несветаев вызван был Гудовичем в Тифлис для командования всеми войсками, расположенными в Грузии. Имея в это время положительные сведения о жалком состоянии эриванского гарнизона, он предлагал не медля овладеть Эриванью, ручаясь за успех предприятия; к сожалению, новый главнокомандующий смотрел на дело иначе, и благоприятное время было упущено.

Между тем начались приготовления к турецкой войне, и Несветаеву, в начале 1807 года, поручен был отдельный отряд из пяти батальонов пехоты и двух казачьих полков для действия на левом фланге против Карса. Носились слухи, будто бы карсский паша при приближении русских войск намерен был сдаться, но безусловно доверять этим слухам было нельзя, так как Карс имел слишком серьезное значение для всей Анатолии и был под особым надзором эрзерумского сераскира, который, конечно, принял все меры против подобной измены. Это была первоклассная крепость, правильно снабженная оборонительными средствами. И хотя тогда она и не имела еще грозных укреплений, возведенных в позднейшие войны, однако же была обнесена гигантскими стенами, за которыми стоял двадцатитысячный турецкий гарнизон, и внутри этих стен, на высокой скале, командовавшей всей окрестностью, устроена была цитадель, уставленная пушками. Шестьдесят орудий, грозно смотревших с передовых валов и фортов азиатской твердыни, не смутили, однако, Несветаева. Произведя рекогносцировку, он нашел положение Карса "еще не совсем неприступным" и решил штурмовать его со стороны Карабага.

Штурм начался двадцать пятого марта, в самый день Благовещения. Несмотря на страшный огонь с крепостных батарей, два батальона, под командой подполковника Печерского, овладели передовыми высотами и, ворвавшись в городской форштадт, взяли турецкую пушку. Несветаев с остальными войсками готовился поддержать своих смельчаков, но в это самое время получено было предписание от графа Гудовича отнюдь не предпринимать ничего против самой крепости, а ограничиться только занятием одного Карсского пашалыка и прикрытием границы. Несветаев отступил и стал около Гумри, нынешнего Александрополя.

"Не считайте, ваше высокостепенство, - писал он коменданту крепости, - чтобы я не мог взять вашего Карса. На сие я только не имел повеления. Я взял форштадт, но получил приказание отступить, должен был повиноваться. Пушка же, которую вы требуете обратно, взята военной рукой, а потому и возвращена быть не может".

Положение Несветаева у Гумри было между тем

не из легких. Его четыре неполные батальона, ослабленные притом потерями в предшествовавших стычках, имели против себя двадцатитысячный турецкий корпус, формировавшийся, под предводительством эрзерумского сераскира Юсуп-паши, в Карсе. Гудович, уже отступивший тогда от Ахалкалаков, получил известие об этом в Цалке и тотчас же двинулся со .всеми свободными войсками на помощь к Несветаеву. Но он был еще в пути, когда Несветаев, девятнадцатого мая, уже был атакован турками. Бой, начатый в передовых укреплениях, скоро перешел на улицы города и длился до самого вечера.

Батальоны Несветаева стойко выдержали бешеные атаки янычар, и к ночи неприятель отступил, понеся огромные потери. Но это был только авангард сераскира; сам он с главными силами подошел к месту битвы только на следующее утро. Расположившись верстах в семи от русского лагеря, он послал сказать Несветаеву, чтобы тот выходил с ним драться в открытое поле. Несветаев ответил, что будет защищаться в окопах.

"Угроза вашего высокостепенства истребить отряд, - писал он сераскиру, - беззаконна, ибо вы идете, объявляя, что у вас бесчисленные силы и артиллерия, а я могу вам сказать на это, что имею под ружьем только три тысячи войска. Теперь извольте на меня нападать, а Бог свою справедливость покажет".

Тридцатого мая сераскир вторично атаковал Несветаева. Жестокий бой длился девять часов кряду и кончился совершенным поражением турок, которые оставили на месте боя четыреста тел и главное сераскирское знамя.

Донесение об этой славной победе застало Гудовича все еще на пути, но оно мало успокоило его, так как имелись уже сведения, что к сераскиру идут значительные подкрепления из Курдистана. Опасение за участь Несветаева было так сильно, что граф не скрыл от государя "отчаянного" положения отряда и прибавлял, что возлагает свое упование только "на храбрость и опытность в военном ремесле генерала Несветаева".

"Каждый рапорт вашего превосходительства, - писал он в то же время Несветаеву, - дает мне доказательство, что в выборе вас я не ошибся. Я видел уже опыты вашей храбрости и ваших

благоразумных распоряжений, а потому уверен, что вы удержитесь в Гумри до моего прибытия".

Торопясь на выручку, Гудович четвертого июня был уже в Бекане, оттуда отправил вперед всю свою кавалерию.

"Сейчас я получил известие, - писал он генералу Портнягину, - что Несветаев снова атакован в Гумри всеми сераскирскими силами. Спешите на помощь. Не теперь надлежит нам думать о выгодах людей и лошадей, когда долг и служба велят спасать товарищей".

Портнягин пошел на рысях, но дело окончилось прежде, чем подошли наши драгуны.

"Крайне сожалею, - писал Несветаев Портнягину в тот же день вечером, - что вы не подоспели к сегодняшнему делу. Я был так сильно и со всех сторон атакован Юсуф-пашой, что бой продолжался с десяти часов утра до шести пополудни. Турки ворвались было в Гумри, но были выбиты оттуда штыками кавказских гренадер. Должен благодарить Всевышнего, который хранит меня, и за скоростью ничего вам более писать не могу, а скажу только без лести, что Юсуф-паша в третий раз уже от меня со стыдом отступает".

Прибытие Портнягина, а вслед за ним и графа Гудовича, решило участь кампании. Разбитый наголову при Арпачае, Юсуф-паша бежал в Эрзерум, войска его рассеялись, и Турция вынуждена была заключить выгодное для нас перемирие.

Блистательные действия Несветаева в эту кампанию доставили ему орден св. Георгия 4-ой степени. Но, к сожалению, это были последние подвиги храброго генерала. В следующем году, когда войска собирались идти под Эривань, Несветаев приступил к укреплению русского тыла по долине реки Абаран, служившей в наших войнах всегда операционным базом. Но в это время он заболел желтой горячкой и семнадцатого июня 1808 года скончался в селении Караклисе. Надгробный памятник, воздвигнутый над его могилой, разрушило всесокрушающее время, но оно бессильно истребить из памяти кавказских ветеранов славное имя Несветаева.

XVI

ГРАФ ТОРМАСОВ

Девятого марта 1809 года, на место графа Гудовича, главнокомандующим войсками в Грузии и на Кавказской линии назначен был генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов, человек с благородным и решительным характером и с твердой, настойчивой волей.

Тормасов начал службу офицером в 1772 году и через двенадцать лет, в чине полковника, командовал уже Александрийским гусарским полком, с которым участвовал в турецкой войне 1791 года в армии князя Репнина. Произведенный в эту кампанию в генерал-майоры, Тормасов получил кавалерийскую бригаду, и в сражении под Мачином его безусловно отважная, блестящая атака во фланг неприятельской армии доставила русским решительную победу. За этот подвиг Тормасов, не имевший до того никакого ордена, получил прямо крест св. Георгия 3-ей степени.

С окончанием турецкой войны Тармасов переведен был в Польшу и, командуя различными кавалерийским отрядами, находился во многих делах; между прочим он был под Мациевицами, где взял в плен Косцюшко, и штурмовал с Суворовым Прагу. Орден св. Владимира 2-ой степени и золотая, украшенная бриллиантами сабля с надписью "За храбрость" засвидетельствовали его отличия в эту кампанию. В 1798 году он был произведен в генерал-лейтенанты, а через три года - в генералы от кавалерии. В больших европейских войнах 1805-1807 годов ему не

пришлось принять деятельного участия, а после Тильзитского мира тяжкая болезнь заставила его и совсем выйти в отставку. Но не далее, как через год, император Александр снова призвал его на службу, поручив ему высокий пост главнокомандующего в Грузии, и двенадцатого апреля 1809 года он уже вступил в управление краем.

Его предместник, Гудович, несмотря даже на некоторые чисто военные успехи, не сумел поддержать в Закавказье, во впечатлительных восточных умах, обаяние русской силы и русского имени, созданное Цициановым, а две крупные неудачи даже и подорвали его. И он оставил Тормасову Грузию в крайне затруднительном положении. Турция готовилась к решительным наступательным действиям; в июне ожидалось вторжение персиян, и говорили даже, что сам Баба-хан прибудет в Азербайджан, откуда отправит одного из своих сыновей, Аббаса-Мирзу, в Карабаг и Ширвань, а другого, Мамед-Али-хана, в Бомбак и Шурагель со стороны Эривани; Селиму шекинскому обещано было возвращение его ханства; царевичи Александр и Теймураз возмущали Имеретию, Кахетию и Картли; анапский паша, со своей стороны, усиленно поддерживал горцев, и Кавказская линия не имела покоя.

Тормасов прежде всего открыл мирные переговоры с Персией. Но когда эти переговоры еще продолжались, персияне внезапно вторглись в Грузию со стороны Карабага, Эривани и озера Гокчи, а двадцать третьего июня и главные силы их, под личным начальством Фет-Али-шаха, уже вошли в Бомбакскую провинцию. Однако же трехдневный бой персидской кавалерии под Амамлы, Беканом и Гумри, окончившийся полным ее поражением и бегством за Арпачай, настолько расстроил весь план персиян, что они вернулись назад, и кампания ограничилась только рядом небольших набегов, продолжавшихся до глубокой осени.

Лишь в сентябре большие силы их вновь пошли через Муганские степи, но на этот раз уже в Талышинское ханство, считавшееся под покровительством России. К сожалению, Тормасов, имевший в своем распоряжении для защиты трех обширнейших провинций: Дербентской, Кубинской и Бакинской только один Севастопольский полк, ничего не мог

отделить на помощь Мамед-Мир-хану, и Талышинская область превращена была персиянами в груды развалин и пепла.

Надо прибавить, что набегам персиян помогали лезгины и турки, врывавшиеся со стороны Ахалцихе и настолько беспокоившие границы, что в Картли для прикрытия их вынуждены были вызвать даже часть войска из Кахетии, с Алазанской линии. Одна из таких хищнических партий, в восемьсот человек, шестого сентября 1809 года была совершенно истреблена отрядом генерал-майора князя Орбелиани, напавшим на нее из Сурма с двумя кабардинскими ротами и эскадроном нижегородских драгун, тогда только что еще прибывших в Грузию.

Почти одновременно с отражением персиян от Гумри и Бекана Тормасов получил известие о вторичном падении Анапы, сдавшейся при первом появлении перед ее верками эскадры капитана Перхунова.

Понимая всю важность стратегического значения этой крепости, стоявшей в тылу враждебных линий горских племен, Тормасов приказал не оставлять ее, как это было сделано при Гудовиче, а, напротив, укрепить с суши и занять сильным подвижным гарнизоном. Комендантом в Анапу назначен был генерал-майор Бухгольц, на котором Тормасов остановился, как на человеке редких душевных качеств, притом женатом на черкесской княжне, еще ребенком вывезенной из той же Анапы при взятии ее Гудовичем, - обстоятельство, выгоды которого не замедлили обнаружиться. Княжна имела многочисленную и знатную родню среди черкесов, и при ее влиянии мало-помалу устанавливались между русскими и некоторыми горскими племенами дружеские сношения, которые и продолжались вплоть до 1812 года, когда Анапа по Бухарестскому миру опять возвращена была туркам.

Поражение персиян и покорение Анапы, обеспечившее Линию, дали возможность Тормасову сосредоточить свое внимание на делах Имеретинского царства, откуда в этот момент угрожала Грузии наибольшая опасность.

При Гудовиче войсками в Имеретии командовал генерал-майор Рыкгоф, "по своим преклонным летам мало способный, как духом, так и телом, к военным

действиям". Царь Соломон, видевший слабость и "неспособность" Рыкгофа, несмотря на требования главнокомандующего, не хотел жить в Кутаисе, удалился в горы, волновал народ и исподтишка сносился с турками, употрябляя все средства к тому, чтобы освободиться из-под зависимости России. Пользуясь уступками Рыкгофа, он наконец дошел до того, что сам начал требовать вывода русских войск из Кутаиса. По смерти Рыкгофа, в 1808 году, когда на его место назначен был генерал-майор князь Дмитрий Орбелиани, обстоятельства изменились. Царь продолжал настаивать на своих требованиям, но князь Орбелиани далеко не был расположен к уступкам и между прочим писал новому главнокомандующему, что "наше положение не только в Имеретии, но и Менгрелии не может быть прочно, пока существует турецкая крепость Поти".

Важные преимущества, сопряженные с приобретением этой крепости, о котором думал еще Цицианов, заставили Тормасова употребить все меры, чтобы склонить ее владельца, Кучум-бея, к добровольному подчинению России. Главнокомандующий не жалел для этого денег, и богатые сабли, кинжалы, осыпанные драгоценными камнями, золотые и серебряные медали, звонкая монета - все было пущено им в ход, чтобы привлечь на свою сторону советников Кучума. Для большей успешности переговоров сам князь Орбелиани переехал из Кутаиса в Редут-Кале. В то же время там скрытно сосредоточивались войска, чтобы, в случае прекращения переговоров, взять Поти открытой силой. Кучум-бей, действительно, и отвечал отказом.

Тогда Орбелиани поспешно, ночью, выступил из Редут-Кале, на рассвете тринадцатого августа 1809 года взял штурмом крепостной форштадт Поти и, заложив в нем батарею, приступил к осаде самой крепости.

Осадные работы, предпринятые им, подвигались, однако же, очень медленно. Слабому отряду, состоявшему всего из двенадцати рот пехоты и полусотни казаков, при пяти полевых орудиях, трудно было вести борьбу с такой значительной крепостью, какой была в то время Поти. Но князь Орбелиани, полагаясь на дух вверенных ему войск, писал главнокомандующему, что "сколько бы ни защищался

неприятель и как бы долго ни длилась осада, но крепость все-таки будет в наших руках". Он только просил о скорейшей доставке артиллерийских снарядов. Снаряды были посланы вместе со значительным подкреплением, но они прибыли уже тогда, когда крепость была взята. Сдачу ее ускорило следующее обстоятельство.

Тридцатого октября на помощь к осажденной Поти прибыл трапезундский сераскир Шариф-паша с девятитысячным войском и расположился укрепленным лагерем верстах в двадцати от крепости. Положение Орбелиани сделалось затруднительным и даже опасным. Ему оставалось одно из двух - или снять осаду Поти, или разбить сераскира, прежде чем он усилится мятежными войсками имеретинского царя Соломона. Орбелиани выбрал последнее и, заручившись обещанной помощью со стороны гурийцев, назначил второе ноября для совместного нападения на турецкий лагерь.

Накануне этого дня действительно прибыла гурийская милиция, немногочисленная и не внушавшая по виду особого доверия. Тем не менее ее отправили в обход турецкого лагеря, и, к общему удивлению, она завязала с турками такую упорную битву, что князь Орбелиани, пользуясь этим моментом, дружным ударом в штыки мгновенно ворвался в турецкие окопы. Кровопролитный бой, начавшийся с утра, окончился только с наступлением ночи. Неприятель отброшен был к морю и так торопился сесть на суда и скорее отплыть от берега, что люди, успевшие захватить в них место, рубили руки своим товарищам, хватавшимся за борт, из опасения, чтобы они не затопили лодок. Оставшиеся на берегу пытались было защищаться, но скоро были рассеяны штыками кабардинцев. Победителям достался весь лагерь, одно орудие и более двадцати знамен, но, к сожалению, многие из последних были тут же изорваны азиатской милицией, еще не понимавшей значения этих важных военных трофеев. День этот стоил неприятелю свыше двух тысяч убитыми и пленными; наша потеря простиралась также до трехсот человек, и большинство ее пало на долю гурийцев и менгрельцев.

Блистательная победа русских войск совершенно уронила дух турецкого гарнизона, и пятнадцатого

ноября крепость капитулировала. Кучум-бей вместе с гарнизоном получил позволение отплыть в Трапезунд, а русские войска, в виду удаляющихся турок, с распущенными знаменами и музыкой вступили в крепость, где ими найдено было тридцать четыре орудия.

За взятие Поти князю Орбелиани пожалована была золотая, украшенная бриллиантами шпага с надписью "За храбрость". В то же время Тормасов, снисходя на его просьбу, позволил ему возвратиться в Грузию, а командование войсками в Менгрелии и Имеретии поручил полковнику Симановичу. Теперь, покончив с Поти, Тормасов предписал Симановичу сосредоточить к Имеретии как можно более войска и силой захватить мятежного царя в свои руки, стараясь не допустить его до побега в Турцию.

Исполнение этого предприятия представляло, однако же, большие затруднения. Имеретия представляла собой сплошной девственный лес, покрывавший высокую горную цепь, изрезанную глубокими ущельями, по которым рядом пенистых водопадов бешено несутся реки, притоки Риони. Деревень или сел, в том смысле, как мы их понимаем, не было вовсе, и все население страны жило в отдельных хижинах, разбросанных так далеко одна от другой, что оцепить их войсками не было бы никакой возможности.

Понятно, что царь, при такой обстановке, имея притом повсюду караулы, мог почитать себя в полнейшей безопасности. Он жил в укрепленном замке, называемом Вард-Цихе, вместе с четырьмя тысячами своих приближенных, и при первой тревоге мог всегда удалиться в дремучий лес, окружавший замок, где разыскать его было бы весьма затруднительно.

Тем не менее Симанович принялся за дело с обычной энергией. Двадцатого февраля 1810 года войска были двинуты им по разным направлениям, и в тот же день во всех церквях Кутаиса прочитан манифест, объявлявший народу, что царь Соломон, по воле императора, навсегда лишается имеретинского престола со всем своим потомством. Имеретинцы отнеслись к событию совершенно равнодушно. Была масляница, и жители Кутаиса, присягнув на верность русскому царю, разошлись по домам, чтобы предаться обычным увеселениям, как будто в их отечестве не произошло ровно ничего особенного. Примеру

кутаисцев последовали почти все жители края, и менее чем в неделю большая часть царства уже отложилась от Соломона.

Покинутый народом, царь потерялся. Окруженный в Вард-Цихе русскими войсками, под личной командой Симановича, и видя перед собой неизбежную гибель, он решился бежать в Ахалцихе, но недалеко от крепости Свири был захвачен полковником Лисаневичем, преградившим ему путь через Загамское ущелье, и отправлен в Тифлис.

С низложением Соломона царство перестало существовать, утратив даже самое название свое, и присоединено было к русским владениям под именем Имеретинской области, вошедшей впоследствии в состав Кутаисской губернии.

С дороги в Тифлис, во время ночлега в селении Дирби, между Сурамом и Гори, Соломон задумал было бежать в Осетию, и уже лошади его были оседланы, когда узнали, что деревню окружает сильный отряд, который сторожит все выходы. От попытки на этот раз пришлось отказаться, но позже царь повторил ее из самого Тифлиса, и она увенчалась полным успехом благодаря оплошности приставленного к нему караула. Это было в ночь с десятого на одиннадцатое мая.

Условившись заранее о средствах побега, он приказал дать себе ужин раньше обыкновенного и лег в постель, жалуясь на нездоровье. Но когда совершенно стемнело, он, переодевшись в платье слуги, вышел во двор, и на вопрос часового: "Куда?" - отвечал, что идет за водой. Темнота ночи позволила ему пробраться за город, где уже стояли заседланные лошади, и в сопровождении свиты, состоявшей из двадцати трех человек, он ускакал в Ахалцихе. Император Александр, придававший весьма важное политическое значение бегству Соломона, получив донесение о нем, был так недоволен оплошностью караула, что приказал предать суду тифлисского военного губернатора генерал-лейтенанта барона Розена. Суд, впрочем, оправдал его, а обвинил тифлисского полицмейстера князя Баратова, положительно содействовавшего побегу Соломона.

В Имеретии между тем уже подготовлено было восстание следующим обстоятельством. Шериф-паша, разбитый у Поти, не решился возвратиться в Трапезунд, а предпочел двинуться в свое прежнее

владение, Ахалцихе, из которого девять лет назад был изгнан Селим-пашой. Владея значительными силами, теперь он, в свою очередь, выгнал Селима и занял Ахалцихе. Возгорелась междоусобная война. Шериф, опасаясь русских, к покровительству которых обратился Селим, употребил все силы и средства, чтобы вызвать восстание в Имеретии и отвлечь этим русских от Ахалцихе. Это ему удалось. Едва Соломон бежал из Тифлиса, как мятеж быстро охватил всю Имеретию, и скоро в селении Аргустах появились уже вооруженные скопища, требовавшие возвращения на престол царя Соломона. Отправленный против них майор Калатузов с двумя ротами Кавказского гренадерского полка наткнулся в лесу на сильную засаду и был убит. Но заступивший на его место капитан Титов бросился в штыки и, пробившись в селение Аргустах, разбил тамошние скопища. Со стороны мятежников был убит при этом один из главных коноводов восстания князь Койхосро Абашидзе, что, впрочем, не повлияло на ослабление мятежа в народе.

Для усиления малочисленных русских войск в Имеретии, Тормасов спешил отправить туда два батальона Кабардинского полка, под командой генерал-майора князя Орбелиани. Но на этот раз покоритель Поти не оправдал возложенных на него надежд, и действия его были до крайности неудачны.

Вступив в Имеретию, он, вместо того чтобы действовать совокупными силами, разделил отряд на две колонны и направил их по двум различным дорогам. Колонна, при которой находился сам князь Орбелиани, следовала вперед беспрепятственно; но другой батальон, отправленный под командой майора Тихоцкого через ущелье Али, находившееся всего в двенадцати верстах к северо-востоку от Сурама, встретил сильное сопротивление. Очищая себе путь штыками, кабардинцы с боем прошли несколько верст, но, потеряв лошадей под орудиями, имея множество раненых, вынуждены были наконец остановиться в тесном и неудобном месте ущелья, по обеим сторонам которого стояли отвесные скалы, покрытые лесом. Неприятель безнаказанно поражал оттуда солдат ружейными выстрелами; обратный путь был прегражден массами мятежников, а впереди стояли завалы, которые Тихоцкий штурмовать не

решался. Измученный отряд очутился в блокаде и несколько дней стоял без воды и без пищи, потеряв из своих пятисот человек трех офицеров и сто четырнадцать нижних чинов убитыми и ранеными. На пятые сутки он наконец выручен был отрядом, спешно направленным к нему на помощь самим главнокомандующим.

По соединении обоих батальонов в селении Али, князь Орбелиани не нашел уже возможным продолжать движение на Кутаис и отступил к Сураму.

Имеретинцы торжествовали победу. Тормасов был весьма недоволен таким оборотом дела. "Две важные ошибки я должен вам заметить, - писал он князю Орбелиани, - первая и главная - ваше разделение, а вторая, что, не узнав, в каком положении находится Альское ущелье, послали туда майора Тихоцкого, зная его слабость и неопытность. Если бы он имел военный дух, то, увидев себя окруженным, не останавливался бы без воды и корма и не дал бы бить себя из-за кустов понапрасну, а ударил бы в штыки и с целым батальоном грудью проложил бы себе дорогу с гораздо меньше потерей, как сделал то в подобном случае храбрый капитан Титов с двумя только ротами Кавказского полка, в которых уже были потери в людях до пятидесяти человек".

Видя, что князь Орбелиани придает слишком большое значение силе и средствам мятежников, главнокомандующий отозвал его из Имеретии, отправив на его место генерал-лейтенанта барона Розена.

По прибытии в Сурам Розен привел в порядок расстроенный отряд, с боя овладел переправой через реку Чхерители и, опрокинув пятитысячное скопище мятежников, штыками проложил себе путь к Кутаису, выручив на дороге храбрых защитников замков Чхери и Мухури.

Несколько одно за другим следовавших поражений убедили имеретинцев в невозможности для них бороться с Россией, и мятеж стал утихать. Воззвания и прокламации Соломона более не действовали - к ним охладели. Тогда, покинутый вторично народом, не доверяя даже своим приближенным, так как голова его была оценена в две тысячи червонцев, царь скрылся в Ханийское ущелье, лежавшее близ Вард-Цихе, думая, что в нем он будет сравнительно в безопасности. Но расчеты его не оправдались:

полковник Симанович стремительной атакой проник в ущелье и рассеял остатки Соломонова войска, так что царь едва успел бежать в турецкие пределы, сопровождаемый лишь несколькими князьями.

Немногие приверженцы его, оставшиеся в крае, продолжали еще по местам упорную борьбу, но эта борьба была уже бесполезна и только продляла агонию. Из ряда тогдашних происшествий особенной памятью пользуется защита Модинахе, фамильного замка князей Церетели. Сам князь Койхосро Церетели, друг и сподвижник Соломона, бежал с ним в Ахалцихе, и защиту замка приняла на себя жена его, княгиня Екатерина, происходившая из древнего рода Абашидзе. Она воодушевила свой маленький гарнизон, приготовила пушки, и когда показался русский отряд, посланный занять Модинахе, приказала открыть орудийный огонь и даже сама стреляла из пушки. Русские войска подошли и обложили замок.

Это была уже вторая осада, выдержанная замком Модинахе в течение его векового существования. В народе еще живо помнили время, когда, в начале прошлого века, владетель этого замка Папуна Церетели был вызван к царскому двору и там изменнически умерщвлен, а для истребления всего церетелевского рода и для захвата его имущества пришло сюда царское войско. Тогда вдова Папуны, также урожденная княжна Абашидзе, заперлась в этом же замке и выдержала продолжительную и упорную осаду, так что пораженный царь принужден был наконец оставить свое намерение и даже простил воинственную женщину. Самое название "Меди-да-нахе", значащее буквально: "Пойди да посмотри", вполне соответствует неприступному положению замка, дозволяющему неприятелю действительно разве только подойти да посмотреть на него.

Вековую репутацию поддержала за ним и геройская оборона княгини Екатерины Церетели. Но были другие времена, перед замком стоял теперь другой неприятель, и сопротивление не могло предотвратить неизбежного падения. Когда приблизилась минута кровавого штурма, и сотни человеческих жизней обрекались на гибель, духовенство обратилось к княгине со своим увещанием. Княгиня уступила, и крепость отворила ворота без боя.

Русские нашли в ней шесть пушек, два фальконета,

тридцать крепостных ружей и два фамильных знамени из красной и зеленой материи, с изображением на них святого Георгия Победоносца.

Ныне исторический замок, памятный в народе геройской обороной двух женщин, стоит в запустении, обветшалые башни его обвалились, здания разрушились, но стены еще целы, и по ним вьется великолепный столетний плющ.

Восстание в Имеретии погасло. Семейство Соломона, захваченное после его бегства, было отправлено в Россию, а сам он окончил жизнь изгнанником, вдали от своей родной Имеретии. Он умер в феврале 1815 года сорока двух лет от роду, в Трапезунде, и погребен в ограде тамошней православной греческой церкви. Над его могилой поставлен каменный памятник с трогательной грузинской надписью: "Совлечена с меня первобытная доброта и красота моя, и лежу наг и покрытый стыдом в этом гробу - я, происходящий из племени Давида, Багратион, сын Арчила, всей Имеретии царь Соломон". С другой стороны памятника начертано: "Царь Соломон. Суди Господи ободящая мя, побори борющия мя, да постыдятся и посрамятся ищущие душу мою".

Памятником вторичного похода в Имеретию для русских войск осталась походная церковная утварь Соломона, подаренная ему императрицей Екатериной и отбитая Кавказским гренадерским полком при поспешном бегстве царя из Хонийского ущелья. Тормасов приказал оставить эту утварь в церкви Кавказского полка, в память особенных трудов, понесенных им в двукратных походах по Имеретии; в этой церкви, в урочище Белый Ключ, утварь хранится и поныне.

Мятеж в Имеретии был только началом тревожного и смутного времени, продолжавшегося не один год и наполненного то там, то сям вспыхивавшими возмущениями. Едва бунт охватил Имеретию, и военные действия в ней были еще в полном разгаре, как восстала Куба, взволновалась Осетия, а персияне вторглись в Карабаг, и борьба с ними, продолжавшаяся до глубокой осени, потребовала много жертв и усилий. Единственными громадными явлениями этого времени были присоединения к России Гурии и Абхазии.

Приобретение Гурии совершилось мирным путем; князь Мамий Гуриель девятнадцатого июня 1810 года

добровольно подписал трактат о подданстве, с тем чтобы власть в стране оставалась наследственной в роде Гуриелей. Но приобретение Абхазии стоило России много хлопот.

Народ, живущий в Абхазии, знает уже в древности Страбон, но происхождение его и поныне остается пока вопросом. Иные из абхазцев считают своими родоначальниками армян, другие - выходцев из старого Египта, а быть может, и из Абиссинии.

Подобно Гурии и другим мелким княжествам, Абхазия составляла обломок древнего грузинского царства и со времени своего отделения до начала XIX века находилась под постоянной властью турок.

Еще в 1770 году, во время пребывания в тех краях генерала Тотлебена, владетельный князь Абхазии Леван Шервашидзе просил о принятии абхазского народа под покровительство России, но переговоры тогда не состоялись, прерванные нападением буйных абхазцев на табун лошадей, принадлежащий русскому отряду, а спустя несколько лет Леван принял магометанскую веру и получил от Порты в вечное владение крепость Сухум-Кале. По смерти его Абхазия разделилась на уделы между его детьми, но вскоре старший из них, Келиш-бей, одаренный от природы умом и предприимчивостью, успел соединить в своих руках управление всем княжеством и сделал его грозой соседей. Распространяя свое влияние по берегу Черного моря, он в 1779 году принудил менгрельского Дадиана уступить ему крепость Анаклию, а чтобы упрочить ее за собой и вообще держать в руках Менгрелию, оставил заложником у себя малолетнего наследника княжества, Левана, которого и возвратил назад только вследствие энергичного требования князя Цицианова.

Но скоро и над старой головой Келиш-бея стала собираться гроза. Он принял к себе опального турецкого пашу (сына известного в истории Кавказской линии Батал-бея) и дал ему не только убежище, но и средства бежать из Сухума в Россию. Порта, не имея возможности непосредственно наказать Келиш-бея, вооружила против него собственных его сыновей, обещая тому из них, кто доставит голову отца, обладание княжеством.

И вот, второго мая 1808 года, возвратившись ночью домой со званого вечера, Келиш-бей, при входе в

переднюю, был встречен пистолетным выстрелом и убит наповал сыном своим Араслан-беем. Убийце не удалось, однако же, воспользоваться плодами гнусного своего злодеяния - народ провозгласил правителем младшего брата его, Сефер-Али-бея. Имея в стране много приверженцев, Араслан, со своей стороны, не хотел отказаться от власти и, захватив в свои руки Сухум, главный город Абхазии, распространял оттуда волнения и смуты. Соперники отлично понимали шаткость своего положения, и потому Сефер, еще во времена Гудовича, спешил отдать себя и свой народ под покровительство России, а Араслан обратился за помощью к Турции и обещал ей Сухум, если султан поможет ему сделаться владетелем Абхазии. Между тем самостоятельная попытка Сефера овладеть Сухумом открытой силой окончилась так неудачно, что сам он вынужден был бежать в Имеретию. Все эти обстоятельства и послужили поводом к русскому вмешательству в дела Абхазии.

Тормасов решился воспользоваться благоприятным случаем самому овладеть Сухумом, положение которого на Черном море было настолько же важно для Грузии, как и положение Поти. По его просьбе девятого июля 1810 года русская эскадра, под начальством капитан-лейтенанта Додта, подошла к Сухуму и со всех судов открыла жестокий огонь по городу. На другой день к вечеру большая часть крепостных амбразур была уже разрушена, лафеты подбиты, суда, стоявшие на рейде, затоплены, и сам город, объятый пламенем, представлял собой страшную картину разрушения. Два дня неприятель оборонялся, но на третий не выдержал и бежал в кавказские горы, покинув в крепости восемь знамен и шестьдесят два орудия. Русские войска тотчас заняли город, где после бомбардирования, в полном смысле слова, не осталось камня на камне.

Спустя несколько дней, Сефер-Али прибыл в Сухум в сопровождении ста человек русской пехоты и был торжественно провоглашен владетелем Абхазии, под именем князя Георгия Шервашидзе, получив от государя высочайшую грамоту, знаки инвеституры и орден св. Анны 1-ой степени. После этого события дела Абхазии приняли на время спокойное течение.

Усмирение волнений в Осетии не представило русским особенных затруднений и имело некоторое

значение только ввиду целого ряда военных действий, происходивших на других пунктах, отвлекая к себе некоторую часть сил в такое время, когда каждый солдат был на счету. Душой этого бунта был беглый царевич Леван, служивший слепым орудием персидской политики и ненавидевший русских до такой степени, что когда, незадолго перед тем, ему сделано было предложение возвратиться к отцу, царевичу Юлону, жившему в Петербурге, Леван ответил, что с тех пор, как отец, мать и родственники его признали над собой власть русского императора, он от них отказался и никогда не будет искать их покровительства.

"Оставьте Левана его собственной несчастной участи, - писал по этому поводу Тормасов правителю Грузии, - постарайтесь лишь довести его до такого состояния, чтобы он буйную свою голову или сам принес ко мне с повинной, или бы вовсе лишился оной, на что можно сыскать способы, и есть у вас деньги".

Явившись в Осетию, Леван при помощи персидского золота собрал к себе шайку в две тысячи человек и с ней напал на селение Цхинвали, лежащее на самой границе Осетии и Картли. Рота егерей, занимавшая деревню, отбросила мятежников, а когда подоспели сюда еще две роты и два орудия, с капитаном Вронским, Леван был разбит и скрылся в осетинские горы. Тогда полковник Сталь, сосредоточив небольшой отряд, быстро проник за ним в самый центр Осетии, сжег несколько селений и уничтожил все каменные башни, издавна служившие притоном для разбойников. Осетины покорились, но Леван еще долго скитался по Осетии и только в глубокую осень 1811 года, покинутый решительно всеми, вынужден был наконец бежать в Ахалцихе. На пути наткнулся он на разбойничью шайку и был убит каким-то лезгином. Голова царевича, его оружие и окровавленное платье доставлены были к ахалцихскому паше, который и сообщил об этом русскому главнокомандующему.

Волнения на Кубе, в сущности, не прекращались с самого момента завоевания этого ханства Булгаковым, еще при Гудовиче. Изгнанный владетель его, Шейх-Али-хан, не оставлял в покое страны и тревожил ее постоянными набегами, но летом 1810 года эти набеги принимают уже размеры серьезного военного

нашествия. Шейх-Али-хан собрал на этот раз огромное скопище, преимущественно из жителей горной Табасарани, и, вторгнувшись с ним в Закавказье, обложил Кубу.

В Кубе сосредоточены были в то время два батальона Севастопольского полка, достаточно сильные, чтобы разбить мятежников, но они не решались выступить в поле и ждали напрасной помощи со стороны татарских ханов. Полк этот прибыл в Грузию еще при Цицианове, из крымской инспекции, и с самого начала не заслужил особенно лестного отзыва со стороны главнокомандующего, писавшего государю, что "полк никогда свиста пуль не слыхивал, ходить не умеет, и солдаты на пятнадцати верстах устают и падают".

Между тем военный начальник тамошнего края генерал-лейтенант князь Репнин, полагая, что в Кубе гарнизон малочислен и что севастопольские батальоны действуют в поле, отправил из Баку майора Левицкого с небольшим отрядом, поручив ему принять в Кубе начальство над всеми войсками. Левицкий в тот же день встретил толпы мятежников, но с боем продолжал подвигаться вперед. На речке Гилгин он ночевал, а под утро тринадцатого августа увидел на ближних высотах до двух тысяч неприятельских войск пехоты и конницы. Не смущаясь этим, отряд, по указаниям проводников, двинулся по дороге, огибавшей эти высоты, но здесь крутой овраг совершенно преградил ему путь, а за оврагом опять стояло еще до трех тысяч горцев, конных и пеших. Видя себя окруженным и имея под ружьем только сто двадцать солдат и сорок казаков, при одном орудии, Левицкий, не выходивший весь день из-под огня неприятеля, не счел возможным переправляться через ров открытой силой и начал отступать в Баку.

Это было настоящим торжеством для мятежников, бросившихся в преследование с криком: "Да здравствует хан!" Восстание охватило всю Кубинскую провинцию. Тормасов был изумлен малодушием начальников, запершихся в крепость с двумя батальонами, и поспешил отправить туда с театра персидской войны героя Ахалцихе Лисаневича, на боевую опытность которого вполне полагался.

Лисаневич взял из Карабага две роты егерей и, обойдя Кубу стороной, кинулся прямо на главное ско-

пище Шейх-Али-хана. Мятежники защищались не долго и страшном беспорядке бежали в табасаранские горы. Освободив Кубу с запершимися в ней батальонами, Лисаневич на этом не остановился. Забрав с собой часть Севастопольского полка, он двинулся внутрь Табасарани, взял приступом селение Эрси, где с пятитысячным скопищем защищался сам Шейх-Али-хан, и преследовал его до снеговых неприступных гор. Так как далее идти было невозможно, то Лисаневич повернул назад, объявив, что выдаст полторы тысячи червонцев тому, кто доставит хана живым, и семьсот червонцев, кто принесет его голову.

А между тем, в самый разгар всех этих событий, персидская война шла своим чередом. Летом 1810 года персияне вторглись в Карабагское ханство, но, дважды разбитые полковником Котляревским, при Мигри и на Араксе, вынуждены были отступить, трепеща за участь Тавриза, где с минуты на минуту уже ждали появления грозного Котляревского. Так же неудачно окончилась попытка их проникнуть в Грузию и через бомбакскую дистанцию, где стоял в то время храбрый Портнягин. Убедившись в невозможности сломить наши войска на Араксе своими собственными силами, персияне условились соединиться с турками и вместе ударить на русские владения со стороны Ахалцихе. В августе эриванский сардарь с десятитысячным войском, при котором находился беглый грузинский царевич Александр, большим обходом позади Карса прошел в Ахалцихе и, соединившись там с турками, двинулся через Ахалкалаки на Грузию.

Получив об этом известие и зная, что соединенные силы союзников должны простоять несколько дней под Ахалкалакской крепостью, Тормасов решился предупредить их нападение, послав небольшой отряд прямо через снеговые горы, в обход неприятельского лагеря. Исполнение этого отважного удара он возложил на генерал-квартирмейстера кавказской армии, маркиза Паулуччи, которому дал точную, но краткую инструкцию: "Приготовить к походу два егерские полка, девятый и пятнадцатый, без артиллерии, дойти в три перехода до неприятельского лагеря,атаковать его ночью и кончить всю экспедицию не далее, как в десять дней".

Паулуччи изменил состав отряда, взяв с собой только два батальона егерей и при них две легкие

полевые пушки, но все остальное предписание было исполнено с буквальной точностью.

После трехдневного тяжкого марша по снежным горам отряд в полночь с четвертого на пятое сентября в глубокой тишине приблизился к занимаемой неприятелем позиции. Паулуччи разделил отряд на две колонны, поручив полковнику Лисаневичу атаковать правый фланг неприятельского лагеря, а полковнику Печерскому - левый. В глубокой тишине, под шум разразившейся бури подвигались колонны и были замечены неприятельскими часовыми только тогда, когда находились уже не более как в ста шагах от самого лагеря. Часовые первые заплатили жизнью, и обе колонны, "произведя сильный огонь", с криком "Ура!" бросились в лагерь. Нападение было так неожиданно, что неприятельские войска, в отчаянии и ужасе, не понимая, откуда явились вдруг посреди них русские, не успели даже схватиться за оружие. Кровь полилась рекой. Ожесточенные солдаты кололи сонных, кололи безоружных, кололи и защищавшихся. Паника быстро распространилась в рядах неприятеля. Многие кинулись спасаться в Ахалкалаки, но комендант при первой тревоге запер ворота, и беглецы, прижатые к крепостной стене, завалили своими трупами глубокий ров. Отчаяннее других сопротивлялся персидский караул, охранявший палатки главных начальников, и только благодаря его стойкости, эриванский сардарь, ахалцихский паша и царевич Александр спаслись, полуодетые, среди неописуемого смятения своих нестройных полчищ. Резня и преследование в разные стороны продолжались более двух часов, пока наконец канонада, открытая на рассвете из крепости, не заставила Паулуччи отвести войска из-под выстрелов.

Трофеями этой славной победы были богатейший лагерь и четыре знамени, из которых одно - сардарское, с персидским государственным гербом, множество оружия, лошадей и драгоценностей. В самом лагере насчитано было семьсот убитых неприятелей; еще большее число их валялось по окрестным полям, а оставшиеся в живых бежали обратно, в Ахалцихе и Эривань, в самом беспорядочном виде, без знамен, оружия и даже без одежды. Погром ахалкалакский был так внушителен, что сильная лезгинская партия, собравшаяся было под

Ахалцихе, тотчас поспешила убраться домой; но на Алазани, семнадцатого сентября, и она встречена была кабардинской ротой штабс-капитана Юдина и разбита наголову. К сожалению, сам Юдин, один из лучших боевых офицеров Кабардинского полка, получил в этом деле тяжелую рану.

Чтобы как-нибудь спасти остатки своих войск и дать им возможность пробраться к Эривани, Аббас-Мирза сам вторгнулся в Грузию, но в Шамшадальской провинции был встречен преданными России конными татарами, под начальством отважного и распорядительного их моурава капитана Ладинского. Татары эти составляли прекрасную конницу, которая была не по силам персиянам, и Аббас-Мирзе пришлось ограничиться только отгоном скота. Но татары, поддержанные генералом Небольсиным, преследовали его на протяжении восемнадцати верст, нагнали на засаду и, изрубив более четырехсот человек, отбили назад и всю добычу.

Этим эпизодом и закончилась персидская кампания 1810 года.

Блистательный успех малочисленного отряда Паулуччи над соединенными персидско-турецкими войсками обратил на себя особое внимание императора Александра. Он произвел маркиза Паулуччи в генерал-лейтенанты, полковника Лисаневича - в генерал-майоры, Печерскому пожалован был орден св. Георгия 4-ой степени, а самому Тормасову - алмазные знаки ордена св. Александра Невского. В то же время государь повелел объявить об ахалкалакском деле в особом приказе по армии.

"Знаменитая победа, - сказано в нем, - одержанная на границе Картли пятого сентября над десятитысячным корпусом персиян и турок, едва ли не одним российским воинам была возможна. Два батальона девятого и пятнадцатого егерских полков с двумя легкими орудиями и частью казаков в холодную и ненастную погоду идут трое суток через снеговые горы, которые даже жители тех мест считали непроходимыми, и в самую полночь приближаются в таком порядке и тишине, что неприятельские караулы их открыли только в ста шагах от своего лагеря. Неожиданное появление, залп из ружей и артиллерии и быстрое стремление в штыки распространяют неодолимый ужас между многочисленным неприяте-

лем. Храбрые русские воины пролетают обширный лагерь от одного конца до другого, и устрашенные персияне и турки без оружия и одежды спасаются бегством, бросаясь стремглав в глубокий каменистый ров. Весьма богатый лагерь достался в добычу победителям; все оружие, множество лошадей, лучшие драгоценности, золото и серебро разделено между нижними чинами; прочее же богатство, состоящее в экипажах и палатках, по невозможности поднять и половины онсго, истреблено.

Такой необыкновенный подвиг должен послужить примером потомству в том, что храбрость, труды и усердие заменяют численность войск, побеждают природу и торжествуют над многочисленнейшим неприятелем".

Победа под Ахалкалаками имела еще то весьма важное последствие, что она перессорила между собой союзников, сваливших один на другого причины своего поражения. Сардарь жаловался на малое число войск, присланных из Ахалцихе, паша упрекал сардаря в оплошности.

Тормасов решил воспользоваться благоприятным оборотом дела и, сосредоточив у Цалки значительный отряд, двинулся через Боржомское ущелье к самому Ахалцихе, куда в то же время направлены были из Грузии и Имеретии отряды Портнягина и Симановича. Шестнадцатого ноября 1810 года войска обложили Ахалцихе, а на следующий день с боя уже заняли мечеть, загородный дом паши, форштадт и, наконец, высоты над крепостью. Напрасно турки пытались отчаянной вылазкой сбить русские колонны с этой горы, они были отброшены с огромной потерей, но победа не дешево досталась и русским, потерявшим десять офицеров и сто семьдесят нижних чинов выбывшими из строя.

При таких условиях Ахалцихе, конечно, долго держаться не мог; но, к сожалению, на десятый день осады в русском лагере обнаружились признаки чумной заразы, занесенной, как оказалось, из крепости. Тормасов верно оценил последствия, которыми могло сопровождаться дальнейшее пребывание войск в зачумленном крае. И как ни близко и ни возможно казалось ему покорение Ахалцихе, однако же, сообразив, что разъяренных солдат, когда они возьмут город, ничто не удержит от соприкос-

новения с жителями и их имуществом, он решился лучше пожертвовать военной славой и отступить от крепости. На всем протяжении границы тотчас устроены были им карантины, и эта благоразумная мера пресекла доступ болезни в пределы Грузии. Император Александр пожаловал Тормасову орден св. Владимира 1-ой степени.

Наступил 1811 год - год крайне тяжелый для русских войск в Закавказье, где после неудачной попытки Тормасова овладеть Ахалцихе опять обнаружилось сильнейшее движение во всем мусульманском мире. Борьба приближалась неравная. Весь Дагестан волновался, угрожая отторгнуть от нас Кубинскую провинцию, в татарских дистанциях Грузии шло сильное брожение умов и зрели тайные заговоры, эриванский хан держал войска наготове, турки собирали значительные силы в Карсе, а персияне, обыкновенно начинавшие действовать летом, на этот раз уже в феврале вторгались в Карабаг, и хищнические партии их стали появляться под самой Шушей. Затруднительность положения увеличивалась тем, что Россия, готовившаяся к гигантской войне с Наполеоном, не только ничего не могла отделить на помощь отдаленному Закавказью, а напротив, отнимала от него часть и тех незначительных средств, которыми оно располагало: Тормасов получил секретное предписание отправить в Россию три полка с Кавказской линии и один из Грузии. Но все возникшие тогда затруднения пришлось разрешать уже не Тормасову, а его преемнику, маркизу Паулуччи, вступившему в управление краем в сентябре того же года. Тормасов же, по настоятельной его просьбе, был отозван с Кавказа, и государь назначил его главнокомандующим обсервационной армией, формировавшейся тогда на Волыни.

Дальнейшая дятельность Тормасова уже не принадлежит Кавказу. В Отечественную войну он командовал Третьей западной армией, главная квартира которой помещалась в Луцке, и ему принадлежит победа, пятнадцатого июля 1812 года, при Кобрине - первая одержанная русскими войсками в эту тяжелую для России годину. Здесь уничтожен был Саксонский корпус и взято с боя восемь орудий и четыре знамени - первые же трофеи Отечественной войны. С тех пор имя Тормасова сделалось известным

целой России, и народный восторг по отношению к нему выразился с особенной силой в Москве, где с лихорадочным трепетом следили за отступлением других русских армий к Смоленску.

Когда пришло известие о победе, на сцене Московского театра давали оперу "Старинные святки". И вот, когда дело дошло до подблюдных песен, когда началось обычное величание: "Слава Богу на небе, слава, а государю на сей земле слава", - знаменитая тогдашняя певица Сандунова неожиданно вышла вперед и запела:

Слава, слава генералу Тормасову,
Поразившему силы вражеские!..

Театр дрогнул от грома рукоплесканий и криков "Ура!", и "восторженные возгласы, - говорит один современник, - смешались с радостными слезами зрителей". Это была дань народного чувства русскому народному герою.

Наградой Тормасову за победу под Кобриным был орден св. Георгия 2-ой степени и пятьдесят тысяч рублей единовременно, "ибо, - как писал ему государь, - мне известно, что состояние ваше не весьма избыточно".

После тарутинского сражения Тормасов принял в командование Вторую армию князя Багратиона и с ней дошел до Люцена. Но здесь болезнь заставила его навсегда расстаться с военной деятельносью и возвратиться в Россию. Состоя в звании члена Государственного Совета, он был пожалован орденом Андрея Первозванного, а после взятия Парижа назначен главнокомандующим в древнюю русскую столицу, которую нужно было воздвигать из пепла. В этой должности Тормасов стяжал себе всеобщую любовь москвичей, был возведен в графское достоинство и тринадцатого ноября 1819 года скончался на шестьдесят седьмом году от рождения. Прах его покоится в московском Чудовом монастыре.

XVII

ЧХЕРИ И МУХУРИ
(Эпизод Имеретинского восстания)

Во время имеретинского восстания 1810 года, когда русским войскам пришлось вынести неимоверные усилия в борьбе с природой края и воинственным населением, особенно выдались два удивительно характерные эпизода, связанные с именами Чхери и Мухури - двух укрепленных замков, какими усеяна вся Имеретия.

Чтобы понять, какое значение имели подобные замки, как могли и в каком положении должны были очутиться случайно отрезанные в них русские гарнизоны, нужно ясно представить себе грандиозную и могучую природу Имеретии, которая играла во время войн огромную роль. Нет края более удобного для партизанской войны, как Имеретия. Непроходимые топи, ручьи, мгновенно обращающиеся в бурные потоки, суровые ущелья, заваленные скалами, высокие горы и вековые леса, перевитые ползучими растениями, на каждом шагу представляют такие места, которые легко могут превратиться в обширные вражеские могилы. Самая бедность страны и скудность средств ее содействуют гибели незванных гостей, особенно таких, к которым дышит ненавистью население.

У туземцев существует на этот счет много преданий. Говорят, например, что некогда, в старые годы, какое-то воинственное племя, известное народу под именем абашей, спустилось с гор и стало на

берегу безымянного ручья, выжидая случая приняться за разорение края. Все население поднялось на защиту, но старшины сдержали пыл молодежи, зная, что солнце скоро растопит горные снега и природа сама распорядится истреблением пришельцев.

И вот, в одну ненастную ночь, безымянный ручей вдруг превратился в грозно ревущий водопад и, как поток разрушительной лавы, хлынул из берегов, ниспровергая и уничтожая все встречавшееся ему на пути. Напрасно испуганные абаши искали спасения в бегстве: большинство из них, застигнутое разливом, погибло в бушующих волнах, а остальные были истреблены имеретинцами. Ни один из абашей не возвратился на родину, а благодетельный ручей, в память события, с тех пор так и зовется Абашем.

При такой топографии края Имеретия еще более выигрывала в оборонительной войне от множества старинных монастырей, башен и замков, обнесенных массивными каменными стенами. Все они были построены на неприступных скалах и превращали страну в одну гигантскую крепость, осада которой потребовала бы много усилий и крови. К счастью, имеретинцы, в большинстве, смотрели на русских, как на людей, пришедших избавить их от векового мусульманского гнета, и только этим обстоятельством выясняется относительная легкость, с которой малочисленные русские силы выполнили трудную задачу умиротворения края.

В числе старых замков Мухури и Чхери принадлежали к тем, постройка которых должна быть отнесена к глубочайшей древности, если судить по характеру их обветшалых, проросших мхом и вековыми деревьями стен.

До памятного эпизода, о котором ведется рассказ, замок Чхери ничем не отметил своего существования в истории Имеретии. Но с именем Мухури связываются воспоминания о несчастной судьбе имеретинского царевича Константина, незадолго перед восстанием томившегося в заключении под тяжелыми и мрачными сводами одной из угловых башен этого замка. Это был один из тех кровавых эпизодов, которыми так богата история Грузии и Имеретии.

Когда Соломон Великий в 1722 году скончался бездетным, имеретинские князья вручили управление

страной до совершеннолетия законного наследника, Соломона II, двоюродному брату покойного царя, Давиду, с присвоением ему и царского титула. Но честолюбивый Давид задумал навсегда утвердить престол за собой и своим потомством и, заручившись от Турции обещаниями покровительства, выгнал юного законного наследника, бежавшего ко двору знаменитого грузинского царя Ираклия. Но власть и надежды Давида были созданы на слишком непрочных основаниях, и как только Соломон пришел в возраст, он явился с грузинскими войсками в Имеретию и низложил Давида. Началась междоусобная война. Давид обратился за помощью в Ахалцихе, обещая паше, в случае успеха, отдать Турции не только важнейшие имеретинские крепости, но и христианские церкви для обращения их в мечети. Турки четыре раза врывались в Имеретию, и четыре раза престол переходил из рук в руки. И хотя в конце концов он остался за Соломоном, но вся страна лежала в развалинах, и число имеретинцев, уведенных турками в вечный плен и рабство, простиралось до семнадцати тысяч.

Когда Давид в последний раз бежал в Ахалцихе, в руках Соломона остались его жена и сын, царевич Константин, выданные ему в заложники в момент одного из тех временных и непрочных перемирий, когда военное счастье перешло на сторону законного царя, и разбитый Давид перед лицом народа приносил покаяние и целовал крест, клянясь оставить свои пагубные замыслы.

Опасаясь впоследствии встретить и в лице Константина нового соперника и претендента на царский престол, Соломон приказал заточить его в Мухурский замок, а мать его, царицу Анну, лишить жизни. Царица успела, однако же, бежать из Кутаиса и долго скрывалась в лесах и горных трущобах. Истощенная, больная, разбитая душой, она решилась наконец прибегнуть к русскому покровительству и обратилась к командиру роты Кавказского гренадерского полка, стоявшего тогда в Сураме, на самой границе Имеретии. С преданным себе человеком она отправила к нему письмо и умоляла спасти ей жизнь. Ротный командир, не смея ни на что решиться, обратился по начальству, и началась обычная переписка. Между тем всякое замедление могло

погубить царицу, которая каждую минуту могла ожидать, что ее найдут и выдадут в руки врагов. Тогда командир полка генерал Тучков решился принять все дело на личную ответственность и прибыл в Сурам, где его ожидал преданный царице слуга, указавший и место, где она скрывалась.

"В темную ночь, - пишет Тучков в своих записках, - велено было сделать мною ложную тревогу, и под предлогом преследования лезгин гренадеры бросились в лес при барабанном бое. Это было условным знаком для царицы, и она явилась в отряд, бежа к стороне слышанного ею шума". Тучков отправил ее в Сурам, послав вместе с тем донесение, что "во время случившейся тревоги и преследования неприятельской партии гренадеры его полка встретили в лесу царицу, искавшую спасения, защитили ее и препроводили на свой пост".

Государь вполне одобрил поступок Тучкова, и царица отправлена была в Петербург; царевич же Константин долго еще томился в заключении и был освобожден только в 1804 году по настоятельному требованию императора Александра[1].

Когда в мае 1810 года началось в Имеретии первое восстание, и главные силы мятежников, разбитые у Вард-Цихе, сложили оружие, твердыни Чхери и Мухури также обложены были русскими войсками. Мухури взята была полковником Лисаневичем, а Чхери сдалась капитану Герману после того, как отряд майора Реута наголову разбил под ее стенами имеретинского сардаря князя Койхосро Церетели. Чтобы не занимать их гарнизонами, на что не имелось и достаточных средств, первоначально решено было взорвать эти крепости порохом. Но в это время в Имеретии вспыхнул новый мятеж, и небольшие русские посты, временно занимавшие замки, очутились отрезанными от Кутаиса; в Чхери осталась команда

---

[1]Царевич Константин умер в 1844 году в России, оставив после себя двух сыновей, ныне светлейших князей Имеретинских. Не лишнее заметить, что другая царственная отрасль Имеретинского дома происходит уже непосредственно от Соломона Великого. Единственный сын его, Александр, умерший в молодых летах, оставил после себя побочного сына Георгия, за детьми которого впоследствии признаны права их рода и титул светлейших князей Багратионов-Имеретинских.

из тридцати человек Белевского полка, под начальством подпоручика Шеншина, а в Мухури - двенадцать рядовых, с унтер-офицером Яковлевым.

Мятежники обложили замки весьма значительными силами и целый месяц держали их в строгой блокаде. Но ни недостаток пищи и воды, ни болезни, развившиеся между осажденными вследствие полнейшего истощения сил, ничто не могло поколебать их стойкости и мужества. Они отвергли все предложения о сдаче, и когда мятежники сообщили им об отступлении русского отряда (князя Орбелиани) к Сураму, осажденные отвечали, что поклялись умереть на развалинах замков, хотя бы ни одного русского солдата не осталось более в Имеретии.

Между тем в Чхери геройская решимость солдат подверглась тяжкому испытанию вследствие совершенного недостатка воды, угрожавшего гарнизону мучительной истомой. Но не к сдаче вынудила осажденных жажда, а к бесстрашной вылазке ничтожной горсти людей против тысяч. Унтер-офицер Чеботарев с двенадцатью рядовыми ночью вышел к источнику, наполнил водой несколько бочонков и успел доставить их в укрепление, пробившись на обратном пути сквозь окружавшего его неприятеля. Несколько человек солдат в этой вылазке было ранено, и число защитников еще уменьшилось.

Тогда два рядовых, Иван Терещенко и Андриан Никифоров, явились к подпоручику Шеншину с просьбой позволить им пробраться через неприятеля, чтобы известить ближайший русский отряд о гибельном положении гарнизонов Чхери и Мухури. Позволение было дано, и через несколько дней смельчаки были уже в Сураме, в отряде генерал-лейтенанта барона Розена. Двадцать четвертого июля русские войска, приблизившись к Чхери, наголову разбили пятитысячное скопище мятежников, державшее в блокаде замок, а вслед за тем получено было известие, что генерал-майор Симанович освободил и Мухури.

Император Александр приказал объявить о доблестной защите Чхери и Мухури в приказах по армии и наградил подпоручика Шеншина следующим чином; унтер-офицеров Яковлева и Чеботарева - знаками отличия Военного ордена, выдачей по сто рублей единовременно и, сверх того, жалованьем по

окладу гвардейских фельдфебелей с обращением его в пенсион до конца их жизни; рядовых Терещенко и Никифорова - званием унтер-офицеров, также знаками отличия Военного ордена и пятьюдесятью рублями каждого. Всем остальным нижним чинам, участвовавшим в защите, выдано по двадцать пять рублей.

Но высшей наградой героям служит память потомства, которое никогда, пока в русских людях будет жить дух доблести, не забудет изумительной стойкости храбрых защитников Чхери и Мухури.

XVIII

МАРКИЗ ПАУЛУЧЧИ

Блистательный сподвижник Тормасова и его преемник, герой Ахалкалаков, маркиз Филипп Осипович Паулуччи родился в Модене в 1779 году и юношей начал военную службу в итальянской армии. Он участвовал с ней в последних революционных войнах, под начальством генерала Молитора, и дослужился до звания генерал-адъютанта. Уйдя в отставку, он поступил в 1807 году в русскую армию полковником, сражался с турками под начальством Михельсона, скоро произведен был в генерал-майоры, а тридцатого июля 1810 года уже назначен генерал-квартирмейстером в кавказскую армию, где за особое отличие под Ахалкалаками в том же году произведен в генерал-лейтенанты.

По отъезде Тормасова кавказские войска были разделены на две, одна от другой совершенно независимые части. Паулуччи назначен был главнокомандующим в Грузию, а генерал-лейтенанту Ртищеву подчинены войска, раположенные на Кавказской линии.

Новый главнокомандующий был человек замечательный по прямоте и энергии. Он не терпел ни в чем окольных путей и отличался вполне самостоятельным и независимым характером. До какой степени он был настойчив и тверд, можно видеть из следующего случая, рельефно обрисовывающего, между прочим, и саму систему, принятую им в управлении Грузией.

Однажды, вскоре после вступления его в должность главнокомандующего, супруга изгнанного из Имеретии царя Соломона обратилась к государю с просьбой дозволить ей попытаться склонить мужа к возвращению в Россию, для чего и послала в Турцию одного из приближенных к ней дворян. Государь согласился, и Паулуччи получил об этом известие официальным порядком. Но он имел мужество остановить распоряжение государя, и само письмо царицы к Соломону отправил назад нераспечатанным.

"Метода, - писал он при этом министру иностранных дел, - принятая здесь, чтобы с напряжением стараться о вызове из Персии царевича Александра, человека собственно по себе ничего не значащего, не только не доставила никакого успеха, но обратилась, напротив, во вред нам самим. Посылка к нему людей, обещание ему различных выгод уверили его только в том, что он для России весьма важен, а это умножило его партию в Грузии и привлекло уважение со стороны дворов персидского и константинопольского. Точно таковой же системы держались сперва по отношению к имеретинскому царю Соломону и царевичу Левану, что придало первому такую силу и важность, каких бы он без этого никогда не имел, а по отношению ко второму было причиной той легкости, с какой царевич Леван, впоследствии убитый лезгинами, распространил пламя мятежа между горскими народами. Итак, убедившись в необходимости принять здесь иную систему, чем та, которая существовала доселе, и притом такую, которая была бы более сообразна с достоинством России, я с самого начала моего приезда в Имеретию старался уверить не только грузин, но и самих неприятелей, что для храбрости русских войск ни имеретинский царь, ни грузинские царевичи отнюдь не опасны и что для могущественной России все равно, где бы они ни находились, и она никогда не обнаружит никакого интереса иметь их в своей власти".

Паулуччи был необыкновенно даятелен. С раннего утра до полудня он принимал всех, кто имел в нем нужду, и тут же клал резолюции, которые должны были быть выполнены не позже следующего утра.

Обладая в высшей степени благородным характером, он много заботился о том, чтобы научить людей

уважать заслуги других, и первым распоряжением его было перенести тело доблестного князя Цицианова из отдаленной Бакинской провинции в Тифлис в кафедральный собор, где прах героя должен был служить как бы священным залогом дальнейшего благоденствия Грузии. Он откровенно выговаривал грузинским князьям за небрежное отношение к памяти последних царей их, Ираклия и Георгия, гробницы которых, стоявшие в вековой усыпальнице грузинских царей в Мцхетском соборе, оставались в совершенном забвении и забросе. Паулуччи приказал соорудить над ними достойные памятники.

Посетив как-то Елизаветполь, он нашел там содержащимся в крепости под караулом семейство последнего ганжинского хана, погибшего геройской смертью при взятии города, и тотчас же освободил его. "Имея правилом, - писал он по этому случаю наследному персидскому принцу, - чтить память людей, служивших своему отечеству усердно, я отдаю всю справедливость и покойному Джават-хану, который, защищая крепость, пал мертвым на батарее с оружием в руках. В доказательство этого чувства я дал семейству его полную свободу возвратиться в Персию и взять с собой тела покойного хана и сына его Гуссейн-Кули-аги".

Исполняя до назначения его главнокомандующим в Грузии обязанности генерал-квартирмейстера и дежурного генерала Кавказского корпуса, командуя различными отрядами и перенося все лишения походной жизни наравне с солдатами, маркиз Паулуччи имел возможность близко познакомиться с бытом и с характером кавказских офицеров. Его приказы дают понятие не об образе мыслей только самого главнокомандующего, который из личного опыта вынес глубокое уважение к доблестным подвигам кавказских героев, но и служат прекрасной характеристикой тогдашнего кавказского военного общества.

"Военнослужащие должны ведать, - писал он, став главнокомандующим, - что лучше умереть со славой, чем жить в бесславии, и для того, хотя бы то стоило жизни, никто не должен шагу уступать неприятелю, несмотря ни на какое его превосходство".

"Я предваряю, - прибавлял Паулуччи, - что кто из офицеров даст над собой верх неприятелю, тот

предан будет военному суду и с бесчестием уволен со службы, ибо кто держит в мыслях, что он русский и что его одолеть нельзя, тот сам всегда победит неприятеля".

Высказав с обычным прямодушием то, чего он требовал от офицеров в военном деле, главнокомандующий в то же время преисполнен был даже преувеличенных забот об их нравственном развитии и, не стесняясь называть пороки собственным именем, отнесся с пуританской строгостью к некоторой распущенности, господствовавшей в тогдашних нравах.

"К крайнему моему сожалению, - писал он в одном из своих приказов, - я должен заметить, что многие из офицеров занимаются неумеренным употреблением горячих напитков и даже азартными играми. От первого они теряют все уважение в глазах своих подчиненных, а от второго лишаются времени, нужного для занятий по службе, часто вовлекаемы бывают в разорение, а что еще хуже, подвергают себя лишению чести".

И он обещает употреблять против виновных всю строгость, которую ему внушало личное отвращение его к игре и к неумеренному употреблению крепких напитков.

Другим подобным же приказом он воспрещал всем офицерам иметь на содержании женщин. "Ибо, - говорит Паулуччи, - сие противно нашей христианской религии, а кто отступает от правил ее, тот не может верно и усердно служить государю и отечеству и в сражении не может быть храбрым, ибо имеет нечистую совесть".

Но требуя от войск полнейшего самопожертвования там, где это было нужно, он в то же время берег людей и старался облегчить солдатскую службу, почти уничтожив практиковавшиеся до него утомительные и бесцельные погони за каждой мелкой хищнической шайкой, которые были в крае явлением постоянным и обычным. На просьбу одного из грузинских князей поставить войска для защиты его пограничного имения, Паулуччи ответил, что "прежде, при грузинских царях, жители сами защищали свои деревни, а если они теперь стали русскими, то за трусов не стоит утруждать войска, защищающие границы всей Грузии от неприятеля, а не от хищников".

Паулуччи вступил в управление Грузией двадцать второго сентября 1811 года, среди самого разгара военных действий потив персиян в Карабаге и против турок со стороны Карса.

В Карабаге расположены были в то время два полка: Троицкий и семнадцатый егерский. Но оба они были изнурены и ослаблены губительными местными лихорадками, так что не в состоянии были положить предел персидским набегам, тем более что в составе этих войск не было вовсе кавалерии, а неприятель действовал не иначе, как конными шайками.

Персияне отлично знали состояние наших полков и, мстя за Мигри, сделали Карабаг ареной мелких, но постоянных вторжений. Целью своих нападений они выбирали преимущественно посты, разбросанные по границе. Нельзя, однако, сказать, чтобы эти вторжения, рассчитанные на вернейший успех, послужили к чести персидского оружия. Напротив, они дали только новые случаи обнаружиться тому геройскому духу кавказского солдата, который глубоко внедрился в тогдашних полках и потом преемственно дошел до нашего времени, так как на Кавказе память о минувших подвигах никогда не исчезала вместе с их очевидцами, а воплощалась в предания, переходила в песни и создавала тот типичный характер полков, вовсе не существующий в других войсках русской армии, который составляет великую, ничем не сокрушимую духовную силу.

Вот несколько таких случаев. Седьмого февраля, на заре, батальон сарбазов, поддержанный сильной конницей, с барабанным боем вдруг ринулся на Шехаузский пост, состоявший всего из двадцати пяти егерей и двадцати семи казаков, под командой подпоручика Граховского. Неприятель, окружив дом, где помещались егеря, стал бросать вовнутрь его ручные гранаты, а выбегавших солдат рубил поодиночке. Казаки, не имея возможности соединиться с егерями, засели в каменную церковь и здесь держались до прибытия к ним подкрепления. С ними был и Граховский, не успевший добраться до своих егерей.

Граховского потом судили именно за то, что он защищался не вместе со своей командой. Суд принял во внимание его геройскую оборону в церкви, но все-таки конфирмовал обойти чином. Пример, как строго

относились в те времена в кавказских войсках ко всякой самой легкой тени на честь и славу русского имени, какой безукоризненности, если так можно выразиться, требовали тогда и в самом геройстве.

Отбитая от Шехауза, персидская конница рассыпалась по Карабагу и бросилась вымещать свою неудачу на беззащитных жителях. Две шайки ее, встреченные карабагским ханом, были, однако же, истреблены, а остальные ушли за Аракс, уведя с собой несколько деревень со всем скотом и имуществом.

Одним из самых выдающихся случаев этого времени осталась доныне памятная оборона одного казачьего поста из четырех человек против нескольких сотен конных персиян. Заметя, что неприятель шел прямо на пост, донские казаки Чукарин, Ушаков и Териков вместе с одним карабагским татарином засели в землянку и не только выдержали блокаду, но отразили штурм спешенных кавалеристов и захватили у них два ружья, которые, как трофеи, были представлены ими по начальству. Государь пожаловал всем трем казакам знаки отличия Военного ордена, а татарину серебряную медаль "За храбрость".

Не меньшего внимания заслуживает подвиг рядового семнадцатого егерского полка Орехова, застигнутого в дороге вместе с двумя казаками и двенадцатью милиционерами конной персидской сотней. Шесть струсивших татар обратились в бегство и были изрублены, но остальные милиционеры и казаки, под начальством Орехова, сами кинулись в шашки и благополучно прорвались в Шушу. Орехов был награжден званием унтер-офицера, знаком отличия Военного ордена и десятью червонцами.

В августе нападения персиян становятся серьезнее, служа как бы предвестием больших военных действий. Четырнадцатого числа в деревне Горюсах рота егерей, под командой штабс-капитана Сурова, должна была выдержать отчаянный бой уже с двумя батальонами регулярного персидского войска, сарбазов, и тремя тысячами конницы. Молодой офицер Рубанов, стоявший на пикете, первый принял на себя удар неприятеля и доблестно сберег честь русского оружия, не уступив ни шагу, пока подоспела остальная рота. Персияне штурмовали деревню до трех часов пополудни, но встретя упорную защиту и понеся большие потери, вынуждены были отступить, оставив

на месте сражения до пятидесяти тел. За это дело штабс-капитан Суров и прапорщик Рубанов произведены в следующие чины.

На исходе августа массы персидских войск обложили неприступную Мигри, в то время как почти весь мигринский гарнизон лежал в лихорадке, и крепость обратилась в огромный лазарет, где умирало по несколько человек ежедневно. В течение совсем короткого времени семнадцатый егерский полк переменил трех шефов: полковников Асеева, Снаксарева и Живковича; число больных солдат возросло до шестисот человек, так что под ружьем из двух батальонов не осталось и двухсот егерей.

"Но эти егеря, - как говорит историк Эриванского полка, - были те железные люди, закаленные в походах Карягина и Котляревского, которые привыкли побеждать с малым числом сильных противников... и трудная эпоха была пережита ими со славой".

Первое нападение персиян было на пикеты, окружавшие Мигри. Майор Дьячков, командовавший крепостью после отъезда Котляревского, выдвинул на помощь пикетам резерв и с упорным мужеством выдержал неравную битву. Раненый, он все-таки не оставил командования, пока наконец неприятель не был обращен в совершенное бегство.

Тогда персияне обратились к иному способу действий. Выбрав темную ненастную ночь, они переправились через Аракс и заняли мигринские сады так скрытно, что в крепости узнали об этом только под утро, когда штабс-капитан Баратов с сорока егерями пошел занимать обычный дневной пост на Араксе. Подходя к садам, он первый заметил засаду и, остановившись, послал известить об этом в крепости. Никто не предполагал, что персияне засели здесь в значительных силах, а потому из Мигри отправили тотчас две небольшие команды, чтобы отрезать неприятелю отступление. Вправо пошел капитан Чернявский, влево - прапорщик Вербицкий. Но едва началась перестрелка, как персияне вдруг двинулись из садов густыми колоннами и с криком бросились на русских. Изнемогая под натиском громадной толпы, солдаты стали подаваться назад, отбиваясь штыками и прикладами. Скоро капитан Чернявский был ранен, а из ста тридцати егерей сорок были убиты или захвачены в плен. Неприятель,

заранее торжествуя победу, шел прямо на крепость, но там уже били тревогу. Майор Терешкевич наскоро собрал из лазаретов сто пять полубольных солдат и, кинувшись с ними в штыки, остановил стремительный напор персиян. Между тем отступившие егеря оправились, и после трехчасового боя персияне бежали, преследуемые вплоть до Аракса.

Главнокомандующий маркиз Паулуччи объявил тем не менее выговор Чернявскому и Баратову за их отступление. Он находил, что при тогдашнем положении Кавказского корпуса только одна отчаянная храбрость могла спасти наше господство в Закавказском крае, и в этих видах благодарил особенно Дьячкова и Терешкевича, которые впоследствии еще более оправдали лестное о них мнение главнокомандующего[1].

Нельзя не сказать, однако же, что в общем результате действия Баратова и Чернявского оказались, несмотря на суровый отзыв о них маркиза Паулуччи, весьма хорошо обдуманными. Подавляемые числом неприятеля, они отступали без страха, в порядке, и затем, воспользовавшись первым удобным случаем, сами перешли в наступление и гнали персиян до Аракса. Если бы они отступили вследствие робости, то сто полубольных солдат Терешкевича едва могли бы восстановить их нравственные силы.

Нужно сказать, что в то самое время, когда Аббас-Мирза истощался в бесплодных усилиях против Мигри, в Карсе сосредоточился сильный турецкий корпус, под начальством эрзерумского сераскира, ожидавшего только прибытия союзных войск из Эривани и Трапезунда, чтобы открыть наступательные действия против Гумри. На исходе августа эриванский сардарь Хуссейн-Кули-хан действительно соединился с ним у Мазагберта. Но тут неожиданно для всех случилось такое обстоятельство, которое разом расстроило все планы союзников.

Тридцатого августа персидский и турецкий военачальники съехались приветствовать друг друга, и

---

[1]Дьячков и Терешкевич через год заслужили оба Георгиевские кресты: Дьячков за Асландуз, Терешкевич за Ленкорань; но, к сожалению, последний получил при штурме смертельную рану и умер на обратном пути из Талышинского ханства.

когда свита их по обычаю начала джигитовку, один из куртинов, несясь посреди поднявшейся пыли мимо сераскира, вдруг выстрелил в него из пистолета и нанес ему смертельную рану в голову. Впоследствии оказалось, что этот куртин был подкуплен мазагбертским владельцем, с давнего времени питавшим затаенную вражду к Турции. Последствия этой измены не замедлили обнаружиться. Едва полумертвого сераскира отправили в Карс, за ним потянулось все турецкое войско; лишившись своего начальника, оно уже не считало себя более связанным никакой клятвой и разошлось по домам. Эриванский сардарь также поспешил отступить к Эривани, а вслед за тем ушел в Батум и трапезундский паша, следуя пословице: "Один в поле не воин".

Полнейшее расстройство союза дало маркизу Паулуччи мысль самому вторгнуться в Турцию и попытаться завладеть сильной Ахалкалакской крепостью.

Не располагая большими силами, но в то же время зная, как много зависит успех от нравственной и умственной силы предводителя, он поручил повести все это дело известному в крае своими боевыми отличиями командиру Грузинского гренадерского полка полковнику Котляревскому, и грозная крепость, еще недавно видевшая под своими стенами поражение целой армии Гудовича, пала перед двумя штурмующими батальонами. Главнокомандующий так высоко оценил эту победу, что ходатайствовал об учреждении в память ее особой серебряной медали; государь заменил ее георгиевскими знаменами Грузинскому полку с надписью: "За отличную храбрость, оказанную при штурме турецкой крепости Ахалкалаки с седьмого на восьмое декабря 1811 года".

Маркизу Паулуччи пожалован был орден св. Владимира 2-ой степени.

Покорение Ахалкалакской крепости, совершенно прикрывшее границы Грузии со стороны Ахалцихе, дало возможность маркизу Паулуччи сосредоточить внимание исключительно на усложнявшихся делах в Дагестане и на границах Персии.

Еще при Тормасове было известно, что Шейх-Али-хан вместе с Сурхай-ханом казикумыкским, снова

делают большие сборы в горах, чтобы вторгнуться в Кубинскую область. В Кубе в то время стоял Севастопольский полк, под командой генерал-майора Гурьева. Узнав о сборе мятежников, Гурьев сам двинулся к ним навстречу, но заняв позицию на реке Самур, он простоял несколько месяцев в совершенном бездействии, требуя, чтобы полковник Адриано выслал против бунтовщиков еще часть дербентского гарнизона. Адриано, не считая возможным ослаблять гарнизон крепости, не решился исполнить этого требования, а Гурьев без его содействия не хотел выступать из лагеря, который, как иронично замечает Тормасов, "по принятому в Севастопольском полку обычаю, вероятно, окопан". Пока шла переписка, Сурхай-хан и Шейх-Али вошли в Табасарань и разорили ее на глазах гурьевского отряда.

Тормасов, уже сдававший в то время должность, тем не менее написал Гурьеву, что "лучшим оправданием для него может быть только скорое очищение Табасаранской области от бунтовщиков", напоминая, что "Севастопольский полк и в прошлом году, запершись в стенах Кубинской крепости, не имел геройского духа противостоять толпе бунтовщиков и был уже причиной разорения целой Кубинской провинции".

Резкое замечание Тормасова и вышедшие в то время приказы Паулуччи, выражавшие характер требований главнокомандующего, побудили Гурьева перейти наконец к наступательным действиям. Утром шестого ноября он прибыл к Аджиахуру и здесь увидел, что все окрестные горы усеяны лезгинами. Несмотря на это, Гурьев решил немедленно атаковать неприятеля, и бой, начатый в лесистых ущельях, скоро перешел в кровавую резню, длившуюся шесть часов кряду и кончившуюся тем, что Севастопольский полк вынужден был отступить с большой потерей. Неудача так повлияла на Гурьева, что он в течение почти двух недель не трогался с места, считая свое положение безвыходным. Между тем лезгины обложили Кубу. К счастью, в это время на помощь Гурьеву прибыл из Ширвани новый шеф Троицкого пехотного полка генерал-майор Хатунцев с казачьим полком и батальоном Херсонского полка.

Хатунцев не имел до сих пор особого случая заявить себя в военном отношении, но на Кавказе он был известен как человек неподкупной честности, с серьезным и решительным характером[1]. Прибыв в Кубинское ханство, он произвел секретное дознание о действиях Гурьева и оправдал его в глазах Паулуччи. "Гурьев, - писал он главнокомандующему, - несчастлив только тем, что не имеет вовсе надежных помощников. Стоя в Кубе, я заметил, что корпус офицеров Севастопольского полка совершенно расстроен и склонен к интригам". Особенно Хатунцев указывает на двух братьев, капитанов Логвиненковых, из которых "один бежал во время сражения", покинув оружие, а другой до того растерялся, что уже по окончании боя схватил полковые знамена и отрубил у них подтоки, не отдавая себе отчета, что он делает[2].

В Кубе Хатунцев, присоединив к своему батальону еще батальон егерей, смело бросился на главное скопище горцев и после четырехчасового кровопролитного боя у деревни Рустовой разбил его наголову. Победа была так решительна, что неприятель, оставив в руках победителей тридцать знамен и до тысячи тел, рассыпался в разные стороны; сам Шейх-Али бежал в Казикумык и скрылся у Сурхай-хана.

Хатунцев решился настойчиво преследовать горцев и не прекращать военных действий до тех пор, пока не покорит Сурхая и не заставит его подписать трактат на подданство России. Второго декабря войска его подошли к реке Самур, и русский генерал

---

[1]Посланный к ширванскому хану с каким-то поручением, Николай Михайлович Хатунцев получил от него в подарок огромное количество необмолоченного сарачинского пшена, на сумму более десяти тысяч рублей серебром, и только не желая отказом обидеть хана, принял этот подарок, но отдал его безвозмездно в пользу казны. Император Александр отличил такое бескорыстие Хатунцева особым всемилостивейшим рескриптом к нему. Хатунцев начал службу в 1779 году в гвардии и там продолжал ее до 1799 года. С производством в генерал-майоры он назначен был сперва шефом Ревельского, а с двадцать седьмого февраля 1811 года шефом Троицкого полка, стоявшего в то время на Кавказе.

[2]Позднее, уже в командование Ртищева, из Севастопольского полка бежало к персиянам сразу семнадцать нижних чинов с ружьями и боевой амуницией.

отправил казикумыкскому владельцу требование о выдаче Шейх-Али-хана. Сурхай ответил уклончиво. Тогда Хатунцев повторил требование более энергичным тоном. Сурхай прислал сказать, что выдаст Шейх-Али в том только случае, если ему будет выдан кровный его враг Аслан-бек, бежавший из Казикумыка в русские пределы. Сурхай отлично понимал, что русские никогда не согласятся на подобный обмен, и смело предъявлял подобное требование. Хатунцев видел ясно, что Сурхай желает только выиграть время, а потому, присоединив к себе еще батальон Севастопольского полка, вошел в Казикумык и принялся истреблять аулы, посевы, стада и все угодья горцев.

Страшное разорение страны вынудило казикумыкского хана войти в новые переговоры. Он просил остановить военные действия, обещая исполнить все предъявленные ему требования. Хатунцев дал хану два часа срока, но когда к назначенному времени ответ не был доставлен, он двинулся на Кюри, главное селение в области того же имени.

Кюринская крепость, окруженная высокими стенами и рвом, стояла в ущелье на самой границе с Казикумыкской провинцией. Доступ к ней с открытой стороны преграждали девятнадцать башен, вооруженных артиллерией, а окрестные горы покрыты были лезгинами. Сурхай и Шейх-Али-хан засели в крепость с твердой решимостью защищаться насмерть.

Так как блокировать Кюри по условиям местности было невозможно, то Хатунцев четырнадцатого декабря сбил неприятеля с высоты, а вслед за тем главная башня, защищавшая вход в крепостные ворота, взята была штурмом. Истребление ее защитников на глазах всего гарнизона, гром русских пушек, крики "Ура!" и вид батальонов, грозно остановившихся под самыми стенами крепости, привели приверженцев Сурхая в такое замешательство, что они в беспорядке бросились бежать в горные ворота и скрылись в ущелье. Победители нашли в крепости две медные пушки, восемь знамен и множество оружия.

Сурхай не хотел входить в сношения с Хатунцевым и отправил посланного для переговоров прямо к маркизу Паулуччи, надеясь выторговать для себя несколько выгодных условий. Но Паулуччи не принял

предложений Сурхая. "Я объявляю вам, - писал он ему, - что путь вашего спасения один - это выдать тотчас же Шейх-Али-хана в руки генерал-майора Хатунцева. Тогда войска по моему повелению возвратятся назад; в противном случае они не оставят камня на камне в вашем владении, а Кюринская область вся без изъятия будет от вас отнята. Вот вам мое последнее слово; выбирайте, что лучше, а я исполню так, как сказал".

Сурхаю, владетелю древнейшего из дагестанских ханств, никогда не признававшего над собой ничьей чуждой власти, трудно было уступить требованию маркиза, и он предпочел отделаться молчанием. Тогда Хатунцев объявил Кюринскую область независимым ханством и назначил правителем его Аслан-бека казикумыкского, племянника и кровного врага Сурхая.

Образование нового ханства нарочно обставлено было большой церемонией. Аслан-беку пожалован был чин полковника, грамота на достоинство хана и знаки инвеституры: сабля и знамя с гербом Российской империи. Все это вручено было ему на площади, при огромном стечении народа и войска, с особенной торжественностью. Сам комендант на богатой подушке, нарочно присланной для этого случая из Тифлиса, поднес ему высочайшую грамоту, а два офицера вручили ему: один - распущенное знамя, другой - драгоценную саблю, лежавшую в открытом футляре. Войска отдали честь с барабанным боем и музыкой. Кюринцы ликовали, видя милость царя к их новому хану и слыша торжественное обещание представителя России защищать их землю от всяких покушений врагов как неотъемлемую часть Российского государства.

"Часть ваших владений, - писал после этого маркиз Паулуччи Сурхаю, - я отнял за то, что вы не исполнили последнего моего повеления. Теперь я ограничусь этим, но ежели вы предпримете что-либо против кюринского хана, то потеряете все ваше владение и будете скитаться, как ветреный Шейх-Али-хан, без всякого пристанища".

Генерал-майор Хатунцев назначен был военно-окружным начальником Кубинской и Дербентской провинций, получив за поражение Шейх-Али-хана орден св. Анны 1-ой степени. Последний орден пожалован был государем и маркизу Паулуччи.

Но между тем как русское оружие торжествовало на турецкой границе и в горах Дагестана, главнокомандующему было донесено, что законный наследник Карабагского ханства Джафар-Кули-Ага, юноша, когда-то искренне преданный России, но отодвинутый Гудовичем на задний план, состоит в переписке с Аббас-Мирзой, приглашая его вступить в Карабаг. Паулуччи тотчас же приказал арестовать Джафара. Батальон Троицкого полка захватил его на кочевке близ урочища Салтан-Буда-Керчи и отправил в Тифлис под сильным конвоем, которым командовал капитан Оловяшников. Джафару позволили ехать верхом, но из предосторожности посадили позади него, на той же самой лошади, солдата. Оскорбленный Джафар, переправляясь по пути через реку Тертер, столкнул солдата в воду и, пользуясь поднявшейся суматохой, бежал на свою прежнюю кочевку близ Султан-Буды. Отсюда он написал к Паулуччи, что не имел никогда и никаких сношений с Аббас-Мирзой, что был и будет верен России, а если бежал теперь, то только потому, что был опозорен арестом и грубым обращением с ним солдат и офицеров конвоя. Все это было, по всей вероятности, справедливо, и приказание арестовать Джафара было со стороны Паулуччи по меньшей мере преждевременно. Тем не менее главнокомандующий оставил письмо без ответа, и Джафар, опасаясь нового ареста, уже действительно бежал, покинув на родине жену и все свое состояние. Жена его была арестована и приговорена к уплате штрафа в сто пятьдесят тысяч рублей[1].

В январе 1812 года персияне с Джафаром уже нахлынули на Карабагское ханство и, окружив в Султан-Буда-Керчи батальон Троицкого полка, стоявший под командой майора Джини, другим отрядом поспешили занять Шах-Булах, чтобы отрезать ему сообщение с Шушей. А в это самое время из Шуши на помощь к майору Джини шел небольшой отряд под командой капитана Ильяшко. Он с боя овладел по пути Шах-Булахом, но дальше идти не решился, так как до Султан-Буды оставалось еще тридцать верст, а вся дорога была занята персиянами.

[1]Мера эта не была еще приведена в исполнение, как Джафар в 1815 году добровольно вышел из Персии, был прощен и поселился по-прежнему в Карабаге.

Между тем в Султан-Буде происходило следующее. Первого февраля восемнадцать тысяч пеших и конных персиян стремительно атаковали отряд, построившийся в каре у самых своих землянок. Завязалась жаркая битва, среди которой много русских офицеров выбыло из строя убитыми и ранеными. Был убит и майор Джини, заступивший его место майор Сочевский скоро получил тяжелую рану, а вслед за ним пал и капитан Гумович. Тогда команду над отрядом принял капитан Оловяшников, тот самый, который упустил Джафара на Тертере. К вечеру оба орудия были подбиты, зарядные ящики взорваны, и Аббас-Мирза прислал записку, требуя сдачи.

Оловяшников был в раздумье. Даже сам Мехти-Кули-хан карабагский, находившийся при отряде, убеждал не сдаваться, обещая ночью скрытно провести отряд к Шах-Булаху. Но Оловяшников, опасавшийся взыскания за допущенный им побег Джафара, приказал батальону положить оружие, и знамена Троицкого полка, бывшие при этом батальоне, достались в руки персиян. Мехти же бежал в Шушу окольными путями и первый привез известие о печальной участи отряда. Персидский двор был чрезвычайно доволен таким успехом.

В Уджанском замке, принадлежащем некогда наследному персидскому принцу, быть может, и доныне хранится большая картина, виденная Ермоловым во время посольства его в Персию. Она изображает победу, одержанную над русскими, которые представлены обращенными в бегство, увлекаемыми в плен и с унижением просящими помилования.

"Осматривая замок, - говорит Ермолов, - я спросил сопровождавших меня персиян: "Какое картина представляет сражение? Не Асландузское ли?" Наморщились рожи их, и страх, изобразившийся в чертах от одного об одном воспоминании, заставил меня не требовать ответа. Я сделал другой вопрос: "Не Ленкоранское ли?" Как будто окован был язык персиян, и ложь, столь обыкновенная в устах их, не изобрела ответа. Надобно было догадаться, что не оно. Наконец сказано мне, что картина представляет разбитие Троицкого батальона. Я замолчал против правды".

По истреблении Троицкого батальона персияне

окружили Ильяшенко в Шах-Булахском замке и, выставив перед ним русские знамена и пленных, потребовали сдачи. Они угрожали в противном случае взять штурмом или держать его в блокаде, пока не выморят русских голодом. Ильяшенко, достойный сподвижник Карягина, отверг все предложения персиян; но зная, что помощи ему ожидать нельзя и что патроны у него на исходе, решился на то, что некогда сделал Карягин. Он ночью вышел из замка, прорвался сквозь персидскую армию и возвратился в Шушу через горы, по едва проходимым тропинкам. Ильяшенко произведен за это в майоры.

Вся кавказская армия была возмущена изменой Оловяшникова. Вспоминались геройские поступки Карягина и Котляревского, когда они, окруженные неприятелем в сто раз сильнейшим, бились с ним на этих же самых полях. Но Карягин давно уже умер, а Котляревский находился далеко - на турецкой границе. Отсутствие в Карабаге отважного генерала и твердого правителя становилось с каждым днем ощутительнее, и Паулуччи, находившийся в то время по случаю присоединения к России Кюринского ханства в Дербенте, решился послать в Карабаг Котляревского. Он поручил ему "восстановить доверие жителей к русскому оружию и изгладить из их памяти позорное дело Оловяшникова". Бич персиян, Котляревский, начал с того, что очистил весь Карабаг от разбойничьих шаек и двинулся против Аббас-Мирзы. Но тот поспешно отошел за Аракс, уничтожив за собой переправы.

Маркиз Паулуччи и сам посетил отряд Котляревского, стоявший на персидской границе, рассчитывая сделать с ним экспедицию в персидские владения, к Зардобу. Но новые тревожные обстоятельства потребовали присутствия его в Грузии.

Теперь дело шло о народном восстании в самой Кахетии, вызванном сложными обстоятельствами тогдашнего времени. Надо сказать, что Кахетия платила России налоги почти исключительно хлебом, которого страна сама никогда не имела в достаточном количестве, так как жители ее занимались преимущественно виноделием. На Кахетии накопилось мало-помалу множество недоимок, а между тем, в 1812 году, хлеб очень был нужен, русские власти требовали его в большей настойчивостью, чем это было обыкновен-

но. Тут в первый раз должны были прибегнуть к экзекуционной системе. Тогда со всех сторон от жителей посыпались жалобы, что постояльцы солдаты своим обращением оскорбляют стыдливость их жен и дочерей, а агенты грузинского царевича Александра, находившего себе опору во многих грузинских князьях, поджигали народ и делали все возможное, чтобы вызвать восстание. И тридцать первого января 1812 года в деревне Ахмете восстание началось.

На следующий день в деревне Тионетах случилось обстоятельство, придавшее восстанию сразу необыкновенно острый и распространенный характер. Когда народ стоял около церкви, толкуя о тяжестях налогов, в толпу вбежала исступленная женщина и, бросившись к мужу, накинула на него свое покрывало. "Я обесчещена русским и иду ему мстить", - сказала она, обращаясь к толпе, и с этими словами, выхватив из-за пояса мужа кинжал, побежала к дому. Вся толпа с диким ревом кинулась за ней. Офицер был заколот, команда перерезана. Восстание охватило целую Кахетию, и началось повсеместное избиение русских, расквартированных малыми командами по деревням и селам. Города Телави и Сигнах подверглись осаде. Укрепленный Телави успел отбиться; но в Сигнахе, где много было грузин, комендант майор Гейне, все чиновники и весь гарнизон были вырезаны.

Грибоедов рассказывает в своих записках, что гарнизон Сигнаха сдался сам и что тогда мятежники раздели солдат донага, пустили бежать в разные стороны и перестреляли, как дичь; коменданта они изрубили в мелкие куски, сначала отрезав ему язык и заставив проглотить его.

Горькая участь постигла и стоявший в деревне Кагобети пятый эскадрон Нарвского полка, с командиром его полковником Мартыновым. Мартынов успел спасти только штандарт, с которым ускакал один унтер-офицер, а сам, запершись в башне с семнадцатью драгунами, защищался до тех пор, пока не получил смертельную рану. В деревне Кадоло команда из восьмидесяти егерей девятого полка спаслась только тем, что пробилась к небольшой крепости, находившейся в самом конце деревни. Здесь она защищалась двадцать три дня, питаясь во все это время только одной сырой пшеницей.

Быстрота, с какой разлился пламень бунта во всем

Телавском уезде, поражала неожиданностью, и все отряды, посланные на выручку к Телави, понесли более или менее значительные потери. Началось с того, что шедший из Сигнахского уезда донской казачий полк, под командой есаула Кузнецова, наткнулся в лесах на огромные толпы мятежников и был совершенно разбит ими, так что Кузнецов едва успел спасти полковые знамена, с которыми и ускакал в Сагареджио. Почти в то же время три роты егерей, под командой майора Вронского, подходя к Телави, были атакованы сильнейшим неприятелем, и хотя пробились под перекрестным огнем через весь форштадт и вступили в крепость, но понесли значительные потери.

Еще неудачнее были действия третьего отряда, направленного из Сагареджио в составе двухсот восьмидесяти спешенных нарвских драгун под командой майора Есипова, и четвертого февраля, буквально под самыми стенами Телави, Есипов был убит, а из числа его драгун только сто двадцать человек - без офицеров - проникли в город, и то лишь при помощи отчаянной вылазки, сделанной из крепости.

Ободренные успехами, мятежники перенесли военные действия в Сигнахский уезд и напали на селение Бодбисхеви, где находился целый батальон Кабардинского полка под командой подполковника Степанова. Целый день с утра и до позднего вечера сражался Степанов посреди селения, объятого пламенем, но, потеряв двух офицеров и двести двенадцать человек из одного батальона, не мог удержать за собой позицию и ночью отступил к посту Кара-Агач. Вся полковая канцелярия погибла тогда в пламени, а вместе с ней сгорел и подлинный рескрипт императора Павла, пожалованный Кабардинскому полку на Мальтийское знамя за поражение аварского хана на речке Иоре.

В Кара-Агаче Степанов нашел роту егерей и два эскадрона Нижегородского полка, к которым в тот же день подоспели еще две роты кабардинцев под командой князя Орбелиани. Несмотря на силу русского отряда, мятежники обложили пост и пошли на приступ. И хотя нападение их было отбито, однако же блокада продолжалась двенадцать дней, и люди все это время питались одним ячменем, заготовленным для лошадей Нижегородского полка.

В таком положении были дела, когда сам областной начальник Портнягин, застигнутый восстанием врасплох в деревне Сагареджио, где находился штаб Нарвского полка, успел собрать кое-как до ста пятидесяти конных драгун и укрепился с ними на площади. Это было все, чем мог располагать генерал в данную минуту, а между тем получено было известие, что главные силы мятежников идут на Сагареджио. И действительно, едва Портнягин распорядился, чтобы из лазарета, стоявшего в поле, больные были перевезены в вагенбург, как лазарет уже пылал, и мятежники, под предводительством князя Кабулова, явились на лесистых высотах перед селением. Это было шестого февраля. Целую ночь шла перестрелка, а к рассвету инсургенты спустились к самой деревне и стали готовиться к штурму. Опасность для драгун возросла, у них уже были переранены до двадцати пяти человек и множество лошадей. Но в это самое время вдали послышался барабанный бой, и скоро на высотах показались две роты херсонских гренадеров, направленные сюда форсированным маршем из Тифлиса, под командой майора Бухвостова.

Появление их заставило князя Кабулова отойти от Сагареджио. Но и Портнягин мог воспользоваться присутствием пехоты только затем, чтобы отступить к Тифлису. Истребив все тяжести за невозможностью их взять с собой, драгуны вышли пешком, ведя в поводу лошадей, которых оставалось в полку втрое более, нежели нижних чинов. Неприятель, удерживаемый пехотой, преследовал слабо, и отряд благополучно добрался до Тифлиса, потеряв около тридцати человек убитыми и ранеными.

В Тифлисе между тем возникла паника, и князь Орбелиани писал к Паулуччи, что не отвечает за безопасность города, так как лезгины джигитуют уже на Авлабаре, в самом предместье столицы. Все ожидали, что мятежники пойдут прямо на Тифлис. Хотя, к счастью, этого не случилось, но обстоятельства от того не выиграли, так как восстание распространилось на весь Ананурский уезд и охватило даже Осетию.

Стоявших в Кахетии войск оказывалось недостаточно, чтобы подавить народный мятеж, и потому на подкрепление к ним отправлены были: из Тифли-

са - батальон херсонских гренадеров, под командованием полковника Тихановского, а из Картли - батальон Грузинского полка, под начальством подполковника Ушакова. Из Гортискара также выступил капитан Сагинов с тремя ротами пехоты и одним орудием. Но по дороге к Душету последний отряд был встречен мятежниками и, потеряв в жаркой схватке Сагинова, получившего тяжелую рану, расстроенный, вынужден был отступить назад к Гортискару.

Мятежники торжествовали этот успех, как громкую победу. Но посреди их ликований, двенадцатого февраля, Ушаков внезапно подошел к Душету, взял его штурмом, захватил Ананур и тут же повесил одного из главных зачинщиков восстания. Энергичные действия Ушакова немедленно принесли свои плоды: целые деревни одна за другой стали являться с покорностью, и бунт в этом уголке Кахетии затих.

В таком положении были дела, когда, двадцать первого февраля, Паулуччи, прибыв в Тифлис, узнал, что отряды, стоявшие в Кара-Агаче и Телави, находились в крайней опасности, окруженные мятежниками, а что в последнее время, уже более пятнадцати дней, о них даже не было никаких известий. Главнокомандующий тотчас усилил Тихановского батальоном Тифлисского полка и приказал ему действовать с возможной энергией. Тихановский с боя овладел переправой через речку Иору, взял приступом селение Хошму и наголову разбил князя Кабулова с главными силами мятежников. Дорога к Телави были открыта.

Перед рассветом к отряду прибыл сам главнокомандующий в сопровождении многих грузинских князей. Здесь, на этой позиции, получено было им известие, что турки, пользуясь смутным положением Грузии, задумали обратно отнять Ахалкалаки. Оказалось даже, что кахетинцы сами просили помощи у ахалцихского паши, и Шериф рассчитывал, что более благоприятного времени для возвращения Ахалкалаков уже не будет. И если бы действительно ему удалось овладеть этой крепостью, прикрывавшей всю Кахетию, путь в Барчалы и даже в сам Тифлис был бы для него совершенно открыт, так как все русские войска разосланы были для усмирения мятежа. Двадцать первого февраля, в тот самый день, когда маркиз Паулуччи приехал в Тифлис из Карабага,

Шериф с пятитысячным войском уже штурмовал Ахалкалаки, но после жестокого боя был отражен с огромными потерями.

В то же самое время русские силы потребовались и на границах Карсского пашалыка. Дело в том, что предприимчивый магазбердский владелец Кара-бек, уже известный убийством эрзерумского сераскира, отложился от карсского паши и стал во враждебные отношения и к Персии, и к Турции, так как владения его лежали на рубеже этих двух государств. Паулуччи воспользовался обстоятельствами, чтобы войти с Кара-беком в сношения, и когда карсский паша выслал против него войско, Лисаневич, прикрывавший в то время Бомбакскую и Шурагельскую провинции, немедленно отправил к нему, под командой майора князя Севарсамидзе, батальон Тифлисского полка в двести штыков, при семидесяти казаках. Двадцать четвертого февраля батальон соединился с Кара-беком и при деревне Паргите атаковал турецкое войско. Ожесточенный бой длился более четырех часов. Турки оборонялись мужественно и даже выбитые штыками из своих укреплений пытались держаться еще в самой деревне, но орудийный огонь и пожар, охвативший селение, заставили их наконец обратиться в бегство. Во время рукопашного боя тифлисцы отбили у турок три знамени. Потеря русского отряда состояла из тридцати девяти человек, и в числе раненых был и сам Севарсамидзе.

Все эти обстоятельства побуждали Паулуччи как можно скорее покончить с Кахетией, чтобы иметь возможность обратить оружие против турок.

Узнав, что главные силы мятежников собрались опять на дороге к Телави, у монастыря Самеба, Паулуччи, не обращая внимания ни на густоту леса, ни на то, что противники засели в крепком ущелье, приказал Тихановскому, с отрядом из шестисот человек, при двух орудиях, стремительно атаковать неприятеля; Тихановский нанес мятежникам решительное поражение[1]. Зачинщики и коноводы мятежа, взятые в плен, были тут же повешены. Энергичные меры и здесь быстро водворили спокойствие, чему содействовало немало вступление в Кахетию, со

---

[1]В числе убитых в этом бою, к сожалению, был храбрый командир казачьего полка войсковой старшина Данилов.

стороны Тионет, еще отряда Ушакова, взявшего немедленно это селение приступом.

Последнее и самое упорное сопротивление было оказано грузинами в деревне Велисцице. Там, в бою, убит был из числа грузинской дружины князь Вахтанг Орбелиани, зять последнего грузинского царя Георгия, и ранее адъютант главнокомандующего князь Чавчавадзе. Паулуччи стремился, однако же, освободить как можно скорее Телавскую крепость, и нетерпение его было так велико, что он, оставив пехоту, поскакал к ней в сопровождении лишь нескольких грузинских князей и полусотни казаков. Но появления и этой горсти было достаточно, чтобы мятежники, уже потерявшие веру в успех своего дела, бежали из-под Телави. Восстание пало. Коноводы мятежа, и в числе их Кабулов, взяты были в плен и высланы в Россию. Та же участь постигла и хромого грузинского царевича Григория, жившего между хевсурами и не обращавшего на себя ничем внимания правительства, но теперь навлекшего на себя подозрение в сношениях с мятежниками.

Среди этих деятельных усилий, направленных к умиротворению края, маркиз Паулуччи неожиданно получил высочайший рескрипт. "Отличное ваше служение, - сказано было в нем, - обратило на вас особое мое внимание, и я, желая по достоинствам вашим употребить вас с большей блистательностью, повелеваю вам прибыть в Санкт-Петербург, а начальство над Грузией сдать генерал-лейтенанту Ртищеву".

Грузины с сожалением встретили это известие. Князь Захар Андроников был послан в Петербург с полномочием от грузинского дворянства подать государю прошение об оставлении маркиза главнокомандующим в Грузии. Но император Александр не признал возможным изменить своего решения; готовилась война с Наполеоном, и государь собирал вокруг себя людей, известных боевым опытом и военными дарованиями.

Назначив маркиза Паулуччи своим генерал-адъютантом, государь поручил ему должность сначала начальника главного штаба Первой западной армии, а через несколько дней - лифляндского и курляндского генерал-губернатора. Поводом к его перемещению, по словам Ермолова, послужили несогласия,

возникшие между ним и главнокомандующим Барклаем-Де-Толли; но тем не менее и короткое пребывание его в армии не осталось без следа. Есть сведения, что именно его настоянием мы обязаны, что русские войска покинули Дрисский лагерь, не ожидая в нем неприятеля.

Лифляндским и курляндским генерал-губернатором Паулуччи пробыл до 1829 года, когда, оставив русскую службу, он принял главное начальство над армией короля сардинского. Впоследствии он был генерал-губернатором Генуи.

XIX

ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ РТИЩЕВ

В начале 1812 года, на место маркиза Паулуччи, главнокомандующим в Грузии назначен был генерал-лейтенант Николай Федорович Ртищев.

Предшествовавшая служба его не представляла ничего особенно выдающегося. Выпущенный из кадет сухопутного корпуса в 1773 году в Навагинский полк, он участвовал в кампании против шведов, потом находился с корпусом генерала Игельштрома в Польше во время восстания, известного под именем Варшавской заутрени. Назначенный, в чине генерал-майора, комендантом в Астрахань, он не успел доехать до места своего назначения, как был приказом императора Павла исключен из службы в числе многих других генералов екатерининского времени. Девять лет он прожил в отставке и только перед началом турецкой войны 1809 года снова поступил на службу, произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником шестнадцатой пехотной дивизии.

В Петербурге разрабатывался в то время новый проект управления Кавказом, по которому край этот разделялся на две совершенно отдельные и независимые друг от друга части: все Закавказье оставалось в непосредственном ведении главнокомандующего Грузией, а северная часть Кавказа отходила под управление кавказского и астраханского губернатора, в лице которого сосредоточивалась военно-административная

власть и над Кавказской линией. Выбор государя на эту новую должность остановился на Ртищеве, и в феврале 1811 года он прибыл в Георгиевск.

Кратковременное управление Ртищева Линией принесло некоторую пользу в чисто гражданском отношении: он успел восстановить порядок во внутренних делах, которого не было при его предшественнике генерале Булгакове. Но в отношении военном действия его были неудачны. Принятая им система держать в повиновении горцев посредством подарков и денег была роковой ошибкой, отозвавшейся на Линии по отъезде Ртищева горькими последствиями.

Ермолов в своих записках о Кавказе приводит несколько весьма любопытных фактов, могущих служить прекрасной характеристикой деятельности Ртищева. Желая, например, доказать миролюбивое настроение горских народов, он уговорил кабардинцев отправить в Петербург депутацию, чего не мог добиться ни один из его предшественников, но он не заметил, что в этой депутации не принял участия ни один из представителей почетнейших кабардинских фамилий. Между тем "шайка бродяг и бездомников", как называет депутацию Ермолов, принята была в Петербурге весьма благосклонно, и некоторым из депутатов даны были штабс-офицерские чины и богатые подарки. Возвратившаяся депутация даже прямо презиралась гордой черкесской аристократией, и таким образом все это импровизированное выражение преданности кабардинского народа могло только разве ухудшить положение дел на Линии, и действительно, набеги, убийства и грабежи продолжались после того еще с большей интенсивностью.

Еще неудачнее была попытка Ртищева устроить мирные сношения с чеченцами - народом в высшей степени необузданным, диким и вероломным, не признававшим никогда никаких договоров. Собранные с этой целью в Моздок чеченские старшины были осыпаны подарками, но в ту же ночь, возвращаясь домой, напали за Тереком на обоз самого Ртищева и разграбили дочиста почти на собственных глазах генерала.

Памятником пребывания Ртищева на Кавказской линии осталось также укрепление святого Николая, воздвигнутое на Кубани на такой низкой местности, что во время разливов реки вода наполняла все

укрепление и казармы. Болезненность и смертность в крепости превосходили всякое вероятное. "Трудно сказать, - говорит Ермолов, - чего желал Ртищев: более нездорового или более бесполезного места. Я приказал уничтожить убийственное сие укрепление".

Главнокомандующим в Грузию Ртищев назначен был помимо желания. Человек уже преклонных лет, не отличавшийся ни решительностью характера, ни выдающимися заслугами и военными дарованиями, Ртищев с крайней неохотой принял на себя тяжелую обязанность быть правителем обширного и беспокойного края. Особенно тяготило его то обстоятельство, что он попал в Грузию в трудную эпоху двенадцатого года, когда правительство, занятое приготовлениями к громадной борьбе с Наполеоном, естественно, не могло уделить южной своей окраине того внимания, какого требовали обстоятельства тогдашнего времени.

Между тем, действительно, Паулуччи оставил в наследство Ртищеву самое сложное и запутанное положение дел, требовавшее для своего разрешения незаурядной энергии. Турки угрожали отнять Ахалкалаки; персияне ворвались уже в Елизаветпольскую провинцию и на границе Карабага держали значительные силы; в Кахетии еще тлело восстание; царевич Александр вторгся в самую Грузию, а маногочисленные скопища лезгин, наводнившие всю Картли, угрожали самому Тифлису; Дагестан кишел заговорами; в Кабарде поднималось сильное брожение. Между тем чума опустошала границы, а в районе Военно-Грузинской дороги восстали осетины, хевсуры, пшавы и тушины, которые, разрушив все мосты, совершенно перервали сообщения с Кавказской линией. К довершению всего русские полки не имели полного комплекта, а о помощи из России нечего было и думать.

В таких обстоятельствах не действовать было невозможно, и Ртищев, по его любимому выражению, "призвав на помощь всемогущего Бога", решился действовать, но не иначе, как со свойственной его характеру и летам осторожностью.

Ознакомившись на месте с положением края, он поручил отряд, стоявший на турецкой границе, генерал-майору князю Орбелиани, составившему себе известность покорением Поти. На него он возложил обязанность защищать Ахалкалакскую область и ограждать Тифлис со стороны Ахалцихе. Молодой

Котляревский, герой Ахалкалаков и Мигри, оставлен был против персиян, а для поддержки его назначены небольшие отряды генералов Клодта и Лисаневича, поставленные в Нухе и в Бомбаках. Генерал-майору Хатунцеву, покорителю Казикумыка, поручены были дела Дагестана, а Симанович был вызван из Имеретии в Тифлис для управления Грузией.

К счастью, турки, вопреки общим ожиданиям, не тревожили границ, все внимание их было обращено на развязку войны на Дунае. После того как еще при Паулуччи, двадцать четвертого февраля 1812 года, генерал Лисаневич с казачьим полком и батальоном Тифлисского полка разбил турецкий отряд в Анатолии, при деревне Паргите, они ограничились лишь небольшими набегами, и князю Орбелиани за все это время не пришлось иметь ни одного сколько-нибудь значительного дела. А вскоре за тем последовал Бухарестский мир, и отряд Орбелиани мог быть даже отозван с турецкой границы в Грузию.

Нельзя, однако, не сказать, что как ни выгоден был для России Бухарестский мир вообще, на Закавказье он произвел тяжелое впечатление; там вынуждены были отдать туркам все, что в последнее время отвоевано было у них с тяжкими жертвами. Удержан был - и то вопреки трактатам - один только Сухум, как резиденция абхазского владетеля, на том лишь основании, что город этот никогда не принадлежал непосредственно Турции. Но в Ахалкалаки, в Анапу и в Поти вступили опять турецкие гарнизоны, и магометанская луна вновь осенила победное русское знамя. Турция возвратила за Кавказом все, что было ею потеряно, а русские, после целого ряда блестящих побед, очутились по отношению к ней опять на тех же невыгодных позициях, на которых были при Кнорринге и Цицианове.

Мир с Турцией оказался, впрочем, как нельзя более кстати. Почти одновременно с заключением его вспыхнул опять бунт в Кахетии, еще так недавно подавленный при Паулуччи. На этот раз он распространился на соседние земли осетин, пшавов, тушин и хевсуров. Мятежники, не ограничиваясь уже грабежом и убийством русских чиновников, попадавшихся в их руки, просили помощи лезгин и отправили гонцов к царевичу Александру, приглашая его от имени всего народа прибыть в Грузию и принять бразды правления.

Первые вооруженные шайки появились, как и первый раз, около Телави. Гарнизон крепости, находившийся в то время за Алазанью, был окружен мятежниками и только с большим трудом пробился в Телави, потеряв при этом раненым своего начальника майора Шматова, известного геройской обороной Телави во время возмущения прошлого года.

Тревожные известия, доходившие со всех сторон о возмущении, побудили главнокомандующего отправить в Кахетию генерал-майора Сталя, а вслед за ним и начальника двадцатой пехотной дивизии генерал-майора князя Орбелиани. Быстрым движением к Телави они успели пресечь мятеж в самом начале, и многие из кахетинских князей, участвовавших в восстании, начали являться с изъявлениями покорности.

Прекращение бунта оказалось, однако, только наружным, и с наступлением осени в Тифлисе стали ходить тревожные слухи, что царевич Александр вновь появился в Кахетии и поднял все население, громко заявившее желание иметь его своим верховным вождем. Слухи оказались справедливыми, царевич действительно был в Тионетах и двинулся к Алавердынскому монастырю, чтобы там, по древнему обычаю, провозгласить себя грузинским царем. Но на пути он встретился с полковником Тихановским, был разбит при селении Шильде и отброшен к лезгинской границе. Бунт между тем все усиливался. Мятежники заняли Военно-Грузинскую дорогу и, прервав сообщения Тифлиса с Кавказской линией, обложили Пассанаурский пост, где захватили в плен начальника душетского кордона майора Никольского[1]. Присланный сюда на

---

[1]Из сведений, имеющихся у нас под руками, мы не могли доподлинно узнать, тот ли это Никольский, который отличился в этих же самых местах еще при Цицианове. Цицианов доносил между прочим государю, что "из шести рот Казанского полка, высланных на Военно-Грузинскую дорогу, под общим начальством генерала Несветаева, одна, под командой капитана Никольского, прошла по куртатской дороге по таким местам, по которым не отваживались ходить даже осетины, и своим появлением в этих неприступных горах много содействовала блестящим победам Несветаева". "Оставив сего отличного офицера в Ларсе, - прибавляет Цицианов, - я предписал генерал-лейтенанту Глазенапу впредь ни по своему выбору, ни по таковому же его шефа генерал-майора Мейера никогда его не сменять..."

помощь батальон егерей, с полковником Печерским, не в силах был разогнать неприятеля и сам очутился в блокаде. Дерзость осетин дошла до того, что они угрожали уже самому Тифлису, и генерал Симанович, вызванный Ртищевым из Имеретии, должен был принять деятельные меры для охранения столицы. К счастью, храбрый Печерский не долго оставался в бездействии. Получив в подкрепление два батальона, он бросился на неприятеля, стоявшего вокруг Пассанаура, разбил его наголову и очистил весь путь до самого Владикавказа.

Победы Печерского потушили бунт на Военно-Грузинской дороге. Но в Кахетии царевич Александр, заняв сильную позицию у деревни Велисцихе, усиливался с каждым днем новыми толпами лезгин и туземцев. К счастью, торжество его было непродолжительно. Шеф Суздальского полка князь Эристов, случайно прибывший с Линии для осмотра своего батальона, расположенного в Грузии, стремительно напал на мятежников и, разогнав их толпы, овладел восемью знаменами. Мятежники бросились к Шильде, но здесь были настигнуты отрядами Тихановского, Эристова и генерал-лейтенанта князя Орбелиани, произведенного в этот чин за усмирение первого кахетинского бунта. Шильде защищалось упорно, но было взято приступом, и так как это селение уже два раза принимало царевича и два раза жители его сражались против русских, то князь Орбелиани приказал разорить его до основания и конфисковал у жителей все хлебные запасы. Сам царевич, загнанный в тесное горное ущелье, из которого не было выхода, очутился в блокаде и, по всей вероятности, окончил бы здесь свое политическое поприще, если бы к нему неожиданно не явились на помощь две тысячи лезгин, Бог весть какими путями пробравшиеся из Дагестана. Тогда царевич, четырнадцатого октября, со всеми своими силами бросился на отряд полковника князя Эристова; и хотя после жаркого боя лезгины были отбиты, а Эристов, очистив сады, занял Шильдинскую крепость, но царевич тем не менее успел прорваться в Кизик и с отчаянием, которое могло внушить ему только его безысходное положение, кинулся на Сигнахскую крепость. Три дня Сигнах, обложенный толпами мятежников, отбивался сам, а на четвертый к нему подошел неумолимый бич

кахетинцев князь Орбелиани и наголову разбил царевича, отбросив его к селению Манави. Здесь произошло последнее и самое бедственное для инсургентов сражение. Большая часть их погибла от русских пуль и штыков, остальные рассеялись, и сам царевич, лишь с небольшой свитой кахетинских князей, укрылся в недоступные горы Хевсурии. С бегством Александра кахетинское возмущение окончилось, и большая часть народа стала возвращаться в свои жилища.

Близость царевича, который, живя между хевсурами, замышлял новые планы вторжения в Грузию, не внушала, однако, доверия к будущему, и потому генерал Симанович, разгромив весной 1813 года Хевсурию, заставил Александра бежать в Дагестан. Там он прожил до времени Ермолова бесприютным скитальцем, поддерживаемый кое-какими подачками персидского двора.

Одновременно с усмирением внутренних смут в Грузии велась и персидская война, представлявшая серьезнейшие опасности. К счастью, на персидской границе стоял отряд хотя и малочисленный, имевший притом против себя тридцатитысячную армию, но под предводительством такого вождя, как Котляревский. Ртищев, старавшийся всеми мерами избежать кровавых столкновений, предлагал персиянам заключить перемирие и для ускорения переговоров сам прибыл на границу. Но здесь ожидал его ряд разочарований; по мере того, как он склонялся к уступчивости, персияне становились надменнее и, наконец, потребовали перенесения русской границы на Терек.

Хорошо понимая, что каждый день промедления дает неприятелю возможность усиливать свои войска и возмущать подвластные Грузии земли, пылкий Котляревский, возмущавшийся опасной медлительностью главнокомандующего, настойчиво, но напрасно требовал наступательных действий. Наконец, воспользовавшись временным отъездом главнокомандующего в Тифлис, по случаю кахетинского бунта, он решился, приняв все последствия на личную ответственность, сразиться с надменным врагом, и девятнадцатого октября 1812 года со своим двухтысячным отрядом перешел за Аракс. Здесь в кровопролитном двухдневном сражении при Асландузе он истребил главную персидскую армию, а затем, перейдя в Талышинское ханство, взял

штурмом Ленкорань. Победы Котляревского, в связи с поражением эриванского сардаря при Кара-Беюке (третье апреля 1813 года) Тифлисским полком, под командой полковника Пестеля, вынудили персиян к поспешному заключению Гюлистанского мира, по которому ханства Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и часть Талышинского с крепостью Ленкоранью признаны на вечные времена принадлежащими России, и Персия отказалась от всяких притязаний на Дагестан, Грузию, Менгрелию, Имеретию и Абхазию.

Таким образом только энергичная деятельность вождей цициановской школы спасла Закавказье от печальных результатов, которыми могли отозваться нерешительность и недальновидность Ртищева. Но Ртищев был замечательно честный человек. Он не только сознался в ошибочности своих мнений, но в своем донесении государю прямо указывает на энергию Котляревского, как на исключительную причину успехов в персидской войне. В общей картине персидских сношений он представил коварно замышленный неприятелем план, готовивший, во время переговоров о мире, конечную гибель русским войскам за Кавказом. Все было, по словам Ртищева, обдумано и хитро соображено и подготовлено персиянами: появление в Кахетии царевича Александра с деньгами для поддержания смут, приглашение лезгин на Алазанскую долину, откуда они шли на Грузию, мятеж кахетинских дворян, занятие персиянами преданного России Талышинского ханства, бунт в горах и, наконец, появление самого Аббас-Мирзы, долженствовавшего довершить удар. Спасши русское дело за Кавказом, сам Котляревский, израненный в боях, вынужден был оставить военное поприще, обещавшее ему такую блестящую будущность. Щедро награждая виновника побед, Котляревского, государь в то же время пожаловал Ртищеву за Асландузскую победу орден св. Александра Невского, а за Гюлистанский мир - чин генерала от инфантерии и право носить полученный им от персидского шаха бриллиантовый орден Льва и Солнца 1-ой степени.

Окончание войн с Персией и Турцией заставило присмиреть и лезгин. И только раз, осенью 1813 года, партия их, спустившись с гор, заняла близ деревни

Пашана монастырь Иоанна Предтечи с намерением ограбить несколько ближайших сел по Алазани, но в первую же ночь полковник Тихановский с Кабардинским полком атаковал монастырь и взял его приступом. В Кахетии водворилось спокойствие, нарушаемое разве только изредка небольшими хищническими шайками, которые, однако же, всегда терпели поражения.

К этому времени относится начало боевой известности Нижегородского драгунского полка, расположенного тогда в Царских Колодцах. Драгуны действительно прослыли грозой лезгин, и их молодецкие дела, под командой штабс-капитанов Щербакова, Маркова, Габовского, поручика Дьякова и других, открывают собой длинный ряд славных подвигов, которыми так богата их полковая летопись.

Теперь остается сказать несколько слов о том, как шли дела в Дагестане у генерала Хатунцева. Поголовного восстания в горах во все это время, собственно, не было. Но там несколько лет кряду продолжалось мятежное волнение умов, рыскали хищнические шайки и гнездились закоренелые подстрекатели бунтов: Шейх-Али-хан, Сурхай-хан казикумыкский, хан аварский и, наконец, царевич Александр, бежавший сюда после неудач, испытанных в Грузии. Генерал Хатунцев, располагавший весьма небольшими силами, не мог действовать наступательно, но он пять лет стоял бессменным стражем Дагестана и удержал полнейшее спокойствие в этой части Кавказа.

Когда же Сурхай с трехтысячной партией казикумыкцев, в начале 1813 года, кинулся на селение Ричи и, вытеснив оттуда русский пост, прорвался было в Кюринскую область, Хатунцев вовремя поддержал кюринского хана горстью войск (пятьюдесятью стрелками с одним орудием, под командой капитана Данибекова) и этим дал ему возможность управиться с Сурхаем.

Кюринцы, имея в голове пятьдесят отборных русских стрелков, взяли штурмом деревню Колханы и нанесли Сурхаю такое поражение, что тот не смел даже возвратиться в Казикумык и в сопровождении тридцати человек бежал под покровительство персидского шаха. Заключение мира поставило его, однако же, там в весьма щекотливое положение и, обманутый во всех

своих ожиданиях, Сурхай решил возвратиться на родину.

Собрав к себе всех дагестанцев, шатавшихся по Персии, он образовал партию в сто двадцать пять человек, с которой и думал пробраться в горы через Елизаветпольскую провинцию. Но он был открыт и настигнут окружным начальником подполковником Колотузовым с милицией, которая преследовала его несколько верст и, наконец, соединясь с отрядом казачьего подполковника Изволова, напала на него, по переправе через Куру, на берегу речки Кочкарки. Семидесятипятилетний старик искал спасения в быстром бегстве. Но старший сын его, известный дагестанский наездник Закар-бек, видя, что отцу не уйти от погони, решился пожертвовать собой и, повернув назад, с отчаянием кинулся на Колотузова. Сам Закар-бек и один из старших его сыновей, Ибрагим, вместе с восьмьюдесятью татарами были изрублены, другой его сын и родной племянник Сурхая - захвачены в плен, но Сурхай успел уйти в Казикумыкские горы. По представлению Ртищева Колотузов получил орден св. Владимира 4-ой степени с бантом, а Изволов - орден св. Анны 2-ой степени.

Ртищев не сумел воспользоваться пребыванием Сурхая в Персии, чтобы присоединить его владения к России и сделать Казикумык навсегда безвредным. Он ограничился лишь тем, что отдал ханство во временное управление Аслан-хана кюринского, по-видимому преданного русским. Но это оказалось совершенно бесполезным. Когда Сурхай возвратился на родину, в Кумыке жил его сын Муртазали-бек. Он предложил Аслан-хану защищать Казикумыкское владение и вызвался даже вместе с братом его, Фет-Али-беком, идти против отца в передовом отряде. Аслан согласился. Но едва отойдя десять верст от Кумыка, на привале, Муртазали одним ударом шашки снес голову Фет-Али-беку и отправил ее к отцу в доказательство сыновней преданности.

Не ожидавший ничего подобного, Аслан-хан бежал, и Сурхай, по его следам, вступил в свою столицу. По неприступности своей страны и слабости Ртищева он остался даже ненаказанным. И это было не единичным случаем, а общим выражением всей политики Ртищева. Точно так же он не воспользовался смертью ханов шекинского и талышинского, чтобы

присоединить их владения к русским провинциям и передал Шекинское - Измаил-хану, а Талышинское - Мир-Хассан-хану. Плоды подобной политики сказались весьма скоро.

Едва появившись в Дагестане, Сурхай начал тотчас действовать против русских и сумел повести дело так, что сам Аслан-хан кюринский, опутанный его интригами, уже склонялся на его сторону. Постепенно втягиваясь в роль заговорщика, он стал посещать Сурхая и сделался в Казикумыке желанным гостем. Хатунцев вовремя заметил опасность и быстрым занятием Кюринского ханства удержал его от восстания.

Все планы мятежников рушились сами собой. Напрасно Сурхай в бессильной злобе кинулся опустошать кюринскую землю: на самой границе ее, летом 1815 года, он встретил русский батальон майора Поздревского и был разбит наголову. Под Аслан-ханом, лично водившим в бой кюринскую конницу, была убита лощадь, а родной его брат, известный своей храбростью Хассан-бек кюринский, получил тяжелую рану.

Хатунцев воспользовался этой победой, чтобы засвидетельствовать о целом ряде отличий, оказанных Троицким пехотным полком, который восстановил в Дагестане свою боевую репутацию, утраченную им в несчастном деле при Султан-Буда-Керчи. Император Александр милостиво принял это ходатайство и пожаловал полку новые знамена взамен отбитых у него персиянами.

Дагестан присмирел, и военные действия продолжались только на Кавказской линии. Таким образом время Ртищева в Грузии, начавшееся при обстоятельствах весьма тревожных, окончилось относительным спокойствием и миром.

В последний год командования его случилось, однако, малоизвестное, но весьма любопытное обстоятельство, чуть-чуть не поведшее было к волнениям в самом Тифлисе. В крае учреждалась тогда особая грузино-имеретинская синодальная контора, долженствовавшая начать собой новую эру духовного управления в Грузии. По примеру московской синодальной конторы предполагалось в новом учреждении поставить на президентском месте императорский трон, но трона в Грузии не было, и

возникла мысль поставить вместо него. царское кресло, присланное Георгию XIII императом Павлом в числе прочих царских регалий. И вот в Тифлисе начали говорить, что синодальная контора будет представлять собой верховный суд, в котором, как выражается донесение Ртищева, "восстановятся прежние права и власть царская"...

Слухи и толки росли, и злонамеренные личности пользовались этим обстоятельством, проводя в народную массу мысль, что главнокомандующий уже ничего не значит, что есть выше его учреждение из местных духовных лиц, что, наконец, может возвратиться и царское правление. Ртищев, чтобы отнять самый повод к разговорам, приказал кресло в конторе не ставить. И когда жалобы на него по этому поводу в Петербурге не имели успеха, волнения и слухи мало-помалу прекратились.

К концу командования Ртищева генерал Хатунцев отозван был из Дагестана и назначен командующим резервной кавказской гренадерской бригадой, а на место его прибыл генерал-майор Тихановский, бывший до того военно-окружным начальником в Ширванском, Шекинском и Карабагском ханствах. К этому же времени относится ходатайство Ртищева о перенесении губернских учреждений из Георгиевска за тридцать пять верст на минеральные пятигорские воды. Но представление не имело успеха; в Петербурге нашли, что "губернскому городу на границе быть не годится", тем более что земли, окружавшие Пятигорск, принадлежали кабардинцам.

Между тем долговременная служба, преклонные лета и болезнь заставили Ртищева просить увольнения от должности. Государь исполнил желание маститого старца, и высочайшим приказом двенадцатого октября 1816 года Ртищев отчислен по армии, а на его место главнокомандующим в Грузию назначен генерал-лейтенант Алексей Петрович Ермолов, начавший собой совершенно новый период кавказской войны.

XX

ГЕНЕРАЛ СИМАНОВИЧ

В ряду светлых имен блестящей цициановской эпохи одно из видных мест принадлежит имени Симановича, посвятившего Кавказу пятнадцать лет своей трудовой и в высшей степени талантливой службы.

Южный славянин родом, Федор Филиппович Симанович получил весьма солидное военное образование в рядах австрийской армии, из которой в 1793 году и перешел в русскую службу поручиком. Боевая известность Симановича начинается только спустя восемь лет, когда Кавказский гренадерский полк, в котором он служил подполковником, был передвинут в Грузию, и батальон его весной 1801 года разместился в пограничных крепостях Гори, Сураме и Цхинвали. Сам Симанович с батальонным штабом занял Гори, при слиянии Куры и Лиахвы, издавна служившей ключом в Картли, так что наместники Надир-шаха, властвовавшие в Грузии, жили именно в Гори.

Прибытие батальона и меры, принятые по всей границе Симановичем, были как нельзя более кстати, потому что, пользуясь смутным временем, лезгины и турки угрожали Картли. Привыкшие к победам над грузинским населением, лезгины не хотели обращать внимания на горсть людей, пришедших с далекого севера; они не знали, с кем будут иметь дело. Нужно сказать, что Кавказский полк (ныне Грузинский гренадерский Его Императорского Величества великого князя Константина Николаевича, а тогда

гренадерский полк Тучкова), сформированный в 1784 году из частей Астраханского полка, стоявшего на Линии, и Томского, ходившего в Грузию под предводительством Тотлебена, приобрел огромную военную опытность на Линии, где он содержал кордоны между Георгиевском и Екатеринодаром; и славное участие, которое он принимал в поражении Батал-паши на Кубани и в штурме Анапы с Гудовичем, могло служить уже достаточным основанием его боевой славы.

Лезгинам пришлось убедиться в ошибочности своего мнения о пришельцах с первой встречи, происшедшей на турецкой границе двадцатого июля 1801 года. Сильная партия их и турок занимала крутую и каменистую гору, пестревшую множеством распущенных значков, под которыми гудела азиатская музыка и пели дервиши, стараясь возбудить религиозный фанатизм в мусульманах. У Симановича было всего сто пятьдесят гренадеров и двадцать казаков. Понимая значение первого дела и зная, что вид наклоненных штыков, барабанный бой и крики "Ура!" способны произвести на азиатов сильное впечатление, Симанович приказал развернуть батальонное знамя и с музыкой повел в атаку своих гренадеров.

Лезгины заколебались сразу, чувствуя, что им не удержать эту сплошную надвигавшуюся стену, и стали поспешно отступать к ущелью Кохаджеби. Симанович быстрым движением преградил им путь при самом входе в ущелье, произошла отчаянная битва, окончившаяся таким поражением горцев, что с этого времени ни одна из партий уже не осмеливалась открыто появляться в окрестностях Гори и Сурама, и только разбойничьи шайки продолжали еще скитаться по границе, нападая на оплошных грузин.

Некоторые из этих шаек, впрочем, отличались необыкновенной дерзостью и представляли серьезную опасность. В числе их особенной известностью пользовалась в то время шайка знаменитого лезгинского белада Кази-Махмада, наводившего одним своим именем трепет по всей Грузии. Уже несколько лет он хозяйничал в ее пределах, и никто не превосходил его отвагой и счастьем в наездах. Ему приписывались, как это обыкновенно водится в подобных случаях, сверхъестественные свойства, и суеверие жителей охраняло его лучше всяких

караулов.Долго Симанович следил за этой шайкой, но наконец ему удалось-таки накрыть ее врасплох во время отдыха в лесистом ущелье Пчнавари. Заняв предварительно все выходы из ущелья, Симанович потребовал сдачи, но получив отказ и видя, что перестрелка поведет за собой только напрасные потери, приказал покончить дело штыками. Лезгины решились дорого продать свою жизнь; встретив нападающих залпом, они кинулись в кинжалы и шашки. Произошла резня в буквальном смысле этого слова. Кази-Махмад одним из первых пал под ударом штыков, а за ним сложили свои буйные головы один за другим и его бесстрашные сподвижники. Так погиб знаменитый белад, подвиги которого доныне воспеваются грузинскими сазандарами.

Но из целого ряда мелких и почти беспрерывных эпизодов, в которых проходила жизнь Симановича и его батальона, выдается довольно крупный случай экспедиции в горы к осетинам. Осетины жили в ущельях Главного Кавказского хребта, преимущественно по рекам Большой и Малой Лиахве, по Арагве и Тереку.

Если вникнуть в быт этого народа, то легко удостовериться, что, при всей его дикости, он сохранил следы лучшего происхождения, чем прочие горские народы. Чистота и удобство жилищ, шкафы, кровати, кресла с резьбой - о чем соседние народы, даже более их образованные, не имели и понятия - все свидетельствует, что осетины - суть остатки какого-то образованного народа Азии, загнанного сюда, в трущобы Кавказа, бурями, потрясавшими древний азиатский мир. Быть может, осетины суть те самые яссы, которые платили дань Святославу. В их языке очень много славянских и немецких корней слов.

Осетины с давних времен были в вассальной зависимости от грузинских царей, но в последние дни царствования Георгия, пользуясь внутренними смутами в Грузии, они вышли из повиновения и стали делать набеги даже на грузинские села. Так как восточные пределы Осетии захватывают Военно-Грузинскую дорогу, то отложение их могло отозваться на сношениях Грузии с Линией, и Симанович получил приказание усмирить осетин оружием.

В феврале 1802 года отряд из семи рот пехоты, полусотни казаков и двух полевых орудий собрался

в городе Мцхете. Но в самый день выступления получено было известие, что осетины, покинув свои деревни, удалились в недоступные горные ущелья. Симанович тем не менее вышел в поход с твердым намерением найти неприятеля. Только люди, близко знакомые с кавказскими горами, могут себе представить, что значило проникнуть в февральскую распутицу в самое сердце Осетии, преодолев и снеговые подоблачные выси, и неприступные утесы, и горные каскады, охваченные льдом, и страшные стремнины и скалы, на которых никогда не бывала нога человека. Но все это было преодолено, и после изумительных трудов и усилий в борьбе с природой Симанович, как снег на голову, появился перед изумленным населением Осетии. Впечатление было так сильно, что осетины беспрекословно положили оружие, дали аманатов и в тот же день начали обратное переселение с гор в родные аулы.

Введя порядок во всей Осетии, Симанович воспользовался случаем, чтобы возродить среди осетин несколько веков тому назад утраченное христианство, и с этой целью оставил среди них несколько миссионеров.

Блистательная и беспримерная по своим результатам экспедиция эта закончилась в двенадцать дней. Замечательно, что подполковник Симанович во время этого пути лично составил подробную карту пройденных им местностей, которая, при тогдашней скудности картографических материалов, составила весьма ценный вклад в общий итог имевшихся тогда сведений о Кавказском крае[1].

"Донесение ваше о приведении осетин в покорность одними благоразумными и кроткими мерами, без пролития крови, - писал император Александр главнокомандующему в Грузии генерал-лейтенанту Кноррингу, - я принял с совершенным удовольствием и, отдавая полную справедливость подполковнику

---

[1]Вообще тогда ни планов, ни карт, касающихся Закавказья, почти не было. Правда, что офицеры квартирмейстерской части - нынешний генеральный штаб - делали съемки, но все карты отправлялись в Петербург, причем главнокомандующему не оставалось даже копий, "как будто бы, - по справедливому замечанию Цицианова, - они там нужнее, чем генералу, который здесь действует".

Симановичу, пожаловал его кавалером ордена св. Владимира 3-ей степени, который, вместе с рескриптом, при сем прилагаю". Это был один из самых редких случаев пожалования этим орденом в чине подполковника.

Такова была деятельность Симановича в Гори. В истории Грузинского полка действия его не раз порицаются, и автор указывает на полное будто бы незнакомство его с горной войной. Однако же результаты распоряжений Симановича, доставившие ему уже тогда почетную известность, едва ли оправдывают такой взгляд на него.

Между тем, с 1803 года в Закавказье начинается целый ряд войн с Персией и Турцией, которые дали Симановичу случай высказать свои блестящие военные дарования. Штурм Ганжи доставил ему орден св. Георгия 4-ой степени, а за отличное сражение под Эриванью, пятнадцатого июля 1804 года, он произведен в полковники. Здесь ему пришлось обратить на себя особое внимание Цицианова тем, что в день генерального сражения под стенами крепости, когда осадный корпус был атакован всей персидской армией, Симанович со своим батальоном выдержал упорный бой со всеми силами эриванского хана и отстоял один из важнейших пунктов блокадной линии, караван-сарай, где были запасы и помещалась главная квартира Цицианова.

"В этом сражении, - писал главнокомандующий государю, - наибольший успех принадлежит именно этому храброму офицеру, который, несмотря на то, что большая часть его батальона была на пикетах, с горстью людей отразил нападение, упорство которого превзошло все ожидания".

И в том же 1804 году Симанович, по ходатайству Цицианова, назначен шефом Кавказского гренадерского полка.

В кампанию 1805 года Симанович был деятельным сотрудником генерала Несветаева в экспедиции его к Амарату, при выводе в русские владения Джафар-Кули-хана хойсского, и потом командовал войсками в бомбакском и шурагельском участках.

Из немногих известий, сохранившихся до нашего времени о деятельности Симановича в Шурагеле, обращает на себя внимание рассказ о следующем боевом эпизоде.

Двадцать девятого апреля 1806 года сильная персидская партия, человек в семьсот, прорвавшись в наши пределы, угнала скот близ разоренного селения Сухин-Верды. По распоряжению Симановича капитан Зарубин с шестьюдесятью гренадерами, есаул Герцов с конной сотней донцов и татар и, наконец, майор Шмидт с сорока гренадерами и двадцатью казаками двинулись за ней в погоню. Пока Зарубин и Шмидт форсированным маршем шли наперерез, чтобы запереть неприятелю выход из гор, Герцов уже настиг его в самых горах, и видя, что ему на помощь пехоты рассчитывать нельзя, но при малейшем промедлении с его стороны неприятель уйдет безнаказанно, тотчас спешил свою молодецкую сотню и один повел стремительную атаку. Персияне, видевшие до сих пор погоню за собой одной только конницы, до того смутились теперь внезапным появлением пехоты, что приняли ее за русских гренадеров и обратились в бегство. Тогда и лихой есаул, крикнув своим донцам и татарам: "На-конь!", - пустился в погоню, насел на бежавших, и неприятель на протяжении пятнадцати верст оставил более ста человек изрубленными, весь скот и много пленных, в числе которых был один влиятельный персидский хан. Казаки Захар Исаев и Аверьян Карташов отбили белое персидское знамя, сопровождавшее в бою начальника партии. В отряде убитых не было; раненых же оказалось двое: сын шурагельского владетеля Будах-Султана - саблей, и один казак - пулей. Самая ничтожность потери, как результат быстроты и решимости действия при тех условиях, при которых происходила битва, есть уже лучшая похвала кавалерии.

Из Шурагеля Симанович был вызван графом Гудовичем в главный действующий корпус и вместе с ним участвовал в осаде Ахалкалаков, в блистательной победе на Арпачае и, наконец, на штурме Эриванской крепости. Здесь он получил тяжелую рану в голову и должен был надолго покинуть ряды любимых гренадеров.

Назначенный, в исходе 1809 года, командующим войсками в Имеретии, Симанович прибыл в Кутаис в то тревожное время, когда главнокомандующий, генерал Тормасов, не довольствуясь уже номинальной покорностью имеретинского царя, потребовал от него

полного подчинения воле русского государя, угрожая ему в противном случае низложением с престола силой русского оружия. И так как ответ на этот ультиматум в назначенный срок не был получен, то Симанович, двадцатого февраля 1810 года, объявил престол имеретинского царства упраздненным и в тот же день двинул войска: одни из Кутаиса, для приведения жителей к присяге на подданство русскому царю, другие - из Грузии, для занятия пограничных крепостей, считавшихся, про своему выгодному положению, ключом в Имеретию.

Напрасно Соломон старался затянуть переговоры до того времени, когда дремучие леса оденутся листвой и разольются горные речки, чтобы начать тогда партизанскую войну. Симанович не дал ему времени организовать свои военные силы, и менее нежели в месяц, разбив и рассеяв все вооруженные партии, покорил Имеретию. Сам Соломон, будучи заперт искусным движением русских отрядов в Вард-Цихе, сложил оружие и был отправлен в Тифлис в качестве военнопленного.

Победы в Имеретии доставили Симановичу чин генерал-майора и назначение в должность правителя Имеретии, Абхазии, Мингрелии и Гурии.

Спокойствие в покоренном крае продолжалось, однако, всего лишь несколько месяцев. Соломон успел бежать из Тифлиса, и появление его среди имеретинцев было сигналом к новому восстанию, которое, при тогдашних усложнениях, потребовало уже значительного усиления войск в Имеретии. Симанович принялся, однако, за дело со своей обычной энергией. Не тратя время на бесполезные переговоры с царем, он быстро выступил из Кутаиса против инсургентов. Целый ряд поражений, нанесенных им в течение короткого времени - у Вард-Цихе, в окрестностях Гелатского монастыря, у Гоксы, в Тавазах, в Сазано и Сакоро, - привел к тому, что имеретинцы толпами стали покидать царя, при котором вскоре осталось не более пятисот человек пехоты и конницы. Опасаясь притом измены, Соломон беспрерывно менял место своего пребывания; дни он проводил в лесах и ущельях, а ночи - в потаенных пещерах, скрываясь даже от собственных войск, которые никогда не знали, где он ночует.

Наконец, утомленный физически и нравственно,

царь с малым числом своих приближенных успел пробраться в Ханийское ущелье, где стояло вспомогательное турецкое войско. Но когда и это ущелье было взято войсками Симановича штурмом, он вынужден был покинуть родину и искать спасения в турецких пределах. Симанович перенес за ним оружие в Турцию, разбил встретившие его войска в горном проходе Маджас-Цхали и, соединившись потом с Тормасовым, участвовал с ним в кратковременной осаде Ахалцихе.

В исходе 1810 года, после того как Соломон бежал в Ахалцихе, Симанович мог наконец заняться внутренним устройством Имеретии, которая, после двукратного покорения ее оружием, была обращена в простую русскую провинцию.

Не скоро, однако, могли изгладиться в несчастной стране следы борьбы. Поля и виноградники стояли долгое время невозделанными, деревни лежали в развалинах, а жители скрывались в лесах, избегая сношений даже между собой. К бедствиям, причиненным войной, присоединились небывалые в крае наводнения, голод и заразные болезни, от которых в короткое время погибло более тридцати пяти тысяч человек, не считая тех, которые разбрелись по соседним провинциям кормиться милостыней. Симановичу пришлось положить много труда, чтобы спасти по крайней мере последние остатки населения, и деятельность его в этом смысле была так плодотворна, заслуги его были так велики, что достойное имя этого человека, умевшего в мире быть настолько же благородным, как и на войне, поныне живет в благодарной памяти имеретинского народа.

К этому времени относится письмо главнокомандующего, генерала Тормасова, показывающее, как высоко ценились заслуги, взгляды и мнения Симановича. "Уважая опытность и заслуги ваши, - писал ему Тормасов, - и имея истинное к вам расположение, мне весьма приятно быть с вами вполне откровенным. Не скрою от вас, что, судя по необычайным приготовлениям к войне двух сильных соединенных неприятелей, персиян и турок, на будущее лето нам нужно будет много усилий, чтобы сохранить целость Грузии. В этих-то видах я полагал бы взять от вас Грузинский гренадерский полк, как такой, который, находясь под вашей командой, лучше

других привык к военным действиям и более других надежен в сражении, тем более что всякий другой полк, который заместит его в Имеретии, под вашим опытным начальством будет скоро хорош и надежен для обороны края.

Притом, судя по природному местоположению Имеретии, наполненной горами и лесами, и зная собственное ваше заключение из бывшего у меня с вами личного разговора, я полагаю, что там с большой пользой можно употребить егерей. Поэтому я думаю назначить в Имеретию пятнадцатый егерский полк и полагаю, что в шефе его, полковнике Печерском, вы встретите хорошего помощника.

Впрочем, привыкнув всегда соглашаться с вашими мнениями, я и на этот раз буду ожидать вашего ответа".

Ответ Симановича был утвердительный, несмотря на то, что его положение было затруднительно, и трапезундский паша с шестнадцатитысячным войском уже стоял на границе Имеретии. К счастью, дело не дошло до кровавой развязки; распри, возникшие под Карсом между эрзерумским сераскиром и персиянами, расстроили весь план предстоявшей кампании и побудили трапезундский отряд поспешно отступить к Батуму.

Едва Имеретия стала оправляться и залечивать свои тяжкие раны, как Симанович был вызван в Кахетию для усмирения возникшего там мятежа, а вслед за тем, двадцать второго марта 1813 года, назначен военным губернатором Грузии[1], облеченный большими полномочиями. Но еще он не успел вступить в управление краем, как обстоятельства вновь вызвали его на боевое поприще; и на этот раз дело, совершенное им, беспримерно в кавказской войне.

Царевич Александр и его приверженцы, после поражения их, в Кахетии, укрылись в Хевсурию, оставаясь в близком и опасном для русской власти соседстве с Грузией и в то же время почти в безопасности для себя, за громадным подоблачным хребтом, отделяющим Хевсурию и непроходимым весной даже для испытанных кавказских солдат.

В Грузии существовало даже убеждение, что

---

[1]Официальное название этой должности было: "Грузинский гражданский губернатор на правах военного".

послать в Хевсурию войско - значит то же, что похоронить его заживо среди хевсурских скал, стремнин и бездонных пропастей. Природа Хевсурии сурова, как и нравы ее обитателей. Охваченная вечной зимой, она гармонирует вполне с сумрачным видом людей, суровые лица которых, кажется, не допускают мысли об улыбке и веселье. Хевсуры - народ, для которого как бы не существовали никакие исторические события и народные движения. Забравшись под самые карнизы вечных снегов Кавказского хребта и оградившись ими, как неприступной гранью, они в течение веков жили, не меняя ничего ни в формах своей политической жизни, ни в домашнем быту, ни даже в костюме и вооружении. Их верования, обычаи, язык - одним словом, все важные и все мелочные стороны их быта, как бы застыли от вечного холода снеговых вершин; они как святыня хранятся и переходят из рода в род неприкосновенными.

Тщательно собрав все сведения, какие только можно было добыть о дорогах, ведущих в эту полумифическую землю, Симанович прежде всего принял меры к тому, чтобы удержать в повиновении соседний с хевсурами сильный пшавский народ. С этой целью он весьма предусмотрительно арестовал весь пшавский скот, в числе сорока тысяч голов, ходивший на плоскости. Последствия показали, насколько эти "аманаты" были благонадежнее всяких других; пшавы, имевшие полную возможность запереть Симановичу выход из Хевсурских гор, теперь ему же служили лазутчиками и проводниками.

В то же самое время, опасаясь диверсии в пользу хевсуров со стороны лезгин и ахалцихских турок, Симанович поручил наблюдение за картлийской границей Терскому казачьему полку, вызванному с Линии, который и поддержал достойным образом старинную славу терского казачьего войска. При первой попытке турок вторгнуться в русские пределы, триста линейцев, под командой войскового старшины Золотарева, встретили их на границе и, несмотря на громадное неравенство сил, разбили так, что никаких попыток с этой стороны уже больше не повторялось.

Между тем войска, назначенные к походу, были готовы и, выждав наступление весны, двадцать третьего мая, одновременно и с четырех разных сторон вступили в Хевсурию. Первая колонна, под

личной командой Симановича, прошла через землю тушинов; вторая, полковника Тихановского, через Пшавию; третья, генерал-майора Сталя, от Пассанаура, через Гудамакарский проход; и четвертая, полковника Казбека, через Таугарское ущелье.

С первого шага в горы для всех отрядов началась одна и та же борьба с ужасами грозной кавказской природы, и трудно сказать, которая из колонн перенесла больше трудов и лишений. Местность была везде одинаково недоступна: громадные нетающие снега еще лежали в горах повсеместно, представляя одну безбрежную снеговую пустыню, без малейшего признака жизни; ослепительная белизна снега невыносимо резала глаза и затемняла зрение, и между тем дорога лепилась по обледенелым тропинкам, проложенным по самому краю стремнин и бездонных пропастей. Утопая в снегу, едва переводя дыхание, спираемое резким воздухом, русские колонны взбирались все выше и выше в заоблачные пространства, таща на себе тяжелые орудия. "Кто сам не совершал подобных переходов, - говорит Зиссерман в своих записках, - тому никакое описание не даст достаточно рельефного изображения".

Перевалив наконец через горы, все четыре колонны сошлись у селения Лебайс-Кари и отсюда двинулись к Аргунскому ущелью, которое по справедливости считается одним из самых величественных мест в целой Хевсурии. Здесь быстрая Аргунь начинает свое течение маленьким едва заметным водопадом, с тем чтобы через несколько верст, у селения Шатиля, превратиться уже в бурный поток, который между стеснившими его отвесными скалами с ревом и грохотом низвергается по каменным ступеням вниз целой массой белой пены. В Аргунском ущелье хевсуры и кистины собрались в значительном числе, чтобы остановить вторжение русских. Но Симанович пошел напролом и штурмовал ущелье.

Два дня длилось упорное сражение, но на третий хевсуры бежали, после того как сильно укрепленная деревня их, Гуро, стоявшая в центре позиции, была взята приступом.

Дорога к Шатилю была открыта. Шатиль - главное селение хевсурского народа. Это был аул небольшой, всего дворов пятьдесят, в которых жило не больше двухсот вооруженных людей, но эта горсть, закаленная

в постоянной войне, была фанатически привязана к своему родному гнезду и до сих пор не только отбивалась от всех неприятельских покушений, но сторожила вход и в остальную Хевсурию. В нескольких верстах впереди аула, в самой теснине ущелья, хевсуры заняли последнюю позицию, а третьего июня подошли сюда и русские войска. Вся обстановка, в которой находился отряд, производила необыкновенно воинственное настроение. Дикое, мрачное ущелье, сдавленное нависшими громадами скал; неистовый рев Аргуни, через которую нужно было переправляться под огнем неприятеля; закоптелые сакли и башни деревень, лепившиеся, как орлиные гнезда, Бог весть на какой высоте по уступам гор и сверху донизу унизанные кровавыми трофеями; наконец, самые жители, с головы до ног закованные в железо, в шлемах, с древними щитами - все действовало необыкновенно возбуждающим образом.

Началась битва. Обе стороны боролись с одинаковым мужеством, но все усилия изумленного неприятеля остановить победоносные войска оказались тщетными. Хевсуры были снова разбиты, и Шатиль, гордившийся столько веков своей неприступностью, пал перед русскими колоннами.

Разрушив до двадцати хевсурских деревень, которые все были взяты штурмом, Симанович отрядил полковника Тихановского в землю кистин, куда бежал царевич Александр после поражения хевсуров.

Не успел сделать отряд Тихановского половины перехода, а кругом стала замечаться резкая перемена и в природе и в людях. Суровые и голые горы Хевсурии точно раздвинулись и сменились более приветливым горным ландшафтом. Мягкие контуры окрестных гор и свежая зелень лесов приятно поражали глаз, утомленный диким видом громад негостеприимной Хевсурии, о близости которой еще ясно говорила бешеная Аргунь, по-прежнему с ревом и грохотом несшаяся по ущелью. Повсюду начинались ширь и простор. Сквозь прозрачные волны горного воздуха вдали причудливо рисовались лесистые хребты тогда еще малоизвестной Чечни, кругом расстилались пастбища, и самые поля, возделанные жителями, показывали уже присутствие и труд человека - зрелище, от которого успел отвыкнуть глаз, видевший только снега, да поросшие мхом хевсурские скалы.

И жители среди этой природы были совершенно другие. Кистины, принадлежащие к чеченскому племени, не имеют уже той суровой наружности и оригинальной одежды, которыми отличаются хевсуры, они говорят и одеваются, как чеченцы. По условиям местности они дерутся преимущественно пешком, и шашка встречается в их вооружении чрезвычайно редко, но зато их длинные лезгинские кинжалы, которыми они владеют в совершенстве, наносят страшные удары, и все, к чему прикасается лезвие их, раздваивается пополам.

Испытавшим трудности хевсурского похода кистинская экспедиция была делом относительно легким. Тихановский в короткое время разгромил кистин и заставил царевича бежать в Дагестан, где большая часть лезгин отказалась даже впустить его в свои селения, и лишь одно Осокольское вольное общество согласилось наконец дать ему убежище, ставшее тем не менее могилой его политической роли, так как с тех пор имя его уже более не встречается в русских военных реляциях.

Таким образом цель экспедиции была достигнута, и пятнадцатого июня отряд возвратился в Кахетию. Перенесенные труды войск были поистине неимоверны; и даже те, кто делал знаменитый Альпийский поход с Суворовым и потом был в Хевсурии с Симановичем, откровенно сознавались, что препятствия и труды последнего похода далеко превышали испытанные в Альпах. В первый раз еще развились в недоступных глубинах гор Кавказа победоносные знамена врага, и в первый раз побеждены были народы, которые никогда побеждаемы не были. И эта победа и природы, и непобедимых людей имела огромное значение.

"Как велик был страх, наведенный на всех окрестных горцев победой Симановича, - говорит Зиссерман, - можно судить по тому, что тридцать с лишком лет после этого впечатление еще не изгладилось, и мне приходилось в разговоре со стариками хевсурами и пшавами замечать, с каким ужасом они вспоминали об участи, постигшей тогда их села".

Наградой Симановичу был орден св.Георгия 3-ей степени. Георгиевские же кресты 4-ой степени получили за Хевсурский поход Кабардинского полка

майор князь Иван Орбелиани - известный храбрец, тяжело раненный в этот поход двумя пулями, и капитан Трофим Юдин.

Хевсурский поход был, к несчастью, последним актом боевой деятельности Симановича. Возвратившись в Тифлис, он было энергично принялся за устройство внутренних дел в Грузии, представленный в то же время, за отличие по службе, к чину генерал-лейтенанта. Но он уже не имел утешения дождаться этой последней награды; он умер скоропостижно, второго ноября 1815 года, за грудами бумаг в своем рабочем кабинете. Смерть его произошла мгновенно - от удара, бывшего последствием как многотрудных занятий его, так и тяжкой раны, полученной в голову еще под Эриванью.

Кавказ потерял в Симановиче одного из тех незаменимых людей, деятельность которых принадлежит не им одним, а всему отечеству.

XXI

КОТЛЯРЕВСКИЙ

Тебя я воспою, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой -
Твой путь, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Ты здесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов.

А. Пушкин

О, Котляревский! Вечной славой
Ты озарил кавказский штык!
Помянем путь его кровавый -
Его полков победный клик...

Домонтович

"Светлая жизнь Котляревского, - говорит один из его биографов, - резко распадается на две совершенно отдельные части: в продолжение первой он служит славой и гордостью русского войска; в течение второй - украшением всего человечества. Первая ознаменована геройскими победами, вторая посвящена безропотным тридцатидевятилетним страданиям от множества ран, полученных им на Кавказе".

Сын бедного сельского священника, Петр Степанович Котляревский родился двенадцатого июня 1782 года в селе Ольховатке Харьковской губернии. Совершенно особенный случай забросил его на военное поприще, о котором они никогда не мог и думать.

Однажды - это было зимой 1793 года - сильная

метель заставила проезжего офицера искать убежища в селе Ольховатке. Этот офицер, впоследствии известный кавказский герой Иван Петрович Лазарев, приютился у старого священника и прожил в его доме целую неделю. Заметив способности "маленького Пети", он предложил отцу отдать его в военную службу, и через год молодой Котляревский отправлен был на Кавказ, где и поступил в четвертый батальон Кубанского корпуса, которым командовал тогда Лазарев. Четырнадцати лет от роду Котляревский уже участвовал в персидском походе и при осаде Дербента впервые услышал свист вражеских пуль, с которыми ему суждено было так сродниться впоследствии.

Шесть лет прослужил молодой Котляревский фурьером и сержантом и только в 1799 году произведен наконец в офицеры, с переводом в семнадцатый егерский полк, шефом которого был в то же время назначен Лазарев. С ним вместе в звании его адъютанта Котляревский совершил знаменитый переход через Кавказские горы, когда Лазарев шел занимать Грузию, с тем чтобы уже никогда более не покинуть ее. Этим переходом начинается для Котляревского беспрерывная цепь сражений и событий, в которых он принимал все более и более деятельное участие. И через девять лет его блистательные победы далеко раздвинули пределы царства, а имя его на вечные времена слилось со славными именами Мигри, Ахалкалаков, Асландуза и Ленкорани.

Первое сражение в Грузии, в котором Лазарев разбил огромные силы лезгин на Иоре, доставило Котляревскому разом две награды: чин штабс-капитана и крест св. Иоанна Иерусалимского. Вскоре Лазарев предательски был убит в Тифлисе царицей Марьей, и князь Цицианов предложил Котляревскому поступить адъютантом к нему. Молодой офицер предпочел, однако же, остаться на фронте и получил в командование егерскую роту.

Во главе этой роты он штурмовал Ганжу и на глазах Цицианова был ранен в ногу. Рана эта была так тяжела, что Котляревского чуть было не оставили на поле сражения. К счастью, его заметил и поднял молодой Воронцов. На помощь к нему подскочил рядовой Богатырев, но тут же был убит пулей в сердце, и Воронцов один вынес из боя Котляревского, который до глубокой старости помнил этот случай, послуживший началом его неразрывной сорокавосьмилетней дружбы с будущим кавказским наместником.

Князь Цицианов, как человек большого ума, не посетовал на бедного армейского капитана, отказавшегося от чести быть его адъютантом, он выставил его заслуги государю в самом выгодном свете, и Котляревский опять получил две награды: чин майора и орден св. Анны 3-ей степени с бантом.

Начавшаяся тогда война с персиянами открыла Котляревскому обширное поприще показать свои военные дарования. В 1805 году он был соучастником в геройских подвигах Карягина на берегу Аскорани, у Шах-Булаха и у Мухрата, где получил две раны: пулей в ногу и затем картечью в правую руку. Несмотря на эти раны, Котляревский не оставлял фронта и принимал деятельное участие во всех последующих делах с неприятелем, и скоро выдвинулся из ряда своих сверстников. Награжденный за экспедицию с Карягиным орденом св. Владимира 4-ой степени с бантом, он в 1807 году был произведен в подполковники, в следующещм году - в полковники, а в 1809 году уже назначен начальником самостоятельного отряда, расположенного тогда в Карабаге.

С этого момента начинается для Котляревского новая эпоха его боевой жизни, эпоха командования отдельными отрядами и блестящих побед, слава которых принадлежит уже именно ему.

С открытием военных действий в 1810 году, главнокомандующий в Грузии, генерал Тормасов, желая предупредить вторжение персиян в Карабаг, приказал Котляревскому с одним батальоном семнадцатого егерского полка занять пограничное селение Мигри. Но едва Котляревский выступил, как Тормасов получил известие, что вся персидская армия тянется по направлению к этому пункту. Встревоженный за участь батальона, он приказал воротить Котляревского, но приказание это пришло тогда, когда неприступное Мигри было уже взято Котляревским.

Нужно сказать, что к Мигри пролегали из Грузии две дороги, обе укрепленные засеками и батареями, а самое селение, расположенное у подошвы двух высоких, почти отвесных скалистых кряжей с устроенными на них батареями и с сильным двухтысячным гарнизоном, представляло действительно неодолимую твердыню. Котляревский, желая избежать бесполезной траты людей среди засек и батарей, решил идти не по дорогам, а пробраться со

своим батальоном без пушек по вершинам карабагских гор такими тропами, которые даже местными жителями считались недоступными. Три дня солдаты то спускались в бездонные пропасти, то поднимались на голые, сожженные солнцем утесы и ночью двенадцатого июня вышли в долину в пяти верстах от Мигри. Так как дольше скрывать прибытие отряда было невозможно, то Котляревский, разделив его на три части, энергично повел атаку и, после короткого боя, взял передовые высоты. В это время он получил известие, что два персидские отряда от Эривани и от Аракса усиленными маршами спешат на помощь осажденным. Медлить, следовательно, было невозможно, и, дав небольшой отдых отряду, Котляревский ночью продолжал сражение. К девяти часам утра он уже занял селение и, не давая персиянам опомниться, стремительно пошел на батареи, грозно венчавшие собой горный кряж, примыкавший к Мигри. От этого приступа зависела победа или гибель отряда. Сознавая это, солдаты напрягли последние силы, и скоро майор Дьяченко и сам Котляревский овладели пятью батареями. Тогда, ободренные успехом, егеря штыками погнали неприятеля из одного укрепления в другое, и остановились только перед последней, уже решительно недоступной батареей Сабет.

Голый утес из дикого гранита, на котором устроена была батарея, гордо поднимался к небу, как бы смеясь над горстью людей, думавших взобраться на его вершину. Котляревский, сам осмотрев утес и убедившись, что штурм этого гиганта будет не под силу его отряду, приказал отвести у осажденных воду, и через сутки неприятель сам покинул грозный утес и рассыпался в разные стороны. Неприступная Мигри была занята с потерей тридцати пяти человек, но в этом числе был и сам Котляревский, снова раненный в ногу.

Тормасов между тем с нетерпением и боязнью ожидал известий об участи отряда. Когда получено было донесение, что Мигри взято, он сначала не хотел ему верить. Это превосходило всякое вероятие и самые смелые ожидания.

Выразив душевную благодарность храброму отряду, он тем не менее не решался оставить его с глазу на глаз со всей персидской армией и приказал Котляревскому вырыть укрепления и отступить в Шушу. Котляревский ответил на это, что "занял Мигри не с тем, чтобы отдавать его персиянам", и что, "опираясь на дух своих солдат, он надеется отразить

неприятеля даже в том случае, если перед крепостью появится вся его армия". Он выставлял в своем рапорте всю важность занятия Мигри, писал, что во второй раз, быть может, и не удастся уже овладеть ею с такой ничтожной потерей. Генерал Небольсин, стоявший в Карабаге, послал к нему на подкрепление две роты того же полка, но Тормасов категорически приказал "отступить". Приказание это, однако же, опять опоздало: Котляревский его получил в то время, когда персидская армия была уже им уничтожена.

Персияне с ужасом узнали, что Мигри находится в руках Котляревского, и тотчас отправили к ней отдельный десятитысячный корпус, под начальством Ахмет-хана, при котором в качестве советников состояло несколько известных по своей военной репутации английских офицеров. Котляревский очутился в блокаде. Но, сберегая людей, он приказал солдатам спрятаться в садах, запретил перестрелки и требовал, чтобы никто отнюдь не показывался на глаза персиянам. Кому нужно было выйти, выходил ползком, так, чтобы его не было видно. Сам Котляревский со всеми офицерами каждый день обедал и ужинал на подмостках, сделанных в ветвях огромного дерева, которое стоит и поныне близ древнего монастыря, находившегося в Мигри. Персидские пули не раз свистали над их головами, но, к счастью, никому не причинили вреда. Отсутствие у осажденных малейших признаков жизни изумляло персиян. Англичане советовали не ходить на штурм, порешили перекопать ручей и отвести у осажденных воду. Но Котляревский это предвидел и потому заранее укрепил источник двумя батареями. Куда ни обращались персияне - они повсюду встречали готовый отпор, и грозное Мигри стояло перед ними недоступной и страшной твердыней. Видя, что все усилия его останутся тщетными и что блокада может повести только к бесполезной потере времени, неприятель отошел и стал на Араксе.

Этого только и ждал Котляревский.

- Ну, ребята, - сказал он, обращаясь к солдатам, - вылезайте из нор! Ночью - поход. Идем с одними штыками, без ранцев и без патронов. Покажем трусам, как надо бить неприятелей.

Солдаты ответили дружным "Рады стараться!", и сами торопили выступлением, опасаясь, чтобы персияне не ушли. О малочисленности отряда никто ни-

мало не заботился, все рассчитывали только на быстроту, внезапность и стремительный натиск. "Идущему вперед одна пуля в грудь или в лоб, а бегущему назад десять в спину", - не раз говорил Котляревский своим подчиненным, и подчиненные твердо помнили эти заповедные слова их начальника-героя.

Наступила темная ночь. Пятьсот человек, с Котляревским впереди, тихо и осторожно подкрадывались к персидскому лагерю. Они обошли его с разных сторон и вдруг, по условному сигналу, без выстрелов и крика бросились в рукопашную схватку; ужас овладел персиянами. В темноте, кидаясь в разные стороны, они везде натыкались на русские штыки и, спасаясь от них, гибли в Араксе. Русский отряд был так мал, что Котляревский отдал приказание: "Пленных не брать", - и река скоро была запружена вражескими трупами. "Едва доставало рук, - говорит очевидец, - чтобы исполнить суровое, но необходимое приказание героя". Весь неприятельский корпус был уничтожен буквально, а Котляревский в этом неслыханном, невероятно геройском деле потерял всего тринадцать человек нижних чинов убитыми и ранеными.

Тогда и Тормасов согласился наконец оставить Мигри в своих руках и приказал укрепить ее, как можно сильнее. "Мигри так укреплена природой и персиянами, - отвечал на это Котляревский, - что неприступна ни для какого неприятеля, и укрепить ее сильнее уже невозможно".

Заслуги Котляревского обратили на себя особенное внимание государя. Четырнадцатого июня он был назначен шефом Грузинского гренадерского полка, вслед за тем получил за взятие Мигри орден св. Георгия 4-ой степени, а за поражение персиян на Араксе - золотую шпагу с надписью "За храбрость".

Котляревский и сам знал цену своему славному подвигу в Мигри; награду за него, Георгиевский крест, он ценил всегда выше всех наград, полученных впоследствии, и постоянно носил его в петлице серого своего сюртука, даже по окончании службы.

Между тем здоровье мигринского героя, расстроенное трудами и ранами, заставило его просить увольнения "на отдых". Тормасов написал, что "принимает истинное участие в его болезненном состоянии и, с полным уважением к его отличному служению, разрешает сдать команду майору Дьяченко и приехать в Тифлис".

В Тифлисе Котляревский принял от генерала Симановича Грузинский гренадерский полк, а в следующем году ознаменовал себя новым, еще более блистательным подвигом.

Маркиз Паулуччи, сменивший Тормасова, решился начать военные действия взятием турецкой крепости Ахалкалаки. Но он знал по опыту, насколько сильна эта крепость, помнил, что граф Гудович, за несколько лет перед тем, не только вынужден был отступить от ее стен без успеха, с целой армией, но потерял при том две тысячи нижних чинов и несколько орудий. Взвешивая причины подобной неудачи, маркиз Паулуччи остановился на том, что для взятия Ахалкалаков, также и для взятия Мигри, важна не столько материальная сила, сколько дух доблести, воодушевляющий Котляревского; на нем и остановил свой выбор Паулуччи. Котляревский с радостью принял на себя опасное поручение и начальство над отрядом из двух батальонов грузинских гренадер, назначенных для выполнения его. Подобно тому, как он сделал это в Карабаге, он решил пройти в Ахалкалаки напрямик через Триолетские горы, оставив в стороне большую дорогу через Боржомское ущелье; но здесь встретила его борьба с природой несравненно труднейшая уже потому, что экспедиция была зимой, в декабре, когда на горных хребтах мороз и стужа бывают подчас невыносимы. Четыре дня отряд переносил ужасные лишения - то утопал в снегу, засыпаемый метелями, то выбирался на скользкие обледенелые утесы, застывая от стужи. Солдаты с неимоверным мужеством и бодростью переносили труды и мало-помалу продвигались вперед, поддерживаемые любовью и безграничным доверием к своему начальнику. Наконец, седьмого декабря, на горизонте показались башни Ахалкалакской крепости. Отряд свернул в глубокое ущелье и получил приказание остановиться, чтобы отдохнуть, приготовиться к бою и особенно не дать себя заметить неприятелю, что могло бы поставить отряд в положение весьма опасное.

"Провидение спасло наш отряд тем, - пишет Котляревский, - что он не был открыт в границах пашалыка". И действительно, только одна нечаянность нападения и могла доставить победу под стенами сильной Ахалкалакской крепости. Как только наступила ночь, Котляревский вывел отряд из ущелья и

быстро в тишине подвел его к крепости. Там все покоилось глубоким сном; никому и в голову не могло прийти, что русское войско перешло через снеговые горы в такое суровое время, когда, по местной пословице, "там не летает и птица". Таким образом, гарнизон был захвачен совершенно врасплох, и в крепости ударили тревогу уже тогда, когда русские, приставив лестницы, взбирались на стены. Капитан Шультен, родственник Котляревского, только что переведенный перед тем в Кавказский гренадерский полк из Серпуховского драгунского, первый вошел на вал, и вскоре три батареи уже были в руках русских. Турки защищались упорно, отчаянно, но это только усугубляло кровопролитие боя. Солнце не показалось еще из-за гор, как вся крепость находилась в руках русских, и неприятель бежал, оставив победителям шестнадцать орудий и два знамени, из которых одно было изодрано в клочки при сопротивлении знаменщика, а другое отослано в Тифлис. Русским взятие Ахалкалаков стоило тридцати человек убитыми и ранеными.

Желая ознаменовать победу делом, близким его доброму сердцу, Котляревский прежде всего ходатайствовал перед главнокомандующим о прощении одного храброго унтер-офицера, приговоренного судом к тяжкому наказанию за нарушение воинской дисциплины. Подобными поступками Котляревский умел навсегда привязывать к себе сердца солдат, ценивших в нем и строгость его правил, и милосердие там, где оно было уместно.

Котляревский не любил останавливаться на одном каком-нибудь подвиге, и к двадцатому декабря он покорил уже всю Ахалкалакскую область. Только тогда возвратился он в Тифлис, где ожидали его две лестные награды: генеральский чин на двадцать девятом году от рождения - ему, и георгиевские знамена - храбрым его батальонам.

Между тем, с отъездом Котляревского из Мигри, дела в Карабаге скоро пришли в такое расстройство, что Паулуччи нашел необходимым вызвать его из Тифлиса и снова поручить в его управление Карабагское ханство. Аббас-Мирза, уже кичившийся своими победами, узнав о прибытии в Карабаг Котляревского, спешил отступить за Аракс. Котляревский очистил ханство от мелких разбойничавших шаек и, не довольствуясь этим, задумал сам вторгнуться в Персию, чтобы поразить неприятеля на собственной его земле. Эта отважная и хорошо обдуманная экспедиция не

удалась только потому, что персияне уничтожили мосты на разлившемся тогда Араксе, и приходилось ограничиться действиями только по эту сторону реки. Тем не менее Паулуччи оценил кампанию с самой отличной стороны, и Котляревский получил за нее орден св. Анны 1-ой степени и тысячу двести рублей ежегодной ренты.

Наступил 1812 год. Персияне готовили решительный удар Карабагу и стягивали значительные силы к Араксу. Напрасно Котляревский писал рапорт за рапортом о необходимости наступательных действий, чтобы предупредить вторжение неприятеля. Ему отвечали, что персияне ведут переговоры о мире и что до окончания их главнокомандующий, генерал-лейтенант Ртищев, строжайше запретил начальникам отрядов какие бы то ни было неприязненные действия относительно персиян. Котляревский вынужден был подчиниться этому требованию, но он стоял настороже, не доверяя персидской политике и негодуя на вынужденное бездействие.

Между тем, в то самое время, как Аббас-Мирза и Ртищев переписывались между собой о мире, персияне продолжали набеги на русскую сторону своим чередом. Именно в это время на долю капитана Кулябки выпало выдержать упорный бой в селении Хензыряны. С шестьюдесятью егерями пятой роты семнадцатого полка и одним орудием, он был окружен четырехтысячным персидским отрядом, под начальством бежавшего из Карабага Гуссейн-Кули-хана, и дело кончилось тем, что персияне были разбиты наголову и бежали за Аракс, а хан их очутился в плену. Главнокомандующий сам назначил Кулябке орден св. Владимира 4-ой степени, а нижним чинам отряда по одному рублю серебром.

Не довольствуясь этими набегами, персияне задумали тайно отправить значительную часть своей армии для покорения владений преданного России талышинского хана. Котляревский немедленно известил об этом главнокомандующего, прибавил в заключение, что если через пять дней он не получит ответа, то, невзирая ни на что, пойдет за Аракс, "ибо, - писал он, - ежели Аббас-Мирза успеет овладеть Талышинским ханством, то это сделает нам такой вред, который невозможно будет поправить".

Ртищев, встревоженный этим рапортом, сам

прибыл из Тифлиса с трехтысячным отрядом и стал на Араксе. Здесь он получил известие, что персияне действительно вошли в Талышинское ханство, взяли Ленкорань, а хан с немногими приверженцами нашел убежище в русском отряде. Котляревский просил генерала Ртищева воспользоваться сбором двух отрядов, чтобы атаковать Аббас-Мирзу посреди его лагеря. Ртищев не соглашался, опасаясь гибельных последствий неудачи, и предпочитал вести переговоры. Эти переговоры шли в Асландузе, и персияне соглашались на перемирие только в том случае, если русские войска будут отведены обратно за Терек. Мало-помалу между начальником и подчиненным возникли неудовольствия. Однажды в горячем споре Ртищев выразился, что трудно быть генералом в таких молодых летах, как Котляревский. Котляревский обиделся и просил уволить его от службы. Ртищев сухо ответил, что право просить об отставке предоставлено каждому дворянину. Тогда герой Ахалкалаков и Мигри тотчас уехал в лагерь, чтобы сдать команду над отрядом. По счастью, дело не дошло до подобной крайности, и Ртищев сам понял, какие последствия могла бы иметь потеря такого человека, как Котляревский.

- Я виноват, простите меня, Петр Степанович, - сказал он ему при первом свидании, - вы лучше меня знаете местные обстоятельства и самую сторону; делайте, что ваше благоразумие велит вам, но дайте мне только слово не переходить Аракс.

Миролюбивое настроение нового главнокомандующего, в связи с грозной борьбой, которую вела Россия в Европе, его нерешительность и самая мягкость обращения с подвластными ханами возродили в последних слишком большие и пылкие надежды. Особенно Мехти-Кули-хан карабагский скоро забылся до того, что не только начал высказывать явное пренебрежение к русским, но даже не почтил самого главнокомандующего прощальным визитом, когда тот выезжал из Карабага обратно в Тифлис. Подобной обиды Котляревский не вытерпел. Очевидец рассказывает, как молодой генерал, в сопровождении только одного казака, во весь опор проскакал через город прямо на ханский двор, где Мехти-Кули-хан с восточной важностью сидел на тахте и курил кальян в окружении с головы до ног вооруженной челяди. Круто осадив лошадь перед самым ханом, Котляревский взмахнул нагайкой

над его головой и крикнул по-татарски: "Я тебя повешу!"

В уверенности и храбрости есть что-то поражающее, не дающее противнику опомниться; вместо сопротивления, могущественный хан сконфузился, стал извиняться и тотчас же, навьючив большой караван, пустился в дорогу - догонять главнокомандующего.

С полной достоверностью можно сказать, что этот решительный поступок Котляревского, хорошо знавшего азиатские нравы, остановил в Карабаге уже готовое возмущение. Проводив начальника и арестовав множество карабагских беков, Котляревский остался один лицом к лицу с Аббас-Мирзой. Он не хотел нарушить данного Ртищеву обещания, но получая ежедневно известия, что персияне переходят Аракс для мелкого хищничества, отправил к наследнику персидского престола письмо следующего содержания.

"Вы происходите от знаменитой фамилии персидских шахов, имеете между родными стольких царей и даже считаете себя сродни небесным духам; возможно ли, чтобы при такой знаменитости происхождения, зная всю малочисленность моего отряда, вы решились тайно воровать у него лошадей? После этого вам не прилично называться потомком столь знаменитого рода".

Аббас-Мирза не ответил на письмо, но войска его стали готовиться к походу. Котляревский понял, что они идут не в Карабаг, а в Шекинское ханство, откуда им было удобнее вторгнуться в Грузию, соединиться с лезгинами царевича Александра и, пользуясь восстанием в Кахетии, поднять против России все горские и татарские народы. И если бы это случилось, то полное уничтожение русского господства за Кавказом было бы вполне вероятно. Предотвратить опасность еще было возможно, но для этого нужны были уже не мелкие стычки, а один решительный удар в самое сердце персидского войска. Обсудив все положение дел, Котляревский решился исполнить со своими малыми силами то, на что генерал Ртищев не отважился при соединении двух русских отрядов.

- Братцы! - сказал он своим солдатам. - Нам должно идти в Аракс и разбить персиян. Их на одного десять, но храбрый из вас стоит десяти; а чем более врагов, тем славнее победа. Идем, братцы, и разобьем!

В то же время он отдал приказ, в котором говорил,

между прочим, что, "в случае его смерти, команду над отрядом должен принять старший штаб-офицер, и если бы случилось, что первая атака была неудачна, то непременно атаковать в другой раз и разбить, а без того не возвращаться и отнюдь не отступать".

Девятнадцатого октября отряд, в составе двух тысяч человек, при шести орудиях, на самой заре переправился через Аракс и, свернувшись в каре, двинулся вперед, предшествуемый татарской конницей. В таком порядке отряд сделал довольно значительный обход и устремился прямо в тыл неприятелю, со стороны Персии. Рассказывают, что когда вдали, среди белого дня, показалась кавалерия Котляревского, Аббас-Мирза сказал сидевшему подле него английскому офицеру: "Вот, какой-то хан едет к нам в гости". Англичанин, посмотрев в зрительную трубу, передал ее Аббас-Мирзе и возразил хладнокровно: "Нет, это не хан, а Котляревский." Аббас-Мирза смутился, но, желая скрыть это чувство, заметил с досадой, что "поросята сами лезут на нож". Вскоре он испытал, однако же, что на него нападают львы.

Внезапное появление русского отряда распространило в персидском лагере всеобщую панику. Когда же грянуло громовое "Ура!" и началась стремительная атака в штыки, персияне обратились в полнейшее бегство. Тридцать шесть фальконетов и весь персидский лагерь с большими сокровищами достались в руки победителям, но Котляревский уже помышлял о совершенном истреблении персидской армии.

Разбитый на Араксе, Аббас-Мирза в тот же день собрал свои силы в Асландузе, где находилось укрепление, построенное на высокой горе, при впадении в Аракс реки Дара-Урты. Это место Котляревский и выбрал для своего решительного, последнего удара. Один из беглых солдат, добровольно явившийся в лагерь и представивший полковое персидское знамя, вызвался быть проводником и повел отряд с той стороны, где у персиян не было пушек.

"На пушки, братец, непременно на пушки!" - воскликнул пылкий Котляревский, опасаясь упустить из рук персидскую артиллерию. По дороге одно орудие увязло в яме, и Котляревский, не имея времени возиться с ним, приказал его бросить, сказав; "Его подберут после, если кто-нибудь вернется".

В глухую темную ночь персияне, еще не

отдохнувшие от ужасов дневного побоища, вдруг снова увидели перед собой грозные лица русских гренадер. Грянуло то же победное "Ура!", и началось страшное кровопролитие. Это была для персиян ночь кары, когда и самые храбрые из них ужаснулись. Получив приказание не щадить никого, кроме самого Аббас-Мирзы, солдаты, страшно ожесточенные, кололи всех. Остатки персидской армии кинулись наконец в Асландузский замок, обнесенный палисадами и окруженный двумя глубокими рвами, но Котляревский быстро взял его штурмом, и сам Аббас-Мирза едва успел бежать в Тавриз, в сопровождении лишь двадцати человек из своего конвоя.

Все асландузское поле было буквально завалено персидскими трупами. По первым собранным сведениям Котляревский донес, что потеря персиян при Асландузе простирается до тысячи двухсот человек убитыми. Впоследствии он убедился сам, что число убитых врагов было в девять раз больше, но приказал не менять донесения. "Напрасно писать - все равно не поверят", - сказал он адъютанту, который настаивал на необходимости новой реляции.

Асландузская победа отдала в руки русских одиннадцать пушек английского литья, с надписью: "От короля над королями - шаху над шахами", и пять знамен. Знамена эти находятся ныне в Казанском соборе, и их можно отличить от множества других, там же находящихся, тем, что на древках вместо орла они имеют распростертую руку. Пленных взято пятьсот тридцать семь человек, обязанных жизнью только самому Котляревскому; в числе их находился и командир гвардейского полка Арслан-хан, известный на Востоке своим мужеством и храбростью.

Из отряда Котляревского выбыло три офицера и сто двадцать четыре нижних чина убитыми и ранеными. В числе тяжелораненых находился и потерявший ногу храбрый майор Грузинского полка Осип Иванович Шультен, который за год перед тем, как сказано выше, первым взошел на ахалкалакские стены.

История персиян, которая представляет обыкновенно хвастливо-фантастичный рассказ о небывалых победах, на этот раз признает полное поражение персидских войск. Вот как персидский историк рассказывает о двойной асландузской победе.

"Сам принц бросился к батареям, чтобы своим

присутствием возбудить в них стойкость. Подобрав за пояс полы своего кафтана, принц собственноручно сделал несколько выстрелов из пушки и силой их губительного действия помрачил весь свет".

Тем не менее иранские воины, по сознанию историка, "почли за лучшее отступить для отдохновения на другую позицию", где ночью "свирепо-грозный" Котляревский сделал на них вторичное нападение.

"В эту мрачную и кровавую ночь, которая поистине была примером для Страшного Суда, замечательный и удивительный случай превратности судьбы проявил себя в армии Ирана. В самый разгар боя, когда принц, стараясь сделать сердца как простых воинов, так и офицеров пылкими к отражению неприятеля, лошадь его внезапно споткнулась в глубокую яму, отчего его высочество изволил свое благородство перенести с седла на землю.

Подумали, что принц, "подобный Александру Македонскому", погиб. Следствием чего, разумеется, было общее бегство, а между тем принц был невредим и только оставался в глубокой яме. Вдруг он заметил всадника, проезжавшего мимо и державшего на поводу оседланную лошадь. Приняв его за неприятельского кавалериста, принц смело обнажил свою саблю и задал ему вопрос, кто он такой. По непонятному стечению обстоятельств оказалось, что этот всадник был не кто иной, как собственный же стременной служитель его высочества, следовавший с запасной лошадью его особы. Услышав голос своего повелителя, всадник тот немедленно спешился и, посадив принца на коня, благополучно вывел его высочество на вершину высокой горы. Такое замечательное событие породило в войсках ретировавшейся армии неизъяснимую радость; спасшиеся от гибели сарбазы спешили сообщить друг другу увеселявшее сердце известие о счастливом избавлении принца. Его величество шах благоволил обнаружить принцу так много ласк и так много внимания, что в сердце иранца положительно не осталось и тени печали, порожденной впечатлением обстоятельств изложенного события".

Невозможно описать той гордой радости, с которой победоносный русский отряд приветствовал своего любимого вождя после кровавой победы. И он справедливо мог гордиться и ею, и своим вождем, умевшим вызвать в нем такие могущественные чувства

чести и долга перед отчизной, которые вели к победам, подобным асландузской. Сам отряд был достоин такого предводителя, как Котляревский: он не знал отступления, и каждый солдат исполнял свой долг, пока имел силы. Котляревский и словом, и примером воспитывал в солдатах те чувства, которыми преисполнен был сам. Раненый, он не оставлял поля сражения; того же требовал и от подчиненных. Преступивших это правило он не наказывал, но он делал им больнее, стыдил их. В приказе об асландузской победе ярко отразилась эта черта вождя и его войск.

Торжество славной победы не заставило Котляревского забыть о маловажном, в сущности, обстоятельстве, несколько огорчившим его, и он выставил на всеобщий позор повсюду допускаемое уклонение от идеальных предписаний долга, но которого не хотели терпеть в тогдашних кавказских войсках. "Насколько мне приятно отдавать справедливость и благодарить достойных, - между прочим писал Котляревский в этом приказе, - настолько же прискорбно сказать, что в числе отряда оказались и такие, которых проступки совсем противны чести русского офицера; но как справедливость начальника должна быть ко всем равна, то я не могу умолчать и об этом; Севастопольского пехотного полка майор Письменский посрамил свое звание: девятнадцатого числа он был только контужен, а сказался больным".

Главнокомандующий узнал о переходе Котляревского через Аракс только тогда, когда получил донесение его, начинавшееся известными словами: "Бог, "Ура!" и штыки даровали победу Всемилостивейшему Государю!.." Ртищев читал этот рапорт со слезами на глазах и, сознавая вполне всю важность совершившихся событий, просил государя о награждении Котляревского: за поражение персиян на Араксе - чином генерал-лейтенанта, а за Асландуз - орденом св. Георгия 3-ей степени. Государь исполнил желание Ртищева, но в то же время послал и самому главнокомандующему орденские знаки св. Александра Невского. Ртищев их принял с глубокой признательностью и говорил всегда, что этой монаршьей милостью он был обязан Котляревскому.

Как ни велико было значение асландузской победы, однако же расчеты с Персией еще не могли считаться поконченными, пока войска ее оставались в Талышинском ханстве, и в декабре с тем же самым

отрядом Котляревский уже шел к Ленкорани. Он чувствовал, однако же, по его собственным словам, что в жизни его наступает решительная и роковая минута; необъяснимые предчувствия смущали его душу, и он более обыкновенного был задумчив и мрачен.

С большим трудом отряд миновал снежную Муганскую степь и двадцать шестого декабря подошел к Ленкорани. Ленкоранская крепость, от которой ныне не осталось даже следов, в те времена, по свидетельству очевидцев, производила поражающее впечатление своими высокими каменными стенами, увенчанными целым рядом зубцов, из-за которых повсюду смотрели грозные жерла орудий.

Котляревский, желая избежать напрасного кровопролития, отправил коменданту письмо, прося сдать Ленкорань без боя. "В противном случае, - писал он, - я не отступлю от крепости, покорю ее, и горе побежденным!" Комендант ответил отказом.

"Тогда, - говорит Котляревский, - мне остался выбор только между победой и смертью, ибо отступить от крепости значило бы посрамить честь русского оружия и имени".

Готовясь к битве на жизнь и смерть, Котляревский отдал по отряду приказ, который навеки останется примером энергичной решимости и силы, поражающим воображение и вызывающим гордость в сердце каждого истинного русского воина своими вечно неумирающими словами: "Отступления не будет".

Приводим дословно как его, так и диспозицию, положившую основание для первых действий геройского штурма.

Приказ по отряду 30 декабря 1812 года

Истощив все средства принудить неприятеля к сдаче крепости, найдя его к тому непреклонным, не остается более никакого способа покорить сию российскому оружию, как только силою штурма.

Решаясь приступить к сему последнему средству, даю знать о том войскам и считаю нужным предварить всех офицеров и солдат, что *отступления не будет.* Нам должно или взять крепость, или всем умереть, за тем мы сюда присланы.

Я предлагал два раза неприятелю сдачу крепости, но он упорствует. Так докажем же ему, храбрые солдаты, что русскому штыку ничто противиться не

может. Не такие крепости брали русские и не у таких неприятелей, как персияне; сии против тех ничего не значат. Предписывается всем: *первое* - послушание; *второе* - помнить, что чем скорее идем на штурм и чем шибче лезем на лестницы, тем меньше урону; опытные солдаты это знают, а неопытные поверят; *третье* - не бросаться на добычу под опасением смертной казни, пока совершенно не кончится штурм, ибо прежде конца дела на добыче солдат напрасно убивают. Диспозиция штурма дана будет особо, а теперь остается мне только сказать, что я уверен в храбрости опытных офицеров и солдат Грузинского гренадерского, семнадцатого егерского и Троицкого полков, а малоопытные каспийские батальоны, надеюсь, постараются показать себя в сем деле и заслужить лучшую репутацию, чем доселе между неприятелями и чужими народами имеют. Впрочем, ежели, сверх всякого ожидания, кто струсит, тот будет наказан, как изменник, и здесь, вне границы, труса расстреляют или повесят, несмотря на чин.

Диспозиция штурма крепости Ленкорани

Составляются три колонны: первая - из шести рот Грузинского гренадерского полка, под командой полковника Ушакова; вторая - из трехсот пятидесяти человек Троицкого полка; третья - из трехсот тринадцати человек семнадцатого егерского полка и тридцати семи человек гренадер, под командой майора Терешкевича. В пять часов по полуночи колонны выступают с назначенных им пунктов, имея впереди стрелков, и следуют к крепости с крайней тишиной и скоростью; если неприятель не откроет огня, то стрелки отнюдь не стреляют, когда же от неприятеля будет сильный огонь, то стрелки тотчас бьют по неприятелю, а колонны наипоспешнее ставят лестницы и взбегают на батарею и на стены: первая колонна штурмует батарею и стену к Гямушевану, ставя одну лестницу на батарею, а прочие тотчас от оной вправо; третья колонна, Терешкевича, берет батарею, лежащую против моря к речке, и штурмует стену от оной вправо. Каждая колонна, как скоро возьмет назначенную ей батарею, тотчас поворачивает неприятельские орудия и стреляет картечью в середину крепости, между тем очищают стены от себя вправо и влево, а первая колонна отбивает поспешнее ворота, дабы

впустить резерв; одна рота Грузинского гренадерского полка разделяется на две части для фальшивых атак: первая делает оную против батареи, к речке лежащей, и ежели возможность будет, то берет сию батарею, другая против батареи неприятельской, назначенной штурмовать; первой колонне тревожить неприятеля с левой стороны. Команды сии выступают вместе с колоннами и не тревожат неприятеля, пока не откроется сильный огонь по колоннам, тогда они поспешнее бегут к назначенным местам, кричат "Ура!" и бьют тревогу.

Барабанщики в колоннах отнюдь не бьют тревогу, пока не будут люди на стенах, и люди в колоннах не стреляют и не кричат "Ура!, пока не влезут на стену. Когда все батареи и стены будут заняты нами, то в середину крепости без приказания не ходить, но бить неприятеля только картечью из пушек и ружей. Не слушать отбоя - его не будет, пока неприятель совершенно истребится или сдастся, и если, прежде чем все батареи и все стены будут заняты, ударят отбой, то считать оный за обман, такой же, как неприятель сделал в Аслацдузе; сверх того, знать, что наши отбои будут бить три раза, который повторять всем барабанщикам, и тогда уже прекращается дело.

Резервом на прежних батареях состоять из остающихся от штурма людей; так как уже сказано в приказе, что отступления не будет, то остается теперь сказать, что если, сверх чаяния, которой-либо колонны люди замкнутся идти на лестницы, то всех будут бить картечью.

Генерал-майор Котляревский.

Штурм начался в ночь с тридцатого на тридцать первое декабря 1812 года. В пятом часу утра войска молча вышли из лагеря, но, еще далеко не дойдя до назначенных пунктов, были уже встречены артиллерийским огнем неприятеля. Не отвечая на выстрелы, солдаты спустились в ров и, приставив лестницы, быстро полезли на стены. Закипела ужасная битва. Передние ряды штурмующих не удержались и были сброшены, многие офицеры, и между ними подполковник Ушаков, убиты, а число персиян на стенах между тем быстро увеличивалось. Тогда Котляревский, видя смятение отряда, сам бросился в ров и, став над телом Ушакова, ободрил людей

несколькими энергичными словами. В это время пуля попала ему в правую ногу. Придерживая рукой колено, он спокойно повернул голову и, указав на лестницы, громко крикнул: "Сюда!" Воодушевленные солдаты снова кинулись на приступ. В это мгновение две пули поразили вождя в голову, и он упал полумертвым.

"Но в ту минуту, как силы меня оставляли, - говорил впоследствии сам Котляревский, - я, как бы в сладком сне, слышал высоко над своей головой победное "Ура!", вопли персиян и их мольбы о пощаде".

Штурм был необыкновенно кровопролитен; персидский историк так описывает его:

"При штурме Ленкорани бой был так горяч, что мышцы рук от взмахов и опусканий меча, а пальцы от беспрерывного взвода и спуска курка в продолжение шести часов сряду были лишены всякой возможности насладиться отдохновением".

Наконец крепость была взята после трехчасового страшного боя, в котором особенно энергично и удачно действовали первая и третья колонны, под начальством храбрых майоров: Грузинского полка - князя Абхазова, и семнадцатого егерского полка - Терешкевича. К сожалению, последний получил смертельную рану и умер через десять дней, не дождавшись креста св. Георгия, к которому был представлен. Абхазов, заступивший в командование первой колонной вместо убитого подполковника Ушакова, получил за штурм орден св. Георгия 4-ой степени; заступивший же вместо Терешкевича майор Дьячков, как имевший уже Георгиевский крест за асландузскую победу, назначен в чине майора командиром семнадцатого егерского полка.

Комендант Ленкорани Садых-хан и с ним десять других ханов честной смертью искупили свое упорство и пали вместе с гарнизоном на стенах крепости. С русской стороны потеря простиралась до тысячи человек, что составляло более двух третей всего отряда.

Котляревский был разыскан уже после сражения в груде убитых, и только благодаря искусству и неусыпным стараниям полкового доктора Грузинского полка остался в живых. Признательный Котляревский никогда не забывал этого доктора; он тут же назначил ему пожизненную пенсию и, несмотря на собственную нужду, впоследствии, в течение всех тридцати девяти лет своей жизни, прежде всего отделял и отсылал

17-3000

ему пенсию всякий раз, как получал свое небольшое содержание. Доктор пережил своего благодетеля.

Тяжелые раны не заставили Котляревского сдать командование, и он с одра страдания продолжал распоряжаться отрядом. "Я сам получил три раны, - писал он в своем донесении главнокомандующему. - Благодарю Бога, благословившего меня запечатлеть успех дела моей собственной кровью".

Печально возвращались победоносные остатки отряда в Тифлис. Офицеры и солдаты, поникнув головами, без песен и со слезами на глазах, благоговейно шли за носилками, на которых лежал обезображенный и измученный страданиями любимый вождь их. Лицо его все сведено было на сторону, правого глаза не было, челюсть раздроблена, и из уха торчали разбитые черепные кости. Полумертвого привезли его в Тифлис. Главнокомандующий в полной парадной форме и в Александровской ленте, полученной им за асландузскую победу, немедленно отправился к больному, а скоро он имел удовольствие поздравить Котляревского с орденом св. Георгия 2-ой степени - наградой, необычайной на тридцать первом году жизни.

Ближайшим последствием ленкоранского штурма был Гюлистанский мир.

И современники, и потомки не могли не оценить доблестной личности Котляревского и его изумительных подвигов. Даже величавые и грозные события 1812 года не затмили славных побед, одержанных им на отдаленных азиатских границах. И противоположное, если бы оно было возможно, было бы глубокой неблагодарностью. "Кровь русская, пролитая в Азии, на берегах Аракса и Каспия, не менее драгоценна, чем пролитая в Европе, на берегах Москвы и Сены, а пули галлов и персиян причиняют одинаковые страдания". Так сказал сам Котляревский.

Позднейшие историки с удивлением останавливаются на славных деяниях Котляревского. Один из военных русских писателей справедливо замечает, что, "читая про подвиги войск во время первой персидской войны в Закавказье, можно подумать, что читаешь жизнеописания величайших героев древнего Рима и Греции".

Еще большим энтузиазмом дышит отзыв о штурме Ленкорани знаменитого писателя, безрукого инвалида, Ивана Никитьевича Скобелева. "Этот молодец, -

говорит он про Котляревского, - бывший начальником числом слабого, но, как порыв бури, грозного отряда, затеял овладеть бусурманской крепостью Ленкоранью. У Котляревскогоо стояло в строю всего полторы тысячи человек, но ребята были залихватские! Режь - кровь не капнет! С этим богатырским, разудалым намерением отряд приблизился к крепости. Котляревский лишь взглянул - смекнул. "К штурму, товарищи!" - гаркнул молодец. Солдаты встрепенулись, перекрестились и вихрем понеслись на крепостную стену, но, увидев пятерых против одного, оробели, позамялись... Ахти, плохо! Котляревский, зная дело до подноготной и ведая, что каждый миг раздумья приносит гибель, тотчас решил купить победу собственной жизнью. Решил - и с быстротой стрелы небесной русский генерал явился на крепостной стене первым. Ну, какая же крепость не падет после этого к подножию царского трона...

Ура, Котляревский! Ты обратился в драгоценный мешок, в котором хранятся в щепу избитые, бесценные, геройские твои кости. Но ты жестокими муками своими и теперь продолжаешь еще служить государю с пользой, являя собой достойный подражания пример самопожертвования воина и христианина. Долго, долго бы прожил Котляревский, если бы только солдаты могли выкупить дни его своими годами!.."

Вспомнил про Котляревского, спустя сорок два года после Ленкорани, и новый наместник кавказский, генерал-адъютант Муравьев, когда, приветствуя войска Кавказского корпуса, он указывал им на славные предания прошлого. "Среди вас, - говорил главнокомандующий в своем приказе, - возрос и прославился герой Котляревский. Пусть имя его всегда будет в памяти и сердце вашем как пример всех военных доблестей.

Воин-христианин, строгий к себе, Котляревский был строг и к подчиненным, уклоняющимся от исполнения своего дела. Он любил и оберегал солдата, сам разделял с ним трудности и лишения, неразлучные с военным бытом. Он не пренебрегал строем; в дисциплине он видел залог нравственной силы, а потому и успеха, и войско понимало и любило его. С именем Котляревского передало оно потомству имена Ахалкалаков, Асландуза и Ленкорани, где с малыми силами поражал он сильных врагов.

Благоговея перед правилами Котляревского, среди

вас, воины Кавказа, буду искать ему подобных - и найду их!"

Но ленкоранский победоносный штурм был тот предел, за который не суждено было перейти доблестным подвигам Котляревского. Тяжелые, неизлечимые раны заставили его выйти в отставку и поселиться около Бахмута, в селе Александрове. Для скорбной жизни его молитва становилась лучшей отрадой; он на собственный счет выстроил церковь и перевел в нее из родной Ольховатки престарелого протоиерея, своего отца, который и дожил с сыном до глубокой старости. Для александровского героя началась жизнь тихая, мирная, спокойная, однообразная и молчаливая.

Был момент, когда Котляревскому еще раз представлялся случай воротиться к победному поприщу. При самом начале персидской войны, в 1826 году, император Николай произвел Котляревского в чин генерала от инфантерии и приглашал его принять на себя командование войсками против знакомых ему персиян. "Уверен, - писал ему государь, - что одного имени вашего достаточно будет, чтобы воодушевить войска, вами предводительствуемые, устрашить врага, неоднократно вами пораженного и дерзающего снова нарушить тот мир, к которому открыли вы первый путь вашими подвигами".

Но Котляревский, изнемогавший от страданий, не мог исполнить державной воли, и командовать войсками против персиян был послан генерал от инфантерии Паскевич. Впоследствии, уже за несколько дней до кончины, в кругу своих близких и родных, Котляревский приказал принести высочайший рескрипт, приглашавший его на службу, и шкатулку, от которой ключ всегда хранил у себя. В шкатулке оказалось сорок костей, вынутых после Ленкорани из его головы, которых он до сих пор никому не показывал. "Вот, - сказал он, указывая на кости, - что было причиной, почему я не мог принять назначение государя и служить до гроба престолу и отечеству... Пусть они останутся вам на память о моих страданиях".

Чтобы иметь понятие о жестоко-мучительной жизни, которую вел в течение тридцати девяти лет Котляревский, довольно сказать, что он мог дышать свежим воздухом только летом, в теплую погоду, а зимой не выходил из комнаты. Уединение разделял с ним до самой смерти сослуживец его, раненый при

Асландузе, майор Шультен, который впоследствии женился на его племяннице. Представители прошедшего славного времени, оба изувеченные воина, принимали до конца живое юношеское участие во всем, что касалось родины их славы, Кавказа.

В 1838 году, по совету медиков, Котляревский переселился на южный берег Крыма и, приобретя близ Феодосии мызу "Добрый Приют", провел там остаток своих дней молчаливо и безропотно.

Так наступил 1851 год, когда жизнь его начала видимо погасать. Он сознавал это, но сокрушался лишь о том, что не мог достаточно отблагодарить свою двоюродную племянницу, которая безотлучно находилась при нем в течение нескольких лет. Тогда мелькнула у него мысль жениться на ней и этим путем оставить ей право на получение пенсии вдовы генерал-аншефа. Он написал военному министру и, получив разрешение, назначил венчание на девятнадцатое октября, день асландузской победы, который он считал счастливейшим в своей жизни. Но смерть была уже близка. Десятого октября он еще принимал у себя кавказского наместника князя Михаила Семеновича Воронцова, который, несмотря на бурю, свирепствовавшую на Черном море, заехал в Крым, чтобы повидать своего старинного друга; но с этого дня болезнь стала делать быстрые успехи. Девятнадцатого числа Котляревский был уже так слаб, что не мог ехать в церковь, а совершить обряд на дому воспрещали правила церкви. Он приходил в отчаяние и, ломая руки, твердил одно: "Боже мой, Боже мой! Я сойду во гроб неблагодарным"[1]. Двадцать первого числа, в одиннадцать часов ночи, он с трудом приподнялся на постели и попросил, чтобы его пересадили в кресло. Но едва это исполнили, как Котляревский перестал говорить и тихо скончался.

Тело Котляревского покоится в "Добром Приюте", в саду, за небольшой решеткой. С ним рядом похоронен Шультен, который и после смерти остался неразлучно верен своему начальнику и другу, а недалеко от этих могил, как бы убаюкивая их мирный сон, плещут волны Черного моря.

Но эта тихая могила невольно напоминает другую могилу, переносит вас на берега другого моря, к гроз-

[1]Невеста Котляревского была щедро обеспечена государем.

ным твердыням Ленкорани, где в Котляревском умер воин и вождь. А между двумя этими морями возвышается Кавказ, и на нем, как на громадном, незыблемом памятнике глубоко врезано имя Котляревского.

Мысль почтить память героя достойным его имени монументом на той земле, где он провел свои последние страдальческие годы, давно уже зародилась среди феодосийских граждан и наконец приведена в исполнение знаменитым художником, профессором Айвазовским. Он составил проект памятника и выбрал для него живописное место на высоком холме, откуда открывается чудный вид на город и на море. Памятник представляет и молитвенный дом, и вместе с тем музей феодосийсих древностей. Передний фасад его украшен большой колоннадой, а боковые - продолговатыми окнами, расположенными почти под самым карнизом, так что вся внутренность здания освещается сверху. Над фронтоном водружен позолоченный крест, а внутри все здание делится на две половины. В передней части, где помещается часовня, к востоку стоит икона апостола Петра, на север - большой прозрачный Георгиевский крест как символ доблестной службы кавказского героя, а к югу - портрет Котляревского, писанный искусной кистью самого Айвазовского. Задняя половина здания обращена в музей, вмещающий в себя феодосийские древности; здесь же находятся несколько превосходных картин Айвазовского, принесенных художником в дар своей родине.

Заложение часовни торжественно совершилось пятого июля 1870 года. Преосвященный епископ херсонский, желая речью воскресить в памяти присутствовавших боевые заслуги и светлые страницы жизни покойного кавказского героя, сказал прекрасные и глубоко знаменитые слова: "Многу славу созда нам Господь его ради".

ЧЕРНОМОРСКОЕ ВОЙСКО

В самом конце восемнадцатого века на Кавказе появляется новый, сильный и оригинальный деятель в начавшей тогда крепнуть и разгораться борьбе России с горскими племенами. Это была старая Запорожская Сечь, силой обстоятельств брошенная далеко от родины на берега бурливой Кубани и ставшая лицом к лицу с детьми суровой природы, где в горах и ущельях

Кликом воли... неслись
И земли и небес голоса...

В то время, когда русско-кавказские пределы еще только перешагнули горы, и там, в Грузии, возникал новый центр войн и мирной деятельности, северные предгорья Кавказа все еще не имели крепких границ, которые могли бы служить оплотом от вторжений. Стародавний ряд казацких поселений шел по Тереку, достигая верховьев Кумы; Гудович переселил на Кубань донцов, основавших там ряд станиц до устьев Лабы. А за Усть-Лабинской станицей, вниз по течению Кубани, вплоть до самого моря, оставались

привольные, но пустынные степи, расстилавшиеся к северу до самого Дона и оставшиеся, после выселения из этих мест Суворовым ногайских татар, почти совершенно без населения.

Но стоит только взглянуть на карту этого края, чтобы оценить всю необходимость для России укрепления за собой всего течения Кубани. К югу от низовьев этой реки простирались земли черкесов-адыге, расположившиеся на понижавшихся и сравнительно узкой полосой идущих горах Кавказа, за которыми в близком расстоянии шумело Черное море, с грозными на побережье его турецкими крепостями - Анапой, Суджук-Кале и другими. Самые устья Кубани и Таманский полуостров, только узким Керчь-Еникольским проливом отделяющийся от Крыма, лежали между Анапой и русскими землями и были так необходимы для безопасности последних, что заселение всего этого края представлялось бы при самых неблагоприятных обстоятельствах вопросом лишь времени. И уже в 1794 году, одно десятилетие спустя после выселения ногайцев и только два года после водворения на Кубани донцов, казаки Запорожья под именем Черноморского войска появляются на низовьях Кубани, предводимые Чепегой и Головатым. Но Черноморское войско странным образом подчинено было не начальникам Кавказской линии, а херсонскому генерал-губернатору, и составило, подобно Грузии, особый центр борьбы с горцами до самых времен Ермолова, когда и Линия, и Грузия, и Черноморское войско соединились в единстве действий.

I

ЧЕПЕГА И ГОЛОВАТЫЙ
(Запорожцы на Кубани)

В последние годы своего бурного существования Запорожская Сечь выдвинула двух замечательнейших людей, своим умом и энергией много содействовавших мирному переселению казаков на привольные прикубанские степи; это были атаман Харько Чепега и войсковой судья Антон Головатый.

История Головатого есть история последних дней Запорожья и борьбы его за свои вековые вольности. Запорожье ему обязано бесконечно многим, но он был истым сыном Сечи, без нее он непонятен и немыслим. Чуть ли не с самых первых дней самостоятельной жизни он уже является типичным представителем знаменитого запорожского "лицарства" и даже попадает в Сечь традиционным побегом в нее.

Племянник кошевого судьи, Головатый учился в киевской академии, где воспитывались дети знатных малороссов, но сидя над изучением Овидия и Цицерона, он, как и все, мечтал о воле и Сечи с ее войнами и бесконечным разгулом. И вот однажды, гуляя по Киеву с несколькими товарищами, Головатый увидел несшийся вниз по реке чей-то сорванный половодьем долбленый дуб - одно из тех ветхих суден, на которых запорожцы пускались даже в открытое море и добирались до берегов Анатолии. Не долго раздумывая, бурсаки перехватили дуб на рыбацком челне, втащили его в камыш и той же ночью, взяв

по краюхе хлеба и сбросив свои долгополые бурсацкие свиты, пустились с весенними водами искать себе доли и воли в той заповедной и заманчивой Сечи, "откуда разливались воля и казачество на всю Украину".

Сечь всегда и для всех стояла растворенной настежь, и единственным условием для поступления туда была православная вера, да разве еще иногда принимаемого заставляли показать свое удальство, переплыв днепровские пороги против течения.

Головатый с товарищами проделали обычную церемонию приема, так характерно описанную Гоголем.

"Здравствуй! Что, во Христа веруешь? - Верую. - И в Троицу святую веруешь? - Верую. - И в церковь ходишь? - Хожу. - А ну, перекрестись... Ну, хорошо, ступай же, в который сам знаешь, курень".

Головатый поступил в Кощевский курень, а через пять лет мы видим его уже полковым старшиной и правящим должность войскового писаря, то есть, говоря по-нынешнему, должность начальника штаба Запорожского войска.

Для Запорожья наступали тогда трудные времена. Сами запорожцы сознавали, что с покорением Россией Крыма и Новороссии Запорожская Сечь, в течение двух веков охранявшая южные пределы Украины, теряла свое прежнее значение и что, напротив, необузданная гайдамацкая вольница, не признававшая никаких договоров, могла быть только неприятна России своими набегами на Турцию и Польшу, ежеминутно угрожая втянуть ее в новые войны с соседями. И русское правительство, исподволь употреблявшее все меры, чтобы прекратить этот дикий казацкий разгул, но скоро увидевшее всю бесплодность своих усилий обратить казаков к мирному быту, решило наконец навсегда покончить с существованием Запорожья. Заклятые сечевики, разумеется, не могли и помыслить о том, чтобы расстаться со своими вековыми вольностями и преданиями, и чуя приближение чего-то недоброго для себя, сумрачно косились на вышку Новосеченского ретраншемента, где, за насыпью и частоколом, в кошевой крепости, как бы для охраны Сечи, незадолго перед тем поселился русской комендант Норов.

Начался ряд казацких делегаций в Петербург с целью избежать беды и по возможности выгородить

мирным путем свои вековые права. Первые две делегации, в которых участвовал и Головатый, были предприняты с целью добиться уничтожения сербских поселений на земле Запорожского войска. Тогда сербы были в моде, и Головатый успеха не имел: его осыпали ласками, хвалили заслуги и верность храброго Запорожского войска, но тем не менее посланцы Запорожской рады оба раза возвращались в Сечь ни с чем. Однако же и неудачные поездки в Петербург принесли Головатому огромную пользу: он ознакомился со столичными придворными порядками и заручился знакомством со многими вельможами.

В третий раз делегация, состоявшая из есаулов Сидора Белого, Логина Мошенского и войскового писаря Головатого, выехала из Коша в сильную слякоть и стужу в начале октября 1774 года и только в декабре добралась до Москвы, где тогда находился императорский двор. Но и там делегация встретила большие трудности. Напрасно Головатый добивался свидания с Потемкиным, который, в числе многих вельмож того времени, был записан в войско и числился в Кощевском же курене под именем Грицька Нечоса. Потемкин был поглощен другими делами, а без него депутаты ничего не могли добиться.

Выручило запорожцев остроумное слово одного из них. Однажды Потемкин случайно заехал к казакам в Новоспасский монастырь и не застал никого из них дома.

- Ну, кланяйся куренному батьке, - сказал Потемкин запорожскому сторожу, - да передай, что приезжал Грицько Нечоса благодарить за подарки, а особенно за коней, как за цугового, так и за верхового.

- Довезут, может, до Сената наши бумаги, - ответил запорожец.

Потемкин расхохотался. В тот же день этот ответ стал известен даже самой императрице, и Екатерина приказала немедленно заняться делом запорожцев.

Готовясь нести во дворец челобитную, войсковые делегаты оделись в белые суконные кунтуши с откидными рукавами, нацепили на себя отбитые у турок сабли и ятаганы, а из-под серых смушковых шапок выпустили свои длинные чубы - оселедцы. Все во дворе любовались их смуглыми хмурыми лицами, важностью сановитых движений и находчивыми

ответами. Они торжественно вручили генерал-прокурору свою челобитную, смело прошли по анфиладе раззолоченных зал и, возвратясь в монастырь, стали терпеливо ждать решения.

Головатый между тем успел добиться свидания с Потемкиным, который принял у себя делегатов запросто, как своих побратимов. Но то, что они от него услышали, было далеко не утешительно. Когда Головатый высказал претензию казаков насчет земель, отданных под Новую Сербию, Потемкин только покачал головой.

- Недаром ты, Антон, учился в киевской бурсе Цицерону и, подобно мне, думал даже поступить в попы, - сказал он. - Ты, как слышу, женился и держишь жену в зимовнике, а все завзятый и хитрый запорожец. О ваших претензиях я думаю иное.

- О чем ваша думка? - спросил, готовясь слушать, Головатый.

- А вот о чем, - ответил Потемкин. - Вы все, черти, молодцы, и нельзя вас не любить, только берегитесь! У всех вас одна думка: ослабили мы турку и ляха, как бы теперь и того дурня, москаля, в шоры убрать?.. Ведь так?

Делегаты молча и растерянно переглянулись.

- Ну, братцы, - продолжал Потемкин, - москаля вам в шоры не убрать, крепко брыкается бесов кацап! И лучше его не занимайте! Я сам разберу ваши бумаги, а вы тем временем заходите ко мне...

Видя, что дела их принимают дурной оборот, Головатый решился пойти на уступки, лишь бы спасти любимое Запорожье. Умный и дальновидный политик, он сознавал, что существование Коша с его старыми правилами и вольностями внутри государства уже немыслимо, и старался найти такую комбинацию, которая, ограничивая в известной мере эти права, в то же время не нарушала бы основных традиций Сечи. В этом смысле он составил проект нового положения о Запорожской Сечи, который и представил светлейшему, зная, что Потемкин любит и отмечает его за ум и находчивость. Но на этот раз Потемкин смотрел туча тучей и, не читая, отодвинул проект Головатого в сторону.

- Вы крепко расшалились, - сказал он, - и ни в каком виде не можете уже приносить пользы. Вот ваши добрые и худые дела.

С этими словами он подал Головатому толстую тетрадь, в которой перечислены были все хорошие и дурные дела Запорожья, размещенные в порядке друг против друга. Головатый сам после рассказывал, что все там было записано верно, и ни одно обстоятельство не было ни скрыто, ни ослаблено.

- Тількы, хитра писачка, що ж він зробив з нами? Худые дела Сечи написал строка от строки пальца на два и словами величиной с воробьев, а что доброго Сечь сделала, так то было написано часто и мелко, как будто усыпано маком, а оттого наши худые дела и заняли больше места, чем добрые.

Спустя некоторое время Головатый пришел по обыкновению к Потемкину, не предчувствуя готовившегося ему удара.

- Все кончено, пропала ваша Сечь! - сказал ему Потемкин.

Пораженный, не помня себя, Головатый запальчиво ответил:

- Пропала Сечь, так пропали же и вы, ваша светлость.

- Что ты врешь! - закричал Потемкин и так взглянул на Головатого, что тот, "смекнув, чем все пахнет", ответил ему:

- А вы же, батьку, вписаны у нас казаком, так коли Сечь пропала, то и ваше казачество кончилось!

Уничтожение Сечи, действительно, было уже решено Потемкиным, и в то время как он балагурил со своими "побратимами", генералу Текелли, возвращавшемуся тогда с Дуная, уже послано было приказание вступить в Сечь и обезоружить казаков. Настал черный момент для Запорожья.

Чорна хмара наступае
Либонь дощик буде,
Вжеж нашого Запоріжжя
До віку не буде,
Бо цариця-мати наша
Напусть напустила -
Славне військо запорожське
Та й занапастила...

Так описывает это событие казацкая песня.

Но делать было нечего, и делегаты отправились из Петербурга восвояси, не зная еще, где им придется преклонить свои буйные головы. Головатый ехал вместе с Сидором Белым, и оба они находились в

таком настроении, что даже решили покончить с собой. Они зарядили два пистолета и условились, чтобы Головатый прочел вслух все ежедневные молитвы, и когда надо будет читать "Верую", то обоим приготовиться, а по слову "аминь" стрелять. Выбрав в лесу удобное место, они простились до скорой встречи в лучшем мире, где нет ни москалей, ни кацапов, и чтение молитв началось.

Вот уже Головатый дошел до "Отче наш" и до слов: "Но избави нас от лукавого", - как вдруг его озарила новая мысль. Он опустил пистолет и спросил у Белого:

- А знаешь що, батьку?

- А що?

- Вот се мы постреляемося.

- Эге.

- И нас тут найдут мертвых.

- Эге!

- И скажут: вот два дурня, запорожци, верно напилися мертвецки и пострелялись сами не зная чого, и никто не узнает, зачем мы пострелялись и не будет нам ни славы, ни чести, ни памяти.

- Так що ж робити? - спросил его Белый.

- А цур ему стреляться, батьку; поедемо дальше.

- Справды, цур ему, поедемо, - сказал Белый.

Помолились Богу, потянули горилки из дорожной баклажки и отправились в путь-дорогу, к родным куреням.

А родные курени стояли в развалинах. Часть казаков, не понимая иной жизни, кроме прежней казачьей, ушла до турка, за синий Дунай; другая, подчиняясь необходимости, повесила на гвоздь свои сабли и принялась за плуги. К последней пристал и Головатый со своими товарищами, не теряя надежды когда-нибудь воскресить на Украине былое вольное казачество. И случай к этому действительно скоро представился.

В 1780 году, спустя пять лет после уничтожения Сечи, Потемкин посетил Новороссию и мог на месте убедиться, что только имея значительную армию, и прежде всего казаков, можно было охранять ее обширные границы. Он вспомнил проект Головатого, поданный ему в Петербурге, и, зная хорошо быт, характер и свойства запорожцев, решил воспользоваться бездействующей мощной силой, чтобы вызвать ее к

но-вой жизни и направить ко благу любимой Украины. Он начал с того, что, по званию царского наместника, учредил при себе почетный конвой из бывших запорожцев, под командой Головатого. В то же время он говорил открыто о намерении правительства восстановить казацкое войско и об выделении для его поселения новых мест между Днестром и Бугом. Молва об этом прошла по всей Малороссии, и старые сечевики стали отовсюду стекаться за Буг. Не прошло и года, как образовалось целое За-Бугское войско, названное "верным", в отличие от казаков, ушедших в Турцию. Сидор Белый, тот самый, что когда-то хотел стреляться с Головатым, стал "батькой кошевым", а сам Головатый был выбран в войсковые судьи - должность, которую так долго занимал в Сечи его родной дядя.

Служа теперь под непосредственным начальством могущественного гетмана, князя Потемкина, и пользуясь особым его расположением, казаки старались поддержать за собой старую славу, в то же время ревниво избегая всего, что могло бы навлечь на них даже случайное неудовольствие своенравного покровителя, в руках которого была их участь.

Рассказывают, что один из запорожских старшин, имевший чин армейского штабс-офицера, сделал какой-то крупный проступок, огорчивший Потемкина. Все ожидали грозы. Но светлейший призвал к себе Головатого и только сказал:

- Головатый! Пожури ты его по-своему, да хорошенько, чтобы впредь за ним этого не было.

- Чуемо, наияснейший гетмане, - ответил Головатый и на следующий день, явясь с рапортом, лаконично сказал: - Исполнили, ваша светлость!

- Что исполнили? - спросил Потемкин.

- Да пожурили того старшину по-своему, як вы указали.

- А как же вы его пожурили? - Расскажите мне, - сказал князь.

- А як пожурили? Та просто ж, наияснейший гетмане, положили, та киями так ушкварили, що насилу вин встав.

- Как! Старшину-то, майора?! - закричал Потемкин. - Да как же вы могли это сделать?

- Правда, таки насилу що смогли, насилу в четырех повалили - не давався; однако справились.

- Да ведь он майор?

- А що ж, що майор? Майорство при нем и осталось. Вы приказали его пожурить, вот он теперь и будет крепко журитися и за прежние штуки уже не примется.

Ценя усердие и верность Запорожского войска, Потемкин должен был оставить это дело без последствий, тем более что и сам обиженный, чуя за собой вину перед войском, молчал.

Между тем началась вторая турецкая война, и для нового Запорожского войска настали времена побед и отличий. Его вел кошевой Сидор Белый, а под ним начальствовали: Харько (Захарий) Чепега - запорожской конницей, а Головатый - пехотой и гребной флотилией. В памятном истреблении турецкого флота шестнадцатого июня 1788 года в Днестровском лимане гребная флотилия верных казаков принимала самое живое участие. Сам кошевой, вместе с Головатым, ходил штурмовать турецкие корабли, и первый заплатил за победу собственной жизнью. Раненный смертельно во время абордажа, Белый скончался на третий день, завещав казакам держаться более всего старого сечевого уряда.

По смерти атамана в войске образовались две партии: одна прочила в кошевые Харько Чепегу, другая хотела Головатого. И тот и другой пользовались равным уважением в войске, как лучшие представители Сечи; но первый был исключительно воином, тогда как второй занимал по войску преимущественно административные должности. И потому, после многих пререканий, споров и колебаний, выбор пал наконец на Чепегу, которому дала перевес его известная отвага в боях, ценившаяся в то время выше гражданских заслуг. Потемкин утвердил выбор Чепеги и, в знак личного уважения к новому атаману, послал ему в подарок дорогую саблю. Не лишнее сказать, что соперники остались между собой искренними друзьями до самой смерти.

Между тем военные действия продолжались, и на долю казацкого войска выпало в них немало отличий. А осенью, во время осады Очакова, казаки совершили под руководством Головатого одно из тех замечательнейших в военной истории дел, на которых с удивлением останавливаются и современники и потомство.

Осенние бури заставили тогда Гассан-пашу со всем турецким флотом удалиться из-под Очакова к Царьграду; но дорожа отличной якорной стоянкой, которая была у острова Березани, он укрепил ее береговыми батареями, а в самой середине острова построил целую крепость, в избытке снабдив ее артиллерией и всеми припасами на случай осады.

Собственно говоря, Березань и ее батарея были безвредны и не нужны для русских, но Потемкин решил их взять во что бы то ни стало, рассчитывая этим поднять нравственный дух своих войск и поколебать мужество осажденных.

Выбор его, для исполнения этого отважного предприятия, пал на Головатого.

- Головатый! - сказал ему однажды Потемкин. - Как бы взять Березань?

- Возьмемо, батько, - ответил Головатый. - А чи ж буде за те хрест? - добавил он улыбаясь.

- Будет, будет, только возьми Березань.

- Чуемо, батьку, - сказал Головатый и спокойно вышел из ставки светлейшего.

Седьмого ноября 1788 года гребная казацкая флотилия на глазах всей армии, несмотря на страшный огонь прибрежных батарей, пристала к берегу, и через несколько минут все эти батареи и сама крепость, взятые штурмом, были уже в руках казаков. Говорят, будто бы они подплыли к крепости, переодевшись в турецкие мундиры. Двести тридцать пленных, двадцать три орудия и несколько знамен достались трофеями в руки победителей.

Овладев Березанью, Головатый оставил в ней гарнизон, а сам немедленно явился к Потемкину. Подходя к нему, он запел: "Кресту твоему поклоняемся, владыко..." - и, сделав земной поклон, сложил к ногам князя ключи Березанской крепости. Потемкин тут же навесил на него орден св.Георгия 2-ой степени. А отряд, взявший Березань, назвал себя по имени крепости, гордился этим названием и впоследствии, на Кубани, передал это имя одной из станиц на Байсуге.

Другой раз небольшая партия запорожцев на лодках пробралась к Измаилу и дала возможность снять на план все его укрепления. Потемкин приказал Головатому представить себе удальцов, участвовавших в этом деле, и те наскоро отправились из лагеря в доро-

гу и явились к гетману прямо с лодок, обтрепанные, в порваных рубахах и свитках, иные даже босиком. Светлейший, вышедший к ним в богатом гетманском кафтане, в лентах и орденах, принял их за нищих.

- А где твои храбрые молодцы? - спросил он, оглянувшись на Головатого.

- Да это ж, преподобие, они и есть, - ответил с поклоном войсковой судья.

- Неужели начальство поскупилось получше снабдить их в дорогу?

- А що ж нужно, батько ты наш, хоть бы казаку? - ответили запорожцы. - Распытались мы у Коша, кошевой сказал: "Идите с добрым чоловиком", - ну, мы и пийшлы...

- Теперь, князе, нема уже опаски, - прибавил другой запорожец, - турчинова фортеция як на ладони. Звелите, ваше высокопревелебие, и побей Боже нас и наших детей, коли не заберем измаильского пашу со всеми его пашанятами.

Потемкин тут же произвел нескольких запорожцев в офицеры, а всей партии казаков, бывших в этой замечательной рекогносцировке, велел выдать новую полную по их обычаям одежду и сто червонцев на всех. Деньги и платье запорожцы, впрочем, пропили меньше чем в трое суток, не выезжая из Ясс, и отретировались обратно, как приехали, в лохмотьях.

Восемнадцатого ноября, при истреблении турецкого флота под Измаилом и потом на штурме этой крепости, они были опять главными виновниками успеха и заслужили восторженную похвалу от Суворова.

Ряд боевых отличий, оказанных Кошем верных казаков в турецкую войну, доставил ему название Черноморского казачьего войска, атаману Чепеге - орден св.Георгия 3-ей степени, а Головатому - чин полковника и орден св. Владимира 3-ей степени.

Но кончилась турецкая война, а вслед за тем, пятого октября 1791 года, умер и светлейший Потемкин. С ним умерли и все надежды юного Черноморского войска, лишившегося в нем могущественного покровителя.[1]

---

[1]В память своего гетмана верное Черноморское войско сделало белое атласное знамя, которое и доныне хранится в Екатеринодарском войсковом соборе.

"И заплакали черноморцы, - говорит Короленко, - спиваючи:

Устань, батьку, устань, Грицьку!
Великий гетмане!
Милостивий добродію!
Вельможній наш пане!"

Но не встал Грицько на зов любимого войска, которому было о чем плакать. Для черноморцев наступила пора невзгод, которую они пережили только благодаря духу единства, проникавшего казачество. Не успел умереть светлейший гетман, как казаки, путем еще не обжившиеся на отведенных им вольных местах между Днестром и Бугом, уже получили приказание готовиться к переселению на Кубань, в обширные, пустынные и безлюдные пространства, лежавшие в соседстве с черкесскими народами, от которых нужно было оберегать границу. Но вместе с тем пошли и недобрые слухи, что готовится более радикальная реформа, что казачество будет уничтожено, а из черноморцев образуют легкоконные полки, которые по очереди и будут посылаться из своего Забужья нести заурядную солдатскую службу на берегах той же Кубани.

Казаки, не имевшие уже при дворе, как бывало, заручки в лице Потемкина, встревожились. И как ни тяжело им было бросать уже насиженные забугские места, но они предпочитали лучше совсем переселиться на Кубань, лишь бы сохранить свой старинный казачий уряд. "Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст", - порешила войсковая рада и отправила депутацию с войсковым судьей Головатым к императрице просить отдать казакам прикубанские земли в их вечное владение.

Приехав в Петербург, Головатый тотчас принялся хлопотать о скорейшем представлении его императрице. Вельможи были в большом затруднении. Как, в самом деле, было решиться, при тогдашнем блеске двора, представить государыне этих страшных людей, в необыкновенной одежде, с бритыми головами, людей, которые даже не говорили, а только издавали какие-то странные звуки: "та ни", "эге", "а то ж", до крайности смущавшие воспитанных на придворном этикете русских вельмож. Тем не менее аудиенция была назначена.

В воскресный день в приемной зале дворца

съехался весь двор, весь дипломатический корпус, министры, генералитет. Ожидали выхода императрицы из церкви. Но вот в аудиенц-залу вошли депутаты Черноморского войска. Впереди всех Головатый, среднего роста, смуглый, с большими усами и оселедцем, замотанным несколько раз за левое ухо. Он был в зеленом чекмене с полковничьими галунами,. в белой с закинутыми назад рукавами черкеске, в широчайших шароварах и в красных сапогах, подбитых высокими серебряными подковами. Обвешанный орденами, закручивая свой длинный ус, он сурово окинул глазами собрание и спокойно встал на указанное ему место; свита разместилась позади него.

Между тем обедня отошла; в зале водворилась тишина, и в растворенных настежь дверях показалась императрица, которая с милостивой улыбкой подошла прямо к черноморцам. Головатый выдвинулся вперед, поклонился и громко, ясно, на чистом русском языке сказал короткую приветственную речь. Императрица выслушала его с удовольствием, допустила к своей руке и приказала князю Зубову лично заняться делами черноморцев.

Теперь весь двор и все знатнейшие лица того времени уже старались познакомиться с Головатым, наперебой приглашая его на обеды, вечера и балы, с жадностью слушали его рассказы о Сечи, о нравах и обычаях черноморцев, дивились его уму, находчивости, ловкости и оригинальности в суждениях. Как истый сын Запорожья, Головатый приезжал ко всем со своей бандурой и, подыгрывая на ней, пел свои запорожские былины, от которых у слушателей сжималось сердце и выступали слезы.

На одном балу он был представлен великим князьям Александру и Константину Павловичам.

- Скажите, отчего это черноморцы завертывают свою чуприну непременно за левое ухо? - спросил однажды Константин Павлович.

- Все знаки достоинств и отличий, ваше высочество, - сабля, шпага, ордена и другие - носятся с левого бока, то и чуприна, как знак удалого и храброго казака, должна быть обращена также к левой стороне.

Несмотря, однако же, на все внимание и ласки, расточаемые черноморцам, дело их подвигалось чрезвычайно медленно, а между тем дороговизна

жизни в столице совершенно истощила кошелек Головатого, и он стал придумывать средства, как бы выйти из этого положения.

Однажды, на заре одиннадцатого июня, он был разбужен пушечными выстрелами с Петропавловской крепости. Казаки, выскочившие на улицу узнать о причине пальбы, скоро возвратились назад, крича: "Ольга Павловна! Ольга Павловна! С чем и вас, батьку, поздравляем". Это был день, когда родилась великая княжна Ольга Павловна.

Двор был тогда в Царском Селе. Головатый, не теряя времени, нанял извозчиков и поскакал со всеми черноморцами приветствовать государыню с новорожденной внучкой. Не доезжая нескольких верст до Царского Села, он сошел с дрожек, отпустил их, а сам, одетый в парадную форму, лег под деревом близ самой дороги со всей своей свитой. Между тем все вельможи в богатых экипажах неслись по царскосельской дороге, чтобы принести поздравление императрице, и, видя Головатого, останавливались и смотрели на него с изумлением. Многие спрашивали, зачем он в полной форме лежит на дороге. Головатый спокойно отвечал:

- А як же? Бог послал всеобщую радость, и мы спешим в Царское Село принести поздравления.

- На чем же вы спешите? Где ваши экипажи? - удивленно говорили любопытные.

- А за що бы я нанял их, коли мне с хлопцами скоро ни за что и харчеватися будет?

- Так вы это пешком?..

- Овый на колесницах, овый на конях, а мы пехтурою. Рада бы мама за пана, да пан не бере.

Он вошел во дворец позже других и с беспокойством спрашивал у придворных: "Не опоздал ли?" - приговаривая: "Сторона не близкая - Петербург от Царского Села, а дрожек нанять не могли, прожились совсем".

Встреча с Головатым сделалась предметом придворных разговоров. Все заговорили о крайности, в которой находились черноморцы, и кто-то довел обо всем до сведения императрицы. Это обстоятельство настолько подвинуло решение дела, что уже восемнадцатого июля Головатый вновь представлялся Екатерине, чтобы благодарить за милости, оказанные Черноморскому войску.

Получив из рук самой императрицы пожалованную ему золотую саблю, Головатый произнес благодарственную речь от лица всего Черноморского казачества. "Тамань, - говорил он между прочим, - дар твоего благоволения, будет вечным залогом твоих милостей к нам, верным казакам. Мы воздвигнем грады, заселим села и сохраним тебе безопасность русских пределов".

Императрица, удовлетворив все просьбы черноморцев, послала с Головатым войско, милостивые грамоты в богатом ковчеге, большое белое знамя, серебряные литавры, войсковую печать и, на новоселье, по русскому обычаю, хлеб-соль на блюде из чистого золота с такой же солонкой, а кошевому Чепеге - драгоценную саблю.

Уведомленный о возвращении депутатов из Петербурга, кошевой командировал для встречи дорогих гостей за тридцать верст пятисотенный полк, а пятнадцатого августа, в главном селении Черноморского войска, Слабодзеи, в присутствии всех полковых старшин, херсонского архиепископа с духовенством, всех казаков и множества народа, устроил им парадную встречу. Казацкое войско поставлено было в две линии по обе стороны улицы, а между ними устроено возвышенное место, покрытое турецкими коврами, на котором стоял кошевой и были приготовлены столы для возложения на них царских даров, привезенных Головатым. Около кошевого широким полукругом стояли старшины с булавами, знаменами и другими знаками отличий, заслуженными войском. Между тем подходила депутация. Впереди четыре штаб-офицера несли на блюде монарший хлеб, покрытый дорогой материей; за ними сам Головатый нес на пожалованном блюде солонку и высочайшие грамоты, а далее - малолетние дети его: Афанасий - царское письмо к кошевому, а Юрий - драгоценную, осыпанную алмазами саблю. Как только депутаты приблизились к войскам, началась пальба из пушек и ружей, продолжавшаяся до тех пор, пока Головатый, сказав приветствие, не передал царских даров кошевому. Кошевой, опоясавшись саблей и поцеловав хлеб-соль, прочитал народу высочайшие грамоты, и вся процессия двинулась в войсковую церковь. После торжественного молебствия царские дары перенесены были в дом кошевого, а хлеб разделили на четыре

части: одну положили в войсковую церковь, где она хранится и поныне, другую отправили в Тамань, к Черноморской флотилии, третью разделили в полки, а четвертую поставили на стол у кошевого. Тут старшины пили горилку и ели этот хлеб, а остатки его с церемонией были перенесены в дом войскового судьи, где приготовлен был стол для почетнейших граждан. Для казаков накрыты были пять столов не траве близ церкви, и пир там продолжался до глубокой ночи. Весельем и радостью окончился этот знаменательный день в истории Черноморского войска.

Готовясь к дальнему походу, черноморцы отправили вперед гребную флотилию, под командой войскового полковника Белого, а за ней, в октябре 1792 года, двинулся сухим путем и сам кошевой со всем своим куренным товариществом. О прежнем горевании не было больше воспоминаний, и черноморцы весело распевали песню, сложенную тогда Головатым.

Ой, годі нам журитися,
Пора перестати,
Дождалися от цариці
За службу заплати:
Да хліб-сіль і грамоти
За вірниіі службы.
От тепер ми односуми
Забудемо нужди,
В Тамані жить, вірно служить,
Границю держати,
Рибу ловить, горілку пить,
Ще й будем богаті.
Та вже треба женитися,
И хліба робити;
А кто прийде из невіри
Непощадно бити.
Славу ж Богу та цариці.
А покой гетьману.
Заличили в сердцях наших
Горючую рану!
Подякуэмо ми цариці.
Помолимось Богу,
Що вона нам указала
На Кубань дорогу.

В этой песне, в сущности, пересказано только содержание грамоты, данной Екатериной казакам на поселение их при Кубани; обязанность жениться была

поставлена в ней в число других главных условий поселения на новых местах.

В первое время житье черноморцев на Кубани было далеко не завидно. Пустынный край неприветливо встретил забугских переселенцев. Для своего оживления он требовал необыкновенной деятельности от малочисленных пришельцев, которые на первых порах к тому же терпели крайний недостаток даже в первейших потребностях оседлой жизни. Глушь и запустение края были таковы, что нашлись казаки, хотевшие бежать и удержанные только привязанностью к товариществу и к батьке кошевому, Харько Чепеге, зазвавшему их с собой на эти пустынные берега. Большинство казаков, однако же, обрадовались богатым естественным угодьям, раскидистому течению Кубани, широким лиманам, безбрежной степи с курганами и балками - всему, с чем так свыкся их глаз у Днепра и что теперь как будто бы перенеслось вместе с ними под чужое небо. И скоро казаки совсем свыклись со своей новой родиной, сохраняя свой быт и свои старые обычаи.

Несмотря на обязательное присутствие в войске семейного начала, введенного Екатериной, большинство казаков, сам кошевой и старшины оставались закаленными воинами, настоящими сечевиками, для которых дороже всего на свете были предания Сечи. Сечевой уряд лег в основание первоначального заселения Кубанского края, и, как было в Запорожье, так и теперь на Кубани, семейное поселение долгое время считалось чем-то придаточным, второстепенным, а на первом плане стояли курени, обширные казацкие казармы, носившие те самые названия, которые существовали некогда в Запорожье. Исключение было сделано только для главного войскового города, в честь императрицы названного Екатеринодаром.

По-прежнему церемония присяги атамана, важнейший момент казацкой жизни, служила ярким напоминанием о стародавней казацкой славе, приобретенной на Сечи.

За осевшими и поросшими колючками стенами Екатеринодарской крепости, внутри обширного редута, расположены были четырехугольником невысокие и длинные казармы, старинные курени, а между ними, как было и в Сечи, площадь, майдан, посреди которой

возвышался шестиглавый храм, войсковая соборная церковь. В ней казаки хранили свои драгоценнейшие заветные сокровища, клейноды, - памятники доблестных заслуг верного Черноморского войска, знамена, регалии и все, что сохранилось в войске от его старины, что собрано на поле честных заслуг государству и может свидетельствовать о доблестной службе и храбрости предков. Раз в год, во второй день Пасхи, клейноды выносились из войскового храма на майдан, на показ народу, чтобы ведали о них и мать, и жена, и малые дети казака, и наезжие гости его. Но с особенной торжественностью совершался их вынос именно в день присяги нового войскового атамана. Тогда все куренные атаманы собирались в войсковой город и, с перночами в руках, присутствовали при присяге главы войска. Тогда все знамена минувших времен обступали присягавшего и, осененный старейшими из них, он произносил клятву вести войско по пути долга, чести и общего блага. Обряд этот, в своих существенных чертах, сохранился даже и поныне.

По-прежнему главным богатством казака и здесь, как в Запорожье, были конь и оружие. Запорожцы, в течение трех веков выносившие на своих плечах натиск татар, турок и поляков, естественно, должны были иметь лошадей, способных переносить все случайности войны, холод, голод, жар и безводицу. Военный быт казаков и их походы представляли им немало случаев улучшать свои табуны примесью к ним новой крови - персидской, турецкой, а нередко и арабской. И эти запорожские кони перешли теперь со своими хозяевами в привольные кубанские степи, где для казаков было еще больше случаев улучшать породу своих лошадей.

Сама одежда казака долго еще сохраняла характер стародавнего времени. Алый, по-запорожски червонный, кунтуш, широкие шаровары, красные сапоги и высокая шапка из черных смушек с красной тульей составляли их вседневный наряд. Дорогой узорчатый или парчовый кушак был предметом роскоши и стоил иногда дороже всего остального наряда. По кушаку узнавались знатные особы, и старшины немало тратились на эту статью, чтобы поддержать свое достоинство. Вооружение состояло из винтовки, пары пистолетов, длинной казацкой пики и турецкой сабли.

Была поговорка: "Конь татарский, мушкет немецкий, сабля турецка - то справа молодецка". Лучшее оружие было не куплено, не вымененно, а добыто кровью от побежденного неприятеля. Впоследствии все это изменилось, и древний живописный костюм запорожца встречался только уже на одних стариках, не хотевших расставаться с кунтушом и по-прежнему ходивших с длинными опущенными книзу усами, бритой головой и седым оселедцем за ухом.

Не успели казаки осмотреться на новых местах, как уже кошевой Чепега с двумя полками должен был идти воевать с поляками. Труден был этот поход, вынуждавший их опять бросить дома и хозяйство, но и привлекательна была для многих мечта еще раз посетить тот край, который был переполнен стародавней славой казацких подвигов. И черноморцы вышли в поход, запевая песню:

Пише, пише пан Чепега
Од Коша листи:
Час-пора вам, черноморці,
Да на Польшу йти.
Ой, крикнула качка,
Шукаючи ряски,
Утеряли пани-ляхи
От цариці ласки.
Ой, крикнула лебідь,
Край лимана чутко -
То вам буде, вражі ляхи,
От казацтва жутко.

Проводив свое войско, Чепега заехал с дороги в Петербург представиться императрице. Екатерина обласкала старого сечевика и из своих рук передала ему драгоценную саблю, осыпанную алмазами. "Возьми, сынок, и бей ею врагов!" - сказала императрица.

Как исполнили черноморцы в Польше завет царицы, лучше всего видно из частного письма Харько Чепеги к одному из своих знакомых.

"Поход в Польшу был - слава Вседержителю нашему Богу - благополучный. Корпус наш, под начальством генерала Дерфельдена, шел до Слонима, и мы, бывши с польскими мятежниками на восьми сражениях, гнали их, як зайцев, аж до самой Праги, что насупротив столичного города Варшавы; и тут уже, по соединении с батьком, графом Александром

Васильевичем, доклали их воза и всех неприятелей, в Праге бывших, выкосили, а решту вытопили в Висле. Тут их наклали так, як мосту; на Варшаву ж як взяли с гармат стрелять, то вона зараз и сдалася. После сего все их лядьске воинство истреблено, а жители обезоружены. Батько наш, граф Александр Васильевич, так же, бачу, по-нашему ляхив не любит, и я думаю, що Польша сего гостя повек не забуде!"

Еще Чепега не возвратился из Польши, а казакам пришлось идти уже в новый поход, и Головатый повел еще два полка в Персидский корпус графа Зубова. Сев на суда в Астрахани, казаки двадцать первого июня 1796 года высадились в Баку, куда вслед за ними прибыл и главнокомандующий. Головатый встретил графа при ставке, а черноморские полки, выстроенные под развернутыми знаменами, приветствовали главнокомандующего тремя залпами. Довольный приветом черноморцев, граф благодарил их за успешный поход, осведомился о здоровье кошевого Чепеги, расспрашивал Головатого о делах на кубанской границе и, в знак особого расположения, приказал выдать черноморцам тройную винную порцию. В то же время он записал себя в Черноморское войско войсковым товарищем, а сына своего - полковым есаулом.

В персидском походе, небогатом военными событиями, черноморцам тем не менее случилось не раз показать старинную казацкую доблесть. Так, однажды небольшая партия казаков на лодках сделала поиск к персидским берегам, разбила несколько приморских городов и поселений, освободила множество пленных армян и, овладев целой флотилией персидских лодок, стругов и чаек, пошла назад к своей эскадре. По дороге их захватила страшная буря, и одна из лодок, на которой находились лейтенант Епанчин, два матроса, восемь черноморских казаков и несколько армянских семейств, была отнесена течением к персидскому берегу.

До полутораста человек персиян, заметив русское судно, боровшееся с бурей, тотчас бросились в лодки, чтобы завладеть им, как легкой добычей. Лейтенант Епанчин и оба матроса, кинувшись в шлюпку, бежали, а испуганные армяне спрятались под палубу. Но черноморцы выбрали из своей среды предводителя, казака Игната Саву, и приготовились к бою.

Как только персидские лодки стали сближаться с

казацким судном, и неприятель открыл батальный огонь, казаки, со своей стороны, "ударили из ружей *с уговором без промаху*". Первым же залпом они уложили персидских начальников, а потом, как отличнейшие стрелки, перебили, по выражению Головатого, и "*пидстарших панкив*". Смущенные персияне, укрываясь за бортами, стреляли на ветер и наконец бежали, видя, что казацкие пули производят в рядах их страшное опустошение.

Головатый был в восторге от поведения своих казаков и, описывая этот случай Чепеге, восклицает в конце своего донесения:

"Не загинула ще казацька слава, коли восим чоловик могли дать персиянам почувствовать, що в черноморцив за сила".

Но были в этом походе и грустные факты. Командир второго полка полковник Великий, отправленный на остров Колишеван для устройства лагеря, был застигнут сильным штормом и, опрокинутый со шлюпкой, погиб в волнах Каспийского моря. Другой командир полка, полковник Чернышов, вместе с частью своих казаков, со знаменем, куренным перначом и с иконой, которую благословил их таврический военный губернатор, пропал бесследно на переезде к острову Сара. В течение нескольких месяцев о нем не было ни слуху ни духу, и черноморцы, считая его погибшим, сокрушались об утрате казацкой святыни; но впоследствии оказалось, что, потерпев крушение, Чернышов был выброшен бурей где-то на берегу Дагестана, долго странствовал в горах и только в начале 1797 года сумел присоединиться к отряду.

Сам Головатый, произведенный за отличие в чин бригадира и назначенный начальником Каспийской флотилии и десантных войск, не перенес этого рокового для многих похода. Надо сказать, что десантные войска собирались в то время на острове Сара, с климатом до того убийственным, что в течение одного месяца один за другим умерли оба предместника Головатого, контр-адмирал Федоров и генерал-майор граф Апраксин. Не выдержал болотных миазмов и третий начальник десанта, Головатый, и заболел горячкой. Он долго перемогался, не хотел ложиться в постель и даже в самый день своей смерти, сидя на креслах, в мундире, писал проект об

улучшении быта Черноморского войска, но болезнь сломила его. Он умер двадцать девятого января 1797 года.

А на Кубани, в самой земле Черноморского войска, почти в то же время, четырнадцатого января 1797 года, умер и Чепега - "этот отец Черноморской семьи, который и по достижении высокого сана сохранил до самой смерти свою простоту и образ жизни, служивший примером для всех черноморцев. "Мир праху твоему , знаменитый Харько, основатель рассадника доблестных черноморцев на негостеприимных берегах Кубани!" - так говорит о нем историк Черноморского войска.

Когда выбирали нового атамана, общее желание войсковой рады указало на Головатого; не знали казаки, что нет уже в живых их Головатого.

Чепегой и Головатым оканчивается привилегия казаков выбирать себе кошевого атамана, который с этих пор назначается уже самим императором. И первым назначенным атаманом был войсковой писарь Тимофей Терентьевич Котляревский.

Что за личность был этот Котляревский, сказать довольно трудно по отсутствию о нем всяких исторических данных. Но одно уже то, что он был первый "батько атаман", выбранный не волей самого "товариства", предрасположило против него сердца старых сечевников, теперь более чем когда-нибудь желавших сберечь и укрепить за собой все, что было так дорого им там, на старых днепровских порогах. И случай выразить Котляревскому их общее неудовольствие скоро представился.

Возвращаясь из трудового персидского похода и подходя к Екатеринодару, казацкие полки ожидали, что их встретят по старым обычаям, с известной церемонией. Котляревский между тем об этом не позаботился и показал совсем не похвальное равнодушие к военной славе целого войска. Так по крайней мере взглянули на это дело сами черноморцы. Оскорбленные в самом дорогом для них чувстве воинской чести, казаки вышли из повиновения своим старшинам и многих из них поколотили. Не миновать бы того же и самому Котляревскому, если бы он не скрылся в Усть-Лабинскую крепость, откуда возвратился уже с Вятским пехотным полком, принявшимся по-своему усмирять расходившихся черноморцев.

После этого случая Котляревский уехал в Петербург и большую часть своего атаманства провел в столице, высылая войску целую массу приказов и письменных распоряжений, в то время как между черноморцами и черкесами уже завязывалась упорная борьба.

Котляревский пробыл атаманом только до 1799 года, когда преклонные лета заставили его просить увольнения от должности. Император предоставил ему самому назначить себе преемника, и выбор его пал на войскового полковника Бурсака. Бурсаком начинается новый период кавказской войны на кубанской границе.

Когда черноморские казаки поселились на Кубани, одним из первых дел их на новой родине было создать храм Всемогущему Богу в Екатеринодаре, ставший собором всего Черноморского войска. В 1879 году обветшалый храм этот перестраивался; и вот когда разбирались его стены, в склепах под ними открыты были три гроба, из которых в первом найден кусок свернутой на манер широкого персидского пояса парчи, в среднем - золотое шитье от воротника, и в третьем - небольшой образок, живопись на котором уже совершенно почернела - до неузнаваемости.

Есть свидетельство, что первый из этих гробов хранил бренные останки атамана Черноморского казачьего войска, генерал-майора Захария Алексеевича Чепеги. О двух других гробах исторических известий нет; но судя по тому, что в те далекие времена Чепеги только самые влиятельные и уважаемые в войске лица могли рассчитывать на честь быть погребенными в соборных оградах, не говоря уже о самой церкви, можно с полной достоверностью заключить, что в другом гробе покоился вечным сном Головатый, а в третьем - протоиерей Роман Порохня, похороненные в один день, четырнадцатого марта 1800 года.

И эти немые свидетели прошлого громко и ясно говорят нам о характерах и делах людей того старого века. В гробе генерала Чепеги нет ничего, кроме знака казацкого отличия, пояса, - покойный атаман был враг честолюбивой роскоши. Котляревский был уже другой человек и человек другого времени: по словам историка Черноморского войска, еще занимая пост войскового писаря, это был уже не товарищ-казак, а деликатный вельможа того времени,

пользовавшийся благоволением императора Павла и далеко не бывший так прост в образе жизни, как его предместник, казак Чепега. И вот, в гробе его - остатки пышного, шитого золотом генеральского мундира. Со скромным служителем церкви, пришедшим вместе с казаками из-за Буга и посвящавшим всю жизнь свою молитве за родных черноморцев, в гробу лежала эмблема веры и молитвы.

Так и сами гробы служат для нас красноречивым свидетельством, что слава в потомстве следует за теми, кто живет не во имя самолюбивой гордости, а во имя блага своей отчизны и своего народа.

II

БЗИЮКСКАЯ БИТВА
(Первый поход черноморцев на Кубань)

Переселившись на привольные кубанские берега, Черноморское войско нашло в отведенных ему местах ничтожные остатки когда-то сильных черкесских племен, воевавших с ногайцами, а иногда вместе с ними вносивших опустошение и меч за Тихий Дон, вглубь русских земель. Сохранялось еще предание, что вся местность и все разливы близ устьев Кубани занимало некогда Хегатское племя, ближайшее к владениям крымских татар а к юго-востоку от них обитали жанинцы - сильный, воинственный, страшный народ, выставлявший до десяти тысяч превосходных наездников. Жанинское племя было некогда на Кавказе сильным и могущественным, резко отличавшимся даже от других черкесских племен своей отвагой, гордостью, духом независимости и пламенным характером. Но оба эти племени были истреблены чумой, и казаки нашли на их месте лишь несколько бедных хижин, разбросанных по Каракубанскому острову, и, естественно, не представлявших для казаков ни малейшей опасности. Совершенно иную картину представляли сильные черкесские племена адыге, жившие по ту сторону Кубани, на северных склонах западной части Кавказского хребта. Черноморцы-запорожцы, привыкшие встречать в своих приднепровских степях крымских байгушей-конокрадцев, здесь, на Кубани, с

удивлением увидели перед собой народ того же татарского склада, но в высшей степени трудолюбивый, честный, без мелких хищнических замашек, но в то же время грозно-воинственный, превосходно и вечно вооруженный, потому что он не составлял из себя государства, и каждый отдельный член его должен был сам заботиться о своей безопасности. И казаки не могли отказать черкесам в глубоком уважении, как к народу, равному ему по доблести. Черкесы, со своей стороны, также скоро выучились уважать лучшие стороны казачества. Увидев новое воинственное племя, Бог весть откуда и зачем пришедшее и поселившееся с ними бок о бок, сначала они смотрели на него не совсем дружелюбно, но мало-помалу они помирилсь с ним, видя рыцарские качества пришельцев, так прекрасно вооруженных, так смело, бесстрашно приходивших к ним на Кубань, партиями и поодиночке, рубить леса, ловить рыбу и охотиться и очевидно не желавших причинять им никакого вреда.

На этой почве взаимного уважения между казаками и черкесами в первое время возникли самые дружественные отношения. Завелась меновая торговля и куначество, казаки и черкесы ездили друг к другу в гости; если случались какие-нибудь неудовольствия и недоразумения, воровство, убийство, мошенничество, то они разбирались всегда добросовестно и безо всякого пристрастия. Турки, сидевшие в Анапе, с неудовольствием сделили за развитием мирных сношений на Кубани, справедливо видя в них помеху своему влиянию, и всеми силами старались мешать им, вызывая в горцах-магометанах ненависть к христианским пришельцам. И скоро казаки сами помогли им неосторожным вмешательством в распрю между черкесскими племенами, сразу положившим начало упорной и долголетней ненависти и войне. Дело было так.

По странному совпадению, одновременно с французской революцией, в девяностых годах прошлого века в землях шапсугов и абадзехов обнаружились яркие признаки революционного движения. Шапсуги, конечно, ровно ничего не знавшие о Франции, тем не менее в тех же самых годах восстали против своих дворян и князей, и гордая, блестящая дотоле аристократия их пала в неравной борьбе.

18-3000

Князья были изгнаны из отечества, а народ ввел у себя чисто демократические порядки. Но и в Кавказских горах и ущельях происходило в миниатюре то же, что происходило в Европе, и между черкесскими племенами далеко не все отнеслись сочувственно к революции. Так, бжедуги не только сохранили верность своим князьям и старинному феодально-рыцарскому устройству, но и дали убежище шапсугской и абадзехской эмиграции. Вспыхнула война, и бжедуги обратились за помощью к черноморским казакам. Не рассчитав последствий, казаки перешли за Кубань в черкесские земли и там приняли участие в знаменитой Бзиюкской битве, столь памятной для них своими последствиями. Об этом первом казацком походе сохранилось несколько известий, не всегда, однако же, согласных между собой.

Вот что говорит о ней предание, записанное со слов старого казака-черноморца, современника и участника события.

"Однажды, - рассказывал старик, - приехал к нам в гости приятель бжедуг и рассказал, что у них в горах жить стало трудно, что шапсуги и абадзехи хотят, во что бы то ни стало, выгнать бжедугских князей и что они приехали с тем, чтобы просить атамана о помощи. Дней через пять после этого получен был действительно наказ от куренного собраться нашей сотне и идти в Екатеринодар. Вот и на мою долю выпало побывать в этом поганом деле. Сотней командовал тогда не то Скияревский, не то другой кто, не запамятую добре, бо был не из нашего куреня. В Екатеринодаре дали нам одну паганеньку пушку и повели нас к тому месту, где теперь Хомутовский пост. Здесь переправились мы за Кубань и, отошедши версты две, остановились. К рассвету к нам подошли три-четыре тысячи бжедугов, а спустя немного дали знать, что идут и наши противники.

День был отличный и жаркий, на небе - ни облачка. Кругом нас расстилались большие леса, виднелись богатые аулы и ходило множество стад... Видно было, что дело шло не на грабеж, а просто на рыцарскую потеху. Как только показались шапсуги, бжедугский князь попросил есаула стрельнуть из пушки. Стрельнули. Шапсуги в ответ на это пустили целые тучи стрел, дали залп и кинулись в шашки.

Тут уже каждому работы было вдоволь... Наша сотня стояла в стороне и собственно в битве не принимала никакого участия, а смотрела так, как на какую-то комедию. Бжедуги долго держались молодцами, но вдруг по всей шапсугской линии разом пронесся какой-то радостный крик, и бжедуги смешались... На вопрос, что такое случилось, казакам ответили, что князь бжедугский убит и что, по народным понятиям, дело их проиграно. Напрасно черноморцы указывали им на беспорядок в рядах неприятеля и ручались за успех, ежели кинуться дружно. Бжедуги твердили одно, что этого сделать нельзя, и просили казаков не вмешиваться, чтобы не нарушать народного обычая.

Подивились мы ихнему порядку, - продолжал старик, - а тут глядим: черкесы и взаправду слезают уже с лошадей, прячут стрелы в колчаны и опускают луки. Несколько стариков разостлали на земле свои бурки и на них положили сильно раненого князя. Он тут же и умер, крепко наказывая народу держаться его сыновей и не слушаться шапсугов.

Между тем как наши дурни черкесы сами на себя надевали петлю, противники их скакали по полю, стреляли вверх и оглашали воздух радостными криками. Убитых и раненых с обеих сторон было много, всех их забрали и повезли с собой по аулам. Сотенный также повел нас к Кубани, и мы прибыли домой благополучно, без всякой потери".

Краткие официальные известия, занесенные в историю Черноморского войска, впрочем, говорят, что казаки, ходившие тогда за Кубань, под начальством войскового полковника Еремеева, принимали в деле некоторое участие и потеряли ранеными пропорщика Блоху и восемь казаков.

Но существуют черкесские народные сказания, которые с большей подробностью и достоверностью передают факты Бзиюкской битвы, ставшей эрой в жизни черкесов и крепко залегшей в памяти народной. Шапсугская эмиграция, как говорят эти сказания, водворившаяся у бжедугов, конечно, не оставалась сидеть сложа руки и кровавыми набегами расплачивалась с народом за свое изгнание. Тогда шапсуги поднялись сами, чтобы, со своей стороны, мечом отплатить покровителям изгнанников, бжедугским князьям, и в то же время они не чужды были

стремлений распространять свою революцию дальше, требуя, чтобы и бжедуги, подобно им, изгнали своих князей. Но это требование только могло возмутить народное чувство бжедугов, преданных своим князьям и свято чтивших законы гостеприимства. Раздражение и ненависть с обеих сторон были чрезвычайны.

Враги встретились на берегах речки Бзиюк, полагают, близ нынешней Новодмитриевской станицы. И тут произошло кровопролитие, небывалое в междоусобных войнах черкесских племен. Шапсуги, сильнейшие числом, напали с ожесточением, и их знаменосцы, обыкновенно первыми бросающиеся на врагов, проникли далеко вглубь неприятельского войска. Но бжедуги самую стремительность неприятеля обратили в свою пользу, они побежали и навели разгоряченную вражескую конницу на скрытую в засаде свою пехоту. Охваченная с двух сторон, вся конная шапсугская толпа повернула назад и в бегстве смяла часть своей же пехоты. Напрасно шапсугские вожди старались восстановить порядок, напрасно храбрейшие, стыдясь бежать, смертью искупали постыдную трусость товарищей - все усилия были тщетны. Пехота шапсугов еще долго и храбро сражалась, но тем сильнейшему поражению она подвергла себя, потому что бжедугская конница, возвращавшаяся после победы, ударила ей в тыл, и, поставленные между двух огней, шапсуги подверглись страшному истреблению.

Сама природа, казалось, благоприятствовала победителям. Утро этого достопамятного дня было тихо, прекрасно, и летнее солнце великолепно взошло над прекрасной равниной, блиставшей росой и скоро долженствовавшей обагриться кровью. Но вдруг, перед самым сражением, весь горизонт покрылся мрачными тучами, изредка засверкала молния и пошел проливной дождь. И это обстоятельство было чрезвычайно полезно для малочисленных бжедугов тем, что замокшие ружья почти не стреляли, а в рукопашном бою они, ловкие и проворные, много выигрывали перед тяжелыми и в сравнении с ними неповоротливыми шапсугами.

Поле сражения было покрыто убитыми и ранеными; целыми толпами пригоняли пленных к сборному месту; добычу, оружие свозили туда же и, как говорят, навезли целую гору. Но победа стоила

дорого и победителям: они потеряли много отличных людей и своего храброго князя Баты-Гирея. Этот замечательный человек получил рану в самом начале сражения, когда еще не было известно, чем решится судьба достопамятного дня. Истекая кровью, лежал он на поле кровавого побоища и дожил еще до минуты, когда пришли поздравить его с победой.

- Теперь я умру спокойно, - сказал он.

Участие малочисленного отряда казаков, по горским сказаниям, также было делом второстепенным, принесшим победителям, однако, большую пользу несколькими выстрелами из орудия, которые должны были внушить сильный страх шапсугам. В песне, в которой бжедуги передали потомству свои подвиги, есть и имя начальника казацкого отряда.

Кровавая битва поныне живет в памяти черкесских племен, и полумирный пахарь на берегах Бзиюка, ручейка ничтожного, но давшего имя достопамятному дню (Бзийказаор), отрывая человеческие кости, вздохнув, произносит: "Тогда погиб и мой отец", - и угрюмо глядит на истлевающие останки собрата. Спросите седого, как лунь, старика, сколько ему лет, и он вам скажет: "Во время Бзиюкской битвы я уже умел держаться на лошади", - или: "Помню, когда привезли тело моего отца, на нем все платье было в крови". "Не бжедуги, а Бог нас истребил в наказание за нашу гордость", - говорили старики, вспоминая бурные дни народных волнений, в которых и сами принимали участие.

Помнит народ и славные имена участвовавших в битве. В долине Адагума, там, где стоит ныне штаб-квартира Крымского полка, еще видны два кургана, на которых поставлены бастионы нового укрепления. На вопрос русского офицера, чьи это могилы, местные жители рассказывали, что некогда жил в долине Адагума один из известнейших владельцев племени натухайцев, Калабат, что шапсуги напали на него с абадзехами, но казацкий атаман Чепега послал на помощь Калабату войскового полковника Еремеева с сотней казаков-охотников, с пушкой, при прапорщике Блохе, и шапсуги были разбиты. По этим рассказам, казаки потеряли одного убитым и десять ранеными, и между последними - прапорщика Блоху. Сам Калабат пал в битве.

Меньший курган и есть могила героя легенды Ка-

лабата, похороненного вместе со своими сподвижниками; в большом лежат восемьсот шапсугов и абадзехов.

Дорого обошлась Бзиюкская битва шапсугам, но еще дороже она стала победителям, бжедугам, утратившим в лице князя Баты-Гирея влияние на соседние горские племена. И бжедуги долго, на самом месте сражения, оплакивали своего князя, положенного под небольшим одиноко растущим дубом, молодым до того, что ветви его гнулись от бурок, защищавших труп убитого князя от лучей солнца. Еще недавно некоторые горцы указывали этот дуб, названный Батыгиреевским дубом. Но говорят, что русский топор не пощадил и его во время последних движений отрядов.

Взгляд народа на Бзиюкскую битву выразился в ответе одной шапсугской женщины, вышедшей навстречу возвращающимся с поля битвы. Узнав о гибели мужа и детей, сложивших головы на Бзиюке, она крепко пригорюнилась. "Что же вы сделали доброго?" - спросила она шапсугов. "Убили Баты-Гирея", - ответили ей. Опечаленная вдова и мать захлопала в ладоши и сказала: "Потерю шапсугов шапсугские женщины могут пополнить в одну ночь, а потерю Баты-Гирея бжедуговские жены и во сто лет не исправят".

Вот песня бжедугов, образчик простой поэзии гор, в которой воспеты и битва и личные в ней подвиги замечательнейших бжедугов.

Его конь Хоаре был с красивой шеей, и на нем он отважно вступил в бой с врагами.

Сражайся, Батгирей!

Не много прошло времени, а конь Хоаре уже весь был усеян стрелами, торчавшими в его боках.

Сражайся, Батгирей!

Шишак у него, как солнце, был блестящий, и сам он сиял между всеми, как солнце.

Сражайся, Батгирей.

Но вот из его рук выпала плеть шелковая, и он закатился от нас, как молодая луна.

Сражайтесь, храбрые бжедуги!

Заплакали бжедуги, потеряв в бою любимого вождя Батгирея. Оплакала смерть его и великая царица.

Сражайтесь, храбрые бжедуги!

Счастливый Батгирей, рыдала по тебе счастливая невеста твоя, Гошемаф.

Сражайтесь, храбрые бжедуги!

"Отомстим врагам!" - раздался крик в воздухе, и балка

Негиде была завалена вражескими телами.

Сражайтесь, храбрые бжедуги!

Расстегнутый воротник обнаружил его панцирь, он был в бою непобедим,

Пшемаф Батоков.

В ночное время оберегал он стан, как днем оберегает людей крепость,

Анчек Ахеджаков.

Шишак он надвинул и, опустив забрало, врезался в середину врагов,

Ислам Хаджимуков.

Он ранен был в бедро, но, склонившись на шею коня, продолжал поражать врагов,

бек-Мирза Ахеджаков.

У него было лицо железного цвета, и сам он был железный человек; свист пуль его тешил,

Берзек Едиков.

Он имел широкодульный мушкет и одним выстрелом убил двух врагов,

Алхаз Лакшоков.

Он натягивал тетиву лука во всю длину стрелы, и стрела его была смертоноснее пули,

Казы Декыджев.

Конь его был лысый, с головой, как у оленя, а сам он играл головами шапсугов,

Алзах Хаджимуков.

Его конь Бечкань играл под ним, а он не считал удары меча своего,

Агубок Хаджимуков.

Под ним был горячий конь Кодемех, он им топтал шапсугскую пехоту,

Едыг Берзеков.

Он славно пал в бою, и двери его сакли закрыли маленьких детей,

Есенгель Ешуков.

Он первый сделал выстрел и убил главного шапсугского вождя,

Закерей Хеусоков.

Бзиюкская битва положила начало ненависти и полувековой борьбе черкесов с русскими, и Чепега, в самое последнее время атаманства которого она была, оставил своим преемникам, Котляревскому и потом Бурсаку, трудное положение дел. Шапсуги мстили за вмешательство постоянными набегами и добровольно перешли на сторону турок, только и ждавших момента поссорить горцев с казаками. Бжедуги, натухайцы и некоторые другие племена еще держались недолгое время союза с русскими, но те же шапсуги и турки

скоро переманили их на свою сторону. Да иначе и быть не могло. Если бы турки в то время не сидели в Анапе и не держали по берегам моря рынков для торговли невольниками, быть может, влияние их на Черкесию окончилось бы в тот самый день, как русские придвинулись к Кубани. Но развращающая возможность легкого обогащения грабежом и пленением соседей склоняла черкесов на сторону турок и делала их естественными врагами русских.

Шапсуги и абадзехи первые стали производить набеги на Линию, захватывать людей и сбывать их в Анапу; другие племена увлеклись их примером, и война запылала. За Кубань нельзя уже было ездить казакам не только поодиночке, как прежде, но даже и целыми командами, которые никогда не возвращались назад без убитых и раненых. Мирная Кубань стала с этих пор для черноморского казака порогом вечности. И уже никто, не рискуя утратить жизнь или свободу, не мог переступить запретных берегов ее.

Одной из первых жертв начавшейся борьбы предания называют казацкого хорунжего Бескровного, и в его истории отражаются взаимные отношения врагов, мнения черкесов о казаках и гордая воинская дерзость последних. Бескровный попался в руки черкесов во время охоты за Кубанью, а на третьи сутки уже успел бежать. Черкесам удалось поймать его, и на этот раз они решили продать его в горы. Но три дня напрасно водили пленника в горах по аулам - покупать его никто не хотел. Каждый, узнавая в Бескровном по чуприне на голове черноморца, говорил продавцам, что "его можно купить разве для того только, чтобы пропали деньги". Тогда азиаты, посоветовавшись между собой, обрезали Бескровному чуприну, и уже в этом виде продали его за турчина одному черкесу, от которого Бескровный и бежал через две недели в свои закубанские плавни.

Уже в короткое атаманство Котляревского война приняла весьма острый характер. Атаман, живший почти все время в Петербурге, письменно громил управителей Черноморского войска за слабое содержание кордонов, но с приездом его самого на Кубань дела пошли еще хуже. В темные ненастные ночи черкесы пробирались между казацкими секретами, нападали на жителей, грабили, убивали и уводили в плен. Не раз вторгались большие черкесские партии

громить казацкие станицы. Казаки геройски защищались, но им недоставало быстроты, легкости и подвижности, которыми отличалась черкесская конница. В этом отношении виноват уже более всего упрямый характер самих черноморцев, не желавших у себя никаких нововведений.

Шапсуги остались до конца злейшими врагами России и покорились последними. К тому же они скоро потеряли свою некогда яркую самобытность и стали жить жизнью беспорядочной разбойничьей шайки. Дело в том, что, разрушив в революционном порыве все свое общественное устройство, они после так уж и не могли построить прочного порядка. И в этот несчастный край, как в лишенный изгороди двор, со всех сторон стали собираться, сперва поодиночке, а потом и целыми караванами, беглецы, все беспокойные и преследуемые в своем обществе и племени люди, убийцы, воры и всякие оскорбители народных нравов и нарушители чужих прав. Оставив обычаи того племени, к которому они принадлежали прежде, эти пришельцы не находили на новом месте ни прочных законов, ни обычаев, потому что шапсугский народ сам находился в совершенном брожении. Шапсугия стала обширным разбойничьим притоном для всех соседних племен, и беглецов из одной только Кабарды здесь водворились тысячи.

Лучшие люди Шапсугии скоро поняли начинающуюся гибель своего племени, и между ними возникла мысль отделиться от наносного сброда и даже действовать против него в союзе с русскими. С горячим негодованием и скорбным сетованием говорили они о позоре своей родины, превращенной буйством народа в притон воров и разбойников. "Если бы вы поставили, - говорили они впоследствии русским, - дватри укрепления впереди Кубани, все настоящие, родовые шапсуги стянулись бы и сели позади этих укреплений, чтобы вместе с вами принудить необузданный сброд подчиняться порядку". К сожалению, мысль эта не нашла сочувствия со стороны кавказского начальства, которое не верило ее осуществимости. А между тем, по словам старожилов, она имела все шансы осуществиться легко и прочно, чему примером может служить Гривенская станица Черноморского войска, которая населилась именно шапсугами, не сочувствовавшими анархическому движению своей родины.

III

АТАМАН БУРСАК

В главном городе черноморских казаков, Екатеринодаре, совершилась двадцать второго декабря 1799 года церемония присяги нового войскового атамана полковника Федора Яковлевича Бурсака, назначенного рескриптом императора Павла на место старого Котляревского. Бурсак был один из последних характерных представителей Сечи Запорожской, и при вступлении его в важную должность казацкого "батьки" соблюдены были все обычаи Сечи, принадлежащие отдаленнейшим ее временам.

Под знаменами минувших времен Бурсак поклялся положить конец неисходным бедам черноморцев, вносимых к ним черкесскими набегами. Нужно сказать, что в те времена было в силе распоряжение, запрещавшее казакам переходить Кубань для преследования черкесов. И это обстоятельство было истинным бедствием для казаков. Черкесы то и дело врывались в казацкие земли за добычей, а казаки, наказывая хищников на своей стороне, не могли преследовать их, вечно приходя к заповедной грани, нередко останавливавшей их на пути к победе. Борьба выходила неравной. Черноморцы роптали, а Бурсак воспользовался первым большим нападением черкесов в марте 1800 года на Копыльский кордон, чтобы настойчиво домогаться права ответных набегов. И разрешение наконец было дано.

С этого времени война принимает новый и более

правильный характер, не ограничиваясь уже одними берегами Кубани, а понемногу захватывая собой горы и ущелья Кавказа. Начался ряд теперь уже обоюдных набегов: то горцы вторгались для добычи, то черноморцы шли за Кубань наказать их.

Наступательные действия со стороны черноморских казаков начинаются уже летом 1800 года. Две тысячи черноморцев, под личной командой атамана Бурсака, вошли в Черкесскую землю и на первый раз истребили аулы двух злейших врагов: Аслан-Гирея и Девлет-Гирея. Богатая добыча, доставшаяся казакам, не только вознаградила их за прежние потери, но манила к новым вторжениям; так что, когда вслед за тем черкесы напали на казаков, рубивших лес в Головатом куте, и взяли нескольких из них в плен, то есаул Кобеняк, стоявший на кордоне, уже не задумываясь бросился вплавь через широкую Кубань и на том берегу, близ аула Махмет-Паки, имел молодецкое дело. Пятьсот черкесских наездников, предводимых отважным Явбук-беем, не устояли против стремительного натиска двух сотен удалого Кобеняка, и сам Явбук-бей едва успел спастись. Все пленные казаки были отбиты, черкесская партия рассеяна, и Кобеняк, разграбив по пути аул Махмет-Паки, с добычей возвратился на Линию.

Озадаченные горцы после того в течение целого года не смели приближаться к Линии. Но Бурсак, понимая, что это только затишье перед новой бурей, торопился усилить оборону Линии. Воспользовавшись тем, что в казацком войске много было еще казаков "водяных", то есть приученных к действию на море, он образовал из них плавучие караульни, которые и должны были двигаться по всему низовому течению Кубани. Эти речные пикеты, называвшиеся байдаками, устраивались наподобие паромов, но имели весла и слушались руля. Вооружение их состояло обыкновенно из фальконетов, иногда и из одной трехфунтовой пушки, а по борту, обращенному к неприятельскому берегу, устраивались шерстяные щиты с бойницами для ружей.

Но именно один из этих байдаков скоро и послужил поводом к новому кровавому столкновению. Двадцать восьмого февраля 1802 года он шел по Кубани из Бугазской пристани к Екатеринодару с четырьмястами пудами казенного пороха. Нужно

сказать, что недалеко от Славянского поста, почти на середине кордонной линии, Кубань разрывается на два параллельные течения и, слившись вновь верстах в шестидесяти от этого места, образует продолговатый и низменный Кара-Кубанский остров. Левое течение, левый проток, приходящийся ближе к горам, образует речку Кара-Кубань, а правый, почти уже пересохший, удерживает за собой название Старой Кубани. Дойдя именно до того места, где протоки Кубани снова соединяются, судно остановилось, так как дальше Кубань была для него мелководна, а Кара-Кубань протекала в черкесских пределах. Не желая, однако, выгружаться с транспортом, офицеры, начальствовавшие на байдаке, хорунжие Венгерь и Жвачка, решились избрать последний путь как более близкий. Но этот близкий путь привел их к гибели. Плывший байдак неожиданно был осыпан черкесскими ружейными пулями с берега. Начальник судна тотчас взял направление к противоположному берегу, чтобы выйти из-под выстрелов горцев, но тут-то и случилась с ними непредвиденная беда. Глубокий противоположный край Кубани, весь поросший густыми камышами, скрывал засаду, и едва байдак подошел к нему, как горцы сделали залп и мгновенно вскочили на палубу. Рукопашный бой был непродолжителен; оба офицера и четырнадцать казаков были убиты, а остальные, вместе с байдаком и пушкой, остались в руках неприятеля. Случилось, что двое тяжелораненых были приняты черкесами за убитых и брошены на берегу. Они-то впоследствии добрались кое-как до Кубани и сообщили о происшествии.

Молча выслушал атамана Бурсак недобрую весть и решил жестоко наказать черкесов.

Двадцать девятого мая шесть тысяч черноморцев, перейдя Кубань на Ольгинском кордоне, вступили во вражескую землю. Здесь к ним присоединились еще два полка - четырнадцатый и пятнадцатый - егерей; но так черноморским казакам доступнее были закубанские плавни и ближе к сердцу самая цель похода - наказать хищных злодеев, то, предоставив егерям идти позади и взяв в проводники султана Шеретл-оглы, атаман в ту же ночь повел своих удалых черноморцев к местам, где пострадали их войсковые товарищи.

Солнечный восход тридцатого мая встретил

Бурсака уже у крайних черкесских селений, принадлежавших князю Буджуку. Казаки подошли к ним скрытно, по таким местам, где только казак со своим обычным терпением мог пробираться безнаказанно; несмотря на то, черкесы встретили нападение ружейной пальбой, а вскоре на выручку к ним прискакала и новая партия в пятьсот человек. Бой закипел, и долго ни та, ни другая сторона не уступала ни шагу. Горцы бились отчаянно, чтобы выиграть время и спасти семейства, черноморцы хотели именно взять эти семейства и упорно ломились в аулы. Наконец части казаков удалось скрытно зайти в тыл неприятелю и дружной атакой смять черкесов. Тогда четыре аула, захваченные казаками, были превращены в груды развалин; весь скот, имущество, семьи - все осталось в руках черноморцев; пленных было взято более пятисот человек, и в числе их находился сам князь Буджук со всем своим семейством. Атаман Бурсак произведен в награду за это дело в полковники.

Страх подобных нашествий гораздо более способен был обуздать черкесов, чем всякая кордонная стража, но в то же время чувство мести и желание расплаты со стороны горцев придавали всей войне по временам кровавый и беспощадно-жестокий характер, создавший и для казаков невыносимые трудности.

Особенно тяжела была для них зима 1803 года. Морозный январь давал возможность хищникам удобно по льду переходить Кубань; черкесы выжигали казацкие пикеты и кордонное сено, проникали в прикубанские селения, захватывали скот, даже уводили людей. Дерзость их дошла до того, что раз двенадцать человек ночью пробрались в самую Чернолесскую станицу, разграбили в ней дом казака Семена Дзюбы и, захватив его молодую жену, полунагую потащили ее к Кубани. Несчастная, раненная шашкой в бок, собрав, однако, последние силы, вырвалась из рук черкесов и успела закричать. На шум выскочил какой-то казак и выстрелом из ружья поднял на ноги целую станицу. И подобные происшествия стали делом заурядным. Прибрежные камыши и непроходимые кубанские плавни благоприятствовали мелким набегам, и уберечься от них, особенно в темные ночи, не было никакой возможности.

Настало на Линии бесконечно тревожное время; даже посты, и те не могли считать себя в безопасности. Ночью на них никто не ложился спать, коней не расседлывали, а лазутчики из-за Кубани один за другим приезжали с грозными вестями. Скоро стало известно, что сильные партии горцев находятся в сборе, но никто не знал, куда они намерены направиться.

Девятнадцатого января черкесы перешли Кубань и бросились на Александровский пост. Постовой начальник хорунжий Коротняк, встретивший их на валу, был убит, и горцы ворвались внутрь укрепления. Но здесь, поражаемые на каждом шагу метким огнем черноморцев, они не удержались и отступили, успев, однако, захватить с собой жену Коротняка и восемь казаков.

Еще не отгремели последние выстрелы на Александровском посту, как новая, еще большая партия горцев кинулась на Копыльский кордон, и бой здесь был еще серьезнее. Черкесы несколько раз ходили на приступ, и если Копыл устоял, то только благодаря храбрости своих начальников подполковника Блюдова и капитана Ерько, распоряжавшихся обороною. Чтобы дать понятие об упорстве этого нападения на Копыл, довольно сказать, что по неприятелю сделано было тогда пятьдесят два картечных и до четырех тысяч ружейных выстрелов.

Окрестные поля и берега Кубани были завалены трупами горцев, и все-таки окончательная победа осталась за казаками только тогда, когда на помощь подоспела команда с ближайшего Протоцкого поста.

Отбитый от Копыла, неприятель стал отступать к Кубани, но вдруг круто повернул назад и всей массой ударил на Протоцкий пост, где казаки, только что возвратившиеся из боя, усталые, казалось, не могли противопоставить ему серьезной обороны. И положение поста действительно могло бы стать отчаянным, если бы храбрый Ерько со своими егерями при первой тревоге не подоспел из Копыла отплатить услугой за услугу и не помог отразить нападение.

Еще раз после того сильная черкесская конная партия прорвалась сквозь Линию и кинулась было на Петровский пост, но, отраженная с большим уроном, она ограничилась, к счастью, тем, что разбила почтовый двор да один казачий хутор.

Всю зиму несли черноморцы на Кубани тяжелую кордонную службу, стойко обороняя свою пограничную линию. С весной набеги прекратились. Носились слухи, что между горскими племенами начались раздоры и несогласия, что одни требовали решительных действий против русских, а другие, напротив, желали мира и сближения с казаками. Как бы то ни было, но целые восемнадцать месяцев военная гроза не разражалась над Линией, и только уже осенью 1804 года стали снова ходить тревожные слухи о враждебных замыслах горцев.

Шестнадцатого сентября, действительно, тысяча человек отборных наездников шапсугов перешли Кубань с намерением идти к Тимошевской станице. Триста казаков, с самим атаманом во главе, встретили их на переправе, но, подавляемые превосходными силами, вынуждены были отступать, пока на помощь не подоспел взвод конной артиллерии и метким картечным огнем не остановил неприятеля. Тогда сражение приняло необычайно кровавый характер. Напрасно шапсуги пытались проложить дорогу оружием - картечь отбрасывала их назад, и скопище, понеся огромную потерю, вернулось за Кубань.

Справедливо опасаясь, чтобы за этим набегом не последовали другие, как это было в прошлые зимы, Бурсак решил предупредить врагов и сам двинул за Кубань восемь конных и пять пеших черноморских полков при шести орудиях. Несмотря на суровую зиму, глубокие снега и сильные вьюги, отряд первого декабря со всех сторон вломился в шапсугские владения. Предав совершенно опустошению берега Шебже, Афипсу и Обуни, Бурсак возвратился на Кубань не прежде, как искрестив по всем направлениям страну злейших врагов Черномории. Возмездие, поразившее на этот раз горцев, было достаточно сильно, чтобы на время заставить их прекратить набеги. Лишенные жилищ и имущества, оставленные на зиму без крова и хлеба, они просили пощады и дали аманатов. За личную храбрость и распорядительность в этой экспедиции Бурсак награжден был орденом св. Анны 2-ой степени, украшенным алмазами.

С этих пор спокойствие на кордонной Кубанской линии не перерывалось до 1807 года. Но едва Турция объявила России войну, как горцы, забыв свои клятвы, стали под турецкие знамена, а в марте несколько

тысяч их уже ринулись к Кубани и, разорвав кордонную линию, как лава, разлились по всему Черноморью. Селения Титаровское и Стеблиевское и хутора Курчанские первые сделались жертвой набега.

Атаман немедленно вызвал на границу все льготные строевые казацкие части, находившиеся внутри Черноморья, и, поставив таким образом крепкую преграду дальнейшим вторжениям горцев, в то же время намеревался доказать им, что турецкая война нисколько не может помешать черноморцам найти дорогу к жилищам черкесов. Он даже отклонил предложенную ему помощь регулярных войск и готовился идти за Кубань с одними казацкими силами. Но едва черкесы увидели, что атаман сдвигает казачьи полки на границу, как многие горские князья уже явились к нему с повинной головой и с изъявлениями покорности.

В это самое время главнокомандующий войсками в Крыму, маркиз де Траверсе, задумал овладеть Анапой и через Таманский полуостров отправил к ней регулярный отряд, под начальством генерал-майора Гангеблова, получившего приказание принять в свое распоряжение и полки черноморских казаков. Но на пути к Анапе Гангеблов узнал о взятии крепости эскадрой контр-адмирала Пустошкина и возвратился на Линию.

Из ряда многочисленных случаев, трудов и встреч с неприятелем в этом походе выделяется дело полковника Кухаренко, который с казачьим полком был послан седьмого мая занять небольшой черкесский аул, лежавший в лесистом ущелье реки Псебета. Приказание было отдано лично Гангебловым; но Бурсак, знавший, какие неудобства представляет местность для конного полка, послал на помощь к нему еще небольшой отряд казаков с приказанием действовать неприятелю в тыл, и только эта предусмотрительность спасла Кухаренко. Сопротивление, встреченное им в лесу, было так сильно, что сам атаман, встревоженный участью черноморцев, поскакал на место боя, принимавшего опасный для них характер. К счастью, в это именно время подоспело подкрепление, и тогда Кухаренко, раненный шашкой в лицо, и сотник Ворапай, раненный в голову и в бок, тем не менее бросились вперед во главе своих казаков и на глазах атамана овладели аулом.

Незначительное само по себе дело это распространило, однако же, тревогу в горах, и горцы в значительных силах собрались за рекой Корванди. Гангеблов, не решаясь вступить с ними в бой, приказал отступить на Ольгинский пост, но войсковой атаман, хорошо понимая, что горцы в этом случае сами насядут на отряд, уговорил его смело ударить на неприятеля. Пять полков черноморцев понеслись к черкесским аулам, которые виднелись по ту сторону речки. Черкесы одной половиной встретили этот летучий отряд, а другой ударили на пехоту. И здесь и там завязалось жаркое дело. Казаки, после рукопашной схватки, первые опрокинули горцев, и те повсюду бежали, понеся значительные потери. После боя аулы были истреблены казаками, и Бурсак хотел продолжать наступление, но Гангеблов на то не согласился и приказал войскам возвратиться на Линию[1].

Нерешительность действий Гангеблова много повредила Черномории. Самое назначение туда регулярных войск, с начальником также из регулярных генералов, было весьма неудобно при тогдашнем положении дел на кубанской границе, внушая горцам мысль о слабости Черноморского войска. Бурсак, желая загладить невыгодное впечатление, произведенное всеми этими обстоятельствами, воспользовался известием, что анапский паша собирает в горах до пятнадцати тысяч черкесов с тем, чтобы наказать мирные аулы, стоявшие на Лабе, и тотчас отправил на помощь к ним тысячу казаков, под начальством подполковника Еремеева.

Подполковник Еремеев был человек несомненно решительный и храбрый, но обстоятельства сложились так, что экспедиция не принесла решительно никакой пользы для Черноморского края и только вызвала черкесов на новые враждебные действия. Собрав под свое начальство всю горскую милицию, Еремеев двинулся с ней на абадзехов, и девятнадцатого октября на Белой произошло жаркое сражение. Абадзехи,

---

[1]Гангеблов - шеф двенадцатого егерского полка, во время Отечественной войны состоял в армии адмирала Чичагова, а в 1813 году, в сражении под Бауценом, получил сильную контузию в бок, заставившую его навсегда оставить военную службу. За Бауцен он получил орден св. Георгия 4-ой степени.

массой насевшие на правое крыло отряда Еремеева, сильно теснили черкесов-бейзруковцев, и дело готово уже было принять совсем дурной оборот, когда подоспели на помощь черноморцы. Полковник Порывай с сотней казаков вихрем ударил на неприятеля; в то же время картечный залп из трех орудий, приведенных Еремеевым, произвел в рядах абадзехов страшное опустошение, и после минутного боя все скопище их обратилось в бегство. Началась бешеная, ничем не удержимая погоня, на которую способны одни рассвирепевшие горцы. Сам князь Бейзрук, окруженный толпой уорков, понесся вперед, чтобы натешиться местью над пораженными врагами. К сожалению, он слишком увлекся и, наскочив в лесу на засаду, был убит наповал. Смерть храброго князя расстроила весь план похода, и бейзруковцы, упавшие духом, потерявшие веру в успех всего предприятия, стали расходиться по домам; Еремееву также не оставалось ничего более, как возвратиться на Линию.

Перемирие, заключенное с Турцией, приостановило военные действия с черкесами на Кубани только на короткое время. Одиннадцатого мая 1809 года горцы уже снова перешли Кубань и взяли Новогригорьевский пост, вырезав гарнизон его до последнего человека. На всей пограничной линии поднялась тревога, а черкесы, упоенные успехом, уже мечтали разорить всю Черноморию. Вдруг грозная весть пронеслась по горам, что сам атаман Бурсак появился в Шапсугии.

Это было летом 1809 года. Напрасно горцы, пользуясь лесистой местностью, пытались остановить победоносное шествие черноморцев. Бурсак прокладывал себе дорогу пушечными выстрелами и, подвигаясь все дальше и дальше, оставлял за собой страшные следы опустошения. Более тысячи шапсугов было убито в эту экспедицию, более восемнадцати аулов разорено до основания, множество хуторов со всеми запасами сена и хлеба преданы пламени. Теперь, когда Анапа была в руках русских, казаки проникали в самое сердце неприятельской земли и всюду вносили за собой смерть и разорение.

Полагая, что после столь жестокого наказания горцы одумаются и прекратят свои нападения, маркиз де Траверсе приказал Бурсаку остановить военные действия и поручил генерал-лейтенанту Дюку де

Ришелье, управляющему тогда Новороссийским краем, отправиться в Екатеринодар, чтобы лично присутствовать при заключении с черкесами мирных условий.

Ришелье действительно прибыл и, собрав к себе знатнейших закубанских владельцев, долго уговаривал их быть мирными соседями черноморцев. Черкесские князья почтительно слушали речи герцога, соглашались на все безусловно, приняли подарки, но тут же, узнав о времени отъезда богатого и знатного генерала, условились между собой захватить его в плен, и триста отчаянных головорезов засели у Петровского поста. К счастью, Дюк де Ришелье совершенно случайно изменил свой маршрут и выехал из Екатеринодара несколькими днями позже. Для извещения об этом постовых начальников был послан вперед верховой казак, которому на пути к Петровскому кордону пришлось проезжать как раз мимо засады. Черкесы, соскучившиеся долгим ожиданием, бросились на казака, чтобы узнать от него, не уехал ли генерал вместо Тамани в Ростов. Казак ушел от погони, но несколько увлекшихся черкесов пронеслись за ним вплоть до Калаузского редута, где тотчас ударили тревогу. Семьдесят казаков с орудием, под командой хорунжего Иваненко, приготовленные здесь для конвоирования Дюка де Ришелье, вышли против хищников и, преследуя их по густым камышам, открыли засаду. Иваненко кинулся на нее с таким отчаянным гиком, что горцы потеряли голову и бросились бежать, покинув на месте множество седел, бурок, папах и даже оружия.

Не подозревая об угрожавшей ему опасности, Дюк де Ришелье спокойно приехал в Калаузский редут и здесь получил известие о происходящем деле. Не теряя времени, он тотчас послал на подкрепление к Иваненко свой конвой, сопровождавший его от Копыла, а между тем и сам поехал вслед за отрядом. По всей дороге он видел тела убитых черкесов, а в нескольких верстах от Калауза встретил и казаков, уже возвращавшихся из боя с добычей и пленными. В числе последних находился начальник партии, которого взял Иваненко, сильным ударом канчука сбив его с лошади. От этих пленных узнали о дерзком намерении и о числе бывших в засаде черкесов. Со стороны казаков потерь не было. Дюк в тот же вечер благополучно прибыл в Тамань; храбрый Иваненко по

его представлению награжден был орденом св. Анны 4-ой степени. Черноморцы, в память этого события, на месте, где угрожала герцогу опасность, заложили батарею, которую и назвали по имени его - Эммануиловской.

Все лето и всю осень продолжали черкесы тревожить Линию своими набегами, а с началом 1810 года открыли наступательные действия уже в более обширных размерах. Двенадцатого января удар их направлен был на хутора, принадлежавшие к Ивановской станице; восемнадцатого, после геройской обороны, пал Ольгинский пост и были разграблены Ивановская и Стеблиевская станицы; двадцать шестого той же участи должна были подвергнуться станица Мишастовская, если бы черкесы не встретили в ней отчаянного сопротивления со стороны двухсот пятидесяти казаков и расквартированной в селении роты егерей. Подполковник Бурнов, распоряжавшийся обороной станицы, был ранен пулей в щеку, но заступивший его место храбрый капитан Трубицын, после четырехчасового упорного боя, отбил нападение.

Очевидно, горцы нуждались в новых уроках. Но атаман, давно уже желавший перенести театр военных действий в землю непокорных горцев, был связан распоряжениями свыше. Недовольный осторожностью начальства, он предрекал ему январские события, и только когда они совершились, Бурсак получил наконец право распоряжаться обороной Черноморской линии по своему усмотрению.

Едва получив об этом известие, он семнадцатого февраля уже был за Кубанью и громил абадзехов[1]. Тяжелая болезнь остановила атамана, но начатое дело было блистательно докончено его сотоварищами: полковником Кобеняком и войсковым старшиной Дубаносовым. В ту же осень Бурсак жестоко наказывал абазинцев, зимой ходил к натухайцам, а в январе 1811 года - к шапсугам.

Это были последние походы атамана. Имя его грозой пронеслось по горам и надолго отбило охоту у горцев тревожить Черноморскую линию. Сильнейшие племена черкесов спешили принести покорность,

[1]После этого похода вся добыча роздана была войскам, а из оружия богатый лук со стрелами в колчане и отличное ружье отосланы были в Одессу в подарок герцогу Ришелье.

обещали хранить мир и даже оберегать русские границы. Погромы Бурсака поныне остались в памяти горцев. Произведенный за отличие в боях в генерал-майоры, он еще пять лет правил войском, пользуясь плодами завоеванного им мира, и посвятил свою деятельность исключительно уже развитию внутренней жизни Черноморского войска.

Одновременно с тяжелой борьбой на Кубани черноморцам, в те времена беспрерывных войн, приходилось еще высылать свои полки и для участия в других европейских кампаниях. Так, в 1807 году, по случаю выступления войск из Крыма против французов, один конный полк ходил в Карасу-Базар для содержания разъездов по берегам Черного моря, а другой, пеший, под командой подполковника Паливоды, сформированный из людей, знающих морское дело, отправлен был на Дунай служить на судах гребной флотилии. Памятным эпизодом этой войны осталась гибель самого Паливоды, случившаяся при следующих обстоятельствах.

Двенадцатого мая 1809 года, под Тульчиным, а быть может, на острове Четале - об этом нет достоверных исторических известий - Паливода задумал подойти на баркасах к турецким батареям и захватить их врасплох. С вечера, под разыгравшуюся погоду, флотилия его пустилась по Дунаю, но сильная буря ночью разметала казацкие баркасы и совершенно расстроила план нападения. Сам Паливода был отнесен течением прямо под турецкие батареи и, несмотря на отчаянное сопротивление, погиб в неравной борьбе с напавшими на него турками. В Отечественную войну тот же пеший полк, в составе Дунайской армии, сражался на берегах Березины, а в июне 1813 года на смену его прибыл новый, уже конный полк, на долю которого и выпала честь представлять собой Черноморское войско в заграничных наполеоновских войнах.

В то же время черноморцы участвовали в этих походах и своей гвардейской сотней. Нужно сказать, что гвардейская сотня от Черноморского войска была сформирована в первый раз в 1811 году. Отправленная в Петербург, под начальством войскового полковника Афанасия Бурсака, она была причислена к лейб-гвардии казачьему полку, который участвовал во всех главнейших сражениях наполеоновских войн и

особенно отличился в знаменитой атаке под Лейпцигом. Тогда черноморская сотня заслужила серебряные трубы и георгиевский штандарт.

В 1816 году, удрученный годами и долгой боевой службой, Бурсак просил увольнения от должности и вышел в отставку.

Шестнадцать лет атаманства Бурсака были значительны для Черноморья не в одном только военном отношении, и заслуги его в смысле дел мирных, быть может, были не менее важны. Ему принадлежит честь открытия первых учебных заведений и школ для воспитания казачьего юношества, заброшенного судьбой в эту безлюдную сторону, полную тревог и опасностей. При нем же совершилось и переустройство Черноморского войска, совершенно изменившее перенесенное им с Днестра на Кубань старинное сечевое устройство.

Сечевой уряд держался на Кубани только до 1803 года, когда последовал указ об учреждении Черноморских полков на общем основании с другими казачьими войсками. Единственная уступка, сделанная в этом отношении для Черноморского войска, заключалась в том, что в нем сохранено старинное конно-пешее устройство, какое было в Запорожской Сечи, и сверх десяти конных полков образовано столько же пеших, которых другие казачьи войска совсем не имели.

С учреждением полков дан был Черноморскому войску и форменный мундир: короткая куртка с откидными за спину рукавами синего цвета и такие же выпускные широкие шаровары, белый кушак, высокий кивер с султаном, ружье, лядунка, кавалерийская сабля и длинная пика. Пешие казаки отличались от конных только тем, что вместо пики имели короткий дротик, служивший при стрельбе подсошком.

С изменением устройства и порядка в Черномории минули безвозвратно и старые времена. Но прежнее устройство, связанное с вековой историей Запорожья, долго оставалось в памяти народа, который поныне любит о нем вспоминать и добрые старые годы обозначает словами: "До полков".

"Тогда, - скажет вам казак, - было житье казачине. Тогда мы величали друг друга братом, а кошевого атамана - батьком. Так оно было и на самом деле.

Мы не чувствовали тесноты в светличке о трех окнах, под низко спущенной камышовой крышей, где, на светаньи Божьего дня, звонко чиликали воробьи, благодарные за ночлег под одной с ними смиренной кровлей. Наши матери и молодицы разъезжали еще в стародубовских кибитках, в которых только и роскоши было, что медные головки на цвяшках (гвоздиках); а мы-то, мы с пренебрежением смотрели на колеса, и нас носили стремена. Стремя было для казацкого чобота, что крыло для пяты Меркурия. На дружеских пирах мы пили свою родную варенуху, услаждали вкус мнишками, а слух - цимбалами и под их разудалое, задирающее за живое бряцанье отплясывали журавля да метелицу. Пуля и даже сабля не брали нас в бою, затем, что никто из нас назад не оглядывался. У домашнего очага мы были недоступны ни для корчеи, ни для иной злой немочи, не было преждевременных морщин, за которые могли б они ухватиться. Все недоброе от нас, как мяч, отскакивало; просто - житье было тогда на казачине".

IV

АНАПА В 1807-1812 ГОДАХ

При черноморском атамане Бурсаке турецкой крепости Анапе пришлось играть роль довольно значительного местного центра русских военных действий в западной части Кавказа. Хотя сама по себе крепость эта, благодаря походам к ней Текелли, Бибикова, эскадры контр-адмирала Ушакова, намеревавшегося истребить на рейде ее турецкие суда, и особенно благодаря взятию ее приступом войсками генерала Гудовича, давно уже потеряла престиж неприступной твердыни; однако же, возвращенная туркам по Ясскому миру, она продолжала служить для них не только опорным пунктом, откуда распространялось влияние их на всю Черкесию и часть Закавказья, но и главнейшим питомником черкесских набегов, всегда находивших в Анапе и защиту, и поощрение, и даже прямое подстрекательство. И вот, во время атаманства Бурсака, Анапа делается вновь предметом завоевания и остается в русских руках уже около пяти лет кряду.

В 1807 году эскадра контр-адмирала Пустошкина, подойдя к Анапе, открыла бомбардирование с моря; но, к удивлению, крепость не отвечала, и мичман Неверовский, высадившийся на берег с шестью матросами, нашел крепостные верки уже покинутые турками. Взойдя на вал, он поднял на нем кейзер-флаг. Радостное "Ура!" целой эскадры огласило черноморские воды, приветствуя этот видимый знак

русского владычества. В эту самую минуту Неверовский внезапно был атакован сильной партией горцев, но подоспевшая команда, с флаг-офицером Юрьевым, выручила храбрых моряков и отразила нападение. Через час после этого в Анапу вступил гренадерский батальон четвертого морского полка, который забрал оттуда все медные пушки, а все остальное имущество, каменные стены, верки и батареи взорвал. Затем батальон посажен был опять на суда, и эскадра шестого мая возвратилась в Севастополь.

По удалении русских турки немедленно возобновили разрушенные верки, но через два года явилась опять эскадра капитан-лейтенанта Перхунова, вторично овладела Анапой и на этот раз уже заняла ее своим гарнизоном. Комендантом крепости назначен был генерал-майор Бугхольц, а командующим войсками - генерал Панчулидзев. Между тем турецкий паша, бежавший из Анапы в горы, успел поднять черкесов, которые, отрезав все сообщения Анапы с Кубанской линией, держали ее гарнизон почти в постоянной осаде, беспокоя окрестности мелкими нападениями. Тогда полковник Эстляндского пехотного полка Золотницкий был послан с небольшим отрядом наказать одного из главнейших и наиболее беспокойных черкесских князей, Айдамира, у которого именно и скрывался паша. В продолжение двух дней Золотницкий громил черкесов и разорил до сорока аулов, но на обратном пути он, в свою очередь, был окружен двенадцатитысячным неприятелем и в течение целого дня должен был выдерживать неравный бой. К вечеру до Анапы дошли преувеличенные слухи о тяжком положении отряда, и Панчулидзев немедленно выступил на помощь к нему со всем гарнизоном. Но прежде чем он успел подойти, дело было уже решено, и храбрый Золотницкий торжествовал полную победу. Неприятель, отброшенный в беспорядке, был прогнан с уроном до полутора тысяч человек, но успех недешево достался и Золотницкому, потерявшему более ста нижних чинов. А главное - экспедиция не принесла тех результатов, которые от нее ожидались.

До какой степени сообщения с Линией оставались и после того опасными, может служить доказательством следующее дело, бывшее восемнадцатого августа 1809 года. В этот день в Анапу ожидали

небольшую команду черноморских казаков, посланную с Линии, под начальством есаула Кривошеи. Зная опасность пути, Панчулидзев заблаговременно отправил навстречу к ней две роты двадцать второго егерского полка, с орудием, под командой майора Витязя. Отряд вышел в пять часов утра, а в семь на окрестных высотах уже замечены были из Анапы сильные партии горцев, и скоро затем стала слышна и перестрелка. Тогда Панчулидзев двинул вслед за Витязем еще батальон пехоты, с двумя орудиями, под командой подполковника Краббе, и эта предусмотрительность только и спасла, как увидим, от гибели и Витязя, и Кривошею.

Отряды их были уже друг от друга на расстоянии не более, чем верста, как вдруг из ущелья стремительно вынеслись две партии горцев, под предводительством самого анапского паши, при котором находились и два турецкие орудия; меньшая партия кинулась на егерей, большая обрушилась на казаков Кривошеи.

Сто сорок пять черноморцев, видя невозможность удержать стремительную лаву черкесской конницы, спешились и, не теряя присутствия духа, стали, по казацкому выражению, "на отбой". Точно скала, охваченная волнами разъяренного моря, стояла эта храбрая кучка под бешеным натиском черкесов. Но скоро оба казачьи офицера и многие из казаков были уже ранены. Витязь между тем стремительным ударом в штыки проложил себе путь и около полудня успел соединиться с казаками. Положение русских, впрочем, от того не выиграло. Обложив оба отряда густыми толпами, горцы выставили вперед свои орудия и поражали картечью с самых близких дистанций. В течение двух часов команда отбивалась от неприятеля; все пушечные заряды были уже выпущены, а между тем к горцам прибывали все новые толпы, и положение русских с каждой минутой становилось все затруднительнее и затруднительнее. Из пятнадцати офицеров в строю осталось уже всего только двое. Майор Витязь, получивший несколько ран, лежал возле орудия в совершенном изнеможении, но до конца не переставал ободрять своих подчиненных, заклиная их сражаться до последней капли крови и умереть с оружием в руках. Рядом с ним лежал на земле поручик Козлов, командовавший единственной

пушкой. Истекая кровью, с простреленными ногами, он также не хотел оставить своего поста и всякий раз приказывал поднимать себя, чтобы лично наводить орудие. Остальные раненые офицеры взяли солдатские ружья и стреляли, понимая, как дорога была каждая лишняя меткая пуля. В этом примере доблестных начальников нижние чины почерпали энергию и мужество, которые позволили им наконец сделать возможным почти невозможное - отстоять орудие, на которое направлялись самые яростные атаки черкесов.

Но в ту минуту, как гибель отряда казалась почти неизбежной, подоспел батальон подполковника Крабtest. Он разметал черкесские скопища и спас горсть оставшихся в живых героев.

К крайнему прискорбию, кровавое дело это стоило отряду храброго майора Витязя, не пережившего тяжких ран и через три дня скончавшегося в Анапе. Едва ли кто-нибудь укажет теперь его могилу, но память о нем живет и долго еще будет жить в Черноморском крае, где одна из первых казачьих станиц, перенесенных за Кубань, на вражескую сторону, названа, в воспоминание его блестящего подвига и доблестной смерти, Витязевской.

После этого кровавого боя особенно выдающихся событий в окрестностях Анапы уже не было, и в 1809 году только небольшая флотилия черноморских казаков, пройдя по Кизильтажскому лиману, истребила несколько береговых черкесских селений. Зато в 1810 году, когда казацкий атаман Бурсак громил абадзехов, а полковник Рудзевич[1], сменивший в Анапе

---

[1]Александр Яковлевич Рудзевич, впоследствии генерал от инфантерии, был в это время шефом двадцать второго егерского полка. Боевая служба его на Кавказе началась еще при Глазенапе на Линии, а потом он некоторое время командовал в Грузии Тифлисским пехотным полком. Наполеоновские войны сделали его имя известным целой России. Ему принадлежала честь взятия Монмартра под Парижем восемнадцатого марта 1814 года, за что он получил орден св. Георгия 2-ой степени. В царствие императора Николая он командовал третьим пехотным корпусом и скончался внезапно в походе, во время турецкой войны, двадцать второго марта 1829 года. Говорят, что причиной его смерти было известие о кончине любимого сына, убитого под Варной.

Панчулидзева, сделал, со своей стороны, удачный набег за Кизильтажскую косу, горцы подстерегли отряд на обратном пути и, верстах в пятнадцати от крепости, напали на него в огромных силах. Они пытались даже совсем истребить отряд, зажегши вперед его степь, как сделали это когда-то крымские татары с Сагайдачным, но, к счастью, пожар был скоро потушен, и отбитые пушечными выстрелами горцы рассеялись.

Отлично понимая, что спокойствие в крае не водворится до тех пор, пока турки будут сидеть на черноморском побережье, Рудзевич, в декабре 1810 года, собрал отряд и пошел разорять турецкую крепость Суджук-Кале, теперь игравшую ту же роль, что и Анапа. С потерей для турок Анапы все жизненные нервы закубанских народов сосредоточились именно в Суджук-Кале, который из скромного татарского городка уже за тридцать лет перед тем преобразился в довольно сильную турецкую крепость. Черкесы дорожили этим местом не менее турок, потому что здесь они получали оружие, боевые припасы, деньги и хлеб; здесь они продавали своих дочерей и невольников и здесь же имели всегда готовые суда для эмиграции в Турцию. В этом именно и лежала причина, почему шапсуги и натухайцы, земли которых прилегали к Суджукской крепости, так крепко стали на ее защиту. Рудзевич, однако же, разбил их скопища наголову и двадцать четвертого декабря, в рождественский сочельник, взял и разорил Суджук до основания. Экспедиция эта имела последствием, что все племена, обитавшие по северо-восточному берегу Черного моря, изъявили покорность. Рудзевич получил за нее чин генерал-майора и орден св. Георгия 3-ей степени.

Между тем, благодаря разумной политике анапского коменданта генерал-майора Бугхольца, женатого притом же на черкесской княжне из абадзехской фамилии Дауровых, между племенами, населяющими окрестности Анапы, мало-помалу начала образовываться довольно сильная партия, преданная интересам России. Нет сомнения, что дела приняли бы еще лучший оборот, но, к сожалению, в 1812 году, по заключении Бухарестского мира, Анапа опять возвращена была Турции, а вместе с ней снова поступили под турецкую опеку и все горские народы, обитавшие

по левую сторону Кубани. Говорят, что турки ставили непременнейшим условием мира возвращение Анапы и Поти и что на этом настаивали больше всего высшие турецкие сановники, получавшие именно из этих пунктов красивейших невольников и одалисок для своих гаремов. Как бы то ни было, но уступка столь важного приобретения может быть объяснена только той поспешностью, с которой необходимо было кончить одну войну, чтобы все силы государства направить тотчас же против другого врага, несравненно более опасного; это было то время, когда Наполеон стоял на Немане и, указывая своим полкам на бесконечную ширь русских полей, гордо произносил известные слова: "Россия увлечена своим роком!"

V

ГИБЕЛЬ НОВОГРИГОРЬЕВСКОГО ПОСТА (1809 ГОД)

Все то минуло, остались
Лишь могилы в поле,
Те высокие могилы,
Где лежит зарыто
Тело белое казачье,
Саваном повито.

"Спускаясь вниз по течению Кубани к Ахдынизовскому лиману, вы погружаетесь в самую глубину черноморских плавней и находитесь в последнем, низовом участке кордонной линии, самом невыгодном и неудобном для обеспечения ее от опасности.

Мрачна эта дымящаяся, туманная закраина зеленых степей, представляющая собой необнимаемые глазом болота, задернутые дремучим лесом камышей, с узкими между ними прогалинами сухой земли, которые служат путями только для хищных шакалов и горцев.

Напрасно взор ваш, измученный мрачным однообразием узкой дорожной просеки, ищет простора или предмета, на котором мог бы отрадно остановиться и отдохнуть.

Дремучий, безвыходный камыш! При ином повороте лениво подползет к дороге узкий ерик, дремлющий в своем заглохшем ложе под одеялом из широких листьев водяного лопушника, либо протянет к вашему стремени свои усохшие, искривленные ветви чахлая ветла, словно увечный, покинутый товарищами путник. Молит он проезжего о помощи, а проезжий...

как бы только самому скорее проехать. Кое-где мелькнет дикая коза и перебежит фазан, кое-где покажется высокая пика разъездного казака, молчаливого, бесстрастного и угрюмого, как окружающая его местность. Глушь и оцепенение кругом. Только невнятный шепот камышей, только однозвучное жужжание кружащих над вашей головой насекомых, да, при объезде какого-нибудь лимана, кваканье целого сонма лягушек... Там долетит до ваших ушей какой-то задушенный вой, быть может, волчий... а там резкий тоскливый писк ждущих корма птенцов хищной птицы.

И это вздрагивание, и этот бред погруженной в горячечный сон природы отдается в вашем чувстве самосохранения заветным memento mori. Покинутое внешними впечатлениями воображение разыгрывается, наполняется мрачными представлениями опасности близкой, готовой вспорхнуть из-под копыт коня. Зловещее предчувствие неравного боя, смерти, внезапного плена и неволи в горах налегает свинцом на душу... Завидев прежде вас обгорелый пень, чуткий конь поднимает голову, храпит и робко путает свои шаги. И вот где-то близко затрещал тростник, может быть, под клыком кабана, может быть, под чувяком психадзе... Всадник вздрагивает и торопливо заносит руку на приклад ружья. Чу! Раздался выстрел и в медленных перекатах замер где-то в бездонной глубине, в бесконечной дали. И стая лебедей тяжело поднялась над лиманом, и стадо кабанов шарахнуло в камышах с треском и гудением... И всадник едва может сдержать сполохнувшегося коня.

Всю ночь, от сумерек до света, и вверх и вниз по Кубани ходили разъезды, обыкновенно выбиравшие свой путь по прибрежным тропинкам, скрытым от глаз высоким камышом или кустарником.

Проезжая по Кубани поздним вечером (конечно, по казенной надобности) и тревожно приглядываясь к мелькающим мимо вас в темноте кустам, не выскочил бы из них головорез шапсуг, вы не видите разъезда, а он вас видит... Заметив, как беспокойно вы оглядываетесь то на ту, то на другую сторону, разъездный моргнул усом и думает про себя: "Не бойтесь, ваше благородие, езжайте себе, глаза зажмуря, ведь мы не спим!"

Да еще вы были версты за две, как он уже

остановил коня, насторожил ухо и наострил глаз. И когда вы пронеслись мимо него и вновь умчались в темную даль, он все еще прислушивается к печальному звяканью колокольчика - не прервется ли оно вдруг... И добродушно провожает вас пожеланием, чтобы ваш поздний ужин не остался кому другому на завтрак"[1].

Посреди такой-то именно местности, между Ахдынизовским и Кизилташкинским лиманом, соединяющимися между собой широкой лентой Кубани, стоял Новогригорьевский пост, как бы запиравший вход в узкие ворота Таманского полуострова. На посту находилось шестьдесят человек черноморских казаков и до сорока солдат Азовского гарнизонного батальона, под общей командой постового начальника зауряд-хорунжего Похитонова.

Постовая служба здесь была трудна и опасна, потому что плавни давали возможность хищным психадзе прятаться в виду самых кордонных вышек. Зато малейшие признаки: пыль, поднятая ветром, шум прибрежного камыша, шелест кустов, тревожные крики птицы - все обращало на себя внимание человека, чуткого к опасности, и заставляло его настораживать и слух свой и зрение.

Однажды, одиннадцатого мая 1809 года, часовой казак, стоявший на вышке Новогригорьевского поста, заметил в плавнях что-то весьма подозрительное: и мошкары вилось, как будто бы, больше обыкновенного, и птица кричала тревожнее... Насторожившись, он начал зорко всматриваться в синюю зловещую даль, откуда нет-нет да и нагрянет, бывало, грозовая туча черкесского набега. Вот, сквозь дремучий лес камыша, действительно, что-то сверкнуло на солнце; брякнула где-то кольчуга наездника; глухо отдавался по мягкому илу топот тихо ступающих коней. Это уже не психадзе, это - хеджреты... Но хеджреты среди белого дня не пойдут в одиночку или мелкой партией; стало быть, это собрание[2].

Немедленно дали знать на кордон Похитонову, тот приказал ударить тревогу, а между тем нарочный казак поскакал воротить конный разъезд, только что

---

[1]Это описание прикубанской природы и низовых кордонов принадлежит известному Попке - автору "Черноморских казаков".

[2]Большое скопище, сильная партия.

вышедший из поста для осмотра плавней. Но разъезд сам заметил уже неприятеля и, не попав на пост, понесся в ближайшие селения Титаровку и Стеблиевку дать знать о появлении черкесов.

Похитонов не имел достаточно сил, чтобы остановить переправу многочисленной партии, но он решился защищать свой пост до последней крайности. Высоко поднялись и закачались в воздухе огромные сигнальные шары, бухнул пушечный выстрел, вызывая помощь с ближайших кордонов, и весь гарнизон расположился по брустверу, готовясь встретить нападение.

Две тысячи горцев окружили пост и, думая овладеть им с налета, кинулись на штурм, но, принятые ружейным огнем и картечью, они отхлынули назад, оставив под его стенами много убитых и раненых. С полчаса кружились они около поста, осыпая гарнизон ружейными пулями, и наконец, истощив все усилия, потянули назад и скрылись в лощине. Ободренный успехом, Похитонов не захотел оставить врага в столь близком соседстве и сделал отчаянную вылазку. Эта-то неосторожная вылазка и погубила пост.

Стройное и смелое движение русского отряда сначала заставило горцев поспешно отступить к Кубани. Но едва они заметили, что ряды преследующих стали расстраиваться и приходить в беспорядок, сцена переменилась. Горцы вдруг повернули назад и сами ринулись на горсть казаков, совершенно смешавшихся от такой неожиданности. Минута колебания была минутой гибели для отряда. Расстроенные части его поспешно стали ретироваться к посту, а горцы, заскакивая вперед, задерживали их на каждом шагу и осыпали ружейным огнем, нанося большие потери. Скоро сам Похитонов был ранен, артиллерийская прислуга вся перебита, и пушечный огонь прекратился. Из артиллеристов дольше других оставались два канонира, но ружейный выстрел горца, сделанный в упор, угодил одному из них как раз в самую сумку, где хранилились заряды; последовал взрыв, и несчастный был разнесен на части, а обожженный товарищ его лишился чувств и замертво оставлен на поле сражения.

Черкесы между тем со всех сторон окружили отряд и с гиком бросились на уцелевшую горсть храбрецов.

Несколько бесцельных выстрелов из орудия, сделанных неопытными казаками, не могли остановить неприятеля; черкесы врубились, и началось буквальное истребление отряда.

Это было уже почти под самыми стенами кордона. Двести неприятельских трупов безмолвно свидетельствовали о доблестной защите отряда, но сила сломила его, и наконец все, кому еще можно было бежать, бросились спасаться в укрепление. Сам Похитонов, едва державшийся на ногах от раны, опираясь на орудийный ящик, последовал общему примеру, не видя иного спасения. Но горцы, со своей стороны, не дремали: они вновь успели преградить дорогу бежавшим, и только двадцати пяти человекам, со штабс-капитаном Фетисовым, удалось вскочить на кордон и запереть за собой ворота. Все остальные или были захвачены в плен, или изрублены, и в числе последних, под самыми стенами кордона, пал Похитонов.

Положение Фетисова было безнадежно. Уцелевшие казаки и солдаты в отчаянии засели в самых опасных местах и, насколько хватало сил, поражали неприятеля метким огнем. Но спасения уже не было. Черкесы зажгли вокруг кордона кучи сухого назема, и огонь, раздуваемый ветром, быстро перебрался внутрь укрепления. Сухие и крытые соломой строения вспыхнули, как порох, и волны густого черного дыма затопили кордон. Тогда Фетисов крикнул команде: "Братцы! Прихолится погибать уже не от черкесов, а от огня, так не спасемся ли бегством, куда кто потрафит?" Растворены были все калитки, но только пятерым удалось проскочить незамеченными к крутому обрыву Кубани, все остальные погибли.

Новогригорьевский пост был сожжен и разграблен.

Начальник поста Похитонов и с ним двадцать человек были убиты; штабс-капитан Фетисов, сорок два казака и тридцать пять солдат, тяжело израненные, взяты в плен. Так закончилась эта кровавая драма; и теперь на месте страшного побоища

...в чистом поле
Могила чернее,
Де кровь текла казацька -
Трава зеленее...

VI

СМЕРТЬ ТИХОВСКОГО

Больше сия любве никто не имать, да кто душу свою положит за други своя.

Иоанн, XV, 13.

С самого начала текущего столетия и до окончания кавказской войны Черноморская кордонная линия начиналась близ устьев Лабы у поста Изрядного, тянулась вниз по излучистому течению Кубани и оканчивалась, вместе с ее широкими лиманами, у северо-восточного берега Черного моря, недалеко от Анапы. Вся эта Линия занята была непрерывной цепью постов, батарей и пикетов.

Вместе с другими дедовскими преданиями, черноморцы перенесли с Днепра на Кубань и стародавнюю казацкую линейную фортификацию. Их пост и батарея представляли четырехугольный редут с теплой хатой внутри для помещения людей, с земляным бруствером и неглубоким рвом, усаженным колючкой на случай эскалады. Все эти посты и батареи вооружены были разнокалиберными и старыми пушками, которые защищали еще Днепровскую линию от крымцев во времена гетманов и вместе с казаками переселились на Кубань для продолжения линейной службы против черкесов.

Сообразно с местностью, по большему или меньшему ее стратегическому значению, пост вмещал в себе от пятидесяти до двухсот человек при одном или двух орудиях, а батарея - от десяти до двадцати

пяти казаков. С первым светом дня сторожевой казак поднимался на вышку, и все вышки по всем постам, сколько их ни было, зорили по Кубани до сумерек. Когда же голодный волк и хищный горец выползают из своих нор на ночной промысел, в то время значительная часть спешенных казаков выходила из поста и украдкой, вместе с тенями ночи, залегала берега в опасных местах по два и по три человека, образуя живые тенета для ночного хищника.

Это - залога, охрана спокойствия и безопасности страны. Казаки, остающиеся на посту, держали коней в седле и находились в готовности по первому выстрелу, далеко и звучно разносившемуся в ночной тишине, скакать на зов тревоги к обеспокоенному месту, не разбирая уже, где куст, где рытвина.

Над каждым постом, и большим, и малым, как неизбежная его принадлежность, торчала каланча или вышка, а к вышке прилаживался особый прибор, состоявший из длинного шпиля и поперечной перекладины с прикрепленными к ней двумя огромными шарами, сплетенными из ивовых прутьев. Весь этот прибор в совокупности напоминал начальную букву в слове "тревога", и был действительно не что иное, как вестник линейного сполоха, телеграф, или, как обыкновенно называют его казаки, маяк. Когда часовой днем завидит, бывало, с вышки неприятеля и закричит своим: "Черкесы! Бог с вами!" - ему обыкновенно отвечали снизу: "Маячь же, небоже!" И вот, спущенные до этой минуты, шары поднимаются вверх и, качаясь по ветру, маячат всем тревогу.

В некотором расстоянии от этой каланчи врывалась в землю высокая жердь со смоляной бочкой, обмотанная сверх того соломой, пенькой или сеном. Это - фигура, у линейцев - веха. Если в темную ночь неприятель прорывал кордонный оплот, огромные факелы воспламенялись и проливали багровый свет по берегу. Тогда учащенные выстрелы, крик, топот и рев переполошенной баранты далеко отдавались по сонной реке, и тревога тормошила Линию.

И часто на зеленеющем холмике, по соседству с фигурой, или вехой, встречаете вы и теперь потемневший, покачнувшийся на сторону деревянный крест либо черную насыпь на одинокой могиле

19-4

полегших в ночном бою защитников родного рубежа. И поравнявшись с этой могилой, добрый русский человек непременно снимет свою шапку, перекрестится и сотворит молитву за упокой казацких покойников.

Близ одного из таких постов, Ольгинского, стоявшего в третьем участке кордонной линии, восемнадцатого января 1810 года, в глухое предрассветное время, четыре тысячи пеших и конных горцев стали переходить на правый берег Кубани. Залога не просмотрела неприятеля, она открыла его, когда он был еще на том берегу, и условным сигналом известила пост; больше этого сделать она ничего не смогла. Черкесы валили открыто, и, не развлекаясь мелкими пикетами и батареями, вся толпа, несшая огонь и меч в казацкую землю, устремилась прямо на Ольгинский пост. Пешие быстро отрезали ему сообщение с другими кордонами, а конные понеслись вовнутрь Черномории грабить ближайшие станицы.

На Ольгинском посту находилось в это время до полутораста пеших и конных казаков, под начальством полковника Тиховского. Почуяв опасность, старый сечевик, ратовавший против врагов еще на берегах Днепра, и сам приказал ударить тревогу. Вспыхнул зловещий маяк, и гулко грянула с вала вестовая пушка, будя и призывая всех на тревогу. Откликнулись и здесь, и там ответными выстрелами соседние посты, но помощи подать уже было невозможно, потому что все дороги были захвачены и переполнены горцами. Только с ближайшего Екатерининского поста пятьдесят казаков, с есаулом Гаджановым, пробились сквозь толпу неприятеля и вместе с Ольгинским постом очутились в блокаде.

Поднятая Тиховским тревога не осталась, однако, бесплодной. Скоро из ближайших станиц по ветру донеслись тревожные звуки набатных колоколов. Но горцы сделали то, чего никто не предвидел. Они пронеслись мимо этих станиц и только в двадцати пяти верстах от Кубани ударили на селение Ивановку, а некоторые пронеслись еще далее, к стороне Старо-Стеблеевской. Черкесы выбрали для нападения такое время, когда большинство казаков находилось на постах и кордонах, а по домам оставались одни старики да малолетки.

Несмотря на быстроту движения и полную внезапность, первый приступ горцев был тем не менее неудачен. Ивановская станица, при помощи егерей майора Бахманова, отбилась ружейным огнем, и неприятель успел захватить только крайние дома. В них черкесы, однако, нашли несколько жителей, подожгли дворы и принялись за грабеж. Стон и вопль, доносившийся с этой окраины, побудили егерей сделать отчаянную вылазку, и малочисленная команда их, увлекаемая личным примером отважного Бахманова, кинулась в штыки и выбросила неприятеля совсем вон из станицы. Отдаленный гул пушечных выстрелов, доносившихся с Кубани, заставил черкесов поспешить с отступлением.

А на Кубани совершалась кровавая катастрофа.

Тиховскому, окруженному горцами на своем посту, ждать помощи было некогда и неоткуда. Он это знал, но видел также, что толпы черкесов двигаются для разорения земли черноморцев, защищать которую он ставил себе священной обязанностью. Остановить конных он, разумеется, не мог, но когда и пешие, оставив против него один наблюдательный пост, двинулись также к ближайшим хуторам и станицам, Тиховский не хотел уже быть безучастным зрителем кровавой расправы с казацкими женами и детьми, и двести казаков, с одной трехфунтовой пушкой, вышли из Ольгинского поста.

С этой-то горстью людей Тиховский бросился на скопище в двадцать раз сильнейшее с тем, чтобы заставить его вступить с собой в отчаянный бой и этим удержать от нападения на станицы. Черкесы, увидев погоню за собой, действительно остановились и всей массой опрокинулись на отряд Тиховского.

Предвидя, что бой будет упорный и жаркий, Тиховский распорядился заблаговременно отправить всех лошадей на кордон и приготовился к пешему бою. Три пушечные выстрела картечью осадили толпу нападавших; оторопелые, растерянные хищники кинулись подбирать своих убитых и раненых... Но в это время к ним подоспели другие пешие толпы, и вся масса черкесов вновь хлынула на Тиховского. Вновь закипел ожесточенный бой между горстью казаков и тысячами неприятелей, озлобленных особенно помехой, не давшей им спокойно заняться грабежом. Четыре часа бился Тиховский, и казаки

брали уже верх над нестройными толпами, как вдруг показалась туча конных черкесов; она неслась со стороны Ивановской станицы по направлению к Кубани и, услыхав пушечные выстрелы, повернула на место сражения. Дружно ударили черкесы на Тиховского и притом в тот самый момент, когда у казаков почти не стало патронов. Последний пушечный выстрел скосил передние ряды нападавших, но остальные, как волны, хлынули и поглотили собой отчаянно бившуюся кучку казаков. Напрасно Тиховский и его достойный сподвижник есаул Гаджанов употребляли последние усилия, чтобы сплотить казаков и кинуться в ратища, - черкесы стойко выдержали напор и приняли казаков в шашки. Началась беспощадная резня. Тиховский был изрублен на куски, но он пал на поле чести со славой, оставив по себе в преданиях черкесов грозную память. С ним вместе погибли и остатки его храброй дружины.

Наступившая ночь осенила мрачным своим покровом разбросанные по полю тела черноморских казаков...

Кроме Тиховского были убиты хорунжие Кривошея, Жировый и сто сорок четыре казака. Есаул Гаджанов и шестнадцать казаков, большей частью тяжко израненные, успели пробиться, а остальные с пушкой уведены черкесами в плен. Всем оставшимся в живых казакам государь пожаловал Георгиевские кресты, но только шестеро из них дождались этой награды, остальные же от тяжких ран вскоре последовали за своим славным предводителем.

Резерв, стоявший у Мышастовской станицы, под начальством есаула Голуба, по первой тревоге кинулся в Ивановку, но, не застав там неприятеля, повернул назад, туда, где бился Тиховский, и встретил только страшную картину ночного пиршества шакалов...

С тех пор прошло более полувека. Затихла гроза войны на берегах Кубани; заросло травой пустынное поле, облитое казацкой кровью. Но скромный памятник, поставленный двадцать третьего ноября 1869 года признательными черноморцами на могиле героев, пожертвовавших жизнью своей и легших костьми на берегах Кубани, чтобы спасти тысячи других жизней, служит залогом, что не напрасны слова, сказанные при открытии его: "Пройдут века,

сменится много поколений, природа еще более изменит свой вид, память же о героях наших не изгладится и не умрет в казацком сердце и в его преданиях."

КАВКАЗСКАЯ ЛИНИЯ

Третий район русской борьбы на Кавказе, собственно Кавказская линия, представляющая ряд казацких укрепленных поселений по Тереку и Кубани до устьев Лабы, к началу настоящего столетия получил совершенно иное значение.

До того времени, когда Грузия склонила свою многострадальную голову под могущественную руку России и когда русские войска появляются серьезной действующей силой в Грузии и потом во всем Закавказье, Кавказская линия представляла единственный центр, откуда распространялись действия и влияния. С Линии шли распоряжения по делам Грузии и войска для защиты ее; с Линии действовали против турок и ходили под Анапу и в Тамань; Линия оберегала Дон и Прикубанье; словом, все было на Линии и исходило от нее. Отсюда возникала целая политическая и военная система. На Линии тогда вопросы шли о борьбе с Персией, о влиянии потому на восточное низменное прибережье Каспийского моря, на Дербент, Кубу, Баку и о мирном улаживании

дел с Кабардой, шамхалами и другими владельцами. О вопросе покорения кавказских горцев не могло быть еще и речи.

С основанием сильного политического и военного центра в Тифлисе и потом с поступлением низовьев Кубани под управление одесского генерал-губернаторства роль Линии должна была, естественно, сузиться, а борьба ее с соседними горцами в то же время значительно обостриться. Теперь, когда Россия, с одной стороны, владела всем Закавказьем, а с другой - заложила ближайшие шанцы к горному хребту, все независимые горные кавказские племена, обрамленные со всех сторон русскими владениями, естественно должны были прийти в ближайшие с русскими интересами соприкосновения и скоро стали препятствовать необходимым для России сношениям через горы. И вот, в начавшейся со всех сторон войне с горцами, роль Линии прямо определилась борьбой с ближайшими к ней племенами, и ее влияния на Закавказье и на Кубань могли быть только временны и случайны до самых времен Ермолова, когда - повторяем - и Закавказье, и Черноморье, и Линия слились в единстве действий.

I

ГЕНЕРАЛ ГЛАЗЕНАП

После персидского похода графа Зубова командующим войсками на Кавказской линии некоторое время оставался генерал от инфантерии граф Гудович, а в 1798 году на место его назначен был генерал-лейтенант граф Морхов. Это был тот Иринарх Иванович Морхов, который в генерал-майорском чине носил уже Георгиевскую звезду и которого сам Суворов называл не иначе, как "храбрым непобедимым офицером"[1]. С тех пор его боевая репутация была упрочена настолько, что заставляла ожидать от него весьма энергичных действий и на Кавказской линии. И действительно, первым, вполне целесообразным предложением графа Морхова было поставить укрепление у Каменного Моста и оттуда протянуть кордонную цепь прямо на Малку так, чтобы кисловодские источники остались позади новой Линии. Но, к сожалению, это первое его распоряжение было вместе с тем и последним. Подвергшись немилости императора Павла, он был отставлен от службы, и преемниками его в течение того же года последовательно являются генерал-лейтенанты Киселев, князь Ураков и, наконец, Кнорринг-второй, главная деятельность которого, как мы видели, прошла в Закавказье.

По счастью, при такой частой смене начальников Кавказская линия пользовалась сравнительным спокойствием, и за все время командования Кнорринга выда-

[1]Кроме Георгиевской звезды граф Морхов имел Георгия 4-ой степени и Георгия на шее.

ются разве набеги мохошского владельца Хопача, имя которого долго служило грозой для порубежных жителей. Во время одного из набегов под ним была убита лошадь, и казаки наконец захватили его в плен. Тогда черкесы-мохошевцы, узнав, что Хопач содержится в тюрьме Темишбекского редута, вздумали сделать попытку освободить его силой, и зимой значительная партия их, выбрав морозную и буранную ночь, бросилась на Темишбек так неожиданно, что едва не овладела укреплением. Пока гарнизон отбивался, Хопач действительно бежал из тюрьмы, но не успел соединиться со своими и по окончании боя найден лежащим в степи с отмороженными руками и ногами. Жалкий, изнеможденный калека не мог уже быть опасным противником, и его, по ходатайству турецкого правительства, отпустили домой.

С появлением на Кавказе Цицианова, когда резиденция главнокомандующего была перенесена в Тифлис, начальником Кавказской линии назначен был, тринадцатого ноября 1803 года, генерал-лейтенант Григорий Иванович Глазенап[1], с которого собственно и начинается новый период ее жизни.

Военная карьера Глазенапа до назначения его на Кавказ не представляла собой ничего выдающегося. Он начал службу в 1764 году в Сибирском пехотном полку, потом перешел в кавалерию и в молодых летах участвовал в турецких екатерининских войнах. Постепенно подвигаясь в чинах, он дослужил наконец до чина генерал-майора, затем вышел в отставку, но со вступлением на престол императора Александра Павловича снова был призван на службу, произведен в генерал-лейтенанты и, тридцатого марта 1801 года, на тридцать шестом году своей службы, назначен шефом Нижегородского драгунского полка, вновь формировавшегося тогда на Кавказской линии в Екатеринограде. Нужно сказать, что после столетнего существования[2]

---

[1]Короткое время с отъезда Кнорринга до назначения Глазенапа Кавказской линией временно командовал генерал-лейтенант Шепелев.

[2]Нижегородский драгунский полк сформирован в 1701 году боярином князем Голицыным в низовых губерниях и назван по имени первого своего командира: драгунский Жданова полк, а в 1708 году переименован в Нижегородский. Это имя он сохранил до настоящего времени. При Петре III полк несколько месяцев именовался кирасирским, а первые два года царствования Екатерины - карабинерным.

Нижегородский драгунский полк, теперь "гордость и радость нашей кавалерии", как справедливо выражается Попка, в 1800 году был упразднен. Его эскадроны, слившись с эскадронами Нарвского полка, образовали один общий драгунский Пушкина (Нарвский) полк, и славное имя нижегородцев почти на целый год исчезло из рядов русской армии. Император Александр по вступлении на престол приказал возвратить полку его самобытное существование, и теперь опять отделялись от Нарвского полка эскадроны нижегородские и образовывали полк, столь памятный горцам со времен Текелли, Бибикова, Гудовича и особенно после блистательного участия в штурме Анапы. Преемственный дух старых драгун, легший в основание будущей громкой военной славы нижегородцев, не утратился, конечно, в кратковременное упразднение полка, но тем не менее Глазенапу должна быть приписана заслуга, что он сумел поддержать в полку то боевое направление, которое с тех пор его никогда уже не покидало.

Переехав, после назначения начальником Кавказской линии, из Екатеринограда в Георгиевск, служивший местопребыванием тогдашних властей, Глазенап всецело посвятил свои силы устройству вверенного ему края. Образ жизни его в то время может служить примером неутомимой деятельности. Двум его адъютантам, сосредоточивавшим в своем лице все нынешнее огромное штабное управление, было так много работы, что весь день они проводили за письменным столом, а вечером Глазенап принимал от них доклады и отдавал приказания. Старый генерал лежал обыкновенно в это время в вольтеровском кресле, а адъютанты, ежедневно и аккуратно в течение нескольких лет, стоя выслушивали вместе с приказаниями и историю о графе Петре Александровиче Румянцеве, о Кагульском сражении и турецких походах. Только после десяти часов адъютанты освобождались от занятий и спешили к знакомым, у которых, по обычаю, существовавшему тогда в Георгиевске, проводили вечера в различных играх и танцах. Сам Глазенап редко принимал участие в этих развлечениях. Заботы и труды нередко отнимали у него даже часть ночи. Надо отдать справедливость, он умел держать в порядке обширный и тревожный край, несмотря на то, что, за отделением большей

части войск в Грузию, в его распоряжении остались лишь немногие полки, разбросанные притом по всему огромному протяжению Линии[1]. Особенный недостаток чувствовался в кавалерии, способной отправлять кордонную службу, а между тем кавказская война требовала именно одиночного развития людей, их неусыпной бдительности, сторожкости или, как говаривал сам Глазенап, "недреманности". Ближайшие соседи русских: чеченцы, кабардинцы и закубанцы - никогда не упускали случая подкараулить солдата и взять его в плен или убить из засады.

"И не какие-нибудь оскорбительные с нашей стороны поступки, - говорит в одном из своих писем Глазенап, - вызывали горцев на эти разбои. Ими руководила чаще всего природная удаль, презрение к опасностям, а главное - ненасытная алчность к золоту, которое они, по роду своей жизни, употреблять не умели. Правда, они приобретали за него из Багдада и Дамаска дорогое оружие, но оно обыкновенно доставалось в добычу линейным казакам, которые все почти имели их шашки, кинжалы, пистолеты, даже седла и бурки, отнятые с боя.

Нужно сказать, что линейные казаки вообще были особенной слабостью Глазенапа, который чрезвычайно дорожил этими своеобразными, удалыми наездниками. По его ходатайству на Кубани образованы были вновь четыре станицы: Темишбеевская, Казанская, Ладонская и Тифлисская, заселенные в 1803 году остатками Екатеринославского казачьего войска. Это войско, некогда сформированное Екатериной исключительно из однодворцев слободских украинских губерний, было уничтожено императором Павлом, но многие из украинцев не захотели, однако, расставаться с привычной им казацкой службой и добровольно, по первому зову, пошли на Кубань, где Глазенап образовал из них новый, по счету пятый, Кавказский линейный казачий полк, занявший названными

---

[1]На Линии было восемь полков: Казанский, Суздальский и Вологодский пехотные, шестнадцатый егерский и драгунские: Нижегородский, Борисоглебский, Владимирский и Таганрогский. Сверх того начальнику Линии подчинялись казачьи войска: Терско-Семейное, Кизлярское и Гребенское и линейные казачьи полки: Моздокский, Волжский, Хоперский и Кубанский, а впоследствии к ним прибавился еще пятый полк - Кавказский.

станицами места, правее Кубанского полка, между Григориополисским редутом и Усть-Лабинской крепостью.

Трехлетнее управление Глазенапа Линией было богато тревожными событиями; но, к счастью, он имел в своем распоряжении отличных помощников в командирах полков, из которых особенной известностью пользовались заведовавшие тогда кордонными участками генералы Мейер и Лихачев и полковник Сталь, в распоряжении которых находились казанцы, егеря шестнадцатого полка и нижегородские драгуны. Тем с большей яркостью нападали горцы именно на эти участки и, случалось, наносили здесь наибольшие разорения. Таково, например, несчастное происшествие на Ессентукском посту, где кабардинцы вырезали в кордоне Лихачева казачий пост и сняли несколько пикетов.

Ряд таких нападений и безуспешные переговоры с кабардинцами относительно введения у них родовых судов побудили Глазенапа энергично взяться за оружие. Сильный отряд, составленный из восьми батальонов пехоты, четырех драгунских полков и двадцати четырех орудий, собрался в станице Прохладной и, третьего мая 1804 года, вступил в кабардинские земли. Неприятеля нигде не было видно, и войска спокойно дошли до реки Баксан. Отсюда Глазенап отправил прокламацию, приглашая кабардинский народ добровольно покориться, а в ожидании ответа отряд стоял бивуаком в горной долине, на берегу реки, которая с бешеным грохотом вырывалась из тесного и каменистого ущелья. Девятого мая, в Николин день, после обедни, Глазенап со всеми офицерами завтракал у войскового старшины Моздокского полка Золотарева. Это был маститый старец, с длинной и белой, как "бурунгунский лебедь", бородой, известный своей отчаянной храбростью. Он с удовольствием показывал гостям оружие, добытое им в разных боях и составлявшее предмет его справедливой гордости. Солдаты, свободные от службы, обедали, лошади паслись на прекрасной траве, как вдруг с казачьих пикетов грянул выстрел, и со стороны гор показалась туча пыли, которая неслась прямо на лагерь. Ударили тревогу. Пока пехота становилась в ружье, казаки были уже на конях и в поле. Храбрый казачий майор Лучкин со своей Екатериноградской сотней первый завязал

перестрелку. Против него выехали кабардинские наездники, одетые в свои знаменитые легкие сильные непроницаемые кольчуги.

Эти кольчуги представляют теперь археологическую редкость, их можно видеть только в музеях, и, кажется, самый секрет их бесподобной выделки утрачен навеки. Подобный трехкольчужный панцирь, представляющий собой мелкую сетку, легко укладывается весь на ладони и весит не больше пяти-шести фунтов, но, надетый на голову и плечи, он образует как бы литую массу, которую можно было пробить разве штыком или пикой, но никак не употребляющейся тогда круглой пулей. На Кавказе, впрочем, существовал особый сорт шашек, называемый гурда, закалка которых приспособлялась именно для рубки этих знаменитых панцирей, но зато же настоящая гурда - а их много было поддельных - и ценились на вес чистого золота.

"Боевое поле, - говорит очевидец, - превратилось в широкую арену, на котрой состязались теперь лучшие в мире наездники. Число убитых и раненых с обеих сторон быстро росло. Скоро привезли с поля битвы и войскового старшину Золотарева, еще за час перед этим так радушно угощавшего офицеров в своей палатке. Он медленно продвигался на белом коне, покрытый смертельной бледностью и поддерживаемый двумя казаками. Он был прострелен в грудь навылет и скончался, едва доехав до лагеря".

Глазенап двинул на помощь к казакам остальные войска. Драгунская колонна из шестнадцати эскадронов пошла на рысях и, скоро опередив пехоту, скрылась в густых облаках поднятой ею пыли. На стороне русской конницы были все преимущества: стройные эскадроны на свежих и добрых конях горели желанием врубиться в неприятеля, а самая местность, ровная и гладкая, как скатерть, так и подмывала на бешеную скачку. Офицеры Нижегородского полка, находясь впереди, кричали: "В атаку! В атаку!" Но начальник кавалерии, генерал-майор Лецино, первый раз в жизни бывший в огне, так растерялся, что, к общему изумлению, остановил драгун и, спешившись, начал строить каре. К счастью, подоспела пехота. Генерал Лихачев со своими егерями зашел неприятелю в тыл, и кабардинцы были разбиты наголову.

Переночевав на поле сражения, Глазенап на

следующий день двинулся в горы. Кабардинцы нигде не показывались, но их пылавшие аулы свидетельствовали о намерении защищаться. Нижегородский драгунский полк шел в авангард, и, несмотря на близость неприятеля, лихие песенники эскадрона майора Суржикова были вызваны вперед, и звонкая русская песня, быть может, впервые раздалась в кабардинских горах. Так дошли до реки Чегем, и тут простояли три дня по случаю переговоров, начатых кабардинцами. Но так как оказалось, что эти переговоры велись только с единственной целью выиграть время, то Глазенап четырнадцатого мая перешел через быстрый Чегем и атаковал неприятеля. Позиция кабардинцев, раскинутая по гребню крутой и лесистой горы, взята была штурмом. Напрасно неприятель, разбившись на кучки, пробовал защищаться в укрепленных аулах и башнях - казаки, драгуны и егеря Лихачева повсюду настигали и истребляли врагов.

В одной из этих схваток Нижегородского полка драгун Кривошея в единоборстве изрубил кабардинца, закованного в панцирь, и овладел его оружием. Но лошадь узденя попала как-то в руки таганрогских драгун, от которых Кривошея и потребовал ее по праву победителя. Дело дошло до Глазенапа и, чтобы не заводить с чужим полком истории, он дал Кривошее пятнадцать червонцев и произвел его в унтер-офицеры.

Только ночь остановила преследование. А на другой день, когда сражение готово было возобновиться, кабардинцы прислали письмо, прося пощады и вверяя судьбу свою великодушию русского государя.

Но между тем, как в Кабарде водворялось таким образом спокойствие, один из кабардинских князей, Росламбек Мисостов, бежал за Кубань и поднял тамошние племена. Бунт охватил все Закубанье. Напрасно ногайский пристав генерал-майор султан Менгли-Гирей пытался остановить движение. Покинутый народом, он сам едва ушел от закубанцев, которые гнались за ним по следам и убили двадцать восемь человек из числа его свиты. В Абадзе беглые кабардинцы вырезали казачью команду; Кумский редут два раза был атакован, и все посты, начиная от прочного Окопа до Константиногорска, были осаждены закубанцами. Блестящее дело полковника

Давыдова, который с одним эскадроном борисоглебских драгун разбил сильную партию закубанцев, взял в плен родного брата Менгли-Гирея, также не могло поправить обстоятельств; безрезультатно осталось и поражение горцев седьмого октября донской сотней храбрейшего есаула Ляпина, который, к общему сожалению, был ранен и умер на месте сражения[1].

Глазенап послал туда генерал-майора Лихачева с его егерями.

Лихачев встретил Рościламбека на Кубани у Каменного Моста, но после трехдневного боя вынужден был отступить с потерей одного орудия. Тогда Глазенап сам пошел за Кубань. Между тем в его отсутствие вспыхнул новый бунт в Кабарде. И обстоятельства являлись тем затруднительнее, что одновременно с этим пришлось усмирять осетин на сообщениях с Грузией и держать в повиновении чеченцев за Сунжей. К счастью, победы Несветаева в горах и весьма удачный поиск со стороны Линии подполковника Казанского полка Максимовича к чеченцам скоро восстановили спокойствие в окрестностях Владикавказа. Но далеко не с таким успехом пошли дела с кабардинцами.

Отряд генерал-майора Дехтярева, посланный на Урухт, где, по слухам, собирались кабардинцы, был встречен неприятелем близ Татартуба и принужден ретироваться до самой переправы через Малку. Успех чрезвычайно ободрил кабардинцев.

Двадцать девятого июля, на самой заре, человек триста панцирников, переправившись за Малку, внезапно бросились на слободу Солдатскую, находившуюся в кордонной дистанции генерала Мейера[2]. Казачий пикет, застигнутый врасплох, был изрублен; несколько жителей, бывших в поле, взяты в плен;

---

[1]Замечательно, что Глазенап просил государя в память храброго Ляпина произвести в офицеры сына его, служившего в той же самой сотне урядником.

[2]Андрей Казимирович Мейер был родом саксонец, но, прослужив тридцать восемь лет русским государям, он до того свыкся с русской жизнью, так полюбил русского солдата, что в нем кроме имени ничего не осталось немецкого. В службу он вступил в 1766 году, шефом Казанского полка назначен в 1802 года, а в 1807, вскоре по возвращении из дербентского похода, умер в Георгиевске.

табуны отогнаны; и кабардинцы, с легко приобретенной добычей, возвратились назад прежде, чем сигнальные маяки разнесли по Линии тревогу. Во все повода и с ближних, и с дальних постов, правда, прискакали на место происшествия казачьи резервы, но гнаться за неприятелем было уже невозможно: по ту сторону Малки, напротив деревни, стояла громадная конная партия.

Присутствие неприятеля в столь близком расстоянии от границ и невозможность сохранять все протяжение Линии заставили генерала Мейера сосредоточить войска в центральной позиции, между Солено-Бродским постом и Беломечеткой. Но так как большая часть Казанского полка, расположенного в этой дистанции, находилась тогда в Осетии, то весь отряд генерала Мейера составился только из одного неполного батальона пехоты да нескольких сотен донских и линейных казаков.

Целые две недели лазутчики, то и дело являвшиеся к Мейеру, приносили тревожные вести о сборе значительных кабардинских партий. Нужно было ожидать грозы, и она наконец разразилась.

Вечером восемнадцатого августа с Патрикеевского поста дали знать, что кабардинцы идут. Мейер ночью передвинул туда часть своих казаков, а следом за ними отправил и роту Казанского полка, при одном орудии. Но эта последняя помощь оказалась излишней. Опытные, не уступавшие противникам в приемах разбойничьей войны, практиковавшейся на Кавказе вообще, линейцы отлично изучили все мелочные сноровки внезапных ночных нападений и, руководствуясь своими соображениями, не пошли на пост, где горцы могли их заметить, а, приближаясь к нему, еще вдали, по-волчьи, разъехались в разные стороны, засели по глубоким балкам и стали поджидать неприятеля.

Был второй час ночи. До чуткого слуха казака донеслись глухие всплески волн - знак, что кабардинцы переправляются. Ближайшая засада, где сидел сотник Софиев с волжской сотней, приготовилась к встрече. И едва кабардинцы целой толпой поднялись на высокий берег, как сотня вынеслась из балки и молча, без выстрела, ринулась на них, никак не ожидавших именно в этот момент увидеть перед собой неприятеля. Толпа заколебалась и дрогнула. На-

прасно храбрейшие из нее рванулись было вперед - они в одно мгновение ока были изрублены, а между тем с других сторон уже неслись сюда же сотни Венеровского, Гусельщикова, и между кабардинцами воцарилась паника. Разом отбитые от бродов и прижатые к берегу, они повернули назад и ринулись в Малку с крутого обрыва. Много погибло и всадников, и лошадей при этом отчаянном сальто-мортале, и пока внизу, под кручей, шла страшная суматоха, пока живые выбивались из-под мертвых и мертвые, загораживавшие дорогу к речке, разбрасывались в стороны, казаки спешились, растянули цепь по окраине берега и метким огнем поражали и тех, которые еще толпились под кручей, и тех, которые уже плылы по Малке...

Предприимчивый Мейер знал, что нужно ожидать немедленно новых вторжений кабардинцев, которые будут всеми силами стараться мстить за поражение, и, чтобы заставить их заботиться более об охранении своих жилищ, чем о вторжении в русские пределы, решился сам сделать набег в ущелье Сабан-Кош, на аулы князя Росламбека Мисостова.

На самой заре двадцать четвертого августа войска перешли через Малку. Линейцы, с майором Лучкиным и есаулом Венеровским, пошли вперед. Уже Сабан-Кошское ущелье было в виду, как вдруг из него показалась двухтысячная конная партия кабардинцев, шедшая к Линии. Раздумывать было некогда - и линейцы ударили в шашки. Кабардинцы смело понеслись навстречу, и обе стороны сшиблись в рукопашной свалке. Сильнейшие числом кабардинцы смяли казаков. И вот линейцы несутся назад, кабардинцы - за ними. Заметив впереди ложбину, опытные линейцы стали сдерживать лошадей и вдруг повернули в сторону, а кабардинцы, пронесшиеся мимо них, в упор налетели на скрытую в засаде пехоту. Дым грянувшего залпа окутал всю кабардинскую партию; между тем линейцы повернули назад и врезались в ряды неприятеля, жестоко расплачиваясь за первую свою неудачу; кабардинцы, исстари славившиеся своим наездничеством, не уступали, и нападение, и защита шли с равным ожесточением. Глазенап описывает в своем донесении, как целая толпа панцирников насела на казацкого сотника Софиева и как этот богатырь один отбился от всех,

изрубил трех, с головы до ног закованных в панцири, а остальных заставил бежать.

Но пока на равнине шло жаркое кавалерийское дело, а кабардинские вестники скакали повсюду, сбивая народ на тревогу, Мейер с двумя ротами казанцев быстро проник уже вглубь Сабан-Кошского ущелья, занял аулы и истребил богатейшие кабардинские пасеки. Крики тревоги неслись еще по горам, а Мейер вслед за тем притянул к себе конницу и быстро отошел обратно за Малку.

Эта экспедиция, памятная упорной кавалерийской схваткой, о которой старые казаки говорят еще и поныне, замечательна не менее и быстротою марша кавказской пехоты.

"Я выступил из лагеря, - говорит в своем донесении Мейер, - в четыре часа утра, а в три часа пополудни уже возвратился назад, сделав в оба пути пятьдесят шесть верст, выдержав битву и истребив кабардинские пчельники".

Но пока Мейер ходил к Сабан-Кошу, шайка отчаянных абреков, под начальством молодого Атажукина, перебралась на русскую сторону и своим появлением навела панику на целую окрестность. Сам Георгиевск, защищаемый всего ста восьмьюдесятью драгунами Таганрогского полка, три дня был в оборонительном положении. Драгуны бивуакировали на площади, орудия стояли на валу с зажженными фитилями, а по пробитии вечерней зари пушки вывозились на мост к городским воротам. Нужно было во что бы то ни стало очистить край от разбойничьей шайки, и Мейер, отправив обозы в Марьевку, двадцать седьмого августа налегке выступил к вершинам Малки. Отряд не отошел еще и нескольких верст, как один из перебежчиков дал знать, что уже дня три абреки скрываются на Золке в кошарах армянина Панаева. Линейные сотни майора Лучкина и есаулов Венеровского и Старожилова повернули туда, но партия кабардинцев оказалась настолько значительной, что линейцы, спешившись, послали просить подкрепления. Мейер повел к ним казанские роты форсированным маршем. До полутораста абреков, завидев приближающуюся пехоту, понеслись на нее в атаку с такой стремительностью, что едва не ворвались в каре по следам своего предводителя, который почти в упор выстрелил из ружья в генерала

Мейера: к счастью, ружье осеклось. Маленькое каре, однако же, устояло, а залп его одним из первых уложил на месте смелого предводителя. Тело его быстро подхватили нукеры, но ружье, из которого он выстрелил в Мейера, было захвачено солдатами. В эту минуту казаки, вскочив на коней, ударили в шашки - и абреки бежали. Пехота преследовала их за Золку. Казаки рубили бегущих. В числе убитых были два узденя Адель-Гирея и два брата Анзоровы, славившиеся своим наездничеством.

"Для меня, - писал Мейер по поводу этого дела, - нет ничего лестнее, как командовать хотя малым, но именно таким отрядом, каков мне поручен... Офицеры заслуживают высшей похвалы, чем та, какую я приписать им могу".

Наступил сентябрь, а Кабарда не утихла. На Чегеме было народное собрание кабардинцев, на котором после шумных споров порешено разделиться на две части: одной ударить на отряд Мейера, другой - на слободу Солдатскую. И вот, когда семнадцатого сентября Мейер, оставив свой лагерь под прикрытием ста тридцати пяти донских казаков, с есаулом Денисьевым, передвинулся со всем отрядом за двадцать шесть верст к Солено-Бродскому посту, где были хорошие броды, к тому же Солено-Бродскому посту, по другой стороне Малки, приближалась сильная кабардинская партия, предводимая Шамахой Наврузовым, намеревавшимся также именно здесь переправиться через речку. Далеко прокатившийся по горам гул пушечного зоревого выстрела и три сигнальные ракеты, взвившиеся над русским лагерем, дали знать Наврузову о прибытии Мейера. Тогда, отменив переправу, Наврузов бросился вниз по течению, перешел речку близ Крымовского поста и внезапно атаковал вагенбург. Донская сотня после недолгого боя отступила, и Наврузов зажег оставленный русский лагерь. По первому известию об этом Мейер быстро двинулся назад, но застал на месте своего становища уже только печальные следы разрушения. Наврузов, однако же, не пошел внутрь Линии и отступил за Малку.

Тогда, отправив все свои тяжести в Беломечетку, Мейер решился все-таки держаться ближе к Солдатской и девятнадцатого сентября выступил на Золку, имея при себе неполный батальон Казанского

полка в триста шестьдесят штыков и четыреста донских и линейных казаков. Это было все, что можно было собрать тогда на Линии.

Едва отряд отошел от лагеря на десять-двенадцать верст, как передовые разъезды дали знать, что неприятель в огромных силах переходит Малку. В это время начинало уже вечереть. "На моих часах, - говорит Мейер, - было двадцать минут пятого". Свернувшись в каре и имея за флангами волжских и моздокских казаков, отряд продолжал движение, выслав вперед Донской казачий полк, под командой подполковника Крюкова[1]. Крюков приказал донцам опустить свои дротики и стал пробираться густым бурьяном, чтобы незаметно подойти к неприятелю и лучше высмотреть его силы.

Густыми толпами валили кабардинцы, не подозревая близости русского отряда, скрытого от них бурьяном и волнистой местностью. Впереди всех ехали их знаменитые князья: Джембулат Мисостов, Аслан-Гирей, Касай, братья Наврузовы и, наконец, Адель-Гирей Атажукин - тот самый, который еще при Гудовиче был выслан в Россию, оттуда бежал и с тех пор жил за Кубанью.

Трудно сказать, наткнулись ли донцы на неприятеля совершенно нечаянно для самих себя, или, напротив, они хотели воспользоваться оплошностью горцев, но только казаки вдруг выдвинулись из-за бурьяна и бросились в атаку. Атака эта была в полном смысле слова блистательная. Одна сотня донцов неслась на пять или на шесть тысяч лучшей черкесской конницы. С налета врезались донцы в самый центр неприятеля, где стояло пятьсот человек отборных панцирников; но кабардинцы, дрогнувшие на первых порах, скоро оправились, и, окруженные со всех сторон, донцы в жесткой рукопашной схватке были смяты и опрокинуты... Сотник Шурупов с шестью казаками, далеко занесшийся вглубь неприятельских масс, так и пропал там без вести; восемь казачьих тел осталось в руках неприятеля. Сам полковой командир, подполковник Крюков, раненный стрелой в ногу, был окружен кабардинцами. Его бессменный ординарец и телохранитель казак Упарников, не отстававший ни на шаг от своего командира,

[1]В полку было с небольшим сто человек.

заслонил его собой и был изрублен на куски. Крюков, несмотря на рану, защищался отчаянно, но, конечно, был бы убит, если бы адъютант Позднее и два урядника, Петрухин и Банников, не заметили отсутствия своего командира и не бросились к нему на помощь. С редким самопожертвованием пробились они сквозь густую толпу и вырвали Крюкова из рук неприятеля.

Между тем на выручку донцов уже неслись моздокцы; их встретили, однако, новые толпы кабардинцев, спешившие сюда из-за Малки, а панцирники налетели на батальон с такой быстротой, что застрельщики едва успели вскочить в каре, как эти каре были уже окружены со всех сторон. Кабардинцы так плотно насели на пехоту, что "я, - говорит Мейер в своем донесении, - можно сказать, с моими двумя двухротными кареями, плавал в их толпах". Пехоте пришлось отбиваться штыками, и в рукопашной схватке особенно отличился фельдфебель Сумцов, который в бою один на один положил штыком на месте знаменитого черкесского богатыря Ашиб-оглы.

А на флангах в это же самое время шла жаркая конная схватка - моздокцы не пускали неприятеля обскакать пехоту с тылу; под есаулом Венеровским была убита лошадь, и он отбивался пешим впереди своих казаков. Донцы между тем успели оправиться. Сомкнутым фронтом выдвинулся вперед полк Персиянова и, имея впереди своего командира на лихом коне, с обнаженной шашкой, понесся в атаку. Смятые этой новой стройной силой, кабардинцы дали тыл. Линейцы насели на фланги.

Была уже темная ночь, когда разбитые прискакали на Малку. Но тут они с ужасом увидели, что переправа занята моздокскими казаками, успевшими прискакать сюда раньше, кратчайшей дорогой. Снова закипел бой на жизнь и смерть. Кабардинцы силились овладеть переправой, линейцы их не пускали. Скоро подоспели сюда донцы и пехота.

"Офицеры, - пишет Мейер, - рубились наравне с солдатами, но ничто не могло сломить кабардинцев".

Тогда, чтобы порешить дело, Мейер отодвинул пехоту назад и, расположив ее в разных местах небольшими засадами, крикнул казакам: "Назад!" Расчет его удался вполне. Едва казаки показали тыл,

как кабардинцы, разгоряченные боем, ринулись за ними в погоню, попали на засаду, и пехота со всех сторон охватила их, "как неводом". Тогда, разбитые наголову, кабардинцы бросились в Малку с крутого обрыва, и долго еще с берега гремели за ними ружейные и пушечные выстрелы... Было десять часов вечера, когда бой совершенно затих; весь русский отряд ночевал тут же, на поле сражения, и лишь на следующий день возвратился в лагерь.

Мейер не определяет общей потери неприятеля, но в числе убитых находились два владетельные князя, много узденей, а судя по шести убитым лошадям игреневой масти, на которых ездят духовные лица, можно полагать, столько же было убито и мулл. "Все поле сражения, - доносил Мейер, - на котором лежало сто тринадцать кабардинских тел, было усеяно клочьми мяса и ребрами". В русском отряде выбыло из строя два офицера и семьдесят пять нижних чинов. От немногих пленных, захваченных в этом деле, узнали, что в партии было от шести до семи тысяч всадников, что она намеревалась отдохнуть в лощине над Золкой, а ночью напасть на Георгиевск и затем, через Александровское село, броситься на Кубань в тыл генералу Лихачеву.

Все это усложнение дел на Линии заставило наконец Глазенапа поручить военные действия на Кубани одному Лихачеву, а самому вернуться в Георгиевск. Зима, впрочем, прошла довольно спокойно, но зато весной, уже в начале марта 1805 года, когда кабардинские стада и табуны еще не находят корма в горах, заваленных снегом, и пасутся на открытых равнинах, прилегающих к Малке, Глазенап сосредоточил отряд в станице Прохладной; распустив слух, что идет в Чечню, и отвлекши этим внимание кабардинцев, в ночь на девятое марта он внезапно сделал громадный шестидесятиверстный переход и неожиданно очутился на равнине посреди многочисленных кабардинских табунов и стад. Все табуны и стада захвачены были сразу, и в десять часов вечера отряд остановился ночевать на реке Баксан в Кис-Бурунском ущелье. Огромный переход по слякоти и возня с табунами до крайности утомили людей, а между тем ночью надо было ждать нападения. С правой стороны бивуака в ущелье находился огромный отвесный утес, совершенно преграждавший доступ к

отряду, но на левую сторону, где ревел Баксан, а за ним начинались низкие и довольно пологие горы, следовало обратить серьезное внимание. Перекинуть пикеты за Баксан так, чтобы поставить их на возвышенности, было опасно, а потому пришлось ограничиться одной лагерной цепью, растянутой по эту сторону речки. Ночь случилась необычайно темная. Но так как нападения ожидали только под утро, то в лагере царствовала некоторая беспечность. А между тем, едва отряд принялся за ужин, как вдруг загремела ружейная пальба, послышался пронзительный татарский гик и барабаны по всему бивуаку забили тревогу. Дело было в том, что горцы, спустившись с гор, открыли через речку сильный огонь по лагерю. Все это произошло так внезапно, и беспорядок в отряде был так велик, что многие уже думали, что горцы ворвались в лагерь. Артиллерия открыла картечный огонь наудачу. К счастью, гребенцы и егеря, занимавшие лагерную цепь, скоро отогнали кабардинцев. Тем не менее тревоги возобновлялись в течение ночи несколько раз, и отряд до утра стоял под ружьем. Под утро все успокоилось, и разведка, произведенная из лагеря, показала, что только верстах в восьми от Баксана, в большом ауле, сосредоточено сильное скопище горцев.

На следующий день большая часть отряда отправилась на Линию, препровождая туда громадное количество отбитого скота, а другая часть, меньшая, осталась на Баксане для наблюдения за горцами. Лагерь отодвинули от речки ближе к скалам, но пули нередко долетали и туда, так что в отряде случались раненые. "Не было ночи, - говорит один из участников этой экспедиции, - чтобы не было тревоги. Секреты так и лежали со взведенными курками, и как только на том берегу появлялась вспышка, обозначавшая выстрел, наши со всех сторон гремели залпами. При непроницаемой темноте кавказских ночей такая перестрелка представляла чудный эффект, и невозможно было ею довольно налюбоваться".

Однажды случилось дело и более серьезное. Горцы среди белого дня напали на фуражиров; устроив засаду и пропустив мимо себя авангард, они бросились на вьюки и обозы, поставя колонну в такое положение, что Глазенап должен был ввести в бой почти весь

свой отряд. Но то были уже последние вспышки восстания. Громадные потери, понесенные в битвах, а главное - захват скота и табунов, заставили кабардинцев смириться. Главные вожаки их, владетельные князья, ушли за Кубань; остальные просили пощады.

Глазенап привел их к присяге на подданство России, взял аманатов, ввел родовые суды и ограничился наказанием только главнейших зачинщиков бунта.

Двукратный поход в Кабарду и усмирение закубанских горцев доставили Глазенапу орден св. Анны I-ой степени, украшенный алмазами, а вслед за тем и орден св. Владимира 2-ой степени.

Памятником этих походов в Кабарду остались незатейливые солдатские песни, которыми старые кавказцы любили закреплять свои боевые подвиги. Вот одна из них.

Кабардинцы, вы не чваньтесь,
Ваши панцири нам прах;
Лучше все в горах останьтесь,
Чем торчать вам на штыках.
На конях своих лихватских
Вы летали, как черн вран,
Но споткнулись на казацких
Дротиках, крича: "Яман!".
Бусурманы, не гордитесь
Вы булатом и конем,
Златом, сребром поступитесь
И, к земле склонясь челом,
Александра умоляйте
О пощаде ваших дней
И колена преклоняйте
Пред великим из царей.
Он вам даст благословенье,
Мир, щадя своих людей,
Вашей кротостью смягченный,
Не лишит вас ясных дней.
Вы ж гоните к нам в подарок
Волов жирных и овец,
Нам их нравится поярок
И опоек от телец.
Мы за ваше здесь здоровье
Кашу маслом обольем;
На углях мясца коровья
Мы поджарим и попьем.
Когда хотите, идите,

Кабардинцы, к нам сюда,
Но свои дары несите,
А то будет вам беда!
Без даров мы вас на примем,
Нам не нужен супостат;
Принесете - вас обнимем,
Скажем: "Сядь, любезный сват!"

Другую песню солдаты сложили, возвращаясь из похода.

Кабардинцев победивши,
Мы в обратный путь идем;
Их ручьями кровь проливши,
Сладостно награды ждем,
Что наш царь благословенный
Обратит на нас свой взгляд,
На венки, из лавр сплетенны,
К нам прольет дары наград.
Торжествуй, наш православный,
Небесам любезный царь!
Мы свершили подвиг славный,
Славься, славься, государь!
Пускай враг теперь трепещет,
Чтит тебя и твой закон,
Удивленны взоры мещет,
Что попран тобою он!
И всегда попран он будет,
Коль владеешь нами ты,
Твоей славы не забудет
И оставит все мечты,
Чтобы с русскими сразиться
Он когда лишь только мог.
Благодать с тобою зрится,
И помощник с нами Бог!

Возвратившись в Георгиевск, Глазенап был встречен потрясающим известием о появлении там чумы, завезенной астраханской почтой. При самом разборе пакетов помощник почтмейстера вдруг почувствовал припадок страшной болезни, а вместе с ним заболели и умерли все те, которые помогали ему. Явились мортусы и крючьями стащили в кучу тела, чемоданы, бумаги и прочее. Но предосторожность не помогла, и болезнь с необычайной быстротой распространилась по городу. Всякое утро прибавлялось по несколько домов, забитые двери и окна которых служили немыми, но громкими свидетелями о беспощадной гостье. Каждый вечер в особых балаганчиках сжигалось имущество, оставшееся после умерших, и по этой адской иллюминации

все узнавали о числе погибших. Лейб-эскадрон Нижегородского полка, предмет особых попечений Глазенапа, также подвергся заразе. В отчаянии Глазепан, желая спасти эскадрон, приказал вывести его в тот же день в лагерь и там совершенно прекратить все сообщения между людьми, устроив для каждого отдельный шалашик. Две недели провели драгуны в этом карантинном заключении, и болезнь прекратилась, но в Казанском полку она свирепствовала с ужасающей силой.

В городе господствовала паника. Никто не знал, что делать и какие брать предосторожности. Доктора боялись подходить к больным, и те нередко беспомощно умирали на улицах. Глазенапу стоило большого труда ввести порядок, учредить больницы и открыть карантины. К счастью, он нашел себе отличных помощников в лице двух медиков, Гинафельда и Геера, которые целый день разъезжали по городу, посещали карантины, входили в зачумленные дома и помогали больным на улицах. И судьба, к счастью, хранила от гибели этих друзей человечества, заслуживших всеобщую признательность и удивление[1].

Чума распространилась между тем по Большой Кабарде, по Линии, по крестьянским селениям, и Глазенап сам ездил по краю, чтобы следить везде за строгим соблюдением карантинных правил.

А на пограничной линии и теперь, особенно в кордонном участке полковника Сталя, между Моздоком и Екатериноградом, шли своим чередом небольшие, но тревожные действия. Чеченцы то мелкими, то более крупными партиями врывались в русские пределы, держа в постоянном напряжении кордонную линию. Вот несколько наиболее выдающихся случаев, характеризующих эту разбойничью войну.

Однажды, в темную майскую ночь, трое чеченцев подкрались к посту, стоявшему при самом слиянии Малки с Тереком, и дали выстрел по часовому. Донской урядник Щепалкин с десятью казаками

---

[1]Гинафельд и Геер были полковые врачи: первый - Казанского, а второй - Нижегородского полков. По их словам, чтобы предохранить себя от заразы, они беспрерывно курили табак, нюхали уксус четырех разбойников, обмывали им руки и носили белье, пропитанное деревянным маслом.

пустился за ними в погоню. Увлекшись и проскакав уже верст двадцать, донцы вдруг заметили сильную конную партию, несшуюся наперерез их отступлению. Попавшие в беду молодцы мгновенно сообразили, что им надо делать. Видя, что им не устоять в открытом поле, даже и спешившись, казаки оставили в добычу чеченцам своих лошадей, а сами бросились в молодой частый дубняк, засели в кусты и, несмотря на то, что на каждого из них приходилось по двадцать чеченцев, отсиделись, потеряв всего двух казаков убитыми.

Подобные обороны, как с той, так и с другой стороны, вовсе не были редкими, исключительными случаями. Отважные и смелые в открытом бою, и казаки, и горцы неохотно рисковали собой в этих глухих безвестных боях, зная, во что обходится противникам жизнь даже одного человека, засевшего с решимостью не даться в руки живым.

Рассказывали в то время, что на Кубани, у Лихачева, случилось следующее происшествие.

Два горца залегли в лесу за колодой и ровно двенадцать часов отстреливались поочередно - как говорится, через ружье - от целой сотни донских казаков Аханова полка; много донцов было перебито, и по всей вероятности история эта тянулась бы долго, если бы не подоспели линейцы. Линейцам удалось наконец выманить у противника оба выстрела разом и тогда, бросившись в шашки, они покончили с горцами прежде, чем те успели вновь зарядить свои винтовки.

В другой раз партия человек в одиннадцать, пробравшись между Моздоком и Екатеринодаром кинулась внутрь Линии на берега Кумы, к Маджарам. Довольно взглянуть по карте на расстояние между Кумой и Тереком, чтобы понять всю дерзость подобного набега. И чеченцам на этот раз не посчастливилось; следы их скоро были открыты, и преследование по свежей сакме началось с разных пунктов кордонной линии. Чеченцы вовремя увидели опасность и поспешили подобру-поздорову убраться восвояси. Долго летели они стрелой на своих легких конях, но и неизменные кони, будучи двое суток в езде и без корма, стали наконец уставать. Чеченцы остановились, зарезали своих лошадей и скрылись в первую глубокую яму, попавшуюся им на дороге. Линейцы оцепили их. И между тем как число казаков

постепенно прибывало, чеченцы продолжали стрельбу до тех пор, пока наконец газыри их не опустели. Тогда они разбили о камни свои пистолеты и ружья, переломали шашки и остались с одними кинжалами. Наступила минута рокового зловещего затишья. Казаки поняли, в чем дело, и бросились целой массой... Смутный гул рукопашной схватки, дикие крики и несколько ружейных выстрелов - вот все, что долетело со дна страшной ямы, и через минуту в ней все стало тихо и безмолвно по-прежнему.

С такими противниками, как горцы, возиться было нелегко, и казакам необходимо было иметь необычайную осторожность - иначе за каждый промах им приходилось расплачиваться кровью или имуществом. Вот что случилось раз в окрестностях самого Екатеринодара. Чеченцы подкараулили солдата, беспечно ехавшего с мельницы, взяли его в плен и выведали угрозами, где пасется станичный табун, велико ли при нем прикрытие, как много казаков в станице и тому подобное. Узнав, что старые казаки были почти поголовно в походе и что табун находится под присмотром казачат-малолеток, восемьдесят чеченцев решились ночью сделать нападение.

Половина партии переплыла за Малку, другая осталась на той стороне, чтобы перенять табун за рекой. Стояла поздняя осень, ночи были темные, длинные, и чеченцы имели достаточно времени, чтобы для удобнейшего угона табуна прорубить кинжалами широкую просеку в прибрежном кустарнике. Не ожидая встретить сопротивления со стороны казачат, чеченцы перед светом подъехали к табуну, гикнули, и кони, вспугнутые ружейными выстрелами, шарахнулись в сторону. Бойкие казачата, однако, открыли такой огонь, что сразу перебили и переранили многих чеченцев, а один малолеток взвился на коня и полетел в станицу дать знать о нападении. Но в станице уже услышали ружейную пальбу, и конный резерв несся оттуда во все повода на место происшествия. С других постов также скакали резервы, а к особенному несчастью чеченцев, у казаков нашлись под рукой и бударки, и лодки. Станичный начальник Лучкин, опытный волжский боец, гроза кабардинских наездников, принял на себя распоряжение всеми речными и сухопутными казачьими силами. По его указанию целая флотилия мелких

судов всевозможных видов и форм пустилась вниз по течению Терека и как раз успела перенять переправу. С разгона врезалась она в густую плывшую толпу, и казаки принялись, чем ни попало - и веслами и баграми, - глушить чеченцев, как красную рыбу. Чеченцам на плаву защищаться было невозможно, и река мгновенно обагрилась их кровью, и мутные волны Терека понесли множество трупов и людских, и конских к далеким берегам Каспийского моря... Ни одному из чеченцев не удалось достигнуть противоположного берега.

Но этим дело еще не кончилось. В то время как шло речное сражение, сам Лучкин с конными резервами переправился выше этого места и бросился на партию, скрывавшуюся на том берегу. К казакам вскоре присоединились два эскадрона нижегородских драгун. Чеченцы бежали, оставив в добычу много лошадей и оружия.

При дележе добычи Лучкину достался вороной кабардинский конь, легкий, как птица, скакавший без одышки и топота, точно он несся по воздуху. И с этих пор Лучкина постоянно видели уже на этом коне, сделавшемся предметом зависти целой Линии.

В феврале 1806 года до Глазенапа вдруг между тем дошли неясные слухи, что князь Цицианов убит и что войска, ходившие с ним в Баку, отступили неизвестно куда. Как старший в крае генерал, он был сильно встревожен этим известием и тотчас донес государю. Из Петербурга пришло ему повеление вступить в управление краем впредь до назначения нового главнокомандующего, а между тем фельдъегеря летали беспрерывно с вопросами о войсках, пропавших без вести, пока наконец не было получено известие от генерала Завалишина, что он находится с войсками на острове Саре.

Приняв главное начальство над краем и предоставив распоряжаться в Грузии генерал-майору Несветаеву, Глазенап собрал отряд на Линии и вышел в поход на Дербент и Баку, чтобы прежде всего отомстить за смерть Цицианова и загладить невыгодное впечатление от его неудачи. Цель похода сохранялась в глубокой тайне и кроме Глазенапа да двух-трех приближенных лиц никому не была известна, а из предосторожности все письма и бумаги, шедшие к кумыкам или чеченцам, перехватывались. Вот уже

русский отряд прошел аксаевские владения, перешел Сулак и стал под Тарками, главным городом шамхальских владений.

Шамхал тарковский, в русском генерал-адъютантском мундире и в Александровской ленте, сделал отряду парадную встречу, но тактичный Глазенап сам представился ему с почетным рапортом, и этим расчетливым вниманием так расположил к себе тщеславного владельца, что тот охотно согласился даже принять участие в походе.

Слыша постоянные напоминания, что он генерал, шамхал целый день не снимал мундира и решился на этот раз стряхнуть с себя даже все узы азиатских обычаев. По окончании роскошного обеда, к которому приглашены были все русские офицеры, он предложил гостям показать свой гарем, куда еще ни разу не проникала нога неверного.

Строение гарема было двухэтажное, с узорными окнами и красивыми галереями, и занимало три стороны обширного двора, посреди которого находился бассейн, изящно отделанный тесаным камнем. Здесь красавицы гарема купались и играли в воде на глазах своего повелителя. На этот раз одалиски, нарядно одетые в свои живописные фантастические костюмы, стояли длинным рядом вдоль галереи, с опущенными вниз взорами. Шамхал приказал им снять покрывала, и русские офицеры увидели ряд стройных красавиц с черными огненными глазами. Скромный генерал как ни отшучивался, но должен был, по неотступному требованию шамхала, указать наконец на одну черкешенку, которая ему нравилась больше других.

Таким образом в Тарках присоединилась к русскому отряду милиция шамхала, но цель похода оставалась для всех по-прежнему загадкой. Притом никто не мог предполагать, что горсть русских войск идет покорять Дербент - твердыню, которую Петр Великий и граф Зубов осаждали с целыми армиями.

В Дербенте же в это время господствовало всеобщее неудовольствие против правителя, известного Шейх-Али-хана, и Глазенап основывал именно на этом обстоятельстве весь успех своей экспедиции. Он знал, что Шейх-Али совершенно погряз в пороках и проводит развратную жизнь, тяжело отзывающуюся на всех его подданных. Обременяя население огромными налогами, отнимая дочерей и жен, он предавал

ужасным казням почетнейших людей из духовенства и беков, осмелившихся говорить ему правду. Негодование против него в народе росло и наконец переходило мало-помалу в открытый ропот.

Шамхал тарковский искусно подстрекал начавшееся волнение, и едва русские войска показались на границе Дербентского ханства, как в городе вспыхнул мятеж, и растерявшийся хан вынужден был искать спасения в бегстве. Дербент сдался Глазенапу без боя и двадцать второго июня встретил русские войска как своих избавителей. Все пространство между отрядом и городом покрылось народом, образовавшим из себя живую улицу. Серебряные ключи от города поднес Глазенапу тот самый, теперь уже столетний, старец, который подносил их Петру и графу Зубову. На следующий день все жители приведены были к присяге, и после торжественного молебствия, при громе пушек, русский флаг победно взвился над главной башней Дербентской цитадели Нарын-Кале.

Зная важность и силу Дербента - с одной стороны, и слабость русского отряда - с другой, трудно было поверить, что покорение Дербента - свершившийся факт. "И как приятно было, - говорит участник этого похода, - смотреть на нашего почтенного начальника, незабвенного Григория Ивановича, принимавшего с добродушной улыбкой общее поздравление и удивление".

Покорение Дербента, с тех пор уже не выходившего из-под власти России, действительно составляет наилучший памятник, который воздвиг себе на Кавказе Глазенап. Государь пожаловал ему табакерку, осыпанную бриллиантами, и три тысячи рублей пожизненной пенсии.

Из-под Дербента Глазенап командировал между тем с частью отряда своего достойного сподвижника по Линии генерал-майора Мейера для изгнания Сурхай-хана казикумыкского, появившегося в Табасаранских владениях, и Мейер блистательно исполнил поручение.

Между тем Куба и Баку, устрашенные падением Дербента, также засылали депутатов с просьбой о принятии их в подданство. Глазенап ожидал только прибытия Каспийской флотилии, чтобы продолжать военные действия, но судьба решила иначе. На Кавказ прибыл уже новый главнокомандующий, граф Гудо-

вич, не любивший Глазенапа еще по каким-то частным отношениям со времен Румянцева, и немедленно по прибытии в Георгиевск послал приказание, чтобы отряд Глазенапа не трогался из-под Дербента впредь до прибытия туда генерала Булгакова, которому и поручались дальнейшие действия. Так, среди блестящих успехов и общего непритворного сожаления в войсках, терявших любимого начальника, оканчивалась деятельность Глазенапа. Он имел, однако, утешение видеть, что план его похода утвержден, хотя и не ему суждено было привести его в исполнение до конца.

По сдаче команды над отрядом Глазенап добровольно остался при войсках и под начальством Булгакова участвовал в покорении Баку и Кубинского ханства. В Баку купцы и граждане подвели в подарок всем генералам дорогих персидских жеребцов, но Глазенап, по принципу не бравший никогда ничего, что ему не принадлежало по неоспоримому праву, один не принял подарка. Подобные правила переходили у Глазенапа в педантичность, с ними он прожил всю свою жизнь, с ними и умер, бедный, как солдат, но с чистой спокойной совестью.

Отлично понимая положение края, Глазенап письмом из Кубы советовал графу Гудовичу послать войска на Эривань, ручаясь за успех. Ту же самую мысль, нужно сказать, проводил и Несветаев. Но граф предоставил честь покорения Эривани лично себе, а отряду приказал возвратиться на Линию. Известны печальные последствия, которыми сопровождался поход Гудовича на Эривань, благодаря потере благоприятного времени.

По возвращении войск из-под Дербента начальником Кавказской линии назначен был генерал Булгаков, а Глазенап отправился в отпуск, будучи оскорблен отношениями к нему графа Гудовича.

Как шеф Нижегородского драгунского полка, Глазенап, по истечении срока отпуска, снова вернулся на Кавказ и поселился в Георгиевске. Не занятый теперь массой дел, Глазенап старался соединить около себя городское общество, устраивал концерты, пение, танцы, давал балы, очаровывая всех своей любезностью. Но это была последняя зима, проведенная им на Кавказе. Четвертого февраля 1807 года он был назначен инспектором Сибирской инстанции и

начальником Сибирской линии, а звание шефа Нижегородского драгунского полка перешло от него к полковнику Сталю.

Благородный Сталь, как только узнал о своем назначении, тотчас поспешил в Георгиевск и явился к Глазенапу. "Вот рапорт о состоянии полка, а вот квитанция в исправном его приеме от вас", - сказал он, подавая ему бумаги. Глазенап, приятно удивленный, отвечал: "Вы, Карл Федорович, еще не осмотрелись и, может быть, найдете некоторые недостатки". Сталь возразил на это, что просит считать дело между ними оконченным.

В Сибири деятельность Глазенапа была направлена исключительно на мирное развитие страны и в особенности на устройство внутреннего быта Сибирского казачьего войска. В этот мирный период своей жизни он получил от государя бриллиантовую табакерку с вензелевым изображением имени Его Величества и орден св. Александра Невского, а двадцать пятого декабря 1815 года назначен командиром отдельного Сибирского корпуса.

В этом звании Глазенап пробыл четыре года и десятого марта 1819 года скончался в Омске, на шестьдесят девятом году от рождения. Над гробом его стоит скромный памятник, представляющий собой высокую белую пирамиду сибирского мрамора, обнесенную чугунной решеткой с бронзовыми украшениями и фамильным гербом. Надпись на этом памятнике свидетельствует о том, что он воздвигнут "признательными подчиненными в память любимому начальнику".

II

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЛИХАЧЕВ

Петр Гаврилович Лихачев - один из доблестных бойцов великой Бородинской битвы. Но его известность началась гораздо раньше, во время службы его на Кавказской линии, где, в скромном звании командира полка, он приобрел такую популярность, которой могли позавидовать и более крупные деятели кавказской войны.

Лихачев начал военную службу в 1783 году под начальством Суворова. В составе Кубанского корпуса он участвовал в поражении ногайцев близ Керменчика и получил тогда первую военную награду - чин подпоручика. Затем он был на войне со шведами, командуя одной из плавучих батарей в отряде Нассау-Зигена, а по заключении мира снова перешел на Кавказ, в Кубанский егерский корпус, и дослужился там до чина полковника. В 1798 году император Павел произвел его в генерал-майоры, назначив вместе с тем шефом шестнадцатого егерского полка, который был тогда расположен на самой границе с Кабардой, в Константиногорском укреплении.

Теперь лишь два небольших кургана, заросшие травой, остатки земляных валов, несколько опустелых домиков, да заглохшие сады указывают то место, где некогда стояла эта русская крепость. Но в то время, о котором идет речь, Константиногорск играл весьма важную роль как пункт, под охраной которого находились минеральные источники Пятигорска. Собственно говоря, Пятигорска, как города, в то время еще не было, и больные, приезжавшие сюда

лечиться, помещались обыкновенно в Константиногорске, откуда каждое утро отправлялись к источникам, проводили там день в Калмыцких кибитках, а на ночь опять возвращались в крепость. Множество приезжих, совсем не знакомых с условиями кавказского быта, почти всегда оплошных и неосторожных, давали возможность горцам рассчитывать здесь более, чем где-нибудь, на легкую поживу, и окрестности Константиногорска пользовались на Кавказе весьма печальной в этом смысле известностью.

С назначением Лихачева положение дел изменилось. Как самостоятельный начальник известного района Кавказской линии, он основал в нем свою военную систему не на пассивной обороне, а напротив, на нападении и на истреблении врага, которого разыскивал сам, и целым рядом жестоких поражений, нанесенных хищным кабардинцам, скоро заставил их далеко обходить ненавистное укрепление.

Но чтобы достигнуть этого результата, надо было поставить полк на высокую степень боевого развития, а при рутинных взглядах, царивших в армии со времен императора Павла, подобное дело было далеко не из легких. Обычные приемы обучения для этого совсем не годились. Здесь нужны были не массы, ломящие врага гранитной стеной, не мирные движения фронта, равняющегося даже под картечным огнем неприятеля, а просто русские лихие бойцы, проворные и ловкие, как сами кабардинцы. Лихачев прекрасно понял это, преобладающее значение получили в его войсках гимнастика, военные игры, стрельба и применение к местности. Монотонные строевые ученья отошли на задний план, и ими занимались меньше. Но этого мало. Лихачев первый из кавказских генералов решился отступить от форменной одежды, допустив в ней такие изменения, которые наиболее соответствовали условиям кавказского походного быта. Тяжелые кивера, узкие обтяжные мундиры, ранцы и неуклюжие патронные сумы, привешенные сзади и не допускавшие быстрого бега, были совершенно оставлены. Взамен их на егерях Лихачева появились мягкие черкесские папахи, служившие солдату при случае подушкой, просторные зеленые куртки, широкие того же вида шаровары, упрятанные в сапоги выше колен, а через плечо - холщовые мешки, пригнанные так, что солдат мог сбрасывать их для

облегчения себя при каждой малейшей остановке, затем - легкий круговой патронташ, охватывающий талию, да ружье или штуцер дополняли их боевое снаряжение.

В этой удобной и легкой одежде егеря могли бежать долго и быстро, так что на первых десяти-двенадцати верстах обыкновенно не отставали от казаков. Возможность угнаться за конным противником делала то, что куда бы ни обращались горские партии, перед ними повсюду, как из земли, вырастали егеря, имевшие способность поспевать везде, где грозила опасность. Кабардинцы приходили в изумление от форсированных маршей лихачевского полка и прозвали его Зеленым войском.

Если бы подобная энергия была достоянием всех частных начальников, то мелкие хищничества, изо дня в день разорявшие Кавказскую линию, почти не имели бы места. Но, к сожалению, Лихачевых и на Кавказе было не много!

Испытанный в одиночных боях небольшими частями, полк не замедлил стяжать себе победные лавры и в полном составе при усмирении кабардинцев весной 1804 года. Бунт начался тем, что кабардинцы в значительных силах напали разом на несколько пунктов кордонной линии и между прочим на Ессентукский пост, лежавший близ Кисловодска, в районе Лихачева. Восемь донцов, спешившись и отстреливаясь из-за лошадей, оборонялись геройски, но тем не менее из восьми казаков шесть было убито, и только двоих выручили подоспевшие наконец резервы. Лихачев между тем получил приказание идти с полком в Кабарду на соединение с отрядом генерала Глазенапа. И вот, девятого мая, в то время, когда на Баксане завязалось серьезное дело и кавалерия Лецино уже поставлена была в критическое положение, неожиданно показался Лихачев, который вел с Линии свой славный шестнадцатый полк. Увидев с высоты перестрелку и быстро сообразив выгоды своего положения, он переменил направление и, рассыпав густую цепь, ударил с такой стремительностью во фланг и в тыл кабардинцам, что немедленно заставил их очистить поле сражения.

После поражения своего на Баксане кабардинцы отступили за реку Чегем и заняли выгодную позицию на высокой горе, которую приходилось брать штурмом,

и Глазенап выслал для этого вперед шестнадцатый егерский полк. Это было четырнадцатого мая 1804 года.

"Зеленые" егеря рассыпались, припали к земле и поползли к неприятелю так мастерски скрытно, что издали их совсем не было видно, и только один Лихачев, спокойно ехавший на маленькой белой лошадке, указывал направление, по которому шла атака. Когда егеря подползли уже на прицельный выстрел, Лихачев подал условный сигнал, и огонь разом загорелся по всей Линии. Стрельба таких молодцев не могла не оказаться чрезвычайно губительной для неприятеля. Тучи свинца опустошали ряды кабардинцев, и люди и кони их, не имея сил держаться на горе, скатывались вниз под ноги отряда. Устоять под адским огнем егерей не было возможности, и кабардинцы бежали, не ожидая приступа.

Когда мятеж был усмирен и русские войска возвращались на Линию, случилось происшествие, принадлежащее к числу тех драматических кровавых эпизодов, которыми так богаты летописи кавказских народов.

С самого начала похода в русском отряде был виден кабардинский князь Рosламбек Мисостов, считавшийся полковником в лейбгвардии казачьем полку и принадлежавший к одной из лучших кабардинских фамилий. Вдруг, к общему изумлению, он скрылся из лагеря. Оказалось, что Росламбек бежал за Кубань вместе с подвластными ему аулами и что мотивом к тому послужила канла - кровомщение за смерть родного племянника, убитого в одном из кабардинских набегов на Линию.

Чтобы воспрепятствовать кабардинским аулам уйти за Кубань, Глазенап тотчас отрядил полк Лихачева в погоню за Росламбеком. Лихачев форсированным маршем дошел до верховьев Кубани и здесь, у Каменного Моста, через который идет известная торговая дорога, узнал, что Росламбек стоит за рекой с большой партией, к которой примкнули не только кабардинцы, но закубанские черкесы и даже ногайцы. Это не остановило предприимчивость генерала. Но едва он перешел за Кубань, как был атакован громадными силами горцев. Трое суток сряду сражался Лихачев со свойственной ему отвагой, но, подавленный многочисленностью врагов, вынужден

был наконец начать отступление. Неприятель отчаянно преследовал его в течение целого дня, и хотя егеря отбили нападение, но при обратной переправе через Каменный Мост, когда завязалась общая рукопашная свалка, одно из наших орудий свалилось в реку и было потеряно.

На другой день сам Росламбек предложил заключить перемирие и, говоря о своем раскаянии, просил личного свидания с Лихачевым один на один. Лихачев, нимало не колеблясь, поехал к Каменному Мосту и встретил там Росламбека. Свидание имело совершенно дружественный характер. Росламбек старался оправдать свои поступки тем, что он, как мусульманин, не мог оставить без отмщения смерть родного племянника, но что теперь, когда кровь пролита, он вместе с оставшимися при нем кабардинцами готов возвратиться и быть по-прежнему верным слугой русского царя. Он объявил между прочим, что затонувшее орудие приказал разыскать, так как ему хорошо известна ответственность за подобную потерю.

Прямодушный и честный Лихачев поверил словам Росламбека и на следующий день выслал к Кубани для отыскания орудия роту капитана Волкова и тридцать пять казаков, под общей командой майора Пирогова. При отряде находился и сам Росламбек с двумя узденями и переводчиком. По его указанию, егеря и казаки, оставив оружие, спустились к реке и, не подозревая измены, принялись разыскивать пушку. Вдруг Росламбек два раза махнул своей плетью и пустился скакать... Это был условный сигнал, по которому засада, лежавшая у самого берега, с гиком бросилась на солдат, и в общем смятении все, что было в реке, не успев добежать до оружия, было изрублено. Майор Пирогов, бывший на лихом персидском жеребце, понесся в лагерь, но был настигнут и убит наповал выстрелом из пистолета. Общей участи избежали только Волков и девять егерей, которые, засев в кустах, в продолжение нескольких часов отбивались от яростных нападений горцев. Все они были ранены по нескольку раз, но не сдавались и были выручены подоспевшей из лагеря помощью. Росламбек остался в горах и с тех пор сделался одним из самых отчаянных и бешеных абреков.

Всю зиму егеря Лихачева провели на Кубанской

линии. Больших военных действий не было, но шла мелкая война, которая со стороны ее участников требовала не только не меньшего, но, пожалуй, еще большего героизма, чем большие сражения. Егеря то отражали набеги, то сами переходили за Кубань и вносили оружие в недоступные дотоле горные ущелья.

К этому времени относится одно романтическое приключение, показывающее, что русские завоевания и даже просто близкое присутствие русских отрядов не оставались без влияния на самые нравы горцев. И если одни из них, подобно Росламбеку, бежали от нас за Кубань, то другие, напротив, перебегали из-за Кубани на русскую сторону и искали у чужеземцев защиты и покровительства против стеснительных обычаев родины. С этой точки зрения описываемое происшествие не лишено интереса.

В 1804 году один из враждебных России князей, Атажукин, совершил набег на кистин, с которыми имел старые счеты за их грабежи и за то, что кистины давали у себя убежище беглым кабардинским холопам. Набег был удачен, но сам князь едва не погиб в рукопашной схватке и даже погиб бы непременно, если бы один молодой уздень, по имени Джембулат, не заслонил его своей грудью. Джембулат был опасно ранен, и старый князь, признательный ему за свое спасение, лечил храброго юношу в своей собственной сакле.

Единственная дочь князя, красавица Цхени, ухаживала за больным. И это обстоятельство, при той свободе, которой пользуются черкесские девушки, послужило началом сердечного сближения между двумя молодыми людьми. Но рука княжеской дочери не могла принадлежать молодому узденю - местные обычаи совершенно не допускали подобного союза; и Джембулат, и Цхени, и старый отец, видевший зарождавшуюся любовь своей дочери и не имевший воли прервать ее в самом начале, были равно несчастны. Рука Цхени уже была притом обещана сыну соседнего владельца, и если бы старый князь не сдержал своего слова, то не только покрыл бы позором свои седины, но и навлек бы на себя неумолимое мщение. "Подвижная стена кинжалов и шашек, - говорил сам князь, - заблестит тогда вокруг моего аула, и он будет сравнен с землей".

Невеселые дни переживались в семье Атажукина.

Раз, чтобы несколько рассеяться, старый князь, в сопровождении узденей и между ними Джембулата, поехал на охоту. Но охоте этой суждено было окончиться печальным образом. Преследуя по лесу дикого зверя, охотники внезапно наткнулись на какую-то блуждавшую за Кубанью казацкую партию, и меткая казачья пуля положила на месте старого князя. Казаки хотели было захватить его тело, но Джембулат отстоял его и повез в аул на своем седле.

Подъезжая к родному селению, Джембулат послал одного из своих товарищей предупредить княжну о постигшем ее несчастье, а партия между тем остановилась у источника, чтобы обмыть тело князя, покрытое пылью и кровью. Скоро слух о печальном происшествии облетел весь аул, и жители сбежались к источнику. Цхени была тут же; она с рыданием кинулась на труп отца и с горьким упреком сказала Джембулату:

- Джембулат! Где была твоя храбрость, если ты не спас своего князя?

- Цхени! - ответил юноша. - Пуля быстрее кинжала, но я сберег тебе утешение плакать над его могилой.

Медленно возвращалась в аул печальная процессия, и каждый добивался чести нести, в свою очередь, смертные останки храброго князя. А на следующий день, едва совершился обряд погребения, как на совете старшин было положено, чтобы Цхени вышла замуж за сына соседнего князя Бек-Мирзу-Арслангира, которого народ вместе с тем хотел признать своим законным владельцем - преемником умершего князя, не оставившего после себя мужского поколения. Цхени должна была пожертвовать собой ради обычаев родины.

День брака приближался. Старинная дружба двух княжеских фамилий должна была еще более утвердиться союзом, основанным на общих желаниях и выгодах. Но в самую полночь, накануне свадебного дня, Цхени исчезла из сакли. В лесу ожидал ее Джембулат; он быстро схватил ее к себе в седло, и резвый конь понес их к русской границе. Скакали всю ночь. Но вот на востоке обозначилось близкое появление зари. Джембулат сдержал коня, чтобы дать ему вздохнуть, и поехать шагом. Но вдруг глухой шум вдали поразил его; он стал прислушиваться.

- Это шум горного источника, - сказала ему Цхени, - в тишине ночи он слышен далеко.

- Нет! Это погоня! - ответил встревоженный Джембулат и пустил коня во весь опор.

Тени ночи постепенно уступали место восходящему дню; яснее и яснее слышался топот погони; вот она уже показалась из-за ближнего холма, и теперь никакая быстрота коня не могла уже спасти беглецов. Еще несколько минут , и они очутились бы в руках разъяренных врагов. Тогда, решившись на последнее средство, Джембулат вскочил на высокий утес, грозно вздымавшийся над быстрыми клокочущими волнами Кубани... Только одна минута раздумья - и Джембулат поднял на дыбы коня, накинул на голову ему бурку, и крикнув: "Цхени! Закрой глаза!" - ринулся с двенадцатисаженной высоты вниз, в кипящую пучину.

Пораженные черкесы остановились на краю утеса, и у всех мелькнула одна и та же мысль: "Погиб". Но еще мгновение - и все увидели ясно, как посреди пенистых волн вынырнул конь и на темном фоне реки обрисовалась фигура плывущего всадника. Град пуль осыпал беглецов, но ни одна из них не попала в цель, и Джембулат достиг противоположного берега. Но здесь ему грозила новая опасность. Выстрелы вызвали тревогу на окрестных постах, и линейные казаки уже неслись со всех сторон. Одиночного всадника легко можно было принять за вожака неприятельской партии, переправляющейся на русскую сторону, и в руках казаков уже засверкали ружья. Находчивая Цхени сорвала с себя белую чадру и стала махать ей. Подскакавшие казаки с удивлением увидели всадника и женщину. Когда они узнали, в чем дело, когда измерили глазами грозный утес, высившийся на том берегу Кубани, они смогли оценить весь героизм Джембулата, и отважный юноша сразу завоевал их симпатии. Но предметом особенного восхищения стал верный товарищ Джембулата, его добрый конь; казаки обступили его, не могли на него наглядеться, не могли нахвалиться им, разговаривали с ним, как будто с товарищем.

Об этом происшествии донесено было императору Александру, и Джембулат был принят в русскую службу прапорщиком в один из драгунских полков, стоявших на Кавказской линии. Государь приказал вместе с тем сообщить кавказскому начальнику свою

волю, чтобы сохраняемо было полное уважение к религиозным обрядам и обычаям Джембулата. Но Джембулат сам не захотел оставаться магометанином, он принял крещение и был обвенчан с Цхени по православному обряду.

Деятельный сотрудник Глазенапа на Линии, Лихачев, в начале 1806 года вместе с ним участвовал в знаменитом дагестанском походе. И если русские имеют право справедливо гордиться этим походом, если бескровное завоевание Дербентского ханства составляет доныне одну из видных страниц боевой кавказской летописи, то этим больше всего обязаны необычайной смелости, энергии и политическому такту генерала Лихачева.

Дело в том, что когда в Дербенте вспыхнул мятеж и жители, прогнавшие хана, прислали в русский лагерь депутатов с просьбой о скорейшем занятии города, Глазенап, еще не зная достоверно того, что происходит в Дербенте, колебался. Но именно Лихачев убедил его послать немедленно хоть небольшую часть войска, указывая, как неуместна здесь медлительность, что колебание может произвести в депутатах только недоверие к силе русского оружия. Помня недавний жребий князя Цицианова, погибшего в ту самую минуту, когда он принимал ключи от бакинского хана, тем не менее Лихачев, руководимый исключительно своей отвагой, сам вызвался ехать в Дербент и для скорейшего движения выпросил себе только шесть сотен казаков и одно орудие.

- Честь - мой бог. Я умру охотно, если должно, чтобы я умер для пользы моего отечества, - сказал генерал, прощаясь со своими офицерами.

Быстро, в одну ночь, перейдя больше шестидесяти верст, Лихачев под утро явился под стенами Дербента и, не въезжая в город, послал приказание, чтобы весь народ вышел навстречу русскому генералу. Жители повиновались, и Лихачев торжественно вступил со своими казаками в главные ворота крепости. Здесь старшины и почетнейшие беки поднесли генералу городские ключи, но он скромно отклонил от себя эту почесть, предоставив ее Глазенапу, который должен был подойти на следующее утро.

По взятии Дербента Лихачев участвовал, под главным начальством генерала Булгакова, и в

покорении Кубинского ханства, владетель которого, тот же Шейх-Али-хан, не желая покориться русским, скрылся в горах и оттуда волновал окрестное население. Чтобы водворить порядок в стране, надо было прежде всего сломить упрямую энергию хана, и Лихачев опять, с его беззаветной отвагой, вызвался ехать в горы один, почти без конвоя, с тем чтобы добиться мирного решения этого вопроса. Дерзкая поездка его увенчалась полным успехом, и Шейх-Али-хан решился распустить свои вооруженные шайки.

Блистательное участие Лихачева в кабардинской экспедиции, на Кубани и, наконец, в горах Дагестана, доставило ему орден св.Владимира 3-ей степени, Анненскую ленту и бриллиантовый перстень с вензелевым изображением имени императора Александра I.

В декабре 1806 года Лихачев возвратился на Линию, а в следующем феврале ознаменовал себя новым блистательным подвигом при штурме Ханкальского ущелья.

Место это, отлично укрепленное самой природой, лежит в Чечне, в семи верстах от нынешней крепости Грозной, между реками Аргун и Гойтой. Две отдельные высокие горы образуют теснину, известную под именем Ханкальского ущелья. И горы, и теснина покрыты сплошными дремучими лесами, издавна служившими притоном для хищнических партий, собиравшихся на Сунже против Линии. В половине февраля Булгаков с небольшим отрядом, в составе которого был и полк Лихачева, подошел к Ханкальскому ущелью и потребовал его сдачи. "Только по нашим трупам русские пройдут через теснину", - ответили горцы. Булгаков выдвинул вперед шестнадцатый егерский полк и приказал Лихачеву штурмовать ущелье. Позиция горцев, расположенная в теснине, среди дремучего леса, была прикрыта с фронта целым рядом завалов, обнесенных канавами и рвами; за ней грозно возвышалась сплошная стена, сложенная из каменных глыб и целых утесов, а далее шли бревенчатые срубы с пробитыми в них бойницами. Но ни природная крепость позиции, ни искусство ее обороны, ни отчаянная храбрость чеченцев, поклявшихся умереть с оружием в руках, - ничто не помогло остановить егерей, предводимых отважным Лихачевым. После кровопролитнейшей девятичасовой резни, доныне не забытой еще на Кавказе, большая часть упорных защитни-

ков Ханкальского ущелья легла на месте, и русские знамена водрузились среди неприступной твердыни.

В самом разгаре боя храбрый капитан Семека, только что отбившийся от целой кучи насевших на него чеченцев, подвергся новому нападению трех горцев, против которых защищаться уже был не в состоянии. Рядовой его роты Башир Абликамиров, увидев опасность, которой подвергался капитан, бросился к нему на помощь, положил одного чеченца выстрелом из штуцера, другого заколол штыком, и в то мгновение, как шашка третьего уже сверкала над головой офицера, он кинулся вперед и подставил под удар собственную руку. Рука Абликамирова мгновенно отлетела прочь, отрубленная по локоть, но этого мгновения было довольно, чтобы оправившийся Семека изрубил чеченца[1].

Лихачев за это дело был пожалован орденом св. Георгия 3-ей степени.

Последним подвигом пятнадцатилетней службы Лихачева на Кавказе было усмирение в том же году карабулаков. На плечах его в это время лежало уже полвека, и, изнуренный боевыми трудами, он вышел в отставку. С грустью простившись с Кавказом, где протекли его лучшие цветущие годы, он удалился в свою Порховскую деревеньку, намереваясь провести там остальные дни свои в сельской тишине и в скромных занятиях деревенским хозяйством.

Через год, однако же, он снова поступил на службу по случаю войны, объявленной тогда Австрии, и был назначен шефом Томского пехотного полка, а спустя три года - начальником двадцать четвертой пехотной дивизии, с которой во время Отечественной войны отстаивал древние стены Смоленска и участвовал в Бородинской битве.

Болезнь, последствие старых походов и ран, между тем обострилась у Лихачева; сильная ломота и параличное состояние ног не позволяли ему ходить без посторонней помощи. Но высокое чувство долга пересиливало телесные недуги, и в день Бородинского боя Лихачев, со своей дивизией, является одним из

---

[1]Семека на руках вынес из леса обагренного кровью своего спасителя, и когда Абликамиров из-за ран был уволен в отставку, Семека до конца своей службы высылал ему часть своего жалованья.

доблестных защитников центрального кургана, известного под именем батареи Раевского. Против него сосредоточены были главные силы французов, но, несмотря на все усилия вице-короля Италийского, редут в продолжение восьмичасового смертного боя оставался за нами.

Сидя на походном стуле в переднем углу укрепления, слабый, больной, но несокрушимый духом, Лихачев, под смертоносной тучей свинца и чугуна, спокойно говорит солдатам: "Стойте, ребята, смело! И помните: за нами - Москва!"

Наступила наконец последняя минута в боевой жизни кавказского героя. В пятом часу пополудни неприятель, сосредоточив все свои силы, повел последнюю решительную атаку на этот курган, составлявший ключ бородинской позиции. Французская пехота со всех сторон ворвалась в редут и завалила его своими трупами, но к ней на помощь несется саксонская конница и мчится следом весь корпус Коленкура. Началась ожесточенная рукопашная свалка... Коленкур был убит, но зато и последние защитники редута ложатся под ударами латников. Тогда Лихачев, собрав последние силы, с обнаженной шпагой, один бросается в толпы неприятеля, желая лучше лечь на трупах своих сослуживцев, нежели живым достаться французам. Желание его, однако, не исполнилось. Знаки генеральского чина и белый Георгиевский крест на шее остановили французских гренадер. Покрытый тяжкими ранами, Лихачев очутился в плену и был представлен вице-королю Италийскому. Одаренный возвышенной и пылкой душой, умевший понимать подвиги военного мужества, принц Евгений почтительно принял Лихачева и приказал представить его Наполеону. Император, в свою очередь, сказал ему несколько утешительных слов и подал назад его шпагу. Лихачев показал великодушие победителя.

"Благодарю, ваше величество, - ответил он слабеющим голосом, - но плен лишил меня шпаги, и я могу принять ее обратно только от моего государя".

Он был отправлен во Францию, но тяжкие раны заставили его остановиться по пути в Кенигсберг, и здесь, на чужбине, смерть положила конец его славному поприщу.

III

БУЛГАКОВ

Старый соратник Гудовича по Кавказской линии, с Георгием на шее за штурм Анапы, генерал от инфантерии Сергей Алексеевич Булгаков заслуженно пользовался репутацией храброго, энергичного и в высшей степени правдивого человека. Несмотря на преклонные лета, он все еще оставался истинно военным человеком и до конца сохранил способность увлекать за собой своей отвагой и чисто юношеским пылом.

Высочайшим указом девятнадцатого июня 1806 года Булгаков был принят из отставки на службу и, по ходатайству графа Гудовича, назначен командующим войсками на Кавказской линии. Но едва он прибыл в Георгиевск, как получил приказание немедленно принять под свое начальство отряд Глазенапа, действовавший тогда в Дагестане. Десятого августа Булгаков уже был в покоренном Дербенте и, найдя войска совершенно готовыми к дальнейшему походу, повел их прямо в Баку, минуя Кубанскую и Казикумыкскую провинции.

Приближаясь к городу, он отправил прокламацию, приглашая жителей отдаться на милосердие русского императора и угрожая в противном случае "потрясти непобедимыми войсками основание города". Сулейман-бек, один из приближенных бакинского хана, обратился к Булгакову с ответом на прокламацию, оправдывая хана и извещая, что если хан не получил прощения, то город будет защищаться до последней

крайности, и что народ без воли хана ни к чему не приступит.

Есть, действительно, основания предполагать, что хан не был причастен к убийству князя Цицианова и что оно совершилось помимо его воли и желания.

Вот рассказ одного бакинца, восьмидесятитрехлетнего старика по имени Хаджи-Урбан, бывшего в ханской свите во время самого происшествия.

"В день, назначенный для свидания с князем Цициановым, - говорил он, - Гуссейн-Кули-хан вышел за городские ворота пешком; ключей от крепости не выносили, а шли только для переговоров; ключи же отданы были генералу Булгакову уже после того через год. С одной стороны хана шел Казем-бек, друг и сподвижник его, с другой - Керим-бек. Все трое имели с собой вооруженных нукеров. Я был тогда нукером у Казем-бека и сопровождал его на это свдиние. На том месте, где дороги расходятся, разостланы были бурки. Все трое сели на них и ожидали прибытия князя Цицианова. Князь ехал верхом в сопровождении драгун, но драгуны остановились на дороге, а князь отделился от них со своим адъютантом, двумя казаками и переводчиком. Подъезжая к хану, он сошел с лошади, которую отдал казаку, а казак отвел ее драгунам.

В то время жили у нас в Баку два персидские хана; они были присланы шахом как будто бы привести воду из моря в крепостной ров, а на самом деле, чтобы наблюдать за Гуссейн-ханом и не допускать его сближения с русскими.

У Гуссейна был двоюродный брат, Ибрагим-бек, который с малолетства его ненавидел, старался ему вредить и сам домогался власти. Он-то и вошел в тайные переговоры с персиянами и взялся убить Цицианова, чтобы раз навсегда поссорить бакинцев с русскими. Гуссейн-Кули-хан ничего об этом не знал.

Увидя с крепостной стены, что Цицианов сел на разостланную бурку, Ибрагим вышел из крепости с двумя своими нукерами. Одного звали Амир-Амза, другого - Сеид. Делая вид, что идут без цели, они держались влево от дороги и вдруг быстро повернули в ту сторону, где сидел Цицианов. Хан был поражен их внезапным появлением и делал головой знаки, чтобы они удалились. Но Ибрагим и его нукеры в один момент выхватили ружья, выстрелили разом -

и Цицианов упал убитым. Ничего не знавший об этом намерении Гуссейн был потрясен убийством. "Дай Бог, чтобы дом твой провалился!" - крикнул он Ибрагиму; но ибрагимовские нукеры, не обращая внимания на брань и угрозы хана, бросились на труп убитого, отрезали ему голову, а само тело унесли в Баку. В ту же ночь Ибрагим вместе с Сеидом бежал в Тавриз, где и представил голову наследному принцу. Ибрагим-бек был принят в персидскую службу и сделан начальником отряда. На том месте, где теперь русские поставили памятник, тогда у нас был городской овраг, в которой свозили нечистоты. Вот в этот-то грязный овраг жители бросили труп Цицианова и зарыли его землей.

Когда, пораженный всем случившимся, Гуссейн-Кули-хан вернулся домой, оба персидские хана явились к нему с поздравлением. "Дай Бог, чтобы лицо Ибрагима сделалось черным, - ответил им Гуссейн-Кули-хан. - Он меня поссорил навек с русскими, и я удивляюсь, с чем вы меня поздравляете".

Таков рассказ очевидца. Булгаков, очевидно, хорошо знавший дело, отправил с дороги нарочного уговорить Гуссейн-Кули-хана оставаться в Баку и не беспокиться за свое будущее. Хан ответил, что будет ожидать его прибытия, и послал к нему навстречу Казем-бека со знаменем, ключами от крепости и с хлебом-солью. Казем-бек встретил Булгакова на пятой станции в Беш-Бармаглахе. Булгаков опять повторил Казем-беку свои уверения и, отправляя его обратно в Баку, послал вместе с ним своего сына, подполковника Борисоглебского драгунского полка (впоследствии убитого под Эриванью), сказать хану, что он знает его невинность и знает, кто убил Цицианова. Тем не менее, подъезжая к городу ночью, молодой Булгаков и Казем-бек увидели, что весь народ покидает Баку и выбирается в горы. На вопрос, где хан, им ответили, что он, опасаясь мщения русских за вероломное убийство Цицианова, бежал в Кубу и вместе с бывшим правителем Дербента намерен искать покровительства персидского шаха.

Всю ночь, рискуя жизнью, Булгаков ездил верхом по улицам города, объявляя населению, что он сын русского генерала, командующего войсками, и прислан затем, чтобы успокоить народ и объявить ему

прощение. Бакинцы, однако, не верили, и утро второго октября застало большинство населения уже за чертой города. Узнав, что народ собирается бежать за Куру, где хан обещал дать им новые места для поселений, молодой Булгаков решился идти за ними и еще раз попытаться уговорить их. Долго и горячо убеждал он бакинцев и наконец добился, что народ мало-помалу начал возвращаться в опустевший город.

Отряд между тем подошел к Баку. Генерал Булгаков был встречен за несколько верст от городской стены одним из самых влиятельных людей города, уже знакомым ему Казем-беком, с шестнадцатью эфендиями и старшинами, а вслед за ними вышло армянское духовенство с крестами и хоругвями. Поднося городское знамя и ключи цитадели, Казем-бек еще раз просил о пощаде народа. В то время как Булгаков принимал депутацию, бакинцы, преклонив знамена и головы, с азиатским фатализмом ожидали решения своей участи, но скоро опасения их рассеялись. Майор Тарасов от имени главнокомандующего объявил им помилование, и затем присутствующие были приведены к присяге на верность русскому царю. В то же время генерал-майоры Дехтярев и граф Гудович (сын главнокомандующего) ездили по деревням и приводили к присяге сельских жителей.

Таким образом третьего сентября 1806 года город Баку, предмет стремлений Цицианова, был наконец занят русскими войсками, и на следующий день в восемь часов утра был поднят русский флаг на стенах цитадели. Тело князя Цицианова, зарытое у крепостных ворот, немедленно с почестями было перенесено в новую могилу, приготовленную в армянском храме[1], а его убийца нукер Амир-Амза, захваченный в Баку, был предан полевому суду, прогнан сквозь строй и сослан в Сибирь.

В Баку войска оставались несколько дней, и

---

[1]Теперь на том месте, где был зарыт Цицианов, стоит памятник. Он представляет собой каменный обелиск, обнесенный железной решеткой. На передней стороне его медальон, на голубом поле которого рельефно выдаются вызолоченные два крепостные ключа и сложенные накрест кинжал и пистолет. Внизу надпись: "Князю Цицианову, воздвигнут в наместничество князя Воронцова в 1846 году".

Булгаков жил все это время в ханском дворце, отличавшемся чисто восточной роскошью. Особенную драгоценность составляли в нем исторические картины, писанные весьма искусно на стенах масляными красками и потом раззолоченные. По приказанию Булгакова некоторые из них были отбиты от стен особыми долотами и так искусно, что остались совершенно целыми.

Войска в Баку страдали от недостатка здоровой пресной воды, так как во всех окрестных колодцах она имела морской горько-соленый вкус. Топлива также не было. Армяне, державшие на откупе все нефтяные источники, слишком усердно оберегали свои интересы, и солдаты, стоявшие лагерем на морском берегу, вынуждены были ходить верст за десять собирать бурьян, чтобы в сырые и холодные ночи отапливаться хоть этим скудным топливом. Начались болезни и смертность. И Булгаков, оставив гарнизоном в Баку только батальон Севастопольского полка, под начальством генерал-майора Гурьева, с остальными войсками поспешил уйти в Кубинское ханство, покорение которого являлось естественным последствием занятия Баку. Пока Куба оставалась в руках Шейх- Али-хана, нельзя было ручаться за безопасность дорог и за спокойствие жителей Дербента и Баку - тем более, что путь между этими двумя городами лежал через кубинские владения.

Подходя к Кубе, Булгаков узнал, что Шейх-Али-хан, боясь за свою участь, бежал со всем населением в горы. В Кубе и в окрестных селениях русские, действительно, не нашли ни одного человека, но отряды, посланные в погоню за жителями, успели настигнуть и воротить в город большую часть их. Им было объявлено, что Шейх-Али-хан навсегда устраняется от управления ханством и что владения его присоединяются к русскому государству. Кубинцы беспрекословно дали присягу, но Шейх-Али-хан, укрывшись в горах, продолжал волновать население. Напрасно Булгаков требовал хана к себе и предлагал ему различные условия, а захватить его было невозможно, так как он нашел надежное убежище в Казикумыке.

Оставалось одно - заставить самих казикумыкцев выдать хана, но позднее время года и опасение быть застигнутым зимой в горах заставили Булгакова пока

удовольствоваться наружной покорностью хана, который скрепил ее своей присягой.

Так, спокойно, без пролития крови, совершилось присоединение к России Дербента, Баку и Кубы. К сожалению, сильная болезненность в войсках, последствие этого похода, преждевременно унесла в могилу много храбрых солдат Грузинского корпуса. Особенно бедственно было обратное движение на Линию. Зима застигала отряд без теплого платья и обуви; погода стояла ненастная; мокрый снег образовал невылазную грязь, в которой солдатам приходилось ночевать без всякой подстилки и даже без шинелей, давно износившихся. Чтобы укрыться от ветра и сколько-нибудь согреть окоченевшие члены, люди вырывали ямы вроде могил, варили в них пищу и затем, погасив угли, укладывались спать в эти теплые, но губительные для здоровья логовища.

За шестьдесят верст до Кизляра отряд был застигнут в степи морозом и страшной вьюгой. Солдаты в один голос просили вести их дальше без ночлега и весь переход до самого Терека, можно сказать, не шли, а бежали. По Тереку был сильный ледоход, и переправы не было, но солдаты предпочли принять студеную ванну, чем дожидаться паромов, и, переправясь вборд по пояс в воде, толпами ринулись в Кизляр, где их разместили кое-как по квартирам. Обозы, двинувшиеся вслед за войсками, загрузли в реке. Фурштаты выпрягли лошадей и ускакали в город, а оставленные фуры так вмерзли в лед, покрывший в ту же ночь реку, что потом пришлось вырубать их топорами.

Между тем, когда совершились описываемые события, оставленная почти без войск Кавказская линия переживала тяжелое время. На всем ее протяжении происходили беспрерывные грабежи и хищнические набеги горцев. Гудович желал, чтобы Булгаков, возвращаясь из-под Баку, сделал экспедицию на горцев прямо из Кизляра, но утомление войск заставило ее отложить, и она состоялась только весной 1807 года. Войска вступили в Чечню с трех разных сторон, под начальством Булгакова, графа Ивелича и Мусина-Пушкина; но ошибка Булгакова в том именно и заключалась, что все эти части были недостаточно сильны, чтобы в трудных местах действовать решительно; они часто останавливались

и прерывали через это общую связь операции. Сам генерал Булгаков имел дело с главными силами чеченцев в Ханкальском ущелье, и хотя он взял его штурмом, но огромная потеря, понесенная при этом русскими, только утвердила чеченцев в мысли о неприступном положении их родины, вот почему грозный штурм Ханкальского ущелья, открывший путь в самое сердце Чечни и памятный на Кавказе доселе, окончился таким ничтожным результатом, как покорение двух независимых обществ: Атаги и Гехи.

Военные действия в Чечне не оказали между тем решительно никакого влияния на закубанских горцев, которые по-прежнему нападали не только на Кубань, но хищничали под самым Моздоком и появлялись даже за Ставрополем.

Двадцать восьмого апреля 1807 года партия в двести человек напала на Сенгилеевку (село Богоявленское), лежавшую почти в двадцати пяти верстах от Кубани. Грабеж и резня продолжались до двух часов пополудни и стоили русским дорого: тридцать человек было убито, утоплено и сожжено живыми, двадцать четыре ранено, сто два захвачено в плен, а скота и лошадей угнано при этом нападении более двух тысяч голов. Подобный разгром, конечно, мог иметь место только при панике, напавшей на крестьян, а семь рядовых Суздальского полка, случайно ночевавших в Сенгилеевке, не только отбились от хищников, но успели спасти от разграбления и несколько соседних крестьянских домов.

Не успело еще изгладиться впечатление этого набега, как двадцать третьего мая новая партия, прорвавшись у Беломечетки, разбила Воровсколесскую станцию Кубанского полка и увела в плен более двухсот казаков.

Крестьянским населением овладела паника. Исправник доносил, что во всех деревнях, лежащих по Егорлыку, жители находятся в неописуемом страхе, что сенгилеевцы, раненые при разгроме села, не смея возвратиться на свое пепелище, забились в лесу и там расположились лечиться в какой-то маленькой, найденной ими землянке. Остальные деревни представляли картину того же печального свойства: крестьяне жили бивуаками, имущество было уложено и увязано на возы, часовые стояли на колокольнях,

и все было приспособлено так, чтобы при первом ударе набатного колокола бежать куда только можно; многие семьи с приближением ночи уходили в леса и прятались там в трущобах и оврагах; те же, которые оставались дома, собирались на ночь в недостроенные еще церкви, влезали на колокольни и там ночевали, несмотря ни на какое ненастье. А слухи из-за Кубани шли самые тревожные. Опасались нападения на Темнолесскую станицу, ждали его и на казенные села Николаевку, Каменнобродское, и опять на ту же Сенгилеевку, и даже самый Ставрополь не считал себя в безопасности. Поля стояли невозделанными, начинался голод, а к довершению бедствий губернский город Георгиевск, наполовину опустевший уже от чумы, сгорел дотла летом 1809 года. Впрочем, надо заметить, что Георгиевск и до пожара был одним из самых беднейших городов России и что на Кавказе даже многие казачьи станции были гораздо богаче и пригляднее своего губернского города. В нем находилась всего одна ветхая деревянная церковь и не было десяти домов, крытых тесом; даже губернаторский дом, представлявший собой плетневую мазанку, был крыт камышом и состоял всего из четырех маленьких комнат. При таких условиях пожар в два-три часа покончил свое разрушительное дело - и жители остались без пристанища.

Так тяжелы были обстоятельства, при которых Булгакову пришлось взять на себя устроение Линии. Главнейшей заботой его было обеспечить русские поселения от закубанских горцев, набеги которых приняли неслыханные дотоле размеры. С этой целью он выставил на Кубани два сильные отряда, но несмотря на их присутствие, как только наступила осень и начались темные ночи, вся Кавказская линия снова была поражена дерзостью закубанских горцев. Сильная партия их, прорвавшись у Прочного Окопа, проникла до Егорлыка, угнала тысячу лошадей и нанесла большой урон Донскому полку полковника Араканцева, попытавшемуся было отбить у нее добычу. Но этим дело еще не окончилось.

Седьмого ноября другая партия, соединившись с кабардинцами, бросилась вглубь Ставропольского уезда и уничтожила до основания богатое Каменнобродское селение. Несчастные жители в испуге бросились бежать, кто куда мог, но большая часть

укрылась в церкви, рассчитывая там найти спасение; горцы ворвались, однако же, внутрь Божьего храма и всех, скрывавшихся в нем, перерезали. Церковный помост был облит кровью и завален трупами, а все, что уцелело от резни, досталось в добычу горцам. Одних убитых насчитывали тогда более ста тридцати душ обоего пола; в плен взято триста пятьдесят человек, весь скот отогнан, хутора сожжены, а озимые посевы вытоптаны.

С этим страшным погромом связывается один эпизод, не важный в общем ходе тогдашних событий, но характеризующий то население, которое имели перед собой алчные горцы.

В Каменнобродске, в числе других пленных, взята была однодворка Авдотья Михайловна вместе со своим сыном, с дочерью и жившей у нее сиротой Феклой. Впоследствии, при размене пленных, мать не нашла в числе размененных своей дочери, по всей вероятности уже перепроданной в какой-нибудь дальний аул. Черкесы брались разыскать ее дочь, если она согласится оставить взамен свою воспитанницу Феклу. "Нет, - ответила на это Авдотья, - Господь накажет меня, если я дам погибнуть сироте; я взяла ее на свои руки и должна буду дать ответ за нее перед Богом. Пусть лучше моя дочь останется в плену - Господь не оставит ее". И она вернулась на родину без дочери.

Чтобы сколько-нибудь унять беспокойных соседей и ободрить поселенцев, Булгаков в начале 1810 года сам ходил на Кубань, разорял аулы, брал штурмом завалы, проникал в места, которые сами горцы считали недоступными, но, несмотря на все это, несмотря даже на полное содействие ногайцев, живших по Кубани, результаты экспедиции были настолько ничтожны, что горцы, по удалении войск, опять принялись за мелкие хищничества.[1]

Это было какое-то фатальное время для Кавказской линии. Необходимость сосредоточить войска на Кубани заставила обнажить границу по Тереку и Малке, и чеченцы, тотчас же воспользовавшись этим, напали на станицы Приближную и Прохладную.

---

[1]Во время этой экспедиции особенно отличился правитель ногайского народа генерал-майор Менгли-Гирей, награжденный, по ходатайству Булгакова, орденом св.Георгия 4-ой степени.

Прохладная отбилась, а в Приближной был угнан скот и изрублено до двадцати казаков. В то же самое время подверглась нападению и Новогладковская станица на Тереке, но старые гребенцы не дали захватить станицы врасплох и отразили нападение. Сотня линейцев слетала даже за Терек и возвратилась назад с богатой добычей.

С этих пор гребенцы стояли настороже. Однако же второго апреля 1810 года с вышки Червленной станицы замечена была сильная партия, переправлявшаяся через Терек. Командир Гребенского полка, войсковой старшина Фролов, поспешил к переправе и, видя, что неприятель уходит обратно, кинулся в погоню за Терек. С ним было только три офицера и восемьдесят шесть казаков, но, несмотря на то, отважный Фролов доскакал до Сунжи, отбил неприятельский скот и только здесь заметил, что тысячная партия чеченцев неслась наперерез отрезать ему отступление. Увлекшиеся удальцы обратились за помощью в мирный аул князя Бамата-Бековича[1], но, получив отказ, стали отступать, скучившись вокруг своей добычи, которую не хотели оставить. Так, отбивая атаку за атакой, гребенцы добрались наконец до Терека и были уже в ста саженях от мирного аула, когда чеченцы их окружили. Так как Бекович не позволил войти в сам аул для обороны, то гребенцам пришлось отбиваться в поле. И пока одни из них, спешившись, удерживали горцев, другие переправили за Терек отбитую добычу. Положение становилось критическое, особенно потому, что вероломный Бекович готовился напасть на казаков с тылу во время переправы.

К счастью, в Червленной услыхали выстрелы, и две сотни казаков поскакали на выручку. Заметив их

---

[1]Отец его, Девлет-Гирей-Бекович, управлявший герменчукскими чеченцами, отличался преданностью к русским и за то несколько раз подвергался жестоким нападениям своих земляков. В 1760 году они разграбили его дом и схватили жену. Один из чеченцев, прельстившись золотым браслетом, бывшим у нее на руке, и не имея терпения снять его, отрубил ей руку. Тем не менее эта женщина сохранила полное самообладание и не выдала мужа, которого спрятала так, что чеченцы его не нашли. После этого случая Девлет оставил Герменчук и поселился на Тереке против Червленной.

приближение, Фролов бросился в шашки и, смешав толпы неприятеля, воспользовался этой минутой, чтобы отойти за Терек. К сожалению, в этом доблестном бою выбыли из строя все офицеры: два брата Фроловых и Тиханов, и половина казаков.

Участие кабардинцев во всех беспорядках на Линии, особенно в разгроме Каменнобродского села и в нападениях на казачьи станицы по Малке, не подлежало сомнению. В Кабарде зрел заговор, и если не вспыхнуло восстание, то только потому, что энергичный Булгаков, никогда не терявший головы в опасности, быстро двинул войска на кабардинскую равнину и захватил двадцать тысяч голов скота, которые тут же приказал раздать на удовлетворение пострадавших линейных жителей.

Лишенные этой потерей почти всех средств к существованию, кабардинцы вынуждены были смириться и принять те условия, которые им продиктовал Булгаков.

В назначенный день, девятого июля 1810 года, знатнейшие князья, духовенство и уздени кабардинского народа, в числе тысячи человек, собрались на берегу реки Малки против Прохладной станицы. Булгаков, желая обставить церемонию возможной пышностью, велел принести знамя Казанского полка; и когда оно было развернуто, когда гром барабанов и звуки музыки приветствовали его появление, кабардинцы склонили свои головы перед этим символом воинской чести. Они поочередно подходили к аналою, на котором лежал Коран, и, осеняемые знаменем, клялись быть мирными и добрыми соседями.

Торжественный акт этот решено было скрепить посылкой кабардинских депутатов к высочайшему двору, о чем ходатайствовали сами кабардинцы; но просьба их была отклонена самим Булгаковым, угадавшим, что этим видимым знаком преданности к России князья хотели только замаскировать свои сношения с Турцией и выиграть время.

Турецкие эмиссары действительно сновали по всей Кабарде, и агитация их шла настолько успешно, что кабардинцы скоро забыли свои обещания. Второго ноября 1810 года значительные толпы их, под предводительством почетнейших владельцев, собрались за Малкой и стали на обширной равнине,

лежавшей против Прохладной станицы. Извещенный об этом кабардинским приставом, Булгаков сам выехал к собранию, но на вопрос его о причине сбора, один из кабардинских князей, Измаил Атажуков, дерзко ответил, что собрал владельцев для своей собственной надобности.

- Без разрешения вы не вправе делать такое собрание, - заметил Булгаков.

- Да что вы, шутите, что ли? - нагло возразил ему Атажуков. - Я - старший из кабардинских князей и, по обычаю народов, во всякое время имею право делать подобные собрания.

И тут же он подал Булгакову от имени народа просьбу, в которой кабардинцы домогались получить такие права и привилегии, какие ни в каком случае не могли быть им даны. Дерзкая просьба, конечно, осталась без исполнения, и Атажуков был арестован. Тем не менее вся история эта, вместе с беспрерывным разорением Линии горцами, наделала большого шума, а в Петербурге стали даже получаться доносы о беспорядочном управлении Кавказской губернией.

Что дела на Линии находились действительно в печальном положении - это бесспорно, но виной этому были никак не личные качества Булгакова, не недостаток с его стороны ума или энергии, а только несчастливо сложившиеся для него обстоятельства, которых впоследствии не избежали и его преемники.

Нельзя не заметить также, что одним из главных тормозов для деятельности Булгакова были постоянные пререкания с ним гражданских властей, старавшихся всячески парализовать его распоряжения. Булгакова хотел обвинить даже в том, в чем он никак не мог быть виноватым, - например, в появлении чумы и в пожаре Георгиевска.

Для прекращения всех этих недоразумений из Петербурга был командирован генерал-майор Вердеревский с правами и властью генерал-губернатора. Но честный и прямодушный Булгаков, привыкший более действовать саблей, нежели пером, считал для себя унизительным опровергать возводимые на него обвинения и не хотел оправдываться. Между тем действия Вердеревского направлены были далее не в его пользу, и последствием всей этой грустной истории было отстранение Булгакова от службы. В начале 1811 года он сдал должность генерал-лейтенанту

Мусину-Пушкину, вступившему в управление Линией впредь до приезда нового начальника, генерал-лейтенанта Ртищева, а сам отправился в Россию и вскоре скончался там от апоплексического удара, оставив по себе память храброго и прямодушного воина.

IV

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ПОРТНЯГИН

"Храбрейший из храбрых", как называл его Цицианов, Семен Андреевич Портнягин начал свою службу в 1773 году рядовым во Владимирском пехотном полку. Через восемь лет, произведенный в офицеры, он перешел в сумские гусары и участвовал в пехоте против польских конфедератов. Но в первый раз в серьезном бою ему пришлось быть только во время турецкой войны, при осаде Очакова, и затем на штурме Измаила, где он командовал колонной, овладевшей неприятельской батареей.

Три чина, полученные им за отличия в сражениях и в целом ряде партизанских подвигов в Польше во время восстания 1792 года, обратили на него особенное внимание начальства, и император Павел, по восшествии на престол, перевел Портнягина в Харьковский кирасирский полк, где он в течение трех лет был произведен в подполковники, в полковники, в генерал-майоры и назначен шефом Нарвского драгунского полка, расположенного на Кавказской линии.

Служба в Георгиевске, среди ежедневных тревог и опасностей, поставила этот полк на высокую ступень боевой опытности. Отличные стрелки и лихие рубаки, драгуны не уступали кабардинцам, которым старались подражать в наездничестве и джигитовке, оставаясь вместе с тем одним из лучших полков регулярной кавалерии со всеми ее преимуществами перед нестройными наездниками. И весной 1803 года, когда

полк был передвинут в Грузию, Цицианов, осматривавший его на походе, писал государю, что "благодаря попечению шефа его, генерал-майора Портнягина, полк превосходит всякое выражение: лошади, несмотря на трудный поход через горы, в наилучших телах, люди одеты, как один человек, и сидят в седлах крепко, как настоящие азиаты."

Едва перейдя в Грузию, Портнягин в том же 1803 году уже играл одну из первенствующих ролей при взятии Ганжи, где, после чрезвычайных штурмовых усилий, первым, во главе своей колонны, взошел на крепостную стену и получил Георгия 2-ой степени. Донося государю о действиях Портнягина, Цицианов писал между прочим: "Титло храброго не я даю ему, а солдаты, которых он водил на ганжинский приступ".

Вслед за тем один эпизод эриванского похода сделал имя Портнягина известным и грозным до самых пределов Персии. Когда персидская армия, атаковавшая блокадный корпус под стенами крепости, была разбита и отброшена частью на Калаахир, а частью к Гарни-Чаю, Цицианов решил воспользоваться разобщением неприятельских сил и приказал Портнягину, с отрядом в девятьсот человек пехоты и конницы, сделать ночное нападение на Гарни-Чай, где был раскинут лагерь наследного персидского принца. Портнягин знал, что ему придется, быть может, иметь дело с целой персидской армией, но увлекаемый именно рискованностью предприятия, смело взял на себя опасное поручение. Сначала все шло прекрасно, и войска, пройдя двадцать верст, незаметно приблизились к вражескому стану. Но на самой заре, двадцать четвертого июля, татарская милиция наткнулась на неприятельский пикет и подняла тревогу. Из персидского лагеря тотчас стала выезжать конница, а вслед за ней двинулись и густые массы пехоты; в то же самое время гонцы полетели в Калаахир, к Баба-хану, с известием о нападении русских. И не прошло двух-трех часов, как Портнягин стоял уже лицом к лицу с сорокатысячной персидской армией.

Наступила одна из тех страшных минут, когда начальнику приходится решать роковую дилемму: потерять ли оружие и сохранить жизнь тысяче солдат, или же сохранить честь оружия и заплатить за это тысячами жизней. Портнягин выбрал последнее и,

свернувшись в каре, медленно, шаг за шагом, стал отходить назад, подавляемый в сорок раз превосходившим его неприятелем. Скоро артиллерийские солдаты все до одного были переранены, и офицерам самим пришлось заряжать орудия и исполнять при них обязанности нижних чинов. Четырнадцать с половиной часов и на протяжении двадцати с лишним верст гремела непрерывавшаяся битва. Но Портнягин с честью вышел из этого критического положения и возвратился, не оставя в руках неприятеля никакого трофея: даже тела убитых - и те принесены были с собой в лагерь.

Донося о беспримерном отступлении Портнягина, Цицианов прибавлял, что персияне заранее торжествовали полную победу, и Баба-хан послал даже гонца поздравить с ней эриванского сардаря, а с крепости в честь нее весь день гремели пушечные выстрелы. К вечеру выстрелы, однако же, смолкли, когда эриванцы с удивлением увидели своими глазами русское каре, возвращавшееся в стройном порядке среди несметных окружавших его неприятельских полчищ.

Отряд потерял в этом отступлении всего шестьдесят четыре человека; в числе убитых, к сожалению, находился племянник Портнягина прапорщик Нарвского полка Рыбаков, офицер необыкновенно даровитый, которого особенно отличал Цицианов. Портнягин награжден был за этот подвиг орденом св. Анны 1-ой степени.

Когда недостаток продовольствия заставил Цицианова собрать военный совет, решивший отступление от крепости большинством всех голосов против одного, этот одиночный голос принадлежал Портнягину. И Цицианов вполне согласился с ним, хотя и подчинился постановлению военного совета. "Предвижу, - писал Цицианов государю, - невыгодное для нас впечатление и вредные последствия, которые могут произойти от снятия блокады, как в Грузии, так и в сопредельных ей магометанских землях, но, повинуясь закону, не имею я права взять на себя ответственность за штурм, когда на моей стороне только один генерал Портнягин".

Прошло два года, и в начавшейся тогда турецкой войне Портнягин снова показал блистательный подвиг на штурме Ахалкалакской крепости, опять командуя

штурмовой колонной и вынеся на своих плечах всю тяжесть кровопролитного боя. Имея под своим начальством только батальон егерей, с резервом в сто пятьдесят кавказских гренадер, Портнягин сквозь адский огонь неприятеля дошел до крепостного рва и начал взбираться на стену. Лестницы оказались, однако же, коротки, и егеря вместе с ними были сброшены в ров. Находившийся впереди солдат штабс-капитан граф де Монт был убит при этом наповал, полковник Головачев и майор Аксенов ранены, и сам Портнягин ушиблен камнем в голову. Он, однако же, устроил колонну снова, и когда остальные войска, под начальством генерала Титова и графа Гудовича, уже отступили, Портнягин, став, вместе с раненым Головачевым, во главе егерей, снова бросился на приступ, и на этот раз стремительность атаки была так велика, что колонна взобралась на стену, овладела башней и захватила там пушку и знамя. Отсюда горсть смельчаков спустилась даже в самую крепость, но, не поддержанная никем, она была окружена и потеряла двести человек убитыми, трупы которых были мгновенно обезглавлены. Пять часов держался, однако же, Портнягин на занятой им позиции, тщетно ожидая поддержки, и отступил только потому, что неприятель сделал подкопы и взорвал башню.

По снятии осады, в том же году, Портнягин принимал выдающееся участие в генеральном сражении с турками при Арпачае, а в следующем, когда военные действия перенесены были в Персию, опять находился при осаде Эривани, близко знакомой ему еще со времен Цицианова. Так как на этот раз эриванский хан со своей кавалерией вышел из крепости, чтобы тревожить сообщения с Грузией, то главнокомандующий поручил охранение русского тыла генералу Портнягину. И Портнягин блистательно исполнил поручение: два раза разбил персидскую конницу и, не довольствуясь тем, что отбросил ее за Аракс, сам переправился вплавь через эту быструю реку и на правом берегу окончательно рассеял неприятельские полчища.

Энергичные действия Портнягина обезопасили сообщения отряда. К сожалению, предпринятый Гудовичем штурм не удался, а позднее время года, метели и глубокие снега, завалившие горные проходы и остановившие движение транспорта, заставили опять

без успеха отступить от крепости. Гудович отдал полную справедливость заслугам Портнягина в эту кампанию. "Особого внимания, - писал он государю, - заслуживает превосходное состояние командуемого им (Портнягиным) Нарвского драгунского полка. В то время, когда Борисоглебский полк возвратился из экспедиции пешком, когда даже казаки потеряли большую часть своих привычных и выносливых коней, нарвские драгуны смело могли бы выдержать новую кампанию, так лошади их были добры, свежи и втянуты в труды бивуачной жизни".

Военные действия в этом году начались двадцать первого июля внезапным нашествием персиян на Амамлы, Бекант и Гумри. Часть Саратовского полка, занимавшая эти селения, под командой храброго майора Згорельского, отбила нападение. Персияне бросились тогда на транспорт, следовавший из Тифлиса в Шурагельскую дистанцию, и в тот же день захватили его на перевале через Безобдальскую гору, чему помогла чрезвычайная крутизна подъемов и спусков, заставившая обоз растянуться так, что голова его спускалась уже в Бомбакскую долину, в то время как хвост находился еще у селения Гергеры, у северной подошвы Безобдала.

Впоследствии один офицер, участник этого несчастного дела, рассказывал печальные подробности его.

"Мы с братом, - говорит он, - обогнали транспорт и ехали при авангарде, состоявшем из десяти человек пехоты и нескольких конных армян. Спускаясь с горы, мы слышали по направлению к селению Амамлы сильную ружейную и пушечную стрельбу, из которой могли заключить, что дело шло жаркое. В это самое время многочисленная толпа персидской кавалерии с гиком бросилась на нас из бокового ущелья. В одно мгновение мы были окружены... Восемнадцать лет прошло уже с этой несчастной минуты, но и теперь я не могу вспомнить без ужаса о моем тогдашнем положении! Армяне при первом гике неприятеля бросили нас и поскакали назад, а мы, засев с пехотой за одну из транспортных арб, стали отстреливаться. Пули нас пронизывали насквозь, и вдруг, к довершению всего, наша подвижная крепость, последняя надежда на спасение, была увлечена испуганными буйволами. Очутившись совершенно без защиты, мы были опрокинуты и смяты многочислен-

ной конницей. Бедный брат мой, на глазах моих сорванный с лошади, был обезглавлен. Солдаты его подверглись той же участи. Я был оглушен сабельным ударом в голову и очнулся уже к вечеру, привязанный к какой-то лошади, которая быстро неслась по горной дороге в толпе незнакомых всадников. Скрученный арканом, я лежал навзничь на высоком вьюке, а раненая головая моя, свесившись вниз, колотилась о переднюю луку и твердую поклажу шерстяных чувалов с добычей. Сказать ли вам, господа, на какой добыче, на каком страшном кладе я был привязан? На первом ночлеге я узнал, что это были мертвые головы моего брата и моих соотчичей..."

Взятие транспорта было, впрочем, единственно счастливым для персиян эпизодом во время этого нашествия. На следующий день, двадцать второго июля, они повторили нападение одновременно на Амамлы, Артик и Гумри, но, отраженные опять Саратовским полком, сделали третье - последнее - покушение, двадцать третьего числа, и снова были разбиты наголову майором Згорельским - душой этого трехдневного боя. Общая потеря русских была невелика, но, к сожалению, сам Згорельский был тяжело ранен в последнем деле под Амамлами. Государь наградил его чином подполковника и в этом чине пожаловал ему орден св. Владимира 3-ей степени.

Эти поражения и весьма удачный набег, сделанный самим Портнягиным в персидские владения летом 1810 года, настолько обеспечили границы, что новый главнокомандующий в Грузии, генерал от кавалерии Тормасов, нашел возможным двинуть войска из Бомбакской провинции в Турцию для участия в осаде Ахалцихе.

Кратковременная осада, продолжавшаяся всего десять дней, дала, однако же, Портнягину не один случай оказать новые военные отличия. Так, десятого ноября, подходя к Ахалцихе, он разгромил встретивший его турецкий корпус, и кавалерия, ведомая в атаку лично Портнягиным, взяла у неприятеля литавры и знамя. Во время осады он участвовал в отражении многих турецких вылазок, а при отступлении командовал арьергардом и выдержал упорную трехдневную битву, не допустив неприятеля тревожить главные русские силы.

Награжденный за этот поход орденом св. Владимира 2-ой степени, Портнягин осенью 1811 года возвратился в Тифлис и был назначен военным начальником Кахетинского округа.

Кахетинское восстание времен Паулуччи, к сожалению, застало Портнягина врасплох. Захваченный им в деревне Сагареджио с ничтожными силами, он ничему не мог помешать и только с помощью подоспевших херсонских гренадер мог сам отступить к Тифлису. Между тем его Нарвский полк, расстроенный потерями офицеров, солдат и лошадей, отправлен был на Кавказскую линию, а оттуда - в кавалерийские резервы, формировавшиеся тогда в Брест-Литовске. Портнягин сдал полк полковнику Улану и был зачислен по армии. Но вслед за тем, в феврале 1812 года, он был назначен, на место генерал-лейтенанта Ртищева, начальником девятнадцатой пехотной дивизии и командующим войсками на Кавказской линии.

Переехав в Георгиевск, где за двенадцать лет перед этим началась его боевая кавказская служба, Портнягин нашел Линию в весьма печальном состоянии. Войск было мало, и они едва могли отражать постоянные нападения чеченцев и кабардинцев, сделавшихся особенно дерзкими в управление его предместника, а между тем на правом фланге начались волнения между ногайцами, и некто Сеид-Эфенди, турецкий подданный, уже приближался к Кубани, чтобы открыто принять их сторону и поддержать восстание.

Положение Портнягина было тем тяжелее, что ему приходилось считаться не только с враждебным населением горцев, но и с местным гражданским начальством, то и дело врывавшимся в область его военных распоряжений и парализовывавшим все его действия. Кто-то, говоря о предместнике Портнягина, Булгакове, весьма остроумно сказал, что "с малыми силами двух войн не ведут", и что "Булгаков, занятый в свое командование отражением партизанских наездов губернаторской канцелярии, невольно допустил закубанцев разбить несколько русских селений". Эта горькая истина в полной силе повторилась теперь и над Портнягиным. Решительный и энергичный солдат, Портнягин никогда не останавливался перед необходимостью прибегнуть к оружию. Гражданские

власти, напротив, не разделяли выгод, могущих произойти от смелых и решительных распоряжений военачальника, и ставили ему на каждом шагу преграды, о которые разбивалась даже и железная энергия Портнягина. Началась война на бумаге, и война беспощадная. В одной из статей, посвященных обзору этого времени, справедливо было замечено, что линейные казаки менее тратили крови в борьбе на Кубани и Тереке, чем их военные и гражданские начальники - чернил во взаимной вражде между собой. Честный и прямодушный Булгаков так и погиб напрасной жертвой в этом чернильном водовороте кляуз, ссор и доносов. Но печальный пример его не научил Портнягина быть осмотрительнее. Храбрый генерал пошел напролом, как ходил когда-то на целые персидские армии, и сделался жертвой интриги.

Началось с того, что когда получены были известия о сборе закубанцев, готовившихся напасть на русские деревни, как это было при Булгакове, Портнягин немедленно распорядился вооружить крестьян и раздал им ружья, патроны и сабли. Гражданское начальство, управлявшее крестьянами, увидело в вооружении их почему-то меру, опасную для спокойствия края, и просило Ртищева отменить распоряжение. Ртищев, все время доносивший о миролюбивом настроении горцев, был неприятно поражен распоряжением Портнягина и объявил ему выговор, приказав в то же время не только обезоружить крестьян, но даже деньги, употребленные на покупку пороха, отнести на счет начальника Линии.

"Я не вижу никакой надобности в вооружении крестьян, - писал он Портнягину, - потому что, если бы какое-нибудь село и находилось действительно в опасности от хищников, то вы, имея войска, обязаны сами защищать его жителей. Сверх того, и жители должны оберегать себя от нападения тем, чтобы иметь селения, окопанные рвами, не жить на хуторах и не селиться отдельными домами".

Вскоре случилось одно происшествие, еще более усилившее неудовольствие Ртищева. В январе 1813 года чеченцы, в числе четырех тысяч, собрались против Шелкозаводской станицы на Тереке, угрожая вторгнуться в пределы Кавказской губернии. Шеф Суздальского полка полковник князь Эристов (впоследствии знаменитый покоритель Тарвиза)

предупредил их намерение и, перейдя за Терек, разбил все скопище наголову. Портнягин просил о награждении Эристова. Ртищев не только отказал в награде, но и выразил положительное неудовольствие за подобные экспедиции, находя, что дело начальников Линии снискивать дружеское расположение горских народов не оружием, а ласковым обхождением и спокойным соседством.

Миролюбивое настроение главнокомандующего настолько поощрило чеченцев к новым дерзким набегам, что они нахлынули на Термкскую линию и, как вода разорванной плотины, разлились по дорогам. Выведенный из терпения, пылкий Эристов, несмотря на предыдущий урок, вторично перешел за Терек и, после упорного боя, истребил несколько селений по Сунже. Разгром чеченцев был на этот раз так поучителен, что они просили пощады и дали аманатов, обещая больше не тревожить русских границ. Обстоятельства дела были таковы, что нельзя уже было ни в чем обвинить Эристова, и он за оба дела получил генеральский чин и орден св. Владимира 3-ей степени.

Сдерживая горцев на Тереке, Портнягин в то же время беспрерывно посылал летучие отряды и за Кубань, чтобы следить за тамошним положением дел. Но так как это возбуждало постоянные неудовольствия Ртищева, то Портнягин вынужден был наконец уступить и подчиниться безусловным требования главнокомандующего. Исполнение чужой программы, вовсе не соответствовавшей тогдашнему положению дел на линии, однако, не могло быть успешно. Оставленные в покое, горцы быстро усилились и шестого сентября 1813 года, ворвавшись в русские пределы, увели с собой за Кубань до двух тысяч ногайских семейств. Две экспедиции, предпринятые Портнягиным с целью возвратить беглецов, не имели успеха; удалось только отбить скот и часть имущества - все остальное успело укрыться в земле абазинов.

Ободренные удачей, горцы задумали повторить вторжение, и лазутчики, являясь в Георгиевск, называли даже имена тех деревень, которые были обречены на гибель. Тогда Портнягин сам перешел за Кубань и, напав на скопище, рассеял его прежде, чем оно было готово к походу. Но на обратном пути русский малочисленный отряд был обложен двенад-

цатью тысячами горцев; им, однако, не удалось сломить стойкой обороны отряда, и после четырехдневного боя они рассеялись, оставив на месте более двух тысяч тел своих лучших наездников. Очевидцы рассказывают, что когда черкесы потеряли уже надежду уничтожить отряд открытой силой, они пустили на него огромное стадо разъяренных буйволов, рассчитывая под этим прикрытием ударить в шашки, но хитрый маневр их не удался, потому что стадо, испуганное встретившими его выстрелами, шарахнулось назад и смяло самих же закубанцев.

К сожалению, весь результат блестящего похода Портнягина был парализован неудачей, понесенной почти в то же самое время за Кубанью войсковым старшиной Сычовым. Сычов с двумястами солдат и донских казаков был послан преследовать бежавших ногайцев, но, подходя к их кочевьям, он был внезапно окружен четырехтысячной партией и, не имея мужества проложить себе дорогу оружием, вступил в переговоры. Горцы потребовали выдачи двух ногайских владельцев, задержанных на Линии, а в обеспечение взяли в аманаты трех русских офицеров.

Портнягин, достойный ученик Цицианова, естественно, увидел во всем этом деле позорное пятно для чести русского оружия и немедленно отрешил Сычова от командования. Не так взглянул на это дело главнокомандующий. По его распоряжению владикавказский комендант генерал-майор Дельпоццо приступил немедленно к производству формального следствия над самим Портнягиным, и одной из причин к обвинению его послужило удаление от должности главного ногайского пристава генерал-майора Менгли-Гирея, к которому ногайцы питали большое доверие. Это была действительно ошибка Портнягина, но приписывать одному этому обстоятельству какое-либо особенное значение было крайне несправедливо. И Дельпоццо отлично знал те тайные пружины, которые двигали всей этой историей, но совершенно умолчал о них в своем донесении главнокомандующему.

Дело же было в действительности в следующем. Еще во время управления Линией генералом Ртищевым, родной брат Менгли-Гирея, Бахты-Гирей, был убит одним из закубанских владельцев, князем Лоовым. Менгли-Гирей потребовал тогда, чтобы с

Лоовым поступили по всей строгости русских законов, так как убийство сделано было на русской территории. Но Лоов бежал к абазинам, и сторонники Бахты-Гирея, лишившись возможности отомстить ему лично, перенесли кровавую канлу не только на весь абазинский народ, укрывший преступника, но и на ногайцев, у которых он был убит. Встревоженный Ртищев отправил в горы одного туземца, поручика Таганова, с тем чтобы он так или иначе захватил Лоова. Хитрый Таганов не замедлил вкрасться в доверие князя и успел склонить его приехать в Георгиевск будто бы для примирения с Менгли-Гиреем. Но едва прямодушный Лоов, поверивший данному слову, переступил русскую грань, как был схвачен, привезен в Георгиевск и предан суду.

Ртищев в это время уже был назначен главнокомандующим в Грузию и, уезжая в Тифлис, предписал Портнягину отправить Лоова в Астрахань, так как на Линии, где он имел много друзей, могли быть сделаны попытки к его освобождению. Портнягин не скрыл своего презрения к Таганову, как к человеку, игравшему честным словом, и медлил с отправлением Лоова до тех пор, пока Ртищев, по жалобе Менгли-Гирея, не напомнил ему своего приказания. Тогда Лоов был отправлен, но бежал из Астрахани, а Менгли-Гирей заподозрил в этом деле участие самого Портнягина. Глубоко затаив в душе обиду и ненависть, он снова жаловался Ртищеву, а между тем начал волновать ногайцев. И вот, когда интриги его были открыты, Портнягин и удалил его от должности.

Дельпоццо, однако, не счел за нужное касаться подробностей дела и донес главнокомандующему просто, что причина ногайских волнений заключалась: во-первых - в притеснениях, которые делали им линейные казаки преимущественно по земельным вопросам; во-вторых - в удалении от должности генерала Менгли-Гирея, который один держал в повиновении буйных ногайцев; и в-третьих - в слабом и небрежном охранении казаками пограничной черты. Последнее обстоятельство Дельпоццо доказывал тем, что турецкий назырь Сеид-Эфендий, прорвавшись с полуторатысячной партией всадников сквозь кордоны вблизи самого Георгиевска, прежде чем увести ногайцев, пять дней оставался в русских владениях, никем не замеченный.

Что касается сычовского дела, то Дельпоццо подтвердил вполне донесение Портнягина, но высказал при этом и собственное мнение, что "действия Сычова были вполне законны и правильны" и что "самое *благоразумие* побуждало его исполнить так, как это было им сделано, ибо упорство не обещало ничего, кроме несчастья". "Что же касается трех офицеров, - прибавляет Дельпоццо, - то они поступили в залог добровольно и без малейшего понуждения к тому со стороны начальника."

Подобного взгляда на воинскую честь Портнягин переварить не мог и ответил, что "*подобное благоразумие* тесно граничит с позорной трусостью, недостойной русского имени". Главнокомандующий признал, однако, заключение Дельпоццо вполне основательным и, освободив Сычова от ареста, возвратил ему полк.

Портнягин, по настоянию Ртищева, был предан военному суду и отрешен от должности начальника Линии. Ему поставлено было в вину даже то, что "Таганов, после поимки Лоова, вместо благодарности за свою услугу, пользовался, со стороны Портнягина, только обидным презрением", и то, что сам Портнягин ходил за Кубань преследовать ногайцев, тогда как, по мнению Ртищева, ему следовало употребить войска не для наказания горцев, а для охраны оставшегося на нашей стороне разного рода ногайского скота, простиравшегося до миллиона голов. "Тогда, - писал простодушный Ртищев, - ногайцы, увидев, что имение их сохранено у нас в целости, весьма бы скоро почувствовали свое безрассудство и сами вернулись бы опять из-за Кубани". Если бы подобная идея зародилась в мечтательной голове какого-нибудь юного гражданского администратора - это еще было бы понятно, но совершенно непонятно, как Ртищев, старый солдат, мог серьезно представлять Портнягину подобные требования.

Тем не менее приговор суда был конфирмован. Лишенный службы и сдав управление краем генерал-майору Дельпоццо, Портнягин удалился в Тифлис и там, посреди живых воспоминаний своих недавних блистательных подвигов, прожил несколько лет в нужде и без всякого дела. Приезд Ермолова в Грузию вывел его наконец из этого положения, и Портнягин, снова зачисленный на службу, был назначен девятого

октября 1822 года окружным генералом восьмого округа внутренней стражи. В этой должности он оставался пять лет и умер двадцатого апреля 1827 года.

Тихо и незаметно, вдали от военного дела, протекли последние годы генерала, боевой отваге и военным дарованиям которого дивился сам Цицианов.

V

КАВКАЗСКО-ГОРСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В 1812 ГОДУ

В командование на Линии генерала Портнягина случилось на Кавказе выходящее из ряда обыкновенных, почти невероятное, но тем не менее вполне достоверное событие, наглядно показывающее, насколько легко, при известной свободе действий, могли разрешаться сложные вопросы, над которыми, при иных условиях, напрасно трудились лучшие кавказские администраторы.

Событие это - формирование ополчения из горцев - имело блестящее начало, но завершилось несколько драматическим концом, вернее сказать, вовсе не имело конца, так как непредвиденная случайность, к сожалению, помешала его полному развитию и окончанию. Есть полное основание сказать: "К сожалению", - потому что сама мысль предприятия была необыкновенно удачна и даже грандиозна; если же средства, употребленные для ее выполнения, были не вполне законны, то, может быть, единственно потому, что, при царившей тогда рутине и канцеляризме, способных в зародыше убить всякое доброе начинание, других не было.

Однажды, весной 1812 года, в Георгиевск приехал из Петербурга молодой офицер в конногвардейском мундире. Это был поручик Соковнин, флигель-адъютант государя, который представил начальнику Линии открытое предписание, повелевавшее ему

сформировать конный полк из черкесов и следовать с ним в действующую армию.

Идея о формировании из горцев конного ополчения была далеко не нова. Еще во время войны за австрийское наследство императрица Елизавета Петровна желала иметь при нашей заграничной армии ополчение, набранное из кавказских горцев, но так как желающих между ними тогда не нашлось, то и сама мысль была оставлена. Потом Павел Сергеевич Потемкин, живя в Екатеринограде, долго мечтал собрать для императрицы лейб-кавказскую сотню, и если эта попытка не удалась ему, то только потому, что все делалось через десятые руки. Затем князь Цицианов также писал императору Александру о пользе содержать в Петербурге лейб-гвардии конный кавказский эскадрон и даже предлагал в командиры его полковника Измаил-бея, отлично знавшего русский язык, но дело не было приведено в исполнение сколько из-за финансовых соображений, столько же, если не более, от неумения внушить кабардинцам доверие к этому новому для них делу.

Последняя попытка в этом направлении сделана была генерал-лейтенантом Ртищевым, которому удалось наконец склонить Кабарду отправить в Петербург особую для этой цели депутацию. Обласканные государем, кабардинцы обещали выставить гвардейскую сотню, но исполнить этого не могли, так как, по возвращении домой, они сами были изгнаны с родины приговором аулиев - "божьих людей". В неудаче виноват тогда был более всего Ртищев, допустивший в состав депутации людей темного происхождения, незнатных и бедных фамилий, не имевших никакого влияния на своих соотечественников и которых обещания поэтому ровно ничего не значили.

Теперь в пятый раз поднят был вопрос о горском ополчении, и Соковнин взялся за него горячо, указывая между прочим на важное политическое значение, которое оно будет иметь. И он был, конечно, прав, говоря, что ополчение, которое пойдет в Россию, в то же самое время будет служить надежным аманатом, заложником, обуздывающим хищные инстинкты их же соотчичей.

Обладая блестящей наружностью и прекрасным образованием, Соковнин сумел расположить к себе

кавказское начальство, и дело пошло вперед быстро и успешно. Вице-губернатор Врангель немедленно отпустил Соковнину значительную сумму денег, а генерал Портнягин сам ездил по Линии и, благодаря своему влиянию, успел склонить многих знатнейших князей вступить в ополчение. Первыми явились на сборное место князья Бековичи-Черкасские, Рослам-бек и Араслан-Гирей - потомок Чингисхана, последняя ветвь древнего крымского ханского рода. По примеру их стали съезжаться подвластные им уздени, дворяне и уорки. А между тем султан Менгли-Гирей и князь Айтек Мисоустов вербовали ополченцев в аулах закубанских черкесов. Успех дела превзошел самые смелые ожидания, и, вместо гвардейской сотни, о которой притом прежде только мечтали, теперь явилась возможность двинуть в действующую армию несколько тысяч отборной конницы.

От кабардинского ополчения ожидали весьма многого. Всем были известны превосходные боевые качества этой природной и, без сомнения, лучшей конницы в мире. Можно было наперед предвидеть, каких чудес могли бы натворить летучие отряды этих центавров, неуловимых, как воздух, если только их бросить на фланги и в тыл неприятельской армии.

Собравшиеся кабардинцы уже совсем были готовы к выступлению в поход. Красивые, стройные, одетые в железные кольчуги, блистая дорогим вооружением, они представляли собой красивое зрелище, и, глядя на них, можно было без колебаний сказать, что никакая кавалерия в свете не устоит против их сокрушительного удара в шашки. К сожалению, все это громкое дело рассеялось, как дым, и весь сбор этих правильно организованных тысяч, этих рвавшихся в бой лучших азиатских наездников оказался простой фантазией чрезмерно пылкого молодого воображения.

В то время как Портнягин и Соковнин ездили по крепостям на Кавказской линии, один из советников казенной палаты, некто Хандаков, стал сомневаться, чтобы такое важное дело, как формирование черкесского войска, могло быть поручено столь юному офицеру, и в этом смысле послал донесение министру финансов. Соковнин, узнав об этом, просил, со своей стороны, чтобы Портнягин отправил курьера с чрезвычайным донесением к министру полиции, генерал-адъютанту Балашову, находившемуся тогда

при государе в действующей армии. Портнягин назначил расторопного портупей-прапорщика Зверева, но, как ни торопился этот последний, курьер Хандакова все-таки прибыл в Петербург гораздо скорее.

Ответ министра финансов произвел невообразимую суматоху в Георгиевске. Из Петербурга уведомляли, что Соковнин - самозванец, что он ни от кого никаких поручений не имел и что его следует немедленно арестовать и отправить в столицу под караулом. Всех ставило в тупик то обстоятельство, что на запросы, которые посылались о Соковнине прежде различным министерствам, получались всегда вполне удовлетворительные ответы.

Общее недоумение разрешил сам Соковнин при аресте его на вечере у командира Казанского пехотного полка полковника Дебу[1]. Взяв в руки перо, он начал подписываться почерком государя и министров, и так искусно, что все были поражены неподражаемым сходством.

Соковнин объяснил, что его настоящая фамилия - Медокс, что он англичанин, родившийся в Москве, где отец его был учредителем и владельцем московских театров, что сам он корнет, числившийся по кавалерии и в последнее время назначенный состоять при донском атамане Платове.

Медокс-Соковнин тут же сознался, что знал о всех бумагах, писанных по его делу, и что все они исчезали на одной из промежуточных станций, где он имел сообщника. Ответы, им же самим сочиненные, сдавались на ту же станцию и получались в Георгиевске. Как-то по ошибке он не перехватил донос Хандакова, сделавшийся роковым не только для

---

[1]Осип Львович Дебу, уроженец Италии, был привезен в Россию на седьмом году, получил воспитание в Инженерном корпусе и в 1793 году поступил на военную службу. Под Фридландом он был в первый раз в огне, а затем с 1809 по 1827 год командовал на Кавказе Казанским пехотным полком. В 1827 году он перешел в гражданскую службу с чином действительного статского советника, был оренбургским губернатором, а с 1832 года - сенатором и умер шестидесяти семи лет десятого апреля 1842 года. Посвящая досуги литературе, он издал известные записки о Кавказской линии и статистические и исторические сведения об Оренбургском крае.

него, но и для всего взлелеянного и так успешно начатого им предприятия.

Все действия Медокса обставлены были так искусно и ловко, что всякая мысль о подлоге показалась бы нелепостью, а симпатичная наружность молодого гвардейца, флигель-адъютантский мундир и отличное образование[1] дополнили остальное и невольно подчинили всех его обаянию.

Медокс хладнокровно объявил, что знает судьбу, ожидавшую его, но не теряет, однако, надежды на возможность оправдаться, так как намерения его были самые честные. Денежная отчетность действительно велась им с замечательной аккуратностью и добросовестностью. Медокс раздавал деньги черкесам не иначе, как в присутствии комендантов, за их свидетельством, и никто не мог упрекнуть его, чтобы хоть одна казенная копейка была истрачена им на личную потребность. Напротив, следствием выяснено, что он убил на это дело даже свои последние доставшиеся ему от отца три тысячи рублей.

"Я хотел услужить отечеству в смутные времена, - сказал он Портнягину, - и если нарушал закон, то ничего не делал против своей совести. У меня не было никаких своекорыстных целей: вы сами видели, кому и когда я выдавал деньги. Наконец, меня легко проверить. Черкесы готовы к походу, и я советовал бы не распускать их".

По окончании следствия Медокс под арестом был отправлен в Петербург, где, по распоряжению графа Вязьмитинова, и был заключен в Петропавловскую крепость. Суд над ним, тянувшийся более двенадцати лет, постановил приговор по всей строгости тогдашних законов. Но император Александр принял участие в пылком энтузиасте и заменил тяжкое наказание ссылкой на житье в Иркутск, где Медокс и оставался до тридцатых годов.

Личностью Медокса в Иркутске чрезвычайно интересовались. Он был принят везде, за исключением дома генерал-губернатора. О нем много говорили, но из этого многого не вырисовывалось решительно ничего положительного и ясного, он так и оставался

---

[1]Медокс основательно знал языки: латинский, немецкий, французский, английский, русский, старославянский и несколько языков кавказских и сибирских народностей.

по-прежнему совершенно загадочной личностью. Говорили тогда, что он член какого-то европейского тайного общества, имеет большие связи в столице и за границей, что от разных лиц, но от кого - неизвестно, он довольно часто получает большие деньги. Медокс ли он - и это оставалось под сомнением. Сам о себе он никогда и ничего не рассказывал, но зато любил говорить о Кавказе, об обычаях горцев, вообще о тамошней жизни, которую, по-видимому, знал превосходно.

- Вы там долго были, Медокс? - спросили его однажды.

- Не очень долго.

- Вы что там делали?

- Я имел поручение, но зависть, интриги испортили прекрасное предприятие.

- Какое предприятие?

Но он тотчас же переменил разговор, и больше от него ничего не добились.

О дальнейшей судьбе этой загадочной личности мы знаем также немногое. По возвращении из Сибири Медокс некоторое время жил в Петербурге, потом был снова замешан в какое-то темное дело, долго содержался в Шлиссельбургской крепости и был освобожден оттуда только в самом начале царствования Александра II. Умер Медокс пятого декабря 1859 года и похоронен в Тульской губернии, Каширского уезда, в селении Поповке.

Происшествие с Медоксом не осталось без неприятных последствий и для других действующих лиц, ставших невольными соучастниками его противозаконных действий. За беспорядки, обнаруженные при этом на Линии, кавказскому начальству объявлен был выговор. Десять тысяч, истраченных на формирование горского ополчения, поставлено было взыскать с вице-губернатора Врангеля, а расходы по командированию курьера в действующую армию - с генерал-майора Портнягина.

Так разыгралась эта полуфантастическая история, долго служившая предметом рассказов на Кавказской линии. Остается пожалеть, что горцы были распущены; есть основание думать, что появление их на европейском театре войны могло бы значительно повлиять на ход военных действий и, с другой стороны, внести много новых вопросов в область

военной науки и кавалерийского дела. Быть может также, что это обстоятельство повело бы к сближению горцев с русскими и имело бы влияние на весь последующий ход и события кавказской войны...

Черкесы, видя европейские города, европейский быт и знакомясь с европейскими понятиями, не могли бы избежать их влияния и, возвращаясь на родину, естественно смягчали бы ненависть к ним азиатских племен и даже распространяли бы к ним уважение. Мысль повлиять на кавказские народы этим путем так ясна и проста, что осуществление ее могло быть только вопросом времени. И действительно, уже во время Паскевича были сформированы лейб-гвардии кавказско-горский полуэскадрон, служивший в Петербурге, и Конно-мусульманский полк вместе с кавказско-горским дивизионом, расположенные в Варшаве, при главной квартире действующей армии. Тогда же особый отряд, составленный из лучших горских фамилий, преимущественно из кабардинцев, стал личным конвоем государя. И высокое доверие к кавказским горцам не могло не вызвать в них чувство гордости и преданности русским монархам. Состав этих войск был непостоянный, и в то время как одни возвращались в свои горы, приходили другие - учиться европейской жизни.

VI

ГЕНЕРАЛ ДЕЛЬПОЦЦО

Последним командующим войсками на Кавказской линии до Ермолова, начавшего собой совершенно новый период кавказской войны, был генерал-майор Иван Петрович Дельпоццо, уроженец Тосканы. На русскую службу он поступил в 1775 году волонтером, был долгое время офицером в сухопутном кадетском корпусе и в 1795 году, с производством в полковники, назначен командиром Казанского пехотного полка, расположенного на Линии. Здесь он имел неосторожность обратиться к императору Павлу Петровичу с какой-то просьбой, которая найдена была "неприличной", и Дельпоццо был отстранен от службы.

На Тереке, между станицами Новогладковской и Щедринской, в пяти или шести верстах от первой, находятся, быть может, и теперь еще следы существовавшей здесь небольшой крепости, называвшейся Ивановской. Это было земляное укрепление, упраздненное после, когда на противоположном берегу Терека построили новое укрепление, названное Амир-Аджи-Юрт. В этой-то Ивановской крепости и жил Дельпоццо в своем небольшом домике, и здесь же с ним случилось страшное несчастье - он попал в плен к горцам.

Двадцатого сентября 1802 года, в прекрасное осеннее утро, Дельпоццо с тремя гребенскими казаками отправился в соседнее Порабочевское селение. Тогда на Тереке еще было очень опасно, и вся

береговая декорация его обрамлялась совершенно иначе, нежели теперь. Казалось, вечная, неисходная ночь царила в его надречных лесах, звук топора и звонкий оклик человека редко нарушали их безмолвие. Зато чеченцы искусно пользовались этими лесами для своих нападений, и когда ружейный выстрел далеким и дробным эхом раскатится, бывало, по прибрежным скалам, постовые казаки, прислушиваясь к нему, уже задавались тревожным вопросом: "По зверю или по человеку?" Нередко в темные ночи слышался удар конского копыта о гранит, и бездомный скиталец, выброшенный за порог своей сакли враждой или голодом, как привидение, ослабив повод и свистнув в воздухе широкой буркой, с конем исчезал в пенящейся реке, смело выбираясь на противоположный берег для того, чтобы выждать оплошного казака.

Вот по такому-то лесу, подходившему в те времена еще к самому Порабочевскому селению, проезжал и Дельпоццо со своими гребенцами, как вдруг, на одном повороте, из самой чащи кустарника, перевитого густым виноградом и хмелем, выскочили горцы. Их было двадцать один человек. Порубить конвойных и кучера, обрубить на скаку гужи - было делом одной минуты. Дельпоццо остался один и безоружный. Он долго защищался тростью, но наконец, раненный шашкой, упал в изнеможении. Чеченцы знали, с кем имеют дело, и щадили жизнь старого генерала в расчете на хороший выкуп. Они набросили ему на шею аркан и поволекли за собой, понуждая жестокими ударами его же собственной трости.. Наконец Дельпоццо был связан, перекинут через седло и увезен за Терек, в Герменчугский аул, откуда только спустя несколько месяцев дали наконец известие, что горцы требуют за него двадцать тысяч серебряными рублями.

Для переговоров был употреблен переводчик, некто Алиханов, имевший в Чечне большие родственные связи и сильных кунаков.

Страшную и бедственную картину увидел он в Герменчуге, когда его ввели в ту саклю, где содержался злополучный пленник... Перед ним был не человек, а скелет. Тяжелые оковы висели на руках и на ногах его, на шею надето было толстое железное кольцо с огромным висячим замком, и от этого кольца тяжелая цепь продета была сквозь стену сакли и укреплена снаружи к толстому и прочному

столбу. Постелью Дельпоццо служил изорванный лоскут овчины, брошенный на голом полу, а одежды на нем не было почти никакой. Старик, как рассказывал после Алиханов, то плакал, как ребенок, то, ободрившись, шутил над оковами и говорил о превратности судеб человеческих. Горцы потребовали сначала от Алиханова целую арбу серебра, потом сбавили это требование до нескольких мешков и наконец порешили дело на четырех тысячах двухстах рублях мелкой серебряной монетой. С этим известием переводчик явился на Линию. У нас согласны были дать требуемую сумму, но тут встретилось новое затруднение - боялись, чтобы чеченцы не задержали у себя человека, посланного с деньгами, и не произвели бы нового вероломства; дать же от себя заложников чеченцы отказались. Тогда главнокомандующий в Грузии, генерал-лейтенант князь Цицианов, принял в судьбе Дельпоццо живое участие, потребовал содействия в этом деле шамхала тарковского, а после разгрома джаро-белоканских лезгин поставил и им в условие выручить Дельпоццо, обещая за это возвратить от шестидесяти до ста пленных; в противном случае он угрожал весь их полон продать в отдаленные земли и на вырученные деньги выкупить Дельпоццо. Испуганные джарцы действительно хлопотали энергичнее всех. А между тем князь Цицианов приказал генералу Шепелеву, заведовавшему тогда Кавказской линией, наказать аксаевские деревни, через которые хищники проезжали с пленным, и отбарантовать весь чеченский скот, ходивший в долине между Тереком и Сунжей. Две роты, расположенные в Щедринской станице, пятьдесят гребенских казаков и два орудия ночью двинулись за Терек. Казаки быстро отогнали стада и, под прикрытием пехоты, переправили на русскую сторону, прежде чем чеченцы из ближних аулов успели прискакать на тревогу. Все дело кончилось небольшой перестрелкой. Баранта немедленно была распродана за десять тысяч рублей, и из этой-то суммы отчислено было восемь тысяч четыреста рублей, то есть вдвое против условленной суммы, за выкуп; Алиханов опять отправился в Герменчуг, вручил горцам деньги, и Дельпоццо был отпущен, пробыв в плену больше года.

По возвращении из плена Дельпоццо был снова

принят на службу генерал-майором и назначен приставом кабардинского народа.

Со времен Потемкина и до самого назначения Дельпоццо на эту должность система, которой держались начальники Кавказской линии в управлении горцами, заключалась в том, чтобы посредством подарков и денег привлекать на свою сторону влиятельных лиц и этим подрывать авторитет их между соотечественниками, вообще косо смотревшими на всякое сближение с русскими. Раздувая всякую сословную и племенную вражду, начальники Линии старались вооружить князей друг против друга и против уорков и затем, поддерживая уорков против князей, возбуждали бесконечный ряд внутренних волнений. Враждующие стороны, конечно, обращались каждая за помощью к русским, а политические расчеты определяли, кому следует оказать ее. Цицианов являлся совершенным противником этой системы, находя, что она приносит более вреда, чем пользы, так как, поддерживая вражду, она сама же и обращала кабардинцев в поголовных хищников. Цицианов решил радикально изменить обращение с горцами и, сдерживая их железной рукой, постепенно вносил в их жизнь зачатки цивилизации и просвещения. Это и было поставлено в обязанность кабардинскому приставу - лицу более или менее самостоятельному, в действия и распоряжения которого никто из посторонних начальников не имел права вмешиваться. Со своей стороны, и Дельпоццо горячо принялся за новое дело. Стараясь кротостью и снисходительностью привлечь к себе сердца кабардинцев и пользуясь каждым случаем сближать их с европейскими обычаями и понятиями, он заходил в этом направлении иногда гораздо дальше, чем бы это следовало. Так, например, в то время как в Большой Кабарде, около Константиногорской крепости, у подошвы одной из гор Бештау, шотландцы Бронтов и Патерсон основали колонию из горных выходцев и невольников с целью проповедовать диким горцам свет христианского ученья, Дельпоццо, напротив, покровительствовал их вере, строил мечети и самую торговлю поощрял, нередко даже в ущерб отечественным выгодам. Родовые суды, составлявшие предмет постоянных неудовольствий кабардинцев, были уничтожены, и власть их вручена почетным

ахунам и кадиям. Земли, на которых стояли русские укрепления, были разграничены, и гарнизоны, получив определенное число десятин, обязывались под строгой ответственностью наблюдать, чтобы скот их не заходил на смежные дачи кабардинцев. Торговля развивалась, потому что каждый кабардинец свободно являлся на Линию для сбыта своих произведений, а в Константиногорске и в Георгиевске с этой целью построены были мечети и при них богатые караван-сараи. Но главнейшим образом Дельпоццо обратил внимание на воспитание молодого поколения - в двух наиболее важных пунктах, Георгиевске и Екатеринограде, устроил школы, в которые поступали дети кабардинских владельцев и князей; по окончании здесь курса их предполагалось отправлять в кадетские корпуса и выпускать офицерами в армию.

К сожалению, все эти меры не привели, однако, к желаемым результатам, не сделали хищных кабардинцев лучше того, чем они были, и даже напротив, многое пошло в ущерб интересам России.

С уничтожением родовых судов начались подкупы и беспорядки, а духовенство старалось наклонить каждое дело к выгодам единоверной Турции. Разграничение земель вызвало общее неудовольствие на Линии и послужило источником вечных пререканий и споров, оканчивавшихся нередко кровавыми столкновениями. Свободная торговля с кабардинцами вносила в русские пределы не одни товары, а и чуму, которая опустошала целые селения. Мечети и караван-сараи, стоившие казне громадных издержек, стояли пустыми, а в школах хотя и появлялись дети, но отправление их в Петербург ограничивалось единичными исключительными случаями. Широко пользуясь своими привилегиями, особенно по отношению к торговле, кабардинцы не упускали в то же время легчайших способов к наживе и по-прежнему грабили Линию, отгоняли скот и забирали пленных, которых и продавали в отдаленные горы. Именно к этому времени относятся их наиболее кровавые восстания, усмиренные оружием генерала Глазенапа. Об учреждении гвардейского эскадрона, о котором мечтал Цицианов, нечего было и думать, потому что ни один кабардинец не хотел расставаться с родиной. Позже, уже при Гудовиче, Дельпоццо сделал попытку собрать кабардинскую милицию для участия в походе против чеченцев, но

кабардинцы дошли только до Сунжи и здесь обнаружили такие претензии, что сочли за лучшее распустить их по домам. Гудович по-видимому предпочитал систему Потемкина системе Цицианова. По крайней мере он писал Дельпоццо по поводу чеченского похода: "Крайне сожалею, что кабардинцев не пришлось употребить в настоящее дело с чеченцами, ибо вся цель моя была та, чтобы поссорить эти два народа между собой, поселить между ними вражду и этим самым со временем их ослабить".

А так как главной причиной неудачи в походе на чеченцев было нежелание кабардинцев драться против своих единоверцев, то, само собой разумеется, обстоятельство это сильно встревожило и огорчило Гудовича.

"Разве кабардинцы, - писал он Дельпоццо, - забыли свой долг и присягу, по которой обязались быть верными подданными и признавать за своего неприятеля всякого врага России, несмотря ни на единоверие и ни на что другое. Я должен заключить из этого поступка, что ежели турки в нынешнее лето предпримут что-нибудь со стороны Анапы, то кабардинцы также откажутся действовать против них, потому что и турки имеют с ними одинаковую веру, а тогда какая же нам польза от их покорности и подданства?"

Мысли эти были вполне справедливы, и Дельпоццо, пробыв приставом почти семь лет, оставил Кабарду в том же положении, в каком она находилась и прежде. Сдав должность подполковнику Ребендеру, он, летом 1810 года, назначен был шефом Владикавказского гарнизонного полка и комендантом Владикавказской крепости.

На этом месте деятельность Дельпоццо выразилась заботами об улучшении Военно-Грузинской дороги, пустынность которой внушила ему мысль устроить на вершине Крестовой горы мужской монастырь по примеру Сент-Бернардского монастыря в Швейцарии. Прекрасная мысль эта хотя и не осуществилась вполне в той форме, как думал об этом Дельпоццо, но все-таки у северного склона Гудаурского перевала через главный хребет, на месте, называемом Байдара, был учрежден казачий пост и при нем две-три осетинские сакли, сложенные из каменных плит и булыжника. Правительство платило осетинам деньги, а осетины обязывались за это, во время снежных

метелей на перевале, звонить в колокола и оказывать помощь всем запоздалым путешественникам. Место это исстари служило той же цели, и еще царь Ираклий поселил на вершине этой Кайшаурской горы одного осетина с семейством и определил ему содержание; этот осетин не только давал многим убежище во время жестоких холодов и метелей, но извещал проезжающих о временах, в которые переезды опасны, указывал те места, на которые неминуемо должны упасть завалы. Таким образом, в 1800 году, старик спас Кабардинский полк, переходивший горы, предупредив его вовремя об опасности. Князь Цицианов почему-то отказал ему в содержании, и он оставил Кайшаурскую гору. Теперь на этом месте, на высоте восьми тысяч семисот тридцати двух футов над уровнем океана, выстроена казарма, составляющая, после Кодорского укрепления, самый высокий на Кавказе пункт, обитаемый человеком.

Памятником командования Дельпоццо Владикавказским округом осталось присоединение к России ингушского племени, обитавшего в верховьях Сунжи. Еще за год перед этим отношения ингушей к русским были довольно враждебны. Случилось так, что в апреле 1809 года один из осетинских старшин, майор Дударов, имевший большое влияние на народ, был убит близ самой Владикавказской крепости старшиной ингушского племени Ших-Мурзой. Оба они приезжали во Владикавказ, чтобы видеться с родственником Дударова Девлет-Мирзой. Но Дударов почему-то расстроил ингушу это свидание, и тот не был принят Девлетом. Тогда Ших-Мурза выехал из Владикавказа и, дождавшись Дударова на дороге, подскочил к нему верхом и ружейным выстрелом раздробил ему череп. Свита Дударова и казачьи посты, прискакавшие на выстрел, преследовали убийцу, но тот успел уйти в ингушский аул, заперся в башне и стал отстреливаться. Между тем русская пехота, посланная из Владикавказа на подкрепление казаков, заняла аул, и убийца бежал. Его не преследовали, но конвой Дударова, ворвавшись в башню и застав в ней только двух женщин, родственниц Ших-Мурзы, изрубил их и разграбил имущество. Враждебные отношения ингушей не замедлили сказаться частыми прорывами чеченских партий, которые они свободно пропускали через свои владения, но те же самые набеги

послужили, как увидим, и поводом к началу сближения между ингушами и русскими. В июле 1810 года, за несколько дней до приезда Дельпоццо, на Владикавказ напали чеченцы, но были отбиты. Предместник Дельпоццо генерал-майор граф Ивелич преследуя чеченскую партию, подговорил ближайшие аулы ингушей, ввиду возможности большой наживы, отрезать ей отступление. Ингуши, не сообразившие последствий, но соблазненные добычей, согласились, и хищники, попавшие между двух огней, понесли такую потерю, что бросили на месте сражения даже тело своего предводителя, князя Кончокова. Зная, что чеченцы не оставят поступка своих одноземцев без отмщения, Дельпоццо, сменивший Ивелича, уговорил ингушей принять к себе временно русское войско, и подполковник Фирсов, с отрядом в двести человек пехоты и ста пятидесяти человек казаков, с тремя орудиями, занял их главное селение Назран.

Фирсов действительно разбил чеченскую партию, пытавшуюся напасть на Назран, и этим самым сделал примирение между чеченцами и ингушами почти невозможным. Тогда последние, опасаясь новых чеченских нашествий, сами отдалились в подданство России, а их примеру последовало и соседнее осетинское племя дигорцев, обитавшее в горах, в сторону Большой Кабарды. В Назране остался русский гарнизон, удержавшийся там до последнего периода кавказской войны. Не довольствуясь этим, Дельпоццо устроил еще передовое укрепление на самой переправе через Сунжу в Казах-Кичу и предлагал постепенно продвинуть укрепленную Линию вдоль левого берега Сунжи до самого Терека. К сожалению, недостаток средств помешал тогда же осуществить это намерение, и ему суждено было исполниться лишь спустя тридцать лет, во время наместничества князя Воронцова.

Между тем деятельность Дельпоццо обратила на себя особое внимание главнокомандующего в Грузии генерала от инфантерии Ртищева, который и дал ему весьма важное поручение - расследовать причины беспорядков, обнаруженных на Кавказской линии. Дельпоццо отправился с этой целью в Георгиевск и прожил там несколько месяцев. К сожалению, преувеличенные донесения, сделанные им на Портнягина, человека, пользовавшегося в крае вполне заслуженной боевой репутацией; оправдание казачьего

майора Сычова, запятнавшего себя капитуляцией с черкесами - поступком, шедшим вразрез с понятиями всех лучших боевых офицеров Кавказа; излишняя заботливость о сбережениях казны в ущерб довольствию солдат, которых он, Дельпоццо, заставлял работать бесплатно при всех казенных постройках; наконец, вечная мнительность, "заставлявшая его обращать ухо к тому, что ложится мрачной тенью между достойной личностью командира и благородными чувствами подчиненных", - все это вместе не могло стяжать Дельпоццо ни особой любви, ни особой популярности на линии. И если прибавить к этому малое знакомство Дельпоццо с порядком службы и письменными делами, что давало повод к различным злоупотреблениям со стороны его канцелярских чиновников, то становится понятным, почему назначение его на место Портнягина начальником девятнадцатой пехотной дивизии и командующим войсками на Кавказской Линии было принято всеми более нежели холодно.

Линия, в кратковременное его командование, действительно, не только не поправилась, но, напротив, пришла еще в большее расстройство. Началось с чумы, которая, появившись на Михайловском посту, против Малой Абазии, скоро перешла в самый штаб Донского казачьего полка, расположенный в Баталпашинске. Причину появления этой болезни Дельпоццо видел в известной жадности казаков к добыче; но, как справедливо замечает Дебу, чума первоначально проникла на Линию из Кабарды еще в то время, когда Дельпоццо был кабардинским приставом, и с тех пор иногда ослабевала, но никогда не прекращалась совершенно. Рассказывают, что кабардинцы жаловались Дельпоццо на то, что в карантинах задерживают привозимые ими товары, в особенности бурки, и что Дельпоццо, ища популярности, приказал освободить кабардинский товар, задержанный в станице Прохладной, но здесь-то и появилась впервые губительная болезнь. Несвоевременное желание содействовать кабардинской промышленности подвергло опасности даже собственное семейство Дельпоццо. Для соблюдения казенных интересов он, сверх того, в бытность свою владикавказским комендантом, не истребил огнем лазаретных вещей, оставшихся после чумных, и этим способствовал распространению заразы не только во Владикавказе, но и по дороге в Грузию.

Собственно военная деятельность Дельпоццо шла также без особых успехов, и из числа экспедиций за его время замечателен разве только поход в Кабарду, окончившийся, после четырехмесячных переговоров, выдачей кабардинцами аманатов, которые и были поселены в Екатеринограде. Аманаты эти, однако, вскоре составили заговор, но, к счастью, их умысел бежать был вовремя открыт командиром Казанского полка, генерал-майором Дебу, а их открытое сопротивление усмирено оружием. Главый зачинщик заговора, Анзоров, был ранен и умер, а остальные посажены в Кизлярскую крепость.

Дельпоццо предпринимал также поход для наказания джираховцев, обитавших в ущельях по Военно-Грузинской дороге. Но выгодное местоположение, занимаемое этим племенем, медленность движений русского отряда и нерешительность Дельпоццо дали возможность виновным укрыться в горы и оставить после себя лишь одни пустые аулы, которые и были преданы пламени.

Слабое управление Линией привело к тому, что к концу командования Дельпоццо небывалые по дерзости нападения на русские пределы сделали опасными даже большие дороги и сообщения между станциями. В числе крупных событий этого времени нельзя не отметить убийства горцами отставного майора Янковского, жившего на собственном хуторе, и взятия в плен майора Швецова, одного из лучших кавказских офицеров. На требование Дельпоццо возвратить его, горцы отвечали отказом, и несчастный томился в плену до приезда на Линию Ермолова.

Беспорядочное состояние Кавказской линии не скрылось от зоркого глаза нового главнокомандующего. Уважая в Дельпоццо то бескорыстие, с которым он командовал на Линии, Ермолов тем не менее нашел необходимым удалить его под благовидным предлогом. По возвращении из Персии, в начале 1818 года, он назначил Дельпоццо комендантом в Астрахань, сохранив за ним все содержание, которое он получал по званию начальника дивизии.

В Астрахани Дельпоццо пробыл три года и получил в награду за свою долговременную службу орден св. Владимира 2-ой степени. Там он и скончался двенадцатого февраля 1821 года, восьмидесяти двух лет от роду.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Потто В.А.

П 64 Кавказская война: В 5 т.: Т. 1: С древнейших времен до Ермолова. - Ставрополь: Кавказский край, **1994.-672 с.** (Стрижамент: Историческое наследие. Лит.-худож. приложение к газете "Кавказский край", Вып. первый)

ISBN 5-86722-108-3(т.1)
ISBN 5-86722-107-5

Василий Александрович Потто (1836-1911) - талантливый писатель и высокоодаренный историк, обогативший нашу военную литературу бесконечным рядом своих художественных произведений, большая часть которых посвящена Кавказу.

"Кавказская война" в живом, увлекательном изложении напоминает современному читателю о героических эпизодах наших предков, стяжавших славу и гордость доблестной Кавказской армии. Сила и спокойствие, твердость и гуманность - таковы традиции кавказского воина, воспетого художником пера В.А. Потто. Нестор Кавказской войны, Баян военной славы - так звали генерала Потто его товарищи.

В первый том "Кавказской войны" вошли события, охватывающие период с древнейших времен до Ермолова.

П $\frac{4702010100}{Ю91(03)-94}$ Подписное

ББК 63.3(0)5

Литературно-художественное издание

Стрижамент
Историческое наследие
Литературно-художественное приложение
к газете “Кавказский край”

Выпуск I

Потто Василий Александрович
КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА
Том I

Редактор *С. Е. Соловьева*
Художественный редактор *А. Э. Михайлов*
Технический редактор *Г. А. Пронина*
Корректор *О. О. Муха*

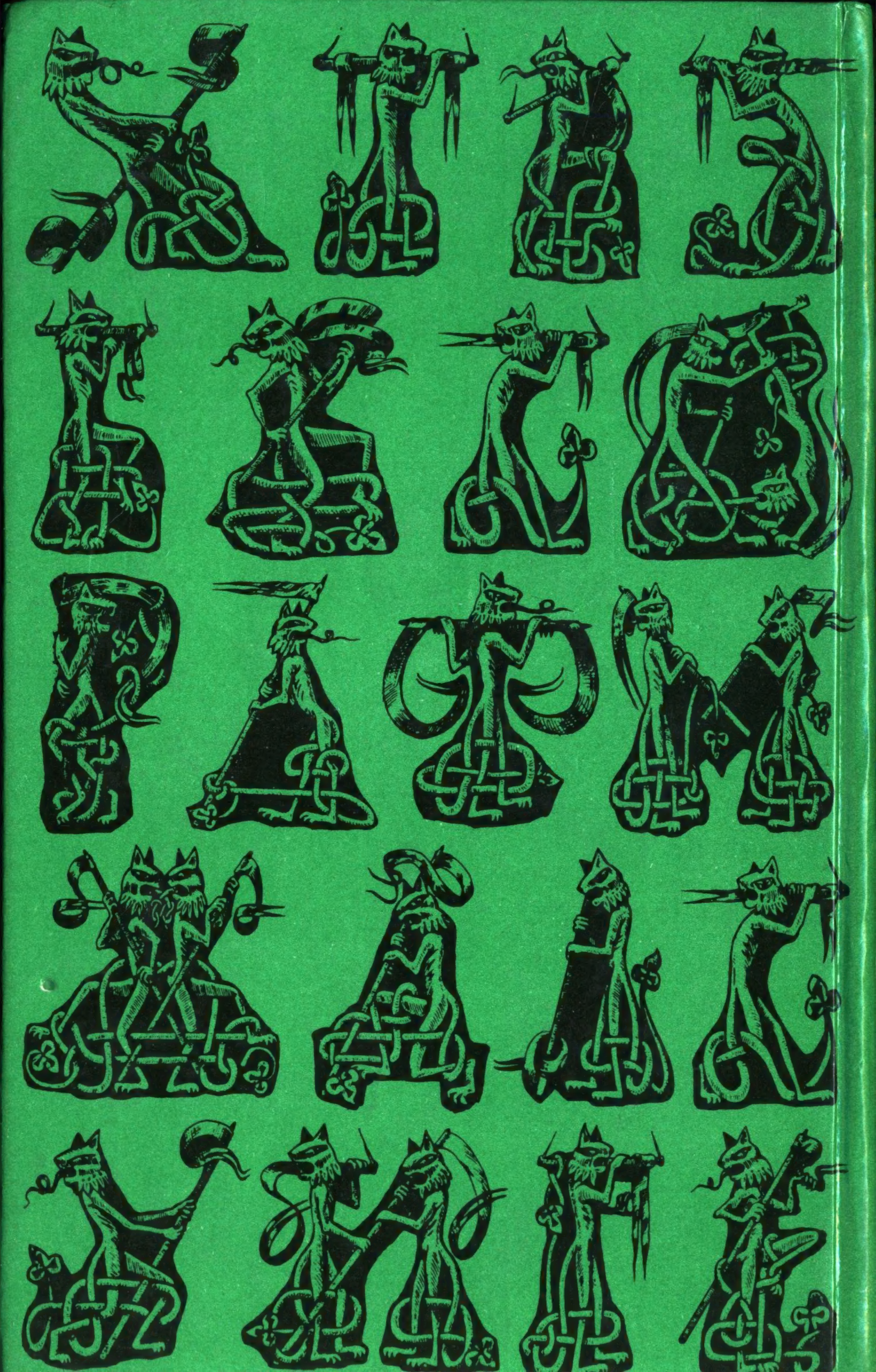
Сдано в набор 24.02.93. Подписано в печать 29.06.94.
Формат 84x108/1/32. Бумага газетная. Печать офсет.
Гарнитура тип-таймс. Усл. печ. л. 35,28. Уч.-изд. л. 33,05.
Тираж 25000. Заказ 3000.

Издательство "Кавказский край", 355037, г. Ставрополь,
ул. Шпаковская, 66.
Отпечатано с оригинала-макета
в издательстве "Самарский Дом печати",
443086, г. Самара, пр. К. Маркса. 201.

21

В. А. ПОТТО
том
1
А
И Н
СТРИЖАМЕНТ